

I. Изящиая словесность

ВАРЕНЬКА ДОЛЕВА. Романъ В. В. Толбина. Часть 1-я. С. 1-72. Стихотворенія: 1. Памятникъ. — И. Д. Хвощинской.

2. Послъ праздинка. В. Г. Бенедиктова. С. 2-3

3. Путевыя впечатленія. — В. Р. Зотова. С. 3-4

п. История и теория ис-ва.

- 1 SH

портретная галлерея современниковъ. Балзакъ. С. 4-28 елена яковлевна сосницкая. Р. М. Зотова. С. 4-6

III. CMecb

1. Корсарство на морв. Разсказъ В. К. Шульца. С. 52.

2. Историческій очеркъ Греческихъ и Генузскихъ поселенійвъ Крыму. Статья Г. С.С.53-62 IV.

COBPEMENHOE.

литература: Гильомъ Кокильяръ, поэтъ XV стольтія.—Народныя англійскія баллады о Робинь-Гудъ.-Гафись Азербейджани, современный персидскій поэть.-Журналь въ Калифорніи. Открытія въ наукахъ и промышлености: Теорія и факты свъта. — Финикійскія древности (изъ письма путешественника Мельхіора Воге).-Новая порода шелковичнаго червя.-Премія за върное средство противъ холеры. — Горная бользнь. — Статистика народонаселенія въ Соединенныхъ Штатахъ. ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА: Сцены и очерки парижской театральной жизни (статья вторая).—Драматическія произведенія Басковь. Анекдоты, замъчательные случан, новости: Восковое насъкомое въ Китаъ. — Пожаръ въ Салонь. —Зажигательныя спички. — Продолжительность жизни. — Мельбурнскій университеть. - Афоризмы писателей, исчислявшихъ недостатки женщинъ. - Переселенія изъ Бадена. Огонь и міазмы. Восхожденіе на Геклу. Китайская ярмарка (изт писемт путешественника Форчюна). - Тюфяки и матрацы изъ напоротника: -- Бълый предводитель между неграми. -- Астрономическое событие въ 1855 году. путешествія и сцены нравовъ: Нъсколько словь о жителяхъ Тибета.-Второе кругосвътное путешествіе Иды Пфейферь. МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И ПОВЪСТИ: Юнга Командора. С. 1-62

Паринская жизнь. Письмо А. Бонавентуры. С.63-92. Лондонская жизнь. С. 23-108

V.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВЪСТІПКЪ. І. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

журналистика.

Двадцать—третья книга «Москвитянина». — Романы и повъсти изъ простонароднаго быта. —Драма г. Потъхина. — Какимъ языкомъ должны говорить низсшія сословія. — Критика «Москвитянина». —Статья г. Сърова о г. Ростиславъ. —Какъ переводятся романы и въ особенности морскіе термины въ «Москвитянинъ». — Первыя книги русскихъ журналовъ. — Стихотворенія «Библіотеки для Чтенія». — Новый хлыщъ г. Григорови а. —Неудавшійся юморъ. —Критика и журналистика. —«Отечественныя Записки». —Стихотворенія г. Щербины и ихъ направленіе. —Природа и человъкъ. —«Пашенька». —«Стрижовыя норы». —Ученыя и критическія статьи. — Смъсь. —«Современникъ». —Стихотворенія его. —Разсказъ Л. И. Т. и комедія И.

С. Тургенева. — Критика. — Серьозныя статьи. — Фельетонъ поваго поэта. С.

виблютрафія.

Правда объ Англін и сказанія с разширеніи владіній ся во всіх в частях всетта.
А. Ромчева. С. 25— ЦО

и. искусства.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Новыя оперы: *Полісвкть*, Донидзетти. — Еще о Верди, по этому случаю, и о сюжетахь итальянскихь оперь.—*Волшебный стрылокь*, Вебера.—Итальянцы и немьцкая музыка.—Постановка Волшебнаго стрыка.—Волчья долина. — Испол-

Оглавление XIX тома. 1855 г. Книжка вторая, февраль. (Продолжение).

Искусства.

- 3. **Музыкальная хроника.** (**Продолжение**): Волчья долина. Исполнители. Разные диковинки в наших музыкальных фельетонах. Статья Серова. (С. 40-57).
- 4. Общественная жизнь: Разгар зимних удовольствий. Катальщики с гор в маскарадных костюмах. - Троичные поездки во вновь открытую арендаторскую гостиницу. - Театральные представления. - Бенефисы: г. Мартынова: «Не так живи, как хочется», драма г. Островского; «Незнакомые знакомцы», шутка г. Оникса; «Я знаю насквозь женщин», комедия, переделанная г. Востоковым. – Нечто о г-же Мартыновой. – «Подвиг матери», эпизод из отечественной войны, в стихах, г. Миллера. - Бенефис г-жи Мила. - «La comtesse du tonneau,» comedie; «La ligne droite», «Un mari qui ronfle», «Un bal en rode de chambre». - Опять маленькая. Театр и песни ее отца. - Русская танцовщица в испанских танцах и по этому случаю кое-что о настоящих испанских танцовщтцах. Бенефис г-жи Иелла. – Несчастный случай с нею. – Успех воспитанниц петербургского театрального училища. – Бенефис г-жи Делагранж. – Новая, еще не сыханная в Петербурге, опера Россини. - Бенефис Н. В. Самойловой: «Русские в 1854 году», драматическое представление в двух актах. - «Проезжий жених». - «Остап Дуля», народная малороссийская шутка с песянми и плясками, сочинение паробка Вариненко. – Новая драма Александра Дюма и его посягательство на чужую литературную собственность. - Подарок г-же Андреяновой от воронежской публики. - Музыкальные слухи о Шульгофе. - Концерт Филармонического общества. - Музыкальный вечер г. Контского. -Натуральный флейтист в Петербурге. – Замечательная перепечатка первых русских ведомостей. - Первые два тома сочинений А. С. Пушкина, изданные г. Анненковым. – Биографический словарь преподавателей московского университета. - История этого университета, С. П. Шевырева. - Гостинодворский поэт. -Патриотическое стихотворение крестьянина Кругликова. -Поздравление русского народа с Новым годом, г. Вердеревского. -Подвиги в Крыму сестер милосердия. (С. 58-79). Петербургские моды. (С.79-80).

V. Московский вестник.

Торжество столетия Московского университета. – Священнослужитель, воспитанник университета. – Вечернее торжественное собрание. – Высочайшая грамота, пожалованная университету. – Рескрипты Их

Императорских Высочеств, Государя наследника Цесаревича, Великого князя Константина Николаевича и Великой княгини Марии Николаевны. - Адреса депутатов разных ученых русских обществ. - Речь профессора Шевырева и строфы его, положенные на музыку А. Н. Верстовским. -Официальный университетский обед. - Семейный обед студентов, новая речь профессора Шевырева и несколько слов академика Погодина. -Вечер попечителя Московского учебного округа. - Обед, данный графом А. А. Закревским. – Частные дружеские вечера профессоров: П. М. Леонтьева и подарок, розданный хозяином: профессора Т. И. Грановского. – Танцевальный вечер М. П. Погодина и речь о Ломоносове; вечер профессора А. И. Драшусова. - Отбытие министра. -Общественные увеселения Москвы. - Мода на домашние спектакли. -Возникающая страсть к спектаклям в Замосковречьи. – Успех пьес г. Островского в этой местности, по появления иногда в них оригиналов вместо копий. - Нововведение в маскарадах. - Новые цыганские песни, производящие фурор. – Троечные прогулки. – Эрмитаж и его скучающий ледяной дом. – Певица Роффи. – Гитарист Соколовский. – Несбывшееся ожидание капельмейстера Гунгля. - Гулянье под Новинским. (С. 1-14).

VI. Репертуар русской сцены. № 2.

Муж в отлучке. Комедия в одном дейтсвии. Переделанная с французского Ф. Анатолиным. (С. 1-26).

HAHTEOHTS

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРИО-ХУДОЖЕСТВЕЙНЫЙ,

18184 9915-

издаваемы іі

O. A. Konn.

TONE NEX.

ФЕВРАЛЬ. — КНИЖКА ВТОРАЯ.

1855.

CAHRTRETEPBYPT'S.

PARTY FILE TO AT PRINCIPLES OF THE PROPERTY OF

dilloatination

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тъмъ, чтобы по напечатанія представлено было въ Ценсурный Комптеть узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 17-го Февраля 1855 года.

> Ценсоръ Ю. Шидловскій, О Ценсоръ Н. Ахматовъ

ОГЛАВЛЕНІЕ ХІХ ТОМА.

1

Лучшая женщина въ міръ. Повъсть С. С. (Кн. 1).

Комедія въ оперъ. Разсказъ въ пяти нредставленіяхъ, В. Р. Зотова (Кн. 1).

Варинька Долева. Часть первая. В. В. Толбина. (Кн. 2). Стихотворенія: (Кн. 2).

- 1. Памятникъ. Н Д. Хвощинской.
- 2. Послъ праздника. В. Г. Бенедиктова.
- 3. Путевыя впечатленія. В. Р. Зотова.

II.

Портретная галлерея современниковъ. Сирнъъ. (Ки. 1).

— / Бальзакъ. (Кн. 2).

Елена Яковлевна Сосницкая. Р. Зотова. (Кн. 2).

III.

Очерки Жинуди. Описаніе страны, ен правовъ, языка и пъсень Стат П. М. Древлянскаго. (Ки. 1).

Штабсъ-капитанъ Свищовъ. Разсказъ П. И. Небольсина. (Кн 1). Земля и Звъзды. П. М. Новосильскаго. (Кн. 1).

Матеріялы для Исторін телтра въ Россін, собранные Г. Геннади. (Кн. 1).

Корсарство на моръ. Разсказъ В. К. Щульца. (Кн. 2). Которический очеркъ греческихъ и генуззскихъ поселений въ нагорной части Крыма. Статья Г. С. (Кн. 2).

COBPEMENHOE.

антература: Риг-Веда и гимны Индусовъ.-Просперъ Мериме. (Статья Густава Планша). (Кн. 1). Гильомъ Кокильиръ, поэтъ XV стольтія — Народныя англійскія баллады о Робинъ-Гудь. -- Гафисъ Азербейджани, современный персидскій поэтъ. - Журналъ въ Калифорніи. (Кн. 2). тват-Ры, музыка, всиусство: ; Сцены и очерки парижской театральной жизни. (Статья первая и вторая). (Кн. 1 и 2). Драматическія произведенія Басковъ. (Кн. 2). открытія въ наукахъ и промышлености: Искусство дышать. — Аппарать для осмотра газопроводныхъ трубъ. — Цементъ, неразрушаемый морскою водою. — Изследование цвъта розъ. — Ученый конгрессъ въ Ливерпулъ. — Гіероглифы и гвоздеобразныя надиист — Задача конкурса германскихъ врачей. (Кн. 1). Теорія и факты свъта. — Финикійскія древности (изъ письма путешественника Мельхіора Воге).-Новая порода шелковичнаго червя. - Премія за върное средство противъ холеры. - Горная бользиь. Статистика народонаселенія въ Соединенныхъ Штатахъ. (Кн. 2). анендоты, заперчательные случан и новости: Водолечебное заведение въ замкъ Исси. (Изъ письма путешественника). - Китайскія пословицы о женщинахъ. — Сохраненіе піявокъ. — Праздникъ любителей живописи. (Кн 4). Восковое насъкомое въ Китаъ. — Пожаръ въ Саленъ. — Зажигательныя синчки. — Прододжительность жизни. — Мельбурнскій университеть. - Афорисмы писателей, исчислявшихъ недостатки женщинъ. -**Переселенія изъ** Бадена. — Огонь и міазмы. — Весхожденіе на Геклу. — Китайская ярмарка (изъ писемъ путешественника Формона).-Тюфики и матрацы изъ паноротника. —Бѣлый предводитель между неграми. — Астрономическое событие въ 1855 году. (Ки. 2). путешествия и сцены нравовъ: Бълые и Черные на Антильскихъ островахъ (изъ воспоминаній туриста). (Кн. 1). Нісколько словь о жителяхь Тибета. -Второе кругосвътное путемествіе Иды Пфейферь. (Кн. 2). мелки РАЗСКАЗЫ И повъсти: Крокодилъ и ученый (естественная и неестественная исторія). - Любовь и золото. (Разсказъ Мери). (Кн. 1). Юнга Командора. (Кн. 2).

Парижская жизнь. Письма А. Бонавентуры. (Кн. 1 и 2). Пондонскія письма. (Кн. 1 и 2).

петербургскій въстинкъ.

I. ЛИТЕРАТУРА.

журналистика: Литературный годъ. — Обзоръ произведеній прошлаго года по разнымъ отраслямъ Словесности. - Повъсти и разсказы. - Святки и перелетныя птицы. —Ольга Н*, Евгенія Туръ и Тургеневъ. —В. Крестовскій. — Л. Н. Т. и Писемскій. — Бъдность «Москвитянина» и «Библютеки для Чтенія» по отделу Русской Словесности. —Григоровичь, Потехниъ и Вонлярлярскій.—«Біздность не норокъ».—Мей и Алферьевъ. - Драматическая литература въ Петербургъ и въ провинціяхъ. -Беллетрическія статьи.—«Десять літь на Кавказі», составленныя по статьямъ Мельницкаго и Щегрена. — «Горькая доля», госнодина Моллера. -Легкіе разсказы во всёхъ журналахъ и въ Пантеонъ.-Переводные романы и нов'всти. — «Холодный домъ». — Переводные разсказы въ журналахъ. — Стихотворенія г. Тютчева. — Переводъ «Слова о полку Игоревь». — Баратынскій, гр. Толстой, Некрасовь, Феть, Майковь, Полонскій. — Мъщанинъ Никитанъ. — Князь Ваземскій. — «Дурочка Дуня». — Стихотворенія въ Пантеонъ. — Патріотическія стихотворенія и развитіе поэзін. Ученыя произведенія. Сборники, издаваемые правительствомъ. - Книги по отдълу математическихъ наукъ, путешествій, исторін литературы и филологін. — Серьозныя статьи въ журналахъ. — Ивсколько словъ о «Пантеонв», о письмаже и приложениять его, въ отвъть на замъчанія «Отечественных» Заинсокъ» и «Библютеки для

Чтенія».—Желанія русскимъ журналамъ на новый годъ. (Ки. 1). Двадцать-третья книжка «Москвитянина».—Романы и повъсти изъ простонароднаго быта.—Драма г. Потъхина.—Какимъ языкомъ должны говорить низшія сословія.—Критика «Москвитянина».—Статья г. Сърова о г. Ростиславъ.—Какъ переводятся романы и вообще морскіе термины въ «Москвитянинъ».—Первыя книги русскихъ журналовъ.—Стихотворенія «Библіотеки для Чтенія».—Новый хлыщъ г. Григоровича.—Неудавшійся юморъ. — Критика и журналистика. — «Отечественныя Записки».—Стихотворенія г. Щербины и ихъ направленіе.—Природа и человъкъ.—«Пашенька».—Стрижовыя норы.—Ученыя и критическія статьи.—Смъсь.—«Современникъ».—Стихотворенія его.—Разсказъ Л. И. Т. и комедія И. Тургенева.—Критика.—Серьозныя статьи.—Фельетонъ новаго поэта. (Кн. 2).

виблюграфія. Правда объ Англіи и сказанія о расширеніи владеній ея во всехъ частяхъ света. А. Ромчева. (Кн. 2).

II. искусства.

музыкальная критика. — Новости сезона: вновь поставленныя оперы на Итальянской сцент: «Сафо» — Пачини и «Сивардъ Саксонецъ» — Верди. (Кн. 1).

Новыя оперы: Полієвкить, Донизетти.—Еще о Верди, по этому случаю, и о сюжетахъ итальянскихъ оперъ.—Волшебный стрилокъ, Вебера.—Итальянцы и нъмецкая музыка.—Постановка Волшебнаго стрълка.—Волчья долина. — Исполнители. — Разныя диковинки въ нашихъ музыкальныхъ фельетонахъ. Статья А. Строва. (Кн. 2).

общественная жизнь.

Подраздъление времени года у разныхъ народовъ. -- Обычан новаго года: визиты, стихотворныя поздравленія. — Одинъ изъ образцовъ стихотворныхъ поздравленій и итчто при этомъ о вечерахъ Благороднаго Собранія. - Извъстіе о визитныхъ карточкахъ новаго рода. - Женщина-великанша. — Новые подарки къ новому году. — Потишоманическія дампы Кумберга. — «Статистико-географическая таблица» г. Артемовскаго. — Маскерады и концерты. -- Университетскіе концерты. -- Прощальный концертъ г. Чіарди. - Драматическія новости. - «Ветеранъ и новобранецъ», г. Писемскаго. - Бенефисы гг. Лемениль, Мондидье и Мора: «Оселокъ», комедія въ 5 действіяхъ, «Двадцати-летніе философы», «Молодость Лудовика XIV», «Маркитантка», г. Кукольника въ нъмецкомъ переводъ. - Успъхи малолетной артистки на Михайловскомъ театръ. — Открытіе новаго цирка въ Петербургъ. — Музыкальныя пьесы и пять маршей жены Омера-Паши. - Краткая исторія Общины Сестеръ Милосердія. — Поводка г. Тимма въ Крымъ. — Двятельность нашей Американской компаніи. —Юбилей Н. И. Греча. —Ръчи и стихи юбилея. —

Біографическій очеркь юбилара. — Петербургскія моды. (Кн. 1). Разгаръ зимнихъ удовольствій. — Катальщики съ горъ въ маскерадныхъ костюмахъ. — Троичные поъзды во вновь открытую аревдаторскую гостиницу. — Театральныя представленія. — Бенефисы: г. Мартынова: «Не такъ живи какъ хочется», драма г. Островскаго; «Незнакомые знакомцы», шутка, г. Оникса; «Я знаю насквозь женщинъ», комедія, передъланная г. Востоковымъ. — Нъчто о г-жъ Мартыновой. — «Подвигъ матери», эпизодъ изъ отечественной войны, въ стихахъ, г. Миллера. — Бенефисъ г-жи Мила. — «La comtesse du tonneau», comedie; «La ligne droite», «Un mari qui ronfle», «Un bal en robe de chambre» — Онять маленькая Тетаръ и иъсни ея отца. — Русская танцовщица въ испан-

скихъ танцахъ и по этому случаю кое-что о настоящихъ испанскихъ танцовщицахъ. — Бенефисъ г-жи Іелла. — Несчастный случай съ нею. — Успъхъ воспитанницъ петербургскаго театральнаго училища. — Бенефись г-жи Делагранжъ. - Новая, еще неслыханная въ Петербургъ, опера Россини. - Бенефисъ Н. В. Самойловой: «Русскіе въ 1854 году», драматическое представление въ двухъ актахъ. —«Проъзжий женихъ». -«Остапъ Дуля», народная малороссійская шутка съ пъснями и плясками, сочинение паробка Вариненка. - Новая драма Александра Дюма и его посягательство на чужую литературную собственность. — Подарокъ г-жъ Андреяновой отъ воронежской публики. — Музыкальные слухи о Шульгофъ. — Концертъ Филармоническаго общества. - Музыкальный вечеръ г. Контскаго. — Натуральный флейтистъ въ Петербургъ. —Замъчательная перепечатка первыхъ русскихъ въдомостей. — Первые два тома сочиненій А. С. Пушкина, изданные г. Анценковымъ. - Біографическій Словарь преподавателей московскаго университета. - Исторія этого университета, С. П. Шевырева. - Гостинодворскій поэть. —Патріотическое стихотвореніе крестьянина Кругликова. — Поздравление русскаго народа съ Новымъ годомъ, г. Вердеревскаго. -Подвиги въ Крыму Сестеръ Милосердія. — Петербургскія моды. (Кп. 2).

московскій въстникъ.

Торжество стольтія Московскаго университета. — Священнослужитель, воспитанникъ Университета. Вечернее торжественное собрание. Высочайшая грамота, пожалованная Университету.-Рескрипты Ихъ Императорскихъ Высочествъ, Государя Наследника Цесаревича, Великаго Князя Константина Николаевича и Великой Княгини Маріи Николаевны. Адресы депутатовъ разныхъ ученыхъ русскихъ обществъ.
 Ръчь профессора Шевырева и строфы его, положенныя на музыку 'А. Н. Верстовскимъ. — Офиціальный университетскій объдъ. — Семейный объдъ студентовъ, новая ръчь профессора Шевырева и нъсколько словъ академика Погодина. Вечеръ попечителя Московскаго учебнаго округа. — Объдъ, данный графомъ А. А. Закревскимъ-- Частные дружеские вечера профессоровъ: П. М. Леонтьева и подарокъ, розданный хозяиномъ; профессора Т. И. Грановскаго. — Танцовальный вечеръ М. П. Погодина и рѣчь о Ломоносовъ; вечеръ профессора А. И. Драшусова. - Отбытіе министра. — Общественныя увеселенія Москвы. — Мода на домашніе сцектакли. — Возникающая страсть къ спектаклямъ въ Замоскворічьи. Уситуть ньесъ г. Островскаго въ этой мъстности, по случаю появленія иногда въ нихъ оригиналовъ вмѣсто копій. — Нововведеніе въ маскерадахъ. — Новая цыганская ивеня, производящая фуроръ. — Троечныя прогулки. — Эрмитажъ и его скучающій ледякой домъ. — Пввица Роффи. — Гитаристъ Соколовскій. — Несбывшееся ожиданіе капельмейстера Гунгая. — Гулянье подъ Новинскимъ. (Кн. 2).

, and the contract of the contract $\mathcal{M}_{ au}$, the contract of the contract $\mathcal{M}_{ au}$, the contract of the contract $\mathcal{M}_{ au}$

Contract - The contract - Brenton

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

минихи, или свана въ бороду, а бъсъ въ ребро. Оригинальная комедія въ одномъ дъйствів. Соч. К. Вильде. (Кн. 1).

мужъ въ отлучат. Комедія въ одномъ дъйствін. Передъланная съ французскаго Θ . Анатолинымъ. (Кн. 2).

-comenta con (se estamblica). El 1, 5 estamblica permite comerce deposité é estamble - estamblica que en entre objetir el mar el contra de contra de contra de contra de contra de contra de contra - en estamblica que en el contra de cont

opened coulds. I man norman. —Il wormy appropries on a country of their

- i penja distributa di propinsi di propinsi presidente di pendenti di pendent

end apply assessed a minimality proceedings as it was a minimal

College reconstruction of the Alexander of the second product specifies and the action of the action

- DESCRIPTION OF THE PROPERTY OF THE PROPERTY

The manufacture the all the A. A. Chemena, courselled the

due no comprese de la companion de la companio

Frankla & Atomer norther.

BREWINSHIEST, Troblems on Social and serial norther an inquire some and require some and recommended and the serial seria

вареньна долева.

egounts(d) egylineniquistion you out me influes and area outlines. A

Алистову в компрант почтанось данно парочесть дакаме жаги, один гольго воссиланские обочы парачих тарарический бългаледы. пое се ја ча сталбакио кута. Паворашек плекора пелалей, из-

emente de emenora oronaros rentros os cuosa trono, er anya

нъкоторыя происшествія, предшествовавшія рожденію Вареньки, служащія вмъсто вступленія.

Село Вороньи-Гитада, не смотря на свое неслишкомъ поэтическое названіе, помъстье преживописное и преустроенное, хотя очень, очень небольшое. Расположенное на отлогой горъ, оно издалека начинаетъ мелькать предъ глазами пробажаго, съ свомаленькою деревянною церковью, десятками тремя крестьстроеній и вътряною мельницей. Мельница эта особенно бросается въ глаза: она постоянно машетъ крыльями и будто наскучивъ видомъ все тъхъ же предметовъ и лицъ, длинными, неуклюжими руками, еще издали зазываетъ перепутье въ низенькій господскій домикъ, CRPOMвыглядывающій на дорогу изъ-за густой чащи окружаю-ЩИХЪ его липъ и сиреней. Долго не встръчая ничего, кромъ тощихъ березъ и сосенъ, окаймляющихъ объ стороны овражистаго пути, взглядъ путешественника останавливается на уютномъ фасадъ этого барскаго жилья, съ какимъ-то удвоеннымъ

вниманіемъ. Особенно случается это тогда, когда въ темную, холодную зимнюю ночь, маленькія окна его блистають яркими, привътливыми огоньками, изъ трубъ вылетаетъ красноватый дымокъ, и весь онъ, выдвинувшись изъ окружающаго его отбросить отъ себя золотистую тынь на покосившійся немного на бокъ постоялый дворъ, смежный съ его строеніемъ. Мятелка изъ перекати-поле, повъщанная на длинномъ шестъ, постоянно хрюкающія необыкновенно жирныя свиньи, куры, бъгающія толнами туда и сюда и подбирающія разбросанныя по земль овсяныя зерна, ясно свидьтельствовали, что въ этой уелиненной средъ всякій могъ найдти себъ пріють, тепло и хлъбъ--соль. А между тъмъ, не смотря на всю эту гостепримную обстановку, на отдаленность другаго постоялаго двора и на бъгущую мимо самаго барскаго дома окольную дорогу, къ большому помъстью Алмазову, въ которомъ помъщикъ давно, впрочемъ, ужъ не жилъ, одни только крестьянскіе обозы изрідка заворачивали въ маленькое село со столбоваго пути. Покормивъ наскоро лошадей, извощики обыкновенно спѣшили, для новаго роздыха, къ находившемуся на дорогь кабаку, не обращая никакого вниманія на миловидную дівическую головку, которая съ какимъ-то радостнымъ дюбопытствомъ припадала къ потемнёлымъ оконнымъ стекламъ и долго, долго разсматривала новыя, еще невиданныя ею лица. какъ бы желая дать имъ знать о своемъ существовании въ такой глуши.

Какъ, право, жаль, что село Вороньи-Гитала такъ далеко отъ Петербурга; будь это иначе, оно не обобралось бы посттителей, и если они только не принадлежали къ числу тта госнодъ, которые заглядывають съ равнымъ участіемъ подъ вст женскія шляпки, сердце ихъ проникнулось бы такимъ же сожалительнымъ чувствомъ, какимъ проникается просвъщенный любитель изящнаго, когда ему случится увидтъ гдт нибудь въ забытът и заброст какое нибудь превосходное произведене даровитаго художника. Одтую въ бъдное ситцевое платьице, неподвижно преклоненную къ тусклому стеклу, дъвушку эту и въ самомъ дълъ можно было сравнить съ граціозною Грезовскою головкой, вставленной въ недостойную ее, ничтожную рамку. Она была бълокура и худа; носикъ ея былъ немного вздернуть, овалъ лица не совстять прави-

ленъ, но всъ эти недостатки съверной физіономіи исчезали при взглядъ на ея большіе, южные глаза. Выраженіе ихъ было такъ кротко, такъ младенчески-чистосердечно, что можно было смѣло ручаться, что ни одна неправедная греза не западала въ эту благородную женскую головку. Всматраваясь въ нее внимательнъе, можно было бы также замътить, что съ ея личика уже успъла сбъжать розовая краска жизни, что ея голубымъ глазамъ были уже знакомы многія безсонныя ночи, и что ея прекрасноочерченныя, побліднівшія губки иміли, кажется, странную особенность даже грустно улыбаться и тогда, когда сердце ея наполнялось ощущениемъ радости. По всемъ чертамъ ея было разлито выраженіе какой-то спокойной рѣшимости — безмолвная покорность своей участи, непоколебимое убъждение души, которая, безъ всякой надежды на торжество, давно приняла вызовъ на битву противъ нужды и существенности. Но я уже сказаль, что замъчать всъхъ этихъ особенностей было ръшительно не кому и нъкогда.

Въ самомъ дълъ, вокругъ села Вороньи-Гитада все было пусто и безлюдно на десятки версть. Въ деревняхъ, находившихся въ окружности, помъщиковъ не было, и потому о существовани этого благоустроеннаго имънія, служащіе и купцы отдаленнаго утаднаго города имъли почти такое же темное понятіе, какое имъютъ новъйшіе географы о центральной Африкъ.

Изъ постороннихъ лицъ, не принадлежавшихъ къ тому округу, въ которомъ Вороньи-Гиѣзда красовались какимъ-то отраднымъ оазисомъ, только одни новые, проѣзжавшіе куда нибудь мимо, выказывали любопытство имѣть нѣкоторыя подробности о маленькомъ господскомъ домикѣ и его обитателяхъ. Пріостановившись на пѣсколько минутъ передъ колодцемъ, чтобъ напоить лошадей, и замѣтивъ какого нибудь мужика, вышедшаго изъ воротъ постоялаго двора, они подзывали его къ себѣ и наименовавъ, за незнаніемъ собственнаго имени, какимъ-нибудь сравнительнымъ, по особымъ наружнымъ признакамъ, обратившимъ ихъ вниманіе: —волчьей шапкой, тулупомъ, бородою, носомъ и тому подобнымъ, смотря по тому, какой предметъ выступалъ болѣе на видъ, вступали въ непродолжительный разговоръ и то, впрочемъ, почти-что въ родѣ слѣдующаго:

- Эй, ты, чье село?
- Помъщицы Долевой, ваша милость, Марья Петровна прозывается.
  - А, такъ стало быть, барыни!
  - Барыни, сударь, барыни.
  - А баринъ есть или нътъ?
- Нътутка, батюшка, совсъмъ таки нътъ; давно ужъ изволили помереть.
  - Гм; такъ стало быть она вдова?
  - Какъ изволите говорить, милостивецъ.
  - Гм, бездътная или дъти есть?
  - Дѣвчура только одна, кормилецъ.
  - Гм, велика?
- Да какъ бы тебѣ, ваше благородіе, доложить, чтобъ не соврать: въ ее лѣта, въ нашемъ быту, въ прежніе годы давно бъ за свое собственное хозяйство посадить пора, а какъ она себѣ тамъ, истинно—про то хорошо сказать тебѣ не умѣю, и хвастать нечего. Какъ помнится, должно лѣтъ пятнадцать полагать, а можетъ быть больше, можетъ быть меньше, про то Господь вѣдаетъ. Барину-то нашему, вишь ты, Виктору Александрычу-то, то-есть мужу-то барынину, предъ госпожинками ровно четырнадцатый годокъ минетъ, а барышня-то послѣ него годовалая осталась. Сосчитайте, оно такъ и должно быть.
  - Гм, зажиточная?
- Барыня-то? да слава Богу! отъ заботъ никогда еще ее круто не подводило; всъмъ у себя довольна; вотъ еще недавно такъ благополучно въ городъ свой барскій овесъ продала, что на зависть всъмъ намъ, да и и только.
  - Гм, такъ стало быть, ужъ и женихи есть на примътъ?
- Куда женихи, ваше благородіе, вишь-ты, какой кругомъ неурожай на господъ, всѣ аль въ столицахъ, аль въ резиденціяхъ живутъ. Какіе женихи!
  - Однако же, душъ порядочно?
- Душъ-то, порядочно ли? Да какъ бы тебъ опять признательно доложить, чай десятковъ шесть, пожалуй-что со всъмъ бабьемъ-то и насчитаешь; точно, право-слово, насчитаешь; анъ нъть! вотъ я тебъ, кормилецъ, и совралъ; онамеднись у насъ

одна старушечка выбыла, да ту, пожалуй, и считать было нечего, почти что разсыпавшись годка три ходила, и семейства никого, и прочее такое; Маланья прозывалась, если, вашей чести, не случалось о ней слышать. Воть еще у насъ два человъка въ городъ ремесламъ обучаются...

Но дальнъйшія подробности о благосостояніи Марьи Петровны и потокъ крестьянской словоохотливости обыкновенно прерывались замъчаніемъ:

— Все это хорошо, но не о томъ рѣчь. А отъ чего это у васъ на колодцѣ колесо-то такъ виляетъ, а? того и гляди, что кому-нибудь лобъ прошибетъ; тогда только видно и примитесь возиться да ахать, а до этого чай и затылка не догадаетесь почесать; все вѣрно на авось живете. Мамку, что-ли за вами ставить, а?

Послѣ появленія какого-нибудь новаго лица или экипажа въ ея имѣніи, Марья Петровна всегда изъявляла сильное любопытство, тотчасъ же посылала за говорившимъ съ пріѣзжими мужичкомъ, и въ свою очередь начинала разспрашивать:

- Никакъ у насъ кто-то чужой провзжаль, или мив только такъ показалось?
  - Проъзжалъ, матушка.
- То-то, я какъ-будто кого-то видѣла. А кто такой, не въ домекъ тебѣ будетъ?
- Да должно быть не то становой, не то исправникъ, а можетъ быть и другой кто.
- Воть и вышель глупь! столько-то я и сама знаю; что мнь, посль того и спрашивать тебя было, оть хозяйства себя отрывать. Эхъ, всъ вы, право! Ну, что же, онъ тебя, небось, того...
  - Было дёло, матушка!
  - Что же такое примърно?
    - Да воть, примърно, кто мы.
    - Хорошо, а послъ?
    - Да что у насъ, да какъ мы...

При такомъ отвътъ Марья Петровна обыкновенно возвышала немного голосъ и прерывала:

— А ты, чай, туть все и пошель себь начистоту говорить!

Что кому за нужда постороннему знать, что у насъ, и какъ мы. Больно любопытны! У меня, прошу, другой разъ душу-то всю свою невыкладывать, а то, пожалуй, пойдуть себѣ въ гости ѣздить, или, что еще хуже, по вашей же милости, хаить повсюду стануть: то моль у нихъ не такъ, того-то нѣтъ. У меня, прошу, другой разъ, отвѣчать запросто: помѣщица, моль, Марья Пвановна, село-Вороньи-Гнѣзда, а что у насъ прочаго, про то сама лишь барыня знаеть, или укажи на Топчугова; ужъ тотъ тотчасъ всякую птицу по полету узнаетъ, и пальца въ ротъ не положитъ. Намъ, пойми ты, лишнихъ знакомствъ ненужно; отъ лишнихъ знакомствъ только одна убыль, а вы вѣдь знаете, что у меня дочь растетъ, лучше ей что-нибудь лишнее припасти чѣмъ чужимъ отдать.

Добрая Марья Петровна, нужно замътить, очень боялась всякихъ экстренныхъ знакомствъ.

Такими же или почти что такими вопросами, какъ и вопросы пробажаго, ограничивалось любопытство и прочихъ не многихъ профажихъ, съ тою только разницею, что они спросивъ объ одной фамиліи пом'єщицы, р'єшительно уже не заботились узнавать ин о какомъ благоустройствъ въ Вороньихъ-Гиъздахъ, единственномъ тепломъ гитадъ Марын Петровны Долевой. Прочіе отдаленные помъщики того увзда, въ которомъ находилось это маленькое имбніе, также такъ мало заботились и желали знать существуеть оно, или изть, какъ-будто Вороныи-Гиззда были какой-нибудь, незаслуживающій вниманія бугорокъ, вскочившій на земной поверхности ихъ довольно общирнаго участка. На распросы прібажихъ къ нимъ гостей, помѣщики, пересчитавъ всь довольно значительныя именія, говорили объ усадьбе Марын Петровны такъ легко и небрежно, какъ будто позабыли включить въ свой разсказъ какую-нибудь ничтожную запятую, безъ которой; не уничтожая нисколько никакого смысла, очень и очень можно было обойтиться.

Поручица Марья Петровна Долева была женщина уже довольно пожилая, хотя совершенно бодрая и здоровая, захватившая своею жизнію послѣдніе три или четыре года восемнаднатаго стольтія. Все семейство ея ограничивалось одною дочерью Варенькой,

Она осталась у Марын Петровны одна, какъ перстъ, изъ прочихъ дътей, и потому была будто какимъ идоломъ своей матери. На ней одной сосредоточила Долева всю свою нъжность, всъ попеченія н цъль, и, сварливый со всъми прочими домашними характеръ ея, дълался всегда угодливымъ, иногда будто какъ-то даже робкимъ, предъ какимъ-нибудь настойчивымъ капризомъ ребенка. Варенька и хозяйство, хозяйство и Варенька-были двумя первенствующими, и, чуть-ли не единственными помыслами Марьи Петровны Долевой. Марья Петровна была для дочери сама и кормилицей, и нянькой, до тъхъ поръ, покуда Варенька не начала порядочно бъгать, безъ носторонней помощи и царапать Марью Петрович, что доставляло ей не малое удовольстве и заставляло предполагать въ ребенкъ самыя счастливыя умственныя способности. Балованная малютка росла, дълала почти все, что хотъла, и радуя мать своими дътскими шалостями, зароняла иногда въ ея воображеніе самыя отрадныя грезы о своей будущности. Неизв'єстно какъ и по какому умственному процессу, но ея довольно неизобрътательная и тупая фантазія создавала въ иныя минуты, самый причудливый и блестящій міръ. Среди полновластной области мечты, помъстье ея вдругъ, неизвъстно почему, начинало распространяться, крестьяне плодились въ прогрессіп необычайной, домъ выросталь вь четыре этажа, наполнялся роскошью, окружался огромнымъ садомъ; сундуки домились отъ серебра, золота и драгоцънныхъ камией, и среди всего этого довольства мелькала Варенька, уже взрослая, принимая видъ безукоризненной красоты, типъ которой Марья Петровна сознавала по находившемуся у ней, гравированному портрету герцогани де Лавальеръ, хотя время, ныль и мухи очень много убавили его пастоящаго совершенства. Материнское воображение стоить иногда самаго пылкаго, лоэтическаго. Мары Петровн случалось иногда впадать, среды подобныхъ грезъ, просто въ какой-то горячешный бредъ, и въ ушахъ ея начинали раздаваться звуки разныхъ голосовъ. До нее долеталь неизвъстно откуда, восторженный, общій вопрось:

- Кто эта красавица?
- Это Варенька Долева.
- Неужели дочь Марын Петровны, этой богачки?
- Она самая.

Ахъ какая образованная, милая дъвушка!

Видінія ділались все ярче и разнообразніве. Марья Петровна виділа уже вокругъ Вареньки густую толпу мужчинь, и всі они были боліве нли меніве чиновны, богаты, знатны. Сердце Долевой начинало тогда биться сильно и отрывисто. Не простывь еще отъ обаятельнаго впечатлінія, она, безъ всякой видимой причины, схватывала ребенка въ свои объятія, душила полными руками, гляділа дочери восторженно въ глаза своимъ, обыкновенно оловяннымъ взоромъ, но въ такія минуты покрывавшимся будто какимъ—то масломъ, ціловала и твердила прерывистымъ отъ сильнаго ощущенія голосомъ:

— О, ты мое несгараемое сокровище! Сколько бы матерей стали мнъ завидовать, еслибъ знали какой у меня вырастаеть яхонть!..

Восклицанія эти прерывались новыми пламенными поцълуями, между-тьмъ какъ несгораемое сокровище и яхонть, привыкнувъ и уже наскучивъ такими ежеминутными порывами материнской нъжности, старалась освободиться, мяла и сворачивала на сторону, и безъ того недовольно красивый чепецъ Марьи Петровны, билась ноженками объ ея кольна и восклицала плаксивно:

- Ахъ, да пустите меня, какія вы право, скучныя, маменька, вы, кажется, хотите меня нынче до смерти зацъловать!
- Тс! кротко прерывала ее Марья Петровна, развѣ такъ слѣдуетъ отвѣчать матери, Варенька? Вотъ если ты будешь всегда отвѣчать такимъ образомъ, тебя ни какой порядочный человѣкъ замужъ и не возьметъ!

Варенька дълалась немножко тише, ноженки ея переставали биться и брови слегка сходились. Играя въ куклы съ дворовыми дъвочками, которыхъ приводили въ господскій домъ предварительно умывъ и причесавъ какъ слъдуетъ, Варенька уже имъла о словъ замужство понятіе, соединяющее съ собою нъчто важное, новое и веселое, и потому не имъя нужды въ поясненіи этого слова, обращалась къ матери съ вопросомъ о томъ, чего вовсе не постигала:

- А что такое, порядочный человѣкъ, маменька? спрашивада она, нѣжно обрамивъ рученками щеки Марьи Петровны.
  - Что такое порядочный человъкъ? повторяла Долева, мя-

лась немного, и не находя лучшаго, доступнаго, по ея мивнію, для понятія ребенка опредвленія, отвівчала:

- Ну, вотъ, напримъръ, князь, графъ, важное лицо какоенибудь, душенька.
- Графъ, князь, повторяла дѣвочка, а это что же такое, мамашечка?
- Ну, моя радость, прерывала ее Марья Петровна, ты мив такой странный и глупый вопросъ двлаешь, который и крестьянская двиченка не сдвлаеть. Какъ тебв растолковать?.. Ну, однимъ словомъ, это все такія особы, которыхъ всв знають, уважають, у которыхъ все есть, чего хочешь того и просишь. Поняла теперь?
- А что-же нужно дълать, чтобъ порядочный человъкъ взялъ меня замужъ? спрашивала заинтересованная дъвочка.

Марья Петровна принималась тогда толковать дочери о кротости, о послушани, о необходимости образования и пересчитывала ей такія науки и искусства, о которыхъ сама знала только по наслышкъ, благодаря той не слишкомъ требовательной поръ, въ которую родилась и обстановкамъ окружавшимъ ея молодость.

Перечисливъ, *геграфію*, *рифметику*, *заграничные язы*ки, клавикорды, Марья Петровна всегда прибавляла:

— А главное, помни: хозяйство и послушаніе. Это такія вещи, безъ которыхъ ни одна степень въ человъкъ не можетъ устоять. Теперь иди-ка лучше играть.

Варенька убъгала, а Марья Петровна смотря ей вслъдъ, шептала съ умиленіемъ:

 Охъ, какая будетъ бой дъвка! Подлинно ужъ зеркальная голова, ее и теперь на кривомъ не скоро объъхать можно!

Но прежнія отрадныя грезы уже отлетали тогда отъ бъдной Марьи Петровны, и она принималась за хозяйственные хлопоты, съ размышленіями, не отгалкивающими дъйствительности. Среди этихъ спокойныхъ, разсудительныхъ думъ, и она сама, и ея Варенька представлялись ей въ будущемъ такими, какими онъ объмогли только быть, откинувъ всякія увлекательныя надежды—небогатыми, мало извъстными, на которыхъ никакъ не могли обратить особеннаго вниманія, большая часть тъхъ, отъ кого, въ сво-

ихъ преувеличенныхъ мечтаніяхъ, ожидала Долева счастія для своей дочери. Изъ груди Марьи Петровны вырывался тяжелый вздохъ, и она на цълый день дълалась сварливъе, привязчивъе ко всякой мелочи и упущеніямъ по хозяйству. Залетая своею заботливостью далеко впередъ, она съ удвоеннымъ рвеніемъ старалась припрятать каждую тряпку, сберечь каждый клокъ съна, хлъбное зерно, чтобъ скопить побольше для своей Вареньки, и тъмъ сколько-нибудь приблизить границы, отдъляющія ихъ не слишкомъ завидную дъйствительность отъ радужныхъ надеждъ, къ предъламъ большаго и возможнаго въроятія.

Нужно впрочемъ замѣтить, что Марья Петровна никогда долго не предавалась такимъ не слишкомъ утѣщительнымъ думамъ, и это не мало помогало цвѣтущему ея здоровью, необходимому для осуществленія чадолюбивыхъ ея помысловъ. Предъ Варенькой лежало впереди еще столько времени, исправляющаго положенія самыя затруднительныя, хотя также, и на обороть, разрушающато и самыя блестящія. Послѣдняго Долева никогда не брала, или не хотѣла брать въ соображеніе.

— Не для чего слишкомъ много хандры на себя напускать, думала часто она, въ какія-нибудь тринадцать, четырнадцать лѣть, мало—ли чего не можеть произойти и устроиться. Ужъ я буду стараться, чтобъ у меня хоть изъ-подъ земли, а всего прибавлялось. Хорошаго состоянія намъ только и недостаеть, (Марья Петровна, помышляя о Варенькъ, всегда любила употреблять мѣстоименіе множественное), чтобъ мы ин чѣмъ предъ всѣмъ свѣтомъ лицомъ въ грязь не ударили; родня у насъ, слава Богу, хорошая, хотя и дальняя.

И туть же Долева принималась съ самою примърною подробностію пересчитывать какъ свою родню, такъ и родню покойнаго мужа. Она припоминала многочисленность каждаго семейства, огромность состоянія, и остановясь на какомъ-нибудь дальнемъ, зажиточномъ родственникъ, вдругъ, ни съ того ни съ сего, начинала мечтать и придумывать какъ бы ей получить послъ него наслъдство? По здравомъ разсужденіи, всегда оказывалось такое желаніе несбыточнымъ по существованію на бъломъ свътъ мнотихъ ближайшихъ родственныхъ кольнъ, и Марья Петровна, поспътая оградить себя молитвою отъ такого корыстолюбиваго на-

шентыванія злаго духа, вооружалась вдругъ совершенно христіанскою покорностью ко всёмъ житейскимъ обстоятельствамъ. Остывшее отъ чрезмѣрныхъ желаній воображеніе, показывало ей, что она вѣдь была же счастлива безъ излишества, и переносило ее далеко назадъ, придвигало ее почти къ самой порѣ ея темнаго дѣтства.

Съ памяти ея ниспадала завъса, наброшенная многими десятками лътъ, и начинали рисоваться самыя мирныя, отрадныя, хотя и блёдныя картины, лишенныя всякой позолоты. Предъ нею явственно высился такой же скромный домикъ, даже бъднъе этого, разстилалась такая же глушь, поросшая тощимъ ольшаникомъ и усъянная болотами, въчно прикрытыми влажнымъ туманомъ, оживала старушка мать и четверо братьевъ. Нужно сказать, правда, что Марья Петровна помнила о нихъ довольно смутно, и то потому только, что они безпощадно тормошили ее, какъ какую нибудь для всъхъ одинаково занимательную куклу, когда прітхали въ деревню проститься передъ походомъ. Заплативъ невольною слезою дань тънямъ для нея милымъ, Марья Петровна продолжала слъдить за преданіями памяти, училась у отца Петра грамоть, у Маланын хозяйству, и незамътно приближалась къ полному дъвическому возрасту, не останавливаясь въ промежуткахъ дътства и отрочества ни на одномъ происшествіи, ни на одной минутъ, которыя бы могли заставить спокойное сердце ея забиться отъ воспоминанія, сильнъе чъмъ обыкновенно, исключая случаевъ горячной простуды. Самое замужство ея, обстоятельство важное въ жизни, не было следствіемъ ни любви, ни разсчетовъ, ни даже какого нибудь минутнаго увлеченія. Для замужства Марьи Петровны выпаль будто какой особенный жребій, и странно можеть быть покажется читателю, если слъдя за воспоминаніями Долевой, онъ откроеть, что этоть жребій частію зависьль оть простой, обыкновенной курицы, безъ вмъщательства которой, чтобы другое могло совершиться съ Марьей Петровной, я ръшительно сказать не въ состояніи. Вотъ какія странности случаются иногда на свъть! Пусть снисходительный читатель позволить мнъ немного распространиться объ этомъ не романтическомъ случав, основываясь на изръчении Шекспира: «Есть много чудесъ на свътъ, другъ, Гораціо, о которыхъ и не грезилось нашимъ философамъ.»

Наступиль пятнадцатый годъ, и войска, возвратившияся изъ-за границы, начали размъщаться по постояннымъ квартирамъ. Появленіе въ деревни матери Марьи Петровны гренадерскаго взвода, произвело въ первую минуту сильное впечатлѣніе на молодую дѣвушку. До тълъ поръ, не выъзжая никуда изъ своей деревушки, стройные ряды солдать она видъла только на картинкахъ. Откинувъ немного кисейную занавъску, Марья Петровна плотно прильнула однимъ глазомъ къ оконной рамѣ, и съ какимъ-то сладостнымъ біеніемъ сердца смотрѣла на проходившихъ мимо солдать и прислушивалась къ новому для нея грохоту барабана. Увы, доброй Марыт Петровит до того времени, въ ея однообразной глуши, кромъ звуковъ балалайки и настушьяго рожка, какъ-то не удавалось слышать ни какой другой музыки. Особенно привелъ ее въ восторгъ султанъ и видъ молодато взводнаго командира; но этимъ однимъ лишь и ограничились ея впечатлънія. Въ ея простодушную головку не запало ни какихъ иныхъ помысловъ, и когда пыль, поднятая рядами, улеглась опять на мягкой дорогѣ, она снова преспокойно сѣла за оставленные пяльцы. Ни одна изъ тъхъ дальновидныхъ надеждъ, которыя заставили прочихъ окружныхъ барышень тотчасъ же закупить себъ разныхъ умываній и другихъ необходимыхъ женскихъ принадлежностей, не пошевелило ея сердца. Марья Петровна вспомнила только о братьяхъ, которыми не суждено было ей полюбоваться, потомъ заплакала, потомъ, увидѣвъ, что прошивка ея отъ этихъ напрасныхъ слезъ идетъ какъ-то косо и криво, занялась исключительно ею, и ужъ не порывалась опять къ окну, чтобъ посмотръть: не происходить ли чего-нибудь новаго и нейдеть ли молодой офицеръ, въ свою очередь, полюбонытствовать? Марья Петровна была не совсёмъ права въ этомъ отношении, потому, что новый постоялець ихъ заслуживаль, по своимъ достоинствамъ, немного большаго вниманія.

Викторъ Александрычъ Долевъ быль человъкъ вполив замъчательный для его лътъ, степенный, скромный. Изъ самаго Парижа, о которомъ тогда всъ говорили, и даже тъ, которые его не видали, приходили въ восторгъ, не вынесъ онъ ни одного воспоминанія о какомъ-нибудь неподобающемъ увлеченіи, и по разсудительности своего характера, не нашелъ въ немъ также ничего слишкомъ необыкновеннаго. При чьемъ нибудь спросъ о какихъ нибудь особенныхъ красотахъ или развлеченіяхъ Парижа, Викторъ Александрычъ всегда отзывался очень хладнокровно и кратко:

- Право, не стоитъ распространяться: большой городъ, какъ городъ. Вообразите себъ какой-нибудь нашъ Петербургъ, да только побольше и пошумнъе, вотъ вамъ и будетъ тотъ же Парижъ.
  - Но что вы скажете на счеть зданій? замічали ему.
- Тоже ничего особеннаго, и у насъ не хуже есть, только, разумъется, архитектура не много должна разниться.
- Ну, какъ вамъ народъ французскій понравился? продолжали его спрашивать.
- Живчикъ, сколько я могъ замътить, и больше ничего особеннаго.
- Но за то парижанки...
- То же не хватають съ неба звъзды, отвъчаль Викторъ Александрычь: есть, точно, хорошенькія, за то есть и дурныя, какъ и вездъ. Я этоть предметь то же, признаться, не наблюдаль.

Однимъ словомъ, въ груди Виктора Александрыча, кажется, даже съ самымъ Гершелевымъ телескономъ невозможно было открыть никакого неподобающаго увлеченія, и если и западали иногда въ его сердце какія-нибудь человъческія слабости, то про нихъ могла знать развѣ только одна его собственная совъсть, да можеть быть, отчасти, и уже давнымъ-давно, одна красивенькая утэдная барышня, предъ которою Долевъ какъ-то невольно склонялъ долу свои каріе очи, трепеталъ какъ голубь, попавшій въ тенеты охотника, краснёль какъ маковъ цвътъ, и потомъ такъ тяжело переводилъ дыханіе, какъ будто страдаль одышкой. Это только одно обстоятельство и заставляло предполагать, что Викторъ Александрычъ также иногда оказывался человъкомъ изъ плоти и крови, невольно увлекавшимся изящнымъ и чувствовавшимъ что и у него, въ левомъ боку, подъ постоянно холодною кожею, находится одна, причудливо устроенная органическая частица, называемая молодымъ сердцемъ. Всъ прочія душевныя наклонности Долева рішительно ускользали отъ

наблюденія его товарищей, когда они, разобравъ каждаго, что называется «по волоску», останавливались на немъ. Послъ различныхъ предположеній, мивній и догадокъ, всв тихія добродътели Виктора Александрыча были прикрыты однимъ единогласнымъ и неслишкомъ лестнымъ для воина названіемъ «мадемуазель.» Викторъ Александрычъ всегда первый улыбался этому эпитету, и сдёлалъ съ нимъ всю кампанію, не задумываясь идти первымъ въ штыки, и останавливаясь развъ когда на мигъ, чтобъ осмотръть, по свойственной ему аккуратности, какое важное поврежденіе могла сдёлать въ его мундирё коснувшаяся его пуля. Даже самыя тогдашнія убідныя барышни, славившіяся привязанностью ко всему сантиментальному, съ которыми Долеву приводилось иногда быть въ обществъ, были о его примърной застънчивости также особеннаго мивнія, чемь о застенчивости прочихъ его товарищей, и то же распространяли про него невыгодное мивніе въ своемъ прекрасномъ кругу.

— Не феть па, напрасно ла жантиль авекъ мусье Долевъ, предостерегали онъ одна другую, отъ него вы, машеръ, порядочнаго слова не дождетесь: это какой-то голубокъ!

Недальновидныя тогдашнія барышни! Чтожъ бы вы сказали тогда, когда увидъли Виктора Александрыча въ родной его сферѣ, на широкомъ учебномъ полѣ, передъ рядами солдатъ, единственной семьи его, его, молчаливаго и безотвѣтнаго передъ вами, боящагося поднять глаза на ваши ослѣпительныя физіономіи? Вы, право, не узнали бы его! Вы сказали бы рѣшительно, что это не онъ, что это не человѣкъ, а вихрь, смѣшанный съ молніей и порохомъ.

Викторъ Александрычъ самъ сознавалъ, что не былъ созданъ для общества прекраснаго пола, и потому сосредоточилъ жизнь свою въ одной сферѣ— въ домашнемъ быту. Осудивъ себя на одиночество, онъ незналъ между тъмъ скуки, и его день проходилъ незамътно среди занятій мирныхъ и положительныхъ, достойныхъ его кроткой и неприхотливой души. Онъ или перечитывалъ книги, которыя хотя впрочемъ и читалъ уже нъсколько разъ, но всегда бралъ опять съ одинаковымъ любопытствомъ, и всегда умудрялся находить что нибудь новое, пезамъченное, пропущенное. Или, утомившись такимъ литературнымъ занятіемъ, бралъ гитару и иг-

ралъ, не смотря на то, что иногда недоставало какой нибудь одной струны. Или, наконецъ, разлегшись на кровати и совершенно прикрывшись шинелью, чтобъ не развлекаться вившними предметами, погружался въ размышленія. Подъ этимъ темнымъ покровомъ, капризное воображеніе иногда покоряло себѣ его холодный разсудокъ и уносило его въ такую многолѣтнюю даль, осынало его такими почестями, и создавало изъ него такого военачальника, что совершенно позабывъ все его окружающее, онъ видѣлъ себя окруженнаго сонмомъ полковъ, предъ сонмомъ непріятеля, вдвое сильнѣйшаго, предъ которымъ не трепеталъ ни одинъ нервъ его, и вдругъ вскрикивалъ инстинктивно, такъ сильно и одобрительно: впередъ! что денщикъ его, Топчуговъ, не разслушавъ чего именно требовалось, въ одно мгновеніе являлся предъ его кроватью съ словомъ, че допускающимъ ни какой невозможности въ свѣтѣ:

— Здѣсь!

Викторъ Александрычъ нисходилъ тогда въ область обыкновенной жизни, сбрасывалъ съ головы шинель, пугливо отдувался, зъвалъ, сильно потягивался, будто только пробудился отъ лихорадочнаго сна, и закрывъ, какъ бы стыдясь, одною рукою глаза, проговаривалъ самъ себъ:

- Сморозилъ!
- Немного не дослушаль, ваше благородіе, произносиль Топчуговъ, ръшительно ничего неразслышавшій.
- Ступай, отвъчалъ Долевъ, снова закутываясь, но уже не для мечтанія, а такъ, для простаго отдохновенія, котораго долгіе, молчаливые часы иногда прерывались вдругъ новымъ возгласомъ:

— Топчуговъ!

И Топчуговъ тотчасъ же показывался съ какою—нибудь работой въ рукахъ, потому что также какъ и баринъ, не любилъ оставаться безъ занятій. Онъ приходилъ или съ сапогомъ, къ которому притачивалъ подметку, или представалъ съ ушами, живописно обмотанными шелкомъ и нитками, доказывавшими, что никакое полезное ремесло не чуждо его широкимъ, нечувствительнымъ ни къ огню, ни къ морозу рукамъ.

Иногда, правда, случалось, что онъ приходилъ и безъ всего,

но за то ладони его были густо окрашены кирпичемъ, что всегда неопровергаемо доказывало его постоянное попечение придавать платью Долева приличную новизну и опрятность. Топчуговъ, одинъ Топчуговъ замънялъ Долеву все: онъ былъ ему и развлеченіемъ, и совътникомъ въ обстоятельствахъ, требующихъ нъкоторыхъ общихъ соображеній. Върный, и по своему практическій взглядъ Топчугова на вещи, не разъ выводилъ Виктора Александрыча изъ какой-нибудь нервшимости. Занемогалъ ли когда Долевъ, преданный денщикъ превращался почти всегда въ медика, хотя всв лекарства его обыкновенно ограничивались, для внутренняго употребленія-разведеннымъ въ водъ порохомъ, а для наружнаго - водкой съ солью, развъ только случалось у него вблизи что-нибудь особенное, по его мнънію, лекарственное. Мы могли бы прибавить также изсколько словъ и о прачешномъ и поваренномъ искусствъ слуги Виктора Александрыча, но это будеть-излишнимъ. Довольно и того, что уже было сказано и изъ чего можно уразумъть, что Долевъ былъ для своего денщика всёмъ, равно какъ и тотъ для Долева.

Такихъ-то постояльцевъ привель случай на продолжительную стоянку въ деревню матери Марьи Петровны. Только одно строеніе почище и побольше прочихъ, называвшееся, впрочемъ, всегда изъ уваженія, не иначе какъ барскимъ домомъ, показывало Виктору Александрычу, что въ этомъ мѣстѣ обитаетъ лицо, съ которымъ волею или неволею, а должно ему будетъ познакомиться. Прошло больше недѣли; товарищи Долева успѣли уже объѣхать и познакомиться со всѣми окружными помѣщиками, а онъ еще и не подумалъ двинуться, чтобъ представиться своей хозяйкъ. Напрасно Топчуговъ, желавшій доставить какое-нибудь развлеченіе своему барину, подстрекалъ его разсказами о веселомъ препровожденіи времени другихъ офицеровъ и совѣтовалъ и ему не терять удобнаго случая. Викторъ Александрычъ постоянно отвѣчалъ:

[—] А что миѣ со всѣми этими барынями и барышнями, дѣтей что ли крестить? Отъ ихъ объдовъ и вечеровъ ума не прибудеть!

[—] Авось какая нибудь побогаче и приглянулась бы, такъ можно бъ, понимаете, ваше благородіе, замъчалъ Топчуговъ, стараясь

нодъйствовать на сердце Долева; но черты его оставались холодными, и онъ отвъчалъ очень неудовлетворительно для желанія Топчугова:

— Да, чтобъ потомъ ее на плечахъ за собою въ ранцѣ, что ли, всюду таскать; вотъ какое колѣно отпустилъ!

И Топчуговъ удалялся безъ всякихъ возраженій въ свой уголъ, махнувъ только отъ негодованія сердито рукой.

- Топчуговъ! произнесъ, впрочемъ, однажды Викторъ Александрычъ о чемъ-то, по обыкновеню, порядочно надумавшись подъ своею шинелью.
  - Здъсь! отозвался, также по обыкновеню, Топчуговъ.
  - Потолкуемъ, братецъ.

Это слово—потолкуемъ, всегда вызывало на лицо денщика самую недовольную гримасу, потому что всегда означало желаніе Виктора Александрыча задать ему, отъ нечего дѣлать, какой—нибудь головоломный вопросъ, по которому можно было бы судить о находчивости и умственномъ его развитіи, и всегда почти кончалось словами: «ступай сапоги точать,» что послѣ этого съ тобою и говорить. Топчуговъ шелъ тогда какъ-то особенно мудрено скорчивъ лицо. Въ этотъ разъ онъ безпокоился совершенно напрасно и остался вполнѣ доволенъ какъ собою, такъ и Викторомъ Александрычемъ.

Онъ засталъ Долева полуодътаго, предъ походнымъ зеркальцемъ, очень внимательно осматривающаго себя, хотя въ этомъ зеркальцъ трудно было, впрочемъ, увидъть вдругъ всю физіономію вполнъ, по случаю многихъ, довольно большихъ мъстъ, на которыхъ вмъсто ртутной амальгамы просвъчивало березовое дерево.

Къ большему удивленію и радости денщика оказалось, что Долевъ, сильно опасавшійся частыхъ приглашеній въ господскій домъ, и потому все еще откладывавшій первое свое представленіе, собирался ракомендоваться помъщицъ. Топчуговъ съ сіяющимъ лицомъ одѣлъ его въ тотъ день съ удвоеннымъ стараніемъ, и передышалъ на каждую пуговку, и потомъ выбѣжавъ за ворота, долго еще любовался своимъ бариномъ сзади, шепча просебя:

— Экой молодецъ-то, заполонить его у меня баба, захолить, закормить...

Но это опасеніе разсѣялось послѣ перваго же свиданія. Мать Марьи Петровны была женцина разсчетливая, нелюдимая; она тотчасъ начала жаловаться Долеву на свою недостаточность, на неимѣніе лишняго времени, потомъ добавила расплакавшись, что малѣйшій видъ чего-нибудь военнаго, напоминая ея горестную утрату, заставляетъ ея сердце болѣзненно ныть и сжиматься, и Викторъ Александрычъ понялъ, что она сама готова была отъ него чуть ли не запереться, и совершенно успокоился. Возвратившись въ отведенную ему избу, онъ составилъ самое невыгодное понятіе о своей хозяйкѣ.

— Мы, братецъ, сказалъ онъ Топчугову, кажется попали съ тобой къ настоящей Ягъ: не только прислуга, и сама-то она ходитъ оборванная, какъ степной цыганъ, а какая-то женская рожица, показавшаяся мнъ мелькомъ, была такъ худа и блъдна, какъ будто ее только по праздникамъ и кормятъ.

На все это Топчуговъ очень разсудительно отвъчалъ:

 — А вотъ, ваше благородіе, поживемъ побольше, такъ узнаемъ какъ оно себѣ тамъ.

Топчуговъ скоро подтвердилъ мивніе Виктора Александрыча, съ обычною своею прозорливостью.

- Мы точно квартируемъ у Яги, ваше благородіе, сказаль онъ однажды Долеву. Отъ нашей старухи никому покоя нѣтъ; ворчитъ на всѣхъ съ самаго утра, даже дочери спуску не даетъ, и то не такъ, и другое не по ней. Ей кажется хочется на обухѣ рожь молотить.
- A! такъ у нашей хозяйки дочь есть? произнесъ Долевъ: вотъ оно какъ!
  - Точно такъ, ваше благородіе.
  - Что же ты мит до сихъ поръ не сказалъ?
- Къ слову не приходилось, да притомъ и не посмълъ, празнаться сказать.
  - Почему?
  - Не изволили спрашивать, ваше благородіе.
- Резонъ! А что, молода, спросиль Долевъ, по безотчетному любопытству.

- Да лътъ восьмиадцати.
- Хороша? добавилъ Викторъ Александрычъ, для дополненія свъдъній: какъ слышно? »
- Самъ видълъ, совсъмъ не хороша, ваше благородіе, поджарая такая, словно сухарь, чернявка, глаза такіе большущіе, и въ лицъ ни какой красивой примъты нътъ; намъ совсъмъ негодится, ваше благородіе.
- Гм, гм! согласился Викторъ Александрычъ, и тотчасъ же преспокойно заснулъ, не думая ни минуты болъе о дочери номъщицы и даже удивляясь самому себъ, зачъмъ онъ дълалъ Топчугову такіе напрасные вопросы?

Поутру онъ всталь совершенно позабывъ о вчерашнихъ справкахъ, и потомъ нѣсколько разъ прошелъ мимо господскаго дома, ни разу не подумавъ взглянуть на него и не замѣтивъ, за тусклыми стеклами, блѣднаго личика Марьи Петровны, склонившейся надъ пяльцами.

Прошло болѣе двухъ мѣсяцевъ какъ Долевъ стоялъ въ деревнѣ, а между тѣмъ ни разу не подумалъ снова посѣтить помѣщицу, покуда пропавшая куда—то съ барскаго двора курица, похищене которой, въ подозрительномъ умѣ помѣщицы, всею своею тяжестью падало на Топчугова, не подало Виктору Александровичу законнаго, неотлагаемаго предлога увидѣться вторично съ матерью Марьи Петровны.

Узнавъ въ чемъ обвиняется сильно оскорбленный такимъ несправедливымъ извътомъ Топчуговъ, и слъдовательно нъкоторымъ образомъ виновный и самъ онъ въ допущении такого проступка, Викторъ Александрычъ вдругъ мгновенно оказался какою-то какъ-будто снъжною сопкой, внутри которой скрывался ни къмъ не подозръваемый до той поры волканъ. Долевъ вдругъ весь вспыхнулъ, покраснълъ, какъ-будто ему угрожалъ нервическій ударъ; надёлъ наскоро мундиръ, и, съ твердой рѣшимостью перевернуть вверхъ дномъ весь домъ, тълъ въ переднюю. Покуда онъ снималъ киверъ, горячность его мало-по-малу стихала и, тихимъ, скромнымъ, какимъ бывалъ онъ всегда, явился Викторъ Александрычъ предъ несправедливою обвинительницею Топчугова. Въ маленькой комнатъ, служившей вмъсть и залою, и гостиной, Долевъ въ первый разъ тогда увидълъ Марью Петровну. Виктору Александрычу показалось, что ему ни разу не случалось встръчать подобной красавицы. Обыкновенное ли разслабленіе, всегда слъдующее за сильными душевными потрясеніями затуманило ему глаза, пришло ли наконецъ сердцу его время пробудиться отъ своей дремоты, положительно неизвъстно, только Долевъ почувствовалъ, что въ груди его что-то сильно екнуло, и по всему тълу пробъжало такое сладостное ощущеніе, какое онъ испытывалъ до тъхъ поръ лишь только тогда, когда послъ долгаго зимияго перехода случалось ему входить въ теплую, гостепріимную избу.

Помъщица встрътила своего постояльца очень холодно и привътствовала его такимъ восклицаниемъ вмъсто обычнаго «милости просимъ,» что Долевъ совершенно растерялся.

— Ну, батюшка, начала она, покорно васъ благодарю. Не много нагостили ваши ребята, а ужъ усиъли оказать уваженіе. Богъ съ тъмъ, кто насъ обидълъ, я искать больше не намърена, но только ужъ будетъ моя хохлушка у того цълый въкъ на душъ пътухомъ кричать. Съ одной курицы не раздобръютъ. Ну, какъ вы поживаете, довольны ли всъмъ; садитесь, пожалуста, жаль только, угощать нечъмъ.

Викторъ Александрычь откинулъ было очень живописно руку, прижатую къ сердцу, и открылъ уста, но помъщица не дала ему возможности произнести ни одного звука. Онъ стоялъ молча, продолжая слушать цёлый потокъ ръчей.

Безмолвная, безцвътная стояла Марья Петровна передъ матерью, когда помъщица, перечисливъ снова всю свою недостаточность и потери, вдругъ перешла съ своими неудовольствіями на дочь.

— Вотъ, скажутъ, можетъ быть, иные, добавила она, какъ быть какимъ-нибудь безпорядкамъ, дочь есть, помощница есть, а посмотришь — какая она миъ помощница, слова ни кому сказать неумъетъ; хоть все при ней изъ дому вынеси, порядкомъ и какъ слъдуетъ пригрозить не найдется.

Настроенному Виктору Александрычу показалось, что на лиць Марьи Петровны выступала краска скрытаго стыда и негодованія, и ему стало невыразимо жаль ее. Онъ вооружился всъмъ своимъ красноръчіемъ, чтобъ успокоить помъщицу, твердо и логически доказываль ей честныя правила Топчугова, потомъ присълъ, не имъя прежде никакого намъренія садиться, и незамътно просидъль очень долго. Тихій, миролюбивый и пріятный характеръ Виктора Александрыча выказался во всемъ своемъ свътъ. Онъ во всемъ живо сочувствоваль матери Марьи Петровны, и во всемъ митнія ихъ оказывавались сходными. Начиная съ погоды до самыхъ коренныхъ убъжденій, оба они какъ будто заранте согласились думать заодно, чувствовать и негодовать за-одно. Вспомнивъ про сыновей, старушка, по обыкновенію, прослезилась и порядочно ругнула французовъ. Викторъ Александрычь и въ этомъ случать не отсталь отъ нея, и также не могъ слегка не прослезиться по своей чувствительности. При прощаніи помѣщица осталась очень довольна своимъ постояльцемъ, нашла его человѣкомъ умнымъ, образованнымъ, и изъ губъ ея, обыкновенно сомкнутыхъ для приглашеній, вылетѣло слово:

— Милости просимъ и впередъ, за-просто, потолковать да нобесъдовать, только пожалуйста, батюшка, не распускай возжей, за своимъ-то получше присматривай. Ты что тамъ ни говори, а вы, голубчикъ, въ такой сторонушкъ побывали, гдъ про чужія вещи кажется и думать позабыли.

Викторъ Александрычъ согласился и съ этимъ убъжденіемъ почтенной своей хозяйки.

Возвратясь домой, онъ не нашутку задумался. Тревожная мысль, какъ бы улучшить мнимую грустную участь Марьи Петровны, не выходила ни на минуту изъ его головы. Онъ позвалъ къ себъ Тончугова, и первымъ его словомъ было:

- Ты говориль, что дочь помѣщицы дурна, а она прехорошенькая!
  - Понимаю, ваше благородіе.
- А житье ей, точно, пренепріятное, сколько я могь замътить. А какъ ты думаешь, можно ли помочь ему?
  - Не могимъ знать, ваше благородіе.
  - Когда спрашивають, такъ моги.

Въ избъ вонарилось мертвое молчаніе, прерываемое только пальцемъ Топчугова, тихо постукивавшимъ за спиною о пуговицу казакина, между тъмъ какъ другой его палецъ легонько ходилъ за ухемъ, что всегда означало крайне затруднительное положеніе и совершенное минутное отсутствіе всякаго соображенія и находчивости.

- Hy? произнесъ наконецъ Викторъ Александрычъ вопросительно.
- Гм, ухмыльнулся вмѣсто отвѣта Топчуговъ, и при этомъ палецъ его началъ скользить за ухомъ съ необыкновенною живостью.

Что, гм?

Върный слуга видно успълъ уже надуматься.

- Да ужъ какъ не думай, отвъчалъ Топчуговъ, а прежде чъмъ какой-нибудь добрый человъкъ ее не выручитъ, ей никакъ не выпутаться изъ такой крутой кабалы.
  - Не выпутаться, подтвердиль зѣвнувъ Долевъ.
- Одно средство жениться на ней кому нибудь, ваше благородіе, больше ужъ ни что не возьметь.

Лучезарная мысль Топчугова заставила Виктора Александрыча привскокнуть и прищелкнуть пальцемъ. Оставалось только найти такого добраго человѣка, потому что самъ Долевъ, не любя ничего новаго и неизвѣданнаго, не остановилъ этой мысли на себѣ самомъ. Онъ перебрадъ въ умѣ всѣхъ товарищей и не пріостановился ни на одномъ изъ нихъ. Начиная съ капитана Шперлинга, искавшаго себѣ невѣсты еще съ перваго чина до прапорщика, Щипа, который постоянно влюблялся и страцалъ и готовъ былъ на всякія жертвы, чуть только встрѣчалъ гдѣ нибудь молодое женское личико, всѣ они показались Долеву немного корыстолюбивыми, чтобы плѣниться вполнѣ только одною наружностью. Съ минуту мелькала предъ Викторомъ Александрычемъ даже тощая фигура ихъ аудитора, но и тотъ, по долгому обсужденію, оказывался также мечтающимъ о приданомъ.

Неудачное приложеніе завѣтной мысли къ дѣйствительности, долго тревожило Виктора Александрыча. Онъ даже безъ особеннаго аппетита съѣлъ куска три очень любимаго имъ жаренаго гуся, и плотнѣе чѣмъ когда либо окутался весь въ шинель, и началъ мечтать. Мечты благодѣтельствовали ему; онѣ довели его уже до чина полковника, оставляя Марью Петровну все тою же молоденькою дѣвочкой; онѣ окружили его уже достаткомъ и рѣ-

шимостью сдёлать неотлагательно предложение и положить къ ногамъ Марьи Петровны руку и сердце, когда привычка начала вступать въ обычныя свои права, и Викторъ Алектандрычъ кончилъ тёмъ, чёмъ всегда кончалъ въ затруднительныхъ случаяхъ. Онъ заснулъ и заснулъ очень крёпко.

И странный, никогда небывалый сонъ приснился ему, ему и во сив грезившему всегда положительно. Тонулъ ли онъ когда нибудь среди своихъ грезъ; никогда какой-нибудь необозримый океанъ не служилъ ему, какъ столькимъ другимъ, могильнымъ ложемъ, а просто его топила или обыкновенная рѣка, или даже, чаще всего, простая лужа. Убивали-ли его, никогда не погибалъ онъ отъ какихъ-нибудь тысячей, а всегда уже много если отъ трехъ. Случалось-ли ему пиршествовать, никогда не представлялись ему пиринества Лукулла. Какихъ-нибудь, такъ себъ, поэтическихъ грезъ, Викторъ Александрычъ даже никогда и не помниль. И что же о, чудная и волшебная сила сердечной настроенности! Ему чудилось, что передъ его избой поднялась страшная выога; онъ подошелъ къ окну и увидълъ за нимъ, неизвъстно откуда явившійся горшокъ фіалокъ. Всё цвётки были покрыты густымъ слоемъ снъга, и только одинъ изъ нихъ поднималъ надъ бълою пеленой блъдный свой вънчикъ, и казалось, при каждомъ порывъ вътра склонялъ стебель, чтобъ никогда не подняться снова. Викторъ Александрычъ разметалъ снъгъ, отеръ стебель рукою и согрѣлъ его своимъ дыханіемъ. Листья цвѣтка выпрямились, и посль нъсколькихъ судорожныхъ колебаній, цвътокъ приподнялся и зазеленълъ. Долеву чудилось, что онъ никогда небывалъ такъ доволенъ собою; онъ жилъ, думалъ и дышалъ только для своего найденыша. Жаднымъ взглядомъ следилъ онъ за новою жизнію, данною имъ гибнувшему растенію и за чуднымъ возрожденіемъ, совершившимся отъ нъсколькихъ вдыханій его легкихъ. Рука его дрожала отъ нетерпънія освободить цвътокъ отъ последней оставшейся на немъ снъжной коры. Онъ спъшилъ перенести цвъточный горшокъ въ свою теплую избу, поставилъ, какъ сокровище, въ самое видное мъсто, прододжая все дышать и дышать на охолоделые венчики. По мере того какъ ледяная кора таяла и опадала, обращаясь въ прозрачныя капли, вънчики распускались и оживали. Одна только изъ фіалокъ не выпрямина своемъ нъжномъ стеблъ. Долевъ съ грустью смотрълъ на бъдный стебелекъ, которому только одинъ Богъ могъ возвратить существованіе. И вдругъ фіалка начала расти въ глазахъ его, принимать человъческія формы, черты Марьи Петровны, но блъдныя, бездыханныя, обезображенныя смертію подъ его горячимъ дыханіемъ... Викторъ Александрычъ вздрогнулъ, открылъ глаза и внимательно осмотрълся кругомъ съ какимъ-то инстинктивнымъ испугомъ, нока не разсъялась первая дрема. Въ избъ его не было ничего ни новаго, ни обыкновеннаго.

— Ухъ! простоналъ онъ, вскакивая поспъщно съ лавки и начиная прохаживаться вдоль и поперегъ большими шагами, съ самымъ озабоченнымъ выраженіемъ.

Этому подвижному мышленію положило конець только появленіе Топчугова съ сапогами въ одной рукѣ и плательной щеткою въ другой. Викторъ Александрычъ поднялъ голову и началъ смотрѣть на своего слугу такъ разсѣянно и такъ неопредѣленно, какъ будто только одно тѣло его красовалось на землѣ, а мысльи сознаніе витали ни вѣсть въ какомъ иномъ мірѣ.

Не будучи слишкомъ большимъ физіономистомъ, Топчуговъ не обратилъ ни какого особеннаго вниманія на необыкновенное состояніе своего барина, и помня только о своей обязанности и времени, въ которое Долевъ имѣлъ обыкновеніе дѣлать ученье, преспокойно наклонился къ полу; положилъ одну руку Виктора Александрыча, какъ на подставу, себѣ на плечо, и съ словомъ:

—Извольте пожаловать, ваше благородіе, ножку, съ трудомъ надѣлъ новый сапогъ на широкую и могучую ступню Долева. Тоже самое слово и дѣйствіе повторилъ онъ и въ другой разъ, а Долевъ все стоялъ неподвижно, и все продолжалъ глядѣть на него какъ-то неопредѣденно.

 Извольте присъсть, ваше благородіе, продолжаль Топчуговъ, шелестя въникомъ по платью.

Викторъ Александрычъ присълъ, какъ послушный ребенокъ, молча, безъ всякаго замъчанія. Такъ просидълъ онъ, пичего кажется, не замъчая, покуда Топчуговъ не одълъ его совершенно и не спросилъ:

⁻ А шинель прикажете, или безъ нея обойдетесь?

Тогда только Викторъ Александрычъ встряхнулъ съ жи-востью головою и проговорилъ:

- Ши-не-ль? какую шинель? на что шинель?
- Потому что срокъ пришелъ, ужъ скоро пять часовъ; наши, чай, давно ужъ на лугу дожидаются. Вы изволили уже одъться, ваше благородіе, настойчиво замътилъ Топчуговъ, начиная всматриваться въ лицо Виктора Александрыча уже съ какимъ-то удивленіемъ.

Долевъ опять встряхнуль головою, осмотрълся, опять ухнуль съ какимъ-то стономъ и проговорилъ:

 Въ самомъ дълъ, одътъ! Странно! Экъ меня какъ ошеломило! Ну, ступай, оставъ меня.

Потомъ онъ опустился на стулъ и засмѣялся такъ странно, что Топчуговъ будто не разслушавъ приказанія, противъ всѣхъ своихъ правиль, не двигался съ мѣста. На его неподвижныхъ, ни какихъ ощущеній недопускающихъ наружу чертахъ, выразилась какая—то пѣжность и дущевное опасеніе. Онъ началъ глядѣть на Виктора Александрыча долго и пристально, какъ говорится во всѣ глаза, и наконецъ произнесъ голосомъ, который можеть быть въ первый разъ его жизни сдѣлался пѣжнѣе на нѣсколько октавъ.

 Не прикажите-ли маленько малинки вскипятить, ваше благородіє: онамеднясь миз славную сушеную малинку одна здъщняя кума принесла.

Топчуговъ имълъ обыкновеніе всъхъ, кто вступаль съ нимъ въ короткія дружескія отношенія, звать кумомъ или кумою. Этимъ кажется и ограничивалось у него всякое понятіе о родствъ, кромъ названія «братца», которымъ онъ называлъ всякаго встръчнаго.

— Съума что-ли ты сошель! спросиль въ свою очередь Долевъ. Малинки отъ того, что мив пригрезилось; и онъ подробно пересказалъ върному повъренному видънныя грезы.

Топчуговъ прехладнокровно отвъчаль:

— Все это дъло обыкновенное, и по моему такъ ни на волосъ безпоконться не слъдуетъ. Всъ мы подъ Богомъ ходимъ, и не нынче, такъ завтра можемъ умереть, а наша барышня давнымъ давно на ладанъ дышитъ, такъ не мудрено ей скоро Богу душу отдатъ; вотъ вы ее какъ какой нибудь левкой эдакой, что во снъ видъли, въ гробу до церкви и понесете; все это дъло житейское, и ни сколько пугаться не слъдуетъ.

— Да, на все бываеть Божья воля! произнесъ Викторъ Александрычъ, принагибаясь немного подъ распростертую Топчуговыхъ, огромнымъ въеромъ шинель, которую онъ не выпускалъ изъ рукъ во все время.

Долевъ возвратился въ тотъ день очень скоро, противъ обыкновенія.

- Такъ неужели ты думаешь, что помѣщицына дочь, въ самомъ дѣлѣ, на ладанъ дышитъ? спросилъ онъ денщика, позабывая о всемъ прочемъ, когда тотъ раздѣвалъ его.
- Точно дышитъ, подтвердилъ Топчуговъ.
- А почему же именно, вотъ такъ ужъ и точно, по твоему?
- Да отъ того что такъ ужъ приходится, ваше благородіе. Ономнясь, какъ я ее въ последній разъ видель, куда она какъ желта мнё показалась; вотъ если бъ ей была холя, да какой нибудь мужъ выискался, другое дело, я объ этомъ давно докладывалъ.
- Да, подтвердилъ Долевъ, тогда, можетъ, точно, другое бы дъло было!..

Этимъ въ тотъ день и заключились всё ихъ разговоры, а между тёмъ въ душу Виктора Александрыча запала съ тёхъ поръ глубокая дума, потому что на другое утро первый вопросъ, сделанный имъ денщику, былъ слёдующій:

- A что, братецъ, какъ бы хоть намъ, въ самомъ дёлѣ, того...
  - Чего, ваше благородіе?
  - Не понимаешь? разумъется чего...
  - Понятно, ваше благородіе.
  - Ну, такъ какъ же ты думаейь?
  - Не могу знать, ваше благородіе!
  - Болванъ! пошелъ вонъ! А жаль ее, право, бъдняжку!

Это только послъднее слово и помогло проницательному Топчугову ухватиться за Аріаднину нить, которая позволила ему

уразумъть загадочность желаній его барина и довела до самаго источника сердечныхъ его пожеланій.

- Намъ никакъ нельзя! отозвался онъ тогда ръшительно.
- Почему?
- Потому что совсъмъ прохарчиться можно: у насъ мало,
   а у нее также ровно ничего нътъ.
- Врешь! возвысилъ голосъ Викторъ Александрычъ: у меня Вороньи-Гитэда есть.

Это темное и нисколько дальнъйше непоясненное извъстіе о родовомъ помъстьи, въ первый разъ тогда донеслось до слуха върнаго слуги, потому что Викторъ Александрычъ, вступая съ нимъ всегда только въ физіологическія и метафизическія разсужденія, никогда какъ-то не сообщаль ему о своихъ средствахъ къ обезпеченному существованію. Это происходило частію отъ того, что во все продолженіе служительства Топчугова и во все время походовъ, Вороньи-Гнъзда никакого существеннаго о себъ воспоминанія къ Долеву не доставляли, а самъ онъ, по своимъ неприхотливымъ желаніямъ, также, кажется, позабыль о нихъ.

— Да, повторилъ съ видимою гордостью и самодовольствіемъ Викторъ Александрычь, Воронья-Гнѣзда, это не то что какая нибудь лачуга!

Конечно—Вороньи-Гнъзда, только ими старуху не задобришь, неръшительно замътилъ Топчуговъ, всматриваясь пристально вълицо Долева и стараясь замътить шутить онъ, или говоритъ серьезно...

- Вороньими Гнъздами?
- Вороньими Гитздами, ваше благородіе.
- Изъ тридцати пяти душъ?!
- Что проку въ тысячъ ихъ?
- Съ восемью дворами, господскимъ домомъ, церковью и хорошею землею? Ахъ ты неучъ!

Туть только простодушный Топчуговъ, привыкшій понимать значеніе каждаго слова буквально, догадался, что подъ значеніемъ Вороньихъ-Гитадъ скрывается что-то болте положительное, и потому тотчасъ же поспъшиль произнести:

— А, такъ вотъ что, ваше благородіе! а я по глупости по-

лагалъ все прямо! Чтожъ, почему же и не попробовать счастія. Время теперь мирное, довольно послужили, пора бы нъсколько и отдохнуть.

- Да, хотълось бы не много.
- Такъ чтожъ, перекрестясь да и съ Богомъ.
- А главное діло жаль, истинно жаль! продолжаль Долевъ, избігая высказаться рішительно.
  - Конечно, христіанская душа.
- Но въдь вотъ что: на ладанъ, ты говоришь, дышитъ! что же за пріятность начать за здравіе, а свести за упокой?
- Э, ваше благородіе, безъ рукъ и безъ ногъ люди живуть, авось!
- Конечно, авось, продолжаль убъждаясь все болье и болье Викторъ Александрычь, но главное какъ приступить, совсьмъ новая оказія.
- Какъ приступить! не барышни мы, не такіе виды видали; просто, извольте придти, потомъ перекиньте слова два-три, да и прямо къ дълу.

Не смотря на то, что на лицѣ Виктора Адександрыча промелькнула самодовольная улыбка, онъ однакожъ не преминулъ причмокнуть сомнительно языкомъ и произпесть:

— Нътъ, туть дъло нужно вести поаккуративе.

Разговоръ этимъ и кончился; но благотворное съмя сунружескаго быта дало уже ростокъ, и съ каждымъ днемъ все болье и болье зръло въ воображении Виктора Александрыча. Мечты его стали разнообразиве, точно также, какъ и самыя ночныя грезы. Все яснье и яснье обрисовывался передъ нимъ давно покинутый и пустой отчій домъ, слышался легкій, убаюкивающій шорохъ листьевъ тьхъ липъ и березъ, на вершины которыхъ онъ лазилъ скрываться отъ докучной въ дътскія, шаловливыя льта, азбучной указки, и ярко, ярко блестьль мъдный кресть деревенской церкви въ свътлую осеннюю ночь, когда луна обдаеть всъ предметы будто матовымъ, серебристымъ отливомъ, а воздухъ, слегка пропитанный морозомъ, манитъ невольно въ тепло—въ среду домашняго круга, въ говоръ неумолкаемыхъ, хотя и ничего особенно не высказывающихъ и незаключающихъ въ себъ ръчей. Безотчетная любовь съ каждымъ днемъ все болье и болье увеличи-

валась, и дошла наконець до того, что Викторъ Александрычь иногда такъ глубоко вдавался въ фантазіи, что будто въ самомъ дълъ, воображая себя уже семьяниномъ, неявственно вскрикиваль, какъ бы заранъе пріучая себя къ такимъ возгласамъ:

- Мамочка, мамочка! и не замъчая сквозь едва открытыхъ глазъ щетинистыхъ бакенбардъ Топчугова, и только разслушивая легкій шорохъ его, продолжалъ:
- Не пора ли ужъ и на покой, мамочка!
  - Какъ будетъ угодно, ваше благородіе.

Тогда только Викторъ Александрычъ возвращался въ дъйствительный міръ и посившно вскрикивалъ:

 — Фу ты, что это со мною! Странно! право, не знаю, что такое.

Но что и казалось, быть можеть, страннымъ самому Долеву. съ нъкоторыхъ поръ было уже ясно разгадано прозорливымъ денщикомъ. Следя съ приметнымъ безпокойствомъ за незамеченными еще никогда странными дъйствіями своего барина. Топчуговъ замътилъ, что Викторъ Александрычъ сталъ продолжительнъе смотръться въ зеркало, чаще и чаще сътовать на недовольную густоту своихъ волосъ; меньше сдълался съ нимъ говорливъ, и спѣша на свое любимое учебное поле, ділаль довольно порядочный обходь мимо дома помъщицы. Топчуговъ долго молчалъ, и досадуя на ръшительность Виктора Александрыча, зайдя иногда въ свой уголь, только кивалъ головою, какъ будто сзади ударялъ его кто невидимый, и взмахивалъ рукой, приговаривая: ахъ, если бъ пришлось намъ жепиться. Ему самому въ такія минуты мерещилось, можеть быть, невъдомое ему номъстье Долева, и тоже теплый, спокойный быть, и тоже, пожалуй, какая-нибудь деревенская подруга жизни; но Топчуговъ былъ отчасти философъ, и терпъливо выжидаль удобнаго случая, чтобъ самому какъ нибудь косвенно подвигнуть шаткую волю своего барина. Случай этотъ не замедлилъ представиться.

— А въдь въ самомъ дълъ, хорошо было бы, началъ однажды Викторъ Александрычъ, въ то время, когда Топчуговъ другой разъ чистилъ на немъ сюртукъ, чего прежде никогда не случалось, къ видимому оскорбленію его денщицкой амбиціи.

- Хорошо, ваше благородіе, подтвердилъ Топчуговъ, прозрѣвъ въ чемъ должно заключаться продолженіе; ахъ, просто сердце плачетъ глядя, а еще мы въ сраженіяхъ бывали!
- Совсёмъ не такое неизвёстное и деликатное дёло, прервалъ Викторъ Александрычъ, также въ свою очередь угадывая, что ему хотёлъ высказать Топчуговъ. Оба они въ ту минуту выражались, какъ говорится, языкомъ души.
- Въ этомъ случат нужно имъть совершенно особый, медовый языкъ, а гдт его возьмешь? продолжалъ помолчавъ немного Викторъ Александрычъ.
- Э, ваше благородіе, возразиль Топчуговь, извольте только припомнить Брындина: слова оть него не добьешься, а ужъ три раза сватался.
  - Да, точно, подтвердиль Долевъ.
- А Бирмильхъ, двухъ словъ по-русски хорошо не скажетъ,
   а вотъ ужъ второй разъ женатъ.
- Правда, правда, подтвердилъ съ сожалительнымъ вздохомъ
   Викторъ Александрычъ, и потомъ прибавилъ:
- Въ-самомъ-дълъ, отъ чего же мнъ, вопросъ, не рискнуть.—Рискну! докончилъ онъ, ръшительно пріударивъ по столу кулакомъ.

И онъ точно рискнулъ. Поздравилъ помѣщицу съ какимъ-то праздникомъ, и возвратился весь покрытый потомъ, пунцовый какъ макъ, и едва переводя дыханіе отъ волненія.

- Ну, что, ваше благородіе, какъ? благополучно? спросилъ Топчуговъ, вглядываясь съ участіемъ въ Виктора Александрыча.
- Вотъ еслибъ кажется еще на столько, отвъчаль тотъ, отдъливъ большимъ пальцемъ одной руки едва замътную частичку мизинца другой, такъ бы можетъ и все кончено было.
- Такъ что же неизволили натянуть? Ахъ, ваше благородіе, на такую малость!..

Долевъ не отвъчалъ ни слова и только началъ напъвать въ полголоса какую-то пъсню самаго нъжнаго содержанія. Потомъ онъ опять посмотрълся въ зеркало и произнесъ голосомъ уже ръшительно:

 Ты говорилъ, что у тебя есть здѣсь какая-то кума, кажется.

- Точно, покумился, ваше благородіе.
- За обоими, кажется, ходить?
- Надъ всъмъ домомъ главная. Добродътель, смъю доложить, ваше благородіе.
- Не въ добродътели ея толкъ, главное чтобъ она женскія дъла знала.
  - Бритва, просто, ваше благородіе.
- Давай ее сюда, что въ самомъ дълъ, въдь и въ огонь ходить не робъли.

Топчуговъ въ тотъ же вечеръ исполнилъ приказаніе не думая откладывать въ долгій ящикъ. Встряхнувъ легонько за волосы уснувшаго мальчика, поступившаго къ нему въ помогу на этомъ послъднемъ ихъ постоъ, лътъ девяти, онъ сказалъ ему очень впрочемъ дружелюбно:

— Петрушка, а Петрушка! Что это ты, вражій сынъ, съ курами такъ нынче рано спать залегъ; вставай да бъги на барскій дворъ, да вызови, слышь ты, мою куму, знаешь, Өеклу-то куму, рябую-то, что маленько прихрамываетъ, чай помнишь? Да чтобъ тебя и кошка даже не увидъла, понимаешь. Вотъ ты вымани ее, какъ хошь, да и скажи, чтобъ она тотчасъ на задворье шла; дъло-молъ очень важное есть; да чтобъ непремънно пришла, а то пусть и глазъ не показываетъ. Ну, маршъ, тебъ въдь сапоговъ не надъвать.

При этомъ Топчуговъ наградилъ всклоченный затылокъ Петрушки легкимъ поощрительнымъ щелчкомъ, и тотъ пустился со всѣхъ ногъ, громко пошлепывая голыми подошвами по грязной землѣ.

II.

въ которой появляется новое лицо—петруша. Краткій очеркъ жизни его до отбытія съ марьей петровной въ вороньи-гиъзда.

Петрушѣ, съ перваго его появленія въ средѣ разумныхъ существъ, было, кажется, предназначено взглянуть на свѣтъ Божій не сквозъ радужную призму. Рожденіе его стоило жизни его ма-

тери. Отецъ его, житель села Грачевки, также не могъ порадоваться его первому крику, потому-что, мъсяца четыре до смерти жены, слегъ самъ въ могилу. У бъднаго сироты осталась изъ родни только одна какая-то дальняя родственница, которая горько и долго плакала надъ нимъ, при гробъ его матери, взяла его къ себъ въ избу съ поцълуями и приказала ему именовать себя теткой. Съ тъхъ поръ она и осталась для мальчика теткой, хотя онъ въ минуту вступленія своего въ новое родство, рѣшительно не могъ понимать ни о какихъ существующихъ въ мірѣ кровныхъ узахъ. Сдълавшись единственнымъ ея утъщеніемъ, Петруша, выростая, далеко не быль между тъмъ ея баловнемъ. Сварливая старушка нисколько не была расточительна на ласки: постоянно упрекала мальчика глупостью, лёностью, болёе же всего обжорствомъ, громогласно просила небо о той минутъ, когда можеть сбыть его съ рукъ, и раздосадованная тупымъ терпъніемъ и безотвътностью, всегда прибавляла, какъ бы въ утъшение себъ:

— Да что отъ того и ожидать, кто ужъ на первыхъ же порахъ мать уморилъ!

Впрочемь, нельзя сказать, чтобъ тетка Петруши была въ самомъ-дълъ женщина злая и не заботилась о немъ, напротивъ, бывали минуты, когда она выказывала ему самое изжное участіе, выражаемое только какъ-то странно, и нужно прибавить также. что и довольно грубо. Участіе это обнаруживалось особенно во всей своей силь тогда, когда Петруша, посль игоръ съ деревенскими мальчишками, возвращался домой, хотя и совершенно счастливымъ и веселымъ, но за то всегда почти подбитымъ и оборванымъ. Начавъ выказывать свою заботливость новыми побоями. тетка Петруши принималась потомъ горько плакать, склоняла лицо на косматые его волосы, и мальчикъ чувствоваль какъ ея крупныя слезы текли по ея изцарапаннымъ щекамъ. Не понимая въ первое время причины такого неожиданнаго явленія, Петруша трусиль и ожидаль еще чего-нибудь большаго, но старуха скоро прекращала его онасенія. Она приподнималась, утирала увлаженный слезами носъ свой о его кудри, и давъ ему новый толчокъ,

— Ты понимаешь-ли, о чемъ я плачу, разбойникъ? Понимаешь-ли, говори?

Петруша обыкновенно молчалъ и только поглаживалъ то мъсто, къ которому прикоснулась ея костлявая рука.

— Потому, разбойникъ, что люблю тебя, хочу настоящимъ человъкомъ сдълать. Ну, хорошо-ли было бъ, еслибъ тебя до смерти зашибли! Какой бы я тогда на томъ свътъ отцу за тебя отвътъ дала; кто бы мнъ тогда съ задворокъ щены сталъ таскать; кто бы тогда поилъ и кормилъ меня подъ старость? Вотъ за что я и бъю тебя, доканчивала она, сопровождая слова новымъ дъйствіемъ.

Потомъ помолчавъ немного, старуха торопливо вынимала ему все, что случалось у нея на ту пору съъстнаго, слъдила съ удовольствиемъ за его аппетитомъ, а между тъмъ никакъ не могла удержаться, чтобъ незамътить:

— Ишь какъ жретъ, ишь какъ жретъ, словно голодъ чуетъ! Что ты пасть-то свою волчью такъ широко разъваешь?

Стараясь порою укрыться отъ грубо-выражаемой родственной заботливости, Петруша тихонько убъгалъ на противуположный конецъ деревни, гдъ собирались крестьянские мальчишки, и сочувствуя важнымъ отечественнымъ событиямъ двънадцатаго года, играли «во французы и русские.» Появление его приостанавливало ходъ игръ, какъ бы онъ не были жарки.

- Вона, ребята, Петруша бъжить, кричали они, завидя его издали: бери его къ себъ во французы, покажемъ ему какъ на насъ ходить!
- Я не пойду во французы, я хочу къ вамъ въ русскіе, отзывался упорно Петруша.
- Эва! еще важничать сталь; валяй его, ребята, что разбирать, такой онъ или сякой!

Чтобъ избѣжать двойнаго пораженія, Петруша не-хотя становился въ ряды французской партіи, и точно убѣждался, что французамъ, по-крайней-мърѣ его лѣтъ, отнюдь не слѣдовало ходить если не въ Россію, то уже во всякомъ случаѣ въ село Грачевки.

Преслъдуемый и постоянною бранью тетки, и непріязнію деревенскихъ партизановъ, Петруша выросталъ дикимъ и нелюдимымъ. Ни одному теплому чувству не удавалось какъ-то западать, въ эти годы въ грудь его. Разъ какъ-то впрочемъ, что-то по-хожее на глубокую привязанность, промелькнуло надъ сердцемъ мальчика, но и этому чувству, къ существу, даже безсловесному, къ пцецку, найденному имъ гдъ-то въ канавъ, не суждено было развиться и окръпнуть.

Замътивъ частыя подпалзыванія Петруши подълъстницу́ избы, изъ-подъ которой онъ всякій разъ выносиль не малую часть таившагося тамъ сору, тетка очень скоро открыла настоящаго виновника этихъ подпольныхъ путешествій.

— Что ты туда поминутно лазаешь, да рубаху мараешь? спросила она однажды, когда Петруша, припрятавъ за пазуху кость, собирался въ десятый разъ навъстить своего пріемыша. Съ крысами, что-ли, дружбу свель? Вылъзай скоръе, а не то ни одного волосенка на маковкъ твоей безтолковой не оставлю.

Петруша повиновался.

При движеній, которое онъ сділаль, чтобъ приподняться на ноги, изъ-за рубашки его выпала предательница кость, и вслідъ за этимь, какъ бы въ довершеніе всіхть золь, раздался пискъ его голоднаго питомца и показался онъ самъ.

- Это что такое? Откуда у тебя такое сокровище явилось? вскричала старуха.
- Обличенный, растерявшійся мальчикъ не отвъчаль ни слова и только искривиль плаксиво лицо.
- Ну, расправляй же поскоръе гортань, когда спрашивають, повторила тетка.

Но Петруша какъ будто не слыхалъ этого новаго грознаго приказанія. Не обращая никакого вниманія на строгое выраженіе лица и голоса старухи, онъ думалъ только въ ту минуту объ одномъ спасеніи собачки, которой, чувствовалъ, грозило что-нибудь да не доброе. Позабывъ совершенно о всѣхъ непріятныхъ послѣдствіяхъ, онъ быстро скользнулъ опять подъ лѣстницу, и залившись плачемъ, съ умоляющимъ видомъ смотрѣлъ на раздосадованную тетку, сжавъ крѣнко въ объятіяхъ виновника неожиданной тревоги.

— Ахъ, ты, разбойникъ, разбойникъ, голосила между тъмъ старуха: такъ вотъ зачъмъ ты все изъ дому-то у меня тащищь! Ты еще кажется псарню разводишь! Дѣльно, красавець, дѣльно. Милости просимъ сюда съ своей гадиной; вотъ я вамъ обоимъ приготовлю хорошее мѣсто! Ну, ну, двигайся же, дай полюбоваться своей охотой.

Но сгорбившись въ своемъ тъсномъ пространствъ, мальчикъ не думалъ повиноваться.

- Вылъзешь ли ты наконецъ, когда приказываютъ, дребезжала старуха, понуждая Петрушу къ повиновению длинною жердью.
- А что ты, тетя, сдѣлаешь, когда я вылѣзу? проговорилъ наконецъ Петруша.
- Что, что ты тамъ заговорилъ такое? что сделаю? Разумется только по головке за хорошія дела поглажу, больше ничего.
- Это бы ничего, гладь сколько хочешь, тетя; скажи только собаченку-то обижать станешь, или нъть?
- Торговаться еще вздумаль! Выползай, эмѣенышь, а тамъ увидимъ.

Но Петруша не двигался съ мъста, не смотря на то, что прикосновение жерди вырывало у него громкие стоны. Онъ былъ только весь проникнуть одною мыслю спасения своего четвероногаго друга, и ею лишь поддерживалъ свое мужество.

- Побожись, родная, что ты ничего слишкомъ дурнаго Шарику не сдълаешь, жалобно упрашивалъ онъ.
- Воть я тебя ужо, погоди, побожусь! Вылѣзай, а не то тотчасъ заткну наглухо дыру, и околѣвай подъ лѣстницею съ своей гадиной. Слышишь? ты знаешь, что со мною шутки куда какъ бывають плохи; тебѣ чай это не впервые приходится знать.

• Петруша только отодвинулся въ самую глубь подполья.

- Вотъ ужъ подлинно, простонала озлобленная старуха: мать умориль, и меня видно уморить хочешь; потомъ наскучивъ долгимъ ожиданіемъ, она помолчала немного и сказала не такъ ужъ грозно:
- Ну, вылѣзай, ужъ такъ и быть, на первый разъ ничего твоему псу не сдѣлаю.
  - Побожись, тетя.
- Вотъ еще что выдумалъ, довольно для тебя и слова будетъ.

The water april tomoras deposits they

- Нътъ, не довольно, а не то такъ ужъ и быть, заколачивай лъстницу.
- Ну, вотъ тебѣ право-слово! произнесла наконецъ старуха, слышишь ли не у-б-ь-ю, протянула она на послѣднемъ словѣ.
  - Точно ли будетъ такъ, проговорилъ недовърчивый мальчикъ.
- Ну, да, да, окаянный ты замарашка, сколько еще тебъ разъ повторять, что да!

Петруша выползъ, бережно придерживая щенка, но не успълъ онъ еще порядочно выпрямиться, какъ тетка ухватила его одною рукою за волосы, а другою приподняла на воздухъ собаченку.

 Дала правое слово, что не убью, сказала она, и не убью, а только закину, а ты посмотришь.

И она повлекла обоихъ плѣнниковъ къ задней оградѣ двора, къ которой примыкало глубокое водянистое болото.

Во все продолженіе этого короткаго пути, Петруша только инстиктивно схватился руками за сжимавшую его руку, но нисколько не старался высвободиться. Онъ весь растерялся и быль проникнуть такимъ какимъ-то страннымъ, томительнымъ чувствомъ, которое пересиливало физическую боль. Но когда до слуха его долетѣлъ послѣдній визгъ Шарика и вслѣдъ затѣмъ раздался шумъ всплеснувшей воды, изъ губъ его вырвался уже не стонъ, а какой-то дикій крикъ. Онъ опрометью бросился со двора вдоль деревни, которую нужно было ему обогнуть всю, чтобъ добѣжать до роковаго мѣста. Напрасно доносились до него самыя сильныя угрозы; надежда какъ-нибудь спасти Шарика, надежда, впрочемъ и ему казавшаяся шаткою, дѣйствовала на него сильнѣе всѣхъ будущихъ непріятныхъ вѣроятностей. Онъ вдругъ сдѣлался будто глухъ и нѣмъ, и бѣжалъ, бѣжалъ со всѣхъ ногъ.

- Ну-жъ, погоди, задамъ я тебъ ужо, произнесла тетка, входя въ избу, а между тъмъ все таки заглянула въ печь и проговорила:
- Будеть ли мнѣ еще чѣмъ его накормить; нынче цѣлый день почти-что ничего въ ротъ не бралъ, все дѣлалъ видъ, какъ-будто сытъ, и къ ужину откладываетъ, а откладывалъ все лишь для своей поганой артели, ужъ не я ли, грѣшная, умишко-то

его последній доколотила. Охъ, ведь все изъ одной любви. Не взъерошь его подъ часъ, совсемъ можетъ, мальчишка, свихляться на все стороны!..

Петруша не возвращался домой до самой поздней ночи, и долго дрожаль въ съняхъ, покуда тетка, услышавъ шорохъ, не увидъла его припрятавшагося въ уголъ. Она было уже открыла ротъ, чтобъ хорошенько выбранить, по своему обыкновеню, но взглянувъ на него повнимательнъе, вдругъ пріутихла, и рѣчь, готовая излиться бурнымъ потокомъ, замерла у нея въ горлъ; рука, державшая свитую жгутомъ веревку, опустилась. На полномъ, всегда румяномъ, какъ слива, лицъ мальчика, небыло ни малъйшаго признака обычнаго румянца; глаза его впали и блуждали какъ-то дико; онъ былъ весь мокръ и покрытъ тиной и грязью, и губы его судорожно подергивались. Старуха поняла, что Петруша сильно страдалъ, и хотя по ея понятіямъ, страданіе это могло быть только однимъ физическимъ страданіемъ, однако же не ръшилась его наказывать и только проворчала:

— Стоило бы тебя поразогръть не много, да ужъ на нынъшній разъ такъ и быть, помирволю и причту лучше къ другому дню. Давай рубашку-то скину; забольешь, такъ еще ходи за тобой. Ахъ ты, глиняная головушка! Хоть бы догадался пораньше придти, висъльникъ; затопила-бы печку да выпарила тебя въ ней, чай ты продрогъ, какъ собака. На, по-крайнеймъръ, мой тулупишко, хоть имъ накройся... пожрать что-нибудь хочешь?

Петруша оставался безмолвнымъ на это родственное предложеніе. Тетка оправила его распущенные волосы, пригладила ихъ ладонью и сдълала новое, довольно ръдкое предложеніе:

— Меду, можеть быть, не много повшь? не много меду есть у меня. Хочешь, такъ говори, звърь ты эдакой; что онъмълъ? Экое великое горе, что псаремъ не удалось намъ сдълаться!

Но Петруіна по-прежнему безмолвствовалъ.

Тетка начала снова сердиться, и оскорбленная явною неблагодарностью къ ея вниманію, заворчала:

 Такъ я тебъ покажу честь; я тебъ дамъ знать кто здъсь голова, а кто хвостъ. И она насильно совала ему въ ротъ и медъ, и гръчневую кашу, но Петруша сжималь губы, отворачивался, и только мыча дрыгаль ногами.

— Дрыгай, дрыгай, замътила старуха, усиъвъ всунуть ему въ ротъ нъсколько крупинокъ; что взялъ? поставила таки на своемъ, каши-таки попробовалъ; нынче, такъ ужъ и быть, покончу только на этомъ, но не натаскай только ты мнъ завтра дровъ, я тебъ все, все, даже прошлогоднъе припомню, борзой охотникъ!

Потомъ она отошла въ сторону, задула горѣвшую лучину, посѣтовала громогласно на свою вдовью участь, замолчала на нъкоторое время, и спросивъ его, съ прибавленіемъ къ его имени эпитета «жиденка», не знобить ли его, нъсколько разъ довольно нъжно окликнула и наконецъ уснула, предоставивъ все будущему дню, который могъ помочь ей обдумать, что нужно предпринять съ племянникомъ, чтобъ сдълать его вполнъ благоразумнымъ по ея понятіямъ. Петруша быль неутъшень и отъ страданія душевнаго, и оть сильной боли спины, которую, на другой день, не позабыла осмотръть тетка, въ желаніи ему будущихъ благь, и съ этихъ поръ, не смотря на постоянныя угрозы, онъ сталъ надолго пропадать изъ дому. Валяясь на влажномъ пескъ отлогаго берега Волги, подперевъ локтями всклоченную голову, онъ иногда по нъсколькимъ часамъ лежалъ неподвижно, устремивъ глаза на синъющуюся предъ нимъ даль, окаймленную лъсами, нивами и селами, разбросанными на нъсколько десятковъ верстъ. Онъ внимательно глядълъ на синія волны, искривніяся отъ солица, по которымъ, оставляя за собою темную водяную полосу, тянулись барки, оглашаемыя неясными звуками пъсень; потомъ онъ переносиль взглядь на зеленьющіяся волны ржи, надъ которыми медленно, протягивая прямую линію къ небу, поднимался жаворонокъ, и ему становилось какъ-то вмѣстѣ и грустно, и радостно. Нъмая природа, окружавшая его во всемъ своемъ безмолвномъ величіи, и одна дарившая его, какъ и всёхъ, равно и своимъ тепломъ, и своимъ свътомъ, одна казалось ему, была къ нему благосклониве. Полный какого-то непонятнаго ему стремленія, онъ старался удержать ея образъ въ своемъ дътскомъ воображенін. Иногда даже заставала его на влажномъ берегу полуевътлая лътняя ночь, и онъ, истомленный голодомъ и зноемъ лътняго дня, снова сбирался съ силами и кръпнулъ среди окру-

жавшей его вечерней прохлады и благоуханія скошенныхъ травъ и дикихъ полевыхъ цвътовъ, наполнявшаго влажный воздухъ. На сердцъ его становилось легко; онъ жадно прислушивался къ малъйшимъ звукамъ, возмущавшимъ ночное безмолвіе. Bce тогда и даль, и пространство, и небо, преобразовывалось въ глазахъ его и принимало какой-то новый, торжественный видъ, который скрадывало предъ нимъ все, слишкомъ сглаживающее сіяніе дня, мъщающее свободно развиться грезамъ, независимо отъ предметовъ видимыхъ. Деревья и кусты начинали предъ нимъ расти и обращаться въ какія-то живыя, громадныя тыни; отдаленныя хижины принимали формы самыя разнообразныя п фантастическія; отголоски, ослабленные далью, звучали ему какими-то чудными, убаюкивающими звуками. Ему вдругъ становилось тогда и страшно, и радостно, и величественная картина ночи все глубже връзывалась въ его воображении. Незнакомый съ прелестью наслажденій сердечныхъ, чуждый всякой глубокой привязиности, онъ пристрастился къ предметамъ внъшнимъ и старался сохранить ихъ подолъе въ своей памяти какими-нибудь видимыми чертами. Онъ быстро отдъляль тогда руку отъ усталой головы, и принимался чертить пальцемъ на влажномъ нескъ и широкую Волгу, и разбросанныя вдали села, и очеркъ своего погибшаго, минутнаго друга, выходившій у него всегда очень похожимъ на то бревно на четырехъ подставкахъ, которое носить у плотниковъ техническое название «козла. » Одиночество и склонность къ прибрежнымъ побътамъ развили въ немъ врожденную способность къ рисованію, и онъ съ каждымь днемъ, все болѣе и болъе пристращался къ своимъ занятіямъ, и съ каждымъ днемъ изъ-подъ руки его выходили, все болъе и болъе, стройныя и правильныя черты. Весь прибрежный песокъ на большомъ пространствъ, былъ изчерченъ произведеніями его пробуждавшагося художнического творчества.

Впрочемъ, не на одни волжскіе берега дѣлалъ Петруша свои набѣги. При вступленіи взвода Виктора Александрыча въ деревушку матери Марьи Петровны, молодое поколѣніе села Грачевокъ, недавно тогда еще выгорѣвшаго, и слѣдовательно лишенное удовольствія видѣть и у себя такихъ же гостей, постоянно отправлялось туда ватагою, какъ въ самое ближайшее мѣсто.

Петруша также не могъ устоять отъ искушенія, и часто, услышавъ отдаленные ружейные залпы, бъжаль въ Замарашково съ такою быстротою, какъ будто за нимъ гналась цълая стая голодныхъ волковъ. Одинъ ничтожный случай, иногда врагъ, иногда другь человъка, доставиль ему лестное знакомство и покровительство Топчугова. Нужно замътить, что Топчуговъ, когда уже ему рѣшительно ничего не оставалось дѣлать дома, ни чистить пуговиць, ни ваксить сапоговь, ни чинить что-нибудь, любиль тоже выходить на учебное поле, и съ короткою трубочкою во рту любоваться издали молодецкими распоряженіями своего барина. Въ такія минуты онъ обыкновенно являлся для любопытныхъ деревенскихъ - мальчишекъ будто покровительствующимъ геніемъ, и они, прогопяемые то оттуда, то отсюда военными передвиженіями, толпились за его широкою спиною, какъ будто за спасительнымъ валомъ, въ полной увъренности, что уже ихъ ничто не потревожить. Вмъсто того, чтобъ отгонять отъ себя такую шумливую толну, Топчуговъ былъ, напротивъ, очень доволенъ этимъ малолътнымъ обществомъ, и наскучивъ молчать, да молчать, иногда по цёлымъ днямъ, очень охотно вступалъ съ мальчишками въ разные разговоры и разсужденія, какъ съ короткими пріятелями равныхъ съ нимъ лѣтъ, не ственяясь ни какими выраженіями и не умалчивая ни о какихъ бы то ни было происшествіяхъ своей жизни. Болье всего любиль онъ разсказывать про свои походы, про многія битвы, въ которыхъ онъ участвоваль съ Долевымъ, находясь въ обозъ, и мальчишки удалялись всегда послъ этихъ разсказовъ, въ которыхъ мъстоименіе мы, играло самую важную роль, съ такими новыми географическими названіями разныхъ иностранныхъ городовъ и ръкъ, какихъ ужъ върно никто не отыщеть ни на какой карть, хотя Топчуговь точно быль во всъхъ поименованныхъ имъ мъстахъ. Неизвъстно отъ чего происходили только такія переименованія, отъ того-ли, что у Топчугова слаба была память, или оть того, какъ онъ самъ выражался: «языкъ его не на иностранный манеръ былъ навинченъ», право, положительно сказать не могу, и потому приступаю къ дальнъйшему повъствованію.

Случай, который сблизиль Петрушу съ Топчуговымъ, а чрезъ него потомъ и съ самимъ Викторомъ Александрычемъ, былъ

ничтожный, какъ мѣдный гвоздникъ отъ трубки, потерянный денцикомъ, въ одно изъ его присутствій на учебномъ полѣ. Гвоздикъ этотъ находился уже въ рукахъ одного изъ мальчишекъ, и сбирался уже очутиться за туго перевязанною рубашкой, когда Петруша замѣтилъ это и сильно сжавъ руку его державшую, закричалъ:

- Ты что эвто гвоздь-то этоть за пазуху прячешь, твой что ли онь?
- Не бойсь, твой, что-ли? последоваль ответь; отстань, нока безь заглоушины!
  - Не мой, а дяденькинъ, отозвался Петруша.
  - Какого ты еще себѣ дяденьку нашолъ?
    - Да воть усатаго-то; это онъ гвоздикъ-то обронилъ.
  - Обронилъ такъ новый купитъ; не оброняй впередъ.
- Анъ вотъ и не купитъ! вскричалъ Петруша, и ловкимъ движеніемъ вырвалъ лестную для грачевскаго мальчика добычу.
- Хватай, лови, держи, валяй Петрушку! заревъло нъсколько голосовъ, но Петруша успъль уже далеко опередить преслъдующихъ, и махая руками кричалъ что было силы:
  - Дяденька, дяденька, эй, дяденька, постойте, дъло есть!
- Ну, ну, бъги не робъй, отозвался также во весь голосъ Топчуговъ, полуобернувшись и недумая остановиться; не больно ты еще человъкъ, чтобъ изъ-за тебя время терять.
- Ну, что тамъ случилось? спросилъ онъ, когда Петруша догналъ его, и едва переводя отъ усталости дыханіе, проговорилъ:
  - Штучку вотъ изволили затерять.
  - Какую штучку?
- А вотъ пихалку-то вашу, отвъчалъ Петруша, подавая мъдный гвоздикъ.
- Молодецъ! пробасилъ Топчуговъ; спасибо, что не своровалъ, ну, пойдемъ, кваскомъ за то тебя напою; ишь-ты, потъ-то какъ съ тебя льетъ, словно подъ ушатомъ стоялъ; а у меня квасъ, братъ, отличный.
  - Много доволенъ, дяденька, отозвался Петруша.
- Иди, когда говорять, произнесъ Топчуговъ, хватая Петрушу за руку, не ходи лишь когда тебя не просять.

— Ну, теперь присядь, отдохни, сказалъ Топчуговъ, напоивъ Петрушу квасомъ.

Петруша свль.

- Ну, что, чей ты? продолжаль Топчуговъ.
  - Да ничей, дяденька, я сирота.
    - На то воля Божья! такъ-таки круглый сирота, бъдняга?
- Только тетка одна, дяденька.
- И за то, брать, моли Бога, хоть одинъ человъкъ есть, кому за тобой присмотръть.

Выговоривъ это, Топчуговъ пріумолкъ, и вѣроятно самъ не зная чѣмъ ему больше занимать мальчика и о чемъ говорить съ нимъ, натянулъ падецъ на падецъ и сталъ имъ бить по столу. Столъ такъ и отзывался подъ этими ударами.

- A каковъ пальчикъ-то, произнесъ самодовольно Тончуговъ, видалъ ли ты когда такую силищу?
  - Невидаль дяденька, отозвался изъ въжливости Петруша.
- Да, братъ, таки постоимъ за себя; ну, а выдержалъ ли бы ты пробу, еслибъ я тебъ одинъ зарядъ закатилъ?
  - Не знаю, надо попробовать, дяденька.
- Ужъ навърно бы взвылъ.
- Отъ чего же взвыть, въдь я не баба.
- Ахъ ты, хвастня! А ну-ка, держи-ка лобъ, продолжаль Топчуговъ, натягивая съ силою свой кривой и толстый палецъ, покрытый такою плотною кожею, которой позавидовала бы кажется и сама черепаха.
- Трогайте, небойтесь, дяденька, отвъчаль Петруша, безстрашно подставляя свой лобъ.

Топчуговъ раза три натягивалъ палецъ, подаваясь то впередъ, то назадъ, и производя грозные, многочисленные мгм! Мгм! Петруша не моргнулъ, какъ говорится, ни однимъ глазомъ.

— Да ты, я вижу, въ самомъ дѣлѣ, во всемъ молодецъ, проговорилъ онъ, гладя Петрушу по головѣ; ну, на, выней еще квасу, отдохни не много и ступай себѣ потомъ съ Богомъ.

Мальчикъ исполнилъ приказанное и сталъ съ любонытствомъ осматривать каморку Топчугова.

 — Ну, что ты тутъ такого смотришь? спросилъ Топчуговъ.

- Да многое диковинное, для меня дяденька, чего я и въ толкъ не возьму для чего оно.
- Примърно.
- Да вотъ, примърно, вотъ эта черная краска, что на тарелочкъ-то!
  - Глуный, какая же это краска, это просто себъ вакса.
  - Вакса, дяденька? повторилъ вопросительно Петруша.
- Ну; да, которою саноги лакирують; аль ты невидаль?
  - Никогда не случалось, дяденька!
- Ахъ ты горемычная головушка! Ну, хочешь, я тебя научу, кстати еще у меня сапоги одни не вычищены.

И Топчуговъ показалъ Петрушъ очень отчетливо всю процедуру чищенія сапоговъ, приговаривая время отъ времени:

 Да ты понѣжнѣе, смотри, да потомъ легонько подуй, да потомъ опять понѣжнѣе.

Среди этихъ занятій возвратился Викторъ Александрычъ.

- Это кто у тебя? спросиль онь Топчугова.
- Да Грачевскій мухортикъ одинъ, ваше благородіє; гвоздокъ я потерялъ, такъ онъ мнѣ его принесъ, я его не много и того... чтобъ поотдохнулъ не много, изволите знать; сирота, ваше благородіє, да и пригодился, сапоги, извольте посмотрѣть, какъ пріятно вычистилъ.
- Хорошо, очень хорошо, произнесъ одобрительно Викторъ Александрычъ; Богъ труды любитъ, приходи-ка намъ помогать, эсли время будетъ. Топчуговъ, покорми его, я самъ, братъ, сиротою взросъ, такъ это дъло вполнъ знаю.
- Кланяйся, да цълуй у его благородія ручку, подъучилъ
   Топчуговъ.

Петруша исполниль приказаніе, и Викторъ Александрычь остался повидимому очень доволень такою благодарностью, ласково погладиль Петрушу по головъ и только замътиль слегка:

— Ты только, милый, почаще себъ носъ вытирай, а то бываеть иногда такъ не хорошо!

И Петруша часто сталь посъщать Топчугова, и только иногда удалялся чертить песокъ на волжскомъ берегу, когда денщикъ замъчаль ему: Ну, братъ, нынче иди куда-нибудь въ другое мъсто, нынче мнъ нъкогда; иди царапать песокъ.

Но и этому призванію помѣшала тетка, заботившаяся о его житейскомъ благѣ и пламенно желавшая видѣть его достойнымъ пріемникомъ ея троюроднаго покойнаго брата въ селѣ Грачевкахъ. Далѣе и выше, надежды ея, по предполагаемой его глупости и лѣности Петруши не простирались. Однажды, когда самобытный артистъ, чѣмъ-то особенно раздосадованный, утирая засаленными рукавами заплаканные глаза, прибѣжалъ на свой любимый прибрежный приотъ, и послѣ нѣсколькихъ безотчетно нацарапанныхъ линій, началъ выводить, въ досадѣ, черты своей старой родственницы, сильный ударъ валежникомъ по спинѣ заставилъ его вздрогнуть, взвизгнуть и потомъ выпрыгнуть.

— А! такъ-таки нашла тебя, бездѣльникъ, отыскала наконецъ твой разбойническій притонъ, раздался вслѣдъ за этимъ ударомъ строгій голосъ тетки. Что ты тутъ дѣлаешь?.. а? Могилу, что-ли, себѣ лапами въ пескѣ роешь?.. Успѣешь еще утонуть, если тебя не повѣсять... Посмотримъ, какимъ ты тутъ дѣломъ занима—ешься.

Старуха оттолкнула Петрушу въ сторону, нагнулась къ берегу, всплеснула руками и ахнула.

— Такъ вотъ въ чемъ каратаешь ты весь день, вскричала

— Такъ вотъ въ чемъ каратаешь ты весь день, вскричала она. Вмъсто того, чтобъ мнъ помогать дома работать да учиться грамотъ, ты только какія—то бъсовскія хари на пескъ выца—рапываешь... Домовыхъ, что-ли, выкликать учишься?.. Говори, зачъмъ ты нацарапалъ такую въдъмину рожу?

И за этимъ вызовомъ къ откровенности, на мальчика посыпались новые удары валежника.

- Это не въдъмина рожа, отвъчалъ разстерянный Петруша, стараясь перехватить на-лету падающіе на него гибкіе хлысты... это, право, не въдъмина.
  - Кто же это такое?
  - Это такъ.
  - Что такъ?
- Ты, тётя, пробормоталъ Петруша, не найдясь въ торопяхъ что отвъчать на неожиданный вопросъ...
  - Я?.. такъ это я, прохрипъла старуха... Хорошо, мой кра-

савець, пожалуй-ка со мною теперь, я ужъ не собаченка, я ужъ теперь тебъ ничего не подарю и засажу въ такое мъсто, откуда ты не вырвешься, покуда я всю дурь изъ тебя не повыгоню...

И не смотря на тщетныя усилія Петруши вырваться изъ ея здоровыхъ рукъ, она притащила его на дворъ и втолкнука въ клевъ, гдъ у нее пребывало въ невозмутимомъ спокойствіи одно полное животное, къ которому одному она сохраняла постоянную нъжность, и не иначе всегда называла, какъ голубушкою.

— Посиди немного съ нею, авось она тебя уму-разуму научить, а тамъ посмотримъ, что съ тобою дълать, докончила старуха, завязывая дверь толстою веревкой...

Солнце почти зашло уже за лѣсъ, когда тетка снова подошла къ временному карцеру Петруши...

— Ну, что, начала она, будешь теперь у меня изъ дому волкомъ бъгать?..

Никакого отвъта изъ клева не послъдовало.

— Оглохъ, что ли, ты?...

Тоже молчаніе.

- Ахъ, Боже мой, вскричала боязливо старуха, ужъ не нашутила ли съ нимъ чего-нибудь не хорошаго Хавроша. Чего добраго, долго ли до гръха. Что не толкуй, а свинья всегда свиньей будетъ...
- Петруша, Петенька, добавила она нѣжно, и поспѣшно отворяя дверь. Но туть выраженіе ея голоса изъ нѣжнаго и умоляющаго сдѣлалось еще грозпѣе. Петруша стояль обернувшись къ стѣнѣ, флегматически покачиваясь со стороны въ сторону и набрасывая углемъ, на неравныхъ доскахъ, тоже самое изображеніе, которое утромъ такъ разсердило ее.
- А! протянула она, дурь-то върно еще изъ тебя несовсъмъ вышла; посиди еще здъсь не много, ночуй; пусть тебя домовой съъстъ.
- Такъ что-жъ, и пусть съъстъ! отозвался равнодушно Петруша.
  - Что?
- Я говорю, пусть его меня съвсть! я ему еще за это спасибо скажу, повториль озлобленный мальчикъ; по-крайнеймъръ, ты меня мучить не будешь...

— Вотъ какъ? Такъ хорошо-жъ, пойдемъ, потолкуемъ хорошенько, мой красавецъ...

Она вытащила племянника изъ хлѣва, и не говоря бодѣе ни слова, повела въ избу. Петруша шелъ, не сопротивляясь, безъ страха, безъ просьбъ о помиловании. Въ боязливомъ, загнанномъ мальчикѣ, казалось, пробудилась какая-то рѣшимость.

- Такъ я тебя мучу? начала она, втолкнувъ его въ комнату и протягивая руку, чтобы придержать его, при этомъ вопросъ, за волосы:
- Не трогай меня теперь, тётя, проговориль Петруша, отступая назадъ... Я ръшился оставить твой домъ.
- Иди, иди, проваль тебя возьми!.. Однимъ дурнымъ зельемъ меньше будетъ... И не жаль тебъ никого, воровское отродье?..
  - Никого! отвъчалъ Петруша.
  - Такъ таки ръшительно никого, злющее съмя!
- Никого!
- И не любищь ты никого?
- Никого!,.
- И дълать ничего добраго не намъренъ?. И учиться не будешь? И щепъ мнъ не будешь таскать!.. Только хари царапать на пескъ да лягушекъ на Волгъ ловить?.. Такъ, что-ли, змъенышь?..

Петруша только грызъ ногти, уставя въ полъ глаза.

— Такъ съ Богомъ, голубчикъ, докончила тетка, ступай себъ къ своему жучкъ, къ кому хочешь, на всъ четыре стороны. Слъдовало бы тебя приколотить, еслибъ въ тебъ добрая душа была, да ты этого не стоишь. Згинь, окаянный, не знай ты меня, и я тебя не знаю! Вотъ и все! слышалъ?

Петруша молча обратился къ двери.

— Постой, постой, крапива поганая, остановила его тетка, шапченку-то свою хоть возьми...

И она кинула ему картузъ. Петруша подхватилъ его на лету...

 Да на ужъ, кстати, и сертучишко-то свой захвати, продолжала она, роясь въ своемъ сундукъ и вынувъ оттуда нанковый сюртукъ мальчика. Заплату еще новую сдълала, добавила она бросая на полъ праздничное и единственное платье своего племянника.

Петруша поднялъ сюртукъ и припряталъ подъ локоть, смявъ его въ комокъ.

- Мни, мни его, теперь мнъ все равно... Пошелъ вонъ! Петруша началъ не много переминаться.
- Пошелъ вонъ! закричала она грозно: вспомни про Жучку, не то я и тебя также по уши въ болото заколочу... Довольно я съ тобою мучилась... Теперь баста тебя любить да холить...

Она хотъла добавить еще что-что, но уже Петруша скрылся за дверью.

На дворъ было совершенно темно, выль вътеръ и шелъ крупный дождь; лучина, зажженная въ избъ, совершенно блъднъла при блескъ частой молніи. Безмолвная покорность Петруши вызвала наружу всю скрытую досаду и затаенную злобу
старухи... Ей стало его жаль, по-своему, а между тъмъ и
досада ее разыгрывалась, какъ буря, все болъе и болъе.

- Ну, ужъ какъ я не сердита на этого постреленка, а такъ и быть, кончу разомъ, прошептала она, приподнимаясь съ лавки и скорыми шагами подходя къ двери.
- Петька! закричала она, Петька, слышишь ли ты! иди сію минуту сюда, а не то плохо будеть!.. Отвъчай же, гдъ ты запрятался?..

Только одинь вѣтеръ прошумѣль ей въ отвѣтъ, похлопывая ветхими воротами... Она взяла лучину, осмотрѣла сѣни и всѣ чуланы—Петруши въ нихъ не было. Не смотря на лившій, какъ изъ ведра, дождь, она заглянула даже на дворъ, громко окликнула Петрушу, называя его и красавцемъ, и голубчикомъ, посулила меду и яблоковъ, побожилась даже, что все прошлое предастъ забвенію, стала наконецъ даже жаловаться на его неблагодарность къ ней за всю ея любовь, попеченія и привязанность — слова ея пропали даромъ — Петруши нигдѣ не было. Встревоженная этимъ, ни сколько непредполагаемымъ побѣгомъ, она накинула на себя заячью тѣлогрѣйку и выбѣжала, не разбирая лужъ, на улицу, оглашая ее то грознымъ, то ласковымъ крикомъ.

— Петруша, Петрушечка! кричала она, и, въроятно, пола-

гая, что такое непривычное для слуха мальчика приглашене, не можеть нисколько сильно на него подъйствовать, тотчасъ же измънила тонъ, и прибавила:

- Сейчасъ иди сюда, волчье сердце...
- Петька, ступай, ужъ такъ и быть, пироги лопать... Эй, ты, слышь-ли!..

Отвъта не было; только однъ деревенскія собаки, встревоженныя такими поздними возгласами, отзывались на ея приказанія и просьбы...

А между тёмъ Петруша бёжаль, рыдая отъ горя, самъ не зная куда, пока не мелькнула ему счастливая мысль. Онъ вдругъ вспомнилъ о Топчуговъ, такъ пріятельски всегда съ нимъ бесъдовавшимъ и иногда даже подчивавшимъ его водкой съ замъчаніемъ:

 Ну, ну, пропусти маненько; отъ капли глотка непровалится, только пьянъ, смотри, никогда не смъй быть.

Мальчикъ повернулъ назадъ; едва переводя отъ усталости дыханіе, остановился онъ у темнаго окна избы Виктора Александрыча, и началъ дрожащею рукою тихонько стучать въ него, въ полной надеждъ на гостепріимство и покровительство деньщика. Прошло почти полчаса покуда чуткій Топчуговъ разслышалъ наконецъ робкіе удары все еще горько плакавшаго мальчика.

- Кто тамъ? спросилъ онъ сердито въ нолголоса, приподнимая съ осторожностью раму.
- Я, дяденька!
- Кто я?
- Да Петрушка!
- Зачъмъ это тебя нелегкая принесла въ такую темень?
- Пусти, ради Господа, переночевать, дядюшка.
- Что у насъ за постоялый дворъ! ноги молодые, и домой добъжатъ, впередъ не плутай, произнесъ обезпокоенный въ своемъ снъ Топчуговъ, опуская раму.

Петруша отвъчалъ стономъ. Топчуговъ прошепталъ какую-то крупную брань и вышелъ за ворота.

— Что ты это, дьяволенокъ, на всю околицу орешь? аль тебя уже и вправду гдѣ нибудь такъ больно помяли, что и въ самомъ дѣлѣ, ноги нести не могутъ?

Щелкая зубами отъ холода, Петруша прерывисто разсказалъ все съ нимъ случившееся.

- Плохо, брать, отозвался Топчуговь, вмѣсто всякаго участія; придется тебѣ опять назадъ оглобли поворотить; ахъ ты, собачій сынь, за что же это ты смѣль нашу квартиру за притонь какой-то считать? Пошель, пошель! за доброе дѣло въ такую погоду никто бѣшеную собаку не выгонить. Вѣрно ужъ что нибудь недобраго много наблудиль.
  - Дяденька, дяденька! стоналъ Петруша.
  - Ладно, тетенька, убирайся, покуда цълъ.

И вдругъ Топчуговъ остановился въ нерѣшимости. Сильная рука его такъ и колебалась въ дрожащихъ рукахъ мальчика.

- Ишь ты какъ пробъгался, замътиль онъ; ну, ужъ такъ и быть, пріютись какъ нибудь до утра въ чуланчикъ, а ужъ объ избъ забудь и думать; не пущу, хоть ты умри. Я за тебя отвъчать не хочу, а лучше пусть завтра баринъ разсудить.
  - Лихоманка такъ и трясетъ, дяденька.
- А я-то что жъ тутъ? Коли ты правъ выдешь, такъ она ничего не сдѣлаетъ, а коли нѣтъ, туда тебѣ и дорога. Эхъ, Петрушка, жаль мнѣ тебя, а задастъ тебѣ завтра баринъ пирушку, и мнѣ, можетъ, достанется, да ужъ такъ и бытъ; стунай въ чуланъ, тамъ солома есть, а я тебѣ тулупъ выкину.

Выбранивъ потомъ опять Петрушу, Топчуговъ втолкнулъ его въ назначенный ему пріютъ, и не заботясь болѣе ни о чемъ, уснулъ такъ, какъ спятъ только люди, сдѣлавшіе самое человѣколюбивое дѣло.

- Ваше благородіе, сказаль онь поутру Виктору Александрычу, пожелавь ему добраго утра: виновать, простите великодушно.
- Въ чемъ? спросилъ Долевъ.
- Да нынче ночью немного не чисто удело случилось, то есть такъ, что и ожидать было нельзя, да подумалъ: христіанская душа; какъ ни крепился, а вдругъ какъ-то жалко стало; ужъ не совсемъ гневитесь, ваше благородіе.
- Да что такое? говори! вскричалъ Викторъ Александрычъ.
  - Вотъ, изволите видъть, передрогъ и промокъ онъ, точно

галка; зубы то есть такъ ходуномъ и ходятъ; христіанская душа, думаю, ужъ куда ни шло!

- Говори же наконецъ, по-людски, въ чемъ дѣло? что ты такъ долго бобы разводишь!
- Дело-то совсемъ не важное. Оборвышь-то, что намъ прислуживаетъ... не то его въ самомъ деле выгнали, не то самъ бежалъ... Не собакамъ же его бросать, вотъ я его и приотилъ въ чуланчикъ.

И Топчуговъ совершенно объяснился.

- Не бъда, хорошо сдълалъ; теперь велъть его отвести домой да посовътовать теткъ ему голову вымыть, если онъ въ чемъ виноватъ, чтобъ впередъ съ нимъ подобнаго не случалось, ръшилъ Долевъ.
- Слушаю, ваше благородіе.

Топчуговъ вышель и подошель къ пріюту Петруши, который завернувшись въ тулупъ его, сидъль блъдный, опустивъ голову на колъна.

- Ну, что тебя такъ скорчило? началъ Топчуговъ, разгладъ ходули-то.
- A что, дяденька?
- Ужъ обделалъ таки, кое какъ, все благополучно. Велено тебя отправить обратно, да сдать тетке, на что она сама порешитъ, чтобъ ты впредь разумнее былъ. Известно, можетъ быть, она тебя не много и повзъерошитъ.
- Да за что же такъ слишкомъ дюже, дяденька?
- Молчи, волчій сынъ, ужъ такъ баринъ рѣшилъ, стало быть, есть за что, не нашимъ головамъ знать.

Петруша зарыдаль.

- Вотъ нашель какую бъду, успокоилъ его Топчуговъ: экая важность, что для твоего же будущаго благополучія твоя же родная кровь тебъ немного пополируеть; за то, брать, ужъ золотомъ станещь.
- Эй! раздался въ эту минуту голосъ Виктора Александрыча.
- Ну, полно хныкать, докончиль Топчуговъ, слышь ты, чай своимъ горломъ барина разсердилъ. На нашу правду еще никто не жалобился, такъ ты и подавно не смъй.

Топчуговъ скоро воротился.

— Ну, маршъ, самъ на лицо, сказалъ онъ, да глаза-то хорошенько протри, ишь ты они у тебя ажно у какого филина высунулись. Что, въ самомъ дѣлѣ, въ воротникъ больно опустился; пряникъ, что ли какой. Ахъ, ты, пшеничное тѣсто! Небось и послѣднее твое дѣло обдѣлалъ.

Робко вошель Петруша въ комнату Виктора Александрыча, который сидълъ въ то время передъ зеркаломъ и очень ръшительно схватывая себя кулакомъ за виски, внимательно смотрълъ сколько у него между пальцами осталось волосъ.

- Здъсь, пробасилъ Топчуговъ, но Викторъ Александрычъ даже не повернулся на этотъ откликъ и только проговорилъ:
  - А въдь нынче какъ будто гораздо меньше падають.
  - Пора ужъ, ваше благородіе.
  - И цвътъ лица, я замъчаю, лучше.
- Да, много глянцу замѣтно, подтвердилъ Топчуговъ, давно составивъ себъ на все свою собственную терминологію.

За этимъ, послѣ недолгаго но столько же тщательнаго лицезрѣнія Долевъ опять возобновилъ разговоръ, совершенно кажется позабывъ, что въ присутствіи его находится третье постороннее лицо, ожидающее отъ него рѣшенія своей участи.

- Ну, а ты куму свою невидаль?
- Вчера словами двумя-тремя на ходу перекинулся.
- Hy, что барышия.
- Слава Богу, авось насъ всъхъ переживеть.
- Браво!

Туть только Викторъ Александрычъ повернулся.

- А, любезный, сказаль онъ Петрушъ, добро пожаловать;
   такъ ты изволишь бъгать; не хорошо, голубчикъ.
  - Не бъжаль я, не бъжаль, отвъчаль мальчикъ.
- Божится, что не бъжаль, подтвердиль Топчуговъ Ну, разсказывай какъ все было, подтолкнуль онъ Петрушу.

И Петруша подробно, какъ умѣлъ, разсказалъ также и Долеву все свое горемычное житье.

Викторъ Александрычъ пожалъ плечами.

— Чортъ знаетъ теперь, произнесъ онъ, кто правъ и кто виновать, совершенно нельзя догадаться!

- Кого лукавый не обходиль, ваше благородіе, посившиль вмъшаться Топчуговь, замътивъ участіе на лицъ Долева.
- Именно такъ, согласился Викторъ Александрычъ; изъ словъ выходить, что онъ очень-то худаго еще не сдълалъ.
- Что жъ, можетъ и правду говоритъ, ваше благородіе, надо бы разобрать; малой-то онъ больно смышленъ, что не покажешь, тотчасъ все сдѣлаетъ, какъ будто годъ учился.

Говорять что любовь дълаеть нъжными и чувствительными даже самихъ звърей, и точно не даромъ иногда изображають амура, осъдлавшаго льва. Поздное появление Петруши случилось именно въ то самое время, когда стръла Купидона вонзилась уже очень глубоко въ сердце Долева, когда онъ уже нъсколько дней началъ дълать обходы мимо дома Марьи Петровны.

- Ну, что, еслибъ я, напримъръ, взялъ тебя къ себъ, спросилъ Долевъ, хорошо-ль бы ты служилъ?
  - Ахъ, еще какъ бы!
- Точно не безъ прилежанія малый, подтвердилъ Топчуговъ. Можетъ быть, у меня и въ самомъ дѣлѣ, что нибудь состоится, тогда одному не управиться.
- Пожалуй что и неуправиться.
- При томъ же, а все таки доброе дъло изкоторымъ образомъ будетъ; онъ насъ не разоритъ.
- Кинь хлъбъ за лъсъ, пойдешь, найдешь, ваше благородіе, подкръпилъ это намъреніе Топчуговъ: гдъ двое сыты, третій съ голоду не умреть! почему жъ не попробовать, малый съ мозгомъ.

Новое поприще Петруши было рѣшено. Поплакавъ довольно долго и выхваляя предъ Долевымъ, чтобъ его задобрить еще болѣе, многія хорошія качества племянника, старуха ушла совершенно довольною, прибавивъ съ послѣднимъ поклономъ:

- Милостію только своею, прошу его, отецъ нашъ, не оставлять, на спину-то его почаще поглядывать соблаговоляйте, чтобъ онъ и подъ старость, ваше благородіе не забываль.
- Ужъ ладно, ладно, успокоилъ ее Топчуговъ. Относительно собственной своей особы, Топчуговъ ограничилъ обязанности Петруши только чтеніемъ ему разрозненныхъ томовъ Викора Александрыча, при которомъ всегда дѣлался неподвижнымъ

на своей койкъ, и хотя обыкновенно черезъ полчаса и засыпалъ, но Петруша все таки обязанъ былъ продолжать, потому что, по какой-то странности, едва только голосъ чтеца переставалъ раздаваться, сонный слушатель открывалъ глаза и произносилъ:

- Ну, что же ты, аль горло пересохло?
- Да въдь вы спите, и ничего не слышите, дяденька.
- Тебѣ до всего этого дѣла нѣтъ, посадили читать такъ и читай, покуда не скажутъ баста. Но, этимъ еще неограничивались умственныя развлеченія Топчугова. Петруша украшалъ также уголъ его своими живописными произведеніями, и при каждомъ новомъ созданіи, съ самодовольнымъ видомъ показывалъ его Долеву, замѣчая:
  - Право, въдь съ мозгомъ мальчишка, ваше благородіе.
- Да, не безъ головы, соглашался Викторъ Александрычь, воть если бъ мнѣ Богъ помогъ, я бы его въ однѣ порядочные руки отдалъ; у меня въ сосъдствъ есть именно одинъ такой человъкъ, если только не умеръ. Да, помоги только Богъ!

Желаніе его наконець исполнилось. Благодаря словоохотливости кумы Топчугова и постоянству, съ которымъ онъ самъ воспламенялъ воображеніе и подкрѣплялъ рѣшимость Долева, давно желанный бракъ состоялся, и чрезъ нѣсколько времени, горделиво возсѣдая на козлахъ, Петруша весело разговаривалъ съ Топчуговымъ, который обнаруживалъ тогда въ первый разъ, кромѣ уже извѣстныхъ качествъ, очень хорошія кучерскія способности. Для всѣхъ, составлявшихъ этотъ дальній поѣздъ, предстояла новая жизнь съ новыми надеждами.

III,

Александръ Михайлычъ и Лукерья Павловна Прошины, и ихъ отношентя къ семейству Виктора Александрыча Долева.

Верстахъ въ двънадцати отъ села Вороньи – Гнъзда, какъ уже было сказано, находилось сельцо Алмазово, принадлежавшее помъщику Александру Михайлычу Прошину. Имъніе это пользовалось громкою извъстностью на нъсколько десятковъ верстъ, и почти всегда пораждало нескончаемые разсказы о какомъ нибудь

новомъ своемъ украшеніи и порядкъ. Такая извъстность была вирочемъ вполит заслужена, и издали его можно было даже принять за накой нибудь маленькій заштатный городокъ. У главнаго въбада, къ которому вела длинная аллея изъ тощихъ березъ, красовалась сторожка съ шлагбаумомъ, и не смотря на то, что этотъ шлагбаумъ, у котораго давнымъ давно нерегнила веревка, былъ всегда подиять и очень неръдко украшень крестьянскимь бъльемь, а въ окна сторожки, вмъсто предполагаемаго караула выглядывали откармливаемые въ ней господскіе индеята; это обстоятельство ни сколько не мъшало Александру Михайлычу говорить съ нъкоторою гордостью окружнымъ помѣщикамъ, что въ его дѣдовскую отчину не можеть, безъ его въдънія, влетьть даже маленькая муха. Чтобъ пояснить нъсколько эту довольно поэтическую вольность выраженія, нужно сказать, что въ самомъ дёль, съ прибытіемъ каждымъ лътомъ Прошина въ Алмазово, оно отличалось въ первые дни самымъ примърнымъ порядкомъ и общимъ оживленіемъ. Къ сторожкъ наряжался преспокойно, впрочемъ, всегда спавшій въ густомъ бурьянъ, росщимъ позади этого охранительнаго строенія. Надъ господскимъ домомъ подымался клокъ полотна, и все въ сельцъ приходило въ необыкновенное движеніе. Прошинъ пріъзжаль въ Алмазово пользоваться одними пріятностями жизни, позабывая всѣ ея неминуемыя для каждаго маленькія невзгоды и потому, все, начиная отъ яснаго лътняго дня до бодраго вида крестьянъ, доставляло ему полное удовольствіе, и онъ радовался какъ дитя, когда благоустройство его имънія вызывало ему общую похвалу. Свыкшись съ обычаемъ Александра Михайлыча, дълать на другой же день торжественный поъздъ по своимъ владъніямъ въ сопровожденіи нарочно приглашенных гостей, обозрѣвать устроенныя имъ для благоденствія крестьянь заведенія, управитель выбивался изъ силъ, чтобъ получить отъ помъщика публично одобрительную похвалу.

Отворивъ передъ Александромъ Михайлычемъ двери его деревяннаго, растянутаго на протяженіи десяти саженъ дома, управитель спѣшилъ тогда въ свое сельское присутствіе, собиралъ свой штатъ, состоявшій изъ одного, занимавшаго также и должность сельскаго учителя, и начиналъ вмѣстѣ съ нимъ ломать голову надъ составленіемъ рапорта о благосостояніи ввѣреннаго ему помѣстья. Дѣло это было не такъ маловажно, какъ можно было бы подумать, потому, что это годичное донесеніе прочитывалось Александромъ Михайлычемъ во всеуслышаніе, доставляло ему большое удовольствіе, лежало нѣсколько дней на самомъ видномъ мѣстѣ. Нѣкоторыя статьи этого торжественно-подносимаго рапорта ставили иногда управителя въ рѣшительный тупикъ, особливо когда не оказывалось на лицо больныхъ, и особливо учащихся, что впрочемъ ни сколько не происходило отъ нерадѣнія наставника, а только отъ страннаго упрямства крестьянскихъ родителей, предпочитавшихъ посылать своихъ мальчишекъ лучше на пашню, чѣмъ въ школу.

Остальные отдёлы торжественнаго рапорта о благосостоянии сельца Алмазова не представляли такихъ сильныхъ затрудненій, и округлялись, для полнаго удовольствія Александра Михайлыча, по обоюдному соглашенію управителя и учителя. Второстепенныя статьи эти заключались въ отчеть о поствахъ, количествь хльба и овса, новой прибыли скота и прочаго, и всегда оказывались самыми блестящими, благодаря находчивости учителя, ежегодно при этомъ напоминавшаго управителю: «что иногда добрая ложь лучше худой правды.» Замъчая въ какомъ нибудь изъ этихъ хозяйственныхъ отдёловъ нъкоторую неполноту и цифру не слишкомъ большую чтобъ порадовать Александра Михайлыча, учитель обыкновенно пріостанавливаль размашистый свой почеркъ и прочизносиль:

- А что, не пріударить ли ужъ туть, благословясь, Трифонъ Михайлычъ?
  - Сиръчь какъ? отзывался Трифонъ Михайлычъ.
- Сирѣчь, четвертей двунадесять накинуть, да и количество прибывшаго скота въ таковой же пропорціи.
- А чтожъ, право, можно, соглашался управитель; вѣдь не убавляемъ, не себѣ въ карманъ кладемъ, послѣ сами повинимся. Вишь какъ онъ свою вотчину, точно родное дитя любитъ.

Тъмъ и кончались всегда всякія затрудненія. Написанный отчеть доставлялся на предварительное разсмотръніе Прошина, и онъ перечитавъ его нъсколько разъ, и пріостановясь на какой нибудь хозяйственной отрасли, самъ даже выражаль нъкоторое сомнъніе и восклицаль:

- Да это просто хоть въ сказку вписать!
- Да, туть точно есть отчасти маленькій грѣшокъ, Александръ Михайлычъ, подтверждалъ самъ управитель.
  - Гръшокъ! такъ, такъ; какой же, мой милый?
- Тутъ я почелъ нужнымъ понатянуть немного: у насъ эту статью, изволите видъть, росою стравило, а въ Драничниковъ, въ мелочи эдакой, какъ сами изволите знать, куда какъ больно эта статья хороша; такъ чтобъ Драничниковской-то какъ нибудъ завтра передъ нами не заважничаль, и я полагалъ его маненько на этой полосъ перегнать.
- За намѣреніе не уронить Алмазова, благодарю! замѣчалъ Александръ Михайлычь, а за ложь взыскать бы надобно. Впередъ чтобъ этого не было; я не въ своихъ перьяхъ щеголять не хочу. Только мнѣ, послѣ, когда нибудь непремѣнно вѣрный отчетъ подать, чтобъ намъ какъ нибудь потомъ въ экономии не сбиться. Да пошли нынче же ко всѣмъ окружнымъ сосѣдямъ просить завтра пожаловать по просту на хлѣбъ и на соль, что-молъ Александръ Михайлычъ съ супругою изволили пожаловать; да пѣвческій хоръ потрудись собрать, въ музыкантахъ, ты знаешь, тоже у насъ недостатка быть не можетъ, однимъ словомъ, во всемъ распорядись умно.

Видимое довольство крестьянь и окружающій его блескь составляли наслаждение Прошина, который ничего не жалълъ чтобы его Алмазово считалось первымъ во всемъ убздъ. Стоило только какимъ нибудь легкимъ намекомъ къ чему нибудь подстрекнуть его, и въ головъ его тотчасъ же созръвалъ планъ новыхъ улучшеній. Хвалиль ли кто домашній театрь у кого нибудь въ городъ, у Александра Михайлыча мысль о театръ была уже ръшена. Самый лучшій хлібный амбаръ тотчась же превращался въ чертогъ Таліи, Мельпомены и Терпсихоры, набирались изъ дворовыхъ артисты и артистки, образовывался хоръ музыкантовъ, и деньги исчезали въ разныя стороны; но эта страсть къ драматическому искусству скоро исчезала, внутренность театра наполнялась паутиной; артисты превращались въ прежнихъ слугъ и служанокъ, и Александръ Михайлычъ начиналъ томиться какою нибудь новою страстью: то вдругь являлись у него лошади съ самыми громкими названіями и цільми родословными прадідовъ и прабабокъ, и съ мъсяцъ Александръ Михайлычъ оказывалъ своему конскому заводу самое сильное вниманіе, и чуть не ночеваль въ конюшняхъ; потомъ это вниманіе мало-по-малу уменьшалось, и на Сиріусахъ, Эпаминондахъ и Прометеяхъ начинали возить чуть ли не соръ, и Прошинъ смотрълъ на это такъ равнодушно, какъ будто этому слъдовало такъ быть. Благодаря ръдкой добротъ его, самый порядокъ по всъмъ отраслямъ въ сельцъ Алмазовъ наблюдался также не долго—въ первые дни по пріъздъ Александра Михайлыча, и потомъ снова все приходило въ тотъ обыкновенный видъ, въ которомъ находилось помъстье круглый годъ.

А между тъмъ нельзя сказать, чтобъ Александръ Михайлычъ не замъчаль такого не картиннаго видоизмъненя и смотрълъ на все сквозь пальцы; напротивъ, онъ часто и очень серьезно принимался перечитывать всъ безпорядки своему управляющему, и твердо наказавъ ему, чтобы впредь ничего подобнаго не случалось, подходилъ къ женъ, и приподнявъ нъжно ей подпородокъ рукою, произносилъ:

- Ну, чъмъ бы намъ теперь заняться съ тобою, Лукушка? Слава Богу, я большую часть горы свалилъ таки нынче съ своихъ илечъ. Проъхаться бы по деревит не худо было.
- Гм, гм! издавала Лукерья Павловна, и черезъ нѣсколько времени къ крыльцу подавалась коляска, катаясь въ которой почти до обѣда, довольно впрочемъ ранняго, Александръ Михайлычъ замѣчалъ Лукеръѣ Павловнѣ хорошіе виды, видѣнные ею хотя и не въ первый разъ, или остановившись у какой нибудъ крестьянской избы, наблюдалъ за играми деревенскихъ мальчишекъ и дѣвчонокъ и всматривался въ ихъ лица, стараясь открыть по ихъ чертамъ какія нибудь особенныя счастливыя свойства. Иногда вдругъ представлялось ему, что среди нестройнаго крика раздавался вдругъ звонкій и звучный голосъ одного изъ мальчишекъ, и онъ тотчасъ же подзывалъ его къ себѣ, привѣтливо спращивалъ объ имени, приказывалъ чтобъ отецъ его явился немедленно въ барскій домъ, и не смотря на всѣ выраженія крестьянина, что сынъ ему нуженъ и въ семьѣ, и въ полѣ, прерывалъ рѣшительно:
- Ты, братець, не понимаешь, что говоришь: въ твоемъ сынишкъ я замъчаю зародышъ таланта, и намъренъ его образовать.

Опъ тогда тебѣ еще лучшимъ кормильцемъ будетъ. Всѣ вы мнѣ нѣкоторымъ образомъ дѣти; всѣмъ вамъ я желаю только одного добра, и хочу чтобъ вы хоть послѣ смерти мнѣ спасибо сказали.

И Александръ Михайлычъ говорилъ это ни сколько не лицемъря. У него было много запаса добра въ сердцъ, и если многіе подобные таланты и бъгали у него безъ всякаго дъла, то это происходило только отъ того, что его начинала томить какая-нибудь новая мысль, новое желаніе что-нибудь сдълать и улучшить, которыя мъшали ему кончить прежде задуманное. Александръ Михайлычъ не отказывался никогда ни отъ какихъ услугъ всъмъ своимъ сосъдямъ, и вотъ почему Долевъ принимая къ себъ Петрушу, сильно на него надъялся. Лукерья Павловна нисколько не мъщалась въ распоряженія Александра Михайлыча, и находила все хорошимъ, если онъ чъмъ нибудь восхищался, и все дурнымъ, если онъ почему нибудь разочаровывался. Подъ ея односложными гм, и мм скрывалось всегда на все согласіе.

Лукерья Павловна, которую Александръ Михайлычь называль въ домашнемъ быту просто Лукашей или Лукушкой, а при гостяхъ и вообще въ мъстахъ публичныхъ не иначе какъ Лукреціей, была молодая женщина. Ей едва ли могло быть двадцать льть, но она, казалось, давно пережила этоть возрасть, полный избытка дъятельности и жизни. Она была совершенно апатична ко всему. Ничто, казалось, не могло ее ни радовать, ни печалить, ни занять; но главною, отличительною чертою ея характера была совершенная неподвижность. Всв чувства, всв мысли и желанія, казалось, въ ней замерли, и самые ея глаза, которыхъ красотъ можно было отдать полную справедливость, будто тяготълись смотръть на свъть. Они были всегда полузакрыты, едва сверкали между длинными ръсницами и какъ бы погружены въ полудремоту. Съ утра садилась она куда нибудь на одно мъсто, и только одна самая крайняя необходимость могла ее съ него сдвинуть. При одномъ лишь туалетв, который повторялся раза три въ день, была ли она одна съ мужемъ, или дожидалась гостей, пробуждалась въ ней какая-то дъятельность и разыгрывалась жизнь. Она съ необыкновенною живостью убирала сама свои кудри, надъвала и скидавала ченцы, прикалывала и откалывала разные бантики и любовалась собою въ зеркало, ко-

торое показывало ей ея черты, тонкія, блідныя, правильныя и добродушныя, но холодныя и лишенныя всякаго выраженія. Послъ этихъ, впрочемъ, довольно долгихъ часовъ, Лукерья Павловна впадала опять въ свою обычную апатію и неподвижность, какъ будто малъйшее движение и продолжительная ръчь стоили ей необыкновенныхъ жертвъ. Эта странная леность кажется очень благотворно дъйствовала на ея характеръ. Опа была необыкновенно добра и снисходительна, а мужа любила тою любовію, какою мы любимъ вещь, которую ежеминутно привыкли видъть предъ глазами, и о которой намъ становится скучно, когда она изчезаетъ у насъ на время или навсегда съ глазъ. Впрочемъ, Александръ Михайлычъ и не требовалъ другаго рода любви, и былъ совершенно доволенъ постояннымъ согласіемъ Лукерьи Павловны со всеми его мивніями и желаніями. Правда, у Лукерьи Павловны являлись иногда и свои прихоти и фантазіи, но онъ были такъ малы и такъ удобоисполнимы, что Александръ Михайлычъ всегда удовлетворяль ихъ.

Иногда, въроятно, сама утомясь или однообразнымъ ноложениемъ съ опущенною на стънку креселъ головою, или чтеніемъ книги, страницу которой, не смотря на весь интересъ разсказа, ей лънь было перевернуть, покуда не перевертывала ей пришедшая зачъмъ нибудь горничная, или продолжительнымъ кушаніемъ кофе, крендельки къ которому ей обыкновенно ломали и подавали, чтобъ избавить барыню отъ лишняго труда, Лукерья Навловна вдругъ выпрямлялась немного, открывала нъсколько разъ уста, снова закрывала ихъ, и потомъ уже окончательно проговаривала:

- Ama!

Такъ она обыкновенно называла Александра Михайлыча для избъжанія труда выговаривать лишнія буквы...

- Что, дружечекъ? спѣшилъ спросить ее Александръ Михайлычъ.
- Мм, начинала Лукерья Навловна, наклоняя снова голову на спинку креселъ.
- Что прикажешь, душенька? новторяль Александръ Михайлычъ.

[—] Знаешь!...

- Слушаю, милочка...
- Мив бы хотвлось...
- Слушаю, слушаю, дружечекъ, дальше, дальше.
- А, а! начинала зъвать Лукерья Павловна, и потомъ замолкала, полузакрывъ глаза.
- Слушаю, слушаю, не переставаль, между тымь, твердить Прошинъ.
- Такъ, ничего, доканчивала Лукерья Павловна, закрывая глаза и потягиваясь на креслъ.
- Продолжай, милочка, я, если прикажешь, буду угадывать или подсказывать, упрашиваль Александръ Михайлычь, для котораго ръдкія желанія жены были важными, потому что всегда заключались въ чемъ нибудь новомъ, неожиданномъ или оригинальномъ.

Но Лукерья Павловна рѣшительно отказывалась и произносила:
— Послѣ!.. Лѣнь!..

Но могла ли она при этой своей анатичности чувствовать къ кому нибудь привязанность, это другое дъло!

Лукерья Павловна никогда не имъла дътей, и вся ея привязанность сосредоточилась въ последствіи на одномъ только попугає, передъ клъткой котораго она сиживала по нъскольку часовъ, и тогда лишь только дёлалась какъ-то немного оживлениве и разговорчивве. Восторгь ея, когда этотъ любимецъ произнесъ первое заученное имъ слово, могъ развѣ только равняться восхищению матери при первомъ лепетъ своего первенца. Самые слуги, видя такую сильную любовь Лукерьи Павловны, выражали также предъ нею, къ ея фавориту, глубокое уваженіе, обходились съ нимъ какъ будто съ какою важною особой и никогда иначе о немъ неотзывались, какъ «изволили кушать, изволили почивать, пожалуйте въ клътку. » Однимъ словомъ, жизнь этого интереснаго созданія текла у Лукерын Павловны такъ, какъ говорится, по маслу, что между знакомыми Прошиныхъ вошло даже въ пословицу, упоминая о какомъ нибудь, слишкомъ счастливомъ человъкъ, говорить: ему житье, какъ попугаю Лукерьи Павловны.

— Ахъ, Лукушка, замъчаль иногда Александръ Михайлычъ, видя ея заботливость, какою бы ты кажется была примърною матерью, еслибъ у насъ были дъти. Я полагаю, ты бы тогда не

такъ еще радовалась. Но Лукерья Павловна кажется не раздъляла этого мивнія; для нея было довольно и одного ея попугая. Напрасно предлагалъ ей иногда Александръ Михайлычъ взять къ себъ на воспитание какого нибудь ребенка, который бы своимъ присутствіемъ уничтожаль ея бользненную неподвижность; при всякомъ новомъ предложеніи она отрицательно кивала головой и издавала свой односложный: мм. Разъ какъ-то, впрочемъ и мелькнуло было у нея желаніе взять къ себъ какую-то сиротку, и дъвочка была уже привезена, одъта какъ куколка, и Лукерья Павловна наложивъ на нее свою руку, начала было безмолвно любоваться ею, и даже минуть черезъ десять медленно придвинула къ ея личику свои губы, но сърый фаворить, въронтно предчувствуя, что сердце его госпожи готовилось раздёлиться въ своей привязанности на двѣ равныя половины, поднялъ при появленіи новаго лица такой произительный крикъ, что Лукерья Павловна, не смотря на разныя, извъстныя ей успоконтельныя средства, ни какъ немогла усмирить пернатаго ревнивца. Она тогда только поняла настоящую причину неудовольствія попугая, когда усталая рука ея соскользнула наконецъ съ плеча будущей воспитанницы, и ту зачъмъто вывели изъ комнаты. Птичья антипатія возобновлялась каждый разъ, и восторжествовать надъ ней скорой надежды не предвидълось: у Лукерьи Павловны страдали нервы, и дъвочка наконецъ была отослана съ приличнымъ вознагражденіемъ, не пробывъ и недъли. Тщетно потомъ дълалъ Александръ Михайлычъ новыя предложенія, Лукерья Павловна побъждала свою молчаливость и возражала рѣшительно:

- Нѣтъ!
- Почему же нътъ? настаивалъ Александръ Михайлычъ, дитя-то, еслибъ ты посмотръла, какое хорошенькое!
  - Нельзя!
- Почему же, вопросъ?
- Попочька. Ну, что онъ? Новыхъ лицъ не любитъ.

Привыкнувъ къ женинымъ странностямъ, Александръ Михайлычъ пожималъ плечами и произносилъ съ худо скрытою досадой:

— Будь, будь по твоему!

У Долева было уже трое дътей, когда Александръ Михайлычъ, сильно желавшій видъть живыя отрасли своего дворянскаго древа и предполагая въ Лукеръв Павловив, по ея увеличивающейся ко всему апатіи самые сильные скрытые недуги, ъздившій съ нею къ минеральнымъ водамъ, возвратился наконецъ въ Алмазово.

Викторъ Александрычъ, еще не знавшій о его прівздъ, быль очень удивлень, когда ко двору его подътхала дорожная колымага, и въ комнату вошель алмазовскій управитель, незаглядывавній уже съ годъ въ маленькій барскій домикъ.

- —Откуда, какими судьбами вздумалось завернуть? встрътиль его вопросомъ удивленный Викторъ Александрычъ.
- Да прямо къ вашей милости, а потомъ и подальше; весь увздъ нужно будеть объбхать. Кушать послъ завтра къ намъмилости просимъ.
- Какъ, кушать? Къ кому къ вамъ?
- Да, вотъ, изволите видъть, третьяго дня гости къ намъ неожиданные пожаловали. Да-съ, соблаговолилъ Господь порадовать.
- Какъ, неужели! вскричалъ Долевъ, не требовавшій дальнъйшаго поясненія.
- Точно такъ, *самъ*-съ!
- Съ самой?
- Съ самой-съ.
- Самъ-другъ, или чѣмъ нибудь Господь и благословилъ?
- Не замътно-съ, кажется, съ чъмъ поъхали, съ тъмъ и пріъхали.
- Жаль! произнесъ Викторъ Александрычъ, такой прекрасный человъкъ, съ такимъ состояніемъ, а главнымъ-то добромъ Богъ не благоволитъ порадовать, не то-что у меня, видишь какая гвардія—молодецъ къ молодну!
  - Великолъпная-съ, похвалилъ управляющий.
- Явлюсь, явлюсь, непремённо явлюсь, со всёми чадами и домочадцами; о себё наномню, жену представлю и вотъ этого моего гренадера, добавилъ Викторъ Александрычъ, указывая на старшаго своего сына, который разинувъ безсмысленно ротъ, преусердно занимался благоустройствомъ своихъ ноздрей.
- Гм, прикрякнулъ слегка при этомъ извъстіи управляющій, и потупивъ глаза началъ щипать картузъ.

- Нашимъ конечно пріятно будетъ началъ онъ потомъ да, только, барчинка-то бы....
  - Что только, барчинка-то бы?
  - Право, не смѣю, какъ вамъ и доложить.
  - Мъста, что-ли, для всъхъ не найдется?
- Объ этомъ и рѣчи нѣтъ, изволите чай знать: если у насъ пиръ, такъ ужъ на весь міръ; только сами нерады будете, такътаки зажмете уши да и выбѣжите со всѣми гостями на дворъ.
  - Что же у васъ такое?
  - Барыню нашу върно не позабыли.

Еще бы!

- Такъ вотъ все они въ этомъ немного виноваты фертъ одинъ у насъ завелся, хоть и за границей побывалъ, а все такимъ же вернулся; то есть такой содомъ подыметъ, коль какого ребенка увидитъ. Богъ знаетъ что они ему сдълали.
- Какой же это такой фертъ? спросилъ Викторъ Алексанрычъ, изумленный загадочными словами управляющаго.
- Совъстно даже и говорить; ужъ лучше увольте; сами изволите увидъть, намъ, мелкимъ людямъ, какъ вамъ извъстно, въ барскія распоряженія вмѣшиваться не слъдуеть; и управляющій спѣшилъ откланяться, отговариваясь множествомъ данныхъ ему порученій и упорно отказываясь отъ всякаго объясненія.

Александръ Михайлычъ принялъ Долева съ распростертыми объятіями, нѣсколько разъ и очень усердно поцѣловалъ руку Марьи Петровны, выразилъ вѣжливое удивленіе въ ея красотѣ и тотчасъ же повель въ гостиную, гдѣ въ ожиданіи гостей сидѣла Лукерья Павловна, держа во рту давно положенный леденецъ.

— Молодецъ, ты, братецъ, право, молодецъ, началъ онъ, похлонывая Долева по колъну—оставивъ жену и Марью Петровну занимать другъ друга, какъ онъ съумъютъ—и семействомъ завелся, и дъла кажется хорошо устраиваещь; а вотъ я, при всемъ моемъ достаткъ, при всъхъ моихъ возможностяхъ...

Александръ Михайлычъ не докончилъ и только тяжело вздохнулъ...

- Богъ милостивъ, произнесъ Долевъ, угадывая значеніе этого вздоха.
  - Да, больше бы развлеченія было!

- Хоть бы какого пріемыша взяли, ввернуль Викторъ Александрычь, желая какъ нибудь сдёлать начало и потомъ просить какъ нибудь устроить будущность Петруши.
- Поди-ка, потолкуй объ этомъ съ Лукерьей Павловной.
   Не можетъ быть, чтобъ такая, во всъхъ отношеніяхъ добродітельная дама.
- Она-то, точно у меня, что называется, водой не замутить; сама-бы она, разумъется, не прочь, да вонь, сынокъ-то ея совсъмъ не таковъ.
- Какъ, сынокъ! какой сынокъ! вскричалъ Викторъ Александрычъ, уставивъ на Прошина глаза.
- Разумъется не мой, а Лукерьи Павловны, подтвердилъ раземъявшись Александръ Михайлычъ.
  - Не понимаю! воскликнулъ вопросительно Долевъ.
- Вотъ посмотри на этого горбоносаго чорта, такъ и поймешь, объяснилъ Александръ Михайлычъ, ткнувъ пальцемъ на попугая, который какъ будто понимая, что ему въ эту минуту наносятъ личную обиду, пронзительно закричалъ:
  - Дуракъ, мужикъ!
- Слышишь! а, какова пъсня? замътилъ Александръ Михайлычъ, закоренълый какой-то человъко-ненавистникъ, а она въ немъ души не слышитъ.
- А, такъ вотъ-кто фертъ-то! подумалъ Викторъ Алексанрычъ, плохо!

Лѣтъ шесть опять, послѣ этого свиданія, не показывался Прошинъ въ Алмазовѣ, и пріѣхалъ только въ тотъ годъ, когда родилась Варенька. Сожалѣя о смерти прежнихъ дѣтей Долева, Александръ Михайлычъ самъ вызвался быть крестнымъ отцомъ ребенка, и родственно цѣлуя Марью Петровну, повторялъ ей:

— Ужъ какъ хотите, кумушка, а это будетъ моя дочь! Я вамъ ее не оставлю, нътъ, слуга покорный! Я хочу чтобъ она жила, хорошъла и вышла при мнъ замужъ. За женихомъ у насъ дъло не станетъ, слава Богу, у насъ съ нею есть кое-что!

Смерть, нещадящая даже великановъ, похитила у Лукерьи Павловны и ея понугая. Въроятно, чувствуя необходимость въ какой нибудь новой привязанности, Лукерья Павловна также выражала необыкновенную и жиность къ ребенку и очень часто говорила и Долеву и Марьъ Петровнъ:

- Подарите мив...
- Что прикажете, Лукерья Павловна?
- Bamy.... Bamy...
- Слушаю-съ.
- Вареньку, из през изпас дари постанов предостанова пред изгоря
- Ахъ, какъ это можно! восклицала пугливо Марья Петровна, да я кажется ее за милліонъ ни кому не отдамъ.
- Пожалуйста, приставала Прошина, не выпуская изъ рукъ Вареньки.
- Нътъ, стояла упорно на своемъ Марья Петровна, хотъ алмазныя горы сулите, а я своимъ дътищемъ не торгую.
- Да довърь ты крестницу моей дуръ, твердилъ также въ свою очередь Александръ Михайлычъ Долеву. Вообрази себъ, братецъ, опять пристаетъ чтобъ ей новаго съраго чорта кунитъ. Вспомни, что у насъ дътей нътъ. Не съ собою же въ могилу намъ свое состояніе брать. Эй, братъ, пообдумай хорошенько.

Но Викторъ Алаксандрычъ былъ такъ же мало уступчивъ и возражалъ:

— Ахъ Александръ Михайлычъ, при вашихъ средствахъ у васъ могутъ быть всякія развлеченія, а у насъ только и радости и, такъ сказать, только одна и игрушка, что Варенька.

Однажды при подобной просьбѣ въ головѣ Долева вдругъ мелькнула лучезарная мысль:

- Такъ Лукеръъ Павловиъ сильно хочется взять Варю? спросиль онъ.
- Только спить и видить, брать, чтобъ съ къмъ нибудь ей няньчиться, отвъчалъ Александръ Михайлычъ.
- Однимъ словомъ, Лукеръв Павловив кочется сдвлать кому нибудь благодвяніе, такъ сказать, проговорилъ, принявъ серьезный видъ, Викторъ Александрычъ, думая о Петрушв, котораго онъ никуда еще не могъ пристроить, не смотря на всв свои старанія.
- Почти что такъ, помѣшалась, дружище, не чемъ-то подобномъ.
- Такъ у меня въ такомъ случать есть золото для ея доброй души.

- пин— Шутишь! применя на бай на набольства научнения на на д
  - Нътъ!
  - Мальга какая?
  - Ну, ивть, ужь совсемь взрослый малый.
- О, о, братъ, возразилъ разразясь добродушнымъ смѣхомъ Александръ Михайлычъ: да этотъ можетъ быть, такъ сказать, въ своемъ родѣ новый попугай, мнѣ опять отъ нихъ обоихъ покоя ни минуты не будетъ.
- Да вотъ я покажу вамъ кое-какое перье этого попугая, прервалъ Долевъ, такъ у васъ глаза разбъгутся.

И онъ тотчасъ же досталъ изъ своего письменнаго стола рисунки Петруши.

- Прекрасно, прекрасно! твердиль Прошинь, пересматривая виды, снятые съ окрестностей, Ба! воскликнуль онъ потомъ чрезъ нъсколько минуть, да кажется тутъ воть и мое имъніе!
- Да, ваше Алмазово; хотълъ вамъ сдълать сюриризъ.
- Прекрасно, отличная работа!
- А не забудьте: все самоучкой, самъ себя, малый, образовалъ, какъ могъ; всѣ книги, всѣ учености, какія были подъ рукой, перечиталъ.
- Давай, давай его сюда! векричаль Александръ Михайлычъ, пусть съ нимъ возится Лукерья Павловна, пусть его опредъляетъ куда хочетъ, покровительствуетъ, авось эти новыя обязанности сколько нибудь ее разшевелятъ.

Робко явился Петруша передъ новымъ властелиномъ дальнъйшей своей будущности. Застънчивость, которую ощущалъ онъ, дълала еще болъе неловкими и безъ того всегда неразвязныя его движенія. Онъ былъ малъ ростомъ и худъ, и вся красота, которою не очень отличались его черты, сосредоточивалась у него въ его большихъ карихъ глазахъ.

— Первый предметь Лукерьи Павловны быль покрасивъе, замътилъ засмъявшись своему ъдкому слову, Александръ Михай-лычь; воть, поди ты, въ какой некрасивый суднукъ прячеть иногда природа талантъ. Не знаю, захочеть ли съ этою новою пти-цей возиться Лукерья Павловна, больно великъ, на колъна къ себъ не усадитъ; впрочемъ давай. Я возьму его къ себъ... Пусть сію минуту приготовляется.

- Но, началь Долевъ.
- Никакихъ но знать не хочу, сейчасъ или ниногда, я уже не молодъ чтобъ измѣнять свои правила, прервалъ Александръ Михайлычъ.

Не слушая никакихъ возраженій, Прошинъ въ тотъ же вечеръ увезъ съ собою Петрушу въ Алмазово; онъ любилъ, чтобы все у него, какъ говорится, кипъло.

— Лукерья Павловна, сказаль онъ женъ: дочери я никакъ не могь тебь выпросить, но за то, посмотри, привезъ какого будущаго сынка, право, не дуренъ.

Лукерья Павловна кивнула Петрушѣ головой, осмотрѣла его внимательно, и не выразивъ ни удивленія, ни отказа, только слегка зѣвнула.

- Такъ ты согласна, чтобъ мы докончили имъ самимъ начатое? спросиль онъ вторично, разсказавъ ей всю молодость Петруши. про этого этори hit. When the arm only on the state in
- Мм, мм! произнесла Прошина и даже протянула новому пріемышу руку, а между тъмъ сказала однако же потомъ Александру Михайлычу:
- Аша, передумала, не хочу. The street of the contract of
  - Чего?
- Петрушу!
- Отъ чего же?
  - Вспомнила...
- О чемъ?
- Я себъ уже нашла.
- Кого еще, наконецъ, Богъ тебъ далъ? вскричалъ изумленный Александръ Михайлычъ.
- Спроси Палашу, лѣнь говорить.

Справки были тотчасъ же наведены. Изъ разсказа, горничной оказалось, что непремѣнное желаніе Лукерьи Павловны взять къ себъ на воспитание ребенка Долевыхъ, успъло уже разнестись по околотку также, какъ и ръшительный отказъ ихъ, и одна Прасковья Ивановна, безземельная помъщица, гостившая по этому случаю у всёхъ, кто только имёлъ постоянный кровъ, и нарочно по этому случаю явившаяся въ Алмазово, чтобъ выразить Лукерьт Павловит искренное свое собользнование. Назвавъ Долевыхъ неблагодарными, безумными и гордецами, она сказала наконецъ Прошиной:

— А вамъ непремънно желается имъть у себя какую нибудь живую игрушку, золотая моя, Лукерья Павловна?

Лукерья Павловна подтвердила этотъ вонросъ только искреннимъ восклицаніемъ.

- Ахъ, еще бы!: / долина долина пот вы долина на
- Такъ и вамъ обдълаю это дъльцо, если прикажете, достану истинное какое нибудь чудо во всъхъ отношенияхъ.

A strong of the amount priesure arithments

- Гдъ?
- Земля не клиномъ сошлась, моя голубушка; ужъ хоть изъ-подъ земли, а выконаю, чтобъ только сдълать вамъ удовольствіе.
- Поскоръе только, докончила Лукерья Павловна, въ самомъ дълъ желавшая имъть у себя развлеченіе, не требующее ни выъздовъ, ни лишнихъ движеній, ни продолжительныхъ разговоровъ.

Въ тотъ день, когда Александръ Михайлычъ привезъ Петрушу, Лукерья Павловна получила съ нарочнымъ изъ города письмо. Обязательная знакомая въ самомъ дълъ отыскала какого-то сироту, едва только начинавшаго лепетать.

- Вотъ чего хочу, произнесла ръшительно Прошина, когда горничная окончила при ней разсказъ объ этой неожиданной новости.
- Чтожъ? мъста у насъ и для десятерыхъ найдется! норъшилъ сговорчивый Александръ Михайлычъ, и тотчасъ-же послалъ, по настоянію Лукерьи Павловны, въ городъ, чтобъ привезти новую ея забаву.

Прошина приказала себя выдвинуть на балконъ, и устремивъ полузакрытые глаза на длинную аллею, почти до самого поздняго вечера слъдила со вниманіемъ за поднимавшеюся вдали пылью, въ надеждъ увидъть возвращающійся экипажъ. Раздавшееся слово: прівхали! заставило ее довольно живо проскользить на самое крыльцо. Медленно открыла она свои объятія, и поддерживаемая съ одной стороны обязательной помъщицей и съ другой служанкою, понесла залогъ своей будущей нъжности и спустилась съ нимъ на свое спокойное кресло. Прислонивъ къ

головъ плакавшаго ребенка свои губы, она долго сидъла такъ въ совершенной неподвижности, покуда не разлучила ихъ крайняя необходимость.

- Объясните мнѣ, по крайней мѣрѣ, что это за итица? твердилъ Александръ Михайлычъ Прасковъѣ Ивановиѣ.
- Сирота, голубчикъ мой, только и опоры на свътъ, что одна мать.
- Чей сирота?
- Почти благородный. Отецъ его быль очень хорошій человъкъ, только смотался, бросилъ жену, умеръ гдъ-то горемыкой и оставилъ жену чуть ли не кормиться подаяніемъ.
- Бъдненькій! прошептала Лукерья Павловна, приказавъ повертывать передъ собою ребенка во всъ стороны, чтобы вдоволь имъ налюбоваться.
- Лукерья Павловна, начала Прасковья Ивановна, видя разгорающееся участіе Прошиной: я въдь знаю, у васъ душа брильянтовая. Дающая рука никогда не оскудъваетъ.
  - Hy?
  - Право, не смъю доложить, а такъ на языкъ и вертится.
  - Ну, ну!
- Мать вашего Ванички, моя хорошая знакомая, женщина прекрасная, а ужъ какая хозяйка, какая хозяйка!...
- Ну, ну, ну! твердила довольно живо Лукерья Павловна. Тутъ Прасковья Ивановна бросилась цъловать Прошину и произнесла:
- Довершите уже вполит благодъяніе, возьмите къ себъ, такъ и быть, и мать-то вашего Ванюши.

Лукерья Павловна подумала не много и отвъчала со вздожомъ:

- И рада бы, да...
- Да что? Александръ Михайлычъ, что ли? Такая олицетворенная добродътель!
- Ахъ нътъ! Вотъ выдумали!
  - Такъ что же вамъ мѣшаетъ?
- Два медвъдя въ одной берлогъ не живутъ, проговорила Лукеръя Павловна.
  - Извините, не понимаю васъ, моя дорогая.
  - Ласкать мив...
  - Что ласкать?

— Мъшать будеть.

Прасковья Ивановна бросилась опять цъловать Прошину и стараясь выжать изъ глазъ своихъ слезы, вскричала:

- Ахъ, Лукерья Павловна, какая вы примърная во всъхъ отношенияхъ женщина, какия у васъ высокия чувства! Но не опасайтесь этого. Клянусь вамъ за Катерину Петровну, что она даже и глазъ не будетъ показывать, и недотронется, она женщина благодарная, чадолюбивая; она въдь чувствуетъ чъмъ вамъ обязана, и вашей нъжности мъшать не будетъ. Притомъ же, если что случится, развъ вы не полная хозяйка? салопъ ей на плеча, да отъ воротъ и поворотъ.
  - Подумаю, прошентала Прошина.

Въ эту минуту пріемышъ пронзительно закричалъ.

- Ахъ, простонала, приподнявшись не много, Лукерья Павловна, что съ нимъ?
- Скучаетъ! Право, хоть покуда онъ къ вамъ привыкнетъ, возьмите къ себъ на время и мать. Дъти нъжны, дъти могутъ больны сдълаться. Право, я вамъ, сколько хотите, буду божиться за Катерину Петровну. Въдь няньку же вамъ нужно будетъ выбрать, а согласитесь, кто лучше можетъ быть нянькой какъ не родная мать? Согласитесь, что ваше здоровье не такое желъзное, чтобъ жертвовать мальчишкъ всъмъ своимъ временемъ, да и притомъ мало ли чего не случается въ маломъ возрастъ...

Лукерья Павловна ивсколько разъ зввнула и сообщила Александру Михайлычу о новомъ своемъ желаніи.

— Пожалуй, для всёхъ мёсто сыщемъ, согласился Прошинъ, и чрезъ нёсколько дней мать Ванюши поселилась въ алмазовскомъ домё. Она была женщина вкрадчивая, ласкательная, не иначе подносила своего сына къ Лукеръё Павловив, какъ съ словами: поцёлуй же свою добрую маменьку, причемъ и сама цёловала руку Прошиной. Тё же самые знаки признатель ности получилъ бы отъ нее въ первый день и Александръ Михайлычъ, если бъ упрямо не спряталъ за снину рукъ; за то поцёлуи Катерины Петровны постоянно сыпались на его плечо...

Наступиль сентябрь, и отъёздъ Прошиныхъ изъ Алмазова быль назначень. Александръ Михайлычь сдёлаль, какъ водится, торжественный прощальный обёдъ, представиль обществу обоихъ своихъ питомцевъ, тонко намекнувъ о томъ великомъ добрѣ, которое онъ готовъ дёлать всякому, и между многочисленными тостами приказаль также протрубить тушъ Петрушѣ и Ваничкѣ.

— Ну, прощай, Петруша, сказаль Долевь, собираясь домой, не забывай нась, Богь знаеть, когда ты вернешься; а я съ каждымъ днемъ чувствую себя какъ-то слабъе, и что-то мнъ говорить, что я тебя больше не увижу. Смотри же, помни, когда что нибудь выдеть изъ тебя порядочное, что есть на бъломъ свътъ нъкоторыя Вороньи Гнъзда, а въ нихъ моя старуха и моя Варенька.

Петруша безотвътно припалъ къ плечу Виктора Александрыча, по его блъднымъ щекамъ текли обильныя слезы. По выраженю его лица, по глазамъ, смотръвшимъ на Долева съ глубокимъ чистосердечіемъ, Викторъ Александрычъ понялъ, что ему не нужно дълать повторенія. Также искренно простился Петруша съ Топчуговымъ, сдълавшимъ ему тоже слъдующее наставленіе:

— Ты, Петрушка, смотри, на какую нибудь дурную сторону не сворачивай, Боже тебя избави барина чёмъ нибудь осрамить, онъ чай за тебя ручался, не то не быть бы тебё въ такой холь; не поминай насъ зломъ, если и были какіе тычки, такъ для твоего же добра; вотъ станешь, можетъ быть, самъ бариномъ, тогда и твоя надо мной будетъ воля...

Долго стояль Петруша, провожая тарантасъ Долева и махая платкомъ въ отвътъ на маханіе приподнявшагося на козлахъ денщика, покуда экипажъ не свернулъ въ сторону и поулеглась поднятая имъ пыль. Молча возвратился онъ въ свою комнату и до самаго разсвъта просидълъ наклонившись головою къ столу, на которомъ лежали рисунки, заказанные ему Прошинымъ, чтобы, какъ говорилъ тотъ, болъе практиковать своего воспитанника. Живо неслось съ нимъ, въ эти ночные часы, все его прошедшее, и ему вдругъ почему—то стало какъ—то жаль его, даже теткина въчная воркотня представлялась ему какимъ—то не такъ не пріятнымъ воспоминаніемъ. Неизвъстность будущности заставляла его любить въ эти минуты уже извъданное и отжитое прошедшее. Ему было жаль только родственнаго вниманія Долевыхъ, и послъднія слова Виктора Александрыча тягостно сжимали его сердце. Онъ понималъ необходимость благодарности, а между тъмъ умъ его не находилъ покуда никакихъ средствъ, чтобъ когда нибудь ее высказать.

Когда, черезъ четыре года, Прошинъ опять прівхаль въ свое Алмазово, Долева уже давно не было на свъть. Марья Петровна не замедлила представить Александру Михайлычу его крестнину. Малютка, наученная старательно дома, какъ ей нужно было поступать, кръпко обняла рученками шею Прошина, и картавя твердила: здравствуйте, крестный папаша, я за васъ всегда молюсь Богу. Поглядывая на румяное ея личико и потомъ на тощаго и бользненнаго Ванюшу, котораго Лукерья Павловна успъла уже закормить разными сластями, и истомить лекарствами отъ разныхъ воображаемыхъ ею бользней, онъ какъ-то загадочно улыбался и весело покрякивалъ.

Марья Петровна приказала Варенькъ поцъловать и воспитанника Прошина, но капризный и избалованный ребеновъ тотчасъ же даль ей своей рученкой пощечину и заораль во все горло.

- Ахъ! взвизгнула Лукерья Навловиа.

   Какъ ты смъешь, свиненокъ, вскричалъ Александръ Михайлычь въ свою очередь; но восклицанія жены и мужа были совершенно различны. Прошинъ вступался за свою крестницу, Лукерья Павловна огорчилась потревоженнымъ спокойствіемъ своего Ванюши.
  - Унесите, унесите, продолжала она.
  - Кого изъ нихъ прикажете? спросила Катерина Петровна.
  - Кого нибудь.

Это слово сильно защекотало амбицію Марын Петровны.

- Сейчасъ, сейчасъ, посиѣшила она произнести: мы только прівхали исполнить свой долгь, и тотчась же ко дворамъ.
- Это что за новость! векричаль Прошинь, этого-то я никакъ ужъ не допущу. Что за важность дътская ссора; не пройдеть часу какъ они ознакомятся.

Лукерья Павловиа не сдълала ни одного движенія, чтобъ удержать Долеву.

Не смотря на всъ просъбы Прошина, Марья Петровна скоро возвратилась домой въ самомъ дурномъ расположении духа.

- Ну, еслибъ я не уважала такъ Александра Михайлыча и его полудурью, сказала она Топчугову, любонытствовавшему узнать о сдъланномъ имъ пріемъ, я бы кажется, всю его паклю изъ головы повытаскала. Ужъ съ этихъ поръ Проінина не дождется моего посъщенія. Кажется, она своего постреленка на висълицу прочить, а еще гувернантку какую-то ему наняла!
- Что это вы не привозите ко мив никогда опять крестницу, замъчалъ Прошинъ Долевой, когда ей уже необходимо нужно было являться, изъ въждивости на его званые объды.

Марья Петровна отзывалась всегда лишь нездоровьемъ Вареньки, изкоса поглядывая на Ванюшу, за которымъ ходили такъ осторожно какъ будто онъ былъ хрустальный.

rikli- alog ett regerit roan s<u>a to kanie</u>loof kan toom getilvay mood.

стихотворенія.

Они еще ченорь пака булто прело маоб
Слоей топительной светь присочень
Однообразием пенальном картона
И вебо желтое, и желтая ранции.

Tosucre anon toxulato, mailliongroup of the

l'a good ny taninan 'crapatacte panoipart.

Kares and voraziona appropriate ava a casanare (Admire) (va vero palapores y monarary)

В дъпости превишев, рабъ Лющоств, или плебей.

Пев то, что чт. вей лежить — узяк тись давне отко Казей пужей жить, кто свять накойно вы ней

ПАМЯТНИКЪ.

Въ гостиной, убранной роскошно, но пустой, Когда въ окнъ игралъ лучъ солнца золотой, Между статуями, картинами нъмыми Любила я сидъть одна, безмолвно съ ними, И мнъ казалося въ тотъ часъ, какъ шумъ смолкалъ, Что въ нихъ — безжизненныхъ — духъ жизни воскресалъ, Духъ жизни, вызванный той тъсной мастерскою, Гдъ появился онъ впервые и рукою Художника былъ въ холстъ иль мраморъ заключенъ, И жизнью въяло со стънъ, со всъхъ сторонъ....

Изъ множества картинъ мнъ памятнъй одна,
Хоть можетъ быть, другимъ не нравилась она
Тънями ръзкими и колоритемъ знойнымъ:
На ней представлена равнина; къ ней спокойно
И жарко небеса склонились, и вдали—
Чуть видною чертой— синъла грань земли.
А ближе, на краю дороги желтой, пыльной,
Въ кустахъ оливъ и миртъ былъ памятникъ могильный,
Но стиля древняго, покрытый прахомъ, мхомъ,
Какой-то барельефъ изображенъ на немъ
И надпись. Передъ нимъ два путника стояли
И надпись стертую прилежно разбирали.

Она еще теперь какъ будто предо мной Своей томительной сіяетъ красотой, Однообразная, печальная картина: И небо желтое, и желтая равнина, И черные плащи двухъ странниковъ. Меня Томиль зной южнаго, пылающаго дня, Томило жадное, пытливое вниманье, Съ какимъ истертое, старинное сказанье Тъ двое путниковъ старались разобрать. Какъ мнъ хотълося прервать ихъ и сказать: «Уйдите! для чего распросы у могилы? Все то, что въ ней лежитъ - ужъ такъ давно отжило! Какая нужда знать, кто спить покойно въ ней: Вольноотпущенникъ, рабъ, консулъ, иль плебей, Матрона ль гордая, которая сіяла Роскошной прелестью и пышно угощала Безумный, въчный Римъ на играхъ трижды въ годъ! Идите вашею дорогой! Пусть займетъ Васъ мысль вседневная о пищъ, о ночлегъ, О римской доблести, о жизни полной нъги Не думайте, и въ мысль пусть не приходить вамъ Оставить памятникъ таинственный въкамъ, За тъмъ, чтобъ будущность пытливую тревожить. Къ чему желать того, что снова быть не можетъ! На что вамъ памятникъ?.. Придетъ, быть можетъ, часъ Когда на всей землъ не сыщется для васъ, Погибшихъ, можетъ быть, безъ пищи и безъ крова, Не только мрамора — но глыбы известковой.»

Н. ХВОЩИНСКАЯ.

II.

послъ праздника.

Недавно быль праздникъ, и было такъ весело, шумно, И было такъ много прекрасныхъ тамъ дъвъ свътлокудрыхъ, Что радостью общей и я увлекался безумно, Оставивъ бесъду мужей и наставниковъ мудрыхъ. Такъ часомъ вдаешься невольно въ чужое веселье, И будто-бы счастливъ, и будто-бы съизнова молодъ; Но послъ мелькнувшаго пира мнъ тяжко похмълье, И въ душу вторгается пуще убійственный холодъ.

И послъ стыжусь я, зачъмъ, измъняя порядку, Какъ школьникъ, не во-время, я такъ шалилъ и ръзвился, И совъстно, будто-бы съ жизни взялъ гръшную взятку, Какъ будто неправо чужимъ я добромъ поживился, —

И голосъ упрека въ душъ такъ произительно-звонокъ И такъ повторяется тайнымъ насмъшливымъ эхомъ, Что если бы слезы.... заплакалъ-бы я, какъ ребенокъ... Нътъ, снова смъюсь я, но горькимъ, мучительнымъ смъхомъ.

В. БЕНЕДИКТОВЪ.

Barrier is mysical allies and

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛЪНІЯ.

Темной ночью, тряской рысью Вдемъ мы сквозь лъсъ дремучій, Подъ небесной, чистой высью Ходять пасмурныя тучи, Крънкій вътеръ холодъеть; Недалекъ ужъ часъ разсвъта, А она, моя малютка, Такъ по лътнему одъта! Завязавъ платочкомъ уши, Дремлетъ милое созданье. Хоть сроднились наши души, Но взаимнаго признанья Все же не было межъ нами, И напротивъ, мы сердились Цълый день тотъ другь на друга, А подъ вечеръ побранились, И гуляя, хоть устала, Но сердяся не на шутку, Все руки мнъ не давала Своенравная малютка. И въ кареть, сидя возль,

Хоть такъ тъсно, темно было, Всежъ ко мнъ она не жалась, И со мной не говорила. Но взяла свое дорога, И малютка задремала: Воть она ко мнъ немного Пододвинулась сначала... Видълъ я, какъ прямо сидя Бымо ей дремать неловко, Какъ склонялась постепенно Къ моему плечу головка, Вотъ къ нему она припала, Какъ къ родному изголовью, И въ груди моей дрожало Сердце, полное любовью. Взяль я ручки у малютки, Полонъ бъщенаго счастья. И модиль въ душв у неба Везконечнаго ненастья. И дороги безконечной, И дремоты безъ сознанья. И сидъть хотъль-бы въчно Такъ близъ милаго созданья. При толчкахъ кареты тряской, Въ полусив и полубдъньи, Вдругъ она свою головку Поднимала на мгновенье, И дневную помня ссору, Отъ меня отодвигалась, Только твердость въ эту пору Ей хранить не удавалось, И брала свое усталость, И ся головка снова На плечо мое склонялась Тико до толчка другаго. А межъ тъмъ подъ неба высью Намъ дождемъ грозили тучи, И карета тряской рысью Проъзжала лъсъ дремучій....

TT.

the source but was sounded on a circumoustant can

an analysis of British to age the man of the 20 to and and

the property designated believed from printed representations of the course of the cou

the supported the state of the supported the state of the supported the state of th

портретная галлерея современниковъ.

merch. To industry consists for every or view wines stronged for an armonial one of the construction.

БАЛЬЗАВЪ.

partiest steam, crapatein errain errain objected cho second

Это кажется было не далъе какъ вчера. Мы рыдали на краю могилы; мы съ отчаяніемъ слъдили взорами за гробомъ, уносившимъ съ собою столько геніяльности.

Викторъ Гюго говорилъ намъ:

ton an equality of the road

«Смерть его поразила весь Парижъ. Нъсколько мъсяцевъ тому назадъ онъ возвратился во Францію. Предчувствуя свою кончину, онъ пожелалъ увидъть свою родину, какъ наканунъ предпринимаемаго долгаго путешествія торопятся обнять мать свою.

«Жизнь его была коротка, но полна; въ ней болъе произведеній ума, чъмъ дней.

«Увы! могучій дълецъ, никогда не знавшій усталости, философъ, мыслитель, поэтъ, жилъ между нами жизнью полною бурь, борьбы, тревогъ, ссоръ, литературныхъ войнъ. Теперь онъ нашелъ успокоеніе. Онъ вышелъ изъ круга вражды и ненависти, и станетъ отнынъ блистать между нашими отечественными писателями, какъ звъзда первой величины.» Вся жизнь Бальзака заключается въ этихъ немногихъ словахъ.

Живой, онъ безпрестанно боролся съ завистливою посредственностью, а мертвому даже враги отдаютъ должную справедливость.

Гоноре де Бальзакъ родился въ Туръ въ 1799, 20-го мая, въ домъ подъ нумеромъ 45, въ Императорской улицъ.

По словамъ журнала Indre-et-Loire, эта улица называлась въ то время улицею Италіянской армін. Домъ принадлежалъ отцу знаменитаго романиста и проданъ имъ Генералу д'Утремону. На дворъ дома растетъ акація, посаженная по приказанію матери Бальзака, въ самый день рожденія сына. Эту акацію и понынъ берегутъ и лелъятъ.

Отецъ Бальзака, справившись съ календаремъ, и найдя имя святаго въ день рожденія своего сына, назвалъ сына въ честь его, Гоноре́. (Чтимый.)

Гоноре Бальзакъ росъ вмъстъ съ двумя предестными сестрами, избъгая однакожъ случаевъ раздълять съ ними дътскія игры; всегда, съ самыхъ юныхъ лътъ носясь въ міръ мечтаній, онъ обладалъ раннимъ вдохновеніемъ, бесъдовалъ съ таинственною музою, которая осъняла его своими крылами и убаюкивала его восторженность.

Мать его, испуганная стремленіями, не свойственными съ возрастомъ сына, старалась всъми мърами обратить его ко вкусамъ и наклонностямъ дътскихъ лътъ.

Молодому Бальзаку накуплена куча игрушекъ, но только одна изъ нихъ обратила на себя его вниманіе: то была конъечная скрипка, которыми наполнены ярмарочныя игрушечныя лавки. Съ утра до ночи дитя скрипълъ на ней немилосердно.

— Слышишь, какъ это хорошо! говориль онъ Лауръ, старшей изъ сестеръ своихъ.

— Какъ хорошо! ты мнъ уши дерешь, отвъчала она.

Дитя взглядывало на нее съ оскорбленнымъ видомъ, уходило изъ комнаты и, въ тъни деревьевъ сада, продолжало свою музыку часа два сряду. Его находили съ поднятыми къ небу глазами, изъ которыхъ струились слезы и со смычкомъ въ рукахъ. Визжащіе звуки струнъ, которыхъ касался смычекъ наудачу, казались молодому мечтателю чудною гармонією.

и станеть отнымь блистать между плишим отечественными не-

^{*} Нынк госпожа Сюрвиль, выплания по болорог вкажев власт динактично

Бальзакъ самъ описываетъ свое дътство въ весьма интересныхъ очеркахъ. *. Пяти лътъ онъ сталъ читать священныя книги, и съ восторгомъ погружался въ ихъ глубокія таинства. Онъ пожиралъ всъ книги, попадавшіяся къ нему подъ руку. Случалось, что Бальзакъ, съ самаго ранняго утра запасшись хлъбомъ и нъсколькими томами книгъ, уходилъ въ лъсъ, гдъ зачитывался до наступавшаго вечерняго мрака.

Отданный въ училище Вандомской Ораторіи, онъ и тамъ предавался страсти свой къ чтенію.

Книги ученыя, философическія, религіозныя служили ему пищею. Даже лексиконы прочтены были имъ отъ слова до слова, изъ конца въ конецъ. Бальзакъ съ намъреніемъ заслуживаль наказаніе быть подъ арестомъ, чтобъ тамъ на свободъ предаваться своему любимому занятію удобно и безъ помъхи.

Одаренный необыкновенною памятью, онъ удерживаль въ головъ названіе мъстъ и лицъ, удерживаль въ памяти слова, предметы, образы.

Вскоръ случился съ молодою головою феноменъ весьма опасный. Хаосъ, произведенный въ ней множествомъ не улегшихся идей, какъ будто затмилъ разсудокъ.

Нашъ школьникъ, возвратясь въ Туръ, ужаснулъ свое семейство. Броженіе идей и неопредъленность ихъ во время процесса, такъ сказать, классификаціи ихъ въ мозгу, приняты были за идіотизмъ.

Дитя поглотило цълыя библіотеки, и пищевареніе свершалось съ трудомъ. Четырнадцати-льтній мыслитель зналъ все, кромъ самыхъ обыкновенныхъ и простыхъ вещей; онъ спрашивалъ изъ чего дълается хлъбъ, и не умълъ отличить виноградника отъ поля, засъяннаго хлъбомъ.

Цълыя двъ недъли онъ бережно ухаживаль за цвъткомъ тыквы, даннымъ ему сестрою Лаурою, воображая, что это индійскій кактусъ, въ чемъ увърила его сестра.

Мнимый идіотизмъ, съ которымъ вернулся Бальзакъ изъ училища, вскоръ разсъялся. Намять привела въ порядокъ всъ пріобрътенныя ею идеи.

 Вотъ, увидите, вы увидите! говаривалъ онъ своимъ сестрамъ, я буду знаменитъ!

Это слово обошлось ему не дешево. Какъ только онъ впер-

^{*} Въ романъ своемъ подъ названіемъ «Ламберъ.»

вые произнесъ его, насмъшницы сестры не иначе проходили мимо его, какъ отвъщивая ему нижайшіе поклоны и приговаривая съ комическою почтительностью:

— Привътъ великому Бальзаку!

Въ 1813 году семейство его оставило Туръ и переъхало въ Парижъ, гдъ отецъ Бальзака получилъ весьма выгодное мъсто. Онъ помъстилъ сына въ самый лучшій пансіонъ.

Тамъ молодой человъкъ окончилъ свое образование. Въ восемнадцать лътъ, заслуживъ дипломы бакалавра и кандидата, опъ слушалъ курсы и въ Училищъ Правъ, и въ Сорбонъ, и во французской Коллегіи.

Бальзакъ былъ красивъ собою, силенъ и здоровъ. Онъ не зналъ усталости, не смотря на усидчивыя и трудныя умственныя занятія. Глаза его блестъли свъжестью молодости, улыбка не покидала губъ его. Онъ былъ олицетвореніемъ чувства радости.

Возвратясь въ домъ отцовскій, онъ шутя училъ сестеръ латини, и находиль удовольствіе разставлять свои книги, скупленныя имъ въ разныхъ мъстахъ на деньги, даваемыя ему отцемъ на его маленькія удовольствія. Съ той поры онъ положилъ основаніе той замъчательной библіотекъ, которою онъ недаромъ гордился въ послъдніе дни своей жизни и которую, какъ сказалъ гдъ-то Жакобъ библіофиль, онъ имълъ намъреніе оставить по наслъдству своему родному городу, если бъ этотъ городъ не выказалъ ему столько равнодушія и даже недоброжелательства.

Бальзакъ, какъ и многіе другіе, не былъ понятъ въ своемъ отечествъ.

Въ сердцахъ соотечественниковъ какого либо знаменитаго писателя всегда гитздится инстинктивная зависть, и какое-то высокомъріе заграждать ему путь къ славъ и извъстности. Имъя одну колыбель съ геніемъ, посредственность пикакъ не хочетъ сознаться въ превосходствъ его. Имъ недоступно понятіе, что на одной и той же почвъ можетъ расти роскошный тополь и чахлый кустарникъ.

Дарованіе одного, становится бъльмомъ въ глазу всъхъ бездарныхъ, и тутъ-то безсиліе возстаетъ противъ силы, тростникъ посмъивается надъ дубомъ, кедръ осмъянъ былинкой!

— «Онъ знаменить! помилуйте! мы съ нимъ играли въ кегли; или: «Я гораздо лучше его учился въ школъ!» или: «Помилуйте, у отца его не было ни гроша!»

Это послъднее замъчаніе, несокрушимое и величественное, мы

слышали собственными ушами отъ одного Марсельца при разговоръ о Мери.

Такая несправедливость соотечественниковъ наносить сердцу великихъ писателей величайше огорченіе. Было-бы такъ сладко пожать лавры на родной почвъ! а вмъсто ихъ находишь только сухіе сучья, годные на розги.

Послушный воль родительской, Бальзакъ, продолжая свои учебные курсы, служилъ у стряпчаго Гійонне де Мервиля, гдъ познакомился съ Скрибомъ, также мало имъвшемъ призванія къ судейскому званію, какъ и нашъ романистъ.

Говорять, что и Жюль-Жанень, въ это же время и у того же стряпчаго быль клеркомъ, то есть младшимъ писцемъ.

Жаненъ, любившій польниться и поостриться, не всегда акуратно являлся въ должность, и частенько подсмъивался надъстаршими писцами, которые ему отплатили за это не весьма въжливымъ образомъ. Это не понравилось Жанену; онъ бросилъслужбу у Гійонне де Мервиля и предался журналистикъ, гдъ его насмъшливый и заносчивый умъ могъ упражняться, не боясь немедленнаго отвъта со стороны тъхъ, надъ къмъ онъ острился.

Но не станемъ предупреждать событій.

Семейство Бальзака жило въ улицъ Тамиль, и старшій членъ семейства имъль съ отцемь своимъ, въ одинъ ноябрскій вечеръ, слъдующій торжественный разговоръ:

- Черезъ четыре мъсяца тебъ минетъ двадцать льтъ, сказалъ отецъ сыну. Какой путь изберешь ты въ жизни?
- Мое назначеніе, отвъчаль Бальзакь, влечеть меня на литературное поприще.
  - Въ умъ ли ты?
- Это дъло уже мною ръшено, я буду писателемъ.
- Кажется, что сынъ нашъ, подхватила госпожа Бальзакъ, поощряя взоромъ мужа къ строгости, кажется, сынъ нашъ ставить нищету выше всего!
- Да, сказаль отецъ, родятся такіе люди, которымъ не иначе хочется умереть какъ на соломъ.
- Сынъ мой, сказала госпожа де-Бальзакъ, мы съ отцемъ уже давно начертали планъ твоей жизни: ты будешь нотаріусомъ.—* Молодой человъкъ ръшительно отвергнулъ это предположеніе.

* Взявъ сына отъ Гійоние де-Мервиля, родители Бальзака помъстили его у нотаріуса Пассѐ, домашняго ихъ друга, послъ смерти котораго должность его должна была перейти къ молодому Бальзаку.

- Да развъ, несчастный, ты не знаешь къ чему приведетъ лебя авторство? Въ областяхъ литературы надо быть или громаднымъ талантомъ, или труженикомъ.
- Я буду первымъ, сказалъ Бальзакъ.

Небыло средствъ побъдить его непоколебимаго намъренія.

Родители прибъгнули къ исправительной системъ, состоявшей въ лишении сына всъхъ способовъ къ жизни. Они ръшились съ остальными своими дътьми покинуть Парижъ и поселиться въ деревнъ.

Бальзакъ остался одинъ въ Парижъ съ свободою предаваться, сколько его душъ угодно, своему назначеню. Кошелекъ его пустъ. Только нищета могла, по расчетамъ родителей, обратить его на путь истинный.

Помъстясь на какомъ-то чердакъ, по близости отъ библіотеки арсенала, онъ сталъ работать съ усердіємъ почти неестественнымъ, окруженный лишеніями всякаго рода, не унывая духомъ и не теряя ни на минуту своей веселости. Переписка его въ эту эпоху жизни съ сестрами носитъ отпечатокъ комической наивности и радости и замъчательна въ беллетрическомъ отношеніи.

Квартира подъ кровлею, не защищая его отъ стужи и сквознаго вътра, причиняеть ему зубную боль, и опухоль почти не покидаеть щекъ его.

«Ахъ, милая моя Лаура, пишетъ онъ къ сестръ своей, еслибы ты могла взглянуть на твоего брата, ты его не узнала бы!»

Какъ всъ начинающіе, Бальзакъ, не освободившись отъ школьныхъ воспоминаній, какими наполнено его воображеніе, предпринимаеть сочинить пяти-актную трагедію. Онъ начертиль планъ своего «Кромвеля.»

Любопытно слъдить за первыми шаткими шагами знаменитаго писателя, который еще не успълъ стать на настоящій свой нуть.

Онъ безпрестанно спотыкался по узкимъ тропамъ, на которыхъ негдъ было распахнуться широкимъ крыльямъ его воображенія.

Объяснивъ сестръ письменно планъ своего «Кромвеля», братъ оканчиваетъ свое письмо слъдующимь:

«Если у тебя явятся какія нибудь хорошія мысли, передай ихъ мнъ. Оставь себъ легкія и цвътистыя, мнъ нужны возвышенныя. Я хочу начать знаменитымъ твореніемъ, или не начинать вовсе. Что затрудняетъ меня болье всего, это изложеніе. Надо

начать съ портрета Кромвеля, а Боссюэть меня пугаеть. У меня уже есть нъсколько готовыхъ строфъ... Ахъ, сестра, сестра! если я буду вторымъ Прадономъ? Я повъшусь.»

Спустя нъсколько мъсяцевъ послъ этого, Бальзакъ кончилъ всъ иять актовъ своей трагедін и явился въ свою семью читать ее.

Нъсколько лицъ, способныхъ судить о предметъ, были приглашены на чтеніе трагедін, и между прочими Станиславъ Андріё, профессоръ литературы во французской коллегіи, авторъ семивосьми ніесъ.

По окончаніи чтенія, профессоръ, въ присутствін самаго автора, недагогическимъ тономъ объявиль, что во всемъ сочиненіи нигдъ не проявляется и тъни дарованія.

Уничтоженный такимъ жестокимъ и грубымъ приговоромъ, Бальзакъ вернулся въ свою парижскую каморку, оскорбленный осуждениемъ своего произведения; онъ обратился къ труду и призвалъ на номощь всю силу своего духа, чтобъ отмънить строгій приговоръ судьп — быть можетъ завистливаго.

Онъ отказался отъ лавроваго вънца драматурга и трагика, и сдълался романистомъ.

Побъждая физическія страданія и смъясь нищеть, онъ написаль сорокь томовь, напечатанныхъ одинъ послъ другаго тъми парижскими вамнирами-издателями, которые караулять даровитыхъ модей съ самой колыбели и душать его своими жадными объятіями. Система ихъ состоить въ томъ, чтобы морить голодомъ сочинителя, разработывая между тъмъ его геній; продавать ихъ сочиненія тишкомъ, подъ вымышленнымъ названіемъ, а не подъ настоящимъ именемъ автора, и подъ прикрытіемъ какого-нибудь вымышленнаго ими предисловія, отнимать у сочинителя извъстность и славу *.

— Ты видишь, всъ твои усилія тщетны, говориль отецъ Бальзака сыну: человъкъ, не достигнувшій въ двадцать-пять лътъ жизни средствъ къ существованію своею работою, трудится на безплодномъ полъ.

Молодой человъкъ тяжко вздыхалъ. Онъ не былъ убъжденъ,

^{*} Первые романы Бальзака были изданы подъ исевдонимами лорда Роонге, анаграмы Гоноре, имени Бальзака, и Гораса де-Сенть-Обена. Эти романы были слъдующіе: «Пирать Арговь», «Послъдняя фея», «Колдунь», «Израпльтянинъ», «Блъдная Жанна», «Арденскій священникъ», «Жань-Луи», «Бирагская наслъдница» и многіе другіе.

хотя и чувствоваль, что быется головой объ жельзную ствну. Собравъ всъ силы своей энергіи, онъ ръшился, во чтобы нистало, добиться фортуны и независимости, чтобъ имъть возможность писать.

Школьный товарищъ ссудилъ его капиталомъ и помогъ ему привесть въ дъйствіе идею—открыть книжную торговлю. Задумали было собрать въ одинъ компактный томъ всъ сочиненія Моліера, и въ такой же всъ сочиненія Лафонтена. Дъло представляло всъ шансы успъха.

Бальзакъ написалъ къ каждому тому по предисловію, замъчательному во всъхъ отношеніяхъ. Но онъ разсчитываль, забывъ о недоброжелательствъ и даже злонамъренности издателей-книгопродавцевъ. Никто изъ нихъ не приложилъ старанія къ распродажъ двухъ томовъ Моліера и Лафонтена; они не продались, и сумма на нихъ издержанная погибла.

Товарищъ его не упалъ духомъ. Онъ снова далъ ему денегъ въ займы, чтобъ помочь Бальзаку поправить дъла свои.

Отецъ его, довольный тъмъ, что сынъ вступилъ на новый путь, тоже далъ ему 30 тысячъ франковъ, на нокупку и обзаведение типографии.

И вотъ какимъ образомъ нашъ романистъ ринулся во всъ типографическія предпріятія безъ оглядки.

Помъстившись въ улицъ Маре-Сентъ-Жермень, въ домъ подъ № 13, онъ завелся двънадцатью печатными станками, словолитней, и далъ движение своему заведению, думая что онъ наконецъ вышелъ съ торжествомъ изъ борьбы съ нуждою.

Но къ несчастію, въ эту эпоху, чтобъ жить типографскими работами, молодому типографщику нуженъ былъ капиталъ покрайней-мъръ въ шестьдесятъ или пятьдесятъ тысячъ ливровъ. Такого капитала достать ему было неоткуда, и онъ долженъ былъ уступить за безцънокъ заведеніе, которое обогатило его преемниковъ *.

Бальзакъ снова принялся за литературу, не только для своего существованія, по и съ цълью расплатиться съ долгами.

Несчастіе, вмъсто того чтобъ убить его душу, удвоиваеть ея силы.

^{*} Деберии, купившій словолитню Бальзака, получаеть съ нея доходу болье 600 т. франковъ.

Издатель г. Левассёръ, не изъ вампировъ, издаетъ новыя сочинения Бальзака. Онъ требуетъ, чтобъ подъ ними стояло имя автора романа: «Послъдній Шуанъ», «Тридцати лътняя женщина», «Двъ мечты», «Maison du Chat qui pelote» и «Bal de Sceaux», напечатанные съ 1827 по 1829, дълаютъ извъстнымъ нашего терпъливаго писателя, а «Физіологія супружества» утверждаетъ его знаменитость на прочномъ основаніи.

Съ этой минуты онъ не знастъ отдыха. Дни и ночи сочинителя посвящены труду. Съ каждою написанною страницей, онъ пьетъ глотокъ кофейной эссенціи, прогоняеть ею сонъ, горячить ею свою кровь. Но за то сколько чудныхъ произведеній! «Гобсекъ», «Вендетта», «Шагреновая кожа», «Сарразина», «Луи Ламберъ», «Знаменитый Годиссаръ», «Деревенскій докторъ», «Феррагюсъ», «Евгенія Грандѐ», «Серафита», «Герцогиня Ланже», «Отецъ Горіо», «Изысканіе абсолюта», «Провинціяльный великій человъкъ въ Парижъ», «Лилія въ долинъ», «Деревенскій священникъ» и двадцать другихъ романовъ, всего болъе шестидесяти томовъ въ продоженіе шести лътъ времени *.

И замътъте, Бальзакъ никогда не имълъ сотрудниковъ! Ни одинъ изъ его отъявленныхъ враговъ не смъетъ сказать, что- бы строка, хоть одна чужая строка когда нибудь попала въ его произведенія.

Онъ единственный творецъ всего имъ созданнаго! Никогда онъ не ставилъ своего имени подъ чужимъ сочинениемъ и не обманывалъ публики такою контрабандою, никогда не заключалъ онъ съ журналистикою постыдныхъ сдълокъ, которыхъ мы были свидътелями, къ стыду французской литературы. Потомству не предстоитъ труда отмежевыватъ въ его владънияхъ и возвращать настоящимъ владъльцамъ книгъ съ его именемъ, и тъмъ отмицать за ущербъ, нанесенный литературной истинъ.

Здъсь кстати снова привести слова Виктора Гюго:

«Могучій работникъ, незнавшій усталости, философъ, мыслитель, поэтъ, жилъ между нами жизнью полною бурь, борьбы, тревогъ, ссоръ, войнъ...»

И въ самомъ дълъ, всю жизнь свою Бальзакъ долженъ былъ защищаться. Зависть подкапывалась, чтобъ опрокинуть его.

^{*} Всъ эти романы были изсколько разъ перепечатаны и обогатили многихъ книгопродавцевъ, между которыми укажемь на Ипполита Суверена.

По сторонамъ этой злой фуріи трудились господа критики, скобля своими желъзными перьями чугунный пьедесталь его.

По словамъ ихъ, Бальзакъ былъ ни что иное какъ «неловкій подражатель Ретифа-де-ла-Бретонна и Дюкре-Дюмениля.» Не такъли по вашему, господинъ Филаретъ Шаль? «Онъ писалъ подъ вымышленнымъ названіемъ эксцентрическіе романы, которыхъ не принимали даже мелочныя книжныя лавченки. Онъ копается въ склепахъ Анны Радклифъ, роется въ проклятіяхъ Пиго-Лебрёна, гоняется за прибаутками Поль-де-Кока, и всегда безсмънно описываетъ рядъ однихъ и тъхъ же грубыхъ и тривіальныхъ пропешествій.»

Не такъ-ли, по вашему, господинъ Жюль-Жаненъ? Эти милые и правдивые критическіе очерки вашего изобрътенія! Еще до этихъ словъ вы бросали подъ ноги творцу «Евгеніи Гранде» не одну фразу въ такомъ-же родъ.

Вы имъли цълью сокрушить Бальзака (это выраженіе не нами выдумано) вы скоблили вашимъ желъзнымъ перомъ пьедесталъ таланта, вы становились на ципочки, чтобъ достать до подошвъ его и старались ранить его въ иятку своимъ пигмейскимъ коньецомъ.

Бальзакъ обернулся, опустиль на васъ свои взоры, приняль васъ за муху, и продолжаль писать.

Онь не хотъль заняться дать вамь урокъ даже въ родъ того, который быль вамь дань старшими писцами въ конторъ нотаріуса. Что ему было до вашего суда? Могли ли вы номъряться съ нимъ? Могли-ли сдълать его «Peau de Chagrin» равнымъ вашему «Мертвому ослу». Конечно нътъ. Онъ заставилъ васъ умолкнуть, васъ и толиу зоиловъ, прознеся послъднее величественное слово своего творенія: «Comedie humaine!»

Эта «Человъческая комедія» раздъляется на восемь большихъ отдъловъ: 1, Сцены домашней жизни, 2, Сцены провинціяльной жизни, 3, Сцены парижской жизни, 4, Сцены политической жизни, 5, Сцены военной жизни. 6, Сцены деревенской жизни. 7, Философическіе этюды и 8, Аналитическіе этюды.

Человъческая комедія! Неужели вы не довольно ею поражены? Неужели не можете разглядьть, какъ все въ ней стройно, систематично, какъ все въ ней въ гармоническомъ порядкъ клонится къ одной цъли. Не это ли рядъ однихъ и тыхъ же простыхъ и тривіальныхъ происшествій, о которыхъ вы говорили, синьоръ Жюль-Жаненъ? Вы употребили неудачные эпитеты, вы

елънотствовали; ваша критика блуждала во мракъ—и онъ озарилъ васъ правдою! Смотрите: вся общественная жизнь нашего въка предъ вашими глазами. Смотрите! бы найдете и себя въ числъ дъйствующихъ лицъ.

Вы поражены, о критикъ безбородый, но толстобрюхій! Но къ чему же вамъ было летъть на пламя вамъ, одной изъ 'самыхъ толстыхъ породъ ночныхъ бабочекъ!

Предълы нашей статьи не позволяють намъ, къ несчастію, входить въ долгій разборъ всъхъ подробностей, которыхъ требують творенія нашего романиста. Для этого надо написать толстую книгу. Мы поневоль должны ограничиться нъкоторыми только главнъйшими чертами, могущими обозначить и прекрасное его дарованіе.

Бальзакъ — Бенвенуто Челлини новъйшей литературы. Онъ скульпторъ теривливый и отчетливый своихъ произведеній. Всъ его выраженія отдъланы съ изумительнымъ искусствомъ. Онъ отличается отливкою страстей, если такъ можно выразиться, и всъ его персонажи вылиты изъ прочнаго металла.

Со временъ Моліера никто не разрабатывалъ такъ глубоко человъческое сердце. Женщина, этотъ въчный камень преткновенія и отчаяніе описателей нравовъ, это существо таинственное и неуловимое, цвътокъ тысячецвътный и неосязаемый, красивый хамелеонъ съ измъняющимися и разнообразными оттънками, женщина нашла въ Бальзакъ своего естествоиспытателя, своего историка, своего поэта. Онъ постигъ тайну ея радостей и горя; онъ уловиль всв оттънки ся сердца. Всв они переданы Бальзакомъ съ полною върностью. Онъ умъстъ понять и разобрать самые темные гіероглифы чувства. Онъ какъ бы раскрываеть всъ нъжныя фибры мозга, вынимаетъ женское сердце и анализируетъ всъ его біенія, всъ его ощущенія. Онъ представляеть намъ женщину въ высшемъ и превосходнъйшемъ ея проявленіи, извлекая изъ души ея эссенцію восхитительныхъ качествъ, отдичающихъ ея природу. Онъ отыскиваетъ въ ней недостатки и несовершенства съ наблюдательностью поразительною. Уловки улыбокъ, расчеть движеній, дипломація взгляда, ничто не ускользнуло оть искуснаго анатомика.

Бальзакъ, въ теченіе своей жизни получиль до двънадцати тысячъ писемъ отъ женщинъ, которыя узнали себя въ его романахъ, изъявляли ему свой восторгъ и удивленіе. Женщинамъ принадле-

житъ главная честь знаменитости Бальзака. Кто не помнитъ книги госпожи Жирарденъ подъ названіемъ «Трость Бальзака.»

Когда сравниваешь женщинъ, выведенныхъ въ романахъ его, съ женщинами Жоржъ-Занда, находишь ту видимую разницу, какая существуетъ въ природъ между логикой и парадоксомъ, между правдой и ложью.

Бальзакъ научаетъ, Жоржъ-Зандъ обманываетъ.

Первый служить нравственности, вторая о ней не заботится. Всв Индіаны и всв Валентины въ міръ бльднъють предъ Рене и Луизою, этими прелестными типами, которые мы находимъ въ «Запискахъ двухъ новобрачныхъ.» Не надо долго отыскивать нравственнаго заключенія этого романа.

Бальзакъ посвятиль его госножъ Жоржъ-Зандъ съ явною ироніей. Она должна была ясно понять, что любовь ея героинь всегда ведетъ ихъ къ горестямъ и гибели.

Рене находить спасеніе отъ любви въ материнскомъ чувствъ и становится счастлива, тогда какъ Луиза убита любовью, потому что не была матерью.

Бальзакъ не любилъ Жоржъ-Занда и говорилъ объ ней:

 — Эта писательница ни мужчина, ни женщина. Природа чъмъ-то была разсъяна, создавая ее. Ей не дано мужественности, за то передано чувства.

Въ сношеніяхъ Бальзака съ Берійскою помъщицею, авторъ «Евгеніи Гранде» быль чрезвычайно холодень и осторожень. Она не могла имъть объ немъ выгодныхъ понятій. Мы совершенно несогласны съ мнъніемъ Жоржъ-Занда въ слъдующихъ строкахъ, написанныхъ ею въ одномъ предисловіи:

«Жизнь Бальзака большею частью была жизнью анахорета. Естествоиспытатель нашъ постигъ въ жизни зло и добро, по теоріи, посредствомъ наблюденія и размышленія, но не на практикъ.»

Госпожа Зандъ измъняеть своему тайному негодованію.

Мы думаемъ, — и большинство женщинъ, знающихъ Бальзака, согласится съ нами, — что одно умственное наблюденіе не можеть дать того познанія женскаго сердца, которое пріобрътается лишь глубоко испытанными чувствами любви, лишь испытанными радостями и огорченіями.

Говорять, что г-жа Жоржъ-Зандъ сбирается окончить свои «Мемуары», что будеть напрасно, если на нихъ смотръть съ поучительной точки. Не мъшаетъ предостеречь читателей про-

тивъ болъе или менъе пристрастныхъ и несправедливыхъ сужденій, какимъ она можеть предаться въ своихъ запискахъ.

Возвратимся къ нашему романисту. Бальзакъ, не смотря на успъхъ своихъ книгъ, не обогащался.

Онъ работалъ черезъ чуръ добросовъстно, и потому долго. Онъ никогда не былъ доволенъ своимъ трудомъ. Одинъ изъ его романовъ, подъ названіемъ «Пьеретта», былъ передъланъ имъ съ начала до конца четырнадцать разъ.

- Помилуйте, говорилъ ему его издатель, ваши корректуры однъ будуть стоить отъ 1800 до 2000 франковъ.
- Чтожъ дълать! отвъчалъ Бальзакъ. Прошу васъ исполнять по моему желанію.

Желаніе его было исполнено. Онъ остановился на двадцать седьмой корректуръ.

«Пьеретта» посвящена была прелестной женщина (госпожа Евва Генской), которая сдалалась въ посладствіи женою Бальзака. Онъ хоталь въ этомъ романа заключить все свое дарованіе и послать его вмаста съ своимъ сердцемъ. Корректуры его стоили романисту, сверхъ выручки за самый романъ, до четырехъсотъ франковъ.

Съ такою системою, Бальзаку затруднительно было расилатиться съ своими долгами. Вотъ что говорить о немъ библюфиль Жакобъ:

«Бальзакъ до того гонялся за правдой и точностью въ своихъ описаніяхъ, что никогда не случалось ему описывать какой бы то ни было страны, не побывавъ въ ней и не осмотръвъ ее. Онъ не останавливался передъ трудностями путешествій въ тотъ городъ, улицу, или какое бы то ни было мъсто, куда онъ желалъ перенести сцены своего романа. Вотъ тайна тъхъ чудныхъ описаній дома Гранде въ Сомюръ, и Руже въ Иссодюнъ. Бальзакъ былъ живописцемъ въ родъ Жерара Дова, Міериса и Рембрандта.»

Эти путешествія и корректуры поправокъ поглощали всъ деньги его. Пучина долговъ его не уменьшалась.

Преслъдуемый своими заимодавцами, Бальзакъ иногда впадалъ въ минуты горькаго унынія. Нъжность и ласки родныхъ старались разсъять его. Почти всякій вечеръ онъ объдаль у сестры своей Лауры, жившей съ своимъ мужемъ и двумя дочерьми въ Парижъ.

— Ну, газели мои, (такъ называлъ Бальзакъ своихъ пле-

мянницъ), сказаль онъ однажды входя къ нимъ, давайте мнъ скоръе карандашъ и бумаги... Живо! Живо!

Карандашъ и бумага поданы. Цълый часъ Бальзакъ писалъ, но только ряды цифръ, однъ подъ другими, складывая ихъ вмъстъ.

- Пятьдесять девять тысячь франковъ! воскликнуль онъ, кончивъ работу. Я долженъ пятьдесять девять тысячъ франковъ! Приходится всадить себъ пулю въ лобъ или броситься въ Сену.
- А чтожъ будеть съ романомъ, который ты началъ писать для меня? ты его не хочешь кончить, сказала, заплакавши, одна изъ его племянницъ *.
- Ангелъ мой, Софи!.. Я виноватъ, что такъ упадаю духомъ. Работать для тебя!.. это непремънно принесетъ мнъ счастіе. Прочь горестныя мысли! Я кончу твой романъ, это будетъ замъчательное произведеніе; я выручаю за него три тысячи экю, издатели предлагаютъ мнъ самыя выгодныя условія... Все будетъ чудесно! Я выплачиваю, въ теченіе двухъ лътъ, всъ мои долги, откладываю вамъ на приданое и становлюсь перомъ Франціи!.. Такъ будетъ непремънно! А теперь пора объдать!
- А чтожъ билеты въ театръ, которые ты объщалъ намъ принести?
- Я и позабылъ! Вотъ они у меня въ карманъ. Мы идемъ сегодня въ Gymnase.
- Но ты не такъ одътъ...
- Сюрвиль дасть мнъ свое платье... не такъ ли, Сюрвиль... сказаль онъ мужу Лауры... Объдать! мои газели, объдать!..

Во время объда всъ были веселы какъ никогда.

- Бальзакъ забылъ о всъхъ цифрахъ и обо всъхъ долгахъ.
   Къ концу объда поданы бордоское и каштаны.
- Одъвайся скоръе, дядюшка, говорятъ ему племянницы, мы опоздаемъ въ театръ!
- Правда, правда, говорилъ Бальзакъ, вставая изъ-за стола и входя въ комнату хозяина, чтобъ перемънить костюмъ.

Бальзакъ запрещалъ имъ читать свои сочиненія, и для того нарочно для нихъ сочинилъ «Урсулу Мируе», чистое и нравственное произведеніе, исполненное самыхъ высокихъ христіанскихъ чувствъ. Не смотря на это, этотъ романъ удостоился одобренія Вейльо и Нонмартена.

Дверь въ столовую осталась за нимъ не притворенною. Погодя нъсколько времени, онъ закричалъ сидящимъ за столомъ:

- Оставьте мнъ бордоскаго вина!
- Ахъ, 'чортъ возьми! кричить ему Сюрвиль, мы все выпили; бутылка пуста, но я достану другую.
- Не надо, не надо, не трудись, мой милый. Если нътъ больше бордо, я удовольствуюсь каштанами.

Вся семья разразилась смъхомъ при такой простодушной выходкъ.

Если нашъ читатель находитъ эти разсказы мелочными и недостойными вниманія, онъ будеть не правъ.

Они очерчиваютъ Бальзака въ натуръ.

Бальзакъ быль надъленъ тъмъ счастливымъ характеромъ, по которому скользили горести и неудачи, которыми однако наполнена была жизнь его. Минута радости изглаживала впечатлъніе часовъ отчаянія и возвращала ему бодрость, нужную для нескончаемыхъ трудовъ его.

Случалось ему цълые дни пграть съ племянницами своими, подобно тому какъ Генрихъ IV пгралъ съ дътьми своими. Когда сестра начинала бранить его за трату времени, онъ говорилъ ей:

— Молчи, Петрарка! (такъ въ шутку называлъ братъ сестру, въ панданъ къ имени Лауры) надо же мнъ облегчить свою голову, иначе я весь превращусь въ мозгъ.

Боль зубовъ, полученная имъ въ холодной каморкъ его, въ улицъ Ледигіеръ, часто его безпокопла. Онъ не хотълъ ни чъмъ лечиться, увъряя, что волки не прибъгаютъ къ помощи дантистовъ, и людямъ надо поступать какъ волкамъ.

- Ты просто трусишь и боишься выдернуть твой гнилой зубъ, сказала ему сестра.
- Вотъ выдумала! Кстати одинъ изъ моихъ зубовъ щатается. Давай нитку, и ты увидишь, какъ я самъ себъ славно вырву зубъ.

Бальзакъ приступиль къ операцій, но онъ такъ нъжно и деликатно тянуль нитку, что сестра, выведенная изъ терпънія, дернула братнину руку, державшую нитку, и гнилой зубъ выскользнуль по неволъ.

— Какъ это странно, сказалъ Бальзакъ, я видно тянулъ нитку только мысленно. Бальзаку часто случалось острить и отвъчать очень удачно. Онъ незадумываясь говориль все, что ему вспадало на умъ, приправляя ръчи свои добродушнымъ турскимъ смъхомъ, что дълало его похожимъ на Рабле, его веселаго земляка, съ которымъ и кромъ этого онъ имълъ много общихъ чертъ, не во гнъвъ будь сказано Жоржъ-Занду.

Долго думаль Бальзакь, какимъ способомъ найти ему средство разбогатъть. Литературные труды не давали ему возможности расплатиться съ своими долгами. Какъ-то разъ, читая Тацита и найдя въ немъ, что Римляне когда-то разработывали серебряные рудники въ Сардиніи, онъ удариль себя въ лобъ и воскликнуль:

— А, наконецъ-то и я буду милліонеромъ!

Не думая и не откладывая долго, Бальзакъ занимаетъ пятьсотъ франковъ, ъдетъ въ Марсель, садится на генуэзское купеческое судно, сообщаетъ капитану свое открытіе, и капитанъ находитъ его удивительнымъ и полезнымъ.

Очевидно было, что Римляне, худо знавшіе химію и металургію, не могли до-чиста разработать серебряныя мины. Бальзакь удостовърился въ томъ тотчасъ по прибытіи въ Сардинію. Онъ возвращается въ Парижъ съ кусками штуфа, доискивается полнъйшимъ анализомъ до точнаго вывода, что штуфъ заключаетъ въ себъ много металла. Онъ проситъ у сардинскаго правительства позволенія новой разработки остатковъ послъ Римлянъ.

Правительство сообщаетъ ему, что уже поздно.

Капитанъ генуэзскаго судна воспользовался идеею Бальзака, и тотчасъ же испросиль себъ позволеніе, котораго домогался Бальзакъ.

Жертва излишней довърчивости, Бальзакъ и тутъ не потерялъ присутствія духа и сталъ отыскивать новыхъ способовъ къ своему обогащенію.

Если г. Дютакъ, бывшій издатель журнала Siècle, захочеть быть искреннимъ и откровеннымъ, онъ сознается, что цълые два мъсяца, подъ тънью деревъ Жарди (дачи, на которой въ то время жилъ Бальзакъ) вдали отъ любопытныхъ взоровъ и храня глубокую тайну, авторъ «Человъческой комедіи» вмъстъ съ нимъ мучили свои головы, чтобъ отыскать разръшеніе старинной проблемы «Въчнаго движенія».

Случилось разъ вечеромъ, что Бальзакъ вскочилъ съ своего мъста, и какъ Архимедъ закричалъ: Eurêca! нашелъ! нашелъ!

Туть же онь взяль расписку съ Дютака, въ которой удостовъряль, что открытіе принадлежить имъ обоимъ вмъсть.

Дютакъ далъ письменное удостовъреніе отъ чистаго сердца, съ охотою.

Но увы! обсудивъ хладнокровнъе свою систему, Бальзакъ открываеть въ ней величайшую ошибку, и товарищъ его получаеть отъ него на слъдующій день записку:

«Не разсчитывай на систему нашу, недостаетъ двухъ лошадей для совершенства машины.»

Посль всякой неудачи Бальзакъ приступаетъ къ новымъ попыткамъ. То приходитъ ему въ голову разводить ананасы, чтобъ извлечь изъ нихъ, по своему вычисленію, 200 тысячъ ливровъ ежегоднаго дохода, забывъ, что этотъ экзотическій плодъ не можетъ созръвать подъ лучами нашего холоднаго солнца. То онъ предается математическимъ исчисленіямъ, съ надеждою отыскать средство подорвать баденскій и гомбургскій банки.

Жюль Сандо помогаль Бальзаку въ отысканіи секрета, которымъ можно было пріобръсть горы золота.

- Еигеса! нашелъ, нашелъ! закричалъ во второй разъ Бальзакъ, въ порывъ восторга.
- Однако-жъ... позвольте... вы тутъ забыли поставить два нуля, сказаль ему Жюль Сандо, разсматривая его исчисленія... а безъ этого пропуска... все напрасно... все тщетно!

Не будь этихъ двухъ нулей, и для германскихъ банковъ насталь бы последній день.

Послъднимъ проектомъ Бальзака было намъреніе отправиться въ Корсику, чтобъ тамъ разводить опіумъ. Онъ такъ тщательно развиваль свои несбыточные планы, что слушая его, нельзя было не раздълять его иллозій, его надеждъ; онъ магнитизировалъ своего слушателя, не давалъ ему вздохнуть, одуматься отъ его словъ и магнитическаго взгляда. Дютаку случилось выбъгать съ дачи его Жарди какъ одурълому, и говорить: west marting small a significant 12

— Клянусь честью, онъ меня сдълаетъ такимъ же сумасшедшимъ, какъ самъ!

Эдуардъ Урліакъ, Лассальи, Жераръ де-Нерваль, Лоранъ, Жанъ и маркизъ Белоа разсказываютъ удивительные феномены о силъ обаянія ръчей Бальзака. Опасно было входить съ нимъ въ какую бы то ни было сдълку; его воображеніе уносило васъ въ небывалый міръ. Слушая его становилось страшно, кружилась голова.

Послъ многихъ неудачъ, Бальзакъ отказался отъ своихъ сумасбродныхъ мечтаній. Ему доказали, что гораздо проще отыскивать фортуну на литературномъ поприщъ, котораго разработка уже была въ его рукахъ.

 — Создайте журналь, газету, говорили ему друзья; одно имя ваше пріобрътеть кучу подписчиковъ.

Бальзакъ послъдоваль дружескому совъту.

Но несчастіе его преслъдовало и уничтожало всъ его труды и предпріятія. «Литературный фельетонъ», «Парижское обозръніе», «Парижская хроника», умерли на его рукахъ.

Онъ быль черезъ-чуръ артистомъ для подобныхъ предпріятій.

Написавъ самъ нъсколько совъстливыхъ и отчетливыхъ статей, призвавъ на помощь къ своему труду Мери, Теофиля Готье, Шарля Бернара, * Шодзега, Густава Планша, которые съ охотою отозвались на его призывъ, Бальзакъ думалъ, что онъ все сдълалъ для публики, что могъ. Онъ не жирардинизировалъ своихъ читателей; онъ считалъ недостойнымъ себя прибъгать къ дживымъ объщаніямъ программъ, къ грубымъ обманамъ ложныхъ объявленій.

Бальзакъ принадлежалъ къ числу дюдей простодушныхъ, которыхъ легко обмануть, но самъ не былъ способенъ на обманъ какого либо рода. Онъ обладалъ довърчивостью и честностью добраго провинціяла.

Разъ вечеромъ, въ конторъ «Парижской хроники», ему пред-

^{*} Чтобъ иметь этого писателя своимъ сотрудникомъ, Бальзакъ заплатилъ должные имъ три тысячи франковъ г. Бюлозу, редактору Revue de Paris.

ставляютъ молоденькаго юношу, который хочетъ писать и даже управлять изданіемъ этого журнала.

Бальзакъ приглашаетъ его, всъхъ сотрудниковъ и редакторовъ къ себъ объдать. Молодаго человъка угощаютъ какъ почетнаго гостя. Шампанское пънится, пробки летятъ къ потолку, бутылки опоражниваются, остроуміе какъ фейерверочный огонь перелетаетъ съ конца стола въ другой. Послъ кофе, мнимый капиталистъ раскланивается, и говоритъ главному редактору:

— Господинъ Бальзакъ, я поговорю съ папенькой! Это «я поговорю съ папенькой» произвело такой же эфектъ, какъ слова: мане, текель, фаресъ.

Бальзакъ принялъ безбородаго школьника за самостоятельнаго капиталиста.

Когда Бальзаку случалось быть въ стъсненномъ положении, его можно было увърить въ томъ, что ему стоитъ только протянуть объ руки, и мъшокъ съ золотомъ упадетъ къ нему съ луны.

Подписчики «Парижской хроники» уменьшались со дня на день. Напрасно она печатала на листахъ своихъ замъчательнъйшія произведенія, между которыми отличались сочиненія самаго Бальзака. «Кабинетъ Антиковъ», «Запрещеніе» и «Раздавленная жемчужина» были имъ напечатаны въ этомъ журналъ. Легіоны шарлатановъ возставали противъ него въ парижскихъ журналахъ, и имъ удавалось продавать свои литературные дрязги съ большею выгодою, во вредъ здравымъ и дъльнымъ трудамъ Бальзака и его друзей.

Авторъ «Лили долины» работалъ восемнадцать мъсяцевъ, чтобъ умножить двадцатью пятью тысячами франковъ свои долги.

Онъ задолжаль десять тысячь своему предшественнику по изданію «Хроники», г. Дюкету.

Находясь самъ въ стъсненныхъ обстоятельствахъ, Дюкетъ долженъ былъ преслъдовать своего должника судейскимъ порядкомъ. Онъ уже пріобръль право взять его въ тюрьму, но Бальзака не могли нигдъ отыскать. Полицейскіе чиновники три недъли тщетно его преслъдовали, какъ вдругъ одна мсти-

тельная Аріадна (стоило бы вышисать здъсь ея имя большими словами) явилась къ заимодавцу.

— Вы ищете Бальзака, сказала она. Я имъю весьма важную причину желать, чтобъ Бальзакъ сидълъ въ тюрьмъ, (о, прелестная и милосердая женщина!) и потому я пришла объявить вамъ, что онъ скрывается въ Елисейскихъ поляхъ, въ отелъ госпожи Висконти.

Указаніе Аріадны было какъ нельзя болье върно. Спустя два часа посль того, отель быль окружень. Бальзакъ, прерванный на одной изъ главъ писаннаго имъ въ то время романа, увидълъ входящихъ къ нему двухъ сыщиковъ съ извъстною съ древнихъ лътъ дубинкою. Они доложили ему, что у подъъзда ожидаетъ его фіакръ.

Женщина предала нашего героя; женщинъ же онъ быль обязанъ своимъ спасеніемъ.

Госпожа Висконти, женщина въ высшей степени гостепріимная, бросила десять тысячь франковъ въ носъ сыщикамъ, указавъ имъ дверь своего дома.

Навъки излеченный отъ всякаго рода проектовъ и предпріятій, Бальзакъ сталь трудиться съ неутомимою энергією и страстью къ прекрасному, двумя чертами, ръзко отличающими натуру нашего романиста.

Кромъ упомянутыхъ уже нами сочиненій, онъ издаль съ 1837 по 1845 годъ, романы: «Старая дъва», Кабинетъ антиковъ», Цезарь Биротто», «Прядильщица», «Еввина дщерь», «Меркаде», Вотренъ» *, «Предпріятія Кинола», «Темное дъло», «Беатриса», «Албертъ Саварюсъ», «Житейскій дебютъ», «Гонорина» и восхитительную «Монографію парижской жуналистики», которая разомъ отмстила за всъ недостойныя выходки противъ него.

Мы исчислили только замъчательнъйшія сочиненія, напечатанныя въ эту эпоху. Можно видъть полный ресстръ сочиненій Бальзака, приложенный при изданіи полныхъ его сочиненій г. Гуссіо. Оно заключаеть въ себъ девяносто романовъ и повъстей,

^{*} Драма въ пяти дъйствіяхъ, въ которой главная роль была выполнена Фредерикомъ Леметромъ.

и составляеть болье 120 томовь обыкновенныхъ нечатныхъкнигъ. Г. Дютакъ съ своей стороны приготовляеть отдъльное изданіе «Забавныхъ повъстей» Бальзака съ иллюстраціями Даре. Здъсь кстати упомянуть, что одинъ терпъливый изслъдователь собраль въ одну книгу всъ «Мысли Бальзака», разсъянныя по его сочиненіямъ.

Другой составиль списокъ всемъ лицамъ «Человъческой комедіи»; ихъ числомъ около пяти тысячъ. Какъ все люди съ замъчательнымъ дарованіемъ стоя́тъ выше обидъ, такъ и Бальзакъ глубоко презиралъ толпу писакъ, копышащихся въ низкихъ слояхъ литературы и журналистики.

 Это литературные клопы, говариваль онъ объ нихъ: ихъ иногда раздавишь потому-что они кусаются, но противъ нихъ вражды имъть нельзя.

Безпрестанно ими тревожимый, онъ защищался спокойно, не теряя своего достоинства. Введеніе къ роману его «Лилія долины» служить этому доказательствомъ. Бальзакъ написалъ его во время своего процесса съ Бюлозомъ; въ 1836 году Бюлозъ, безъ позволенія автора, перепечаталъ «Лилію долины».

Теперь, когда утихли всъ страсти и вражды, когда смерть разлучила бойцевъ, тотъ, кто пережилъ ихъ, можетъ замътить, что ни одна страница Бальзака по этому дълу не запятнана желчью.

Въ 1834 году Бальзака уговорили стать въ ряды искателей академическихъ креселъ.

-Это было дъло не шуточное. Туть онъ встрътиль еще большее число враговъ чъмъ гдъ либо.

Не желая подвергаться прямому ихъ нападенію, онъ подъ рукою хотъль узнать мнъніе о своемъ кандидатствъ отъ трехъ лицъ, чьи голоса первенствовали. Они не оказались готовыми распахнуть для него двери Академіи. Одинъ изъ нихъ, и самый могущественный, привель слъдующее разумное заключеніе:

— Что дълать! у Бальзака нътъ приличнаго состоянія. Надэто Бальзакъ отвъчаль: Если академія теперь гнушается моєю честною бъдностью,
 то въ послъдствіи она обойдется безъ моєго богатства.

Бальзакъ былъ увъренъ, что рано или поздно фортуна осыплетъ его своими дарами.

Увы! онъ увидълъ богиню, но за плечами ея стояла неумолимая смерть!

Бальзакъ былъ жертвою дурнаго вкуса своего въка. Его убилъ меркантильный духъ литературы, который съ помощью иныхъ журналовъ распространялся все болъе и болъе.

Они вводили въ моду романы въ діалогахъ, романы случайные, созданія мимолетныя и необдуманныя, которыя легко помъщались въ журнальныхъ столбцахъ, и занимали читателей разными завязками въ родъ потухнувшей свъчи, запертой двери, или ловушками для лисицъ и волковъ, пренебрегая описаніемъ нравовъ, отдълкою характеровъ. Они разводянили литературу изъ конца въ конецъ, и въ лужахъ ловили удою рыбу.

Бальзакъ возставалъ противъ этого наводненія и оставался самостоятельнымъ.

Онъ не могъ поступить иначе; его враги, вмъсто того чтобъ бороться съ нимъ одинаковымъ оружіемъ, перомъ противъ пера, трудомъ противъ труда, нашли удобнъе заградить ему путь на поприщъ состязанія и отнять у него средство къ защитъ.

Мы были свидътелями того какъ съ открытою головою, при дневномъ свътъ, торгаши продавали честность труда, созидали на всъхъ углахъ фабрики романовъ; заставляли другихъ рабски работать, и некраснъя подписывали подъ чужимъ трудомъ свои имена.

И они думають, что можно безнаказанно плавать по литературному морю? Нъть! нъть! Ваша слава не вамъ принадлежить. Мы говорили это публично для свъдънія каждаго. Вы присвоили себъ чужое достояніе!

Не только вы задушили своими темными кознями молодыя, возникающія дарованія въ самомъ зародышь ихъ, но вы еще покушались преграждать путь побъдоносному генію, несомнънному таланту, любимому сыну искусства — геніяльному Бальзаку! Когда онъ приносилъ свои творенія къ какому нибудь издателю-

журналисту, онъ былъ встръчаемъ нескончаемыми вашими интригами, препятствіями, шарлатанствомъ. Обращался ли онъ къ книгопродавцамъ—и тамъ находилъ ваши козни, ваши клеветы. Вы уничтожали трудъ его, разбивали всъ надежды автора и отнимали его литературное достояніе.

Онъ не вынесъ всъхъ гоненій и умеръ въ слъдствіе ихъ, знайте это! Онъ умеръ измученный вами! Онъ не переставаль работать, чтобъ упрочить первенство за своими созданіями; онъ не могъ убъдиться въ глубокой испорченности нашего литературнаго въка.

Нынъ общее мнъніе уже отмстило за него! Но этого наказанія для васъ мало. Выслушайте наше предсказаніе на счетъ вашъ.

Близокъ день, близокъ часъ, когда вы будете презръны; общество, больное отъ вашихъ зловредныхъ литературныхъ яствъ, не будетъ скоро въ состояніи дотронуться до нихъ, не только питаться ими. Они будутъ возбуждать всеобщее отвращеніе. Развъ вы не замъчаете, что пренебреженіе вами уже началось?

Бальзакъ торжествуетъ, — а вы — вы уже стремитесь внизъ по крутизнъ, ведущей къ забвенію. Во время постыднаго періода времени, въ которое Меркурій, богъ торговли, быль богомъ словесности, Бальзакъ напечаталъ много созданій, прошедшихъ почти незамъченными, (*) Примъромъ тому могутъ служить слъдующія: «Евва и Давидъ», «Модеста Миньонъ», «Актеры по неволъ» и «Бъдные родственники.» Это послъднее сочиненіе въ особенности могло служить доказательствомъ какъ мужало дарованіе Бальзака со дня на день.

Трудно себъ представить какъ оскорблялся Бальзакъ, когда какой нибудь издатель начиналъ сравнивать его творенія съ сочиненіями Мушкетера Дюма, или Евгенія Сю.

Приведемъ тому одинъ примъръ.

Это случилось зимою 1843 года.

Гг. Мольдъ и Рену издавали въ то время «Картину велика-

^(*) Здъсь кстати сказать къ похваль издателя сочиненій Бальзака, Ипполита Суверена, что не смотря на равнодушіє къ нимъ публики, онъ не переставаль трудиться для удержанія автора на высоть, приличной дарованію его.

го города.» Маркъ Фурніе, нынъшній главный директоръ театра Porte-Saint-Martin, наблюдаль за изданіемъ.

Разъ вечеромъ Бальзакъ является къ издателямъ съ слъдующимъ требованіемъ:

- Мы уговорились съ вами, господа, что за мою монографію парижской журналистики я буду получать по 500 фр. за листь.
  - Совершенно такъ, отвъчали ему.
- Я получиль полторы тысячи франковъ. Вы же получили четыре листа; мнъ слъдуетъ еще 500 франковъ.
  - Но коректуры ваши, г. Бальзакъ, намъ стоили очень много.
  - Объ нихъ ръчи не было; я платить за нихъ не обязанъ.
- Конечно нътъ, возразилъ Рени, но позвольте вамъ замътить, что статья Александра Дюма составила тоже четыре листа, и мы ему дали полторы тысячи франковъ и не сантима болъе.

Бальзакъ содрогнулся и поблъднълъ. Пришедъ за недоплаченными деньгами, онъ конечно былъ къ тому побуждаемъ экстренною нуждою. Но онъ забылъ все, услышавъ такія разсужденія; не сталъ настаивать, всталъ, взялъ свою шляпу и сказалъ съ достоинствомъ:

 Если вы можете ставить меня на одну доску съ этимъ негромъ—позвольте мнъ навсегда съ вами раскланяться.

Онъ вышелъ. Одно имя Александра Дюма принесло издателямъ «Картины великаго города» пятьсотъ франковъ барыша.

Бальзакъ и Дюма были враги. При жизни авторъ «Бъдныхъ родственниковъ» иногда немилосердо поступалъ противъ человъка, котораго сочиненія и дарованіе онъ не уважалъ. Былъ ли онъ справедливъ въ своей враждъ или нътъ — это до насъ не касается. Но онъ умеръ, и врагъ, его пережившій, громко трубитъ о его славъ и необходимости воздвигнуть монументъ на его гробницъ

Какое трогательное великодушіс! какое благородное, великодушное мщеніе!

Злые языки увъряють, будто бы «Мушкетеръ» плохо расхо-

дился, и ему необходимо было придать силы и энергіи какимъ нибудь оглушающимъ адскимъ ревомъ, или ураганомъ. Мы этому не въримъ. Тутъ всъ ошибались, только не ошибся въ этомъ дълъ одинъ г. Дюма.

Статья г. де-Фіенна въ журналь Siécle, сейчасъ же перепечатанная въ «Мушкетеръ», увъряла, что могила Бальзака заросла травою. Г. Фіеннъ жестоко въ этомъ ошибался. Онъ приняль за траву laurier-thym, alaténe, и бълые жасмины. Ими не перестаетъ благогоговъйно украшать могилу мужа вдова его. Объ этомъ легко узнать на кладбищъ Père-Lachaise. Прахъ Бальзака покоится между прахомъ Шарля Нодіе и Казимира Делавиня. Могила его украшена бронзовою статуею работы Давида Д'Анже.

Вдова, знаменитато романиста не должна была жаловаться, а г. Ножанъ-Сенъ-Лоранъ долженъ былъ отказаться быть ея адвокатомъ. Въ-самомъ-дълъ, пусть «Мушкетеръ» какъ-нибудь оживетъ, къ чему мъшать ему жить? Развъ не видите, что онъ взялъ на себя роль исправлять ошибки, воскрешать отъ забвенія, что онъ, однимъ словомъ, драпируется въ одежду Сенъ-Венсенъ де-Ноля?

О Артаньанъ, ты правъ, тысячу разъ правъ! Ты объятъ былъ священнымъ негодованіемъ, когда тебъ сказали на счетъ мавзолея Бальзака: «Вы ошибаетесь, любезнъйній Дюма; вы ноступаете не деликатно. Госножа Бальзакъ не уступитъ никому своего права воздвигать мавзолей надъ могилою своего мужа. Она довольно богата для того, чтобы не прибъгать къ чужому нособію въ подобномъ дълъ. Она уже приводитъ его въ исполненіе. Оставьте же въ покоъ имя Бальзака. Мы вамъ это совътуемъ къ вашей пользъ. Злые языки все это относятъ съ вашей стороны къ спекуляціи, къ выгодному расчету: весь этотъ шумъ считаютъ поднятымъ болъе изъ выгодъ «Мушкетера», нежели для какого-то проблематическаго мавзолея.

На эти слова Артаньанъ, подбоченясь, крутитъ неистово усъ свой и восклицаетъ:

— Что вы мнъ тутъ разсказываете! Бальзакъ быль мой врагъ, его дарованіе мнъ ненавистно, и я сооружу ему мавзолей по своему вкусу. Вотъ мое мщеніс! Я даже сдълаю на немъ слъдующую надпись: «Бальзаку, Дюма, врагъ его!» (собственныя слова Дюма).

Браво Артаньянъ, браво!

Но, любезный мушкетеръ, гдъ же вашъ мавзолей? Когда мы его увидимъ? Послъ столькихъ объявленій, шуму, подписокъ, симпатическихъ и благодарственныхъ писемъ, столькихъ удивительныхъ стремленій къ пожертвованіямъ, равныхъ вашему по великодушію, собранная вами сумма должна быть значительна.

Давайте скоръе намъ въ ней отчетъ. Надо вести върные отчеты. Къ тому же тънь Бальзака трепещетъ отъ ожиданія и нетерпънія... видъть конецъ своей «Человъческой комедіи», разыгранной на его могилъ.

Но Артаньанъ Дюма пресъкъ нить нашего біографическаго разсказа; пора связать ее.

Мы оставили Бальзака въ борьбъ съ литературными его врагами. Они грабили его всъми способами. Не только отталкивали они его отъ участія въ журналахъ, но имъ удалось захлопнуть предъ нимъ двери театра.

Кому не извъстно, какими способами совершается успъхъ п паденіе на этомъ поприщъ? Можно заставить упасть какое угодно сочиненіе при нъкоторой ловкости.

Послъ смерти Бальзака, «Меркаде» былъ принятъ благосклонно. Попробуйте нынче сыграть «Les ressources de Quinola», «Вотрена», «Памелу Жиро», «Мачиху», и они пріобрътутъ непремънно успъхъ — посмертный.

Предъ лицемъ смерти нътъ обмана.

Трудолюбіе Бальзака можно сравнить только съ трудами писателей среднихъ въковъ. Онъ обладалъ ихъ неутомимостью, ихъ усердіемъ, ихъ терпъніемъ.

Бальзакъ спаль только отъ шестаго часа послъ объда до 11 часовъ вечера или до полуночи, закутывался въ свой халатъ, и работалъ, не вставая до девяти часовъ утра.

Тогда слуга его Франсуа приносиль ему завтракъ и забиралъ корректуры, уже ожидаемыя типографщикомъ. Бальзакъ, глядя на часы, говорилъ ему всегда съ одинаковою интонаціею:

 Я даю тебъ десять минутъ сроку, чтобъ отнести рукописи въ Шарантонъ.

Типографія была на противуположномъ концъ города, т. е. около двухъ лье отъ жилища автора, въ улицъ Сентъ-Оноре, что не мъщало слугъ всегда отвъчать:

— Десять минутъ... хорошо-съ. Я сейчасъ туда сбъгаю.

Послъ завтрака Бальзакъ снова принимался писать до трехъ часовъ, гулялъ до объда, ложился пообъдавъ, и такимъ образомъ проживалъ всъ дни своей жизни.

Когда поразмыслинь о способъ Бальзака сочинять свои романы, нельзя не удивляться могуществу его дарованія: онъ быль увъренъ въ немъ и не боялся утратить своихъ творческихъ силъ, прилагая къ умственному труду тотъ же способъ, какимъ руководствуются живописцы, рисуя на полотнъ.

Бальзакъ дълалъ очеркъ романа, какъ дълаютъ очеркъ задумываемой картины. Первый очеркъ каждаго романа его не превышалъ никогда тридцати или сорока страницъ.

На другой день приносили корректуры его рукописей, напечатанныя съ страшными пробълами.

Вторая рукопись изъ сорока страницъ возрастала до сотни, третья до трехъ-сотъ и такъ далъе, до окончанія романа.

Такой способъ писать приводиль въ отчаяние типографщиковъ-издателей.

Видя свой трудъ помаранный, перечеркнутый, наполненный выносками сверху, снизу, съ боковъ, они пугались такого хаоса. Онъ походилъ на какой-то фейерверкъ, котораго ракеты перекрещались, пересъкались, летъли вверхъ, внизъ, вправо, влъво, спускались, сталкивались и кружили голову.

Во всъхъ своихъ условіяхъ съ типографщиками, наборщики не забывали упоминать, что они не болъе двухъ часовъ могутъ заниматься «Бальзаковщиною.»

Всъ рукописи Бальзака сохранились и продаются очень дорого.

Мы не можемъ кончить біографіи Бальзака безъ того, чтобъ не предостеречь читателей противъ несправедливыхъ анекдотовъ и клеветъ, распускаемыхъ его врагами на счетъ его, съ цълью помрачить его репутацію, или сдълать его посмъщищемъ публики.

Если французскіе журналы останавливались передъ напечатаніемъ постыдной лжи на счетъ Бальзака, ее бережно запечатывали въ пакетъ и отсылали въ иностранные журналы. Парижскіе же журналы сбросили съ себя всякую отвътственность, спъшили передавать потомъ клевету на своихъ страницахъ, не боясь укора въ неправдъ. Одни говорили, что онъ прячетъ свои деньги и прикидывается бъднымъ, чтобъ не платить долговъ своихъ.

Другіе упрекали его въ томъ, что онъ не помогалъ сестръ своей и позволилъ ей умереть на соломъ.

Многіе хоромъ распускали нельпыйшія клеветы, одна другой неправдоподобнье, на листахъ Аугсбургской газеты и Gazette de Milan. Только одинъ Теофиль Готье не переставаль смъло защищать своего благодътеля и наставника. Бальзакъ же самъ не удостоиваль опровергать такія нападенія. Онъ смъялся надъ ними, или пожимая плечами, слушаль это кваканье лягушки въ болотахъ критики.

Окончивъ своихъ «Бъдныхъ родственниковъ», онъ почувствовалъ первые признаки мучительной болъзни, которая свела его въ могилу, въ ту самую минуту, когда Бальзака отыскала наконецъ фортуна и счастіе.

1850 года, 18 августа, четыре мъсяца спустя послъ его брака съ графинею Ганскою, онъ умеръ въ Парижъ, въ улицъ Fortunée. Смерть его была большею потерею для французской литературы.

Бальзакъ едва достигнулъ половины своего литературнаго пути. Цълое поле разстилалось еще передъ неутомимымъ жиецомъ, уже усиъвшимъ пожать столько богатыхъ колосьевъ литературной жатвы.

• принценовия принцения больну жил жуть про у доподо паста в в в завед в принцений в принцений в принцений в п В вучения принцений в прин

adaria (grafia arusak kandasaka) ke sari (no asari kon asari kandasak ak afal padaria mengangan dalaman pada dalam kandasak ke bermangan bermangan darah sari padaria mengangan darah dalam dalam kendasak dalam pada darah darah dalam arusah kendasak mengangan darah dalam kendasak dalam kandasak dalam bermangan darah dalam darah pada darah darah

er andreau samerer estre estre estre la seguir la salt y la la sella de la contraction de la contraction de la Sella contraction de la contraction de la contraction de la la contraction de la contraction de la contraction

ЕЛЕНА ЯКОВЛЕВНА СОСНИЦКАЯ.

ЗАСЛУЖЕННАЯ АРТИСТКА РУССКОЙ СЦЕНЫ.

Не исчисляя всъхъ великихъ, геніяльныхъ артистовъ минувшаго покольнія, мы скажемъ только, что изъ тъхъ, которые въ послъдніе два года оставили нашу сцену, по случаю смерти, или по домашнимъ обстоятельствамъ, можно было бы составить превосходнъйшую труппу. Каратыгинъ, Брянскій, В. В. Самойлова, Сосницкая, Гусева, Григорьевъ 2-й, Валберхова—были, конечно, самостоятельными талантами, составлявшими поддержку и украшеніе русской сцены. Въ особенности первыхъ трехъ долго нельзя будетъ замънить.

Вотъ наконецъ и Е. Я. Сосницкая, послъ тяжкой и мучительной бользни, скончалась въ субботу, 9 января 1855 г.

Въ концъ прошлаго стольтія, бывшій въ то время главный директоръ, оберъ-каммергеръ Александръ Львовичъ Нарышкинъ, вздилъ какъ-то по Россіи и осматривалъ новосоздававшіеся тогда въ разныхъ провинціяхъ театры. Во время этого административно-художническаго путешествія увидълъ онъ Воробьева съ женою, Чудина и Пономарева. Отличные таланты этихъ артистовъ очень понравились ему, и онъ тотчасъ же опредълилъ ихъ въ придворную труппу и привезъ съ собою въ С.-Петербургъ.— Когда будетъ составляться исторія нашего театра, то окажется много первоклассныхъ талантовъ, пріобрътенныхъ нашею труппою точно такимъ же образомъ.

Воробьевъ былъ отличный пъвецъ и актеръ въ амплуа перваго буффо. Превосходная итальянская труппа, привезенная въ 1797 году въ С.-Петербургъ антрепренеромъ Казаси, могла служить наилучшимъ образцомъ для нашей создающейся оперы. Воробьевъ былъ подражатель Замбони и не уступалъ ему.—Въ операхъ Деревенскія пъвицы, Ръдкая вещь, Діанино дерево, въ Ру-

1 /

сальнь, Ильнь болатырнь Воробьевъ быль любимцемъ нетербургской публики.

Жена его была тоже хорошая пъвица и актриса. Она играла Лесту въ Русалкъ, и была всъми любима за свой прекрасный талантъ.

у нихъ были двъ дочери. Одна скончалась девяти лътъ отроду, другую, меньшую, Елену, отдали въ театральное училище.

Вскоръ Воробьевъ впалъ въ жестокую бользнь, подвергся ампутаціи и умеръ. Вдова его послъдовала за нимъ. Изъ этого талантливаго семейства осталась одна дочь Елена.

Молодая Воробьева съ раннихъ льть обнаруживала въ школь замъчательное дарованіе. Бывшій тогда вице-директоръ, а потомъ главный директоръ, князь Петръ Ивановичъ Тюфякинъ, чрезвычайно заботился объ успъхахъ этого заведенія. Бывшій при немъ членомъ ренертуарной части, дъйствительный статскій совътникъ Князь А. А. Шаховской, быль однимъ изъ первыхъ драматурговъ своего времени и первымъ, если ни единственнымъ, драматическимъ учителемъ. Всъ лучшіе таланты того времени обязаны были ему своимъ образованіемъ или усовершенствовапіемъ. Мудрено ли было ему видъть и угадать возникающій талантъ Воробьевой.

Тогда появилась новая русская опера Кавоса Ивант Сусанинт. Это еще было первое русское произведеніе. Русалка, Илья Муромець, Невидимка были болье попытки и подражанія. Но туть незабвенный нашь композиторь Кавось не только явился первымь основателемь національной оперы, но и сталь наравнь съ тогдашвими европейскими знаменитостями Керубини, Перомь, Боэльдье. Въ этой оперь были только четыре дъйствующія лица (кромъ хоровъ), и ихъ занимали Зловъ, Самойловъ, Самойлова и Воробьева. Мудрено ли, что съ такою обстановкою и въ эпоху едва окончившейся кампаніи 1814 года, первая русская опера имъла необыкновенный успъхъ!

Молодая Воробьева (ей было только 14 льтъ), играла роль Алексъя, и обворожила публику своимъ талантомъ и красотою. — Съ той минуты она уже принадлежала къ первымъ и любимъйшимъ актрисамъ. Всъ авторы забросали ее ролями, чтобъ украсить и поддержать свои пьесы. — Мы помнимъ, что и въ нашей комеди Ревнивал жена, въ 5-ти дъйствіяхъ, въ стихахъ, переводъ съ французскаго, Детуша, играла она роль Клеменціи, въ началъ 1815 года.

Блистательный успъхъвъ началъ артистическаго поприща составляетъ важное событіе для молодаго актера или актрисы, но иногда онъ имъетъ и неблагопріятное вліяніе на выборъ главнаго амплуа. Стараться играть во всемъ, чтобъ вездъ блистать и нравиться — это всегдашняя мечта молодыхъ талантовъ. — И дъйствительно, они всякій день, всякою новою ролью пріобрътаютъ себъ новые трофеи у новыхъ поклонниковъ своего таланта. Увы! пройдетъ пять, шесть лътъ, первая свъжесть молодости минетъ, явится новая звъзда на театральномъ горизонтъ, и прежній блистательный феноменъ перейдетъ на второй, на третій планъ, а наконецъ и совсьмъ будетъ забытъ, потому что во времена своихъ успъховъ не озаботился избрать себъ постоянное, прочное амплуа и свой отдъльный родъ, наиболъе приличный и соотвътственный врожденному таланту.

Съ первой минуты поприща Воробьевой можно было бояться и за нее въ этомъ отношении. Прекрасно развивающійся голосъ и музыкальныя дарованія звали ее въ оперу. Тонкая, умная игра, хорошее чтеніе стиховъ, выразительность лица и познаніе сцены дълали ее болъе способною для высокой комедіи. Борьба эта долго должна была продолжаться.

Новое событие болье упрочило художническое поприще Воробьевой. Князь Шаховской создаль тогда русскую комедію. Сумароковь и Княжнинь уже писали, правда, и до него комедію, но это были чистыя подражанія французскимь пьесамь. Только фонь-Физинь за польтка передъ тъмь изумиль Россію своимь Недорослемь; но геніяльная эта попытка не имъла послъдователей. Одинь Капнисть написаль потомь сатиру—Ябеда, но заклеймивь злоупотребленія своего въка, онъ не написаль комедіи. Князю Шаховскому суждено было совершить этотъ подвигъ въ своихь Липецкихь водахь. Сюжеть впервые быль чисто русскій, даже отзывавшійся отблескомь Кульма и Парижа. Туть не было подражанія французскому классицизму, это была просто первая, благородная русская комедія.

Создавая новый родъ, князю Шаховскому нужно было создать и актеровъ. Вся труппа его была новая и отличная, имъ самимъ образованная. Валберхова, Брянскій, Асенкова (мать), Ежова, Рамазановъ, Величкинъ впервые тутъ вступили въ свое амплуа, въ которомъ потомъ прославились.

Внервые авился туть и Сосницкій. Въ малольтствъ онъ играль Георгія, въ трагедіи Крюковскаго Пожарскій, но потомь при-

страстился къ механикъ, и на школьномъ театръ, служа главнымъ механикомъ, удивлялъ всъхъ геніяльностью своихъ вымысловъ. Есть люди, рожденные съ такимъ счастливымъ организмомъ, что были бы отличны во всякомъ художествъ, на какое бы себя ни посвятили. Кто знаетъ, не потерялъ ли ученый свътъ новаго Кулибина оттого, что Сосницкаго не оставили при первой его страсти къ механикъ. Но князъ Шаховской зорко усмотрълъ въ немъ будущаго первокласснаго актера и захватилъ его для своей новой комедін Липецкія воды.

Публика изумилась, восхитилась. Никогда еще она не видала на сценъ молодато вертопраха такого хорошаго тона и общества.

Съ этой минуты Сосницкій быль уже постояннымъ любимцемъ публики, и мало по малу достигь до своей знаменитости.

Въ январъ 1817 года вышла Воробьева замужъ за Сосницкаго. Нельзя было лучше соединить двухъ прекраснъйшихъ и любимъйшихъ талантовъ.

Мы еще помнимъ представленіе, въ которомъ молодые супруги вышли въ первый разъ послъ своего брака передъ публикою. Они играли въ комедіи Грибоъдова: Молодые супруги, и восторгъ, въ которомъ зрители встрътили эту прелестную чету, былъ неописуемъ. Можетъ быть, успъхъ въ роли Аглаи послужилъ молодой артисткъ поводомъ посвятить себя болъе комедіи, упрочившей славу и талантъ Сосницкой.

Теперь, кромъ общаго руководства князя Шаховскаго, (который впрочемь вскоръ оставиль службу) имъла она уже и собственнаго своего художническаго наставника, образовавшагося въ той же школъ. Дъйствительно, въ послъдствіи оказалось, что изъ всъхъ бывшихъ учениковъ князя Шаховскаго одинъ Сосницкій быль лучшимъ учителемъ для молодыхъ артистовъ. Мудрено ли послъ этого, что молодая жена его болье и болье совершенствовалась?

Однакожъ у нея еще долго продолжался оперный періодъ, начавшійся Сусанинымъ. Жаль было безъ пользы бросить такой прелестный голосъ, украшаемый прекрасною игрою. И вотъ она въ Красной шапочкъ, Жокондъ, Пустынникъ и въ Алинъ плъняла и обворожала публику. Въ особенности играя Алину, она была восхитительна!

В одевили князя Шаховскаго и его послъдователей не похожи были на большую часть нынъшнихъ, гдъ иногда незнаешь,

кого больше жальть: публику, или актеровъ. Они образовали нашихъ артистовъ, создавая для нихъ прекраснъйшія роли. Мы не говоримъ уже о Встрючю незваныхъ, Ломоносовю, Казако стихотворщь, которые принадлежатъ къ національной литературъ, но сколько и передюланныхъ у него водевилей, которые пріятно признать русскими. Во многихъ изъ этихъ водевилей блистала Сосницкая звъздою первой величины. Мы помнимъ какъ публика съ ума сходила отъ Новаго Бедлама, изъ котораго вальсъ былъ тогда на всъхъ шопитрахъ. Какъ она прелестна была въ водевилъ Три десятки (la vieille de Surênes)!

Наконецъ наступилъ самый блистательный періодъ ея поприща. Комедія сдълалась уже вполнъ ея достояніемъ.

На Русской сценъ поставили тогда извъстную комедію: Свадьба Фигаро. Сосницкій играль Фигаро, Сосницкая Сусанну, Валберхова (потомъ Каратыгина) графиню, графа — Каратыгинъ, Пажа, М. Шелихова.

Около того же времени Сосницкая съ ума сводила весь Петербургъ удивительною своею игрою въ комедіи князя Шаховскаго Ты и вы. Сосницкій играль Вильпера, Сосницкая г-жу Дено. Оба они были неподражаемы; но Сосницкая была тогда сверхъ того во всемъ цвътъ красоты своей. И костюмъ временъ Лудовика XV чрезвычайно шелъ къ ней.

Прошло еще льтъ десять, и Сосницкая, сдълавшись уже давно первоклассною актрисою, не могла опасаться преклонныхъ льтъ. Кто занимаетъ прочное амплуа въ комедіи, драмъ, оперъ, тому легко переходить съ одного амплуа на другое: основаніе уже есть. Можно строить на немъ любое зданіе и украшеніе. Сосницкая очень легко и безъ малъйшей потери любви публики перешла на роли пожилыхъ женщинъ и старухъ.

Тутъ мудрено уже исчислить вст ея лучшія роли. Она была такъ хороша въ нихъ, что вст они были лучшія. Вст любимъйшія пьесы Кукольника немогли обойтись безъ Сосницкой. Маркитантка, Денщикъ, Костровъ, Праздникъ въ Севастополь были трофеями Сосницкой.

Лътомъ 1854 года жила она на дачъ въ Павловскъ, и тутъ почувствовала первый припадокъ нервическаго удара въ руку. Три мъсяца страдала она; но страстно любя свое искусство, спъшила опять, при первой возможности, появиться на сценъ.

Въ ноябръ вышла она опять, и встръчена была публикою съ прежнею любовью и восторгомъ. Она должна была играть въ

комедін Упрямство и настойчивость, но по чьей-то бользни давали другую пьесу. Сыгравши еще два раза, была она, 22 ноября, зрительницею въ ложъ, въ бенефисъ г. Григорьева (Второй части житейской школы), а на другой день, 23 числа, играла въ Циркъ ту же самую комедію Упрямство и кистойчивость, въ которой въ первый разъ хотъла выйти.

Увы! это быль послъдній разь. На другой день, 24-го ноября, съ нею сдълался опять такой же припадокъ, и съ тъхъ поръ она не вставала.

Страданія ея въ бользии были тяжки и жестоки. Однакоже начинали уже надъяться на выздоровленіе. Это быль минутный блескъ послъднихъ жизненныхъ силь. Въ субботу, 9-го января, въ шесть часовъ вечера ея не стало. Кончину ея можно почти назвать преждевременною: ей было только 55 лътъ.

Эта новая потеря для нашего театра долго будетъ невознаградима.

Погребеніе Сосницкой совершилось во вторникъ, 12 января, въ Новодъвичьемъ монастыръ. Стеченіе публики было чрезвычайное. Всъ хотъли выразить любовь свою и уваженіе къ достойной артисткъ.

Много бы можно было сказать о прекрасныхъ ея душевныхъ качествахъ, но это знають всъ, которые пользовались знакомствомъ съ нею.

Свершилось! нътъ ее! — А сколько лътъ она,
Огнемъ художества высокаго полна,
Прелестною игрой театръ одушевляла,
Искусствомъ и душой толиу обворожала! —
Но имя истинныхъ талантовъ незабвенио:
Оно въ исторіи пріятно, драгоцьню!
И льтопись, гордясь, въ потомствъ сохранитъ
Все поприще ея таланта, славы, чести. —
Чтобъ память всю ея почтить, не нужно лести:
Она на въкъ лучемъ безсмертія блеститъ.
Театръ въ ней потерялъ подпору, украшенье, —
И вспоминать о ней—одно намъ утьшенье.

Service an extracted companies flower from service design

And the rest of the control of the c

alde mante entre concernancia a l'Informe delle a comparcioni d'erra a Giognalia de la comparcioni della comparcioni della comparcioni della comparcioni della comparcioni della comp

Regard Switch a Tender, leavy open drawards with any car. To conversional, 220 in

trip live y specific and respondent that the production of the state of the

off the Section Principle of the Control of the Con

the state of the s

корсарство на моръ.

приключенія пипа.

Concerned in assumed right to have a run the arrot out management.

es a armadair arthur so ais arma a racht fioliday uritime rac

Разсказъ В. К. Шульца *.

он од налук отрино акт виченална умог чин инклатичной. До коралина на "Комина и гентиналнал инстриоте и коли ва чежу н

tuning provings, displaying being an interpretation broads great

Мы всъ сидъли въ каютъ-компаніи вокругь стола и толковали о разныхъ предметахъ. Не знаю отъ чего, но разговоръ нашъ, до сихъ поръ шумный, вдругъ прервался, и какъ будто съ общаго согласія воцарилось глубокое молчаніе.

- Что это значить, господа? вскричаль я: какая продолжительная тишина!
  - Должно быть передъ бурей, преважно замътилъ докторъ.
  - А мнъ пришла въ голову мысль!
- Какая? закричали всъ въ одинъ голосъ; въ однообразной каютъ-компанейской жизни, всякая новость пріятна, и потому всъ товарищи мои обратились ко мнъ съ вопрошающими взглядами.
- А вотъ что, господа, во-первыхъ: потребовать бутылку вина!

^{*} Автора. Морскаго словаря.

— Согласны!

Позвали буфетчика.

- Во-вторыхъ: пусть кто нибудь еще разскажетъ намъ какой нибудь случай изъ своей морской жизни, что ему вздумается.
- Отлично! превосходно!.. Разскажите же намъ сами что нибудь, закричали всъ.
- Извольте, извольте! Дайте только мнв подумать... Но нвтъ, постойте, я вамъ разскажу приключенія дона Пипа, надълавшаго много шуму на моряхъ. Только чуръ, вниманіе, и не перебивать.

Всъ окружили меня и стали со вниманіемъ слушать приключенія, которыя я во время стоянки въ Адріатическомъ моръ, слышаль отъ стараго англійскаго моряка.

Благодаря желъзнымъ дорогамъ и новому образованію полиціи, шайки разбойниковъ исчезди на большихъ дорогахъ и въ дремучихъ лъсахъ. Конечно, еще бываетъ иногда слышно, что остановили такую-то почтовую карету, и что несчастные путешественники продолжали путь свой съ облегченными карманами... но эти случаи очень ръдки... Теперь ни какихъ приключеній не встрътишь, и смълый путешественникъ едва ли найдетъ случай спустить курокъ своего пистолета, кромъ, развъ, чтобъ показать свою ловкость и убить на-лету невинную птичку или блуждающую въ лъсу кошку.

Испанія одна еще пока исключеніе изъ общаго правила, но и оттуда много туристовъ возвращаются домой, не записавъ въ памятную книжку ни одной страшной исторіи, ни одного приключенія, отъ котораго бы волосъ дыбомъ становился на головъ, если только у нихъ недостаетъ изобрътательности, чтобъ самимъ сочинить что нибудь для забавы своихъ друзей.

На безпредъльномъ океанъ ръдко слышно о какомъ нибудь смъломъ пиратъ, который ходитъ подъ чернымъ флагомъ, спускаетъ въ воду безъ гордешковъ всъхъ своихъ плънныхъ, который ведетъ бойкую, веселую жизнь, пока не взорветъ себя на воздухъ, или подобно честному моряку, не пойдетъ на дно съ оружіемъ въ рукахъ и флагомъ, прибитымъ къ топу мачты. Что до меня касается, когда я услышу о такомъ человъкъ, то полагаю, что его надобно повъсить, безъ сомнънія, когда его поймаютъ, но не презирать, до тъхъ поръ,

[•] Гордешокъ-конецъ веревки, на которомъ спускаютъ тяжести.

пока онъ устранваетъ дъла свои такъ, что рыскаетъ на свободъ. Таковъ былъ Донъ-Жозе-Минтесъ Пипа, гидальго, который нъсколько лътъ тому назадъ распространилъ о себъ славу во всъхъ концахъ свъта.

Что Донъ Пипъ быль обязанъ своимъ существованіемъ честнымъ и почтеннымъ родителямъ, въ этомъ можно довольно сильно сомнъваться, и такъ чъмъ меньше скажемъ объ его рожденіи и воспитаніи, тъмъ лучше.

Пипъ впервые увидълъ свътъ не вдалекъ отъ мъста, столь извъстнаго въ исторіи теперь извъстнаго города Палоса, откуда великій открыватель западнаго полушарія отправился на это важное предпріятіе. Я не думаю, чтобъ въ слъдствіе этого мъсторожденія, Пипъ много заботился о Колумбъ, или читаль когда нибудь его путешествія, но въ весьма молодыхъ льтахъ онъ уже показываль большую склонность къ мореплаванию. Находя, что родные по своимъ особеннымъ соображеніямъ, не соглашались съ его видами, онъ улизнулъ и унесъ съ собою, для обезпеченія своихъ надобностей, всъ деньги, на которыя только могъ наложить руки. Зная, что если его поймають, последствія могутъ быть для него очень непріятны, кромъ потери своихъ богатствъ. Пипъ поспъшилъ скрыться на судив, которое отправлялось въ южную Америку. Такъ какъ онъ могъ заплатить за свое мъсто, его не разспрашивали, и обходились съ нимъ какъ съ джентльменомъ. Онъ былъ хорошъ собою, высокаго роста, и съ умнымъ мужественнымъ лицомъ.

И такъ онъ пошель въ море. Зная, однокожъ, что онъ встрътитъ много затрудненій, чтобы снова наполнить свои карманы, онъ не лънился во время перехода, не упускалъ ничего изъвиду, слъдилъ за всъмъ, и вскоръ познакомился съ подробностями морской службы; а по приходъ судна въ Монте-Видео, онъ зналъ уже все не хуже другаго. Морская жизнъ такъ ему понравилась, что онъ ръшился, не теряя времени, опять плытъ въ новый свътъ.

Въ новомъ Орлеанъ онъ познакомился во многихъ домахъ; пълъ, пгралъ, влюблялся и даже женился бы, еслибъ не оказалось, что всъ дамы уже были снабжены мужьями; онъ смъялся и тратилъ деньги, не обращая никакого вниманія на будущее, до тъхъ поръ, пока возвратившись однажды вечеромъ домой, онъ случайно взглянулъ въ свою шкатулку и нашелъ, что она пуста, или лучше сказать наполнена... но разнымъ старымъ хла-

момъ; онъ осмотрълъ свои карманы, выворотилъ ихъ на изнанку, но немогъ найти ни одного піастра.

Поразсудивъ немного о дълахъ своихъ, онъ пришелъ къ тому заключению, что у него нътъ ни одной копъйки. Другой при этомъ открытии сталь бы отчаяваться, но Пипъ ни сколько: онъ легъ спать и ръшился передумать обо всемъ утромъ. У него не было ни богатыхъ родственниковъ, ни богатыхъ друзей, которыхъ могъ бы обобрать, а то, какъ онъ полагалъ, ему не предстояло бы никакихъ затрудненій. У него было немало долговъ, потому что онъ имълъ кредитъ вездъ, и особенно заботился объ успъшномъ сбытъ товаровъ всъхъ первыхъ купцовъ города.

Когда онъ утромъ сталъ одъваться послъ освъжительнаго сна, его поразило то, что для его здоровья необходима перемъна воздуха. Въ слъдствіе этого размышленія, онъ ношелъ со двора, сдълалъ визиты всъмъ своимъ друзьямъ и знакомымъ, а ночью переъхалъ на быструю шкуну, которая тотчасъ должна была отправиться въ море и капитанъ которой былъ его хорошій пріятель.

Во время втораго своего плаванія онъ усовершенствовался въ морскомъ дълъ. Онъ пробыль постоянно четыре года въ моръ, подвергаясь всъмъ превратностямъ морской жизни и увеличивая запасъ своихъ познаній. Наконець онъ поступиль на шкуну, идущую къ берегамъ Африки, за грузомъ негровъ, съ тъмъ, чтобъ продать ихъ на одномъ изъ рынковъ западной Индіи. Спекуляція была удачна: негры были въ цънъ, когда прибыли на мъсто, и только треть груза умерла въ дорогъ; Пипъ нашель себя съ порядочнымъ количествомъ денегъ въ карманъ, и могъ снова начать кутить. Онъ такъ пріятно проводиль время на берегу, что не торопился возвращаться на свое судно, и когда негропромышленикъ сталъ отправляться въ море, его нигдъ не могли найти.

Пипъ въ то время, должно быть, умълъ дурно разсчитывать, потому что деньги его вскоръ исчезли, а за ними и кредитъ. Съ одной стороны, средства его были неистощимы: онъ умълъ какъ-то всегда поддерживать наружный видъ. Своей пріятной наружностью или льстивымъ языкомъ, онъ умълъ снискать расположеніе жены богатаго плантатора. Мужъ, чтобъ отдълаться отъ синьора Пипа, предложилъ ему командованіе надъ богато-нагруженнымъ судномъ; идущимъ въ Кадиксъ, въ старую Испанію. Пипъ принялъ предложене и пошель въ море; но по разнымъ причинамъ, собственно до него касающимся, ому очень не хотълось возвращаться въ отчизну, и онъ предпочелъ прежде видъть другія страны свъта; въ слъдствіе этого онъ уговориль команду сдълать вмъстъ съ нимъ крейсерство къ берегамъ южной Америки, гдъ онъ продалъ португальцамъ грузъ и наконецъ самое судно. Выдъливъ командъ часть барыша, на свою долю онъ купилъ хорошенькую шкуну, вооружилъ ее пушками, и такъ какъ онъ былъ мало взыскателенъ касательно нравственности и поведенія людей, то безъ затрудненія набралъ себъ команду.

И такъ Донъ Пипъ дошелъ до того, что сдълался командиромъ своего собственнаго судна. Онъ уже прежде нашелъ торговлю неграми столь выгодною, что ръшился пуститься теперь на спекуляцію для самаго себя, и такъ какъ у него оставалось достаточно піастровъ, чтобъ кунить полдюжины грузовъ, онъ немедленно поплылъ къ африканскимъ берегамъ. Пипъ получилъ огромный барышъ; но бываютъ ли люди когда нибудь довольны? Пипъ, по продажъ груза, тотчасъ опять пошелъ за другимъ; новая страсть вторгалась въ его душу; прекрасный полъ ушелъ подъ вътеръ—онъ полюбилъ золото.

Между тъмъ Англія открыла, что она и многія другія державы, ужъ нъсколько стольтій, занимались самою гнусною торговлей, и что если она не положить предъла негро-промышлености, то можеть произойти множество самыхъ непріятныхъ обстоятельствъ.

Это тъсно связано съ приключеніями Пипа. Въ одно прекрасное утро, когда Эль-Карменъ, имя его новой шкуны, только что отходила отъ африканскаго берега съ грузомъ, состоящимъ изъ двухъ сотъ негровъ, Пипъ увидълъ въ пяти или щести миляхъ къ съверу неизвъстный парусъ. Туманъ былъ слишкомъ густъ, чтобъ хорошенько его разглядъть, но Пипъ сильно подозръвалъ, что проявленіе это не предвъщало ему добра; по правдъ сказать, онъ не могъ отвлечь своихъ мыслей отъ предчувствія, что видимое судно — англійскій крейсеръ. Вътерокъ, который ночью дулъ съ берега, совершенно стихъ; море было гладко какъ зеркало; длинная и низкая линія деревьевъ, на заразительномъ берегу, казалась темною и мрачною.

Пинъ прохаживался по своей палубъ съ трубою въ рукахъ, которую поминутно обращалъ на незнакомое судно, которое хотя подобно Эль-Карменъ заштилъло, но могло нолучить вътеръ

6 Смпсы.

прежде и подойти къ нему; кромъ того, если это было военное судно, то у него были гребныя суда, которыя можно было послать для овладънія негро-промышленникомъ. Эль-Карлень хотя и быль вооружень шестью длинными пушками, и Пипъ съ своей командой быль въ совершенной готовности драться, если понадобится, но Пипъ ни во что не ставилъ честь и славу, которую могъ пріобръсть, и не находилъ причины подвергать свою жизнь и жизнь людей своихъ опасности, еслибъ была какая нибудь возможность избъжать этого. Въ слъдствіе этихъ разсужденій, онъ велълъ выкинуть весла, а шлюпкамъ буксировать, и поилелся къ югу.

Эль-Карменъ хорошо ходиль и вскоръ сталь подвигаться довольно быстро впередъ, но за всъми его движеніями наблюдало незнакомое судно, лежащее на съверъ; капитанъ Пипъ поднялся въ гротовой брамъ такелажъ и не спускалъ съ него глазъ. Нъсколько времени онъ ничего не замъчалъ такого, чтобъ могло его обезпокоить; но наконецъ когда онъ оглядълъ трубой пространство воды, лежащее между ними, онъ увидълъ три черныя точки, по-видимому не болъе мухъ.

Удостовърившись впрочемъ, что это гребныя суда и въроятно полныя вооруженными людьми, которые, конечно, оказались бы непріятными посътителями, еслибъ имъ удалось взобраться къ нему на судно, онъ спустился на палубу и приказалъ раскинуть абордажныя сътки, зарядить пушки картечью и выдвинуть ихъ за бортъ, открыть ящики съ оружіемъ и приготовить пики, чтобъ быть готовымъ отразить непріятеля. Шкуна вскоръ была въ полномъ боевомъ порядкъ, и команда сдълавши все, что могутъ сдълать храбрые люди, приготовилась къ худшему.

Хотя легкія непріятельскія шлюпки шли втрое скоръе, но на Эль-Кармент продолжали грести, отлагая такимъ образомъ на нъсколько времени атаку, въ надеждъ, что вътерокъ подымается и унесетъ ихъ отъ опасности. Пипъ дълалъ все, что могъ для поддержанія духа своихъ людей въ трудной работъ и даже помогалъ имъ; усерднымъ помощникомъ былъ ему старшій лейтенантъ его, Креолъ, по имени Діего Нукезъ, острый, проворный, маленькій бъсенокъ, котораго команда обожала. Онъ былъ точно приведенное въ дъйствительность perpetuum mobile; онъ былъ тамъ, здъсь и вездъ въ одно время, крича, шумя, прыгая и смъясь; тутъ хватитъ одного за ухо, тамъ другому дастъ пинка, самымъ пріятнымъ образомъ, такъ только, чтобъ разшевелить лън-

тяя; онъ быль любимъ всъми, и также храбръ и омъль, какъ веселъ и полонъ шалостей, и по правдъ сказать, былъ страшный повъса.

- Ну, что, Діего, далеко ли отъ насъ шлюпки, какъ думаешь? спросилъ капитанъ Пипъ своего помощника.
- Съ добрыя полторы мили, синьоръ капитанъ, отвъчалъ Діего, спускаясь съ гротъ-мачты; такъ какъ мы идемъ по три узла въ часъ, они насъ ранъе не догонятъ какъ черезъ полчаса. Къ тому времени, можетъ задуть вътеръ, и тогда мы скажемъ, прощай, милордамъ. Мнъ бы очень хотълось часть ихъ подарить акуламъ, прежде нежели мы разстанемся.
- Да! да! если бъ вся команда этого судна, ну да и вся ихъ проклятая нація отправилась бы къ чорту, то это не было бы худо, проворчалъ сквозь зубы капитанъ; что имъ за дъло мъшать нашей торговлъ?
- Никакого, мнъ кажется, еретики! Смълъе молодцы! вскричалъ Діего: греби сильнъе! Я вижу полоску впереди, вътеръ разыгрывается!

Это послъднее замъчаніе было несправедливо, но оно выполняло желаемую цъль Діего, а болъе ему ничего не хотълось. Команда удвоила усилія, и еще на нъсколько времени отдалила встръчу съ англійскими шлюпками, которыя между тъмъ ровно шли въ рядъ, хотя трудно было грести подъ палящими лучами африканскаго солица; но надежда на добычу одушевляла англичанъ и придавала имъ силы. Пипъ не переставалъ наблюдать за ними въ трубу.

- Мы будемъ имъть серьозную работу съ этими молодцами, замътилъ онъ своему лейтенанту: вели убрать весла. Намъ надобно немного дать отдохнуть людямъ, чтобъ приготовиться встрътить враговъ. Постой... погляди къ западу, что это такое?
- Хвала Нептуну, полоска на водъ! вскричалъ Діего, хлопая въ ладоши.

И говоря это онъ указалъ морякамъ, гдъ линія болье темная отдълялась на горизонтъ, постепенно расширяясь и подвигаясь къ нимъ. Впрочемъ паруса шкуны все еще льниво лежали на мачтахъ; реи были тотчасъ круто обрасоплены, чтобъ встрътить первое дуновеніе вътерка; однакожъ онъ не пришелъ такъ скоро какъ ожидали, и слъдствіемъ того было то, что шлюпки подошли ближе, что и доказано было выстръломъ съ носовой пушки баркаса; ядро прорвало форъ-марсель.

- Не отвъчать ли имъ? спросилъ Діего, это можеть быть принудить ихъ замолчать.
- Нътъ! нътъ! Мы оставимъ свои въжливости къ тому времени, когда они будутъ ближе, отвъчалъ капитанъ; впрочемъ, можетъ быть, намъ не за что будетъ имъ отплачивать, такъ и не зачъмъ тратить даромъ порохъ и снаряды.

Пипъ быль въ экономическомъ расноложении духа. Каждую минуту шлюнки подвигались ближе; вскоръ съ большой онять выстрълили, и ядро пролетъло сквозь гротъ. Пипъ съ безнокойствомъ обращалъ глаза на вътеръ, который, какъ казалось, сдълался застънчивъ, чуть-чуть дотрогивался до поверхности воды и улеталъ, какъ бы стыдясь того, что онъ слълаль; третій выстръль поналъ въ топсель и сбилъ одного человъка за бортъ.

- Да будутъ они прокляты, еретики! Мы должны стрълять! вскричаль Діего.
  - Перетащить пушку въ корму: мы зададимъ имъ ходу.

Въ эту минуту паруса стали медленно округляться; шкуна чувствительно увеличила ходъ свой; на весла налегли сильнъе; то же самое сдълали на англійскихъ шлюпкахъ. Но вътеръ ежеминутно усиливался, и каждый парусъ начиналъ дълать свое дъло. Шкуна принуждена была идти бейдевиндъ, чтобъ сохранить надлежащее разстояніе отъ берега; для этого также продолжали грести, потому что, не смотря на всъ усилія испанцевъ, шлюпки продолжали выигрывать.

- Стрълять, что ли? спросиль Діего, который долго и заботливо глядъль по прицълу пушки, выдвинутой въ ретирадный портъ.
- Нътъ, подожди, отвъчалъ Пипъ, теперь никакой пользы не сдълаешь, едва ли попадешь въ нихъ на такомъ разстояніи, и придашь имъ только болъе охоты догнать насъ.
- Какъ вамъ угодно, синьоръ капитанъ, возразилъ Діего, пожимая плечами. Такъ позвольте мнъ вамъ посовътовать, что не худо было бы бросить имъ приманку, такъ чтобъ остановить ихъ на минуту, на двъ, это будетъ стоитъ намъ нъсколько піастровъ, но все же лучше чъмъ потерять грузъ.
- Ты правъ, Діего, сказалъ капатанъ Пипъ, я не желалъ бы убивать ихъ, но наше спасеніе того требуетъ. Антоніо, сюда! вытащи изъ трюма трехъ или четырехъ самыхъ больныхъ негровъ и приведи ихъ на ютъ.

Приказаніе капитана было тотчасъ исполнено, и четыре из-

нуренные негра стояли дрожа передъ нимъ. Выбрали самаго слабаго и подвели къ гака-борту. Несчастный видимо думаль, что его хотять немедленно лишить жизни, но онь быль такъ слабъ, что не сдълалъ ни одного движенія для своей защиты, глядя выпученными глазами на своихъ мучителей. Матросы, слъдуя наставленіямъ Діего, привязали нъсколько кусковъ пробки ему подъ мышки и къ шет, столько чтобы поддерживать его на водъ, и тогда не обращая вниманія на его умоляющіе взгляды, опустили на кончикъ въ воду; одинъ конецъ отнустили, и бъдный негръ остался безъ поддержки въ обширномъ океанъ; въроятно множество жадныхъ чудовищъ плавали не вдалекъ отъ него; еслибъ его снабдили ножемъ, онъ имълъ бы еще возможность обороняться отъ нихъ, но онъ быль лишенъ и этого утъшенія. Когда его спустили за корму шкуны, онъ бросиль укоризненный взглядъ на испанцевъ, будто говоря имъ: «Развъ для того, жестокіе люди, вы оторвали меня отъ милыхъ и тънистыхъ дубровъ, чтобъ сдълать игрушкой вашихъ злодъяній. Пусть судьба моя вскоръ сдълается вашей!» Должно быть, чтото въ этомъ родъ онъ хотълъ сказать, но слова его не долетъли до ушей негропромышлениковъ, они были слишкомъ заняты, приготовляя другаго несчастнаго и наблюдая между тъмъ за шлюнками, чтобы знать остановятся ли онъ для спасенія брошеннаго въ воду негра.

Вътеръ ежеминутно свъжълъ, но море было такъ тихо, такъ гладко, что шлюнки продолжали хорошо подвигаться внередъ; глаза Пина перебъгали съ нихъ къ своимъ парусамъ, и часто выглядываль онъ за бортъ, чтобы посмотръть увеличивается ли ходъ его шкуны и можно ли отдать приказаніе убрать весла, чтобы дать отдохнуть своимъ людямъ, въ случат нужды на дальнъйшія усилія; изръдка посматриваль онъ также на черную голову, плавающую между нимъ и непріятелемъ.

— Надобно надъяться, что акулы не пронюхають приманки, а то наша цъль пропадеть, съ удивительнымъ хладнокровіемъ замътиль Діего: очень было бы досадно безъ пользы потерять часть нашего груза.

Впрочемъ ни одного чудовища не показывалось, и испанцы вскоръ увидъли съ удовольствіемъ, что штука ихъ удалась, потому что, какъ только англичане замътили негра въ водъ, меньшая шлюпка отдълилась и пригребла къ нему; она, конечно, была задержана нъсколько времени, пока его вытащили, кромъ того

10 Смись.

и увеличеніе груза уменьшило ходъ ея. Тотчасъ Пипъ спустиль другаго негра въ воду; но онъ видя, что товарищъ его въ безопасности, не былъ очень озабоченъ тъмъ, что съ нимъ случилось. Какъ только англичане увидъли, что штука повторяется, баркасъ началъ стрълять, надъясь уменьщить выгоды на сторонъ шкуны, сбивъ у нее какую нибудь часть рангоута.

— Дураки! воскликнуль маленькій Діего, потирая руки: тъмъ лучше, надо еще потратить нъсколько негровъ; къ томужъ они и безъ того померли бы до окончанія нашего плаванія.

Четыре негра были такимъ образомъ спущены въ воду и поочереди вытащены англичанами. Приготовляли пятаго. Онъ былъ здоровый, сильный молодой человъкъ, но въроятно у него былъ какой нибудь неизлъчимый недугъ, что онъ потеряль цъну въ глазахъ своихъ хозяевъ. Онъ сталъ сильно защищаться, когда догадался, что съ нимъ хотятъ дълать; онъ не видаль какъ товарищей его вытащили изъ воды, и вполит быль увъренъ, что бълые хотятъ отдать его на жертву водянымъ демонамъ, чтобъ склонить ихъ на свою сторону. Наконецъ матросамъ удалось привязать къ нему поплавки и притащить его къ гака-борту. Въ наказаніе за его сопротивленіе, его безъ церемоніи сбросили за бортъ. Силою своего паденія онъ на минуту погрузился и остался подъ водой, но вскоръ вынырнулъ и сталь плыть къ приближающимся шлюнкамъ. Но усилія его были напрасны. Въ это мгновеніе видно было въ водъ скользящее мрачное тъло, оно отошло отъ самаго борта судна... Вдругъ раздался ужасный крикъ... несчастный бросиль вверхъ руки, какъ бы желая ухватиться за воздухъ, и быль увлечень въ бездонную глубь ужаснымъ чудовищемъ; алый оттънокъ одинъ только обозначилъ то мъсто, гдъ онъ исчезъ. Даже жестокіе негропромышленники содрогнулись при видъ происшествія, котораго они были причиной.

- Довольно! больше ненадобно! сказалъ Пипъ, который былъ въ своемъ родъ человъколюбивый малый, и не терпълъ чтобъ напрасно проливали кровь.
- Конечно, замътилъ Діего, пожимая плечами, тутъ нътъ пользы, если акулы будутъ таскать ихъ на дно, вмъсто того, чтобъ шлюпки ихъ спасали. Закрыть люки, а то, если перебьютъ рангоутъ, осколки, пожалуй, еще повредятъ нашъ грузъ. Вотъ опять ядро!

Шипя летъль желъзный снарядь, удариль рулеваго, снесъ матроса, разбивъ прежде въ дребезги нактаузъ, потомъ ударился

въ гротъ-мачту, откуда проскочиль въ одинъ изъ подвътренныхъ портовъ въ море. Діего бросился къ румо, пока второй лейтенантъ, смуглый испанецъ, сталъ наводить одну изъ кормовыхъ пушекъ на шлюпки.

— Да, теперь мы можем в стрълять, только смотри, попади въ злодъевъ! закричалъ Донъ Пинъ, разсердясь при видъ убыли своей команды.

Лейтенантъ выстрълилъ, но когда дымъ разсъялся, увидъли что шлюпки идутъ прежнимъ порядкомъ.

— Дай-ка я попробую съ легкой руки! сказалъ капитанъ.

Онъ выстрълилъ, и ясно было по безпорядку, происшедшему на одной шлюпкъ, что ядро попало мътко. Не смотря на это, шлюпки продолжали грести, надъясь, что вътеръ опять стихнетъ, или что какое нибудь другое обстоятельство дастъ имъ возможность подойти. Пипъ съ довольнымъ видомъ глядълъ на свой рангоутъ: всъ навътренные брасы были на-туго вытянуты, и когда онъ посмотрълъ на вътеръ, то увидълъ блестящую пъну, начинающую уже попрыгивать отъ болъе и болъе усиливающагося вътра.

- Теперь мы можемъ смъяться надъ милордами, воскликнулъ онъ; прочь весла, они больше не нужны.
- Злодъи выхватили у насъ трехъ лучшихъ матросовъ, сказалъ Діего, грозя кулакомъ шлюпкамъ; въ этомъ движеніи усердно присоединился къ нему второй лейтенантъ.

Донъ Пипъ помня свое происхожденіе, вскочиль на сътки, сняль шляпу, отвъсиль въжливый поклонь и пожелаль добраго пути англичанамь. Еще нъскольао выстръловъ было послано вслъдъ за ними, но ядра скоро не стали долетать до шкуны. Но Донъ Пипъ очень хорошо разсчитываль, что англійскій крейсеръ не оставить погоню, пока шкуна у него въ виду, и что тотъ же вътеръ, наполнявшій его паруса, конечно, и непріятеля подвигаль впередъ, поэтому всъ средства были употреблены, чтобъ, увеличить скорость шкуны. Но, увы, не все то дълается, чего хочется.

Въ то время какъ синьоръ Діего распъвалъ пъсню, которую вызвало веселое расположение его духа, при видъ пропадающихъ на горизонтъ непріятельскихъ шлюпокъ, часовой на салингъ закричалъ: «парусъ видънъ на навътренный крамболъ.»

— Diablo! воскликнуль Діего, прерывая неоконченный куплеть.

- Кажется, судно съ четыреугольными парусами, но брамсели его только что вышли изъ воды! отвъчалъ часовой.
- Что такое? вскричаль Донъ Пипъ, выскакивая изъ своей каюты. Другой парусъ, говорите вы? Какъ онъ лежитъ?

Направленіе было указано часовымъ на салингъ. Донъ Пипъ проворчалъ себъ что-то подъ посъ, перебросилъ черезъ плечо трубу и полъзъ на салингъ, чтобы самому осмотрътъ неизвъстный парусъ. Онъ сошелъ внизъ не произнося ни слова, и отправилъ Діего на верхъ, чтобы онъ также могъ подать свое мнъніе.

- Ну, что? спросиль онъ, когда Діего сошель внизъ.
- Большой бригъ, синьоръ; по длиннымъ реямъ и по выкройкъ парусовъ, долженъ быть одинъ изъ проклятыхъ англійскихъ крейсеровъ.
- Намъ трудно будетъ избъжать его, замътилъ Пипъ, ходя по палубъ скорыми шагами.
- Онъ прижимаетъ насъ къ берегу, не забывая другаго судна подъ вътромъ у насъ; если мы ляжемъ на другой галсъ, то встрътимся съ тъмъ, не говоря уже о шлюпкахъ, которыя непремънно насъ отръжутъ, хотя конечно мы съ ними легче сладимъ. Что намъ теперь дълать?
- Идти, какъ идемъ! отвъчалъ тотъ: судно, которое мы избъжали, непріятельское. А это можеть еще оказаться дружескимь.
- Ну, не совсъмъ похоже на это! сказалъ Пипъ.
- Бригъ слишкомъ великъ, чтобъ мы могли отбиться отъ него пушками! замътиль Діего.
- Что же намъ дълать? спросилъ капитанъ.
- Положиться на свое счастіе! отвъчаль Дієго, оно до сихъ поръ намъ помогало.

Шкуна теперь съ марсельнымъ вътромъ скользила по водъ, по десяти узловъ въ часъ, и во все время шла параллельно берегу.

Что неизвъстное судно не хотъло пропустить ихъ, не познакомившись съ ними покороче, въ этомъ негропромышленники скоро удостовърились, судя по курсу, которое оно взяло. И такъ у нихъ оставалось единственною надеждою для избъжанія осмотра, уйти отъ непріятеля, при внезапной благопріятной перемънъ вътра. Если бъ онъ задулъ съ берега, что было очень сомнительно, они очутились бы на вътръ, и незнакомому судну трудно было бы до нихъ долавировать. Они даже стали желать, чтобы задуль одинь изъ свиръпыхъ шкваловъ, такъ называемыхъ черныхъ, несущихся съ береговъ Африки, обращающихъ день въ ночь, и страшныхъ своею жестокостью; но небо надъ берегомъ оставалось чисто и ясно по прежнему.

- Ну, что, другъ или не другъ, какъ думаешь? спросилъ донъ Діего, который разсматривалъ судно въ трубу.
- Англичанинъ, или я не я! отвъчалъ Діего, но мы скоро узнаемъ, онъ готовится сигналить... Вотъ флагъ подымается... Я такъ и думалъ... Британскій...
  - Нечего дълать, надо драться! вскричаль капитанъ.

Въ слъдствіе этого ръшенія онъ прочиталь ръчь своей командъ, въ которой объясниль, что ихъ искрошать въ мелкіе куски, и что кромь того они лишатся всъхъ выгодъ своего плаванія, если имъ не удастся поколотить англичанъ или уйти отъ нихъ; что честь и слава двъ прекрасныя вещи, но что осторожность лучше; что же до него самого касается, то онъ считаетъ лучше взорвать себя, нежели потерять судно и грузъ.

Услышавъ эти слова, команда осмотръла курки своихъ пистолетовъ, попробовала лезвія сабель, и зарядила всъ пушки. Паруса, какіе только могъ нести Эль Карменъ, были поставлены, и онъ полетълъ, на сколько силы хватало у вътра его тащить. Ясно было однакожъ, что тъ, которые руководили движеніями англійскаго военнаго судна, твердо ръшили, чтобъ онъ не ушелъ отъ нихъ, а какъ они были на вътръ, всъ преимущества оставались на ихъ сторонъ. Оба судна все ближе и ближе сходились, такъ что теперь были почти на разстояніи пушечнаго выстръла между собою. Сильно билось сердце у испанцевъ; со стиснутыми зубами глядъли они на своихъ противниковъ.

Англійское судно первое начало стрълять, но ядра еще не долетали; наконець одно ударилось въ шкуну, пробило борть около ватерлиніп и понало въ средниу несчастныхъ существъ, заключенныхъ въ трюмъ. Послышался страшный крикъ и вой, который даже затронулъ твердыя сердца негропромышлениковъ, и когда другое ярдо убило еще одного, они болъе не могли удержать своей ярости и пустили цълый залпъ въ противника. Онъ впрочемъ сдълалъ ему мало вреда; выскочивъ впередъ, бригъ хотълъ отвъчать на въжливость продольнымъ съ носу залиомъ, но Пипъ во-время спустился и такимъ образомъ избъжалъ опаснаго салюта. Около этого времени вътеръ болъе перешелъ къ югу; англійское судно держалось на вътръ; против-

14 Смпсь.

ники продолжали горячо перестръливаться, направляясь прямо къ берегу. Вътеръ замътно свъжълъ и развелъ уже порядочное волненіе.

Нъсколько разъ подводная часть шкуны была пробита непріятельскими ядрами, и каждый разъ изъ трюма подымался тотъ же вопль; наконецъ одно ядро, удачно пущенное, ударило въ форъ-стеньгу брига, надъ самымъ эзсль-гофтомъ, и она вмъстъ съ бушпритомъ полетъла внизъ, судно, лишившись переднихъ парусовъ, бросилось къ вътру.

Крикъ радости и восторга вырвался у испанцевъ, когда по прочищении дыма они разглядъли положение непріятеля; но они вскоръ принуждены были замолчать, увидя, что рангоутъ шкуны быль не въ лучшемъ видъ: гротъ-мачта сильно поврежденная, подавленная силою огромной наружности, которую Пипъ несъ, не смотря на усиливающійся вътеръ, зашаталась; нъсколько навътренныхъ вантъ было перебито, и сильнъйшій раскатъ волны нанесъ ей ръшительный ударъ, она полетъла за бортъ и повисла на подвътренномъ такелажъ.

Такимъ образомъ, въ самое короткое время, оба судна были полуразрушены, между тъмъ какъ подвътренный берегъ, къ которому ихъ несло, и который открывался въ разстояни четырехъ или пяти миль, грозилъ имъ неминуемою гибелью. И въ самомъ дълъ, тутъ было отчего забиться самому безбоязненному сердцу.

Военный бригъ, не смотря на свои поврежденія, казалось, ръшился не выпускать изъ рукъ своей добычи, потому что пока одна часть команды обрубала обломки передней мачты, ставила фальшивую и укръпляла гротъ-мачту, другая усердно дъйствовала орудіями, какъ только позволяло волненіе, и много ядеръ еще попало въ корпусъ несчастной шкуны. Дикій шумъ волненія, вой вътра присоединялись къ неистовымъ крикамъ безпомощныхъ негровъ, которыхъ англійскія ядра нисколько не щадили. Такимъ образомъ, отчаянно сражаясь, оба судна подходили ближе къ берегу.

Надобно сознаться, что перспектива не нравилась Донъ Пипу; довольно скромный при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, онъ теперь, стоя на ютъ и отдавая необходимыя приказанія, часто бросалъ ненавистные взгляды на судно, которое тащило его съ собою къ неизбъжной гибели, и внутренно клялся, что ежели спасется, то отмститъ ему и всъмъ тъмъ, которые плаваютъ подъ тъмъ же флагомъ. Даже и послъ, когда отрубили гротъ-мачту, нашли невозможнымъ привести шкуну опять къ вътру, единственная надежда не разбиться на берегу, была отстояться на якоряхъ, но и эта надежда была плохая, потому что, конечно, и бригъ станетъ на якорь и постарается пустить ихъ ко дну.

Въ то самое время, когда они ръшались испытать послъднее и единственное средство къ спасенію, Діего донесъ, что видитъ впереди, прямо по направленію носа, устье маленькой ръчки, и объявиль, что входъ ему не безъизвъстенъ.

— На баръ не много воды, замътилъ онъ; но если мы будемъ держаться середины фарватера, то можемъ какъ нибудь перескочить, а тамъ мы спасены.

Избрали двухъ лучшихъ рулевыхъ и поставили на руль; Діеего пошелъ на бакъ, чтобъ оттуда направлять шкуну къ узкому проходу. Каждый изъ стоящихъ на палубъ удерживалъ дыханіе по мъръ того, какъ они подходили къ бару, гдъ шумно разбивалось волненіе о каменья; каждый изъ нихъ, конечно, зналъ какой ужасной опасности подвергается, но не многіе изъ нихъ думали о тъхъ живыхъ существахъ въ трюмъ, которые не могли ни коимъ образомъ ожидать спасенія, ежели судно разобьется.

Непріятельскія ядра все еще ихъ преслъдовали, но уже не наносили вреда; съ досадой они увидъли, что бригъ привелъ къ вътру, и видя, что не можетъ противустоять силъ вътра и волненія, бросилъ два якоря.

— Сносить его, сносить его! вскричаль Пипь съ восхищеніемъ, снесеть его на берегъ, и тогда мы отмстимъ.

Но синьоръ Пипъ ошибался, потому что къ тому времени, когда вытравили совсъмъ канаты, бригъ описалъ циркуляцию и храбро сталъ противъ вътра. Но негропромышленикамъ теперь уже было не до того: надо было выручить себя. Видъ впереди, какъ уже выше было сказано, былъ не очень привлекателенъ. Вдали обрисовывался мрачный лъсъ, мелкій кустарникъ прикрывалъ объ стороны ръки, берегъ же показывалъ пустое, песчаное пространство. Испанцы очень хорошо знали, что посреди сердитаго волненія шныряло множество голодныхъ акуль, готовыхъ сдълать пирушку, если имъ понадобится вышлывать на берегъ.

- Право руля! закричалъ Діего съ баку, такъ держать! мы прямо идемъ на самую глубокую воду.
  - Всякій думай теперь о себъ и кръпче держись, вскри-

чаль Пипъ, хватаясь за обрубокъ гротъ-мачты, но предупреждать едва ли надобно было, потому что вся команда укръпила себя, гдъ и какъ кто могъ.

Шкуна подходила къ бару, она находилась уже посреди всивнившейся воды. Волна, подобная горъ, вкатилась съ громкимъ шумомъ, подхватила корму, будто желая подбросить ее на воздухъ; впереди образовалась пропасть, готовая поглотить судно, но волна подвинулась и онять подняла шкуну, но носомъ; прежде нежели она успъла опуститься, другая волна подлетъла, пънясь и шумя ударилась въ бортъ и промчалась чрезъ сопротивляющееся ея стремленію тъло. Воиль ужаса и отчаянія вырвался у команды, въ одну минуту два матроса были смыты съ палубы, безъ всякой помощи; но шкуна храбро подвигалась впередъ, посреди кипучей воды. Прошла другая минута страшнаго ожиданія, и она миновала. Но другой баръ быль еще впереди. Шкуна пошла ко второму бару, дважды волненіе перебъжало черезъ нее, вдругъ набъжаль сильный порывъ вътра и прежде нежели успъли отдать якори, ее выбросило на тинистый берегь; послъдняя мачта переломилась и упала за бортъ, убивъ притомъ нъсколько человъкъ. Остальные люди были слишкомъ счастливы увидя себя въ безопасности, и не стали долго объ нихъ думать; имъ предстояла еще трудная работа спасти съ судна что можно, и перевести на берегъ остатки человъческаго груза. Даже самъ Пипъ содрогнулся, когда взглянулъ внизъ: подводную часть шкуны пробило столькими выстрълами, что трюмъ, набитый неграми, преобразовался въ страшную бойню, все было смъщано: кровь, оторванныя руки, ноги, мертвыя тъла, раненые и живые. Оставшіеся въ живыхъ съ отчаянія завопили въ одинъ голосъ, когда первыхъ вытащили на верхъ, вполнъ убъжденные, что ихъ поочереди убыють.

Не вдалекъ отъ берега стояла лачужка, выстроенная нарочно для принятія негровъ, готовящихся къ отправленію на суда; въ нее собрали остатки несчастныхъ черныхъ, выбранныхъ изъ трюма шкуны.

Оглушенные прошедшими событіями, или лучше сказать, въ безпамятствъ, ни одинъ изъ нихъ не быль въ силахъ разсуждать о томъ, что съ нимъ будетъ послъ; они усълись на земль, и большая часть во сиъ предала забвенио свое горе, въ то время, какъ испанцы сторожили ихъ виъ лачуги. Пока все это было устросно, стъмиъло; въ отдыхъ, которымъ пользовались

невольники, отказано было хозяевамъ ихъ; едва они успъли разложить огонь, чтобъ изготовить ужинъ, какъ увидъли толиу людей, выходящихъ изъ лъса.

Начальникъ вновь прибывшихъ назвалъ себя королемъ Бобо и владъльцемъ окружающихъ земель. На немъ была треугольная шляна съ неромъ, черезъ плечо перекинута, въ родъ мантін, половина женской юбки; сопутники его, если не такъ поразительно, были одъты всякою всячиной. Послъ длинной ръчи, король Бобо спросиль, съ какого права капитанъ Пипъ сошель на землю въ его владъніяхъ, и безъ позволенія воспользовался его запаснымъ магазиномъ? Донъ Пипъ, который былъ не въ очень терпъливомъ расположеній духа, послъ битвы съ англичанами, отвъчаль очень коротко, показывая на свое ружье, что если Бобо скоро не уйдеть, онъ принудить его ускорить свои движенія. На это Бобо сдълаль очень сердитую и недовольную мину, но замътивъ что-то угрожающее въ лицъ Пипа, тотчасъ положилъ конецъ переговорамъ и посиъшно скрылся съ своей ватагой въ льсь. Діего, который хорошо зналь негровь, предупредиль капитана, что необходимо быть на сторожъ. Но ночь прошла, и посъщение не повторилось. Часть команды оставлена была сторожить шкуну, чтобъ защитить ее отъ грабителей; остальные ночевали возлъ лачуги.

Вътеръ стихъ также скоро какъ засвъжълъ, и когда солнце взошло, ни одно облако не омрачало голубаго неба; вътеръ совершенно упалъ, море успокоплось, и прибой не разбивался о берегъ съ такимъ неперестающимъ шумомъ, какъ было наканунъ.

Вдругъ партія, сторожившая лачугу, была испугана выстръломъ, раздавшимся въ томъ направленіи, гдъ шкуна стояла на мели; потомъ они услышали другой выстрълъ и потомъ нъсколько залповъ. Они вскочили, схватились за оружіе, и Пипъ, приказавъ четверымъ остаться, а остальнымъ слъдовать за нимъ, бросился къ мъсту, гдъ происходилъ бой.

Мы теперь должны возвратиться къ англійскому бригу, который оставили на якоръ подъ берегомъ. Онъ прекрасно отстоялся и съ разсвътомъ былъ готовъ вступить подъ паруса, чтобъ идти въ ближайшій портъ, гдъ могъ надъяться найти новую мачту и средства починить перебитый рангоутъ и такелажъ. Но не было даже и легчайшаго дуновенія вътра, такъ что не было никакой возможности сняться съ якоря. Вахтенный офи18 Смъсь.

церъ, прогуливаясь на налубъ, думалъ о томъ, какая судьба постигла людей, бывшихъ на шкунъ, послъ того, какъ ее выбросило на берегъ.

Между тъмъ туманъ, висящій надъ берегомъ, сталь мало по малу прочицаться; лейтенантъ пересталь ходить и обратиль свою зрительную трубу къ берегу, который онъ тщательно осмотръль. Его поразила тамъ впадина, очень схожая съ устьемъ ръки, почти у нихъ на траверзъ; онъ сталъ смотръть съ большимъ вниманіемъ и скоро разсмотрълъ корпусъ судна. Удостовърившись въ этомъ предположеніи, онъ послалъ извъстить капитана.

— Нътъ никакого сомивнія, воскликнуль капитанъ, выйдя на верхъ и потирая отъ удовольствія руки: это вчерашняя шкуна. Постойте же, мы ихъ поймаємъ, прежде нежели солнце дойдеть до меридіана, и накажемъ за вредъ, который они намъ нанесли. Спускайте шлюпки на воду, да нътъ, подождите, пусть люди сначала позавтракаютъ.

Англійскіе матросы не долго завтракають, когда есть надежда захватить призъ, и вскорт подъ командою старшаго лейтенанта, партія, жаждущая мщенія, въ трехъ шлюпкахъ отправилась къ берегу.

Когда они подошли къ устью ръки, то нашли довольно сильный прибой на баръ, и предводитель экспедиціи ивсколько времени не ръшался идти впередъ, но непріятельское судно было въ виду и понуждало его, и на что непокусится британскій морякъ, когда у него подъ носомъ призъ? Весла опустились въ воду, и шлюпки очутились посреди водоворота бълой пъны, быющейся о камни; но посреди этого омута видна была чистая черная полоска, по ней-то они бросились впередъ и вскоръ были въ безопасности. Второй баръ они также благополучно миновали, и закричавъ три раза ура, направились къ шкунъ.

До этой минуты небыло видно ни одного непріятеля; такъ какъ на визшній борть шкуны биль довольно сильный прибой; они прогребли вокругь ея, чтобы пристать къ внутренней сторонь. Едва успъль носовой гребецъ передовой шлюпки задать крючкомъ за шкуну, какъ непріятель, стрятанный за деревьями, встрътиль илъ жаркимъ огнемъ; никого однакожъ не ранило, и вскочивъ на шкуну, англичане нашли ее пустою. Когда они удостовърились, что на низу не было ни испанца, ни негра, предводитель партіи приказаль своимъ людямъ проворные състь въ щлюпки. Черезъ цять минутъ англичане уже лъзли на тинистый

берегъ, желая выгнать непріятеля изъ засады, съ громкими кликами и клятвами отмстить за ихъ трусость, такъ какъ никто не смълъ показаться изъ-за кустовъ.

Между тъмъ капитанъ Пипъ спъщилъ на помощь къ своимъ товарищамъ. Пока онъ бъжалъ, онъ успълъ окинуть взоромъ море, черезъ просъку въ лъсу, и увидълъ тамъ преспокойно стоящій на якоръ бригъ, который вынудилъ его выбросить свою шкуну на берегъ.

— Опять проклятые англичане! воскликнуль Пипъ: впередъ, друзья, пускай они узнаютъ, что значитъ испанская сталь!

Брань, которою его люди осыпали англичанъ, удостовърила Донъ Пипа, что они были именно въ томъ расположении духа, въ какомъ онъ желалъ ихъ видъть; спустя нъсколько минутъ, они прибыли на поле битвы. Они нашли своихъ спрятанныхъ за возвышеніемъ, образовавшимся отъ промоннъ ръки; въ то время, какъ непріятель старался пройти чрезъ пространство топкой тины, раздъляющей враговъ, Пипъ съ перваго взгляда понялъ, что если его люди будутъ вести себя хладнокровно, то побъда можетъ быть еще на ихъ сторонъ. Приказавъ каждому выбрать своего человъка, онъ велълъ стрълять; раздался залпъ, только два англичанина пали. Это послужило къ возбужденію большой злости у нападающихъ, и ободренные своимъ смълымъ предводителемъ, они выбрались изъ тины, прежде нежели испанцы успъли снова зарядить ружья, и съ абордажными ножами въ рукахъ бросились съ возвышенія.

 Стръляй! стръляй! кричалъ Пипъ своимъ людямъ, которые поспъшно заряжали ружья.

Неправильный залиъ былъ сдъланъ, но онъ не нанесъ особаго вреда, и только одна пуля пробила насквозь треугольную шляпу лейтенанта; тогда негропромышленники принуждены были бросить свои ружья и защищаться саблями. Завязался руконашный бой; они дрались долго и съ остервенъніемъ; неизвъстно было чъмъ дъло кончится, какъ вдругъ одинъ изъ испанцевъ, оставленныхъ стеречь негровъ, прибъжалъ, громко крича изъ далека:

— Карамба! воскликнулъ Пипъ, когда понялъ его: намъ гораздо важнъе ихъ сохранить, чъмъ драться съ этими бульдогами. Онъ сказалъ нъсколько словъ людямъ, они тотчасъ соскочили съ возвышенія, разсыпались въ разныя стороны и скрылись въ лъсу.

20 Смъсь.

Англичане, которые не поняли словъ Пипа, едва могли опомниться отъ удивленія при видъ такого поступка; они пошли впередъ, но сойдя съ возвышенія, наткнулись на топкое болото, черезъ которое не было возможности пройти, и пока они осматривали мъстность, чтобъ найдти проходъ, испанцы всъ исчезли изъ виду. Пылающій гнъвомъ отъ потери столькихъ людей, англійскій лейтенантъ видълъ, что онъ только подвергнется большимъ бъдствіямъ, если пойдетъ вслъдъ за непріятелемъ, повидимому хорошо знакомымъ съ мъстностью, который, въроятно, придумалъ какую-нибудь хитрость, чтобъ ввести его въ засаду.

Взвъсивъ всъ эти обстоятельства, онъ нехотя приказалъ своимъ людямъ идти назадъ на шлюпки, что было совершено съ большимъ трудомъ. Дойдя до шлюпокъ, они попробовали стянуть шкуну съ мели, но это оказалось невозможнымъ, даже нельзя было и подвинуть ее,—такъ твердо она залегла въ тинъ. Оставалось одно только средство, и прекрасная шкуна Эль-Карменъ была предана огню. Сдълавъ свое дъло, англичане благополучно перешли черезъ бары, возвратились на бригъ и вскоръ, когда поднялся вътерокъ, снялись съ якоря и пошли въ Сіерра-Леоне, чтобъ исправить поврежденія.

Теперь мы должны возвратиться къ Донъ Пипу. Извъстіе, принесенное ему во время битвы, состояло въ томъ, что на испанцевъ, оставленныхъ стеречь негровъ, напалъ король Бобо, который пересиливъ ихъ, тотчасъ прилежно занялся грузомъ, уводя его подальше.

Полагать не должно, чтобы черный владълецъ находился подъ вліяніемъ какого нибудь филантропическаго чувства, освобождая своихъ земляковъ, совсъмъ нътъ; онъ долженъ былъ достать извъстное число негровъ для торговца, который жилъ въ нъсколькихъ миляхъ къ югу. Это извъстіе заставило Пипа, и очень благоразумно, какъ мы уже видъли, оставить въ сторонъ мысль о борьбъ.

Когда они стали подходить ближе къ лачугъ, слухъ ихъ былъ пораженъ барабаннымъ боемъ, смъшаннымъ съ дикими криками и воемъ цълой толны людей. Вскоръ они увидъли большое сборище негровъ; у каждаго изъ нихъ было какое нибудь оружіе въ рукахъ; впереди всъхъ стоялъ Бобо и возбуждалъ храбрость своихъ ратниковъ длинною ръчью, которую они безпрестанно прерывали, чтобъ выказать свои чувства звуками, которые испанцы уже издалека слышали.

Увидя это, Пипъ остановилъ своихъ людей, чтобъ приготовиться къ сражение съ неграми, если окажется нужнымъ; осмотръвъ свое оружіе, они пошли смъло впередъ. Это движение заставило сначала поколебаться Бобо и его дружину; но онъ былъ смълый малый, не тронулся съ мъста, и примъръ его оживилъ прочихъ, такъ что даже Пипъ разсудилъ, что будетъ гораздо лучше переговорить, прежде нежели открывать непріятельскія дъйствія. Бобо заговорилъ первый, спросивъ у испанцевъ почему они сошли на берегъ въ его владъніяхъ и безъ его позволенія овладъли его запаснымъ магазиномъ. Пипъ могъ только на это отвъчать, что сошелъ на берегъ очень нехотя, и что найдя лачужку не занятою, употребилъ ее какъ временное убъжище для своихъ негровъ.

— А такъ какъ ты не умълъ ихъ сберечь, возвразилъ Бобо, я ихъ сберегъ для тебя: они теперь свободные люди и отправились по своимъ домамъ. Ты можешь однакожъ пользоваться моимъ магазиномъ, и я буду снабжать васъ провизіей, пока не отправитесь туда, откуда вы пришли. Судно ваше принадлежитъ намъ, и потому не смъйте къ нему подходить. Теперь займите свое жилище.

Услыша эти слова, испанцы почувствовали, что негры ихъ перехитрили; дълать было нечего, невольники были уже уведены, и потому небыло никакой причины драться. Бобо послъ своего ръшенія собраль своихъ людей съ намъреніемъ идти и разграбить шкуну; они едва успъли скрыться, какъ испанцы увидъли густой дымъ, подымающійся съ того мъста, гдъ она находилась. Вскоръ услышали они нъсколько пушечныхъ выстръловъ... а вслъдъ за тъмъ ужасный взрывъ, отъ котораго потряслась даже земля, на которой онъ стояли.

— Эль-Кармент взлетълъ на воздухъ, вскричалъ Діего: върно проклятые англичане подожгли его. Но върно Бобо съ черномазыми успълъ уже взобраться на него; счастливый путь ему подъ облака!

Это человъколюбивое желаніе однакожъ не исполнилось, потому что чрезъ нъсколько минутъ Бобо съ своей арміей прибъжаль назадъ въ страшномъ испугъ. Если бы испанцы захотъли воспользоваться этою минутой, то могли отмстить неграмъ, но они чувствовали, что уже довольно дрались; притомъ Пипъ разсудилъ, что онъ ничего этимъ не выиграетъ.

Донъ Пипъ, конечно, больше всъхъ потеряль въ происшествіяхъ послъднихъ двухъ дней; онъ лишился многихъ корошихъ матросовъ, у него украли грузъ; теперь онъ потеряль свое судно и окруженъ непріятельскими племенами, отъ которыхъ находился въ зависимости, для полученія жизненныхъ потребностей. Люди, даже храбръе его, уступили бы столькимъ затрудненіямъ, потому что хотя оставалось въ живыхъ двадцать дюжихъ испанцевъ, но порохъ у нихъ почти весь вышелъ, и они едва могли надъяться пробить себъ дорогу до ближайшей ръки, чтобъ найдти судно, которое взялось бы ихъ всъхъ принять. Одному только Діего была извъстна эта страна, и онъ объявилъ, что въ разстояніи около двадцати миль къ югу была ръка, которую посъщали негропромышленники и также купеческія суда, которыя заходили чтобъ нагрузиться пальмовымъ масломъ и слоновою костью.

Послъ нъкотораго совъщанія, ръшили немедленно отправиться туда, и для того, чтобъ безпрепятственно идти, объщать Бобо и сосъдственнымъ владъльцамъ золотыя горы, и тъмъ склонить ихъ на свою сторону.

На другое утро, устроивши все съ неграми дружелюбно, они пустились въ дорогу; трудно сказать, что имъло болъе вліянія на негровъ, двадцать ли здоровыхъ молодцевъ съ ружьемъ на плечъ, или сдъланныя имъ объщанія; но върнъе то, что Пипъ съ своей шайкой благополучно дошелъ до ръки Данда.

Прибывши туда, матросы всъ спрятались въ лъсу, а Пипъ и Діего отправились къ берегамъ ръки, на рекогносцировку. Первая вещь, бросившаяся имъ въ глаза, была прекрасная шкуна, стоявшая на якоръ.

- Что за судно? спросиль Пипъ.
- Американскій негропромышленникъ или англійскій купецъ, отвъчалъ Діего.
- А что, если попробуемъ съъздить на него, чтобъ разузнать? замътилъ Пипъ.
- Конечно надо! отвъчалъ Діего, но какъ до нея добраться?

Осмотръвъ хорошенько весь берегъ, они нашли челнокъ, въ которомъ два негра удили рыбу.

Пипъ показалъ имъ піастръ, объясняя знаками, что желаетъ перебраться на шкуну. Негры тотчасъ поняли въ чемъ дъло, и черезъ нъсколько минутъ оба испанца стояли на палубъ Феръ-

Розамондъ, одного изъ лучинкъ ливерпульскихъ купеческихъ судовъ. Половина команды вымерла отъ горячекъ, нъсколько человъкъ были еще больны, и едва хватало рукъ, чтобъ добраться до дому.

Узнавъ всъ эти обстоятельства, Пипъ тотчасъ сочинилъ исторію: онъ разсказаль, что испанскіе моряки, которые спаслись съ разбивщагося судна, всъ товарищи ихъ, погибли, за исключеніемъ одного, который на берегу лежить въ горячкъ; онъ желали выбраться изъ Африки на какомъ бы то нибыло суднъ, если согласятся ихъ принять. Англійскій шкиперъ недальній простой морякъ, ничего не подозръвающій, тотчасъ съ радостію предложилъ взять ихъ на свое судно. Они согласились, но съ условіемъ, что имъ позволять сойти еще на берегъ, чтобъ привести больнаго сослуживца.

- Конечно; конечно, отвъчаль капитанъ Джонъ Броунъ, я получилъ теперь объ васъ еще лучшее мнъніс. Вы можете отправиться на берегъ когда хотите, и съ Божьей помощью мы выберемся изъ этой проклятой ръки завтра съ разсвътомъ, если только погода намъ будетъ благопріятствовать.
- Все идеть какъ нельзя лучше, прошенталь Донъ Пинъ своему лейтенанту, когда они сидъли въ челнокъ, персправляясь на берегъ: къ завтрашнему утру у насъ опять будетъ свое судно, и тогда мы отмстимъ англичанамъ.

Къ вечеру оба новые матроса возвратились на Феръ-Розамондъ, вмъстъ съ больнымъ товарищемъ. Послъдняго осторожно подняли на судно и уложили въ койкъ внизу. Пипъ и Діего тотчасъ взялись съ ловкостью и проворствомъ за назначенныя имъ должности.

- Я очень желаль бы имъть нъсколько матросовъ, подобныхъ этимъ молодцамъ, замътилъ капитанъ Броунъ своему лейтенанту: ръдко случается встрътить такихъ ловкихъ испанцевъ какъ эти!
- Они видно хорошо знають свое дъло, отвъчаль лейтенанть, но большой болье похожь на господина, чъмъ на форъмарсоваго, и по правдъ сказать, мнъ вовсе не нравится фигура маленькаго.
- Но я въ нихъ ничего не вижу подозрительнаго, сказалъ капитанъ.
- Я вамъ и не говорю, что подозръваю ихъ, отвъчалъ лейтенантъ, но только они миъ не нравятся; когда больной ихъ

сослуживецъ прибыль на нашу шкуну, мнъ показалось что онъ столько же больнъ какъ вы да я. Проходя мимо его койки, нъсколько минутъ тому я слышалъ, что онъ храпълъ, подобно свъжему Зюйдъ-Весту, чего онъ никакъ бы не могъ сдълать еслибъ у него была горячка, будъте въ томъ увърены.

Смпсь.

- Ну, надвюсь, что ничего нътъ худаго, возразилъ капитанъ Броунъ, но смотрите за ними хорошенько; такъ какъ ихъ только трое, то они не могутъ намъ сдълать большаго вреда.
  - Хорошо, отвъчалъ лейтенанть, положитесь на меня.

Этотъ разговоръ происходилъ вечеромъ, когда первая вахта, въ которую оба волонтера были назначены, вышла на верхъВторая вахта, измученная работой привязки парусовъ и всъхъ приготовленій судна къ отправленію въ море, съ такимъ малымъ количествомъ рукъ, уже кръпко спала внизу въ своихъ койкахъ. Капитанъ также пошелъ отдохнуть, а старшій лейтенантъ остался на палубъ. Ночь была довольно темная, и хотя небо было ясно и звъзды ярко блестъли, но небыло луны, и тонкій паръ, поднимающійся изъ ръки, скрывалъ всъ предметы отъ глазъ, даже на близкомъ разстояніи. Пипъ и Діего облокотившись о носовую сътку, тихо разговаривали, и какъ казалось, разговоръ ихъ доставлялъ имъ не малое удовольствіе. Лейтенантъ прохаживался по шканцамъ, видно было что онъ былъ не совсъмъ спокоенъ: глаза его бродили во всъ стороны, а уши были навострены, чтобъ не проронить ни мальйшаго звука.

Прошло ивсколько времени, вдругъ слухъ его быль поражень отдаленнымъ шумомъ, будто при опускании многихъ веселъ въ воду; онъ сталъ внимательно прислушиваться, и всъми силами старался глазами проникнуть ночную мглу; подозръніе было возбуждено, и цълый день его тяготило предчувствіе какого-то подходящаго несчастія, хотя онъ и не могъ опредълить откуда и отъ кого оно могло произойти, а шумъ продолжался и наконецъ онъ вполнъ убъдился, что слышитъ мърные удары веселъ.

— Что-то нечисто, сказалъ онъ самому себъ, пойду разбужу капитана и вооружу людей. Негры извъстные предатели, и я не люблю испанцевъ.

Съ этими словами онъ сбъжаль внизъ, разбудилъ Броуна, въ короткихъ словахъ объяснилъ ему свои опасенія, и тотчасъ опять выскочилъ на верхъ. Онъ бросилъ глаза за бортъ и увидълъ три большія шлюнки возла самой шкуны, а прямо противъ него стояль рослый испанскій новобранець.

— Что нужно этимъ шлюпкамъ? спросилъ онъ.

Ударъ ганшпугомъ въ голову, который положилъ его безъ памяти на палубу, послужилъ отвътомъ на его вопросъ, и прежде нежели одинъ изъ англичанъ имълъ время приготовиться къ сопротивлению, шлюпка пристала, и двадцать испанцевъ влъзли на палубу шкуны.

Крики нъсколькихъ матросовъ, которые въ минуту были изрублены, разбудили мнимаго больнаго, который тотчасъ выбъжалъ на верхъ и присоединился къ своимъ товарищамъ.

Когда капитанъ Броунъ показался на палубъ, онъ нашелъ что его шкуной овладъла шайка разбойниковъ и что самъ онъ въ плъну. Англичане не хотъли сначала сопротивляться, но съ ними скоро сладили. Теперь Донъ Пипъ поклонившись очень въжливо несчастному шкиперу, котораго нъсколько матросовъ привязали къ гротъ-мачтъ, извинялся передъ нимъ въ необходимости, въ которой находился, отнять у него команду надъ судномъ и объяснилъ, что если онъ и люди его спокойно и безъ сопротивленія поъдутъ на берегъ, то жизнь ихъ въ безопасности, если же нътъ, то онъ найдетъ себя вынужденнымъ отдать ихъ въ пищу акуламъ и алигаторамъ.

- Но мы всъ умремъ отъ горячки на берегу! возразилъ капитанъ Броунъ.
- Терпите, другъ мой, эта участь ожидала насъ, еслибъ мы остались, хладнокровно отвъчаль Пипъ, и доказательство его было неопровержимо.

Шкиперу и лейтенанту, который скоро опомнился, оказано было все вниманіе, которое позволяли обстоятельства, и когда солнце взошло, Пипъ приказалъ ихъ и остатокъ команды, связанной по рукамъ и ногамъ, посадить на шлюпки и отвезти на берегъ. Когда это было исполнено, попутный вътеръ позволилъ отдать паруса, поднять якорь, и Діего въ должности лоцмана повелъ шкуну Феръ-Розамондъ, подъ командою новаго капитана, за баръ. Сердце Дона Пипа прыгало отъ радости, когда онъ нашелъ себя опять хозяиномъ прекраснаго, хорошо вооруженнаго судна, съ достаточнымъ количествомъ продовольствія. Что онъ пріобръль его не совсъмъ честнымъ образомъ, на это онъ мало обращалъ вниманія.

26 Смъсь.

— Да здравствуетъ нашъ корабль! воскликнуль онъ, обращаясь къ командъ: но теперь, если попадемся въ лапы англичанъ, наши шеи рискуютъ познакомиться съ петлей, не зачъмъ скрывать отъ себя этого обстоятельства, и потому я предлагаю заслужить вполнъ эту награду. Теперь все противъ насъ; но если мы будемъ дружно стоять за себя, имъ никогда не поймать насъ.

— Да здравствуетъ нашъ храбрый капитанъ Донъ Пипъ! быль единодушный отвътъ матросовъ.

Тотчасъ же были составлены правила, и всъ не колеблясь подписали подъ ними свои имена. Черный флагъ взвился на мачтъ, и въ честь его сдъланъ салютъ. Такимъ образомъ Донъ Пипъ превратился въ открытаго пирата.

Прекрасное судно горделиво неслось, съ попутнымъ вътромъ, на водахъ Каранбскаго моря, направляясь къ проливу Мона, между островами Санъ-Доминго и Порто-Рико. Оно уже четыре дня какъ вышло изъ Кароагена. Хотя на кораблъ Джонъ и Мери было на палубъ восемь орудій, но только половина изъ нихъ могла дъйствовать, по самой простой причинъ — онъ были деревянныя; такъ называемыя пушки-квакеры, команда состояла изъ двадцати человъкъ. Однимъ словомъ онъ претендовалъ на рангъ не выше мирнаго, честнаго ливерпульскаго купца, куда онъ и возвращался, заходя по дорогъ въ два или три порта, послъ удачнаго плаванія въ испанскія колоніи, избъжавъ до сихъ поръ всъ опасности какъ отъ бурь, такъ и отъ морскихъ разбойниковъ.

Онъ вмъщалъ по-крайней-мъръ четыреста тоннъ, и идя теперь подъ лиселями съ обоихъ и съ выдвинутыми пушками, представлялъ довольно грозный видъ, такъ, по крайней мъръ, думалъ мистеръ Джонъ Броунъ, командиръ Джонъ и Мери. На немъ было нъсколько пассажировъ, испанцевъ и англичанъ, между первыми хорошенькая молоденькая вдовушка, съ сестрою еще моложе и лучше ея, богатый негоціантъ и военный офицеръ, остальные были различнаго въса торговые люди. Капитанъ Броунъ гордился своими пассажирами, гордился своимъ судномъ и гордился богатымъ грузомъ, находившимся въ трюмъ.

День быль прекрасный, море гладко и безъ зыби, солнце живо сіяло съ голубаго, безоблачнаго неба. Тента, растянутая надъ палубой, защищала собравшихся подъ нею пассажировъ отъ зноя. Пассажиры вполнъ наслаждались dolce far niente;

команда была занята обычными забавими моряковъ: мужчины развалясь читали или болтали, дамы писали или пъли подъ звуки гитары. Капитанъ Броунъ важно разсказывалъ внимательнымъ слушателямъ нъсколько событій изъ собственной своей жизни.

- Теперь уже прошло около двухъ лътъ, когда случилось со мною то, что я вамъ теперь разскажу, продолжаль онъ: я тогда командоваль славною шкуной, которая дълала рейсы къ берегамъ Африки, и у меня былъ тотъ же лейтенантъ, что и теперь, честный Биль Симпсонъ. Мы уже простояли нъсколько недъль въ ръкъ Данда и помаленьку нагружались; я лишился половины команды отъ горячки, какъ вдругъ, когда мы уже готовы были къ отплытію, насъ абордировала цълая шайка проклятыхъ пиратовъ, они согнали насъ съ нашего судна и ушли съ нимъ. Конечно, они могли бы насъ всъхъ безъ церемоніи переръзать, и върно бы сдълали это, еслибъ не предводитель ихъ, который былъ такой въжливый джентльменъ, что низко раскланялся съ нами и пожелалъ веселаго перетзда на берегъ. Я вамъ не могу объяснить словами, что я чувствовалъ когда увидълъ, что корабль мой переходить черезъ баръ, и вполнъ убъждень, что мы всъ бы умерли, еслибъ нъсколько дней спустя, другое купеческое судно не зашло въ ръку и не взяло насъ съ собой. Я до сихъ поръ ничего не слыхалъ о Феръ-Розамондъ, хотя имъю очень хорошія причины предполагать, что пирать, который овладъль ею, никто другой какъ извъстный капитанъ Пипъ, о которомъ только и толкуютъ во всей западной Индіи.
- Какой ужасный человъкъ долженъ быть капитанъ Пипъ, замътила Донна Марина, которая понимала по-англійски.
  - Ужасный! Настоящій демонъ! отвъчалъ капитанъ Броунъ.
- На кого же онъ похожъ, синьоръ капитанъ? спросила Донна Изабелла, хорошенькая сестра вдовы.
- Правду сказать, онъ не дурной мужчина, покрайней мъръ, сколько я помню, ну, почти такого же роста и фигуры какъ майоръ, отвъчалъ капитанъ.
- Неужели! возразила молодая дъвица, такъ онъ не похожъ на пирата?
- Можеть быть и нътъ, отвъчаль капитанъ Броунъ, но помните, что красота наружная не отвъчаеть за внутреннія качества.

28

- Мнъ бы хотълось увидъть этого капитана Пипа, сказала вдова.
- И мнъ тоже, сударыня, только на концъ здоровой веревки, отвъчаль капитанъ.
- И что же можеть заставить насъ такъ страшиться капитана Пипа, или подобныхъ ему пиратовъ? замътилъ Г. Феофилъ Фицъ, Креолъ изъ Ямайки, который съ соломенной шляпой на головъ, въ полномъ нанковомъ костюмъ и съ руками въ карманахъ прохаживался по палубъ: развъ у насъ нътъ пороху, ядеръ, восьми пушекъ и достаточнаго числа людей, чтобы драться съ нимъ? Мнъ бы хотълось посмотръть, какъ бы капитанъ Пипъ сыгралъ свои шутки съ нами!

Онъ возвысиль голосъ, когда въ своей прогулкъ прошелъ мимо испанскаго майора, который подняль глаза съ музыкальной тетради, которую до сихъ поръ внимательно изучалъ, и улыбнулся.

- Знаете ли, майоръ, сказала Донна Марина, смъясь, что капитанъ Броунъ говоритъ, будто пиратъ Пипъ очень похожъ на васъ.
- Капитанъ сдълалъ мнъ большой комплиментъ, если онъ говоритъ о моей наружности, отвъчалъ майоръ кланяясь, потому что я слышалъ отъ нъкоторыхъ дамъ, которыя однажды гостили у Пипа, что онъ удивительно красивый мужчина, хотя лицо его и не представляетъ зеркала души.
- Что до его наружности касается, я ничего не могу сказать, присовокупиль г. Феофиль Фиць, но что онь первостатейный мошенникь, въ этомъ я не сомнъваюсь, и мнъ очень хочется наткнуться на него и на его судно, чтобъ показать ему какъ я поступаю съ пиратами.
- Синьоръ Фицъ, какъ видно смълый человъкъ! сказаль майоръ кланяясь.
- Парусъ видънъ на правый кламбалъ! закричалъ часовой на салингъ.
- Какъ лежитъ? спросилъ капитанъ. Прямо на пересъчку нашего курса топсъ. Мы скоро узнаемъ, что это за судно, замътилъ капитанъ Броунъ, продолжая свою прогулку на шканцахъ.

Въ однообразности благополучнаго плаванія, малъйшее новое обстоятельство обращаєть на себя вниманіе всъхъ; надежда встръчи съ другимъ судномъ на обширной пустынъ водъ, достаточна чтобъ разшевелить самыхъ лънтяевъ. Въ слъдствіе этого

пассажиры, изъ которыхъ очень немногіе были склонны къ физическимъ или умственнымъ движеніямъ, собрались на палубъ, напрягая зръніе, чтобъ разглядьть судно, которое мало по малу стало отдъляться отъ линіи горизонта. Сначала по одному вышли брамсели, потомъ марсели и наконецъ нижніе паруса возвысились надъ поверхностью воды; они блестъли подобно бълому снъгу подъ лучами яркаго солнца, и капитанъ Броунъ вскоръ могъ ръшительно сказать, что видна была большая шкуна съ прямыми марселями, но куда она шла и подъ какимъ флагомъ, нельзя было догадаться. Но было что-то въ выкройкъ парусовъ, обратившее на себя особенное вниманіе капитана: онъ безпрестанно глядълъ въ трубу, между тъмъ какъ на лицъ его можно было прочитать сомнъніе или лучше сказать опасеніе.

- У васъ кажется прекрасная труба, синьоръ капитанъ, замътилъ мајоръ, подходя къ нему: позвольте мнъ испытать ея силу.
- Извольте, отвъчалъ морякъ: вы найдете, что она не дурна, я въ этомъ увъренъ, это одна изъ лучшихъ долондскихъ, и денная и ночная: разсмотрю носъ человъка на разстояніи пяти миль!
- Пока шкиперъ хвалилъ свою трубу, мајоръ, который явно не обращалъ вниманія на слова его, на нъсколько секундъ устремилъ глаза свои на неизвъстное судно, когда же онъ возвращалъ инструментъ, то можно было замътить у него на лицъ довольно странную улыбку.
- Ну, что скажете, майоръ, что вы думаете? спросилъ капитанъ.
- Я слишкомъ мало свъдущъ въ морскомъ дълъ, чтобъ опредълительно сказать что нибудь, отвъчалъ онъ: я только желалъ знать хороша ли труба, и, возвративъ ее съ поклономъ хозяину, онъ пошелъ на ютъ. Нъсколько времени оба судна подвигались ближе другъ къ другу, и незнакомая шкуна не перемъняла своего курса. Чъмъ она становилась виднъе, тъмъ болъе вытягивалось лице капитана, выражавшее страхъ и безпокойство. Сначала онъ перетеръ стекла своей трубы, потомъ установилъ ее на фокусъ, потомъ сталъ тереть свои глаза, но все еще казался недовольнымъ.
- Ну, что, капитанъ? спросилъ Феофилъ Фицъ: что это за судно?

- По правдъ я вамъ ничего не могу сказать, отвъчалъ капитанъ Броунъ, наружный видъ мнъ не по нутру; я онасаюсь, судно подозрительное. Такъ какъ я выучился не довърять вашимъ береговымъ красавицамъ, то не върю и этимъ сиренамъ. Можетъ быть, эта шкуна военное судно, можетъ быть и мирный купецъ, но мнъ она вовсе этимъ не кажется.
- Что говорить объ ней г. Симпсонъ? продолжаль Феофиль Фицъ съ едва замътнымъ трепетаніемъ голоса. Лейтенантъ подходиль къ нимъ въ это время.
- Возьми-ка трубу, Симпсонъ, сказаль шкиперъ, и скажи намъ свое мнъне объ этомъ суднъ. Лейтенантъ смотрълъ долго и внимательно.
- Очень подозрительное судно, отвъчаль онъ, похожее на одно изъ пиратскихъ, готовыхъ всегда нападать на суда, которыя не въ силахъ защищаться.
- Неужели вы хотите сказать, что какой нибудь пирать осмълится атаковать насъ, когда увидить на нашей палубъ восемь орудій? спросиль Фицъ.
- Можетъ быть да, можетъ быть нътъ, отвъчали ему, но вы върно знаете, что деревянныя собаки не кусаются.
- Что это вы говорите о пиратахъ? сказалъ богатый купецъ, который только что пришелъ съ низу: надъюсь, что намъ не предстоитъ съ ними встрътиться; Боже милосердый, защити насъ отъ подобнаго несчастія!
- Чего намъ бояться, когда у насъ такой храбрый защитникъ какъ Фицъ? сказалъ майоръ улыбаясь кромъ того никакой пиратъ не осмълится тронуть судно, которое подобно нашему вооружено восемью пушками, къ тому же они никакъ не могутъ разсчитывать найти у насъ такое несмътное богатство, какое, я слышалъ, есть на бригъ. Донъ Фернандъ вздрогнулъ.
- Кто говорить, что у насъ есть здъсь богатство? спросиль онъ съ озабоченнымъ видомъ.
- Теперь самое выгодное средство перевозить деньги въ Англію, и потому я вполнъ убъжденъ, что Донъ Фернандъ, славившійся своими сокровищами, взялъ съ собой нъсколько своего золота. Сказавъ это майоръ въжливо поклонился богатому человъку; внимательный наблюдатель замътилъ бы, что насмъшливая улыбка проскользнула у него на губахъ и отразилась въглазахъ.

- Мы на всякій случай покажемь флагь, чтобъ доказать что не боимся ихъ, и за одно узнаемь, отвътить ли незнакомець на нашу въжливость, сказаль капитань, и черезъ нъсколько секундъ англійскій флагь развъвался на гафель брига. Едва успъли это сдълать, какъ на незнакомомъ суднъ подняли тотъ же флагъ.
- Нашъ! вскричаль Фицъ, потирая отъ удовольствія руки, во всякомъ случав другъ. А если бъ это быль пиратъ, мы его скоро бы отправили на дно морское.
- Конечно, другъ! воскликнулъ капитанъ, неужели вы хотите мнъ сказать, что судите о человъкъ по цвъту его сюртука? Почему же вы знаете, что этотъ молодецъ не лжетъ? Что скажешь, Симпсонъ?
- Что никакого въ этомъ нътъ сомнънія; я начинаю вспоминать теперь, и сколько могу судить на такомъ разстоянін, это судно, очень похоже на испанскую шкуну, которая въ Кароагенъ стояла возлъ насъ на якоръ, немного болъе недъли тому назадъ. Капитанъ отвелъ его въ сторону, и совъщался съ нимъ нъсколько времени. Результать ихъ разговора остался тайной; но вскоръ на палубъ разнесся слухъ, что видимая шкуна пиратъ, что капитанъ самъ въ этомъ былъ убъжденъ, потому что отдаль приказаніе готовиться къ бою. Команда усердно приступила къ своимъ обязанностямъ. Пушки были заряжены и снова выдвинуты, т. е. четыре настоящія, а остальныя только издалека придавали болъе воинственный видъ; въ тоже время поставили всъ возможные паруса, т. е. все, что судно было въ силахъ нести, для того чтобъ постараться увеличить разстояніе отъ подозрительнаго незнакомца. Когда все было готово, люди разошлись по мъстамъ. Пока происходили всъ эти приготовленія, пассажиры показывали свое безпокойство весьма различнымъ образомъ. Донна Изабелла плакала и прижималась къ сестръ своей, которая нешевелясь глядъла на подходящее судно; богатый купецъ поблъдавль, со страхомъ и безпокойствомъ въ лицъ нырнулъ въ каюту, гдъ и оставался нъсколько времени, между извъстными ему одному шкатулками и сундуками; Феофиль Фиць ходиль по палубъ, убъжденный, что онъ самое важное лице на бригъ, и чтобы скрыть свою трусость, храбрился болъе чъмъ когда нибудь. Единственная особа, которой приближеніе враждебной шкуны казалось предметомъ весьма обыкновеннымъ, былъ майоръ: онъ по временамъ обращалъ на нее

32 Смъсь.

свои глаза, чтобъ посмотръть гдъ она находится, но тотчасъ опять принимался за ноты и гитару.

- Кажется, майоръ, вы очень хладнокровно принимаете наши обстоятельства, замътилъ Фицъ, проходя мимо его: намъ нужна будетъ скоро ваша помощь, я полагаю, что вы не откажетесь подраться.
- Конечно, нътъ. Я возьму подъ свою команду деревянныя пушки, отвъчалъ майоръ.
- Позвольте вамъ замътить, что это не шуточное дъло, продолжалъ Фицъ: если мы не будемъ защищаться, пираты возьмутъ наше судно, и намъ всъмъ въроятно переръжутъ горло.
- Не переръжутъ, если мы согласимся присоединиться къ нимъ. Я это намъренъ сдълать, если надъ нами возьмутъ верхъ. Синьоръ Фицъ върно будетъ лихой пиратъ.
- Я пиратъ! воскликнулъ съ ужасомъ Фицъ, что скажутъ мои друзья и знакомые, когда узнаютъ объ этомъ. Нътъ, г. майоръ, я до сихъ поръ жилъ честнымъ человъкомъ, и надъюсь такимъ же умереть.

Въ продолжение этого времени, не смотря на всъ усили увеличить скорость брига, шкуна подъ англійскимъ флагомъ, замътно нагоняла ихъ. Лучшій ходъ судна былъ фордевиндъ, и чтобы такъ лежать, измънили курсъ на нъсколько румбовъ. Капитанъ Броунъ надъялся такимъ образомъ уйти отъ шкуны, или покрайней мъръ сбить у нее что нибудь, прежде нежели она успъеть подойти; она находилась тогда уже на разстояни около двухъ миль; ни въ вооружени, ни въ формахъ судна ничего не было англійскаго.

Мы скоро узнаемъ правду, замътилъ капитанъ Броунъ.
 Спустите нашъ флагъ и поднимите испанскій, и вы увидите что на шкунъ поднимутъ другой флагъ.

Капитанъ былъ правъ. Едва успъли у него на суднъ исполнить его приказаніе, какъ на гафелъ шкуны уже развъвался испанскій флагъ.

— Вотъ такъ и есть! вскричалъ капитанъ, приказавъ опять поднять англійскій флагъ: я не хочу, чтобъ кто нибудь могъ сказать, что Джонъ Броунъ сражался не подъ своимъ національнымъ флагомъ. Чъмъ дъло ни кончится, не поддавайтесь, друзья, до послъдней минуты, вы не можете ожидать милосердій отъ разбойниковъ.

Команда громко привътствовала слова своего командира, объщая сдълать все, что будеть въ силахъ. Незнакомецъ не перемънилъ флага, но черезъ нъсколько минутъ ядро пролетъло черетъ бортъ брига, за нимъ другое, и когда дымъ разсъялся, то увидъли на немъ черный флагъ. Теперь ужъ не осталось ни малъйшаго сомнънія въ характеръ судна, съ которымъ приходилось имъ имъть дъло. Лейтенантъ былъ очень храбрый малый, но разсчитывалъ, что теперь всего лучше быть осторожнымъ.

- Не лучше ли намъ привести къ вътру? Если мы должны будемъ принять сраженіе, то останемся на вътръ, хотя, правду сказать, чъмъ менъе мы будемъ разговаривать съ этой разбойничьей посудиной, тъмъ лучше, замътилъ онъ капитану Броуну.
- Ни къ чему не поведетъ, Симпсонъ, отвъчалъ капитанъ: намъ безъ сраженія никакъ не обойтись, хотя мы сдълаемъ все что можно въ пользу нашихъ владъльцевъ и пассажировъ; я одного только могу желать, чтобъ пираты подошли подъ выстрълы Джонъ п Мери, тогда они будутъ помнить ихъ, до тъхъ поръ, пока ихъ не повъсятъ.

Инкуна быстро подходила; легкій видъ ея и нъжность формъ никакъ не изобличали того, чтобъ она была въ состояніи нанести вредъ здоровому и кръпкому бригу. Она все продолжала
стрълять, но какъ ядра пролетали высоко надъ палубой, никто
не быль тронуть, хотя паруса были въ нъсколькихъ мъстахъ
пробиты, и нъсколько снастей повреждены, но въ мигъ все было
исправляемо. Когда она подошла ближе, выстрълы ея стали
дъйствительнъе; капитанъ Броунъ видълъ, что ни одно изъ его
ядеръ не попало въ назначенную цъль. Наконецъ онъ потерялъ
всякое терпъніе, и наводя самъ одну изъ своихъ пушекъ, выпалилъ. Глазъ его слъдилъ за полетомъ снаряда, но удачи не
было, потому что ни одна снасть не лопнула, ни одинъ осколокъ не отлетълъ отъ борта шкуны.

- Не знаю, что сдвлалось съ моими пушками, что они такъ дурно исполняють свое двло, воскликнуль онь съ досадой, отходя въ сторону. Симпсонъ, попробуй-ка свою руку и постарайся сбить крылышко у молодчика.
- Попробую, сказалъ лейтенантъ, глядя вдоль пушки: надъюсь по крайней мъръ въ него попасть.

Онъ сдержалъ слово: ядро ударило въ верхнюю часть бор-

та шкуны и произвело на палубъ безпорядокъ. Но она за то вполнъ отмстила, и залпъ съ цълаго борта со свистомъ пролетълъ черезъ рангоутъ и паруса брига. Форъ-стеньга полетъла въ низъ, гротъ-мачта была сбита.

Прежде нежели команда успъла очистить палубу, чтобъ снова начать дъйствовать орудіями, шкуна пустила въ нихъ еще два залпа, имъвшіе послъдствія еще гибельнъе. Ядро летъло за ядромъ. Вскоръ бъдный бригъ пришель въ такое разрушенное состояніе, что едва могли держать его на фордевиндъ. Пассажиры дрожали отъ страха, кромъ майора, который смотрълъ на происходящее какъ на вещь весьма обыкновенную; онъ иногда спускался внизъ, чтобъ успокоить дамъ, которыхъ помъстили подальше отъ опасности. Возвращаясь на верхъ, онъ увидълъ проходящую подъ кормой шкуну; въ кормъ стоялъ человъкъ, который окликнулъ бригъ, спрашивая: хотятъ ли они сдаться.

- Нътъ, до тъхъ поръ, пока есть у меня орудіе, чтобъ продолжать сраженіе, отвъчаль капитанъ Броунъ.
- Увидимъ! отвъчалъ голосъ, и шкуна привела вдоль лъваго борта.

Черезъ нъсколько минутъ носовой якорь шкуны зацъпилъ за гротовые руслени брига, и цълая партія пиратовъ стала взлъзать по высокому борту его. Туда успъли перевести пушку и направили ее на палубу шкуны; майоръ усердно помогалъ перетащить и зарядить ее. Капитанъ Броунъ выждалъ, пока борты судовъ встрътились и скомандовалъ: «пали!»

Порохъ на запалъ вспыхнулъ, но пушка не выпалила: лейтенантъ снова насыпалъ пороху, но случилось тоже самое.

— Провались, осель, который заряжаль эту пушку! воскликнуль онь; но люди не успъли еще перезарядить орудія, какъ уже принуждены были защищаться отъ быстраго нападенія пиратовъ.

Англичане скоро должны были уступить превосходному числу противниковъ; да имъ почти и негдъ было драться, ибо палуба была завалена обломками рангоута.

Одинъ только майоръ былъ хладнокровнымъ зрителемъ битвы; вмъсто того, чтобъ помогать, онъ ушелъ на ютъ, гдъ Симпеонъ засталъ его, передающаго кончикъ на шкуну, чтобы помочь пиратамъ подтянуться. Прежде нежели лейтенантъ успълъ наказать его за въроломство, испанцы овладъли палубой, и оставшихся въ живыхъ англичанъ согнали въ низъ.

Вождь пиратовъ быль высокій, видный мужчина; онъ первый соскочиль на палубу и сразился съ капитаномъ Броуномъ, въ минуту обезоружиль его и бросиль на палубу. Мистеръ Броунъ, лежа, глядълъ на своего побъдителя, ожидая каждую секунду получить смертельный ударъ; онъ былъ окруженъ умершими и умирающими своими матросами, между тъмъ какъ въ ущахъ у него раздавались побъдные клики пиратовъ.

Побъдитель, который держаль свою саблю поднятою и готовый поразить его въ сердце, казалось, внимательно разсматриваль черты его лица; черезъ мгновеніе, можеть быть, несчастный капитанъ окончиль бы свою жизнь, но въ эту минуту нъсколько пиратовъ притащили богатаго купца Донъ Фернанда и другихъ плънныхъ, а майоръ явился на палубъ, сопровождая прекрасныхъ дамъ.

- Вотъ толстякъ, который точно общитъ золотомъ, векричали пираты, доставая множество золотыхъ монетъ изъ различныхъ частей платья купца.
- О, синьоръ Броунъ, синьоръ Броунъ! спасите меня, спасите меня! кричаль Донъ Фернандъ съ ужасомъ: почему вы не ушли скоръе? Они украли у меня все, что я успълъ отложить себъ на старость, и сдълали меня нищимъ!

Майоръ захохоталъ, но не сказалъ ничего.

- Синьоръ Броунъ! сказалъ капитанъ пиратовъ, я такъ и думалъ. Вы хорошо защищали свое судно; встаньте, ваша жизнь въ безопасности. Знайте что я Пипъ, пиратъ.
- Пить, пирать! воскликнули нассажиры въ одинъ голосъ.
- Прекрасный мужчина, который такъ въжливо поступаетъ съ дамами! сказала Донна Марина, обращая на него свои блестящіе глаза.
- Ужасный злодъй, который переръзываетъ всъмъ горло!
   проворчалъ Фицъ, готовый со страха провалиться сквозь палубу.
- Человъкъ, знающій съ точностью цънность всъхъ грузовъ, плавающихъ на моряхъ, прошепталъ Донъ Фернандъ; я разоренъ!
- Мнъ кажется, что онъ не намъренъ намъ сдълать зла,
   тихо сказала Донна Изабелла, прижимаясь ближе къ майору.
- Ни коимъ образомъ, пока я съ вами! отвъчалъ въжливый ея поклонникъ.

- Такъ вы тотъ же самый, который ушелъ на Феръ Розамондъ? спросилъ капптанъ Броунъ, вставая.
- Тотъ же самый, къ вашимъ услугамъ, мой старый другъ. Необходимость принудила меня лишить васъ судна, сказалъ пиратъ.
- И теперь вы меня лишаете другаго, вскричаль бъдный капитанъ: какой я несчастный человъкъ!
  - Случайности войны! отвъчалъ донъ Пипъ.

Между оставшимися въ живыхъ былъ и Симпсонъ, хотя голова его была подвязана платкомъ, сквозь который просачивалась кровь.

Во время этого разговора, майоръ, котораго хотя и держали два пирата за руки, сохранилъ свое удивительное хладнокровіе; тутъ онъ подошелъ къ начальнику пиратовъ.

- Какъ! воскликнулъ онъ, мой старинный пріятель, Донъ жозе Монтесъ Пипъ!.. и онъ бросился ему въ объятія.
- Неужели я узнаю майора Мендеза, который спасъ мнъ жизнь, жертвуя своею! вскричалъ Пипъ.
- Онъ и есть! ради этого онъ умоляетъ васъ даровать жизнь илъннымъ, которые въ вашей власти.
- И не говорите. Ваше желаніе исполнено, отвъчаль пирать, успокойте ихъ на счеть этого, съ тъмъ однакожъ, что никто не осмълится скрыть что нибудь изъ драгоцънностей, находящихся на суднъ. Пусть они поторопятся, присовокупиль онъ шепотомъ, сегодня утромъ мы видъли вдалекъ парусъ, очень можетъ статься, что это англійское военное судно.

Симпсонъ между тъмъ былъ очень смущенъ этою сценой, до тъхъ поръ, пока не вспомнилъ, что засталъ майора подающаго конецъ веревки на шкуну, во время битвы.

- Бездъльникъ! проворчалъ онъ себъ подъ носъ, если ты не пришелъ къ намъ нарочно, чтобъ выдать насъ разбойникамъ, я не я.
- Но постойте, воскликнуль майоръ, вырываясь изъ объятій своего пріятеля: въ радости моей я на минуту забылъ представить вамъ прекрасныхъ дамъ, находящихся подъ моею защитой. У нихъ у объихъ богатыя владънія въ Гаваниъ, прошепталъ онъ, одна изъ нихъ вдова, другая дъвица. У вдовы кромъ того еще и состояніе умершаго мужа. Возьмите вы вдову, я удовольствуюсь дъвицей.

Передавъ своему пріятелю эти свъдънія, онъ представиль его съ обычными церемоніями синьорамъ, которыя очень мило отвъчали на въжливости Пипа, убъждавшаго ихъ, что на пиратовъмного наговариваютъ напраслины.

Когда Донъ Фернандъ замътилъ, что майоръ въ такомъ уваженіи у пирата, лучъ надежды промелькнулъ въ его умъ; во время всего перехода, майоръ былъ съ нимъ особенно въжливъ и Лобезенъ.

- О, синьоръ майоръ, умоляю васъ вступиться за меня, всв глядятъ на меня, какъ будто хотятъ повъсить, сказалъ онъ жалобнымъ голосомъ.
- Я сожалью, синьоръ, но ничего не могу сдълать, отвъчаль майоръ: ваше золото будеть дъйствительные моей защиты. Однъ дамы у меня подъ покровительствомъ.
- Золото! золото! У меня нътъ золота! завопилъ испуганный купецъ.
  - Гмъ! гмъ! было единственнымъ отвътомъ майора.

Посль этого разговора начался грабежъ; капитана и команду брига привязали къ мачтамъ, откуда они могли видъть какъ пираты таскають ихъ собственность. Направляемые проворнымъ майоромъ, они скоро нашли денежные сундуки купца и тотчасъ перенесли ихъ на шкуну, не обращая вниманія на мольбы и возраженія донъ Фернанда. Пока это дълалось, Донъ Пипъ оказываль всякое вниманіе миленькой вдовушкв, что она принимала очень благосклонно; и майоръ, не смотря на свои занятія, каждый разъ проходя мимо Донны Изабеллы, шепталь ей въ-уши сладкія рачи, которыя были выслушиваемы съ видимымъ удовольствіемъ. Въ немъ произошла большая перемъна: изъ лъниваго. флегматическаго человъка, которымъ онъ до сихъ поръ казался, онъ вдругъ сдълался проворнымъ и бойкимъ морякомъ, которому пираты безпрекословно повиновались; перемъна эта обратила на себя вниманіе какъ капитана Броуна, такъ и его помощника. Донъ Фернандъ видълъ какъ его сундуки съ золотомъ исчезали съ налубы брига; послъ этого пираты стали перегружать на шкуну самую легкую и драгоцънную часть груза. Какъ водится, и багажъ нассажировъ не быль пощаженъ, ихъ самихъ даже обыскали, къ великому отчаянію бъднаго г. Фица, который вполнъ разсчитывалъ, что это служить приготовленіемъ

для отправленія его за бортъ. Наконецъ нъсколько чемодановъ и картонокъ съ женскими вещами были поданы на палубу.

- Это наши чемоданы! вскричала Донна Марина, когда увидъла ихъ, куда ихъ несутъ?
- На мою шкуну! отвъчалъ Донъ Пипъ, низко кланяясь: онъ тамъ будутъ безонаснъе чъмъ здъсь.
- Господи Боже мой! какъ ужасно, сказала вдова; но что же мы будемъ дълать?
- Слъдовать за своими чемоданами, прелестная синьора, отвъчаль пиратъ нъжно. Джуанита доставить вамъ изрядное помъщеніе, а вниманіе вашего покорнаго раба должно замънить всъ прочіе недостатки.

Милая улыбка была единственнымъ отвътомъ вдовы. Майоръ, (такъ мы и будемъ продолжать называть лейтенанта пиратовъ), пришелъ доложить, что шкуна готова и нагружена, вмъстъ съ тъмъ намекнулъ на то, что онъ видълъ между командой большое желаніе повъсить нъкоторыхъ.

— Такъ отправляйтесь всъ на-шкупу.

Пираты, не отвъчая ни слова, повиновались. Когда остались одни гребцы со шлюбки, Пипъ собственноручно освободилъ капитана Броуна.

- Вы храбрый человъкъ, сказалъ онъ, и достойны жить. Ради васъ я щажу жизнь всъмъ находящимся у васъ на суднъ, однакоже съ условіемъ, что всъ объщаютъ никогда не являться свидътелями противъ меня и моихъ людей. Подите и узнайте мнъніе прочихъ.
- Я убъжденъ, что всъ согласятся, вскричалъ г. Фицъ, который слышаль эти слова: неправда ли, капитанъ Броунъ. Благодарствуйте, синьоръ пиратъ. Другихъ не стоитъ и спрашивать. Что до меня касается, я буду клясться, что никогда васъ не видалъ.

Пока капитанъ Броунъ обходилъ пассажировъ и свою команду, чтобъ передать имъ предложеніе пирата, Донъ Пинъ взялъ руку Донны Марины.

- Прелестная дама, сказаль онь, я иду въ Гаванну, и могу вамъ предложить быстрый переходъ; ваши вещи у меня на суднъ.
- Я немогу отстать отъ своихъ вещей, отвъчала она глядя на шкуну.

- А вы, милая Изабелла, останетесь на этомъ судиъ? спросилъ майоръ.
- Я не должна разлучаться съ сестрою! скромно отвъчала молодая дъвица.

Какъ и должно было ожидать, — отрицательнаго отвъта не было на предложение Пипа, и черезъ минуту онъ, майоръ, объ дамы и негритянка, служанка ихъ, стояли на палубъ шкуны, которая тотчасъ направилась къ западу. Команда Джонъ и Мери занялась исправлениемъ повреждений, и бригъ пошелъ но старому своему курсу.

На другое утро къ разсвъту разглядъли парусъ на правую крамболу, въ разстояніи четырехъ или пяти миль; онъ шель прямо на нихъ. Когда бъдный Фицъ, который только что вошелъ на верхъ, услышалъ объ этомъ, онъ ужасно испугался.

- Боже мой! Боже мой! Послъдній разъ въ жизни поймаютъ меня на моръ, воскликнуль онъ, ломая себъ руки въ отчаяніи: если это другой пиратъ, насъ окончательно заръжутъ, а судно отправятъ на дно.
- Я даже желаю этого, сказаль мистеръ Броунъ: послъ всъхъ моихъ несчастій, мнъ невозможно будетъ поднять головы, когда возвращусь домой.
- Не упадайте духомъ, отвъчалъ Креолъ, еслибъ не вы, никого изъ насъ не было бы въ живыхъ; положитесь на насъ, если мы благополучно добредемъ домой, мы пспомнимъ все, что вы потеряли.

Когда видънное судно подошло ближе, оказалось, что это военный корветъ подъ англійскимъ флагомъ. Положеніе Джонъ и Мери достаточно объясняло, что съ нимъ случилось. Подойдя на окликъ, корветъ приказалъ имъ лечь въ дрейфъ, пока шлюпка къ нимъ пристанетъ.

- По наружному виду вашего судна мы догадались, что вы имъли дъло съ непріятелемъ, сказалъ лейтенантъ, войдя на палубу, и я вполнъ убъжденъ, что вы наткнулись именно на того, котораго мы ищемъ, на извъстнаго Пипа.
- Все, что я могу вамъ сказать, это то, что насъ расколотили какъ вы видите, что пираты обобрали у насъ все, что могли; но послъ нашей сдачи, съ нами очень хорошо обошлись, отвъчалъ капитанъ Броунъ. Офицеръ, узнавъ отъ нъкоторыхъ матросовъ, которые были не совъстливы такъ какъ командиръ ихъ,

курсъ, по которому направилась шкуна, помогъ привесть нъсколько въ порядокъ рангоутъ, и возвратился къ себъ на судно. Корветъ тотчасъ пустился въ погоню, а бригу дозволено было идти далъе. Капитанъ Броунъ считалъ себя очень счастливымъ, что его не остановили, чтобы свидътельствовать противъ пиратовъ, въ случаъ если ихъ поймаютъ.

Корветь ея британскаго величества Си-гуль, уже шесть недъль какъ вышель изъ Ямайки, отыскивая всюду Пипа. Онъ встрътиль нъсколько судовъ разграбленныхъ смълымъ пиратомъ, подходиль ко многимь для полученія свъдънія объ его движеніяхь; плавая постоянно по слъдамъ Пипа, онъ все не могъ настичь его. Наконецъ капитанъ сталъ подозръвать, что его обманываютъ; что и дъйствительно было такъ. Однимъ словомъ, у Пипа были агенты не только во всъхъ портахъ, но и на всякомъ крейсеръ и купеческомъ суднъ, плавающемъ на этихъ моряхъ, такъ что весьма трудно было напасть на него въ расплохъ или узнать что нибудь о движеніяхъ его судна. Очень часто случалось, что онъ абордировалъ купца, и не имъя времени забрать все, спрашивалъ только изкоторые пакеты или ящики, которые всегда оказывались самыми драгоцънными. Онъ никогда не проливалъ крови, если только была возможность избъжать этого; также никогда не поступалъ жестоко съ плънными, попадавшимися емувъ руки, если только они не сопротивлялись.

Командиръ Си-гуль надъялся теперь догнать пирата, прежде нежели онъ успъетъ зайти въ портъ, чтобъ сбыть грузъ свой, а потому корветъ легъ на Сенъ-Доминго, вдоль береговъ котораго онъ прошелъ, опрашивая всъ встръчающіяся суда, но не получая ни одного удовлетворительнаго свъдънія на счетъ пиратской шкуны. Изръдка и слышали о суднъ, которое отвъчало примътамъ, но если и въ самомъ дълъ оно было то, которое искали, то ему всегда удавалось избъжать встръчи, или наконецъ нагоняемое судно оказывалось американскимъ купцомъ, или какимъ нибудь другимъ миролюбивымъ плавателемъ.

Послъ многихъ неудачъ, капитанъ Гескетсъ (командиръ Сигуль) сталъ отчаяваться въ возможности найти хитраго пирата, и клялся, что если когда нибудь настигнетъ шкуну, то отправитъ и ее и команду на дно морское; матросы на корветъ поговаривали между собою, что судно, за которымъ они такъ долго и напрасно гонятся, Летучій Голландецъ, или другое ка-

кое нибудь фантастическое судно, которыя, какъ всъмъ извъстно, носятся по морямъ, чтобъ вести легковърныхъ моряковъ къ гибели. Но капитанъ Гескетсъ былъ человъкъ, который не такъто легко отказывался отъ своей цъли. Разъ, вечеромъ, около самаго заката солнца, открыли большую шкуну, идущую къ острову Кубъ, по южную сторону котораго корветъ тогда находился. Капитанъ Гескетсъ приказалъ выпалить изъпушки, чтобъ заставить шкуну лечь въ дрейфъ, но она не послушалась. Десять минуть спустя, немного южные разглядыли другое судно, направляющееся къ тому же берегу; трудно было ръшить, за которымъ судномъ лучше было гнаться, и англійскій капитанъ ръшился продолжать погоню за первымъ. Всю ночь корветъ держаль его въ виду, лавируя къ съверу, и къ разсвъту увидъли, что онъ лежитъ подъ самымъ берегомъ острова Кубы. Когда солнце взошло, густой туманъ покрылъ весь горизонтъ; по мъръ того какъ корветъ подвигался, понуждаемый легкимъ береговымъ вътромъ, проявлялись ярко блестящія подъ лучами восходящаго солнца, марсели двухъ судовъ, около трехъ миль въ разстоянін одинъ отъ другаго. Нельзя было сомитваться, что одно изъ нихъ то, за которымъ Гескетсъ гнался, между тъмъ какъ другое въроятно было то, которое онъ видълъ наканунъ. Вскоръ сдълался мертвый штиль, туманъ окончательно установился, покрылъ все видимое пространство моря и скрылъ отъ глазъ англичанъ берегъ и оба судна. Предполагая, что видънныя суда заштильли, подобно корвету, командиръ его рышился послать катеръ отыскивать второе, между тъмъ какъ самъ онъ пойдеть за шкуной, за которой гнался всю ночь. Немедленно быль спущень на воду катерь, въ него посадили четырнадцать человъкъ подъ командою втораго лейтенанта Брукса. Около часа они гребли по направлению Нордъ-Оста, и тогда туманъ, прочистившись немного, открыль имъ возлъ нихъ судно, за которымъ они были посланы.

 Навались, ребята, навались! закричаль лейтенантъ Бруксъ черезъ пять минутъ пиратъ будетъ нашъ.

Дъйствительно, черезъ иять минуть они пристали къ невысокой, не видной собой шкунъ; когда они выскочили на палубу, вмъсто ожидаемаго сопротивленія ихъ встрътила скромная пуританской наружности фигура, которая съ американскимъ выговоромъ объявила офицеру: я шкиперъ шкуны Пилигрииз, изъ 42 Смъсь.

Нью-Іорка, и очень желаль бы знать причину вашего посъ-

Лейтенантъ Бруксъ извинился въ своей ошибкъ.

— Вы въжливый молодой человъкъ и "достойны въжливаго отвъта, сказалъ шкиперъ Пилигрима, я угадываю, что вы ищете испанскаго пирата Пипа. Ну, такъ вотъ что я вамъ разскажу: около втораго часа ночи, въ то время, какъ мы лежали подъ самымъ берегомъ, мы видъли двъ шлюпки, вышедшія изъ залива, находящагося у насъ прямо на траверзъ. Когда онъ къ намъ подошли ближе, мы по нимъ выстрълили, имъ върно непонравилась наружность моего судна, потому что они тотчасъ ушли назадъ въ заливъ. По всъмъ въроятностямъ они принадлежали къ той же шайкъ, которую вы ищете, и если они вамъ нужны, вы ихъ тамъ на-върняка поймаете, какъ въ ловушкъ.

Поблагодаривъ американскаго шкипера за эти свъдънія, англійскій лейтенанть съль въ свою шлюпку, и направился къ берегу, въ надеждъ поймать пирата.

— Посмотримъ, какъ-то они сунутъ носъ въ славную мышеловку, проворчалъ Янки, выпуская изо рта, по направлению, взятому англичанами, струю табачнаго дыма, и сталъ продолжать свою прогулку по шканцамъ, насвистывая вътеръ.

Катеръ подошелъ на четверть мили къ берегу, и тогда только открылся входъ въ заливъ; офицеръ осмотрълся и увидълъ узкую полоску голубой воды, которая струилась между деревьями, растущими по самому морскому берегу. «Навались, ребята, навались!» закричалъ онъ, и черезъ пъсколько минутъ шлюпка проходила узкій каналь, между высокими скалами, ведущій въ общирный лагунъ. Когда лейтенантъ Бруксъ осмотрълъ огромное пространство воды, на подобіе озера, и не увидълъ никакого признака присутствія судна, онъ сталь подозръвать, что американецъ обманулъ его; но прежде нежели оставить цъль свою. онъ рашился обойти лагунъ и посмотрать натъ ли еще внутренняго залива, гдъ могло скрыться судно. Они прогребли до лъсистаго мыса, обогнули его и нашли входъ въ другой лагунъ. Но и туть не было слышно ни одного звука, небыло видно ни одной шлюпки... Но вдругъ громкій лай собаки неожиданно перерваль торжественное молчаніе.

[—] Здась есть люди, и должно быть близко отсюда, я въ

этомъ увъренъ, закричалъ лейтенантъ; налягни, ребята, и если Пинъ между ними, онъ отъ насъ не увернется.

Настойчивые матросы, не обращая вниманія на свою усталость, бросились впередъ по лагуну, и наконецъ дошли до маленькаго залива, въ дальнъйшемъ концъ котораго они увидъли почти скрытую деревьями большую шкуну; грозный рядъ пушекъ глядъль изъ портовъ ея, и абордажныя сътки были подняты на оба борта. Англичане бросились на непріятеля; ни одной души не было на палубъ и никто не являлся; глубокое молчаніе царствовало всюду. Наконецъ когда шлюбка подошла поближе, у англичанъ въ ушахъ раздался громкій насмъшливый хохоть, и черные флаги въ мигъ стали развиваться на объихъ мачтахъ шкуны. Неожиданность эта могла бы ноколебать храбрость всякаго, но матросы, одушевленные своимъ начальникомъ, ободрились, дали онять ходъ впередъ и съ крикомъ ура пристали къ шкунъ. Взлъзая по бортамъ ея, они ножами должны были проръзывать себъ дорогу сквозь сътки, которыя могли служить сильною защитой для находившихся внутри судна. Лейтенантъ первый проложиль себъ путь и вскочиль на палубу но едва онъ успълъ это сдълать, какъ почувствовалъ у себя на шев веревочную петлю, наброшенную на него невидимою рукой; его потащили на другую сторону палубы, и онъ не быль въ состояніи сдълать ни мальйшаго сопротивленія. Въ эту минуту изъ люковъ, изъ-за бортовъ, однимъ словомъ изъ всякаго угла, гдъ могъ спрятаться человъкъ, выскочило около шестидесяти здоровыхъ матросовъ, и съ громкимъ крикомъ бросились на англичанъ, которые льзли за своимъ офицеромъ. По мъръ того, какъ они соскакивали на палубу, съ ними также поступали какъ съ Бруксомъ, и наконецъ всъ англичане были пойманы и у каждаго была петля на шев; чъмъ болъе они сопротивлялись, тъмъ туже натягивались веревки; чъмъ сердитъе они бранились, тъмъ громче становился смъхъ ихъ противниковъ. Очень понятно, что положение ихъ было очень непріятное, и если еще обратить вниманіе на характеръ тъхъ, которымъ они понались, то и очень опасное; мало кому нравится имъть веревку на шет, а испанцы могли ихъ всъхъ вздернуть на ноки рей, какъ только имъ это покажется пріятнымъ, и мистеръ Бруксъ быль вполнъ убъжденъ, что эта участь ихъ ожидаетъ.

Тотъ, который казался предводителемъ пиратовъ, до сихъ

поръ не произнесъ ни одного слова, хотя опъ первый бросился на англійскаго лейтенанта; онъ былъ рослый, видный мужчина; нарядъ его былъ богатъ, изысканъ и даже щеголеватъ; онъ подошелъ къ плънному офицеру, насмъшливо поклонился и сказалъ:

- И такъ синьоръ лейтенантъ, вы возымъли желаніе навъстить насъ. Вы видъли какъ мы принимаемъ незваныхъ гостей. Я увъренъ, что вы теперь ожидаете, что васъ разстръляютъ или повъсятъ, но вы ошибаетесь, мы не разбойники, однакожъ не прочь дать вамъ урокъ, чтобъ отучить васъ соваться въ логовище льва. Послъ этого вы можете получить обратно свою шлюпку, и какъ сами знаете, найти дорогу къ своему судну.
- Мы въ вашихъ рукахъ, и вы можете умертвить насъ, если хотите; но будьте увърены, что если вы это сдълаете, васъ все-таки рано или поздно самихъ повъсять, отвъчаль лейтенантъ, который понималъ нъсколько испанскій языкъ, и былъ взбъщонъ хладнокровіемъ пирата. Позвольте спросить, кто вы такіе, что осмъливаетесь сопротивляться англійскому флагу?
- Я Пинъ, и столько же забочусь объ англійскомъ флагъ, сколько о своемъ носовойъ платкъ!
- Пипъ! я такъ и думалъ, сказалъ лейтенантъ, но будьте увърены, что если васъ когда нибудь поймаютъ, вы украсите нокъ реи.
- Въроятно, отвъчалъ ему пиратъ съ поклономъ. Кошка съъстъ мышь, но надо сперва поймать ее.

Не говоря болъе ни слова, испанцы начали работать по спинамъ плънныхъ, самымъ корабельнымъ образомъ; офицеръ не былъ подверженъ этому наказанію; матросы же клялись, что когда нибудь да отомстять бездъльникамъ. Послъ того ихъ увели внизъ и принуждали выполнять самыя низкія услуги.

Лейтенантъ оставался изсколько времени на верху, помышляя о печальной развязкъ своего предпріятія; онъ былъ пробужденъ сильнымъ толчкомъ въ спину. Грубый испанецъ приказалъ ему идти въ каюту, прислуживать у стола капитана. Бруксъ вынужденъ былъ послушаться. Онъ очень удпвился, когда вошелъ въ каюту и нашелъ ее убранную самымъ роскошнымъ образомъ; у стола сидъли двъ прекрасныя молодыя дамы, а между ними Пипъ и его лейтенантъ.

— Я послаль за вами, чтобъ посмотръть, хорошо ли англи-

чанинъ умъетъ прислуживать, презрительно сказалъ пиратъ, берегитесь, если я обманулся.

- Ради самого неба, не сопротивляйтесь, сказала шепотомъ дама, сидъвшая ближе ко входу въ каюту, это его только болье разсердить и послъдствія могуть быть для васъ гибельны.
- Я въ вашихъ рукахъ, и считаль бы сумасбродствомъ не повиноваться, отвъчаль лейтенантъ, кромъ того, присовокупилъ онъ низко кланяясь, если я долженъ прислуживать такимъ прелестнымъ дамамъ, то это можетъ только доставить мнъ удовольствіе.
- Браво! вскричаль пирать, хлопая въ ладоши, англичанинь сдълался любезенъ. Вы достойны того, чтобъ васъ тотчасъ освободили. Я только хотълъ испытать васъ; вижу, вы добрый малый; садитесь за столъ, вотъ ваше мъсто. Гей, Доминго! развяжи руки этому господину. Теперь позвольте миъ васъ представить доннъ Маринъ Монтесъ, моей женъ, и доннъ Изабеллъ Мендезъ, супругъ моего лучшаго друга и лейтенанта, донъ Родриго Мендезъ, который по прямой линіи нисходить отъ знаменитаго путешественника Фердинанда Мендезъ Пинто, имя котораго вамъ въроятно извъстно.

Какъ только произнесли имя нашего стараго знакомца маіора, потому что это быль никто другой какъ онъ самъ, онъ вскочиль съ своего мъста и съ низкимъ поклономъ передалъ удивленному англичанину стулъ. Дамы слегка кивнули ему головою и ласково улыбнулись; минуту спустя, англійскій лейтенантъ и испанскій ниратъ бесъдовали самымъ дружелюбнымъ образомъ. Расположеніе духа Пипа совершенно измънилось: онъ шутилъ, смъялся, болталь; дамы приняли участіе въ разговоръ, большую часть котораго донъ Родриго Мендезъ взялъ на себя. Когда кончился объдъ, донна Марина, сестра ея и мужъ послъдней, подъ акомпаниментъ гитары пъли разные романсы, такъ что лейтенантъ Бруксъ почти забылъ, гдъ онъ находится и съ какими намъреніями, прибылъ.

Вы не надъялись подобнымъ образомъ провести время, судя по нашему пріему на палубъ, смъясь сказалъ Пипъ своему гостю. А что подълываетъ мой пріятель, Джонъ Броунъ, капитанъ Ажсонъ и Мери. Ха! ха! ха! онъ жаловался на наше обхожденіе съ нимъ, и далъ вамъ всъ примъты и свъдънія, чтобъ отыскать насъ. Я все знаю, отъ меня ничто не скроется. Ха! ха! ха!

- Все это правда, отвъчалъ лейтенантъ.
- Нътъ судна, плавающаго на этихъ моряхъ, о которомъ бы я не имълъ самыхъ подробныхъ свъдъній, и едва ли есть военное судно, гдъ бы не было моего шпіона. Пока теперь вы меня искали по одному направленію, я постарался быть въ другомъ, и былъ занятъ въ Гаванъ. Тамъ я и другъ мой имъли счастіе сочетаться бракомъ съ нашими невъстами. Видишь-ли, между англичанами и мною, нътъ особенной разницы, хотя они носять флагъ Великобританіи. Вы подъ видомъ осмотровъ и призовъ грабите всв націи, подъ какимъ нибудь предлогомъ, а я тоже дълалъ съ вашими судами, чтобъ уравновъсить нъсколько морскую поживу; кто изъ насъ жесточе, это еще вопросъ. Вотъ, съ нами уживаются даже дамы. Видите, онъ женщины съ духомъ, вмъсто того чтобы спокойно остаться дома, онъ предпочли идти съ нами въ море. Что вы объ этомъ думаете, синьоръ лейтенантъ? Мы счастливые люди, не правда ли?
- Конечно, синьоръ, по крайней мъръ, до тъхъ поръ пока вы избъжите иетли, отвъчалъ офицеръ.

Чело Пипа покрылось мрачностью.

— Я могу еще сдълаться вполнъ достойнымъ этого, продолжаль Пипъ, и эти слова могутъ вамъ дорого стопть. Доминго, сведи этого офицера на палубу, и пусть соберутъ его матросовъ.

Приказаніе было немедленно исполнено; едва имъя время поклониться дамамъ, которыя видимо принимали участіе въ судьбъ его, лейтенанть нашель себя опять связаннымъ на палубъ, вмъстъ съ своими земляками. Шлюпка ихъ стояла еще у борта, но безъ парусовъ, веселъ, мачтъ, однимъ словомъ совершенно пустая. Безъ дальнихъ отлагательствъ имъ велъно было спуститься въ катеръ; двъ шлюпки пиратовъ взяли его на буксиръ, направляясь къ выходу въ море.

- Что теперь съ нами будетъ? вскричалъ одинъ Англичанинъ, бездъльники, пожалуй, выведутъ насъ подальше и разстръляютъ.
- Въроятно они бросять насъ, когда мы будемъ въ открытомъ море, и насъ будетъ носить, пока мы не умремъ съ голоду, сказалъ другой.
- Молчать! закричаль офицерь, вы еще на водъ и въ сво-

ей шлюпкъ и не должны отчаяваться. Нашъ корветь вскоръ придеть сюда за нами, и я вполнъ надъюсь, что онъ насъ отыщеть.

Люди замодчали, но съ безпокойствомъ глядъли на пиратовъ, ожидая ежеминутно, что они возьмутся за ружья и однимъ залпомъ покончать съ ними расчеть. Но пираты продолжали грести; прошли лагуны, виъшній проходъ, отошли отъ берега и пошли прямо въ море; они гребли до тъхъ поръ, пока не смотря на то, что привыкли къ климату, совершенно выбились изъ силъ; тогда они бросили буксиръ и съ громкимъ насмъщливымъ хохотомъ отправились назадъ къ берегу, оставляя Англичанъ произволь волнъ. Ихъ ожидали самыя ужасныя мученія, если какое нибудь судно скоро не придеть къ нимъ на помощь, нъсколько времени даже самые смълые предавались отчаннію, пока голосъ начальника не пробудилъ ихъ. Одно только слово, и они опять оживились; онъ напомниль имъ, что они все еще имъютъ средства подвигать свою шлюпку; пираты забыли вынуть банки и внутреннюю общивку, не отобрали у нихъ платья, и даже у многихъ ножи висъли еще на ремешкахъ вокругъ шен. Слъдуя приказаніямъ своего лейтенанта, матросы отобрали обшивку и сдълали мачту, конечно, не очень здоровую, но достаточную для паруса. Сшили вмъстъ рубашки всъхъ, и вышелъ парусъ; изъ ремней и веревокъ, которыя могли отыскать, силели снасти для укръпленія мачты. Остальныя доски и банки пошли на руль и весла. Всъ эти приготовленія заняли у нихъ время до темноты, когда они уже не боялись пускаться въ дорогу, зная, что пираты не могуть ихъ видъть. Они пошли по тому направлению, по которому ношель корветь, когда оставиль ихъ: къ счастно вътеръ быль попутный; подъ парусомъ и дъйствуя въ одно время веслами, они къ разсвъту пробъжали нъсколько миль вдоль берега, они боялись слишкомъ близко подходить къ нему, онасаясь что другая какая нибудь шайка можеть ихъ увидъть; они внимательно присматривали за своимъ судномъ, надъясь, что оно ихъ ищетъ. Напрасно однакожъ они продолжали грести подъ налящими лучами тронического солица, не имъя ни одной капли воды для утоленія жажды, ни одинъ парусь не пятналь гладкой поверхности обширнаго океана.

Люди начали одинъ послъ другаго падать отъ изнеможенія; офицеръ старался поддерживать духъ ихъ утъщительными сло48 Смпьсь.

вами, и становился на весла по очереди съ другими. Но и онъ почувствовалъ, что начинаетъ ослабъвать. Вдругъ къ вечеру, когда онъ страждущими глазами окинулъ горизонтъ, они встрътились вдали съ бълыми парусами. Онъ тотчасъ измънилъ курсъ румба на два, чтобъ идти навстръчу; но было мало надежды, что ихъ увидятъ во время ночной темноты; да наконецъ и самое судно могло оказаться не тъмъ, котораго они искали.

Страшно было время ожиданія; солнце зашло и темнота быстро распространилась по всему морю, а судно было еще далеко. Вскорт мракъ совершенно скрылъ его отъглазъ ихъ. Когда они его увидъли въ послъдній разъ, оно, сколько они могли судить, шло прямо на нихъ, лъвымъ галсомъ, въ бейдевиндъ; но малъйшая перемъна въ вътръ могла принудить судно поворотить, и тогда оно навърно пройдетъ мимо ихъ.

Вътеръ былъ такъ слабъ, что шлюпка и судно мало подвигались впередъ, и такимъ образомъ безпокойство ихъ еще продлилось. Наконецъ къ великой ихъ радости, луна вышла изъ-за горизонта, и освътила бълые паруса судна, находящагося отъ нихъ на полмили. Несчастные стали кричать, какъ будто ихъ можно было услышать на такомъ разстояніи. Судно подходило ближе; они опять крикнули, имъ отвъчали. Они долъе не могли сомнъваться: это быль корветъ, и въ самомъ дълъ, черезъ нъсколько минутъ они были на палубъ, принимая поздравленія сослуживцевъ въ скоромъ избавленіи.

Какъ только капитанъ Гескетсъ получилъ отчетъ отъ своего лейтенанта, онъ ръшился немедленно на шлюпкахъ атаковать пирата. Кстати засвъжълъ вътеръ, и до разсвъта Си-гуль былъ на траверсъ лагуна, гдъ былъ спрятанъ Пипъ. Корветъ по возможности подощелъ ближе къ берегу, тогда наскоро вооружили всъ шлюпки, которыя подъ предводительствомъ лейтенанта Брукса отправились въ лагунъ. Не взирая на свою усталость, онъ непремънно захотълъ вести самъ экспедицію.

Въ глубокомъ молчанін шлюнки прощли внъшній проходъ, лагунъ, и вошли во внутреннюю бухту. Они уже надъялись черезъ нъсколько минутъ сойтись съ непріятелемъ, осторожно обогнувъ мысъ, но шкуны нигдъ не было видно. Они прогребли до конца залива, но ни одинъ звукъ не прерывалъ тишины, ни одинъ знакъ не изобличалъ присутствія пиратовъ.

 Онъ върно перешелъ куда нибудь недалеко, и мы еще найдемъ его, сказалъ лейтенантъ Бруксъ.

Въ слъдствіе этого шлюнки пошли вокругъ лагуна, заходя во всъ заливчики и бухты; солнце уже высоко поднялось, а они еще и половины не обошли. Они на нъсколько времени остановились, чтобъ освъжить людей, и потомъ продолжали свой поискъ, но напрасно: не было видно ни Пипа, ни судна его.

Пипъ не былъ такъ простъ, чтобъ дать себя изловить англичанамъ, такъ какъ они надъялись. Какъ только шлюпка съ плънными исчезла изъ виду, онъ приказалъ сниматься съ якоря, и прибуксироваль шкуну къ выходу въ море, а когда стемнъло, онъ вступиль подъ паруса и пошелъ къ югу, между тъмъ какъ англичане, на шлюнкъ, по его расчету, искали свой корветъ въ противуположной сторонъ. Такимъ образомъ онъ легко ущелъ, не замъченный ни къмъ; и какъ онъ назначилъ рандеву въ лагунь, находящемся болье къ югу, чтобъ сбыть остальной грузъ свой, до возвращенія въ Гаванну, онъ туда и отправился. Ожидаемыя суда прибыли съ нимъ въ одно время, и давъ ему золото въ замънъ его товаровъ, опять ушли въ море. Пипу слъдовало бы сдълать тоже самое, но Донна Марина была нездорова, или лучше сказать не желала въ этотъ день идти въ море, а Доннъ Изабеллъ хотълость провести еще нъсколько времени въ романическомъ мъстоположении, гдъ скрывалась шкуна.

Вечеръ былъ прекрасный, дневной жаръ умърился легкимъ морскимъ вътеркомъ; высокія, граціозныя деревья, позади которыхъ только что закатилось солнце, оттънялись на гладкой водъ узкаго залива, изъ нъдръ котораго ежеминутпо выскакивали рыбы. Объ дамы сидъли на палубъ; звуки гитары сопровождали ихъ сладкіе голоса; мужья сидъли у ногъ ихъ, любуясь красотою своихъ подругъ и восхищаясь очаровательною мелодіей.

Пираты, окончивъ дневныя работы, отдыхали; одни спали, другіе играли въ карты, нъкоторые убивали время разсказами о былыхъ происшествіяхъ,—любимое занятіе моряковъ всъхъ временъ и всъхъ націй. Дисциплина съ нъкотораго времени очень ослабла на пиратскомъ суднъ, надобно было полагать, что дамы коснулись до этого дъла. Какъ всегда, на салингъ былъ часовой, который наблюдалъ за входомъ въ море; онъ на время оставилъ свой постъ, но возвратившись туда, встревожилъ всъхъ находящихся на палубъ крикомъ:

WAS SEED APPOINTED FROM THE

50 Смпсь.

- Пять шлюпокъ гребутъ по заливу; у всъхъ развъвается англійскій кормовой флагъ.
- Къ оружію! Къ оружію! закричали пираты и бросились къ своимъ мъстамъ, проворно заряжая и выдвигая за бортъ пушки.
- Спустите шлюпку и свезите дамъ на берегъ, сказалъ тихо Пипъ своему лейтенанту: мы не должны подвергать ихъ опасностямъ, ожидающимъ насъ.

Приказаніе было немедленно исполнено, не смотря на возраженія и мольбы Донны Марины, которая не хотъла покидать своего мужа.

— Кто быль часовымь на салингъ? вскрикнуль грозно Пипъ, поди сюда! Ты не во-время объявиль о приближеніи шлюпокъ. Если насъ побъдять, мы будемь обязаны этимъ твоей небрежности. Получи свою награду. Говоря это, онъ приподняль дуло своего пистолета, и матросъ упаль мертвый на палубу. Пусть этотъ примъръ послужитъ вамъ предостереженіемъ, продолжаль онъ, обращаясь къ матросамъ: мы не должны шутить, потому что, будьте въ томъ увърены, мы не можемъ ожидать милосердія отъ нашихъ непріятелей.

Къ этому времени шлюпки подошли довольно близко. «Пали!» скомандоваль пирать, и залиъ съ цълаго борта посыпался на шлюпки. Желъзный дождь не остановиль ихъ однакожъ ни на минуту, и люди съ громкими криками сильнъе налегли на весла. Много англичанъ было убито и ранено, и нъсколько ядеръ пробили борты шлюпокъ; не смотря на это, въ одно мгновеніе они пристали одна съ носу, другая съ кормы, и англійскіе матросы со всъхъ сторонъ пользли на шкуну. Пираты поняли, что ихъ ожидаетъ, узнавая между нападающими нъсколькихъ изъ бывшихъ нихъ недавно въ плъну. Бой быль жестокій; испанцы дрались

съ остервенениемъ, но были наконецъ принуждены уступить; много было убитыхъ, нъкоторые согнаны на низъ, а большая часть выскочила въ воду, чтобы вплавь достигнуть берега; англичане хотъли за ними погнаться на шлюпкахъ, но залиъ такъ хорошо выполнилъ свое дъло, что всъ онъ оказались наполненными водою.

Недавніе плънники пиратовъ дрались свиръпъе всъхъ, они хотъли отмстить за претерпънныя ими оскорбленія; многіе пираты, вышлывая на берегъ, были настигнуты пулями англичанъ. Но что сдълалось съ Пипомъ, никто не могъ сказать, онъ или

убъжаль на берегь, или быль убить, пока плыль въ водъ. Пустое судно съ двънадцатью плънными испанцами осталось добычей побъдителей. Когда течи въ шлюпкахъ были задъланы и вода изъ нихъ выкачена, ихъ отправили на берегъ, оставивъ на шкунъ нъсколько человъкъ. Прибывши къ берегу, матросы разошлись во всъ стороны, но не нашли никакихъ слъдовъ пиратовъ, и принуждены были ни съ чъмъ возвратиться на призъ. Шкуну благополучно вывели; плъненныхъ пиратовъ судили и повъсили.

Нъколько льтъ спустя, лейтенантъ Бруксъ, тогда уже командиръ корабля, былъ отряженъ въ прекрасную гавань Гаванны. Пока онъ тамъ стоялъ на якоръ, одинъ англійскій негоціантъ пригласилъ его сдълать маленькую поъздку во внутрь острова. Первую ночь онъ останавливался въ домъ негоціанта, на другую въ роскошномъ жилицъ, принадлежавшемъ одному изъ самыхъ богатыхъ людей колоніи.

- Онъ ведетъ довольно обширную торговлю, замътилъ негоціантъ. У него прелестнъйшая жена, очаровательная невъстка, а самъ онъ одинъ изъ самыхъ гостепріимныхъ людей, которыхъ я знаю.
- Ну, такъ сдълаемте ему визитъ, сказалъ капитанъ Бруксъ. Оба гостя были введены въ богатую гостиную, съ гладко полированными полами и множествомъ зеркалъ; они могли различить только эти предметы, потому что комната была завъщана густыми сторами, для предохраненія отъ дневнаго жарв.

Владълецъ дома, видный собою мужчина, среднихъ лътъ, принялъ ихъ очень въжливо.

 Позвольте мнъ васъ представить супругъ моей Доннъ Маринъ Монтесъ, и моей невъсткъ Доннъ Изабеллъ Мендезъ Пинто.

Дамы отвъчали очень мило. Капитану Бруксу казалось, что онъ узнаетъ голосъ хозяина. Наконецъ слуги внесли около дюжины восковыхъ свъчей; капитанъ Бруксъ внимательно всмотрълся въ лице хозяина.

- Пипъ, Пиратъ! воскликнулъ онъ почти невольно.
- Онъ самый и есть! отвъчаль ему Пипъ, и очень счастливъ, что видитъ снова у себя въ гостяхъ синьора Брукса. Ха! ха! ха!

Капитанъ Бруксъ, не смотря на свою британскую гордость и униженіе, которое вынесъ въ плъну у пирата, не побрезгалъ провести вечеръ въ домъ богатаго плантатора Донъ Жозе Лонтесъ, сі-devant пирата Пипа.

Посль веселаго ужина, когда гость и хозяинъ остались одни за доброю бутылкой вина и душистой регаліей, Бруксъ спросиль:

- Но скажите, куда вы ускользнули, когда мы васъ захватили въ расплохъ?
- Я вамъ уже сказаль, отвъчалъ смъясь Пипъ, кошка съъстъ мышку, но надо ее сперва поймать...
- Но кажется мы ее ловко накрыли...
- Ловко-то ловко, но вы забыли, что у мышки всегда есть норка, куда ни какая кошка лапки не просунеть.

manusus Pransista govina emigricitar anche esperante inche inche espera

Не смотря однакожъ на замысловатый афоризмъ допа Пипа, онъ таки попался въ дапки кошки. Потерявъ все состояніе въ неудачной спекуляціи въ Санъ-Франциско, онъ опять было принялся за прежнее ремесло, но былъ схваченъ испанскимъ кораблемъ и на гротъ-мачтъ его нашелъ достойную награду за всъ свои прежніе подвиги.

sover lingua examinación examer termentario a con como a

vene infinite into es escapados ar~~xonas saxos~~ e a somilos intravacamentos

rois, jordio all'obus surres aresonalli lebende e eviden erisano, eri Preproise de romantur volve l'anarones (l'évase, lesasones de l'especiales

u Vnurkoste, novocob maneou sprazany v grgana, to notopravate moseou noveb, ou tomo forever pravatene Tons, Mass. Mose. Tons

- Henry Through the constraint as one stored there are a

on by lanc you mile.

market Outromer, altro-minoral analysis after memory and recent

- 144 . The state of the manner of the state of the state

историческій очеркъ

Property of the second

then energy represents a first a part of the constraint of a appear of a the total from the first of a constraint of the constraint of the

requests your out and this mer three but by the treet, but between the

ГРЕЧЕСКИХЪ И ГЕНУЭЗСКИХЪ ПОСЕЛЕНІЙ,

de l'origination de la company de la company

BENEFACE IN THE WAY WHEN Y MAKE A SECTION SECTION

ВЪ НАГОРНОЙ ЧАСТИ КРЫМА.

The extraction of the contract of the contract

Когда именно нагорная часть Таврическаго полуострова сдъдалась извъстною предпримчивымъ дътямъ Эллады, и при какихъ обстоятельствахъ завели они здъсь поселенія свои, на это ни у одного изъ историковъ греческихъ прямыхъ указаній мы не находимъ. Несомнънно между тъмъ, что Греки обитали на полуденномъ берегу Крыма еще за нъсколько въковъ до Р. Х. По сказаніямъ нъкоторыхъ древнихъ писателей, Аргонавты, отправившись изъ Өракіи и направляясь къ Понту, пристали къ берегамъ Тавриды. Здъсь они едва успъли спастись отъ грозной богини Діаны, которой, по свидътельствамъ Геродота и Страбона, обитавшіе въ нагорной части Таврическаго полуострова, Тавры, а потомъ Тавро-Скием приносили въ жертву пристававшихъ къ ихъ берегамъ мороходцевъ.

Новъйшіе историки полагають, что храмъ Діаны Таврической находился не вдалекь отъ нынъшняго Севастополя, на мъстъ,

54 Смъсь.

гдъ теперь Геориевский монастырь. Въ этомъ-то храмъ была жрицею Ифигенія, едва не принесшая въ жертву своей богинъ брата своего Ореста, которому также воздвигнутъ былъ потомъ храмъ на скалъ, противоположной храму Діаны. Но въ какой степени достовърны эти поэтическіе разсказы, объ этомъ нельзя ничего сказать ръшительнаго, и нельзя, слъдовательно, утверждать, была ли знакома Грекамъ, въ такую отдаленную эпоху, гористая часть Тавриды? Къ тому же и древніе географы имъли объ этой странъ самое неясное и сбивчивое понятіе.

Но съ достовърностью допустить можно, что население южнаго берега Крыма Греками современно съ неудачнымъ походомъ персидскаго царя Дарія противъ Скибовъ, случившимся въ 514 г. до нашего льтосчисленія. Морскія силы Дарія составляли, большею частію, малоазійскіе Греки. Осмотръвъ хорошо берега Чернаго моря, многіе изъ нихъ, спустя нъсколько льтъ послъ похода, явились снова у этихъ береговъ и поселились въ мъстахъ, которыя казались имъ болье удобными.

Такъ основаны были три главныя греческія колоніи въ Тавридъ: Херсонъ или Херсонесъ Ираклейскій, слъды развалинъ котораго существують и понынь близь Севастополя; Понтикапея, основанная не на самомъ полуостровъ, а у входа въ Босфоръ Таврическій (гдъ нынъшняя Керчь), и названная потомъ Босфоромъ, сдълавшимся столицею босфорскаго царства. Исторія этихъ двухъ колоній, прекрасно разработанная въ послъднее время, болъе или менъе извъстна, и я касаюсь ея здъсь на столько, на сколько она находится въ связи съ исторією древнихъ поселеній греческихъ, существовавшихъ собственно на южномъ берегу Крыма. Третья колонія Грековъ, основанная почти въ одно время съ Херсонесомъ и Понтиканеей, была Оеодосія. Она стояла на мъсть, гдъ существоваль торговый городъ и у дикихъ Тавровъ, откуда они ходили даже въ Индію, по свидътельству Геродота. Городъ этотъ именовался Ардаида, (Αοδά ίδα) *, что значило, на языкъ Тавровъ, семь боговъ. Эта послъдняя колонія вскоръ сдълалась цвътущею и богатою по торговлъ своей, и соперничала съ двумя первыми колоніями. Страбонъ, говоря о Өеодосіи, описываетъ ее такъ: «Окрестности Өеодосіи чрезвычайно хлъбородны: посъянный хлъбъ родится

^{* «}Досуги крымскаго судьи или второе путешествіе въ Тавриду» Павла Сумарокова. Спб. 1805 года, ч. ІІ, стр. 77.

тамъ самъ-тридцать; обширная гавань ея можетъ помъстить до ста кораблей». А Демосфенъ въ одной ръчи своей говоритъ, что во время бывшаго въ Аттикъ голода, изъ одной Феодосіи прислано хлъба болье, нежели отъ всъхъ прочихъ городовъ; это случилось въ концъ IV въка до Р. Х., когда Феодосійскій портъ, для судовъ всъхъ націй и объявившій его свободнымъ. Онъ отправиль въ Афины, во время голода, до 400 т. четвертей хлъба на нашу мъру, за что Афиняне его и дътей его признали гражданами афинскими.

Өеодосія, вмъсть съ другими поселеніями, заключавшимися на пространствъ между нею и Херсономъ, служили предъломъ владъній послъдняго, и сама часто состояла въ зависимости то отъ Херсонеса, то отъ Босфора.

Но, говоря объ этихъ трехъ эллинскихъ колоніяхъ въ Крыму, упоминая, что Херсонцы распространили власть свою на всю нагорную часть полуострова, - ни одинъ изъ древнихъ писателей не объясняеть, въ чемъ собственно заключались эти владънія Херсонцевъ. Были ли это города, или только селенія? и если это были города, то въ какихъ именно мъстахъ были основаны и какъ они назывались? Хотя, принимая во вниманіе и то обстоятельство, что некоторымъ изъ древнихъ географовъ были извъстны многія мъста южнаго Крыма съ чисто греческими названіями, каковы Лагира, Авинеонъ (Судакъ), Симболонъ (Балаклава), Лампась (теперешніе Кучукь и Біюкь Ламбать), который Скимит хіосскій, писатель перваго въка до Р. Х., называеть городомъ, наконецъ греческія названія многихъ горъ, мысовъ и проч. Трапезосъ-Чатырдагъ, Кріонметопонъ-мысъ на Аю-дагъ, Тазусъ-мысъ Ай-тодоръ, -соображая все это, говорю, нельзя не допустить, что гористая часть Тавриды уже во времена Херсонеса Ираклейскаго была заселена греками. И этито поселенцы состояли, въроятно, въ зависимости отъ Херсона, потому что во времена римскихъ императоровъ, историки говорять уже прямо, что Херсонцамъ принадлежала вся южная часть Крыма даже до Босфора.

Въ послъдующихъ въкахъ, во времена христіанства, византійскіе историки уже упоминаютъ о сорока поселеніяхъ на южномъ берегу и нъкоторыхъ большихъ городахъ, называя только одинъ изъ послъднихъ Сугдайсю, и именуютъ эти поселенія замками, кръпостями — castra ton climaton или просто climata. Изъ

европейскихъ же писателей среднихъ въковъ, одинь только францисканскій монахъ Рюбрюквисъ * говоритъ, что между Херсономъ и Судакомъ было около сорока замковъ: «sunt quadraginta castella inter Kersonam et Soldaiam». Это-то и есть рядъ тъхъ укръпленій, систематически расположенныхъ, какъ это доказано теперь **, слъды которыхъ мы видимъ еще и понынъ на всемъ протяженіи южнаго берега Крыма и по всей нагорной части его.

Трудно опредълить время построенія этихъ кръпостей. Строптелями ихъ полагають обыкновенно византійскихъ императоровъ, къ которымъ, по раздълъ имперіи, перешла и Таврида, какъ болъе близкая къ Константинополю; а начало построенія ихъ относять къ VI въку, ко времени царствованія Юстиніана І-го, на томъ основаніи, что Проконій, византійскій писатель VI въка, сохранилъ извъстіе, что этотъ императоръ возстановиль стъны Херсона и Босфора, построилъ замокъ Алустонъ (нынъшняя Алушта) и замокъ въ округъ Горзувитской, (теперешній Гурзуфъ). Но можно предположить, что замки эти стали строиться гораздо прежде Юстиніана, даже, можеть быть, только подновлялись греками-христіанами или ставились на мъстахъ, гдъ были кръпости и у грековъ-язычниковъ; поо нельзя полагать, чтобы ть не защищали такъ же себя отъ съверныхъ варваровъ. Это особенно можно сказать объ укръпленіяхъ Судака, Балаклавы и др., потомъ поддерживаемыхъ и разширяемыхъ генуэзцами; подобно имъ, въроятно, поступали и византійцы. Такъ, римляне, покоривъ Египетъ, большею частію не разрушали древнихъ египетскихъ построекъ, а ставили на нихъ свои сооруженія.

Если же мы не находимъ теперь никакихъ памятниковъ временъ язычества на южномъ берегу, то это, въроятно, оттого, что здъсь, какъ и вездъ, ревностные поборники христіанства старались уничтожать все, что только носило на себъ признаки язычества, особенно изображенія, статуи боговъ языческихъ и т. и.; а извъстно, что Таврида озарена свътомъ Евангельскимъ очень рано, еще въ первомъ въкъ ***; въ концъ 3-го и въ началъ 4-го,

^{*} Guillaume de Rubruquis, отправленный въ 1253 году королемъ французскимъ, Лудовикомъ IX, въ качествъ посла изъ Сиріи къ татарскому хану.

^{**} Крымскій Сборникъ Кеппена. Спб. 1837, стр. 45.

^{***} Изъ житія св. Климента, епископа римскаго и ученика Апостола Петра видно, что онъ быль изгнань императоромь Трояномь въ Херсонесь, въ концъ 1 въка и осужденъ быль тамь на работу въ каменоломияхъ. Святостью своей жиз-

въ ней основаны были уже епархіи Херсонская, Босфорская и Готоская. Къ тому же, южный берегъ Крыма, въ отношеніи разысканія древностей,—поле, еще не тронутое.

Цълью вськъ этихъ построеній было огражденіе стоявшихъ по берегу населеній греческихъ отъ нападеній съ съвера дикихъ народовъ, нахлынувшихъ, въ страшномъ количествъ, въ началъ среднихъ въковъ, изъ средней Азіи на Европу. Народы эти смьнялись один другими, и ръдкіе изъ нихъ оставляли въ покоъ греческихъ поселенцевъ въ Тавридъ, лежавшей имъ на пути изъ Азіи. Начиная съ Готоовъ, часть которыхъ поселилась въ гористой сторонъ полуострова и дала даже название ей Готой * до Гунновъ, Козаръ (по имени коихъ Генуэзцы такъ же называли Крымъ Казаріей), Печенеговъ, Половцевъ и наконецъ Татаръ, всъ эти народы или селились временно на полуостровъ, или безпокоили жителей постоянными набыгами, и ты должны были отплачиваться ежегодною данью. Такую дань платили Козарамъ, Печенегамъ, Половцамъ, а потомъ Татарамъ всъ греческіе поселенцы въ Крыму, не исключая Херсонцевъ Босфорцевъ. Сами императоры Византійскіе, часто только золотомъ откунаясь отъ нападеній этихъ народовъ, не могли быть надежными защитниками своихъ подданныхъ, обитавшихъ въ Тавридъ и находившихся, какъ кажется, въ очень слабой зависимости отъ Византін; звъно, болъе всего связывавшее ихъ съ нею, была только одна религія.

И когда имперія греческая, разстроенная политически и раздорами внутренними, и нападеніями дикихъ народовъ, и наконецъ, въ слъдствіе завоеванія Царяграда крестоносцами, стала распадаться на части, владънія Византійскія въ Крыму подчинились незначительнымъ мъстнымъ князьямъ, Топархамъ, происходившимъ, въроятно, отъ царской крови, или родственникамъ императоровъ. Въроятность этого предположенія основывается на словахъ византійскаго писателя Дука, который говоритъ, что императоръ

ни онь пріобръль расположеніе жителей и обратиль въ христіанство весь этоть округь. Троянь, узнавши объ этомь, велъль его сбросить въ море, а христіане потомъ обръли его мощи, сохранявшіеся въ Херсонъ до половины ІХ в.

* Готоїей названь южный берегь Крыма оть Судака до Балаклавы, въ договоръ 1380 года Генуэзцевъ съ Татарами, по которому эта Готоїя уступлена была великой общинъ de la grando comun (Генуъ), со всъми поселеніями и народомь, и землями, и водами, и отдълена была вовсе отъ владъній ханскихъ. Крымск. Сборн. стр. 84.

58 Смъсь.

Эммануиль Палеологь даль во владъніе сыну своему Константину страны, граничившія съ Казарією, а Тунманъ, писатель прошлаго въка, говоря о Крымъ, утверждаетъ, что однимъ изъ владъльцевъ, (Fürsten), города Өеодори, называвшагося потомъ Инкерманомъ, (развалины коего и теперь видны близъ Севастополя), былъ послъдній византійскій императоръ, до своего воцаренія. Италіянскіе историки такъ же сохранили извъстіє объ одномъ изъ греческихъ князей города Өеодори, называя его Алексіємъ (Alixius graecus, Thodori dominus). Этотъ Алексій, въ 1433 году уже отнялъ у Генуэзцевъ Ямболи (Балаклаву), которою они завладъли вмъстъ съ покореніемъ всего южнаго берега и переименовали въ Чембало (Cembalo). Балаклава была необходима для Генуэзцевъ, какъ пристань спокойная и глубокая, гдъ корабли находили себъ всегда върное убъжище.

Подъ властію такого-то независимаго топарха находилась и Сугдаія, (переименованная Геруэзцами въ Солдаїю, а Татарами въ Судакъ), какъ одно изъ важнъйшихъ владъній греческихъ на южномъ берегу Крыма. Вотъ что Тунманъ говоритъ о ней: «Около XI въка городъ Сугдаія или Солдая, что нынъ Судакъ, вошелъ въ такую славу, что греческія владънія въ Крыму получили отъ него названіе Сугдіи, Сугдаіи и Солданіи. По 1204 годъ они постоянно признавали надъ собою владычество Византійской Имперіи, но въ это время сдълались независимыми; они или сами избирали правителей, или подпали подъ власть особыхъ князей.

Сугдаія основана была еще Греками язычниками, и географъ Птоломей называеть ее Лагирою; у нъкоторыхъ же изъ Перипловъ Понта Эвксинскаго она называется Лоипеонъ; нельзя ли предположить, по этому, что здъсь находился храмъ Минервы, (Аоины), или что городъ имълъ покровительницею эту богиню?—Еще съ ІІІ въка Сугдаія показывается византійскими писателями подвластною грекамъ; въ послъдствіи она имъла своего епископа, поставлявшагося обыкновенно Константинопольскимъ патріархомъ; округъ ся, какъ видно изъ одного договора Генуэзцевъ съ Татарами, заключался въ 18-ти селеніяхъ.

Расположенная у подошвы горы, на берегу моря съ прекрасною гаванью, Сугдаія сдълалась цвътущимъ по торговлъ городомъ и считалась второю послъ Кафы генуэзской. Монахъ Рюбрюквисъ, о которомъ сказано выше, прибывъ въ Крымъ въ 1253 году, вышелъ здъсь на берегъ. Онъ говоритъ, что чрезъ Сугдаїю шли не только всъ купцы, отправлявшіеся изъ Турціи на съверъ, но и русскіе купцы, торговавшіе съ востокомъ *. Судакъ, какъ городъ торговый и многолюдный, извъстенъ быль и восточнымъ писателямъ ХШ в. а русскіе именовали его Сурожемъ. Въ описаніи путешествія митрополита Пимена въ 1389 г. въ Константинополь сказано: «Въ шестьй же день въ субботу минухомъ Кафинскій Лименъ и Сурожъ.» У Карамзина такъ же ** говорится, что русскіе, покупая соль въ Тавридъ, привозили въ Сурожъ или Судакъ, богатый и цвътущій, горностаевые и другіе мъха драгоцънные, чтобы обмънивать ихъ у купцовъ восточныхъ на бумажныя, шелковыя ткани и пряные коренья.

Въ Судакъ находилось много монастырей и церквей греческихъ; при этихъ церквахъ устроены были жилища духовныхъ лицъ. Такъ Рюбрюквисъ, во время своего пребыванія въ Судакъ, помъщался въ зданіяхъ при египетскомъ храмъ. Но извъстіе Мартина Броневскаго, секретаря польскаго короля Сигизмунда Августа, (бывшаго посломъ у татаръ въ 1788 году), находящееся въ его «Описаніи церквей», о томъ, что въ Сугдаїъ находилось церквей а liquot centeва», конечно, слишкомъ преувеличено. Тотъ же Броневскій говорить еще, что въ его время судакскіе виноградники и фруктовые сады простирались на двъ мили и болъе, и что тамъ добывалось лучшее крымское вино.

Когда Генуэзцы основали въ Крыму свою славную Кафу и сдълались властителями торговли на Черномъ и Азовскомъ моряхъ, они не могли смотръть равнодушно на Судакъ, который одинъ могъ соперничать съ ихъ Кафою въ торговлъ съ востокомъ, и потому рано или поздно онъ долженъ былъ сдълаться ихъ добычею.

Большая часть итальянских историковь, писавшихь о генуэзской республикь, основаніе Кафы относять къ 1266 году. Генуя «La supreba Genova», пышпая, какъ ее называли встарину, не усиввь, подобно Венеціи, получить и себъ долю изъ раздробленной крестоносцами Византійской Имперіи, стала съ завистью смотръть на быстрое увеличеніе владъній и торговли своей въ-

Туть же въ 1260 г. пристали къ берегу и венеціянскіе купцы Николай и Матеей Поло.

^{..} Т. Ш. Ист. Государ. Россійск. стр. 205.

60 Cance.

ковой соперницы, ибо «гордая царица Адріатики,» послъ перваго крестоваго похода, въ которомъ она приняла участіе съ однимъ только намъреніемъ поработить Византію, владъла Далмацією, многими островами Архипелага, Мореей, островами Кипромъ и Кандіей.

Завладъвъ послъднимъ островомъ, Венеція открыла себъ путь въ Черное море, и вскоръ на водахъ Чернаго и Азовскаго морей появились корабли ея. Венеціяне стали посъщать крымекіе порты, и на развалинахъ древне-греческаго поселенія Таниса основали прославившуюся потомъ свою торговую Тану, у нынъшняго Азова, которая сдълалась складочнымъ мъстомъ товаровъ и главнымъ пунктомъ для торговли ихъ со всъмъ востокомъ.

Генуэзцы силились всъми средствами воспренятствовать своей опасной соперницъ въ этомъ могуществъ ся на моряхъ, и съ этою цълію они помогли Михаилу Палеологу взойти на Византійскій престоль, отнятый у его рода латинянами, которымъ нокровительствовала Венеція. Новый императоръ, въ благодарность даль генуэзцамъ большія торговыя преимущества во всъхъ Византійскихъ владъніяхъ, какъ-то: право свободнаго плаванія по Черному морю, воспретивъ это венеціянамъ и другимъ купцамъ Италіи и даже уступиль имъ Цареградскія предмъстія Перу и Галату, для основанія постояннаго ихъ пребыванія на берегу Босфора. «La navigatione nel. mare Nero sara sempre aperta a genovesi, sempre interdetta agli altri popoli», сказано въ договоръ, заключенномъ по этому случаю генуэзцами съ императоромъ.

Обладая этимъ пунктомъ, генуэзцы стали полными властителями Чернаго моря. Для совершеннаго же уничтоженія приморской торговли венеціянъ, они вознамърились завести торговыя поселенія свои въ Крыму, подпавшемъ еще въ началъ XIII въка подъ власть татаръ. Они купили у Хана Саранъ-Тимура, за значительныя деньги, участокъ земли, неподалску отъ мъста, гдъ была древняя Өеодосія, и основали свое славное крымское поселеніе, назвавъ его Кафою (Caffa).

Татары посмънвались вначаль, глядя, какъ генуэзцы устронвали свое поселеніе, и называли труды ихъ «безразсудствомъ иноземцевъ». Но вскоръ Кафа возрасла и строеніями, и населеніемъ, и богатствомъ своихъ жителей до того, что генуэзцы стали высокомърны, съ презръніемъ начали обращаться съ самими татарами и распоряжались въ Крыму какъ у себя дома. Кафа сдълалась центромъ восточной торговли генуэзцевъ *. Сюда приставали корабли изъ Царяграда съ мануфактурными произведеніями; сюда изъ Польши по Диъстру привозили ишеницу, по Диъпру жельзо, пеньку и ленъ. Русскіе купцы чрезъ Кієвъ и Перекопъ доставляли драгоцънные мъха, а горы Кавказскія невольниковъ и невольницъ въ гаремы востока, торгъ постыдный для человъчества, но его не гнушались генуэзскіе купцы, и привлекали тъмъ въ пристань Кафы даже корабли египетскаго султана. Караваны съ богатыми товарами Китая, Тибета, Индіи, Аравіи, чрезъ Астрахань и Тану благополучно доходили въ Кафу къ генуэзцамъ, которые въ замънъ многоцънныхъ произведеній Азіи и Африки отпускали жителямъ востока всъ предметы роскоши и необходимости.

Поселенія Кафы, окруженныя земледъльческими народами, могли свободно снабжать и западъ и востокъ хльбомъ, кожами и другими предметами сельской промышлености, притомъ еще и солью, которая съ изобиліемъ добывается въ Крыму. Съ пшеницею генуэзцы отправляли въ Константинополь шерсть, лисьи и другіе мъха, воскъ, серебро и золото; драгоцънные металлы они добывали на значительныя суммы отъ татаръ, пріобрътавшихъ эти сокровища во время набъговъ своихъ на Россію, Польшу, Литву и другія земли.

Такая обширная торговая двятельность кафянъ, доставлявшая имъ несмътныя богатства, естественно родила въ нихъ желаніе увеличить свои владънія: въ Кафъ имъ стало тъсно, и они вздумали разширить крымскія владънія свои на счетъ своихъ сосъдей, Грековъ, издавна, какъ мы видъли, основавшихъ поселенія свои на южномъ берегу Крыма, отъ Судака до Балаклавы. Въ 1365 году, генуэзцы, по словамъ Броневскаго: «у гордыхъ, сварливыхъ и безпокойныхъ Грековъ» отняли Судакъ, а за нимъ скоро и вся южная часть Крымскаго полуострова сдълалась ихъ добычею.

Всв поселенія генуэзцевъ въ Крыму управлялись посредствомъ консуловъ, т. е. независимыхъ правителей колоній, главнымъ изъ нихъ былъ консулъ въ Кафъ, который имълъ верховную власть въ колоніи, простиравшуюся однако не болъе, какъ на одинъ годъ; кромъ того, онъ долженъ былъ быть избираемъ

^{*} Исторія генуэзскихъ поселеній въ Крыму Николая Мурзакевича. Одесса 1837 стр. 35 и др.

непремънно изъ гражданъ, жительствующихъ въ Генуъ. Кафскіе консулы, по примъру консуловъ римскихъ, имъли у себя родъ ликторовъ, называвшихся тростеносцами (bastonieri); * отдъльные консулы находились въ Солдаїъ и Чембало; въ послъдствіи они подчинены были консулу Кафы.

Смъсь.

Въ духовномъ управленіи, Кафа, со всъми другими поселеніями Генуи на востокъ, подчинена была епископу, жившему обыкновенно въ Кафъ и имъвшему общирнъйшую епархію. Епархія эта учреждена была папою Іоанномъ ХХІІ въ 1318 г., при церкви св. Агнесы. Этотъ храмъ славился своимъ богатствомъ и великолъпіемъ, ибо шестая часть сбора съ мореплавателей посвящена была этой церкви **.

Предълы кафской епархіи простирались отъ Варны, въ Булгаріи, вдоль до Сарая, и отъ моря Чернаго до Русской земли ***. Но основанныя потомъ отдъльныя епископіи въ Солдаїв и Чембало уменьшили ея пространство.

начир, даторын аконовитийтоной жо пексавшего гарьствет опоши-

ови добивали за висите жила буквый ота тачеры, пріобратавника эти сокремника по премя па~~баторы с~~обика на Россио, Польшу,

лима вой вобъемнями больсориль остоорисию родила въ нихъ мелание размину, сион влодения из борь пыв стаю чтоно, и они падаления разлирить прымочи, видажник свои но оботь, сродуь состави Дреговъ, плания, кога на видажи, обнованиям поос-

дила, свиравансь и бединества дрегора, образи Судань, а

Ben noconcula representat de Certay Superantes socied. creases non gases. T. e. necessividants upermened dolohib, indamine upe mas dans concess es lines, accordi dunas sonues

anonquom avido avido amendo, que concers deres deres monganenes

dance like goodwere.

^{*} Истор. Генуэз, посел. въ Крыму стр. 12 и 13.

sone ** Ibidem crp. 24. massall years are thereson are to a got the crall

^{***} Ibid crp. 25.

COÉPEMENHOE.

their party of the contract of the second strategic of the second strategic of

the continue that we is they be purely and the principle of

литература: Гильомъ Кокильяръ, поэтъ XV стольтія.—Народныя англійскія баллады о Робинъ-Гудъ. -- Гафинъ Азербейджани, современный персидскій поэть. --Журналь въ Калифорніи. ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕНОСТИ: Теоріи и факты свъта. - Финикійскія древности (изт письма путешественника Мельхіора Воге). — Новая порода шелковичнаго червя. — Премія за върное средство противь уолеры. — Горная бользиь. — Статистика народонаселенія въ Соединенныхъ Итатахъ. театры, музыка, искусства. Сцены и очерки парижской театральной жизни (статья вторая). — Араматическія произведенія Басковъ. Анекдоты, ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАН, НОВОСТИ: Восковое насъкомое въ Китав. -- Пожаръ въ Салонь. - Зажигательныя спички. - Продолжительность жизни. - Мельбурнскій университеть. - Афоризмы писателей, исчислявшихъ недостатки женщинъ. - Переселенія изъ Бадена. - Огонь и міазмы. - Восхожденіе на Геклу. - Китайская ярмарка (изт писемт путешественника Форчона). - Тюфяки и матрацы изъ папоротника. -- Бълый предводитель между неграми. -- Астрономическое событие въ 1855 году. ПУТЕШЕСТВІЯ И СЦЕНЫ НРАВОВЪ: НЪСКОЛЬКО СЛОВЪ О ЖИТЕЛЯХЪ ТИбета.-Второе кругосвътное путешествіе Иды Пфейферь, МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И ПОВЪСТИ: Юнга Командора.

Амия по повети и в Т. ЛИТЕРАТУРА.

Тильомъ Кокильяръ, поэтъ ху стольтия.—Въ исторіи нѣтъ эпохи болѣе странной и болѣе горестной какъ та, которую представляютъ намъ лѣтописцы средняго сословія Франціи, въ первой половинѣ XV вѣка. Каждая страница ихъ полна описаніемъ несчастій, и всѣ эти жалобы высказываются въ страдальческомъ восклицаніи одного изъ нихъ: «Несчастна та земля, въ которой нѣтъ короля!» Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ заключалось все зло этого вѣка.

Одинъ Итальянецъ, Фачіо дельи Уберти, ученикъ Данте, путешествовалъ по Франціи въ эту эпоху, и описываетъ въ своей поэмъ
Ditto mondo картину, испугавшую его. «Вся страна выгоръла, шпрокія
дороги превратились въ тропинки, въ садахъ не было плодовъ, на поляхъ хлѣба. Искатели приключеній, отправившіеся въ иностранныя
земли, разсказывали, наводя страхъ на своихъ слушателей, что не
оставалось ни одного неповрежденнаго дома отъ Пикардіи до Германіи, и что трава и верескъ, поросшіє вездѣ, придавали каждой провинціи видъ огромнаго лѣса, откуда выбѣгали дикіе звѣри и нападали
на людей. Франція изнемогала въ тройной пыткѣ: войны, язвы и голода, поразившихъ въ одно и то же время несчастный народъ. Такимъ
образомъ французскіе лѣтописцы передавали сосъднимъ народамъ страшныя исторіи, въ которыхъ ужасы не уступали сказкамъ о привидѣні—
яхъ и чудовищахъ.

Посреди этихъ развалинъ, на материкъ Франціи, еще было нъсколько уцълъвшихъ уголковъ, гдъ признаки общества и жизни еще сохранились. Это были, такъ называемые, добрые города (les bonnes villes), гдъ жизнь, при прочномъ городскомъ управленіи, казалась почти спокойной, и гдъ народъ, защищенный кръпкими стъпами и искусною политикою общины, предохраненъ былъ отъ непріятелей, и въ особенности отъ покровителей.

При рожденіи Гильома Кокильяра, въ 1421 году, Реймсь изъ всъхъ такихъ городовъ представляль самую полную картину общественной жизни во время общественныхъ бъдствій. Его жители съ большимъ энтузіазмомъ приняли сторону Бургондцевъ, восклицая: да здравствуеть Бургондія!

Реймсъ имълъ при королъ особыхъ посланниковъ, и въ Ліонъ образовалъ совътъ, въ которомъ засъдали депутаты всъхъ городовъ Шампани и Вермандуа, и гдъ Реймсъ игралъ главную роль. Но тъмъ не менъе этотъ городъ долженъ былъ вскоръ узнать, что только единодушіе можетъ спасти Францію отъ пноземнаго владънія, и что господство Бургондцевъ было только предвъстіемъ владычества Англичанъ.

Дъйствительно, Реймсъ вошелъ вскоръ въ составъ англійскихъ владъній. Всъ его жители присягнули на върность англійскому правительству, и Генрихъ V, во время своего проъзда черезъ Реймсъ, былъ принятъ съ энтузіазмомъ народомъ и городскою аристократіею. Народъ приходилъ въ восторгъ отъ его высокаго роста, величественной наружности, смуглаго лица и черныхъ усовъ; онъ видълъ въ глазахъ его что-то веселое, смълое и откровенное.

Такова была обстановка дътства Кокильяра. Сколько разъ ребенку

случалось видъть картины войны подъ самыми стънами города, и жителей въ ужасъ. Толны ремесленниковъ, подъ предводительствомъ старшинъ, вырубали лъса на пол-мили вокругъ города, очищали рвы, задълывали проломы. Самыя животныя прихедили въ смятение. Ворота города затворялись, Десятники (dizainiers) бъгали по всъмъ домамъ и забирали вездъ, для укръпленія стънъ, корзины и наполненные смолою боченки. Нотомъ происходилъ осмотръ военныхъ снарядовъ и вооруженія. Городской начальникъ, въ сопровожденіи священника, осматриваль вс'в трактиры и кварталы, населенные инщими; изъ города изгоняли всъхъ иностранцевъ, бродятъ и праздношатающихся, составлявшихъ самый буйный и непокорный классъ народа. По улицамъ протягивались цъпи. Необходимыя предосторожности и неизбъжныя сомиънія увеличивали тягостное положение. Не оставять ли городъ на произволь солдать, не измънить ли стража, въ върныхъ ли рукахъ ключи города. Только и было разсказовъ, что о разграбленныхъ, проданныхъ и осажденныхъ городахъ.

Когда война стихала, въ сосъднихъ замкахъ оставалось войско, производившее грабежи. Въ то время, какъ всѣ заняты были полевыми работами, грабители приходили на луга къ самому городу и нохищали стада. Сенъ-симфоріенскій колоколъ сзываль народъ; всъ бросались на защиту своихъ имуществъ и прогоняли мародеровъ, посыимъ вслъдъ оскоронтельныя слова и угрозы; но и посреди побъды горожане часто попадали въ засаду, гдъ ихъ убивали безпощадно, а если и щадили самыхъ значительныхъ, то приходилось платить за нихъ огромный выкунъ. Тогда община решалась уничтожать зло въ самомъ корив, и высылала храбрвишихъ осаждать крвности: Moymet, la Folie, Mareuil, Туръ на Марнъ и др. Горожане шли охотно, таща свои огромныя пушки, отъ которыхъ ожидали чудесъ. Эти экспедиціи часто удавались; и Реймскіе мальчишки любовались возвращеніемъ храбрыхъ осаждающихъ, которые вели за собою множество плънныхъ, связанныхъ по-парно, съ веревкою на шет, какъ собакъ, съ которыми ихъ и сравнивали, за зло, нанесенное ими реймской торговлъ. Тъ изъ нихъ, которые были благороднаго происхожденія, несли въ правой рукъ своей обнаженную шпагу, держа ее за средину лезвія, остріємъ къ груди, для означенія людей, сдавшихся на произволь поб'єдителя. Иногда вдругь появлялись на торговой площади огромныя толны людей съ женщинами и дътьми, одни израненные, другіе умирающіе, почти всъ окровавленные и ободранные; женщины, почти нагія, едва могли тащить маленькихъ дътей; мужчины несли жалкіе остатки бъдной мебели; впереди шли монахи съ непокрытой головой, въ лохмотьяхъ. Это

были бъжавшіе жители разграбленныхъ и сожженныхъ городовъ и мъстечекъ. Они оплакивали свои бъдствія, минувшее счастіе, дътей, убитыхъ въ глазахъ отцовъ, дочерей, захваченныхъ неприятелями,— и оставались посреди города, не заботясь о будущемъ, не принимая никакихъ мъръ къ улучшенію своей участи.

Таковы были картины, окружавшія дітство Кокильяра. Біздствія и голодъ явились въ городі, и въ немъ оставалось уже только 1,600 человікь, платящих подати, когда явилась спасительница Франціи— Жанна д'Аркъ.

Тогда въ этомъ городъ разыгралась целая историческая драма, выказавшая наклонности разныхъ сословій, взволновавшая всё интересы, придавая неслыханную деятельность всему, что составляло общину и ея интересы. Жанна д'Аркъ казалась лицемъ легенды и удовлетворяла этимъ всёмъ средневёковымъ стремленіямъ; она овладевала воображеніемъ. Въ простомъ народъ энтузіазмъ боролся съ закоренелымъ предубежденіемъ противъ Арманьяковъ, и, то увеличивался, то уменьшался, подъ вліяніемъ разсказовъ о дёвственницё, сообщаемыхъ приверженцами той или другой партіи.

Наконецъ, 6 іюля 1429 года, въ пятницу, Карлъ VII вступилъ въ Реймсъ, и былъ вънчанъ на царство. Кокильяръ никогда не могъ забыть величественныхъ и богатыхъ одеждъ, показавшихся на улицахъ при въбздъ короля, коней, покрытыхъ до копытъ восточными тканями, мелкомъ и бархатомъ разныхъ цвътовъ, расшитыми и усъянными серебромъ,—вельможъ, украшенныхъ золотыми шарфами, въ бархатныхъ мантіяхъ съ драгоцънными камнями и золотой бахрамой, или общитыхъ собольими и горностаевыми мъхами. У одного изъ нихъ была шпага съ драгоцънными камнями, стоившая двадцать тысячъ экю.

Кокильярь мало воспользовался важною и трогательною стороною средневъковаго воспитанія. Литература представляла тогда очень скучные образцы въ тяжелыхъ аллегоріяхъ Алена Шартье и Христины де Пизанъ, въ длинныхъ, многословныхъ moralités XIV въка, въ «Романъ Пилигрима» (Roman du Pélérin), Гильома Гильвиля, въ Champ vertueux de la Vie, Жана дю Пенъ дю Бурбона, въ Respit de la Mort, Жана Лефевра. Однако же, въ двухъ послъднихъ сочиненіяхъ есть живость изложенія, а въ Жаннъ Лефевръ, сверхъ того, живыя сатиры, имъвшія вліяніе на талантъ Кокильяра.

Проведя первые годы въ Реймсъ, гдъ Кокильяръ учился грамматкъ въ одномъ изъ трехъ лучшихъ тамошнихъ учебныхъ заведеній: des Bons Enfants, des Crenés или de Saint Denis,—онъ отправился въ Парижъ, въ которомъ молодые люди изъ Реймса, обыкновенно, изучали правовъдъніе.

Кокильяръ видълъ, что въ его время литература, болъе чъмъ когда нибудь сдълалась второстепеннымъ развлечениемъ въ минуты досуга, а не постояннымъ занятіемъ цълой жизни. Конечно, Гильомъ Машо поэтъ, родомъ изъ Шампани и секретарь корода Іоанна, при покровительствъ двора, достигъ мъста каноника въ Реймсъ; но эта королевская милость чаще обращалась на людей военныхъ. Въкъ феодализма также проходилъ, и вельможи были самыми слабыми покровителями поэтовъ; Кокпльяръ помнилъ какого труда стоило Дешану получить плащъ отъ герцога Бурбонскаго и лошадь отъ герцога Де-Баръ. Старинныя пословицы присуждали честь безъ денегь литераторамь, и онъ же напротивъ дълзли разныя щедрыя объщанія благородному ремеслу адвокатства; по словамъ этихъ пословицъ: деньги дрожатъ нередъ дверью адвоката, такъ онъ увърены, что попадутъ туда, рано или ноздно; вътеръ никогда не входитъ въ жилище повъреннаго но дъламъ (procureur), потому что тамъ всъ щели заткнуты деньгами. Поэтому Кокильярь возвратился въ Реймсь и сдълался тамъ практикомъ (practicien), т. е. на половину адвокатомъ, на половину новъреннымъ.

Правда, что въ то время въ Реймсъ адвокатъ получалъ не болѣе восьми парижскихъ су за цѣлый процессъ, и нужно было много писать, чтобъ заработать двадцать четыре су; но въ средніе вѣки наклонность къ тяжбамъ была сильна, и процессы Шампани такъ же славились какъ парижская фальшивая монета. Кокильяръ больше не думалъ о словесности.

Неизвъстно, что заставило его обратиться къ ней въ послъдствіи, въроятно какой-нибудь случай, дружескій совъть, досугь старости, успъхъ опыта, начатаго по минутному влеченію. Какъ бы то ни было, малолитературная форма и разговорные обороты этихъ опытовъ ясно доказывають отсутствіе всякаго артистическаго приготовленія къ занатію поэзіею. Впрочемъ Кокильяръ всегда остался любителемо словесности, и этой-то скромности обязанъ онъ отчасти своею оригинальностью. Это была одна изъ тъхъ странныхъ натуръ, въ которыхъ сердце говорить мало, энергія сосредоточивается въ умѣ, а дъятельность въ борьбъ между умомъ и разсудкомъ.

Хотя жизнь его была очень счастливая, и онъ самъ называлъ себя честным счастливцем (l'honneste fortuné), однако онъ же выразился о себъ въ минуту веселой досады:

Car pour repos j'ay en foulure, Pour le beau temps j'ay en greslure, Pour provision des sornettes

Au lieu de faisans, alouettes,

Pour chariots branlans brouettes:

Кокильяръ занимался переводомъ *Войны съ Гуден*, Госифа Флавія. Эту исторію онъ началь переводить 12-го октября 1460 года, на 39-мъ году жизни, около этого же времени онъ написаль мистерію, заключающую въ себъ описаніе взятія Герусалима Римлянами.

Въ субботу, наканунѣ Пасхи, 24 марта 1463 года, онъ продиктовалъ послѣднія слова этого перевода писцу, сидѣвшему на скамейкѣ у его ногъ. «Это было», говоритъ онъ, «между шестью и семью часами утра». Неизвѣстно, имѣлъ ли онъ намѣреніе передать потомству это важное число, по достовѣрно, что этотъ переводъ сдѣлалъ въ городѣ много шуму и былъ главною причиною его богатства.

Онъ немогъ предаваться вполит своему саркастическому, веселому характеру посреди бъдствій своего отечества; но въ 1463 году Франція была снова богата, довольна, даже пользовалась излишествомъ роскоши, дъятельности, смълой горячности, всегда слъдующихъ за спокойствіемъ и счастіемъ.

Въ 1477 году въ Реймскихъ обществахъ появилось сочинение подъ заглавіемъ le Playdoyer l'entre la Simple et la Rusée. Это было первое оригинальное произведение почтеннаго человька и мудраго наставника Кокильяра. За нимъ чрезъ годъ последовало l'Enqueste d'entre la Simple et la Rusée. Туть ръчь идеть о любимомъ человъкъ (du mignon), оспариваемомъ двумя женщинами Простой и Хитрой. Послъдняя похитила его у своей соперницы. Въ первой пьесъ, Симонъ и Оливье, адвокаты, разсматривають при Жегань-Эстофе, судьт, вопросъ о правъ на любимца. Слъдствіе начато; опо составляеть сюжеть второй пьесы. Тутъ передъ коммисіей присяжныхъ появляются шестеро свидътелей, разсказывающихъ, въ видъ объяснения, всъ городския анекдоты того времени, и въ то же время объясняютъ причины и подробности ссоры двухъ женщинъ. Эту ссору и вообще идею всей сатиры можно объяснять различнымъ образомъ. Она представляетъ несогласія между двумя обществами, старымъ и новымъ, или также между старой и новой литературой.

За этими двумя произведеніями послідовали небольшія статьи: du Puys, de la Botte de foing, du Gendarme cassé. Въ 1484 году, Реньо Дульи, предсідатель при судьт въ Вермандуа, поручиль Кокильяру, витетт съ другими тремя законов'єдцами, изложить письменно вст Реймскіе законы: этотъ трудъ доставиль ему отъ 35 до 50 су въ день, сумма значительная. За этимъ серьознымъ трудомъ была издана

сатира, принесшая ему болъе славы: Les droits Nouveaux, составляющая самое длинное и самое оригинальное изъ его сочиненій. Преобразованія, происходившія въ это время во всей Франціи, подали ему мысль написать эту веселую сатиру.

Окончивъ les Droits Nouveaux, Кокильяръ постригся въ монахи: въ 1483 году онъ уже имѣлъ каоедру каноника. Новому канонику поручено было сочинить поэму, которую надобно было торжественно прочитать передъ Карломъ VIII въ день его коронованія. Кокильяръ не безъ опасенія принялъ на себя эту обязанность, служившую мѣриломъ его таланта. Послѣдуетъ ли онъ школѣ ученыхъ, бывшей тогда въ модѣ и будетъ подражать Алену, или станетъ писать въ народномъ духѣ? Онъ выбралъ послъднее и написалъ le Blason des Armes et des Dames, гдѣ сравнилъ ихъ между собою, выставивъ достоинства того и другаго. Поэтическія произведенія Кокильяра, если ихъ разсматривать отдѣльно отъ событій, бывшихъ причиною ихъ появленія, отдѣльно отъ того цинизма, который служитъ для нихъ какъ бы украшеніемъ, покажутся намъ безжизненными и безцвѣтными, и только по нѣкоторымъ чертамъ можно будетъ догадываться о томъ, что въ нихъ было оригинальнаго и полнаго жизни въ свое время.

Кокильяръ, по своему положенію, врагъ романическихъ похожденій и рыцарской поэзін, былъ послъдователемъ школы, непріязненной приторно-пошлой литературъ и притворно-скромнымъ произведеніямъ. Онъ необходимо долженъ былъ сдълаться писателемъ непзящнымъ. Онъ долженъ былъ противупоставить любовь матеріяльную, граціозной и обманчивой поэзін временъ минувшихъ. Не должно однакоже при этомъ забывать, что литература въ то время еще не сливалась съ жизнью; она была чъмъ-то совершенно отдъльнымъ, изолированнымъ отъ житейскихъ потребностей, занятій и обязанностей.

Посл'в появленія въ св'єть сочиненій Кокильяра, жизнь его была соединеніемъ счастія и славы. Онъ быль знаменить и служиль предметомъ гордости и чести реймскаго народонаселенія.

Въ 1486 году Максимиліянъ Австрійскій началь войну, для возвращенія стариннаго наслъдія герцоговъ Бургундскихъ; Реймсъ вооружился противъ него, и Кокильяру, вмъстъ съ другими одиннадцатью гражданами, было поручено охранять безопасность города. Въ 1491 году появилось первое изданіе его сочиненій. Это еще болъе увеличило его славу и значеніе.

Шампанскій поэтъ провель послѣдніе годы своей жизни въ уединеніи. Онъ умеръ въ 1510 году. Кокильяръ писаль для народа, и поэзія его представляєть самый полный образець поэзіи народной. Впро-

чемъ, свойства его произведеній не составляють исключительной принадлежности этого рода поэзін; въ немъ замѣчательно въ особенности свойство, общее впрочемъ многимъ писателямъ среднихъ вѣковъ: легкій слогъ и сатирическое направленіе. Малѣйшія подробности его стихотвореній, тѣсно связанныхъ съ цѣлымъ, не смотря на нѣкоторую грубость, достигаютъ изящнаго своей живой напвностью и глубокой истиной. Всѣ сравненія Кокильяра взяты изъ простаго быта ремесленниковъ, кумщовъ, кухни и т. п., но въ особенности изъ судебнаго званія. Онъ часто употребляетъ въ своихъ стихахъ любимую имъ реторическую форму исчисленія, какъ напримѣръ:

> Armes font croistre coeurs joyeulx Et multiplier en lyesse; Aux robustes, aux vertueux Augmentant force et hardiesse; Aux magnanimes, la proesse, Aux confédérés, l'alliance, A courages naulx, gentilesse, A gens résolus, assurance, etc.

Кокильяръ, какъ многіе писатели нашего времени, въ особенности замъчателенъ по таланту наблюдательности. Онъ останавливается на вещахъ скоръе чъмъ на пдеяхъ. (Rev. de deux Mon.)

Народныя англійскія баллады о Робянъ-Гудъ. Въ XVI въкъ баллады о Робинъ-Гудъ были въ большой модъ; всъ классы общества знали ихъ и пъли. Скельтонъ, сатирическій поэтъ временъ Генриха VIII говорить, что даже кардиналь Вольсей иногда напіваль эти народные мотивы. Въ XVII въкъ ихъ начали однако забывать, потому что вкусъ публики обратился къ серьознымъ предметамъ. Англія пережила уже въ то время царствованіе Елисаветы и Іакова, то есть свой великій въкъ. Могла ли она, послѣ восхитительныхъ стиховъ Спенсера, пъть старыя баллады, дурно рифмованныя, и наслаждаться подвигами Робинъ Гуда и маленькаго Джона послъ драмъ Шекспира или Бенъ-Джонсона. Необходимо было, чтобъ вкусъ публики опять перемънился, чтобъ забытыя сочиненія опять вошли въ моду, и следующій векъ опять обратился къ циклу поэмъ о Робинъ-Гудъ. Классикъ Аддисонъ посвятилъ два нумера своего «Зрителя» разбору баллады Ghevy-Chace. Онъ сравниваль ее съ Энеидою Виргилія. Въ половинъ XVIII въка Перси издалъ извъстное собраніе старыхъ англійскихъ стихотвореній, между которыми находится

одна изъ лучшихъ балладъ о вольномъ стрълкъ Робинъ-Гудъ и Гюн-Джиборнскомъ. Однако герой лъсовъ все еще ждалъ своего историка и наконецъ нашелъ его въ одномъ изъ самыхъ ученыхъ и оригинальныхъ людей Англіи, Джозефъ Ритсонъ, который, какъ настоящій послъдователь Пифагора, не употребляль въ инщу мяса. Въ 1795 году издалъ онъ большую часть балладъ про знаменитаго стрълка. Въ этомъ собраніи находится цълая эпопея про Робинъ-Гуда, мало извъстная до тъхъ поръ, подъ названіемъ Lyttle-Geste. Онъ перепечаталь ее съ единственнаго экземпляра, вышедшаго въ 1489 году. Разумъется, авторъ воспользовался случаемъ разсказать жизнь своего героя со всъми подробностями и приложиль генеалогическое дерево, по которому храбрый изгнанникъ сдъланъ графомъ Гончингтономъ, и фамилія его была Фицъ-Гудъ, а не просто Гудъ, въ жилахъ котораго, какъ у потомка Нормановъ, текла кровь Вильгельма Завоевателя.

Въ наше время этотъ споръ еще не оконченъ, и пикто не доказалъ ясно, былъ ли Робинъ-Гудъ графъ или простой стрълокъ, Саксонецъ или Норманнъ; былъ ли онъ политическимъ лицемъ, когда жилъ, въ XII, XIII или XIV въкъ, и наконецъ существовалъ ли онъ въ самомъ дълъ? По крайней мъръ произведенія, относящіяся къ циклу поэмъ Робинъ Гуда отличаются оригинальностью, грацією, поэзією.

Кто же наконсць этотъ Робинъ-Гудъ? До XVI въка ни одинъ англійскій историкъ не упоминаль о немъ. Но развъ можетъ быть вымышленнымъ героемъ человъкъ, жизнь котораго разсказываютъ поэты со всъми подробностями, слъдуютъ за инмъ шагъ за шагомъ, описываютъ всъ подвиги его, нисколько не похожіе на чудесныя дъла рыцарей, хотя тоже не всегда въроятные. Все доказываетъ, что этотъ народный герой существовалъ. Робинъ-Гудъ не любилъ доминиканцевъ, такъ ничего пътъ мудренаго, что составители хроникъ съ намъреніемъ не упоминали о немъ и вычеркиули его имя изъ исторіи.

Но состал Англичанъ, Шотландцы, не имъли инкакихъ причинъ умалчивать о знаменитомъ стрълкъ, тъмъ болъе, что жизнь Робинъ-Гуда походила на жизнь шотландскаго героя Уэллеса. Когда страна эта подпала подъ власть Англіп, дворяне нотеряли замки и даже бъднякъ не могъ быть покоенъ въ своей хижинъ, явился человъкъ, принявшій начальство надъ шотландцами. Онъ былъ ни герцогъ, ни графъ, но простой дворянинъ, сдълавшійся покровителемъ Шотландіп и не хотъвшій, чтобъ его называли иначе какъ сиръ Вилльямъ Уэллесъ. Однажды, осажденный въ своетъ домъ въ Ланаркъ, онъ усиълъ убъжать, но Англичане сожгли его домъ, убили жену и слугъ, и Уэллесъ поклялся отмстить имъ. Скрывшись въ горахъ, онъ нападаль съ тъхъ поръ на англичанъ и былъ также безжалостенъ какъ они. Наконецъ Уэллесъ, преданный своими, попалъ въ руки англичанъ. Эта жизнь, полная приключеній и опасностей, эта печальная смерть чрезвычайно похожи на жизнь и смерть Робинъ-Гуда. Онъ сражался противъ тъхъ же враговъ, лердовъ Англіи, и умеръ оттого, что одна женщина переръзала ему жилу.

Шотландскіе историки дали м'ясто Робинъ-Гуду въ своихъ хроникахъ и отзываются о немъ очень благосклонно. Какъ ни странно искать доказательствъ существованія знаменитаго англичанина въ хроникахъ Шотландіи, но все таки это единственный источникъ, достойный вниманія.

Первый историкъ, упомянувшій о Робинъ-Гудъ, быль Джонъ Фордунъ, авторъ Scotichronicon, абердинскій священникъ, любившій исторію и литературу и занимавшійся древностями и историческими воспоминаніями.

Другой историкъ Робинъ-Гуда былъ Боуеръ, аббатъ Сентъ-Колумба, послъдователь Фордуна. Онъ прибавляетъ слъдующія строки къ разсказу: «Въ этомъ году (1266) англійскіе бароны, лишенные своихъ владъній, занялись разбойничествомъ. Между ними Рожеръ Мортимеръ заняль Валлисъ, а Джонъ Дайниль островъ Эли. Робинъ-Гудъ жилъ въ это время какъ изгнанникъ, въ самыхъ густыхъ лъсахъ.

Междоусобныя войны въ Англіи не прерывались ни на минуту. Симонъ Монфортскій, одержавшій множество поб'ядь, быль въ свою очередь побъжденъ. Сражение при Эвесгемъ (1265) было новою гастипгскою битвою, но междоусобія все-таки продолжали терзать эту страну. Изгнанники разныхъ партій запяли болота запада, горы Валисса, лъса Горкшейра; по примъру бароновъ, люди низшаго состоянія, потерявшіе все свое имущество тоже искали убъжища вдали отъ городовъ. Между ними явился Робинъ-Гудъ, принявшій или заслужившій начальство надъ ними. Быль ли онъ въ сражении при Эвесгемъ? Исторія объ этомъ молчитъ. Имя его означаетъ саксонское происхождение и небогатое состояніе; исторія называеть его разбойникомъ, «sicarius», можеть быть потому, что онь не быль барономь, и вассалы его немогли вести войны по правиламъ тактики. Не смотря на это, онъ выблъ много прекрасныхъ качествъ, благородный характеръ, и былъ чрезвычайпо набоженъ. Онъ пренебрегалъ встми опасностами, чтобъ только выслушать объдню. Робинъ-Гудъ часто скрывался въ барисдельскомъ лъсу, находящемся на югъ Вестъ-Ридинга, между ръкою Вентъ и городомъ Донкастеромъ. Теперь тутъ обработанныя поля, но еще при Генрихъ VIII былъ густой лъсъ, пересъкаемый съ юга на съверъ дорогою, гдъ, въроятно, происходили частыя битвы. Въ XIII въкъ путешественники не охотно пускались по этой дорогъ.

Однако междоусобія прекратились понемногу почти везді. Партизаны Симона Монфортскаго удалились въ аксгольмскія болота, на берега Трента, въ сосъдство Барисделя. Принцъ Эдуардъ усмирилъ ихъ, заставилъ Лондонъ новиноваться и успокоилъ восточныя графства. Одинъ только начальникъ шайки осмълился противиться. Стало быть, это былъ не простой разбойникъ, но изгнанникъ, преслігдуемый законами. Это былъ Робинъ-Гудъ, и вотъ все, что мы знаемъ объ немъ въ исторіи. Теперь носмотримъ, что изъ него сдълала поэзія.

Робинъ-Гудъ изображенъ храбрымъ «уеотап», охотникомъ, принадлежащимъ къ воинамъ и поселянамъ; онъ стрълокъ во время войны, браконьеръ во время мира, и часто служитъ проводникомъ рыцарямъ. Одежда его вся зеленая изъ линкольнскаго сукна; на перевязи, также зеленой, прикръпленъ пукъ стрълъ, въ рукъ большой лукъ. Лице его загоръло; на одеждъ нътъ герба, по онъ вооруженъ мечемъ и щитомъ, и на кушакъ его виситъ острый кинжалъ.

Робинъ Гудъ любитъ объдать на счетъ бароновъ и монаховъ, но щадитъ бъдныхъ и честныхъ рыцарей, стрълковъ и оруженосцевъ. Когда ему понадается рыцарь, онъ приглашаетъ его къ себъ объдать подъ зеленую тънь, и угощаетъ его ланью, лебедями, фазанами, разною дичью и рыбою. Это обыкновенный столъ его. Послъ объда Робинъ Гудъ приглашаетъ гостя заплатить, что можетъ, и если рыцарь богатъ, то несмъетъ отговариваться, если же бъденъ, то бандитъ самъ даетъ ему денегъ и сверхъ того одежду, лошадь, пажа самаго върнаго. Изгнанникъ забавляетъ рыцаря охотою въ болотахъ; онъ свободенъ, счастливъ, и при концъ междоусобій проситъ прощенія у короля, потому что онъ и друзья его преданы душею королю, и преклоняютъ колъна при его имени.

Если же аббатъ покажется на барисдельской дорогъ, уеотан останавливаетъ его и говоритъ:

 Мы бѣдные люди, живемъ подъ деревьями, и беремъ подать съ звѣрей лѣсныхъ; вы же много получаете доходовъ, у васъ груды золота: дайте намъ изъ милости немного денегъ.

Однажды самъ король явился въ лѣсъ подъ одеждою монаха и выдалъ себя за посланнаго отъ короля.

— Я люблю всей душою моего короля, говорить изгианникъ, съ радостію смотрю на его печать, и ты будешь принять отлично за твою пріятную въсть. Я угощу тебя объдомъ подъ зелеными деревьями, по-кажу тебѣ моихъ вассаловъ.

Робинъ-Гудъ трубить въ свой рогъ, и множество молодыхъ людей сбъгаются со всъхъ сторонъ и преклоняють передъ нимъ колъна. По-, томъ начинается стръльба въ цъль, національная забава англичанъ. Во время стръльбы узнають короля, и Робинъ Гудъ получивъ его прощеніе, слъдуетъ за нимъ въ Нотингамъ.

Изгнанникъ, проживъ годъ при дворъ, начинаетъ скучать о своемъ лъсъ; онъ проситъ короли отпустить его въ Барисдель. Король отпускаетъ его, и Робинъ-Гудъ остается въ своемъ лъсу еще двадцать два года, ведя прежиюю веселую жизнь. Въ балладахъ Робинъ-Гуда объды занимаютъ такое же важное мъсто, какъ въ современныхъ романахъ. Наконецъ онъ погибаетъ измъною. Настоятельница киркслейскаго монастыря и ръщарь Рожеръ Донкастеръ уриваютъ его.

Въ XV въкъ цачали уже измъпять поэтическій характерь Робинъ Гуда, и баллады, изображающія его подвиги, составляють народную литературу, забавлявшую англичань четыре въка. Разумъется, что сцена воспользовалась иъкоторыми эпизодами жизни изгнайника, исторія о немь перешла въ дешевыя книги, разносимыя по деревнямъ, и наконецъ Вальтеръ-Скотъ изобразилъ Робинъ Гуда въ своемъ романъ Айзенго, а Джемсъ представилъ его въ Forest Days. Такая слава завидна, и Робинъ Гудъ долго еще останется народнымъ героемъ.

(Westminster-Review).

Гафинъ азербейджане, (современный персидскій поэть). Мужество и благородство, соединенные съ высокимъ умомъ и строгимъ безпристрастіемъ, составляютъ главную характеристику Гафина, новъйшаго персидскаго поэта. Они отражаются во всёхъ его сочиненіяхъ, и въ особенности въ последнензданномъ имъ въ Тегеранъ сочиненіи: Оружсіе побівды. Если кого либо въ новъйшія времена можно присоединить къ великимъ именамъ блистательныхъ знохъ персидской поэзіи, —Фирдузи, Саади, Гафиза и другихъ, то конечно одного Гафина Азербейджани.

elas de la compacta del la compacta de la compacta del la compacta de la compacta del la compacta de la compacta del la compac

Упоминутое сочинение его, *Оружіе побіьды*, было въ 1843 году издано въ Москвъ, въ переводъ г. Чернятинскаго. Теперь Альтманнъ собралъ у Ремюза, Шотто, Кольбренна и др., все, что Европъ было еще неизвъстно объ этомъ поэтъ.

Оказалось, что онъ еще прежде того издалъ:

- 1. *Цв. правосудія*, изъ пятидесяти-пяти *газелей*, напечатана въ Тегеранъ.
  - 2. Покровъ мудреца, сборникъ разныхъ гномоновъ, правоученій.

- 3. Джамміе благочестивыхо, въ которыхъ содержатся религіозныя наставленія, и
  - 4. Троит удовольствій, собраніе септенцій.

Гафинъ часто бываетъ холоденъ, потому что онъ мало говоритъ о главномъ предметъ всякой поззін, о любви, а болъе о правосудін и благочестін. Онъ больше говоритъ уму, нежели сердцу.

Вотъ напримъръ одна изъ длиннъйшихъ его газелей:

Терпи, мужайся, не ропци на Провидънье! Съ переворотами судьбы борись: Подъ тучей громовою гордо Главу въ несчастьи возвышай. Зубъ гиљва укрощай; пусть иступится Объ косу времени, которая все сгладитъ: Небудь въ своемъ несчастьи самъ Осломъ, везущимъ бъдствій колесницу. Въ страданьяхъ ближняго во въкъ Не находи ты утъшенья. Нашъ шахъ спросилъ у Арарата: Наступить скоро ли весна? А ты добромъ, благодъяньемъ Снъгъ и зиму изъ сердца изгоняй. Пусть соловы любви надежды Тебъ поютъ, тебя манятъ, И рано пурпурныя розы Тебъ блаженство объщають, Безпечно не ввъряйся имъ; Умъй и въ счастін быть скромнымъ, И то, что можешь-сбереги Изъ счастья, и на день ненастный. Одной лишь Гуріп върь всегда Прелестной, будущей надеждъ; Надеждъ на нокровъ Аллаха. Изъ мужества блестящей чаши Пей полнымъ духомъ свой шербетъ, И върь всегда въ свое, геройство: Герой вмъщаетъ міръ въ себъ, А карликъ всёхъ, всего боится. Герой, непрошенный идетъ Съ веселымъ духомъ къ счастью въ гости, А карликъ у воротъ стоитъ.

Лети во слъдъ надеждамъ смълымъ;

Желаній конь летитъ пусть вихремъ.

Какъ соколъ въ высоту нари:

А иначе ты не дойдешь до счастья,

Не вступнив въ золотой оазисъ

Избранниковъ Аллаха на земли.

И если ты склонясь и гибкою спиною

Въ молчаньи будешь бъдствія сносить,

То и судьба тебя свинцовымъ гистомъ

Все больше будетъ отягчать.

Ты будешь только-что верблюдомъ

Для ношъ своихъ, а чаще и чужихъ.

Вотъ еще одна патріотическая пъснь Гафина:

Когда труба ко брани зазвучить, Когда вокругь засвищуть стрълы, пули, И грянеть смерть изъ мъдныхъ жерлъ; Когда брать подлъ брата ляжеть, Отецъ погибнеть съ сыновыми, Кто будеть здъсь, въ отчизив подлый трусъ, Чтобъ трепеталъ при видъ крови, Чтобъ отъ собратьевъ убъжалъ, Чтобъ мечъ враговъ лицемъ не встрътилъ, Боясь царанины и шрама. Иътъ! раны сладостны и славны И въ брани смерть—безсмертье тамъ!

Есть у Гафина газели въ восемь, шесть стиховъ, и даже въ четыре. Напримъръ, прекрасно слъдующее четырестишіе:

Непропускай ни часа, ин мгновенья,
Чтобы простить врага и миръ съ нимъ заключить.
И пеоткладывай ты къ утру примиренья;
Ночь мысли мрачныя въ душъ твоей родитъ.
(Mag. für die Lit.).

Журнавъ въ Канефорни. Немудрено, что знаменитая страна золотыхъ прінсковъ быстро развивается, и что Санъ-Франсиско представляетъ уже видъ общирнаго и комфортабельнаго города. Основателями этой колоніи были не дикіе завоеватели, какъ въ эпоху переселенія народовъ, но

a look my look at the period of the

жители образованных странъ. Правда, что большинство ихъ принадлежало къ низшему сословію, занимающемуся только грубыми матеріяльными потребностями, но многіе привезли сюда и утонченности цивилизаціи. Любонытнымъ явленіемъ можетъ также служить и то, что, не смотря на свой разнородный составъ, здішнее народонаселеніе имъетъ свой мъстный патріотизмъ, какъ въ древней исторіи въ колоніяхъ грековъ въ Италіи и Сициліи.

Замъчательно тоже, что въ Санъ-Франсиско есть свой беллетрическій журналь подъ пазваніємъ: «The Pioner, or California Montly Magazine».

Программа издателя изложена слъдующими словами:

«Сколько мы знаемъ, до сихъ поръ не было попытки къ изданію въ Калифорніи чисто-литературнаго журнала. Будущее рѣшитъ, не рано ли взялись за это издатель Піопера. Они думаютъ однако же, что доставя средство къ литературной дѣятельности туземнымъ талантамъ, они окажутъ услугу не только имъ, но и всей публикъ, лишь бы изданіе сохранило свое достоинство и изящный вкусъ. Еслибъ предполагаемая ими цѣль не была достигнута и ожиданія ихъ не исполнились, то они со скромностью уступятъ свое мѣсто счастливѣйшимъ-начинателямъ».

Первый нумеръ журнала доказалъ уже, что кромъ занимательнъйшихъ литературныхъ статей, онъ не намъренъ ограничиваться одною беллетристикою, но и изслъдовать современные вопросы, касающіеся до благосостоянія Калифорнін.

Въ слъдующихъ нумерахъ много стихотвореній, повъстей, путешествій, а сверхъ того занимательныя историческія статьи: «Filibusterism, и др.

Замъчательнымъ поэтомъ и прозанкомъ оказывается въ нихъ нъкто Эдуардъ Поллокъ. Повъсть его «Ooran Lisle» заслужила всеобщее одобреніе.

Изъ очерковъ туземныхъ правовъ отличаются статьи: Жемчужная ловля, Продавець апельсиновъ, Другь мой Вилльямъ, и др.

Въ послъднемъ отдълъ журнала помъщаются всъ статистическія свъдънія, судебныя объявленія, коммерческія дъла, и проч.

to have been better their in the pure of the more engineers

(Athenaeum).

и. ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕНОСТИ.

Теорій и факты свята. На ученомъ конгресть въ Ливернуль профессоръ В. Томсонъ представиль новую теорію солнечныхъ лучей. По его мивнію, солнечный свять состоить изъ святовыхъ атомовъ, разлитыхъ по всему пространству мірозданія и наиболье притягиваемыхъ огромивітними небесными твлами, которыя мы называемъ солицами. Въ то мгновене, какъ частицы этой матеріи достигають до солица, дълаются онъ свътящимися и производящими теплородъ. Въ этомъ новомъ видъ, уже отражаясь отъ солица во всё стороны, несуть эти лучи свъть и теплоту.

Хотя всё эти атомы, притягиваясь къ солицу, увеличивають его объемъ, но потребно 40,000 лётъ, чтобъ оно увеличилось на одну секунду противъ нынё кажущейся намъ величины, и 2,000 лётъ, чтобъ увеличить его до такой степени, чтобъ оно лётомъ имёло тотъ же самый объемъ, какой мы видимъ зимою. (Извёстно, что зимою солице на иёсколько милліоновъ миль ближе къ землё).

Любонытно, какъ будетъ принята эта теорія въ ученомъ міръ.

Но солнечный свътъ имъетъ и свою практическую, промышленую сторону, которою пользуются англійскіе фабриканты и садоводы. Напримъръ, Лоусонъ получилъ отъ своей теплицы съ синими стеклами 500 фун. стерл. дехода (3,000 руб. сер.). Синій цвътъ удивительно развиваетъ растительность. Большая часть съмянъ, которымъ обыкновенно нужно 14 дией для всхода, вырастаютъ въ два, три дня и гораздо роскошите, развиваясь потомъ быстръе и сильнъе.

Шеврейль издалъ книгу о краскахъ, изъ которой видно, какую важную роль играютъ солнечные лучи во всъхъ фабрикаціяхъ.

(Athenaeum).

финикійскія древности. (Изб письма путешественника Мельхіора Воге). 22 сентября 1853 года, выбхали мы изъ Бейрута и вдоль городской стѣны, по восточному направленію побхали къ песчаной площади, обставленной кофейнями и пидѣйскими фиговыми деревьями. Здѣсь была таможня, и всякій проѣзжій ждаль роковаго слова: пропустить!

Цълый часъ вхали мы по берегу между тутовыми и лимонными деревьями, покрытыми плодами. Вскоръ достигли мы до Нахръ-Бейрута, или Нахръ-эль-Лебанъ, то есть Молочной ръки, названной такъ по причинъ бъловатой воды ел. Впрочемъ это случается только весною, когда

съ потоками дождей приносятся въ русло рѣки меловыя частицы отъ подошвы подмываемыхъ ею горъ. Теперь не только русло чисто, но въ немъ и воды нѣтъ. Лѣтомъ рѣка пересыхаетъ, и мы пѣшкомъ перешли черезъ нее, подлѣ моста въ шесть арокъ. Это еще памятникъ римской архитектуры.

Продолжая ѣхать между тутовыми деревьями, достигли мы до бухты. Здѣсь мы круго повернули къ сѣверу, переправились черезъ Нахръ-Антелигасъ и доѣхали до мыса Собачьей рпки (Расъ-Нахръ-эль-Кельбъ). На этомъ мысъ видны слѣды обширнаго зданія и огромныя скалы тесанаго камня.

Прежде всего замътна большая скала, въ которой изсъчена четыреугольная, открытая зала. Арабы собираютъ здъсь соль, кристаллизующуюся отъ морской воды, которая вливается сюда во время прилива. По этому зала эта и названа соленою (эль-Меллага).

Говорятъ, что это зданіе временъ римскаго императора Антонина. На скалахъ находятся знаменитыя скульптурныя работы, о которыхъ такъ много говорили и писали. Я сообщу только то, что видълъ.

Песть колоннъ неровной высоты, но одинаково сверху закругленныхъ и похожихъ одна на другую, возвышаются въ неравномъ между собою разстояніи. На двухъ колоннахъ остались двѣ прямоугольныя дощечки, съ виду похожія на египетскія. Но не смотря на всѣ наши изслѣдованія, не могли мы отыскать ни барельефа, ни малѣйшаго іероглифа. По нѣкоторымъ просверленнымъ отверзтіямъ можно было только заключить, что прежде тутъ были другія доски, каменныя или металлическія, прикрѣпленныя гвоздями.

У подошвы этой скалы течетъ Нахръ-эль-Кельбъ, называемый у древнихъ Алкусъ. Черезъ него сдъланъ мостъ новъйшей постройки. Мы прошли въ тутовую рощу и достигли до вершины мыса, далеко выдающагося въ море. Полтора часа спустя воротились мы къ берегу близъ Джуни, небольшой деревни, состоящей изъ одного хана (постоялаго двора) и нъсколькихъ хижинъ. Здъсь двъ лодки нагружались дровами и лукомъ. Отсюда поъхали мы параллельно съ берегомъ и со старою большою дорогою, построенною еще финикіянами, но нынъ заливаемою морскими волнами.

Въ здъшнихъ каменоломияхъ нашли мы много недоконченныхъ колоннъ и пещеры, отдъланныя человъческими руками. Можетъ быть это тъ нещеры, о которыхъ пишетъ Страбонъ:

«Изъ опасенія отъ морскихъ разбойниковъ, жители Либанона скрываются въ пещерахъ вдоль морскаго берега, для защиты котораго уст-

роенъ сверхъ того замокъ *Теопрозопон*ъ. Помпей разрушилъ всѣ эти укръпленія.» (Страбонъ, XVI гл.).

Въ два часа по полудни перешли мы черезъ Вади-эль-Моамельтейнъ, гдъ почти въ совершенной цълости сохранился еще римскій мостъ. Потомъ обошли меловой мысъ, на которомъ стойтъ старинный сторожевой замокъ Борджъ-эль-Каффеиръ. Въроятно, это Страбонова Климаксъ, находившійся между Библосомъ и Ликосомъ.

Въ четыре часа достигли мы до Нахръ-Ибрагима, прекрасной ръки, вытекающей изъ Либанона и омывающей въ течении своемъ множество садовъ. Подъ тънью тутовыхъ деревьевъ сидълъ маронитскій шейхъ, съ своимъ семействомъ, но услыша наше приближеніс, женщины тотчасъ же опустили свои покрывала. Здъсь, на другомъ берегу, разбили мы палатки, и этотъ первый бивачный ночлегъ чрезвычайно мнъ поправился.

— 23 сентября. Мы встали съ разсвътомъ, но не прежде какъ черезъ два часа тронулся въ путь нашъ караванъ; въ девять часовъ достигли мы до Джебейла. Множество древнихъ каменныхъ обломковъ, между прочимъ чрезвычайно красивыя колонны красиаго гранита, разбросаны но кустамъ и доказываютъ все великольніе древняго Библоса. Мы привазали лошадей къ колоннамъ изъ чернаго гранита, служащимъ воротами въ ханъ, и ношли въ городъ. Наднись на одной стъцъ доказываетъ, что городскія ворота возобновлены императоромъ Адріаномъ. Городъ окруженъ стъною, защищаемою четыреугольными башнями. Часть стъны уже обвалилась и обломки доказываютъ, что она была сложена изъ древнихъ матеріяловъ. Друган часть стъны построена крестоносцами и арабами.

Въ юго-восточной части находится древній замокъ, полуразрушенный англійскими ядрами въ 1840 году. Видъ этихъ развалинъ съ разбросанными колоннами, башиями, покрытыми растеніями, чрезвычайно живописенъ. Въ стънъ осталось еще много надписей.

Арабы много истребили и испортили древностей, европейцы платили имъ дорого за съемку наднисей, а арабы вообразили себъ, что это указаніе на сокрытыя тутъ сокровища и взиламывая все, искали кладовъ.

Въ самой крѣпости есть важные обломки. Нѣсколько слоевъ камней служатъ основаніемъ къ четыреугольной башит. Длина этихъ камней простирается до семи метровъ, а высота башии до пятидесяти.

Всъ путешественники, видъвшіе эти камни, единогласно принимаютъ ихъ за древнюю финикійскую работу, имъющую много сходства съ Іерусалимскимъ храмомъ, построеннымъ царемъ Соломономъ. Я осматриваль также одну церковь, оставшуюся отъ времень крестопосцевъ. Отсюда мы чрезъ два часа съ половиною добхали до Батрума (древній Ботрисъ), гдѣ быль нашь второй ночлегь.

— 24 сентября. За Батрумомъ отдъляется отрогъ Либанона и проникая въ море, образуетъ мысъ Расъ-эль-Шука. Чтобъ обогнуть эти
горы, должны мы были оставить Батрумъ влъво и ъхать по меловой
долинъ къ съверо-востоку. Здъсь посреди дороги возвышается отдъльный холмъ, на вершинъ котораго находятся развалины замка. Онъ съ
незанамятныхъ временъ пустъ и потерялъ уже свое назначеніе, угрожая
нутешественникамъ камнями, которые изръдка сваливаются по склону.
Къ этому замку вела прежде улиткообразная тропинка. Теперь и она
заросла, такъ что никто уже не всходитъ на верхъ.

Послѣ нѣсколькихъ безполезныхъ попытокъ отказались и мы отъ этого восхожденія, а направили путь къ морю, гдѣ остановились въ прелестной деревенькѣ Кальмумъ. Здѣсь мы объдали.

Въ нъкоторомъ разстоянии отъ деревни нашелъ и памятникъ страннаго вида. Опъ состоитъ изъ трехъ камней: два стоятъ отвъсно, а третій поперегъ, какъ бы образуя нишъ. Высота всего составляетъ около двухъ метровъ. Эти памятники принадлежатъ къ самой глубокой древности, когда полудикіе народы не умѣли еще строить храмовъ.

Къ вечеру прибыли мы въ Тарабалъ, окруженный фисташковыми садами. Здъсь мы осмотръли городской базаръ и съ высоты цитадели восхищались великолъпитайшимъ ландшафтомъ.

На другое утро поъхали мы чрезъ Либанонъ въ Дамаскъ. (Mag. für die Lit. des Aus).

новая порода шелковичнаго червя.—Пелли Фабрини пишетъ изъ Флоренціи въ Парижскую академію наукъ, что новую породу шелковичнаго червя (bombyx cynthia) можно кормить не только латукомъ и вайдою, по и листьями клещевиннаго дерева (ricin) и дикимъ цикоріемъ (cichorium intybus), который въ съверной Франціи во множествъ разводится для замъны кофе.

Произведенные опыты доказали, что для полученія тридцати грамъ мелка нужно двадцать одинъ коконъ, кормленныхъ дикимъ цикоріемъ, а для того же количества шелка потребно такихъ восемнадцать коконъ, кормленныхъ клещевинными листьями.

(Institut).

въ Парижской академіи наукъ завъщаніе г. Бреана, назначившаго 100,000 фр. тому, кто найдетъ върное средство противъ азіятской холеры, которое бы упичтожало ее, какъ хинина лихорадку.

Эта сумма будеть дана и тому, кто найдя настоящую причину происхожденія холеры, откроеть средство предохранять отъ нея, какъ прививка коровьей осны избавляеть отъ натуральной.

А какъ академія полагаєть, что еще много времени пройдеть покуда рѣшены будуть эти два вопроса, то положила употреблять ежегодно проценты съ капитала (5,000 франковъ) въ награду тому, кто изслѣдованіями своими болѣе приблизится къ одному изъ этихъ вопросовъ.

Завъщатель желаетъ, чтобъ медики занялись новыми изслъдованіями химическаго разложенія воздуха, дабы въ составъ его найдти причины эпидеміи.

Условія къ полученію 100,000 фр. состоять въ следующемъ:

Найти средство, которое бы излечивало холеру во всякомъ видъ и во всякой степени, или

Найти неоспоримую причину происхожденія холеры, такъ чтобъ можно было устранить эту причину.

Или найти върное предохранительное средство отъ холеры въ такой же степени, какъ прививка осны.

Для полученія ежегодныхъ 5,000 фр. должно найти существованіе въ атмосферѣ частей, болье способствующихъ развитію холеры.

торная бользиь. — Недавно вышла замъчательная итмецкая книга: Die Berg Krankheit, oder der Einfluss des Ersteigens grosser Höhen auf den Thierischer organismus, von Dtr. Conrad Meyer Ahren (Горная бользиь, или вліяніе восхожденія на высоты надъ животнымъ организмомъ, доктора Конрада Мейера Арена).

Какъ на морѣ человъкъ подвергается извъстной морской бользии, такъ и всякій, кто восходить на высокую гору, испытываетъ особеннаго рода припадки.

Акоста, въ 1600 году, кажется первый описаль эту бользнь при восхожденій на Парвакакъ. Перуанскіе Анды кажется наиболье пропзводять эту бользнь. Извъстно, что эта цынь, самая богатая серебряными рудами, находится въ 14,280 футовъ падъ уровнемъ моря.

При первыхъ же шагахъ на эти горы путешественникъ чувствуетъ непонятную тяжесть и стъснение дыхания; съ нимъ начинается головная боль и кровь бросается въ голову. Иные вооружаются всею силою воли и идутъ впередъ, но не долго могутъ бороться. Съ припадками болъзни

усиливается и упадокъ духа. Въ высшей степени припадковъ выступаетъ отвеюду кровь и начинается бредъ.

Послъ 6 — 12 - дневнаго отдыха бользив обыкновение проходитъ, но утомление и тяжесть долго еще остаются. Случаются воспаления въ глазахъ, и кожа иногда трескается.

Странно, что при воздушныхъ путешествіяхъ припадки бывають гораздо слабъе, а у иныхъ и вовсе не бываютъ. Гринъ былъ на высотъ 27,136 футовъ и не чувствовалъ никакого припадка. Только при усиліяхъ выбрасыванія балласта ускорялся пульсъ и дыханіе.

До сихъ поръ считали это дъйствіемъ уменьшенія тяжести воздушнаго столба падъ человъкомъ. Авторъ повой книги не согласенъ съ этимъ, онъ принисываетъ это уменьшенію кислорода и измѣненію состава крови. Онъ подкрѣнляетъ свои доводы физіологическими доказательствами, которыя весьма любопытно прочесть. (Idem.)

СТАТИСТИКА НАРОДОВАСЕЛЯНИ ВЪ СОЕДИНИНИМЪ ШТАТАХЪ. — Въ журналъ New York Weekly Times номъщена любонытная статистика народонаселенія Соединенныхъ Штатовъ. Общая - масса жителей раздълена по слъдующимъ шести отдъламъ:

- 1. Общій законъ числительнаго увеличенія.
  - 2. Законъ числительнаго отношенія двухъ половъ.
    - 3. Общій законъ увеличенія бълой породы.
  - 4. Общій законъ увеличенія африканской породы.
- Отношеніе пропорціональнаго увеличенія народонаселенія двухъ породъ.
- 6. Общій законъ увеличенія народонаселенія, не принимая во вниманіе переселеній.

Общій законо увеличенія народонаселенія остается все въ тѣхъ же неизмѣнныхъ предѣлахъ, такъ что цифра приращенія народонаселенія слѣдуетъ извѣстнымъ законамъ. Но любонытно, какъ происходитъ это увеличеніе. Нѣкоторые думаютъ, что вся цифра приращенія состочтъ изъ переселенцевъ, другіе воображаютъ, что африканская порода имѣетъ способность быстро распространяться. Дерби высчиталь увеличеніе жителей въ Соединенныхъ Штатахъ до 1940 года, и хотя расчетъ этотъ быль сдѣланъ двадцать лѣтъ тому назадъ, но все таки ошибка въ цифрѣ народонаселенія на 1850 годъ представляетъ только полтора милліона разницы. Дерби говориль, что въ этотъ годъ будетъ 5,100,000 жителей, а по статистикъ ихъ 3,636,000. Вообще всъ стараются преувеличивать важность переселеній и увеличенія африкан-

ской породы въ Америкъ, но это лишнее, потому что цифры говорятъ сами за себя.

До революцій нельзя было сдёлать вёрной ревизій жителямь Америки, но съ 1780 года статистика показываеть каждые десять лёть самый вёрный отчеть. Воть онъ:

Въ 1790 году было въ Америкъ 3,929,827 жителей.

Въ 1800	»			5,305,925,	увеличеніе	въ	35 п	роцен.
Въ 1810	>	attended of	0)	7,239,814	3)	"	36	20
Въ 1820	, m		0	9,638,134	»	3)	33	ø
Въ 1830	- C		•	12,866,920	»	33	331/	) b
Въ 1840	39	The state of	0	17,062,566	»- »	33	321/	, »
Въ 1850	»		, ,	23,191,876	>>	))	36	n

Стало быть, въ продолжени шестидесяти лѣтъ, общимъ числомъ ежегодное увеличение народонаселения было въ 34 процента, и этотъ законъ держится пензмънно и будетъ въроятно поддерживаться и во вторую половину столътия. Вотъ почему смъло можно полаѓать, что въ 4910 году Съверо-Американские Штаты будутъ имъть сто двадцать миллионовъ жителей.

Числительное отношение двухъ половъ зависить отъ возраста, но все таки замъчено, что родится больше мужчинъ, чъмъ женщинъ, хотя въ продолжение жизни женщинъ остается больше. Вотъ любоцытная выписка изъ двухъ послъднихъ ревизій:

Въ 1840 году моложе няти летъ было 1,270,750 мальчиковъ.

Въ 1840 » моложе пяти лътъ было 1,203,349 дъвочекъ.

Стало быть мальчиковъ больше 51/2 процентами.

Въ 1850 году отъ 15-ти до 20 лътъ было 1,087,600 женщинъ.

Въ 1850 году отъ 15-ти до 20 лътъ было 1,041,416 мужчинъ.

Женщинъ сдълалось больше на 4 процента или 46,484.

Теперь посмотримъ, какое вліяніе имъли на число женщинъ роды и материнскія обязанности.

Въ 1850 году стъ 30 до 40 лътъ было 1,288,682 мужчинъ.

Въ 1850 » отъ 30 до 40 лътъ было 1,128,237 женщинъ.

Мужчинъ сдълалось больше на 14 процентовъ или 160,425.

Съ 70-ти лътъ женщинъ опять дълается больше, и это же замъчено во всъхъ ревизінхъ. Физіологи и статистики отыскиваютъ причины этихъ фактовъ, которые очень любонытны.

Съ 70 до 100 лътъ число женщинъ бълой породы превышаетъ число мужчинъ 15,311 (больше 5-ти процентовъ). Послъ 40 лътъ женщины американской породы тоже живутъ дольше мужчинъ. Вообще

Смюсь. 23

въ Америкъ женщины достигають самой глубокой старости. По послъдней ревизіи было 430 женщинъ старше ста льть.

Увеличеніе былой породы превышаеть африканскую, и при каждой ревизіи число ея возвышается двумя процентами, что чрезъ сто лъть составить огромную цифру народонаселенія.

Увеличение африканской породы. Вотъ цифры этой породы въ десятилътнія ревизін: — 37, —32, —30, —29, —25 — 27 процентовъ. Въ послъдніе сорокъ лътъ параллель между бълой и африканской породой была слъдующая:

Пропорціональное увеличеніе породъ. Мы видъли, что бълая порода превышаєть цвътную десятью процентами, по надобно замътить, что причины этого увеличенія не одинаковы для двухъ породъ. Бълая порода поминутно получаєть подкръпленія взъ Европы. Въ послѣднія десять льть (отъ 1840 до 1850) Соединенные ІНтаты получили около 1,500,000 эмигрантовъ изъ Европы. Изъ этого числа 600,000 умерли въ этотъ же промежутокъ времени, но все таки, къ 20-ти милліонамъ жителей бълой породы прибавилось еще 900,000. Общее увеличеніе бълой породы дошло въ это время до пяти милліоновъ, стало быть, если изъ этого числа вычесть 900,000 переселенцевъ, то останется 4,100,000 туземнаго приращенія или 28½, процентовъ. Въ эти же десять лътъ африканская порода усилилась на 27 процентовъ, стало быть пропорція между ними почти равная, хотя небольшое пренмущество остается все таки на сторонъ бълыхъ.

Общій законо приращенія народонаселенія (исключан переселенцевь). По естественному закону число жителей увеличивается при каждомъ децимальномъ періодѣ на 28 процентовъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ число дѣтей иностранцевъ н переселенцевъ не доходитъ до 9-ти процентовъ, но въ нѣсколько лѣтъ они составять огромную цифру. Если дѣти эмигрантовъ составляютъ ночти половину народонаселенія Американскихъ Штатовъ, за то сами переселенцы умираютъ въ огромномъ числѣ вдали отъ своего отечества. (Illustr. News.)

Сцены и очерки паражской театраньной жизии (статья вторая). — Поговоримъ теперь объ актрисахъ.

Автъ иятнадцать тому назадъ вошла въ кабинетъ Жюль-Жанена женщина уже пожилая, но красивая, полная, и молча съла возлъ знаменитаго критика, окруженнаго драгоцъпными книгами.

Это была актриса Марсъ.

Ея наружность, конвульсивное движение въ чертахъ, нервическия движения, производившия въ ибкоторыхъ роляхъ огромный эфектъ, все доказывало, что великая артистка находится въ спльномъ волнении.

Губы ея судорожно сжимались, голосъ такъ дрожаль, что она не мемогла выговорить ни слова.

- Что съ вами? спросилъ Жюль-Жаненъ съ участіемъ: не больны ли вы?
- Нътъ... я... взволнована... оттого, что въ первый разъ въ жизни... смъютъ жестоко критиковать мой талантъ... мою наружность... Читали ли вы театральную статью въ этомъ ужасномъ журналъ....
- Я не имъю привычки читать то, чего не читаетъ публика, прервалъ Жаненъ. И зачъмъ вамъ заниматься какими-то глупыми критиками въ неизвъстномъ журналъ? Развъ у васъ мало почитателей, которые никогда не перестанутъ превозносить вашъ талантъ. Читайте мои фельетоны, гдъ я отдаю полную справедливость вашимъ неподражаемымъ качествамъ...
- О! да, Жюль... я знаю, что вы очень добры, и ваши статьи составляють мое утвшение... Мив остается дать еще одно представление по контракту. Мои товарищи и друзья совътують мив заключить потомъ новый, остаться на сценв. Публика еще не устала смотръть на меня... и я не хотъла ни на что ръшиться, не посовътовавшись съ вами. Скажите же мив откровенио, мой другь: должна ли я вытти въ отставку?...
  - Должны, отвъчалъ критикъ, не думая ни минуты.
- Какъ! вскричала Марсъ, блъднъя. Вы хотите чтобъ я оставила сцену, когда я чувствую еще всю силу моего таланта, когда я увърена въ себъ, что могу быть полезною... Сознаюсь, что я не молода... по за то я опытна, я изучила всъ тайны искусства, всъ оттънки ролей....
- Вы должны оставить сцену...
- Позвольте мий остаться только годь... одинь годь!.. Я хочу создать еще одну роль, въ которую вылью всю мою душу, и клянусь, что посли этого оставлю сцену!...
- Нътъ, вы должны удалиться со сцены, повторилъ неумолимый критикъ, не слушая никакихъ отговорокъ актрисы.
- О! вы тоже жестоки! вскричала Марсъ, вставая и протягивая руку Жанену. Но все таки я благодарю васъ.

Черезъ недълю она въ послъдній разъ играла Эльмиру, и навсегда простилась съ публикою.

Теперь очень мало истинныхъ артистокъ, и молодыя дъвушки и женщины, выбирающія театральное поприще, думаютъ очень мало объ искусствъ. Вотъ почему актрисы не могутъ понять настоящей минуты, когда имъ должно оставить молодыя роли и когда оставить сцену. Современныя Марсъ ни за что не послушаются ни какого Жанена, за то кого можно и сравнить теперь съ этою великою комическою актрисою?

Разумъется, очень трудно отказаться отъ уситховъ, отъ аплодисментовъ, отъ шума, блеска, волненій и вступить въ тихую частную жизнь, тишиною похожую на могилу. Истинная актриса не сдается, какъ наполеоновская гвардія, и умираетъ на сцент, за то талантъ ея страдаетъ отъ этого.

Марсъ, оставя театръ, начала хворать, слабъть и скоро умерла, не находя ни въ чемъ развлеченія.

Говорятъ, что Рашель хотя и практическая женщина, но ни какъ не можетъ безъ ужаса подумать, что когда нибудь должна будетъ отказаться отъ сцены.

Въ самомъ дълъ, трудно вообразить себъ Герміону играющую въ висть съ какимъ нибудь трагическимъ ветераномъ; или старымъ литераторомъ въ какой нибудь уединенной виллъ Монморанси или Отеля. Впрочемъ теперь публика мало занимается артистами, когда они на сценъ и не хочетъ ничего знать о ихъ домашней жизни. Въ блистательное же время Марсъ была совствъ другое. Весь Парижъ копироваль во всемь знаменитую актрису и зналь каждый ея шагь. Извъстно, что Марсъ обладала очаровательнымъ музыкальнымъ органомъ, который производиль на публику сильное впечатленіе, и къ несчастію дошель до нашего покольнія, видъвшаго только закать артистки немного утомленнымъ, ненатуральнымъ, черезъ чуръ жеманнымъ и боаваненно хриплымъ. Кто-то изъ молодыхъ людей, пеуважающихъ опытности въ артистахъ, назвалъ несравненный голосъ Марсъ мелодическою вантрилокіею. Но отцы современныхъ парижанъ приходили отъ него въ восторгъ, матери изучали всъ интонаціи великой артистки и водили дочерей наблюдать манеры ен, походку, жесты, улыбку, словомъ это была модель изящнаго, которой всв подражали. Не говоримъ уже о туалетъ: каждая складка платья Марсъ, каждый бантикъ подвергались строгому изученю.

Одинъ разъ прошелъ слухъ, что Марсъ оставляетъ сцену и послала уже просьбу объ отставкъ. Начались безпокойства, вздохи и жалобы; съ трудомъ можно было упросить артистку отказаться отъ ея намъре26 - Смъсь.

пія и явиться на сценъ, гдъ ее встръчали съ неистовыми аплодисментами, на которые она иногда отвъчала слезою...

Все это чрезвычайно занимало прошедшее покольніе.

Парижскія актрисы были большею частію дочери актеровъ, и съ дътства приготовлялись къ сценъ, выростали за кулисами, учились прямо говорить стихами. Каждый актеръ, какъ бы онъ ни быль извъстенъ, не желалъ для своихъ дътей инчего лучше какъ роли Маринеты и Криспена, и самъ старался внушать имъ вмъстъ съ традиціями страсть къ искусству.

Теперь парижскій актеръ хлопочетъ только о томъ, чтобъ сыновья его были нотаріусами или адвокатами, а дочерямь запрещаеть думать о театрѣ, скопляя имъ приданое, и совершенно счастливъ, если выдастъ ихъ замужъ за лавочниковъ или писцовъ нотаріуса.

Прежніе актеры называли это униженіемъ искусства.

И въ самомъ дълъ, отъ этого смешения породъ искусство слабъетъ и таланты дълаются ръже, потому что актеры и актрисы, выросшие не на сценъ и не для сцены, долго не могутъ къ ней привыкнуть, какъ иностранцы, прибывшие въ чужую страну и незнакомые ни съ климатомъ, ни съ нравами и обычаями туземцевъ. Драматическое искусство много отъ этого теряетъ.

Теперь уже изть молодыхь дівушекь, которыя чувствуя непреодолимое влеченіе къ сцені, бросають семью, общество и ділаются замічательными актрисами, потому что внутренній голось шепнуль имь, что ихъ місто въ театрії, что тамь оні будуть на своемь містії, и однимь словомь, однимь жестомь будуть волновать весь партерь. Теперь ність даже и этихъ влеченій.

Но въ какомъ нибудь частномъ семействъ мъщанина выростаетъ дъвушка прекрасная и ловкая, на которую потрачено много денегъ, которая знаетъ по-англійски, по-французски, поетъ, играетъ и проводитъ полдия передъ зеркаломъ. Родители не знаютъ, что имъ дълать съ красавицей и догадываются немного поздно, что напрасно пріучили ее къ бездъйствію, когда отецъ получаетъ очень недостаточное жалованье, а мать сама смотритъ за хозяйствомъ. О замужствъ они не хотятъ думать, потому что бъдную дъвушку возьметъ или прикащикъ какого инбудь магазина, или писецъ потаріуса съ жалованьемъ въ тысячу франковъ. Какая блистательная будущность для красавицы, которая читаетъ Байрона въ оригиналъ и играетъ фантазіи Герца на мотивы изъ Гугенотовъ.

[—] Какая мысль, восклицаеть однажды отецъ! Отдадимъ ее на сцену...

— Въ самомъ дъль, отвъчаетъ мать...

И родители, мечтая, что дочь ихъ будетъ второю Шанмеле или Клеронъ, высчитываютъ, сколько она будетъ получать жалованья, какъ на нее посыплется дождь цвътовъ, золота, зплодисментовъ, и разумъется, что слава будущей великой актрисы доставитъ большую выгоду какъ папенькъ, который возобновитъ свой древній гардеробъ и будетъ ходить даромъ въ театръ, такъ и маменькъ, которая промъняетъ свой шерстяной тартанъ на шаль, и будетъ носить шляпки съ перьями.

Для формы призывають дъвушку и говорять ей:

— Ты любишь театръ, душечка, мы это замътили. Радуйся же... ты будешь актрисою.

И на другой же день будущую актрису ведуть къ Сансону или Бовале, чтобъ узнать, къ чему она больше способна къ трагедіи или комедін, и послѣ нѣсколькихъ уроковъ она дебютируетъ.

Чему же удивляться, что при такой систем вст театры наполнены хорошенькими автоматами, безъ малъйшей искры геніяльности, безъ чувства, безъ души, которые умтютъ премило улыбаться, и одтваться живописно, но неспособны ни увлечься ролью, ни увлечь зрителя.

Недавно два обычные посътителя французской комедіи, перебирая достоинства и красоту молоденьких актрись, дошли до страннаго заключенія, что всь онъ похожи одна на другую не только талантомъ, по даже наружностью.

- Когда я вижу Мадлену Броганъ, Дененъ, Фиксъ, Фаваръ, Бонваль, сказалъ одинъ изъ нихъ, мит все кажется, что это одна актриса, потому что вст онт прекрасны въ равной стенеци, играютъ также мило, спокойно, методически, и даже голосъ ихъ въчно повторяетъ одит и тъже ноты.
- Въ этомъ виновата консерваторія, зам'єтиль другой. Это настоящая фабрика, гді, благодаря традиціямь, выливають въ одну форму всі таланты и даже наружность актрись. Вотъ почему оні одинаково улыбаются, поводять глазами и распівають комедіи Мольера и Скриба.

Бъдная консерваторій! Ее обвиняють, что она будто бы истребляєть геніяльныхь актрись, тогда какъ она дълаєть всякую посредственность сносною. Да и къ чему этимъ молодымъ хорошенькимъ дъвушкамъ изучать искусство! Онъ знають, что будуть нравиться во всъхъ роляхъ и костюмахъ, и что получать названіе общинцъ театра, по старшинству, какъ въ службъ. Въ этотъ день вся семья актрисы празднуеть; всъ поздравляють великую артистку, всъ радуются за ея будущность. И однако искусство и театръ инчего бы не потеряли, если бъ эта общинца была женою прикащика или нотаріуса.

Но неужели, спросять насъ, въ настоящее время пѣтъ совсѣмъ истинныхъ талантовъ на первой французской сценѣ? Какъ не бъть, есть много, по въ каждомъ педостаетъ еще многаго, чтобъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ искусства.

Громкое имя Рашели отвъчаетъ на всъ упреки; но можетъ ли она одна выкупить неспособность и мелочность своихъ подругъ? Притомъ Рашель припадлежитъ къ школъ Энгра, то есть въ ней превосходенъ рисунокъ и контуръ, но мало красокъ и жизни. Сама трагедія уже не имъетъ вліянія на публику, и наше покольніе довольно холодно смотритъ на великую артистку, приводящую въ восторгъ учениковъ Давида, археологовъ и скульпторовъ. Рашель—это статуя изъ паросскаго мрамора, которая декламируетъ музыкально и дълаетъ живописные жесты. Но вообразите вы ее не въ древнемъ костюмъ, и не посреди колоннадъ и красныхъ завъсовъ—и вся иллюзія пропадаетъ, потому что Рашель сдълалась слицетворенною трагедією.

Какая же отъ этого польза современному театру, современному искусству? Говоря о Рашели, впрочемъ нельзя отдълаться иъсколькими словами, и мы поговоримъ объ ней со всею подробностью въ слъдующемъ мъсяцъ.

Г-жа Алланъ настоящая артистка съ высокимъ талантомъ, теплотою чувства, умная, кокетливая, всегда натуральная.

Правда, она уже очень долго сохраняеть манеры театра Гимназіи, гдѣ она дебютировала съ такимъ усиѣхомъ, но за то какъ смѣло и развязно играетъ всѣ роли, отъ которыхъ слѣдовало бы ей давно отказаться.

Г-жа Алланъ никогда на будетъ общинцею французской комедіи, потому что дирекція дорожитъ только хорошенькими личиками и молодостью, а не цёнитъ опытныхъ талантовъ.

Огюстина Броганъ тоже превосходная артистка, живан, веселая, остроумная, съ пріятнымъ голосомъ, ныразітельною наружностью. Но она сама такъ увърена во всемъ этомъ, что выходя на сцену, хочетъ чтобъ занимались ею одною, и потому мало заботится о своей роли и пьесъ. Вообще въ ней мало методы и теритнія—первыхъ качествъ истинной артистки.

Публика любить ее и балуеть, потому что она на сценъ свободна, какъ у себя дома, и умъеть придать живость самому снотворному водевилю.

Огюстина Броганъ, игравши однажды Матюрину въ Донъ-Жуанъ, вздумала надъть на себя всъ свои брильянты. Этотъ капризъ не прошелъ бы даромъ другой актрисъ, но въ Огюстинъ Броганъ публика нашла и это остроумнымъ. Кажется, что артистка употребляетъ во зло расположение публики, а главное заботится больше о репутации остроумной женщины, чъмъ о своемъ драматическомъ талаптъ. Каламбуры ея сдълались знаменитыми, по много ли ролей создащныхъ ею отчетливо и сдълавшихся тинами?

На другихъ театрахъ г-жа Дошъ считается превосходною артисткою, только и она сдълалась извъстна своею эксцентрическою жизнью, роскошью и блескомъ, какъ будто бы владъла розсынями Калифорніи. Говорятъ, вирочемъ, что она помогаетъ своему семейству, живущему гдъ-то въ провинціп:

При первомъ представлении пьесы La Dame aux camelias, гдъ Дошъ была такъ натуральна и чувствительна, одинъ изъ зрителей замътилъ:

— Не мудрено, что Дошъ играетъ такъ хорошо. Эта исторія чрезвычайно похожа на ея собственную жизнь. Она тоже знала бъдность и горе, и теперь живетъ окруженная бархатомъ, камеліями, брильянтами и горностаемъ. Теперь она ходить по золоченому паркету, и спитъ на перьяхъ колибри, но талантъ ея такого рода, что никакъ не можетъ пережить молодости актрисы.

Покровители актрисы дълаются съ каждымъ днемъ рѣже, такъ что скоро порода ихъ совсъмъ исчезнетъ. Не смотря на это, каждая дебютантка мечтаетъ, что именно для нея пріъдетъ какой нибудь набобъ, который женясь на ней разорится на ея прихоти. Въ ожиданіи же пабобовъ, артистки отдълываютъ себъ въ домъ квартиру, нанимаютъ брильянты, беруть на прокатъ экинажи и сами разоряются.

Въ прежнее время актриса, желающая доказать свою любовь покровителю, предлагала для него оставить сцену, чтобъ невозбуждать его ревности; теперь же всякая гризетка и лоретка требують, чтобъ женихъ ея непремънно помъстилъ ее на какой нибудь театръ, выхлопоталъ ей дебютъ, скупилъ всѣ билеты оркестра, посадилъ бы своихъ друзей, чтобъ успъхъ былъ самый блистательный, и чтобъ директоръ тотчасъ же ангажировалъ будущую великую артистку.

Вотъ какъ образуются нынче таланты!

Общее правило—всѣ гризетки дебютируютъ, но въ итогѣ очень мало порядочныхъ актрисъ, потому что всѣ этп женщины хотятъ показать на сценъ свои наряды и красоту, и только ихъ чрезвычайно много на всѣхъ театрахъ подъ иностранными именами: Анита, Юлія, Анжела, Пальмира и проч. и проч., только всѣ опѣ отличаются на второстепенныхъ театрахъ, тогда какъ дѣвушки съ воспитаніемъ, отданныя родителями на сцену, часто блистаютъ на первыхъ театрахъ.

30 Смпсь.

Можетъ быть, нъкоторымъ любопытно знать какъ живутъ парижскія актрисы пе на сценъ? Точно также какъ и другія женщины, только часто случается, что актриса, играющая арпетократокъ, принимаетъ дома манеры и разговоръ торговокъ. Это означаетъ разнообразіе ея таланта. Большую часть дня актриса занимается своими костюмами, но очень ръдко учитъ роли.

Танцорки съ нъкотораго времени перестали быть въ славъ. Для нихъ прошло уже безвозвратно время покойнаго Гальденя и Верона.

Теперь пируеты не воспламеняютъ сердецъ.

Сильфиды скоро выходять замужъ.

Вкусъ публики до того испортился, что теперь она непоняла бы пластическихъ, скромныхъ, увлекательныхъ танцевъ Тальони, которая сводила съ ума умныхъ людей лътъ двадцать тому назадъ. Впрочемъ это и не удивительно, потому что Тальони кромъ чудныхъ ножекъ обладала еще чувствительнымъ сердцемъ и благороднымъ характеромъ. Ея письма изъ Лондона къ одному изъ писателей такъ превосходны и наполнены такимъ непритворнымъ чувствомъ, что въ XVIII въкъ эта кореспонденція была бы напечатана и имъла бы огромный успъхъ.

Вообще замъчено, что танцорки гораздо преданиъе и безкорыстиъе актрисъ. Натали Фицджемсъ недавно еще спасла отъ погибели и смерти одного мелодаго человъка.

Извцы все еще остаются на одной степени, и прекрасный голосъ составляетъ неотъемлемое богатство и самую блистательную будущность.

Многіе люди, пресыщенные всёми благами міра, испытавшіе все на свётё, находять наслажденіе только въ музыкѣ, и пріятный голось производить на нихъ сильное впечатлёніе. Воть почему англійскіе лорды часто женятся на півнцахъ, чтобъ чаще слышать прекрасный голось.

Пъвицы, выходя замужъ, живутъ съ своимъ семействомъ не такъ какъ драматическія актрисы, которыя иногда незнаютъ даже, гдъ живетъ ихъ мужъ и семейство. Въ наше время нъсколько примадонъ усиъли составить блистательныя партіи. Зонтагъ, Нальди, Дарсье, Гарсіа, считаются примърными женщинами, украшающими всякое общество.

Ифвицы и танцовщицы имфють каждая свои эксцентрическія привычки, которыя покажутся странными тфмъ, кто не знакомъ съ тайнами закулисной жизни. Вотъ нфкоторые примфры, взятые наудачу:

Малибранъ, одъвшись въ костюмъ Дездемоны или Арзаса, имъла обыкновение ужинать за полчаса до начатія оперы, и ей приносили всегда изъ Café Anglais баранью котлетку и полбутылки сотерну. Послъ ужина

примадонна закуривала сигаретку и бросала ее только когда поднималась завъса и ей надобно было выходить на сцену.

Г-жа Дорюсъ тоже кушала передъ представлениемъ холодное мясо, которое приносила съ собою въ жестяныхъ коробкахъ, что приводило въ отчаяние Дюпоншеля, говорившаго всегда:

— Я простиль бы ей, еслибъ она ужинала на серебръ.

Фанни-Черита любитъ переписывать романы, и въ свободное время, даже въ антрактахъ, сама рисуетъ къ нимъ иллюстраціи.

Карлота Гризи, за кулисами съ жадностью нюхаетъ букетъ цвътовъ и бросаетъ его въ руки горинчной, выходя на сцену.

Г-жа Но въ антрактъ прилежно вышиваетъ.

Г-жа Югольдъ бъгаетъ съ голою шеей по холоднымъ коридорамъ, отчего прекрасный ея голосъ дълается хриплымъ.

Тальони передъ выходомъ чувствовала такую нервическую дрожь, что принуждена была июхать спиртъ и тереть виски уксусомъ.

Г-жа Штольцъ всегда разговариваетъ передъ своимъ выходомъ и считается самою храброю актрисою; потому что не чувствуетъ ни малъйшаго волненія и страха, какъ другіе артисты, когда имъ приходится являться передъ публикою и еще въ новой пьесъ.

Фанни Эльслеръ, выходя изъ уборной, всегда чувствуетъ припадокъ сплина, который разсъевается только при звукахъ оркестра.

Пріора, танцуя всегда съ открытымъ ртомъ, скоро чувствуетъ, что горло ея высыхаетъ, и потому бъгаетъ поминутно за кулисы, чтобъ пососать апельсинъ и освъжиться.

Альбони пѣла только тогда неподражаемо, когда въ рукахъ ея былъ вѣеръ, подаренный ей однимъ молодымъ человѣкомъ. Она разставалась съ нимъ очень рѣдко и выходила съ нимъ даже на сцену, если это позволяла роль.

- Это талисманъ вашего сердца, сказалъ ей однажды одинъ изъ ея почитателей.
- Скоръе талисманъ моего горла, отвъчала пъвица, потому что безъ него я пою не такъ хорошо.

Все въ жизни парижскихъ актрисъ служитъ рекламомъ. Вотъ для чего актриса учится плавать, стрълять, фехтовать, ъздить верхомъ; экипажъ ея отличается оригинальностью, меблировка комнатъ иногда безумною росскошью.

Въ наше время актрисы бросають десятки и сотни тысячъ, чтобъ только похвастать какою нибудь новостью въ меблировкъ, и если, не смотря ни на что, публика не обращаеть должнаго вниманія на актрису, она ръшается продать съ аукціона свой музей ръдкостей и этимъ при-

влекаетъ опять любопытныхъ, а главное заставляетъ журналистовъ говорить о себъ.

Года два тому назадъ Дошъ объявила о продажѣ своей мебели, и публика съ удивленіемъ разсматривала драгоцѣнные столы, шкафы, безчисленныя вазы, бронзы, ковры; словомъ каждый вспомнилъ великолѣніе султаншъ въ Тысячѣ одной ночи. И чтожъ, черезъ пѣсколько мѣсяцевъ геропня камелій съ такимъ же шумомъ и журнальными статьями хвастала новою меблировкою своихъ комнатъ, еще великолѣпнѣе прежней. Послѣ этого актриса немного успокоилась, зная, что публика долго не забудетъ ее.

У актрисы Дененъ вся лъстинца украшена цвътами и зеркалами; надобно вообразить послъ этого какъ у ней убраны комнаты!

Жилище Рашели уже извъстно, столько о немъ прокричали всъ газеты, столько разъ изображали иллюстраціи всъ ся комнаты, мебель, украшенія. Къ ней пишуть часто какъ въ Лондонъ къ герцогу Девоншейру или маркизу Вестминстеру, прося позволенія осмотръть ся маленькій музей улицы Трюдонъ.

Каждая актриса старается только о томъ, чтобъ квартира ея была похожа на базаръ или на кристальный дворецъ въ миніатюрѣ, но главное, ни одна не хочетъ уступить другой въ роскоши. Если узнаютъ, что у Дошъ явилась новая картина или ваза, то Пажъ, Октавъ, Ози и другія будутъ хлонотать только о томъ, чтобъ у нихъ явилась какав нибудь рѣдкость, еще богаче и драгоцѣннѣе.

Какъ далека была отъ этой глупой роскоши настоящая актриса, приводившая всю публику въ содроганіе, заставлявшая плакать весь театръ. Марія Дорваль, вмъсто бронзъ и фарфора, окружала себя артистами, поэтами, писателями; всъ уважали въ ней прекрасную актрису и добрую женщину.

Пъвица Штольцъ имъетъ слабость къ меблировкъ въ восточномъ вкусъ, и въ нынъшній сезопъ возвратясь въ Парижъ, доказала, что вкусъ ея остался все тотъ же, хотя мода не одобряетъ его. Она истратила много денегъ, и заставила смъяться надъ собою. Истинный талантъ долженъ умъть и въ мелочахъ заставлять себя уважать.

Теперь еще одинъ вопросъ: у каждой ли актрисы есть остроуміе? На это очень трудно отвъчать. Актрисы такъ привыкли играть какую нибудь роль даже дома и въ кругу родныхъ, такъ много заучили чужихъ остротъ и каламбуровъ, что ихъ находчивость и остроуміе происходятъ иногда только отъ хорошей памяти и привычки.

Однако есть и были актрисы, которыя присвоили себъ монополію остроумія и которыми гордится вся корпорація. Софія Арну см'єло и иногда дерзко сыпала остротами въ посл'єднія годы монархіи.

Во время реставраціи блистала умомъ актриса Бургоэнъ.

При Луи-Филиппъ Дежазе смъщила всъхъ своими выходками, и остроты ен повторялись въ обществахъ и журналахъ.

Теперь Огюстина Броганъ завладъла монополією каламбуровъ, в каждый день друзья ея разносять по городу остроумные анекдоты, сказанные экспромтомъ веселою артисткою. Случается иногда, что m-lle Броганъ повторяетъ сказанное Дежазе и даже Софією Арну, но что за счеты между своими. Нельзя же вѣчно быть готовою отвѣчать, и всякое остроуміе можетъ истощиться отъ частаго употребленія. Поневолѣ придется или повторять уже сказанное, или занимать у другихъ, лишь бы только поддержать свою репутацію. Вообще остроуміе актрисъ кажется заученымъ: въ немъ мало свѣжести, неожиданности, в потому его принимаютъ также холодно, какъ будто это была выученная роль.

Однако не надобно думать, что парижская актриса лишена всъхъ качествъ женщины. Есть много актрисъ превосходныхъ матерей п женъ, Онъ воспитываютъ дочерей въ лучшихъ пансіонахъ, и мечтаютъ, что сыповья ихъ будутъ въ политехнической школъ. Это женщины добрыя, учныя, прекрасныя хозяйки, но совсъмъ не геніяльныя актрисы. Онъ приходятъ пъшкомъ на репетиціи, уходятъ послъ спектакля съ зонтикомъ и даже не берутъ фіакра, какъ напримъръ г-жа Лакрессоньеръ.

У подъезда театра Гимназіи экипажей совсемь не видать, потому что все беруть примеръ съ директрисы, которая не употребляеть другаго экипажа, кроме калошь, и то въ дурную погоду.

Въ оперѣ такъ привыкли къ экипажамъ, что пѣвицы могутъ пріѣзжать какъ имъ угодно, хоть верхомъ, никто этого не замѣтитъ. Въ бульварныхъ театрахъ экипажи, и особенио такіе какъ у Дошъ и Пажъ рѣдкость.

Васкской провинціи до тридиати пасторалей, писанных на туземномъ наыкъ. Изъ нихъ большан часть принадлежать къ духовнымъ мистеріямъ среднихъ въковъ. Есть нъсколько пьесъ изъ минологіи, какъ напримъръ: о подвигахъ Вакха. Есть двъ изъ древней исторіи: Астійто и Александръ Македонскій. Многія взяты изъ французской исторіи: Людовикъ, Двівнадцать перовъ Франціи, Карлъ Великій, четыре сыпа Аймона, Тибо, Ричардъ герцогъ Нормандскій. Есть даже три пьесы изъ жизни Наполеона. Въ первой изображена эпоха консульства, во второй Имперія, въ третьей онъ на островъ св. Елены.

Здѣсь нѣтъ постояннаго театра, а когда вздумають сыграть какую нибудь пьесу, то собирають съ любителей на расходы сорокъ франковъ, и гдѣ нибудь въ сараѣ устранвають сцену. Она проста и скромна. На нѣсколькихъ балкахъ положены доски, въ полтора метра высоты отъ пола, и въ четыре-пять квадратныхъ метровъ пространства. Эта сцена раздѣляется на двѣ части: въ одной самая сцена, въ другой находятся актеры, когда не играютъ. Между ними драпери. На лѣвой сторонѣ сцены стойтъ всегда кукла, движимая спурками. Она играетъ роль во всѣхъ пьесахъ, а въ айтрактахъ забавляетъ публику.

На сценъ бываютъ не одни актеры. Значительнъйшія лица города или селенія тоже сидятъ на ней. Швен, шившія платья, репетиторъ, суфлеръ и два музыканта тоже помъщаются на сценъ. Въ антрактахъ пять, шесть молодыхъ людей производятъ аллегорическія пляски.

Всѣ пьесы начинаются прологомъ, въ которомъ изложенъ сюжетъ. Нъкоторыя кончаются эпилогомъ.

Костюмы выбирають старинные, какіе у кого есть. Больше всего обращають виманіе на головной уборъ. Рыцари среднихъ въковъ играють во фракахъ, бѣлыхъ жилетахъ и бѣлыхъ брюкахъ, съ золотою цѣпью черезъ плечо, со шиагою на боку.

Пьесы должны быть играны артистами одного пола: или все мужчинами, или все женщинами.

Въ день представленія актеры обходять съ музыкою весь городъ, останавливаясь передъ домомъ мера.

Спектакль продолжается пять, шесть часовъ. Наблюдается глубочайшее молчаніе между зрителями. Хорошо сыгравшій актеръ пользуется всеобщимъ уваженіемъ.

Зрители ничего не платятъ за входъ, а угощаются со стороны актеровъ. Но всъ эти угощенія приносять имъ заранѣе изъ домовъ.

Послъ сцектакля происходять на сценъ танцы съ участіемъ зрителей. За честь танцовать съ первыми актерами, платится до 450 фр.

Все, что актеры получать за издержками, употребляется ими на угощение посътителей черезъ недълю потомъ.

Желательно было бы, чтобъ хорошіе филологи занялись разборомъ этихъ пьесъ. (Mag. fur die Lit.).

приміра о подавоння відука Кета, два нах продові петарів: депотек в кличеннора Монченскій, більна взятья нах працученця п спри Людевська, Депарейнами терене Финанція, Кілька Деленія, усторів выша Людона, Тига, Умаров герзерго Пормандекта. Беза зако ури пьесы нак жизні Пайолеція. Въ персой пробрежена спока вопечанеть, ве спорой Помулі, ук. третей сик да детовов в Клича +45/40963

іу. Анекдоты, замъчательные случаи, новости.

Восковое насъкомое въ Китаъ. Между безчисленными породами насъкомыхъ, разсъянныхъ по всему земному шару, только самое небольшое число приносить какую нибудь пользу для человъка. Ичела приготовляеть для насъ лакомство, шелковичный червь матеріи, кошениль яркую краску. Нъсколько другихъ породъ тоже служатъ для нашихъ надобностей, но за то сколько тысячъ насткомыхъ только терзаютъ и мучатъ человъка. Всъ фермеры боятся бълаго червя какъ чумы, садовники, огородники не знаютъ чемъ оградить свои цветы и плоды отъ жадныхъ легіоновъ, немилосердо истребляющихъ всв ихъ труды. Даже лъса находятся въ опасности отъ безчисленныхъ породъ насъкомыхъ, подкапывающихся подъ кории, уничтожающихъ всѣ листья деревьевъ; словомъ, можно составить огромную книгу о вредъ, причиняемомъ насъкомыми человъку.

Послъ этого надобно признаться, что не смотря на угнетенія этихъ часто незамътныхъ созданій, натуралисты очень мало занимаются ими, и мы до сихъ поръ мало знаемъ не только о привычкахъ и образъ жизии насъкомыхъ, по даже наука не усиъла разобрать всъ породы и назвать ихъ. Впрочемъ въ последнее время начали на нихъ обращать больше винманія и усп'єли уже сділать много полезныхъ открытій.

Китай имъетъ множество произведеній, неизвъстныхъ другимъ пародамъ, изъ которыхъ извлекаетъ большую пользу. Сношенія съ этою загадочною страною открывають намъ иногда чудеса, о которыхъ мы не имъли никакого понятія и считали бы ихъ сказками, еслибъ ихъ не подтверждали люди, неспособные обманываться. Недавно объявляли о сальномъ деревъ, растущемъ въ Китаъ, о прадильной травъ, принадлежащей къ породъ терній (Boehmeria nivea), и которая уже извъстна въ англійской торговл'є подъ названіемъ китайской травы. Ботаникъ Форчонъ нашелъ въ Китат миожество разнообразныхъ породъ цвътовъ. Теперь же отыскали тамъ интересное насъкомое, которое можетъ сдълать большой перевороть въ торговлъ. Въ Европъ еще мало о немъ знають, но ученый Вествудь сообщаеть следующія подробности объ этомъ животномъ и особенно о его произведенін.

Это насъкомое названо пе-ла или восковое насъкомое; оно принадлежить къ породъ кокусовъ, й потому называется также кокусъ пе-ла. Вотъ что говорять о немъ китайскіе писатели: «Весною беруть коконы съ ящами этихъ насъкомыхъ, завертываютъ ихъ въ листья и въшаютъ на вътвяхъ дерева, съ котораго потомъ будутъ собирать воскъ. Черезъ четыре недъли изъ янцъ выходять насъкомыя, бълыя,

36 Смъсь.

величиною въ зерно проса, которыя прицепляются къ веткамъ дерева и прячутся подъ листьями. Эти насъкомыя спускаются съ дерева и расходятся по травъ, если она есть вблизи, и для этого китайны, чтобъ не потерять сбора воску, сдираютъ кору съ дерева, дълаютъ его гладкимъ, и маленькое насъкомое принуждено вернуться на вътви. Тамъ эти насъкомыя выпускають изъ себя бълый воскъ, которымъ облепляютъ все дерево, такъ что оно кажется покрыто инеемъ. Самое насъкомое остается въ этой жидкости, постепенно твердьющей, и какъ говорять китайцы, само превращается въ воскъ. Тогда обрубають вътви дерева и добывають значительное количество самаго чистаго воска. Время собиранія воска бываеть разное, смотря по климату. Въ нъкоторыхъ мъстахъ собираютъ его въ іюнъ, въ другихъ въ августъ. Въ концъ же лъта и въ сентябръ клейкое вещество это до того кръпко прилипаетъ къ дереву, что его невозможно уже отдълить; его оставляють еще болъе потому, что въ немъ сохраняются янца насъкомыхъ въ красноватой оболочкъ. Вествудъ полагаетъ, что этотъ коконъ есть тъло самокъ, которое принимаетъ въ это время большіе размѣры, потому что бывши величиною въ рисовое зерно, увеличивается до объема куринаго яйца, и издали похоже на плодъ, выросшій на бъломъ деревъ. Въ этихъ коконахъ находится множество янцъ, которыя сохраняютъ вийсти съ виткою для распложения насикомыхъ.

Вествудъ замѣчаетъ также, что это превращеніе насѣкомаго въ воскъ принадлежитъ породѣ кокуса сегіfегия, только это животное не имѣетъ ничего общаго съ пе-ла. Притомъ же у первыхъ самецъ имѣетъ способность составлять воскъ или клейкое, бѣлое вещество, замѣченное на деревьяхъ многими путешественниками, тогда какъ у послѣднихъ только самки выпускаютъ изъ себя воскъ и сами превращаются въ бѣлую клейкую матерію.

Въ воскъ, собранномъ съ деревьевъ, находится множество тълъ этихъ насъкомыхъ, но онъ цънится въ торговлъ какъ самый лучшій и растопляется при томъ же градусъ тепла, какъ и обыкновенный воскъ.

Бълизна этого воска самая чистая, и нътъ сомивнія, что скоро ввозъ этого вещества въ Англію будетъ весьма значителенъ. Покуда свъдънія наши о насъкомомъ пела такъ недостаточны, что мы не можемъ знать, способно ли это животное плодиться въ другихъ странахъ. Въ запискахъ ботаниковъ не сказано даже, какое дерево насъкомые облепляютъ своимъ воскомъ, и китайскіе писатели говорятъ только, что оно сохраняетъ зелень и зимою.

Вествудъ прибавляетъ къ своимъ запискамъ о кокусть ne-ла нъкоторыя замъчанія, любопытныя и для нашихъ садовниковъ. Онъ говоритъ, что если собрать пушистое вещество, производимое породами fulgoridae, соссіdae и др., то въ нихъ можно найти тоже свойства воска. Въ нашихъ странахъ виноградный соссия имъетъ большое сходство съ ne-лa, что не трудно испытать.

На яблоняхъ водится тоже насъкомое, которое покрываетъ стволъ дерева бъловатымъ веществомъ, въ родъ китайскаго воска, что очень легко изслъдовать. Только число этихъ насъкомыхъ у насъ не очень велико, такъ что если они производятъ и настоящій воскъ, то все-таки въ такомъ маломъ количествъ, что отъ него не можетъ быть никакой пользы торговлъ. Удивительно также, что китайцы, собирая огромное количество воска, не истребляютъ и даже не уменьщаютъ породу насъкомыхъ. Въ нашемъ климатъ можно воспользоваться тъми же средствами не для собиранія воска на яблоняхъ и впноградныхъ лозахъ, а для истребленія насъкомыхъ, портящихъ фруктовыя деревья.

Однако мы еще не получили подробныхъ свъдъній о китайскомъ восковомъ червъ, и потому будемъ дожидаться, чтобъ ученые изучили на мъстъ жизнь и характеръ интереснаго животнаго. (Rev. Britan.).

Помаръ въ Саленъ. Это было во время реставраціи.

Францію постигло большое несчастіе. Пожаръ въ Саленъ лишилъ достоянія тысячи семействъ, которыя находились въ крайности.

Бордоскій пасторъ Шеверю истощиль свои собственныя средства и церковную кассу, чтобъ помочь несчастнымь, по всего этого было мало. Наконець онь узнаеть. что будеть большой баль, на которомъ сойдется все общество Бордо, и ровно въ полночь, не сказавъ никому ни слова, онъ отправился туда и неожиданно вошель въ залу.

Балъ былъ въ полномъ блескъ, но при видъ всъми уважаемаго пастора, оркестръ вдругъ замолкъ, танцорки вернулись на свои мъста, хозяинъ дома смъшался и не зналъ что сказать странному гостю.

— Зачъмъ вы перестали танцовать? спросиль пасторъ. Я пришель совсъмъ не для того, чтобъ помъщать веселью. Продолжайте.

Но слова эти были напрасны; каждый чувствоваль такое почтеніе къ новому гостю, что никто не двигался съ мъста. Тогда г. Шеверю сказаль, обращаясь къ оркестру:

 Если никто не хочетъ танцовать, то сыграйте вальсъ для меня.

И взявъ за руку хозяйку дома, пасторъ обощелъ съ нею всъхъ гостей, прося ихъ сжалиться надъ страдальцами Салена и протягивая кошелекъ. Сборъ былъ такъ великъ, что надобно было найти другой кошелекъ, и когда пасторъ обошелъ всю залу при звукахъ прекрасной музыки, то невозможно описать какъ всъ были тронуты этимъ благороднымъ, неожиданнымъ поступкомъ.

Въ Бордо долго вспоминали съ умиленіемъ объ этомъ вальсѣ г.

Шеверю. (Gazette musicale).

the same and resignation of the the proper street, the property of the propert

Зажигательныя синчки. За небольшую цъну покупаемъ мы теперь множество зажигательныхъ спичекъ, и бросаемъ ихъ потомъ съ пренебреженіемъ, получивъ посредствомъ тренія нужный для насъ огонь. А между тъмъ, какого вниманія и удивленія заслуживаетъ эта незначительная повидимому вещь.

Сколько въковъ прожили первобытныя племена людей, пеумъвшихъ ни производить огня, ни сохранять его. Встарину пезнали другаго средства, какъ сохранять горячіе угли подъ пепломъ, которые потомъ раздували съ другими черными углями и зажигали лучины. Дикіе и теперь добываютъ огонь быстрымъ треніемъ двухъ кусковъ дерева.

Уже гораздо позже изобръли средство высъкать огонь. Это была геніяльная мысль. Ударъ кремня о сталь, отбиваетъ невидимые кусочки стали, которая отъ удара падаетъ раскаленною искрою на трутъ или губку, зажигая ихъ.

Химія открыла лучше и удобиве средство. Сперва были придуманы банки съ жидкостью, изъ которой развивался водородный газъ. При открытіи крана, газъ этотъ струсю устремлялся на листки платины, которая мгновенно раскалясь, заставляла вспыхивать этотъ газъ, зажигавшій свъчу или бумажку.

Наконець дъло дошло и до синчекъ; мы не говоримъ о прежнихъ спичкахъ съ сърными кончиками, которым восиламенялись у зажженнаго трута. Ныпъшнія зажигательныя синчки совершенно химическое изобрътеніе. Сперва онъ тоже, какъ и прежнія, обмакиваются въ расплавленную съру, но потомъ этотъ же кончикъ погружается въ фосферъ, котораго слой и прикрываетъ съру.

Извъстно, что фосфоръ имъетъ свойство соединяться съ кислородомъ, такъ что на воздухъ онъ при обыкновенной теплотъ почти невидимо сгораетъ, развивая фосфорную кислоту, то есть соединение фосфора съ кислородомъ воздуха.

Если слой фосфора на спичкъ быстро потереть обо что нибудь негладкое, то усиление температуры воспламенить фосфорь, и это воспламенение тотчасъ же сообщится съръ, то есть тогда и съра придетъ въ соединение съ кислородомъ воздуха. Восиламененная съра зажигаетъ тотчасъ и дерево спички. Такимъ образомъ химія производитъ въ этой спичкъ три пламени, на которыя мы очень равнодушно смотримъ и безъ вниманія бросаемъ пенужную потомъ спичку, вовсе не думая о томъ, что мы совершили три химическіе процесса, а именно: соединеніе фосфора съ кислородомъ, соединеніе съры съ кислородомъ и соединеніе кислорода съ углеродомъ. (Novell, Zeit.).

Продолжительность жизни. Извъстиая медицинская аксіома, что продолжительность жизни зависить отъ правильнаго образа жизни, доказывается слъдующими статистическими цифрами.

group oparative assume man, about or other

Извъстно, что квакеры ведутъ правильную и снокойную жизнь, незная ни волненій роскоши, ни пышныхъ объдовъ, ни бальной безсонницы. Въ Честерфильдъ есть кладбище, гдъ ихъ отдъльно хоронятъ. Недавно одному врачу статистику вздумалось счесть число лътъ послъдненогребенныхъ ста квакеровъ, и на другомъ кладбищъ подлъ, число лътъ другихъ ста гражданъ послъднеумершихъ. Вышло:

.000, 681 P. X	первыхт	ква (ква	керовъ)	09139	Libra.	5.0	HOPE .	4,	790	7/12	JETL
amoute dist	вторыхъ	entitere	L. M. Jeffs	20100,00	20	MARK.	100	2,	516	1/2	Day 108
Слъдовательно	первые	жили	кругом	ь по.	hije	500	un	ETO	ah.n	L.P	4710/12
maytoss ave	вторые	по. Эл	90 .0	iii dejini	nio	-Uit	de la	1100	129	0,000	25 1/19
(Echielly)			7								it.) :

Мельбурнский университеть.—Въ 1853 году положено было завести въ австралійской колоніи два университета, а именю: въ Сиднев и Мельбурнъ. Первый изъ нихъ уже открытъ. На содержаніе его назначено ежегодно 5,000 фунт. стерлинговъ (30,000 руб. сер.), и въ немъ уже двънадцать нитомцевъ.

Теперь готовъ и Мельбурнскій, т. е. готово зданіе, и обнародованъ статутъ этого заведенія; остается только наполнить его профессорами и учениками. Ни тъхъ, ни другихъ покуда нътъ.

Изъ любонытства просмотримъ теперь статутъ. Можетъ быть, со временемъ услышимъ что нибудь и объ успѣхахъ заведенія.

Управленіе упиверситета состоить изь сената и совита. Сов'ять должень быть изь двадцати членовь, въ числъ которыхъ не больше четырехъ духовныхъ лицъ. Этотъ сов'ять избираетъ изъ себя иять канцлеровъ и вице-канцлеровъ.

Сенать не прежде будеть составлень, какъ имъя но-крайней-мъръ

сто разныхъ ученыхъ степеней (masters of arts, doctors of Medicine, Laws and Music).

Сенать можеть давать дипломы и продавать званія Bachelor of Arts, Master of Arts, Bachelor of Medicine, Doctor of Medicine, Bachelor of Laws, Doctor of Laws, Bachelor of Music, Doctor of Music. Преподаванія философіи не положено въ университеть и нъть званій доктора или бакалавра философіи.

Каждый студентъ долженъ жить у своихъ родителей или опекуна, или же въ заведении, назначенномъ капилеромъ университета.

Губернаторъ Австраліи употребляеть ежегодно 9,000 ф. стерл. на поддержаніе университета и на поощреніе студентовъ.

Предметы преподаванія слѣдующіє: греческіе и латинскіе классики; древняя исторія; чистая и прикладная математика; Естественныя науки; новѣйшая исторій, новѣйшая литература; національная экономія и логика.

Ни одинъ профессоръ не можетъ давать частныхъ уроковъ и держать у себя студентовъ на дому.

Четыре профессора составляють еще особое управление Board.

Для построенія зданія употреблено 30,000 фунт. стерл. (180,000 руб. сер.). Земля подъ зданіе подарена, и канцлеръ объявиль, что онъ надъется на дальнъйшія пособія.

Профессоры должны въ обращении и во всъхъ поступкахъ заслуживать всеообщее уважение. (Erheit.).

Афоризмы писателей, исчислявшихъ недостатки женщинъ. — Теренцій. Я знаю хорошо женщинъ. Если ты чего инбудь желаешь, то онъ не хотять; если ты не хочешь, то онъ върно потребують.

Плавто. Кто хочеть нажить себ'в много заботь и труда, тому надобно только запастись двумя вещами: кораблемь и женою. Туть начнется день и ночь мытье, перетиранье, чистка, глаженье, окраска и проч.

Кодръ. На небъ менъе звъздъ, нежели тонкостей въ женскомъ сердцъ.

Сирій. Если женщина при всѣхъ на тебя сердита,—это хорошій знакъ.

Ювеналь. Что легче пуха? пыль. Что легче пыли?—вътеръ. Что легче вътра?—женщина, Что легче женщины?—не знаю.

Лабрюйеръ. У женщинъ во всемъ крайности. Онъ или гораздо лучше мужчинъ, или гораздо хуже.

Нравы женщинъ образуются тъми, кто ихъ любитъ.

Мужчины виноваты, что женщины не любятъ другь друга.

Тщеславіе или любовь пробуждають только женщинь отъ ліности.

Мариво. Женщины были бы гораздо любезнъе, еслибъ согласплись иногда забывать, что онъ любезны.

Audepo. Женщины какъ жрецы разныхъ храмовъ древности, ненавидятъ другъ друга, но однако же во всемъ взаимно помогаютъ другъ другу.

Жоли. Въ дътствъ—мальчикъ и дъвочка почти одинаково думаютъ и чувствуютъ. Но мальчикъ съ лътами измъняется, а дъвочка сохраняетъ ипогда на всю жизнь дътскій вкусъ и склоиности.

Шамфоръ. Женщина то же самое, что наша тънь. Если мы бъжимъ за нею, она удаляется отъ насъ, и на оборотъ.

При выборъ себъ жениха, дъвушка больше смотритъ на то: какими глазами глядятъ на него ея подруги.

Мольеръ. Наши французскіе крестьяне воображають себъ, что женщина и котлетка одно и то же: чъмъ больше бить ее, тъмъ она мягче.

Бужаръ. Начни при женщинахъ говорить противъ всъхъ ихъ вообще, всъ на тебя возстанутъ. Но заговори противъ одной, всъ пристанутъ къ тебъ.

Альфонсь Каррь Дружба двухь женщинь всегда означаеть заговорь противь третьей. (Le Voleur).

Переселения изъ бадена. При безпрестанно возрастающихъ переселеніяхъ изъ Европы въ Америку, любонытно видъть, сколько, напримъръ, выъхало изъ великаго герцогства баденскаго и сколько они увезли съ собою имущества. Нижеслъдующія цифры взяты изъ офиціальныхъ источниковъ.

430					Людей:	съ н	ими	имуц	цества в	ıa
Въ	1848	году пе	ереселило	сь:	1,686		481	,672	гульд.	
	1849	2 1930		_	1,761		443	,843	-	- 1
on the	1850	Ditter to	HILLOW STA		2,338		553	,021	-	
ME	1851	DUNOUT	10 00 140	TUNE I	7,913	1,	092	,636	-	
	1852			_	14,366	1,	968	,164	CHARLES OF	
1	1853	PL A			12,932	1,	923	,903		
Въ	это чи	ело не	входятъ	тъ,	которые	тайно	уѣх	али.	0000	

(Nov. Zeit.).

огонь и міазмы.—Въ New York Herald пишуть, что въодномъ домъ, гдъ ежедневно горить газъ, не было до сихъ поръ ни одного холернаго случая.

Въ Англіи замѣтили многіе врачи, что въ Вариѣ, послѣ бывшаго тамъ пожара, холера внезапно ослабѣла. При этомъ вспомнили, что въ средніе вѣки во времи чумы зажигали обльшіе костры на улицахъ, и что въ древнихъ индѣйскихъ Ведахъ огонь считался очистителемъ, и къ нему обращались съ мольбами: «О огонь! Защити насъ отъ болѣзней»! (Idem).

восхождение на геклу. Датское правительство, въ слѣдствіе послѣдняго изверженія Геклы на островѣ Исландіи, назначило коммисію, которая должна была представить свое донесеніе по этому предмету. Оно теперь напечатано. Извлекаемъ изъ него слѣдующія извѣстія о иѣкоторыхъ восхожденіяхъ.

A PORT OF THE PROPERTY OF THE PARTY OF THE P

Обыкновенно всходять на Геклу съ южной стороны РефргодытьЗеизунда, котораго жители издавна пользуются привилегіею служить
проводниками для путешественниковъ. Первые ученые, совершившіе
это восхожденіе 20 іюня 1720 года, были гг. Олафсонъ и Повельсонъ. Около полуночи достигли они до вершины, которая только что
покрылась вновь выпавшимъ снъгомъ. Опасностей, о которыхъ имъ
наговорили жители, вовсе они не встрътили. Гора была окружена спокойною атмосферою, и видъ на окрестныя горы съ ихъ ледяными вершинами былъ великолъпенъ. Объ изслъдованіи вулканическаго свойства
горы нельзя было и думать. Довольствовались только собираніемъ
нъкоторыхъ неизвъстныхъ или мало пзвъстныхъ породъ камней. Внутренняго или подземнаго грохота въ Геклъ не было слышно.

Послѣ ужаснаго изверженія въ 1766 году всходили на гору Уно де Троиль Банксъ и Соландеръ. И на этотъ разъ вершина была покрыта сиѣгомъ, который однако же растаялъ во многихъ мѣстахъ отъ внутренней земной теплоты и испареній.

Въ 1793 году, молодой медикъ, Свейнъ Поэльсонъ, хотълъ было совершить это восхождение (онъ былъ посланъ копенгагенскимъ обществомъ естественныхъ наукъ), но дурная погода воспрепятствовала всъмъ его покушениямъ.

Черезъ четыре года возвратился онъ опять съ г. Торлаціусомъ. Пары и глухой подъемный грохотъ обнаруживали дъятельность вулкана. Не смотря на это, оба путешественника взошли на гору. На вершнить нашли они три кратера. Средній, самый большой, былъ въ 38 метровъ глубины и 76 въ діаметръ. Хотя тогда и былъ августъ мъсяцъ, но вершина была покрыта сиъгомъ.

Макензи въ 1810 году видълъ то же эти три кратера, извергав-

Въ 1821 году, когда Тинеманъ всходилъ на гору, нашелъ онъ, что всѣ эти трещины залились лавою.

Французская экспедиція Поля Гишара, всходившаго на Геклу 29 іюля 1836 года, нашла вершину, покрытую свъгомъ. Сильная буря, прогнавшая путешественниковъ, воспрепятствовала всякимъ изслъдованіямъ.

Та же участь постигла Шита въ 1839 году, и донесение его теперь напечатано.

Въ 1845 году были прозведены новыя восхожденія послѣ бывшаго въ томь году ужаснаго изверженія. Изъ этого послѣдняго донессенія видно, что вершина вулкана претерпѣла нѣкоторыя измѣненія при этомъ, но что обыкновенныя явленія не прекращались.

changes there on a merchannen rt (M. f. d. Litt.).

the members one weavail management to

Китайская ярмарка. (Изо писемо путешественника формона).—
...Въ цатомъ часу достигли мы до городва Нингъ-Конгъ-ю, и я ръшился прожить здёсь нёсколько дней, чтобъ осмотрёть здёшнія окрестности. Случайно пріёхаль я наканунё ярмарки. Вездё по улицамъ
встрёчаль я большія приготовленія. Лавки всё были убраны разноцвётными фонарями. По всёмъ направленіямъ тянулись телёги съ товарами. На обёнхъ оконечностяхъ города, гдё готовились большія театральныя представленія, занимались плотники сценическими работами.
Все кипёло жизнію и удовольствіемъ, и хотя присутствіе иностранца
казалось имъ страннымъ и неловкимъ, но всё встрёчали меня учтиво и привётливо. Всё меня приглашали завтра въ театръ. Впрочемъ,
всё были увёрены, что я пріёхалъ посмотрёть ихъ ярмарку.

Я рано легъ спать, и поутру до восхода солица быль уже на ногахъ. Улицы были уже полны народомъ и лакомствами. Передо мною шла трудолюбивая торговка, несущая на продажу выработанную ею ткань. За нею подпрыгивала разряженная дъвушка, которой ножки были похожи на копыта, и она шла подпираясь двумя калками. На учтивый войросъ мой: куда онъ идутъ,—онъ ласково отвъчали:

Та-па-буза-ла (мы идемъ модиться Буддъ).

Было много и другихъ спутницъ, которыхъ видъ иностранца изумлялъ, но не пугалъ, потому что всъ онъ громко смъялись надъ моею одеждою.

CONSCRETE SHIP SHIP STORES AND ASSESSMENT OF THE PARTY OF

44 Смпсь.

Въ восемь часовъ возвратился я въ городъ и осмотрълъ мимоходомъ здъшній главный храмъ Будды. У дверей стояли продавцы благовонныхъ свъчей, которыя долженъ купить всякій посътитель храма, чтобъ принести ихъ въ жертву Буддъ; но жрецы, видя, что толиы, идущія мимо ихъ, гораздо многочисленнъе нежели поворачивающія во храмъ, почти насильно останавливали народъ и заставляли его покупать эти свъчи, если онъ не хотълъ итти на молитву. Впрочемъ, много шло и въ кумирию, гдъ кромъ свъчей разставлены столы для продажи всего съъстнаго и лакомствъ, чаю, табаку, въеровъ и другихъ модныхъ вещей. Тамъ есть и врачи, предлагающіе посътелямъ свои услуги отъ всъхъ бользней. Есть и предсказатели, которые за небольшую плату описываютъ вамъ всю будущность. Благочестивые же буддисты, совершивъ три поклоненія предъ кумиромъ Будды, уступаютъ мъсто другимъ.

Изъ любонытныхъ предметовъ нашелъ я здѣсь одну древнюю фарфоровую бутылку, точно такую же, какія находять въ египетскихъ гробницахъ. Даже письмена, изображенныя на одной сторонъ, сходны съ египетскими. Другую примъчательную вещь видѣлъ я, а именно: фарфоровую печать, тоже весьма глубокой древности, потому что она одинакова съ находимыми въ Ирландіи. Какая историческая связь между всѣми этими вещами, мудрено придумать, а особливо Ирландія и Китай!

Насилу продрамся й къ площади, гдѣ происходила ярмарка. Мудрено было бы исчислить всѣ товары, но очевидно, что это были все туземныя произведенія.

Послѣ обѣда начался спектакль и привлекъ тысячи зрителей. Подписчики, на счетъ которыхъ устроенъ былъ театръ и поставлены пьесы, сидѣли на передней части сцены, на возвышеніи. Публика занимала прочій части залъ. И бѣдный, и богачъ имѣютъ входъ безденежно. Актеры одѣты въ древній національный костюмъ, и играли пьесу вѣроятно съ особеннымъ успѣхомъ, потому что ихъ принимали съ шумными восторгами.

Въ будущемъ письмъ опишу я всъ туземныя произведенія. Теперь могу только сказать, что вся почва здѣсь превосходно воздѣлана, и нищеты нигдѣ невидать.

Тюфяки и матрацы изъ папоротника. Въ Бреславльской газетъ пушутъ, что въ Бернштатскомъ округъ жители набиваютъ себъ постели и матрацы напоротникомъ (Farrnkraus, Aspidium). Для этого сбираютъ это растеніе, когда опо само высохнетъ на корнъ. Оно сохраняетъ тогда

эластическое свойство, не имъетъ запаха, и никакія насъкомыя незаводятся въ немъ. Если скашивать эту траву зеленою и сушить ее какъ съно, то она была бы слишкомъ жестка для упомянутаго употребленія.

Во Франціп употребляють это растеніе для нересылки винограда. Для этого высушивають растеніе, вырывая стебель и жилки и разстилають его подъ неклееную бумагу, которою обертывають виноградь. Эластичность этого растенія препятствуеть винограду портиться отъ тренія.

(Nov. Zeit).

Бълый предводитель между неграми. Французъ, по-имени Дюрантонъ, отправился, иъсколько лътъ тому назадъ, по поручению двухъ географическихъ обществъ, изъ Сенегаліи въ Египетъ. Прибывъ въ Сенъ-Лун, выбхалъ онъ оттуда подъ прикрытіемъ отряда вооруженныхъ негровъ и со множествомъ товаровъ для подарковъ властителямъ странъ, черезъ которыя ему надобно было пробажать.

Достигнувъ до Томбукту, былъ онъ принятъ однимъ изъ тамошнихъ владътелей небольшаго племени такъ хорошо, что онъ ни дальше ъхать, ни въ Европу возвратиться не захотълъ. Дюрантонъ такъ влюбился въ молодую негритянку, что ръшился для нее остаться. Она была дочь самого владътеля, и это родство давало ему, по смерти его, право на званіе своего тестя.

Въ Африкъ пътъ законовъ наслъдія. Всъ ближайшіе родственники (но не дъти) имъютъ право на упразднившееся званіе, но получаетъ его окончательно побъдитель въ борьбъ.

Послъ тестя Дюрантона остались еще два родственника, которые и явились для оспариванія преемничества.

Когда всё трое явились на площадь для борьбы, то всё разем'ялись, увидя, что Дюрантонъ хочетъ состязаться. Противники его были высокаго роста и геркулесовской силы; онъ же маленькій и тщедушный, хотя бодрый и ловкій.

Прежде начали борьбу негры между собою: она была продолжительна, и одинъ претендентъ былъ наконецъ побъжденъ. Оставалось ръшить дъло преемничества побъдителю съ Дюрантономъ.

— Бъдный бълый! сказалъ ему негръ. Миъ жаль тебя, по не бейся, я тебя тихонько положу на землю. (А онъ перваго соперника своего больно ушибъ).

Вев захохотали.

— Бой обезьяны со львомъ! вскричали зрители, увидя, что Дю-

рантонъ недалъ негру схватить себя, а быстро увертывался отъ него и скакалъ.

Нъсколько минутъ продолжалась эта странная борьба. Вдругъ Дюрантонъ искусно ударилъ негра подъ ножку, и тотъ растянулся.

Эта побъда сдълала его преемникомъ своего тестя, и онъ владъетъ значительною полосою земли. Онъ уже усиълъ сдълать иъкоторыя завоеванія, и нъсколько разъ пріъзжаль въ Сенъ-Луи, чтобъ видъться съ своими соотечественниками.

Онъ принялъ всѣ туземные обычан и одежду; отпустилъ волосы и бороду. При одной изъ поъздокъ въ Сенъ-Луи захворалъ онъ, и возвратясь въ свою столицу, умеръ. Старшій сынъ его поъхалъ въ Парижь, чтобъ учиться медицинъ, по тоже умеръ тамъ. Кто его преемникъ, неизвъстно.

Астрономическое событие въ 1855 году. Въ 4855 году будетъ любонытное астрономическое явление, принадлежащее къ числу ръдкихъ. 7-го и 8-го февраля планеты Марсъ, Венера и Меркурій такъ близко будутъ одна отъ другой на горизонтъ, что составятъ треугольникъ. Къ сожальнію, явление это падаетъ въ такой часъ и такое время года, когда трудно будетъ наблюдать за нимъ, а именно тотчасъ же по захождени солнца, когда яркость свъта или туманъ мъщаютъ видъть западное небо.

so whomethous constant the nonement southless are thenes, somethous

Въ южныхъ широтахъ явление это будетъ гораздо явственнъе. 7-го февраля, въ половинъ 6-го, Марсъ будетъ находиться къ съверу отъ Венеры, менъе нежели на разстояни видимаго діаметра солица, а къ западу въ такомъ же разстояни будетъ Меркурій, образуя равносторонній треугольникъ.

8-го февраля, тоже въ половинѣ 6-го, изображеніе треугольника повидимому неизмѣнится, по Меркурій будетъ уже къ сѣверу отъ Венеры.

(По старому стилю это будетъ 26—27 января).

Съ 7 на 8 февраля Меркурій пройдеть, слѣдственно, мимо Марса и явится уже 8-го числа по другую сторону; астрономы будуть наблюдать это прохожденіе, потому что Меркурія на одно мгновеніе закроеть Марсь. Это случится 8 февраля утромъ въ 4 часа 36 минуть, и будеть видимо только въ Азін и Новой Голландін. (Illustr. Zeit).

V. ПУТЕШЕСТВІЯ И СЦЕНЫ НРАВОВЪ.

Наскольно сновь о жителяхь Тибета. Жители Тибета недостигли еще до степени искусства въ мануфактурныхъ и механическихъ работахъ до китайцевъ, но они выше монголовъ. Они кротки, человъколюбивы, и между ними больше религіознаго чувства, нежели между китайцами. Они принадлежатъ къ монгольскому племени съ нѣкоторою примѣсью южныхъ своихъ сосѣдей. Бутіасы и тибетцы, ближайшіе между собою сосѣди, но представляютъ чрезвычайное противурѣчіе во всемъ. Первые высоки ростомъ, сильны, краснощеки и дѣятельны, вторые малорослы, лѣнивы и смуглы.

Сами жители Тибета раздѣляють свое пародонаселеніе на пять илемень, въ числѣ которыхъ и бутіасы. Прочіе составляють жителей Хама, или верхняго Тибета, племя Цангъ, кочующихъ корвачей и жителей Малаго Тибета. Всѣ говорять тибетскимъ языкомъ съ небольшими измѣненіями.

Жители Тибета одъваются всегда въ шереть и мъха. Они немогутъ похвалиться чистоплотностью. Оба пола одъваются почти совершенно одинаково: одежды всъ желтаго или краснаго цвъта. Женщины носятъ много драгоцънностей и жемчугу на головъ. Дъвушки носятъ по три косы, замужнія по двъ. На мужчинахъ широкополыя шляпы.

Религіозныя секты отличаются желтыми и красными шапками, последних гораздо меньше. Ихъ ламы (жрецы) женаты. Едва ли есть въ мір'є страна, гд'є было бы столько лицъ духовнаго званія, и имъ тамъ оказываютъ большое уваженіе.

У жителей Тибета изтъ опредъленныхъ часовъ для объда; они здятъ во всякое время дня. Баранина, ячмень и чай составляютъ главную ихъ пищу. Чай пьютъ не чистымъ настоемъ, а подмъшиваютъ въ него ячменной муки, такъ что составляется родъ жидкой каши. Вообще много употребляютъ смъси воды, муки, масла, соли, сваренныхъ съ чаемъ и разносимыхъ въ чашкахъ въ видъ полукиселя.

Изъ ячменя приготовляется вино и пиво.

При церемоніяльномъ визитѣ, или при поданій письма, подаютъ шелковую ленту, которой ширина опредѣляется по чину и званію того, кому подаютъ. На лентѣ всегда вышиты слова: олю-мани пай.

При почтительныхъ поклонахъ кланяются, снявъ шапку и опустивъ руки.

Тъла умершихъ выставляются, какъ и у персовъ, въ открытыхъ мъстахъ. Ламы же сжигаются, и пепель ихъ хранится въ урнъ. Какъ скоро лама испуститъ послъднее дыханіе, его приводять въ то положеніе, въ какомъ представляютъ Будду, то есть съ вывороченными наружу подошвами. Правую руку кладутъ на бедро, а лѣвую поднимаютъ такъ, чтобъ большой палецъ касался до плеча. Въ этомъ положеніи сожигаютъ трупъ.

Въ Тибетъ, какъ и въ Бутанъ, въ семействъ, гдъ нъсколько сыновей, выборъ жены принадлежитъ старшему, который избравъ себъ дъвушку, посылаетъ къ ней свата. Получивъ согласіе родителей, сватъ отдаетъ имъ головное украшеніе для невъсты и сверхъ того даритъ платьемъ, скотомъ, и пр., смотря по состоянію жениха. Въ день свадьбы всъ приглашенные гости должны тоже съ собою принести подарки, черезъ что приданое значительно усиливается.

Передъ домомъ невѣсты устраиваютъ палатку, въ которую кладутъ три или четыре большія подушки, а по полу разсыпаютъ пшеницу. Невѣсту сажаютъ на самую высокую подушку; родственники ея помѣщаются подлѣ нее, и все собраніе объдаетъ.

Послѣ обѣда ведутъ невѣсту въ домъ жениха, осыпая ее дорогою пшеницею или ячменемъ. Приведя, сажаютъ ее подлѣ жениха и угощаютъ чаемъ и крѣпкими напитками. Послѣ этого садится женихъ отдѣльно, и всѣ присутствующіе дарятъ ему кушаки. Старшіе вѣшаютъ ихъ ему на шею, равные же кладутъ подлѣ него.

На другой день новобрачные ходять съ большою процессіею съ визитомъ ко всёмъ родственникамъ, тёмъ свадьба и кончается.

Ни здѣсь, ни во всемъ Китаѣ, жрецы не мѣшаются въ свадебные обряды. Имъ предоставлены только похороны. Почти въ каждомъ семействѣ двое, трое поступаютъ въ сословіе жрецовъ.

Жилища бъдныхъ построены изъ нетесаннаго кампя безъ всякаго цемента въ два этажа. Видъ ихъ похожъ на большую печь. Окна весьма малаго размъра; крыша плоская, и ограждена отъ злыхъ духовъ разными флагами и лентами. Строеваго лъса мало употребляютъ, потому что здъсь безлъсная страна. Полъ изъ мармора или кирпичей; мебель состоитъ изъ цыновокъ и подущекъ.

Храмы здёсь принадлежать къ лучшимъ произведеніямъ китайской архитектуры.

Мавзолей *Тешу-Лама*, построенный въ концѣ XVIII стольтія, похожъ на четыреугольную башню, надъ которою возвышается двойной китайскій балдахинъ, обвѣшанный колокольчиками, которые при всегдашнемъ сквозномъ вѣтрѣ издаютъ вѣчный звонъ. Тѣло ламы положено здѣсь въ золотомъ гробъ. Изображеніе его, тоже изъ золота, поставлено надъ гробомъ въ углубленіи. Посрединъ устроенъ алтарь, на который складываются всѣ приношенія. У алтаря другое изображеніе умершаго въ видъ человъка, читающаго книгу. Всъ стъны украшены портретами молящихся людей.

Прочія зданія въ городъ (здъсь 300 храмовъ п общежительныхъ убъжишъ) болъе отличаются прочностью, нежели красотою.

При входъ въ городъ стоитъ кръпость Зитаксе и можетъ служить хорошею защитою.

Здъшнія мануфактурныя произведенія большею частію состоять изъ шалей, приготовляемыхъ изъ козьей шерсти. Много здѣсь и ювелировъ, которыхъ издълія очень хороши. Но торговля и промышленость вообще сильно страдають отъ несоразмърности духовнаго сословія противъ всего народонаселенія. Вывозь состоить изъ золотаго песку, драгоцінныхъ камней, Assa foetida, выхухоли, шерсти, кожи. Привозъ: шелковые товары, чай, фарфоръ, табакъ и металлы.

Въ Тибетъ главныя бользии: водяная, ревматизмъ, осна и сифилитическая. Послъднія двъ наводять всеобщій страхъ. Пораженные ими отделяются отъ всехъ и умирають съ голоду. Пьянства здесь очень мало. Опіума не курять.

Инсьмо здёсь азбучное и пимется съ права налёво. Литература вся теологическая (M. f. d. L.).

Второе кругосвътное путемествие Иды Пфейферъ. — Женщины-путемественницы составляють редкое явление въ географическомъ міре, и г-жа Ида Пфейферъ можетъ назваться единственнымъ примъромъ въ этомъ родъ. Путешествие ея гораздо обшириве, нежели знаменитыхъ Марко Паоло и Ибнъ-Батуты, потому что она объездила во всехъ направленіяхъ Америку, Австралію и всѣ Океаны.

Недавно совершила она свое второе путешествіе, продолжавшееся три года съ половиною, и издала описаніе этой поъздки. Въ предисловін говорить она, что съ малолітства чувствовала страсть къ путешествію, но семейныя обстоятельства долго препятствовали ей въ исполненін этого желанія. Но когда оба сына ея сділались негоціантами, а мужъ умеръ, то сдълавшись свободною, она послъдовала давнишнему стремленію своего сердца, своей всегдашней мечть, «чтобъ видьть всь чудеса природы на земномъ шарѣ.»

Первое путешествие ся было въ Герусалимъ къ Святымъ Мъстамъ: это было првымъ стремленіемъ христіанскихъ чувствъ, и, возвратясь оттуда, была она вполнъ счастлива, «удостоясь видъть тъ мъста, гдъ жилъ и пострадаль за насъ Спаситель міра». TO B. Walt - Lawrence ale En anner monte and Lat remining (2/4

Второе путешествіе предприняла она въ 1845 году въ Скандинавію и на островъ Исландію.

Въ слъдующіе три года 1846—1848 отправилась она въ Америку, посътила Бразилію, обогнувъ мысь Горнъ, осмотръла Чили, поъхала на Отапти, оттуда въ Китай и наконецъ въ Остъ-Индію. Потомъ поднялась вверхъ по Тигру къ развалинамъ Вавилона и Ниневіи, откуда съ большими онасностями прошла чрезъ Курдистанъ, Персію, чрезъ Кавказъ и южную Россію въ Константинополь, Грецію и обратно въ Австрію. Описаніе этого путешествія издала она въ трехъ томахъ, въ 1850 году.

Одна, пожилая и безоружная женщина, была она принята вездъ ласково и гостепріимно китайцами, малайцами, гиндусами, персіянами, арабами, туркменцами, курдами, бедупнами и турками. Она обращалась всегда къ женщинамъ и находила у нихъ пріютъ, довольствовалась самою скромною пищею, помогая имъ въ разныхъ работахъ, раздавала дътямъ небольшіе подарки, учила ихъ разнымъ искусствамъ, играла—и пріобрътала вездъ любовь и уваженіе.

22 мая 1851 года отправилась она изъ Лондона вторично на парусномъ судиъ, и 11 августа прибыла на мысъ Доброй Надежды. Здъсь хотъла она проникнуть во внутренность Африки, и, конечно, удобнье могла бы вездъ проъхать, нежели мужчина, но оказалось, что надобно сдълать большія издержки для закупки повозки, быковъ, для найма проводниковъ, — а у пее было всего сто фунтовъ стерлинговъ (600 руб. сер). Поневолъ она должна была отказаться отъ этого предпріятія.

Изъ Капштата отправилась Ида Пфейферъ въ Сингапуръ для подробнаго осмотра Архипелага Зондскихъ острововъ. Сперва посътила она Борнео. Изъ англійской колоніи Саравакъ (на съверномъ берегу) проникла чрезъ опасную область Дайаковъ въ голландскія колоніи на западномъ берегу.

Нъсколько времени прожила она у Дайаковъ, ознакомилась съ ихъ нравами и проникла оттуда въ Синтангъ, лежащій совершенно подъ экваторомъ въ 141° вост. долг. отъ Гринича. Здъсь мало еще было европейцевъ. Тамошній султанъ принялъ г-жу Иду Пфейферъ весьма ласково, и на собственной своей лодкъ велълъ отвезти ее въ голландскій городъ Понтіанакъ.

Оттуда повхала она къ золотымъ рудникамъ и бриліянтовымъ копямъ, въ Ландакъ, гдъ голландское резидентство оказало ей всевозможное пособіе.

Изъ Борнео отправилась путемественница на островъ Яву, а от-

туда въ Суматру. Здъсь верхомъ проъхала она въ область дикихъ батакеровъ, имъя цълю видъть большое озеро Айеръ-Тау. Послъ нъсколькихъ дней самого утомительнаго путешествія, прибыла она въ первую деревню батакеровъ. Появленіе европейской женщины было здъсь небывалымъ событіемъ; только въ 1835 году проникли туда два миссіонера, которые были умерщвлены и съъдены. Иду Пфейферъ встрътили тоже съ угрозами, но спокойствіе ея и ласковость произвели надъ дикими такое впечатльніе, что не только ее свободно пропустили, но и ласково потомъ вездъ принимали.

Вскор'в достигла она до великол'виной долины Силиденгъ, но не могла до'вхать до озера, по причин'в войны между тамошними племенами. Однако же она была единственнымъ европейцемъ, проникшимъ такъ далеко въ область батакеровъ.

Изъ Суматры посътила она молукскіе острова и намѣрена была проникнуть въ новую Гвинею, а оттуда проѣхать въ Австралію, но оба эти плана не исполнились. Открытіе золотыхъ розсыпей въ Австраліи, первые безпорядки и возникшая дороговизна во всемъ, воспренятствовали ей совершить эту поѣздку. Вмѣсто того, отправилась она въ другую золотую страну, въ Калифорнію.

Одинъ американскій шкинеръ предложиль ей отвести ее туда безъ платы. Шестьдесять дней вхали они, и наконецъ достигли до Сан-Франциско. Описаніе этого города весьма любонытно. По роскоши, царствующей въ немъ, сравниваетъ она его съ Лондономъ и Парижемъ, а по грязи — съ Константинополемъ. Всякую печистоту выбрасываютъ на улицу, гдв сверхъ того валяются ящики съ товарами, бутылки, банки, мертвыя крысы и собаки. Пройти по улицамъ города составляетъ величайшій трудъ и наказаніе.

Посл'в продолжительнаго пребыванія повхала она въ Лиму, осмотръла часть Перу, посівтила источники Амазонской ріжи, и достигла наконець до Квито, всходила на Чимборазо и Котонаксь, оттуда пробхавъ чрезъ панамскій перешеекъ, прибыла въ Новый Орлеанъ.

Оттуда провхала она по всему теченію Миссисини до водопада св. Антонія. Далве осмотрвла Ніагарскій водопадь и чрезъ Квебекъ и Бостонъ возвратилась въ Нью-Іоркъ, откуда повхала обратно въ Европу.

Теперь г-жа Пфейферъ занимается изданіемъ описанія этого путеществія. (Erheit.).

and a crawing and both in the many and of Services has appear only

pattern meroscopert en-times

VI. МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И ПОВЪСТИ.

инга командора.—Братья Мортеле сидъли передъ каминомъ въ боль **шой** залѣ своего замка, находящагося въ Провансѣ, въ трехъ миляхъ отъ Марселя.

Это быль февральскій вечерь 1721 года, вечерь до того тихій, теплый, что каминь не быль даже затоплень; синее море было гладко какъ зеркало, и легкій вътеръ приносиль только благоуханіе цвътовъ и морскихъ растеній. Замокъ братьевъ Мортеле быль построенъ со множествомъ башень, окруженъ рвами, имъль подъемный мостъ на толстыхъ цъпяхъ, и на главныхъ воротахъ великолъпный гербъ; по несмотря на всъ эти феодальные остатки, братья Мортеле принадлежали къ самымъ бъднымъ дворянамъ провинціи, имъющимъ много документовъ и старыхъ бумагъ и пергаментовъ, но очень мало земли и доходовъ.

Давно уже, можетъ быть съ самыхъ Крестовыхъ походовъ, у графовъ Мортеле не было вассаловъ, и они принуждены были нанимать работниковъ для обработыванія маленькаго виноградника и клочка земли, составлявшихъ единственное ихъ пропитаніе.

Не смотря на это, фамилія Мортеле была не въ совершенной бъдности. Отецъ двухъ братьевъ, графъ Мортеле, помъстилъ свое небольшое состояніе въ коммерческое предпріятіе, что считалось тогда совсьмъ не униженіемъ для дворянина, который смѣло могъ торговать и не лишался своихъ титловъ, какъ это было въ другихъ провинціяхъ. Древняя марсельская республика имѣла свои правила и законы, которые сохраняла очень долго.

Братья Мортеле были молоды. Старшему графу было тридцать пять лёть, но онь уже почиталь себя вправё быть суровымь, озабоченнымь, воркуномь, какъ старшій въ семействё. Меньшой виконть быль прекрасный девятнадцати-лётній юноша, бёлокурый и скромный, какъ молодая дёвушка, мечтательный, какъ поэть; онъ страстно любиль и старый замокъ Мортеле, и цвётущій берегь, и маленькій заливь, доходившій до замка, и вёчный ропоть волнь, и великолённый закать солнца на средиземномъ морё, и красивыя провансальскія лодки, которыми ловко управляють смуглые рыбаки, по больше всего любиль онъ Пепу Каталанку, дочь рыбака Антоніо, приносившую каждый день рыбу въ замокъ. Странно, что молодая дёвушка, встрёчая графа, опускала глаза и не говорила ему ни слова, если же ей попадался нечавино прекрасный виконтъ, то она краснёла и находила всегда о чемъ инбудь поговорить съ нимъ.

Кто же была Пена, которая такъ наивно оказывала предпочтеніе иладшему виконту, любившему ее всёми силами души? Это длинная исторія, которую мы разскажемъ въ нъсколькихъ строкахъ.

Семь или восемь лътъ тому назадъ существовала еще въ Марсели колонія испанскихъ рыбаковъ, которыхъ называли каталонцами, по имени ихъ отечества.

Эти рыбаки, занимавшіе берегь небольшаго залива, находящагося между Эндумомъ и гаванью св. Николая, въ верстъ отъ марсельскаго форта,—составляли особенное народонаселеніе, съ нравами и обычаями своего отечества. Они ръдко сходились съ провансалами, пользовались нъкоторыми привилегіями и жили одною рыбною ловлей.

Эта колонія поселилась тамъ въ концъ среднихъ вѣковъ и оставалась до нашего времени, вѣроятно потому, что ей было хорошо и покойно. Теперь она исчезла,—каталонцы выѣхали, никто не знаетъ куда и зачѣмъ.

Печа была дочь Антоніо, одного изъ каталонскихъ рыбаковъ. Антоніо выбраль маленькій заливъ, подходящій къ замку Мортеле; чтобъ въ немъ сушить свои съти и скрываться во время бурь. Болье двадцати лътъ жилъ онъ въ сосъдствъ съ владътелями замка, и покойный графъ назвалъ его своимъ другомъ, потому что онъ училъ его сыновей илавать и управлять лодкою, что было очень полезно виконту, который, какъ меньшой въ семействъ, долженъ былъ служить на мальтійскихъ судахъ.

Пена была самая красивая молодая дівушка отъ Марселя до Константинополя, отъ Смирны до Барцелоны, на всемъ протяженіи средиземнаго моря. Ей было шестнадцать літь. Смуглая, какъ настоящая андалузянка, она не загорала отъ солнца Прованса. Когда Пепа распускала свои черные волосы, то могла обойтись и безъ красной баскины, и безъ чернаго бархатнаго корсета, составлявшихъ ея обыкновенный костюмъ. Когда ея большіе, темные глаза останавливались на виконтістимолодой человість дрожаль, и сердце его билось сильність когда же случайно взглядъ каталонки надаль на графа, онъ готовъ быль забыть своихъ предковъ, титла, чтобъ жениться на дочери рыбака.

Но Пепа, мы уже сказали, дюбила виконта Рауля, а не суроваго, его брата. Когда она встръчала Рауля на берегу, то садилась съ нимъ на камиъ, разговаривала долго, звала его своимъ другомъ, и забывала, что время проходило, что солнце скрывалось, и что вечерній вътеръ надувалъ латинскій парусъ ея лодки, въ которой она до ночи должна переъхать каталонскій заливъ.

Если же ей на одной изъ узкихъ троиннокъ попадался графъ, она кланялась ему почтительно и говорила тихо, опуская глаза:

— Добрый день, графъ!

Разумъется, графъ скоро понялъ, что Пепа любитъ Рауля, и потому онъ думаль только какъ бы удалить брата изъ замка.

Что касается до виконта, онъ какъ всё двадцатилътние влюбленные и не подозръвалъ, что графъ могъ полюбить Пепу.

И такъ братъя сидъли въ февральскій вечеръ у пустаго камина и долго молчали, наконецъ графъ сказалъ:

- Знаете ли вы, виконтъ, что вамъ скоро минетъ двадцать лътъ?
- Да, графъ, отвъчалъ Рауль разсъянно.
- Вы уже давно не ребенокъ, виконтъ.

Рауль молчалъ.

— Мы говорили о васъ еще недавно, продолжалъ графъ, съ дядей нашимъ, командоромъ, котораго мы сегодня ждемъ изъ Парижа и который приметъ начальство надъ своимъ фрегатомъ, качающимся на якоръ передъ окнами нашего замка.

Виконтъ все молчалъ.

- Дядя нашъ, командоръ Мортеле, совершенно согласенъ со мною.
- Въ чемъ? спросилъ паконецъ Рауль.
- Въ томъ, что молодой человъкъ, красивый и съ вашимъ именемъ, не долженъ въчно сидъть въ старомъ замкъ, а обязанъ чъмъ нибудь заняться.

Виконтъ вздрогнулъ отъ печальнаго предчувствія; графъ продолжалъ:

- Вы знаете, что молодые люди нашей фамиліи отправляются въ Мальту?
- Знаю, проговорилъ Рауль, потому что дядя нашъ, шевалье, сдълался командоромъ этого ордена.
- Да, но шевалье старъ, и когда онъ умретъ, дворянство найдетъ страннымъ, если другой Мортеле не замѣнитъ его.

Молодой человъкъ съ испугомъ посмотрълъ на брата.

- И мы ръшили съ командоромъ, прибавилъ графъ, что вы вступите въ этотъ орденъ.
  - Я! неужели? вскричалъ съ отчаяніемъ Рауль.
- Да, вы! отвъчалъ холодно графъ.
  - Но... я не хочу этого.
- А я, какъ старшій въ семействъ, хочу этого, и вы должны миъ повиноваться, стазалъ графъ холодно и спокойно.

Молодой человекъ не успель отвечать, какъ послышался на дворе стукъ пріехавшаго экппажа. Это быль жданый гость, шевалье Мортеле,

Мальтійскій командоръ и капитанъ фрегата, который вернулся изъ Парижа, гдв иміль честь представляться молодому королю Людовику XV.

 — Командоръ добръ и любитъ меня, подумалъ виконтъ. Я ему разскажу мою любовь къ Пепъ, и онъ уговоритъ брата.

Братья побъжали навстръчу дядъ и обняли его.

Командоръ быль красивый старикъ лътъ шестидесяти, высокій, худой, еще стройный, здоровый, съ улыбкою юноши, хотя съ съдою бородою, съ пламенными взглядами, хотя съ совершенно бъльми волосами.

Графъ началъ хлопотать о лошадяхъ командора, покрытыхъ пѣною и объ ужинъ, а старикъ, опираясь на руку Рауля, дошелъ до залы, гдъ недавно братья разсуждали.

 Какая прекрасная погода, племянникъ, замътилъ шевалье: вътеръ дуетъ съ берега, и мой фрегатъ уже заранъе танцуетъ на якоръ, предчувствуя, что завтра увезетъ насъ отсюда.

Рауль опять вздрогнулъ.

- И такъ, ты будешь мальтійскимъ рыцаремъ, сказалъ командоръ.
- Дядюшка! проговорилъ грустно виконтъ.
- Что это значить, Рауль... ты бледивешь?
- Нътъ, дядюшка... я.
- Ты дрожишь, какъ въ лихорадкъ, не болънъ ли ты?
- Нътъ, я здоровъ ... но ....
- Ужъ не боишься ли ты моря? Плохой же ты провансалъ.
- Напротивъ, дядюшка, я люблю море.
- Такъ отчего же ты такъ печаленъ. Неужели большое несчастіе служить на фрегатъ Сенъ-Жанъ д'Акръ подъ моимъ начальствомъ и быть флаговымъ офицеромъ?
- Совствъ не то, дядюшка...
- Понимаю, племянничекъ, Ты мечталъ о Парижъ, о балахъ, операхъ, веселыхъ пирушкахъ, красавицахъ, а не о морской службъ. Чтожъ дълать, виконтъ. Бъднымъ Мортеле остается одна только дорога: Мальтійскій орденъ и ты будешь Мальтійскимъ офицеромъ.

and remains on a file or proper over

- Но для этого, надобно... кажется...
- Что такое, виконтъ?
- Надобно произнести объты...
- Они такъ легки, что не стоитъ и упоминать о нихъ.
- Надобно отказаться... отъ женитьбы.
  - А что, виконтъ, ты уже не вздумалъ ли выбрать невъсту? Рауль вздохнулъ.
- Это удивительно! продолжаль когандоръ задумываясь, кажется округь вась нъть ни одной богатой наслъдницы.

- Она не наслъдница, проговорилъ Рауль, красиъя.
  - Ужъ не въ мъщанку ли изволили вы влюбиться?
  - Нътъ, дядюшка.
  - Тъмъ дучше. Ктожъ она? Върно бъдная дъвушка?
  - Очень бъдная.
  - Благородная?
  - Да и нъть.
- Извольте говорить ясибе, любезный племянникъ. Я старый мо-There is a recommendation of the latest and the lat рякъ и не умъю отгадывать шарадъ.
  - Я люблю Пепу Каталонку, прошепталъ Рауль.

Командоръ вскочилъ съ мъста отъ удивленія.

- Дочь рыбака Антоніо! вскричалъ онъ. TENN SPECE OF COUNTY AND FLORE WAY
- Да, дядюшка.
- Да ты сошель съ ума, бъдный виконтъ!
- Она такъ хороша!
- Хороша? что туть удивительнаго! У насъ на Мальтъ всъ женщины красавицы.
  - Я люблю Пепу.
  - И ты хочешь серьозно жениться на ней?
  - Да, прошенталъ Рауль.

Шевалье началь громко хохотать.

— Нътъ, ты совсъмъ лишился разсудка, бъдный мой Рауль. Ни одинъ Мортеле въ полномъ умѣ не рѣшится на такую глупость. Хорошо еще, что я случился здёсь, чтобъ тебя вылечить. Завтра ты едешь со мною; слышишь, будь готовъ. Triconomico communica ariol is

Командоръ сказалъ последнія слова такъ строго, что Рауль не смълъ ничего отвъчать, точно также какъ и старшему брату, и вышелъ изъ залы, скрывая свои слезы.

Старикъ, оставшись одинъ, началъ разсуждать, ходя по залъ:

— Передъ отъездомъ моимъ въ Парижъ, я виделъ эту маленькую Пепу и признаюсь, что у племянника вкусъ не дуренъ. Ея глаза могутъ свести съ ума и не ребенка. Жаль, что эта красавица безъ роду и бъдна, а то я бы самъ охотно сдълалъ изъ нея виконтессу, хоть на зло моему старшему племяннику, который кажется имъетъ особенныя причины удалить Раули какъ можно скорфе... Что если и графъ влюбленъ въ эту красотку! Ничего нътъ мудренаго! Не оттого ли онъ и хлопочеть, чтобъ фамилія Мортеле им'тла представителей въ Мальтійскомъ орденъ. Въ самомъ дълъ, виконтъ опасный соперникъ. Надобно разъяснить это дъло, и если ужъ суждено одному изъ Мортеле встуСмпсь.

пить въ неровный бракъ, то пусть ужъ лучше Рауль женится на Пепъ, тъмъ болъе, что върно и каталонка согласна со мною.

Командоръ оканчивалъ этотъ монологъ, когда въ залу вошелъ графъ Мортеле.

- Рауль вдеть завтра со мною, сказаль старикъ.
- Неужели вы уговорили его, спросилъ графъ, съ худо скрываемою радостью.
- Да, я описалъ ему нашу жизнь, полную приключеній, наши путешествія, битвы, пиры, и онъ въ такомъ восторгъ, что самъ торопится въ Мальту.
- Очень радъ.... за него.
- Вътеръ попутный, и мы отправимся завтра съ зарею...

На лицъ графа изобразилась такая радость, что подозрънія старика усилились и онъ быстро перемънилъ разговоръ.

- Который вамъ годъ, графъ? спросилъ онъ.
- Тридцать шестой.
- Самое лучшее время...
- Для чего, дядюшка?
- Чтобъ сдълаться мальтійскимъ кавалеромъ... О! еслибъ мнѣ было еще тридцать шесть лѣтъ, мнѣ бы тѣсно было въ этомъ мірѣ, я жилъ бы только битвами... но вы, какъ начальникъ семейства, какъ послѣдній изъ Мортеле, должны были бы раньше позаботиться о вашей будущности и не ждать тридцати шести лѣтъ.
  - Что вы хотите сказать, дядюшка?
- То, что вы должны бы давно жениться...
- Я уже думаль объ этомъ.
- Вы не богаты, любезный племянникъ...
- O! пътъ.
- И потому я сомнъваюсь, чтобъ за васъ пошла богатая наслъдница. Вашъ замокъ уже разваливается, хотя имя Мортеле знаменито.
- Я не ищу богатства, дядюшка; мн'в довольно одного благороднаго происхождения...
- Что ты говоришь, племянникъ, перебилъ командоръ съ неудовольствіемъ, видя что подозрѣнія его напрасны.
- Да, продолжалъ графъ, я выбралъ дъвушку бъдную, очень бъдную, но которая принадлежитъ къ первому дворянству, не смотря на низкое запятіе ея родныхъ.
- Ктожъ она такая?
- Она происходитъ отъ знаменитой крови древнихъ гидальго.
- Вотъ что! энципания от деления эксплуация и del H

Да, продолжалъ съ жаромъ графъ: предокъ ея былъ Пеластъ де Кастель, который дрался за испанскую паціональность и почти одинъ защищалъ христіанство, когда весь полуостровъ находился въ рукахъ Мавровъ.

- Да гдѣ ты нашелъ такую великолѣную генеалогію, племянникъ, и ктожъ эта наслѣдница Пеласга?
  - Это Пена Каталонка.

Командоръ не могъ удержаться, чтобъ не засмъяться во все горло и не сказать какъ виконту:

- Дочь рыбака Антоніо?
- Да, дядюшка.
- Позвольте замътить вамъ, графъ, что вы не въ своемъ умъ.
- Увъряю васъ, шевалье, что я говорю правду.
- Но на это надобны доказательства; какъ вы хотите, чтобъ я повърилъ, что Пепа... да нътъ, это невозможно!
  - Я вамъ тотчасъ представлю доказательства.
- Ого! подумаль старикъ. Дъло становится интереснымъ. Фаваръ, комедію котораго я педавно видъль въ Парижъ, составилъ бы изъ нашего положенія хорошую сцену.

Графъ между тёмъ вынулъ изъ стариннаго шкафа жестяной ящикъ и досталъ оттуда свертокъ пожелтёвшаго пергамента, ясно доказывавтій, что рыцарь Пеласгъ имълъ множество потомковъ, изъ которыхъ послъдній, служившій капитаномъ въ гвардіи Филиппа II, былъ дъдомъ рыбака Антоніо.

Командоръ разсматривалъ всѣ бумаги со вниманіемъ, какъ человѣкъ, знающій превосходно геральдику, и черезъ полчаса, спявъ очки, сказалъ холодио графу:

- Всѣ документы въ порядкѣ и доказываютъ, что Пена можетъ не только смѣло войти въ домъ Мортеле, но еще сдѣлаєтъ ему этимъ честь.
- Въ такомъ случав, я женюсь на Пепв, когда Рауль увдетъ.
  - Отчего же пменно, когда Рауль убдетъ, спросилъ строго шевалье.
- Оттого... дядюшка, отвъчалъ смущенцый графъ, что Пепа еще такъ молода...
- Ей шестнадцать льть.
- А брату моему девятнадцать...
  - А тебъ тридцать пять.
  - Точно такъ, и я боюсь, что сравнение будетъ не въ мою пользу.
  - Я тоже боюсь этого, любезный племянникъ.
  - И Пепа върно уже сдълала это невыгодное сравненіе?

- Очень возможно, племянинкъ.
- Вотъ отчего я и женюсь на ней, когда Рауль убдетъ. Въдь вы тдете завтра, дядюшка?
- Да, и я тотчасъ отправлюсь на фрегатъ, чтобъ отдать приказапія къ отъйзду.
  - Развъ вы не будете ужинать?
- Буду, только послѣ. А то, пожалуй, еще не успѣю распорядиться. Отвори-ка окно и окликни мою лодку въ рупоръ. Я сейчасъ поѣду на фрегатъ.

Графъ повиновался, и покуда командоръ сходиль съ лъстницы, лодка уже пристала къ берегу, и старикъ поъхалъ, наказывая племяннику, чтобъ ужинъ былъ готовъ черезъ два часа.

Рауля не было въ замкъ.

— Что мит делать, думаль командорь. Пепа решительно принадлежить дворянству, и можеть быть женою и не такого беднаго графа какъ Мортеле. Рауль однако любить ее, и верно нравится ей больше чемъ угрюмый графъ, который только играетъ роль владетеля Мортеле, а замокъ его скоро развалится. Чтожъ мит делать? Какъ устроить судьбу Рауля и Пены!

Но напрасно храбрый морякъ ломалъ голову. Воображение его было вовсе не пламенно, и онъ уже быль на палубъ своего фрегата и все еще не придумалъ, какъ бы ему женить Рауля. Впрочемъ надобно было ему заняться прежде службой, и потому онъ совсъмъ забылъ о племянникъ, какъ вдругъ къ нему подошелъ одинъ изъ офицеровъ и сказалъ:

- Капитанъ, не думаете ли вы, что надобно кого нибудь взять на мъсто вашего юнги, который утонулъ во время послъдней бури?
  - Развъ юнга такъ необходимъ теперь? спросилъ командоръ.
- Нътъ, и я бы не смълъ безноконть васъ, но сейчасъ явился на фрегатъ хорошенькій мальчикъ, который просится въ юнги и требуетъ, чтобъ доложили вамъ. Это одинъ изъ рыбаковъ.
  - Покажите мив его, сказаль капитань Сень-Жань д'Акра. Вскорт въ каюту командора привели новаго юнгу.

Это быль прекрасный ребенокъ, лъть пятнадцати, смуглый какъ мавръ.

Старый морякъ посмотрълъ на него съ удивленіемъ, и отославъ всъхъ присутствующихъ, сказалъ мальчику полушутливо:

- Ты хочешь служить на фрегать, любезный?
- Хочу, отвъчалъ довольно смъло юнга.
- Который тебъ годъ?
- Шестиадцатый, отвічаль мальчикь, краснія.

- Какъ тебя зовутъ?
- Непо?
  - Не сынъ ли ты рыбака Антоніо?

Юнга смъшался и не отвъчалъ; командоръ продолжалъ такъ же холодно:

— Не братъ ли ты Пепы Каталонки?

Мальчикъ побледиелъ:

— Или ты самъ Пепа-красавица? прибавилъ старикъ улыбаясь.

Посл'в этого д'ввушка совершенно см'вшалась, и бросясь къ ногамъ старика, умоляла простить ее и не говорить никому о ея поступкъ.

- Отчего это, сказаль онъ, ты вздумала покататься по морю на Сенъ-Жанъ д'Акрѣ съ грубыми матросами, строгимъ капитаномъ и флаговымъ офицеромъ виконтомъ Мортеле, который отказался отъ женщинъ!
- Рауль!.. прощентала Пена...
- Понимаю, понимаю, перебиль командорь. Ты узнала, что графъ Мортеле и его дядя сговорились отправить Рауля въ Мальту, и вздумала провожать его. Стало быть, ты очень любишь этого хорошенькаго Рауля?
  - О! больше всего на свътъ, проговорила съ восторгомъ дъвушка.
- Ну, а онъ, конечно, пичего не знаетъ о твоей безумной страсти? спросилъ пронически шехалье.
- Онъ тоже любитъ меня.
- И вы видеть составили этотъ хитрый планъ?
- О нътъ, Рауль ничего не знаеть о моемъ намъренін.
- Правда ли это?
  - Клянусь вамъ.
  - Что же онъ съ своей стороны придумаль?
- Онъ будетъ повиноваться вамъ. Я уговорила его, чтобъ онъ не противился волъ старшихъ.
  - Потому что ты уже заранъе обдумала свой планъ, плутовка. Пепа покрасиъла и не отвъчала.

Командоръ позвалъ офицера и сказалъ ему:

— Впишите этого мальчика въ списокъ экипажа, и чтобъ онъ не вздумалъ опять вернуться на берегъ, смотрите за нимъ до моего возвращенія. Я прівду въ ночь на фрегатъ, и рано утромъ мы отправимся въ море.

И командоръ спросивъ свою лодку, потхалъ ужинать въ замокъ Мортеле.

Рауль былъ печаленъ и молчаливъ. Напрасно дядя старался развеселить его своими разеказами, напрасно братъ увтрялъ его въ своей дружов и былъ необыкновенно ласковъ и любезенъ, бъдный молодой человъкъ не замъчалъ пичего, не понималъ ничего кромъ того, что несчастиве его пътъ никого въ міръ.

Рауль нопробовать сказать слово брату, открыль свое сердце дядѣ, но встрѣтилъ только суровость или насмѣшку, и потому побѣжаль носкорѣе проститься съ Пеною. Чемоданъ его былъ уже готовъ; меньшому Мортеле не долго было собрать все свое имущество.

Послъ ужина командоръ вскричалъ:

- Знаешь ли, виконтъ, что мы побдемъ почевать на фрегатъ.

Рауль побледивлъ. Въ душе его произошла последняя борьба, по онъ пересилилъ себя и отвъчалъ:

- Какъ вамъ угодно, дядюшка.
- И если вътеръ не перемънится, то мы завтра утромъ будемъ уже далеко.

Рауль отвернулся, чтобъ отереть слезу.

— Идемъ же, племянникъ, продолжалъ старикъ, наливая себъ послъдній стаканъ вина. Уже поздно. Вели перепести твое имъніе въ лодку, простись съ братомъ — и поъдемъ.

Рауль зарыдаль, бросясь въ объятія брата; графъ не безъ волненія простился съ молодымъ человѣкомъ и проводиль его до берега. Когда же лодка отчалила, старшій Мортеле вздохнуль свободно и прошепталь:

— Теперь Пена моя!

Въ это время Рауль рыдаль, сидя въ лодкъ возлъ командора, и не слушаль увъщаній старика:

— Да полно тебѣ плакать, ребенокъ, говорилъ шевалье. Вотъ мы и у фрегата. Полезай-ка на Сенъ-Жанъ д'Акръ и тамъ я тебѣ докажу, что я совсѣмъ не такъ золъ, какъ ты думаешь. У меня естъ прехорошенькій юнга, котораго я хотѣлъ бы оставить для себя, но охотно уступлю его тебѣ, чтобъ ты только пересталъ горевать... Эй, приведите юнгу Пепо: онъ будетъ служить моему племяннику, виконту Раулю Мортеле.

Пепа подошла, красива. Рауль вскричаль и побледивлъ.

— Знаешь ли что, прибавилъ командоръ, смъясь: твой братъ доказалъ мив такъ ясно, что генеалогія этого юнги знаменита, что я поневолъ приняль его въ мою службу.

Черезъ недълю послъ отъъзда фрегата, графъ Мортеле получилъ слъдующее письмо, привезенное марсельскимъ бригомъ, возвращавшимся съ Балеарскихъ острововъ:

«Любезный племянникъ!

Я начинаю думать, что дворянамъ, подобнымъ намъ, не должно

Cance. 62

вступать въ мальтійскій орденъ. Я всю жизнь мою раскаявался, что сдълался мальтійскимъ кавалеромъ, и завидовалъ моему брату, твоему отцу, который женился и быль счастливь вь семействь. Воть ночему я не хочу настанвать, чтобъ и племянникъ мой Рауль быль такимъ же дурнымъ мальтійцемъ какъ я; върно и Богъ этого не требуетъ, потому что, воть что случилось при нашемъ отъезде:

Наканунъ его явился на фрегатъ маленькій юнга, который привыкъ уже къ морю и дазилъ по мачтамъ какъ обезьяна. Такъ какъ было уже темно, то его хорошенько не разглядъли и записали въ число экипажа; но на другой день, когда мы илыли въ открытомъ мор'в при с'верозападномъ вътръ, вдругъ замътили, что юнга нашъ не мальчикъ, а дъвушка и притомъ Пена каталонка.

Я хотъль тотчась же высадить ее на ближайшій берегь, по Рауль упросиль меня поручить Пепу его покровительству. Кажется, что эти дъти давно любятъ другъ друга, а ты и не замътиль этого, племян-Henry mer, membriers, uplied mass cannot i

На другой день случилась сильная буря, и такъ какъ Рауль еще неопытный морякъ, то и свалился въ море, но Богь не нозволиль ему погибнуть, потому что тоть же юнга Пено, плавающій какъ рыба, спасъ нашего влюбленнаго.

Вечеромъ мы остановились въ Миноркъ, и такъ какъ человъкъ не должень разлучать техъ, кого соединиль самь Богь, то я заказаль большую объдню, и наши дъти были обвънчаны при громкихъ рукоплеcaymars yadmanil crappen; сканіяхъ всего экипажа.

Надъюсь, племянникъ, что тебъ будетъ пріятно узнать, что одинъ изъ Мортеле породнился съ знаменитою фамиліею рыцаря Пеласга, генеалогію котораго ты отыскаль и сохраниль съ такою бережливостью.

Педа положив, /приняки. Разка оказунува и побобым учес

artigo sour control appropria er nertegu piere ur annend. ---MESSAGE HER THE THE HORD, OTO STORESTORY OFFICE SOURCE STREET THE PLANES.

Hepers detring mean orataya sperian, ignes filosocio mostro a Citivanies uncire, aparezenque sa cerconare Santona, somoranatura e a

В рачинаю дукать, что деориамъ, поребладъ пожът по пражио

командоръ Мортеле.» visional visional vision charge and and (Le Voleur.)

connect appropriate with the connection

Landente de la francia de la composition della c

ca. Lafespeinen ourpondent.

нарижская жизнь.

product actually books and contract to a product of a pro

many of the state of the state

with the manual control of the contr

continuentimen de la écolo dinembre de competi, l'entrell en ecolo mon Carole, mortagnique des competes des ecolomestres des lactures de la faction de la compete production de l'antre l'invariant des écolomestres de la compete de l'antre l'antre de la compete de l'antre l'invariant de l'antre l'antre

Два льва не изъ Африки. — Европейскій музыканть и индейскій набобъ. — Трилогія Гектора Берліоза. - Сужденія о композиторъ. - Берліозъ и Паганяни. - Прихоти милліонера. — Благодътель Парижань. — Экономія графини. — Великольиная столовая. - Удивительный объдъ для собаки. - Оперные балы подъ управлениемъ Штрауса.-Кто будеть управлять луврским отелемь.-Цаны картинь.-Рисованные цвъты дороже живыхъ. -- Смерть г-жи Гуссе и Жюли Ремоло. -- Новыя книги и альбомы на новый годъ. - Еще однимъ Академикомъ меньше. - Бауръ Лорміанъ и Лебренъ. - Смерть Леона Фоше. - Роже и Африканка. - Митніе Флурана о продолжении человъческой жизни. - Знаменитые старики. - Убитые грозою. -Fще трюфели. — Новая статуя въ Лувръ. — Освъщеніе рампы. — Машина Стюарта. — Сколько книгъ въ Парижъ? — Монте-Кристо. — Археологическая находка. — Что стоить каждая нота тенора и Матильды. - Сколько спичекъ дълають въ Парижъ?-- Новый способъ взды. -- Топографическія карты. -- Парижъ веселится. --«Il trovatore» Верди.—Теноръ Бокарде. — Le Roman de la Rose. — Le Muletier, Адана.—Новости французскаго театра.—La dot de ma fille.—Les ennemis de la maison.—Le chapeau de l'horloger. — L'école des agneaux. — Успъхи на театръ Гимназін.—Мужья въ водевилъ.—Подъ зонтикомъ.—La bonne sanglante. — Парижане и Баррьеръ. — Театръ Разнообразія. — Un oncle aux carottes. — Oreste et Pylade. — Monsieur mon fils. — Графъ Лаверии. — Театры Палерояля и Веселости. — Пьесы-обзоры за 1854 годъ.

Теперь весь Парижъ занятъ двумя львами, не настоящими, потому что, кажется, Жюль Жераръ истребилъ уже всъхъ львовъ въ Африкъ, но двумя знаменитостями, только не въ одномъ родъ: Гекторомъ Берліозомъ и эксцентрическимъ набобомъ съ безконечнымъ именемъ Магараджа-Муррендеръ-Сингъ-Магендеръ-Багаду.

Начиемъ съ серьознаго. Гекторъ Берліозъ доставилъ публикъ такое сильное, пріятное впечатльніе, которое долго незабудется.

Зала Герца, такъ часто пустая, не смотря на даровые билеты, представляла странное зрълище въ воскресенье, назначенное для исполне-

64 Смъсь.

нія въ первый разъ новаго произведенія знаменитаго музыканта. Длинная ціть экипажей наполняла состіднія улицы, какъ будто это быль день бала въ Ратушт. Задолго до освіщенія залы и до офиціальнаго открытія дверей, всі міста были уже заняты, всі промежутки между кресель наполнены, всі корридоры, состіднія компаты, стип, и даже подътздь набиты публикою. Многіе владітели билетовь не добрались даже до крыльца, но все-таки всі были въ восторгі, и если Берліозь не собраль въ этоть день десяти тысячь франковь, то въ этомъ виновата зала Герца, которую на этотъ разъ падобно было бы раздвинуть и сділать обширною какъ Марсово поле.

Однако композиторъ не разсчитывалъ на такой огромный успъхъ, потому что наканунъ еще писалъ къ одному изъ своихъ друзей: «Миъ придется, кажется, приплатить самому за симфонію тысячу франковъ.»

Это предположение артиста было очень натурально, не смотря на громкую его извъстность. Въ Парижъ такъ дорого обходятся всъ копцерты, что даже геніяльные люди не скоро ръшаются исполнять свои сочиненія, разсчитывая: какъ бы ни быль великъ сборъ, онъ все-таки будетъ поглощенъ безчисленными расходами. Въ самомъ дълъ, виртуозу надобно нанять залу, оркестръ, заплатить за освъщеніе, прислугу, за билеты, объявленія, афини, и проч. Кромъ того сколько хлопотъ, сколько непріятностей, задержекъ, иногда умышленныхъ, услугъ пріятелей, которые все портять, насмъшки завистниковъ и соперниковъ, и если прибавить къ этому раздражительный, гордый, нервическій характеръ истиннаго артиста, каковъ Берліозъ, то надобно признаться, что у него много твердости и геніяльности, потому что онъ съ торжествомъ вышелъ изъ этого испытація.

Не странно ли, что публика, большая часть музыкантовъ и меломановъ, почитаютъ Берліоза однимъ изъ лучшихъ современныхъ композиторовъ, и не смотря на это онъ все еще не членъ института. Неизвъстно, кто отъ этого теряетъ. Въ выигрышъ же остаются германцы, оцънившіе талантъ артиста, къ которымъ онъ спѣшитъ и теперь, не давъ Парижу хорошенько послушать его симфоніи. Лондонъ, узнавъ о колоссальномъ усиѣхѣ, тоже прислалъ Берліозу приглашеніе исполнить его симфонію въ кристальномъ дворцѣ, хотя англичане и не считаются музыкальнымъ народомъ. Неужели у всюхъ меньше ума и вкуса, чѣмъ у нъкоторыхъ членовъ Института, недопускающихъ Берліоза до сцены, тогда какъ они же доставляютъ либретто такимъ музыкантамъ, которые не знаютъ первыхъ правилъ музыки? Это не можетъ продолжаться, и почитатели таланта Берліоза все еще надѣятся, что усиѣхъ его на сценѣ будетъ блистательнъе, чѣмъ въ концертной залѣ. Смъсь.

65

Обратимся къ симфоніи. Берліозъ написалъ и доказалъ, что перо критика можетъ легко превратиться въ перо поэта и обойтись безъ помощи либретистовъ.

Трудно изобразить словами оригинальность этого произведенія. Всѣ привыкли думать, что въ сочиненіяхъ Берліоза должны быть ненремѣнно странныя комбинація, оглушительная звучность, необыкновенный ритмъ, вычурная гармонія. Тутъ нѣтъ шичего подобнаго. Это произведеніе иолно мелодіи, простоты; оно торжественно какъ ораторія, трогательно какъ симфонія, поразительно какъ лирическая драма. Занимательность увеличивается съ каждымъ отдѣломъ трилогіи, и вторая часть, отдѣланная еще съ большею тщательностью, произвела такой фуроръ, что публика хотѣла заставить ее повторить всю.

Къ тріумфу композитора надобно еще прибавить тріумфъ капельмейстера. Только одинъ Берліозъ умѣетъ такъ дирижировать оркестромъ, одушевить каждаго музыканта, поддержать пѣвцовъ, придать жизнь хорамъ... Впрочемъ исполненіе трилогіи, не смотря на всѣ трудности, было отличное, и кажется, что видя восторгъ публики, многіе враги композитора одумались и громко отдавали ему справедливость. Берліозъ самъ виноватъ, что талантъ его такъ долго не признавали. Зачѣмъ онъ недовольствуется одною музыкою, а пишетъ остроумно, говоритъ еще лучше, и притомъ всегда справедливъ и откровененъ. Немудрено, что сочинители полекъ не признаютъ его за музыканта. Они забыли, что Паганини, котораго кажется нельзя назвать невѣждою въ музыкѣ, не смотря на свою глупость, прислалъ Берліозу значительный подарокъ въ началѣ его поприща, и называлъ его пресмишкомъ Бетловена.

Новая симфонія порадовала бы великаго виртуоза и показала бы, что покровительство его не пропало даромъ, и что талантъ Берліоза, не смотря на всъ препятствія, съ каждымъ произведеніемъ дѣлается выше, и больше цѣнится публикою.

Теперь обратимся къ индъйскому набобу, который занялъ публику, не попавшую въ первый концерть Берліоза и не доставшую билета на второй и послюдній (Врядъ ли послъдній. Говорятъ, что одинъ изъ лирическихъ театровъ купилъ у маэстра право исполнять трилогію во время его отсутствія).

Извъстно, что этотъ набобъ, имени котораго мы не въ состояніи повторить, прибыль въ Бордо, и уже двъ недъди какъ живетъ въ Парижъ, откуда отправится въ Лондонъ, если только что нибудь останется отъ его милліоновъ. Этотъ оригиналъ имъетъ самыя странныя привычки. Однажды въ Бордо, во время проливнаго дождя, набобъ ску-

пиль всё зонтики въ городе и роздаль ихъ прохожимъ. Въ Парижъ выходки его были въ такомъ же родъ. Войдя однажды въ ресторанъ, въ кварталъ Одеона, и найдя его полнымъ, опъ приказаль угостить всъхъ присутствующихъ на свой счетъ. На другой день утромъ онъ нанялъ целую компанію фіакровъ, и видя хорошенькихъ и молоденькихъ женщинъ, шедшихъ пъшкомъ, предлагалъ каждой фіакръ на целый день. Въ другой разъ вздумалось чудаку накупить пълый возъ пальто, шинелей, плащей, и стать на углу Бастильской площади. Тамъ онъ останавливалъ каждаго ремесленника, каждаго бълняка, одътаго не по-зимнему, и накидывалъ ему на плечи теплую одежду безъ всякихъ объясненій, не требуя ни слова благодарности. Подобныя добрыя дъла обходятся дорого, но въроятно милліонеръ находить въ нихъ удовольствіе, потому что не перестаетъ сыпать деньгами и помогать неимущимъ. Говорятъ, что онъ по очереди будетъ нанимать всь театры и пускать въ нихъ публику даромъ. Это будетъ немного трудно исполнить, но препятствія не удерживають оригинальныхъ набобовъ. Онъ рашилъ, что хочетъ сдалаться благодателемъ нарижанъ, и никто не можетъ запретить ему проживать благороднымъ образомъ богатство, нажитое трудами. Многіе ли слідують этому приміру въ городъ, гдъ всякій живеть для себя а не для другихъ? Добраго набоба благословляють многіе б'єдняки, не ум'єя выговорить нятой части его индъйскаго имени, и сравнивають съ тапиственнымъ синимо плащемо. такъ долго кормившимъ суномъ всехъ нищихъ Парижа.

Вотъ кстати анекдотъ, насмъшившій весь Парижъ и доказывающій не щедрость, но экономію парижскихъ набобовъ.

Одинъ графъ рѣшился дать объдъ и собраль у себя дипломатовъ, политическихъ людей, артистовъ. Всъхъ приглашенныхъ было четырнадщать человъкъ, и графиня сама заказала у Шеве самый великолѣнный объдъ, составленный изъ рѣдкостей, изъ дорогихъ птицъ, илодовъ; словомъ приказано было не жалъть инчего, и Шеве подалъ счетъ
въ семьсотъ франковъ. Графиня даже не торговалась, желая, чтобъ всѣ
были довольны, и чтобъ не было недостатка въ трюфеляхъ. Но вотъ
бъда: объденный столъ графа такъ малъ, что за пимъ никакъ не помѣстятся четыриадцать человъкъ. Шеве, у котораго столы всъхъ размѣровъ, тотчасъ же предложилъ столъ какой угодно, и сказалъ, что
прибавитъ къ счету только шесть франковъ.

— Какъ можно такъ дорого! отвъчала графиня: я позову плотника, и онь за сорокъ су придълаетъ доску къ моему столу и сдълаетъ подставки. У меня будетъ четыре франка въ экономіи.

Въ назначенный день всъ приглашенные собрались въ седьмомъ ча-

су, въ гостиной, обтянутой желтымъ штофомъ съ бълыми разводами, блестъвшими какъ серебро. Потомъ перешли въ столовую, украшенную великольно и совершенно въ парижскомъ вкусь. Видно было, что тутъ хозяева не соблюдали экономін. Стѣны столовой обтянуты кордуанской кожей съ зелотыми узорами, потолокъ дубовый, раздёленный золотыми полосами на клътки, на полу смирнскій коверъ, магкій и густой какъ трава. Портьеры и завъсы состоять тоже изъ нестрыхъ ковровъ. Четыре буфета редкой формы и дорогаго дерева наполнены китайскимъ, японскимъ, севрскимъ фарфоромъ, англійскою сталью, богемскимъ хрусталемъ, ръзнымъ серебромъ; посрединъ столъ накрытый по-французски, то есть вст кушанья стояли на столт на жаровняхъ, освъщенные четырьмя сереоряными канделяорами съ двадцатью цатью свъчами въ каждой. Шеве превзошель себя. Всв гости окружили столь и съ восторгомъ любовались удивительною картиной, ожидая, чтобъ хозяйка съла. Вдругь дверь, худо затворенная въ людскую, распахнулась, и въ столовую вовжала чудная ньюфоундлендская собака, любимица графа, и вдыхая въ себя аппетитный запахъ, прямо пошла подъ столъ.

— Выгоните собаку, закричала графиня блёднёя, и лакей бросился подъ столь; но тамъ началась борьба съ ньюфоундлендомъ, который не хотёль оставить своего мёста; борьба кончилась тёмъ, что подпорки, сдёланныя илотникомъ, треспули, столь раздвоился, и весь обёдъ рухнулъ въ средину съ страшнымъ громомъ и звономъ.

Какое печальное зрълище! Хозяйка заплакала съ досады, гости начали ее утъшать, лакеи улыбались. Все созданіе Шеве погибло невозвратно.

Въ черенашій супъ попали ананасы, устрицы смъшались съ дичью; свъчи упали въ соусъ; желе посыцалось перцемъ; горлышко бутылки и вътка канделябра проткнули рыбу, и весь этотъ хаосъ полить былъ самыми дорогими винами. И все это изъ-за экономіи въ четыре франка!

Гости поспъшили разойтись, чтобъ застать объдъ у Вери или Вефура, и до сихъ поръ не могутъ удержаться отъ смъха, вспомня великолъпное крушение объда, которымъ воспользовалась одна собака.

Въ оперныхъ балахъ произошла большая перемѣна. Они уже перестали быть подъ дирекцією общества, къ которому принадлежалъ знаменитый Мюзаръ, и отданы въ распоряженіе Штрауса. Не думайте, чтобъ это былъ извъстный Штраусъ изъ Вѣны. Нѣтъ, тотъ давно умеръ. Этотъ Штраусъ изъ Страсбурга, по называясь знаменитымъ именемъ, почелъ нужнымъ тоже заняться музыкою и сдѣлался искуснымъ дприжеромъ оркестра. Но Парижъ все-таки будетъ сожалѣть о своемъ не-

68 Смись.

забвенномъ Мюзаръ, который съ грустиымъ видомъ давалъ знакъ къ адскому галопу. Два покольнія промелькнули, тапцуя передъ его волшебнымъ смычкомъ. Всъ восноминанія и наслажденія парижской молодежи соединены съ именемъ Мюзара, и еслибъ настоящій Штраусъ явился дирижировать балами, Парижъ принялъ бы его не такъ радушно какъ старика Мюзара, который, впрочемъ, говорятъ, хлопочетъ, чтобъ ему нозволили дать балъ въ Итальянскомъ театръ. Онъ можетъ быть увъренъ, что толна бросится къ нему гораздо охотнъе чъмъ къ Штраусу.

Постройка колоссальнаго отеля на 1200 кроватей уже приходить къ концу на площади Палерояля, и теперь главная забота состоитъ въ томъ, чтобъ найти хозянна для этого обширнаго заведенія. Не шутка управлять целымъ status in statu въ миніатюре. Компанія отеля вздумала предложить это мъсто Нулленсу, содержателю большой гостиницы въ Ахенъ, и вызвавъ его въ Парижъ, начала съ нимъ переговоры. Нулленсъ согласился на жалованье въ сто тысячь франковъ въ годъ и на всь распоряженія, предписанныя кампаніей, только не могли сойтись въ пънъ, которую требовалъ ахенскій содержатель за то, что оставляетъ свою гостиницу. Нулленсъ полагалъ, что общество, владъющее двънадцатью милліонами канитила выдасть ему все, чего онъ не потребуеть, и не довольствуясь министерскимъ жалованьемъ, какого въ Ахенъ не выручаль и въ нять лёть, запросиль за перебадь въ Парижъ такую огромную ціну, что его отправили назадъ въ Ахенъ. Потомъ комиссія предложила это м'єсто Шеве, изв'єстному не только въ Париж'є, но и во всей Европъ. Но содержатель ресторана въ Палероялъ и безъ того увтренъ, что во время выставки вст туристы посттять его заведеніе, и что онъ будетъ въ огромныхъ барышахъ. Стало быть, онъ разсудилъ очень благоразумно, что не для чего мънять хорошаго на лучшее, и отказался отъ чести управлять огромнымъ каравансараемъ, гдъ будутъ сливаться всъ языки земнаго шара и куда, по ожиданіямъ Парижанъ, сольются груды піастровъ, гиней, фунтовъ стерлинговъ, доллеровъ, дукатовъ, талеровъ, реаловъ, мараведисовъ, сувереновъ, шеллинговъ, флориновъ, и проч. Наконецъ нашли въ Марсели феникса, который принялъ на себя управление гигантскимъ отелемъ, и можно сказать, что человъкъ этотъ въ эноху выставки будетъ самымъ озабоченнымъ лицомъ на всемъ земномъ шаръ. Жалованье, хотя и огромное, придется ему не даромъ.

Это гигантское зданіе, выходящее фасадомъ на палерояльскую площадь и простирающее свои флигеля въ улицы Кокъ, Сентъ-Оноре и Риволи, будетъ называться: Луврскій отель.

Любители картинъ, сами того не зная, оставляютъ иногда своимъ

наслъдникамъ огромное состояніе. Послъдняя роспродажа галерен барона Меклембурга доказываетъ это. У покойника было тридцать картинъ фламандской школы, стоившихъ не больше двухъ сотъ тысячъ франковъ, и чтожъ, на аукціонъ было заплачено за нихъ 356,230 фр.!

Вообще цѣна на старинныя картины возвышается съ каждымъ годомъ, такъ что наконецъ небольшая рамка, подписанная извѣстнымъ
именсмъ, будетъ изображать огромный каниталъ. Въ 1835 году баронъ
Меклембургъ купилъ на аукціонѣ галереи герцогини Беррійской картину Филиппа Вувермана Продажа лошадей, за 35,000 франковъ,
теперь эта же картина куплена за 80,000 фр. Гоббема, почитаемый
лучшимъ пейзажистомъ и картины котораго рѣдки въ Луврѣ, былъ тоже
на аукціонѣ, и за маленькій пейзажъ его заплачено 72,000. Портретъ
бургомистра Сикста, писанный Рембрандтомъ, дошелъ до 28,000 фр.,
портретъ Филиппа Рубенса, подписанный Петромъ-Павломъ Рубенсомъ,
заплаченъ 3,200 фр. Даже скромная картина, подписанная Ванъ-Гюйсумомъ и изображающая цвѣты и насѣкомыхъ, дошла до 13,000 фр.
За эти деньги можно всю жизнь окружать себя свѣжими душистыми
цвѣтами!

За книги платять тоже безумныя цёны. На распродаже книгь Ренуара, любители и спекуляторы набивали цёны еще неслыханныя. Изданіе Шекспира 1623 года было долго оспариваемо тремя библіофилами и наконецъ дошло до 3,750 фр. Это просто сумасшествіе!

Общество артистовъ, писателей и труппа французской комедіи сдѣлали большую потерю, хотя на этотъ разъ смерть взяла не артиста, не писателя, не актера, но молодую, прекрасную, умную женщину, которую всь видели въ директорской ложь французскаго театра во всь первыя представленія. Вст любовались не разъ ея правильною головкой, увтичанной цвътами и окруженной золотою рамкой ложи; всъ, которые знали ее, уважали ея характеръ, умъ, познанія, в'єрность взгляда, остроумныя критики. Такихъ женщинъ мало въ Парижъ; и смерть не пощадила нп молодости, ни красоты, не сжалилась ни надъ отчаяніемъ мужа, ни надъ слезами ребенка, и похитила жену Арсена Гуссе, извъстнаго литератора и директора Французскаго театра, на 28 году. Она любила страстно цвъты и зелень, и мужъ купилъ для нея домикъ, окруженный садомъ въ Елисейскихъ поляхъ, гдъ она сама сажала самыя ръдкія растенія. Б'єдная женщина недавно еще прощалась съ своими любимыми розами, которыя расцвътуть теперь на ен могилъ. Вся труппа Франпузскаго театра, всё артисты и писатели, жившее въ Париже, проводили до последняго жилища прекрасную женщину, жившую такъ мало для семейства, для друзей.

Неуспъли засыпать одну могилу, какъ опять надобно было провожать на кладбище другую молодую женщину, двадцати-шести-лътнюю Юлію Рембло, пансіонерку французской комедіи. Это была умная, полезная артистка, съ прекрасною сцепическою наружностью, и которая въ отсутствія Рашели занимала первыя роли въ трагедіяхъ. Она играла съ большимъ успъхомъ роли въ Дътихъ Эдуарда, Андромаху и Марію Стюартъ. Критики находили въ ней одинъ педостатокъ—холодиость, и бъдная Рембло теперь охолодъла навъки. Ее уважали всъ товарищи за примърное поведеніе, за благородный характеръ и за скромность. Много ли подобныхъ актрисъ на сценъ?

Къ новому году вышла такая кина новыхъ книгъ, нотъ и альбомовъ, что кажется до слъдующаго года не усиъешь не только прочитать, но даже разобрать всего. Назовемъ пъкоторыя замъчательныя произведенія.

Леонъ Гозланъ принялся продолжать свои воспоминанія о Жарди, то есть разсказы о жизни Бальзака. За эти живые, запимательные очерки можно отдать сотни альбомовъ въ самыхъ пркихъ переплетахъ.

Гюставъ Надо издалъ свой альбомъ ивсень. Имя этого веселаго музыканта уже извъстно въ музыкальномъ міръ, и потому его альбомъ разойдется безъ похвалъ.

Мемуары 1-жи д'Эпине, собранные Лун-Эно, представляють много любопытнаго.

Путешествіе вз Италію Поля Мюссе, самая великольная книга изъ всьхъ изданій къ праздникамъ и самый пріятный подарокъ какъ для мужчинъ такъ и для женщинъ. Поль-Мюссе знаетъ Италію лучше Франціи и говоритъ о ней какъ настоящій артистъ, историкъ и поэтъ. Немного статистики не мъщаетъ этому сочиненію. Одни виды Турина, Генуи, Милана, Вероны, Венеціи и другихъ городовъ Съверной Италіи такъ привлекательны, что увлекутъ многихъ въ эту прекрасную сграну, всегда дорогую артистамъ.

Еще нъсколько альбомовъ розовыхъ, голубыхъ, желтыхъ, и каждый поетъ то польку, то тарантелу, то ноктурну. Но мы и безъ того почти оглохли отъ концертовъ съ открытіемъ музыкальнаго сезона; къ счастію публика уже охладъла къ любимымъ своимъ музыкантамъ и не сбирается слушать ни піанистовъ, ломающихъ руки и клавиши, ни скрипачей, ни флейтистовъ, ни даже классическія сочиненія, которымъ остается върна одна консерваторія.

Еще одинъ академикъ очистилъ ваканцію. Институтъ въ послѣднее время что-то очень несчастливъ. Въ два года онъ потерялъ, по всѣмъ своимъ отдѣленіямъ, до сорока членовъ. Теперь скончался Бауръ Лор-

Смпьсь. 71

Sharing nonmann age

міанъ, на 88 году. Еще три или четыре подобныя потери, и академія будеть вся состоять изъ молодыхъ членовъ, которые долго заставять ждать ваканцій на свои кресла.

Бауръ Лорміанъ прибавилъ себъ последнюю половину фамиліп, находя, что для поэта имя Бауръ не довольно звучно. За это товарищъ его Лебренъ не переставалъ подсмъпваться надъ нимъ, и оба академика поражали другь друга эпиграммами. Теперь вражда эта давно забыта, но ифкоторыя эпиграммы остались какъ примфры остроумія. Вотъ одна изъ нихъ, принадлежащая автору Марін Стюартъ-Лебрену:

> enon, apparences pulsessons Rien n'est si lent, si lourd Que Monsieur Lormian-Baourd; American Proposition Rien n'est si lourd, si lent, Oue Monsieur Baourd-Lormian.

Поэтъ отвъчаетъ на это:

Lebrun de gloire se nourrit, Aussi voyez comme il maigrit!

Лебренъ опять спешитъ отвачать:

Sottise entretient la santé, Baour s'est toujours bien porté.

И это продолжалось ивсколько леть, и кажется одии эпиграммы были значительными трудами, за которыя оба академика получили кресла, потому что Бауръ Лорміанъ написаль только трагедін Омазись и Магометь И, которыя упали; перевель Освобожденный Іерусалимь, п паписалъ итсколько похвальныхъ стиховъ въ честь Наполеона, а потомъ Бурбоновъ. Вотъ и всъ его заслуги. Отчего же теперь избиратели такъ строги и недовольны не только талантами, но даже геніяльностью. Комуто придется исчислять заслуги Бауръ Лорміана? Эмилю Ожье или Жюлю Сандо?

Смерть Леона Фоше, члена Института по отделу наукъ, считается большою потерею для Франціи, которой онъ могъ бы принести еще много пользы своими познаніями и трудами. Такого человіка трудно замінить.

Роже, любимый парижскій півець, продолжаеть свое артистическое путешествіе по Германіи, и его встръчають вездъ съ неописаннымъ восторгомъ. Все театры оказываются малы, когда опъ поетъ, и все города стараются привлечь его хоть на изсколько представленій. Въ Ганноверъ артисту поднесли золотой лавровый вънокъ. Берлинъ ждетъ его съ нетеривнісмъ; Мейерберъ надвется остановить его на дорогв съ Африканкой, и сплою заставить его вернуться въ Парижъ.

Академикъ Флуранъ издалъ замъчательную книгу о продолжительности жизни человъка. Въ самомъ дълъ, сколько лътъ долженъ надъяться прожить человікь кріпкаго сложенія, здоровый и ведущій жизнь по правиламъ гигіены? Флуранъ смёло говорить, что жизнь человъческая должна продолжаться цълый въкъ, и что старость его должна быть безъ бользней, безъ слабостей, безъ потери умственныхъ способностей, — старость, какою пользовались Фонтенель, Бюфонъ, Боссюэтъ. Къ этимъ знаменитымъ именамъ можно еще прибавить тысячу другихъ. Ньютонъ умеръ на 85 году; Платонъ писалъ свои прекрасные разговоры на 81 году; Теофрастъ свои характеры на 99; Огессо исполнялъ должность канцлера Франціи на 82 году; Александръ Гумбольдтъ и теперь еще полонъ силы и здоровья, и на 85 году написалъ прекрасное предисловіе къ сочиненіямъ Араго. Самые храбрые воины Александра: Селевкъ, Птоломей, Кассандръ, Антигонъ, Лизимахъ, были старше 80 лётъ, и дрались какъ львы въ сраженін при Иссъ. Андреа Доріа быль ста льть, когда одерживаль победы и открывалъ заговоры. Множество другихъ примеровъ подтверждають это мивніе г. Флурана.

Докторъ Фуассакъ, разбирая сочинение академика, подтверждаетъ, что нормальная жизнь человъка должна продолжаться сто лътъ, но что люди могутъ прожить и до двухъ сотъ. Не много ли это? Впрочемъ, привычка жить такъ велика, что ни одинъ человъкъ не скажетъ, что онъ прожилъ уже довольно. Микель-Анжело умеръ на 99 году и сожалътъ, что жилъ мало.

Изъ ученыхъ изслъдованій Будена видно, что въ періодъ отъ 1835 до 1852 убито грозой 1,308 человъкъ. По другимъ документамъ видно, что въ Бельгіи убитыхъ грозой было 3, въ Швеціи 9, а въ Англіи 22.

Перигорскіе фермеры находятся въ большомъ неудовольствін, а любители трюфелей радуются, что лакомство это будетъ дешевле, потому что въ Уазскомъ департаментъ, въ Шомонскомъ округъ, одинъ ученикъ нормальной школы нашелъ большое количество трюфелей. Тотчасъ же ихъ отдали на разсмотръніе профессора химіи и земледълія, и онъ объявилъ, что найденные трюфели имъютъ совершенно форму и вкусъ перигорскихъ.

-Въ Лувръ, въ одной изъ египетскихъ залъ музея, поставили разрисованную статую, найденную въ Египтъ Маріеттомъ. До сихъ поръ это единственный монументъ, современный пирамидамъ; опъ изображаетъ человъка, сидящаго съ свиткомъ папируса въ рукахъ. Любопытные толнятся вокругъ этой статуи, и многочисленные работники приСмпсь. 73

готовляють комнаты для помъщенія другихь драгоцінныхь вещей, привезенныхь изъ Егппта Маріеттомъ.

Одинъ Итальянецъ изобрълъ новую систему освъщения рампы театра, состоящую изъ зеркалъ и выпуклыхъ стеколъ. Этимъ способомъ свътъ дълается гораздо ярче и обходится дешевле обыкновеннаго. На театръ Флоренціи испытывали новую систему освъщенія, и всъ остались ею чрезвычайно довольны.

Матье, смотритель сада въ Сенъ-Клу, употребилъ недавно съ большимъ успъхомъ машину для переноски деревьевъ, изобрътенную Стюартъ Макъ Гламеномъ.

Сначала сдѣлали опыть надъ деревомъ въ десятъ метровъ вышины и пятьдесятъ сентиметровъ окружности, которое можно было поднять только двадцатью лошадьми, и то сначала надобно было долго рыть вокругъ него землю, чтобъ освободить корни. Посредствомъ же новой машины, въ двадцать минутъ дерево было вырвано и перенесено въ другое мѣсто, не смотря на безчисленные корни, разросшіеся подъ землею. Если увеличить размъры этой машины, то можно будетъ пересаживать съ мѣста на мѣсто столѣтнія деревья.

Въ императорской библютекъ содержится 680,000 томовъ; въ библютекъ св. Женевьевы 300,000 томовъ; въ арсеналъ 485,000; въ мазаринской 460,000, въ Луврской 86,000, въ Сорбонской 45,000; въ школъ медицины 38,000; въ городской ратушъ 22,000; въ консерваторіи художествъ и ремеслъ 20,000; въ Музеѣ натуральной исторіи 15,000; въ школъ правовъдънія 10,000; въ консерваторіи музыки 7,800 цартитуръ, томовъ и рукописей.

Читатели французскихъ газетъ уже ивсколько разъ слышали въ послъдніе годы о великольномъ замкъ въ окрестностяхъ Сенъ-Жерменя, который называется островъ Монте-Кристо. Увы! этотъ капризъ великаго литератора достался дъловому человъку. Только говорятъ, что онъ купленъ для одной знатной дамы. Всего грустиве то, что Монте-Кристо, то есть самое зданіе съ восьмиадцатью комнатами господскихъ и десятью лакейскими, знаменитая арабская комната, великольшная спальня Александра Дюма, конуры для собакъ, паркъ, пруды, сады и всв прихоти, стоившіе поэту 450,000 франковъ, проданы теперь за 31,000. Какое красноръчіе въ этихъ цифрахъ! Не доказываютъ ли они, что не мъщало бы талантливымъ людямъ или серьезно заниматься управленіемъ своихъ дълъ, или уже совсъмъ не браться за постройки. Но Александръ Дюма, смъявшійся надъ Бальзакомъ, хлопотавшимъ въчно въ своемъ Жарди, самъ никакъ не могъ удержаться, чтобъ не соорудить Монте-Кристо, куда бросилъ огромныя суммы

и который обязанъ теперь продать за безцѣнокъ. Бальзакъ же до смерти не разставался съ Жарди, хотя былъ часто въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, потому что что писалъ не такъ скоро, какъ Дюма, и слъдственио получалъ не такъ много денегъ.

На прошедшей педеле, работники ломая стены башни Сенъ-Жанъ-Латрана, которая будеть уничтожена, нашли въ одномъ отверзти множество пергаментовъ. Эта паходка была отнесена въ ратушу самимъ архитекторомъ. Тотчасъ же узнали, что большая часть руконисей принадлежитъ ХІН и XIV въкамъ. Однако есть также и XVI. Надъются, что когда будутъ разбирать фундаментъ и нижній этажъ, то найдуть еще много пергаментыхъ руконисей, и нотому даны строгія приказанія, чтобъ тотчасъ же отнесли ихъ въ ратушу, гдв ихъ разберутъ, а потомъ уже представятъ въ министерство народнаго просвъщенія.

Гекторъ Берліозъ въ остроумной стать о театръ исчисляетъ огромное жаловање, получаемое современными пъвцами и пъвицами, и составляетъ слъдующій любопытный разсчеть:

«Первый теноръ, получая сто тысячъ франковъ жалованья, играетъ не больше семи разъ въ мъсяцъ, то есть 84 раза въ годъ, что составляетъ немного больше 1,100 франк. въ вечеръ. Полагая, что роль состоитъ изъ 4,100 нотъ придется по франку за ноту.

Напримъръ, въ Вильгельмъ Теллъ теноръ поетъ:

«Ma (1 фр.) présence (3 фр.) pour vous est peut-etre un outrage (9 фр.)

«Mathilde (3 фр.) mes pas indiscrets (сто су).

«Ont osé jusqu'à vous me frayer un passage (13 op.)».

И того: 34 франка.

Такъ какъ примадоны немного дешевле, и Матильда, можетъ быть получаетъ только 40,000 фр. (теперь вирочемъ иътъ такихъ дешевыхъ Матильдъ), то отвътъ ея приходится дешевле, а именно: за всякую ноту по восьми су.

On pardonne aisement (2 op. 40 cy) des torts (16 cy) que l'on partage (1 op.)

«Arnold (16 cy) je (8 cy) vous attendais (32 cy)».

И того: 8 франковъ. Не обидно ли это для Матильды?

Кто повърить, что фабрикація зажигательныхъ спичекъ занимаетъ въ Парижъ десять тысячь работниковъ? Каждый день употребляютъ двънадцать саженъ осиноваго дерева на спички, и одна фабрика приготовляетъ ежедневно четыре милліона 840 т. спичекъ.

Эта фабрика ежедневно издерживаеть 1,200 килограмовъ фосфора, и надобон замътить, что это двадцатая часть фосфора, производимаго

Францією. Послі этого можно предполагать, что для внутренняго употребленія и для вывоза, Франція наготовляєть каждый день 76 милліоновь 800 т. зажигательных спичекь. А давно ли, кажется, вошли они въ общее употребленіе?

Въ последние дни Парижъ былъ въ волнении. Делали опытъ надъ экппажемъ новаго изобрътенія. Въ него лошади впрягаются не спереди, а сзади, и вмъсто того чтобъ тащить экипажъ, толкаютъ его. По этой системъ лошади, не видя передъ собою ничего кромъ стъны кареты, не могутъ испугаться и бъгутъ всегда ровно. Экипажъ сдъланъ о трехъ колесахъ, одно спереди и два сзади, и переднее колесо вертится въ разныя стороны, по желанію кондуктора, который управляеть имъ. Заднія колеса устроены такъ, что могуть вдругь остановиться. Наконецъ впереди этого странцаго экипажа придълана машина, которая отстраняеть прохожихь, неслыхавшихь предостереженій кондуктора. Все это очень хорошо, и, пожалуй, безопаснъе нынъшней ъзды, но наврядъ ли это изобратение примется, потому что оно не красиво и даже смашно. Соминтельно даже, чтобъ лошади согласились на такое унизительное положение: толкать экипажь. Можеть быть, это примется для повозокъ, но ужъ никогда для взды по улицамъ и гуляньямъ. Какъ вообразить себъ гулянье въ Лоншанъ, гдъ всъ лошади будутъ спрятаны сзади экипажа, а коляски и кареты будуть подвигаться однъ, какъ на жельзной дорогь, только не рядами, а иногда перегонять одна другую. Это будеть уморительно!

На дняхъ представили въ академію наукъ, въ Парижѣ, опыты маленькихъ топографическихъ картъ, сдѣланнымъ посредствомъ галвано-пластики. Онѣ представляютъ горы рельефными и сдѣланы съ математическою точностью. Вскорѣ будутъ сдѣланы опыты въ большихъ размѣрахъ и тогда, можетъ быть, эти карты войдутъ во всеобщее употребленіе.

Въ Парижъ вст публичные балы открыты, театры стараются другъ передъ другомъ блеснуть новостью, не щадя средствъ, чтобъ только привлечь публику; впрочемъ, не смотря на множество сценъ, зрителей достаетъ почти на вст, гдт только даются сносныя пьесы и гдт есть порядочные актеры.

На всъхъ Парижскихъ театрахъ столько новаго, потому что теперь самый разгаръ сезона, что не знаешь съ чего начать обзоръ. Отдадимъ первенство музыкъ.

Италіянскій театръ наконецъ поставиль новую четырехъ-актную оперу Верди «Il trovatore» и показаль новаго тенора Бокарде.

Начать съ того, что либретто новой оперы до того глупо, запутано

и безсвязно, что превосходить въ этомъ отношеніи, кажется, всѣ италіянскія либретто, отличающіяся нельпостью. Впрочемъ птальянцы привыкли не обращать никакого вниманія на сюжетъ. Что имъ за діло,
что дійствіе происходить въ Венеціи или въ Карпантра, что поетъ
князь или пастухъ. Имъ нужна одна музыка; одни звуки волиуютъ
ихъ и доставляють наслажденіе, и для нихъ декораціи и костюмы почти
лишніе. Германцы то же любители музыки, но имъ мало однихъ звуковъ, имъ нужно искусство, гармонію, игру артистовъ; французамъ
необходима драма или комедія, блистательная обстановка, красота примадоннъ; безъ этого они не могутъ понимать музыки. Чья метода
любить музыку лучше? на это неберемся отвічать, но знаемъ, что
Россини сділаль безсмертныя творенія изъ нельпійтихъ лібретто, и что
французскіе композиторы держатся на сцені только занимательностью
пьесъ.

Постараемся хоть что нибудь понять въ Трубадури. Въ Бискайн въ нятнадцатомъ въкъ, какой-то графъ приказалъ казнить колдунью цыганку; дочь ея, въ отмщеніе похищаетъ младшаго сына графа н выдаетъ его за своего ребенка. Когда драма начинается, ребенокъ этотъ уже выросъ и выбраль себъ карьеру трубадура. Старшій его брать, Фернандо, покуда занимается волокитствомь и влюблень въ фрейлину королевы Леонору, но она, по заведенному порядку, никакъ не можетъ любить баритона, а предпочитаетъ Манрика—трубадура, тенора, Графъ вызываетъ его на дуэль, по цыганка открываетъ Манрику тайну его рожденія, и онъ бъжить къ Леоноръ просить ея руки. Къ несчастію онъ уже опоздаль, возлюбленная его заперлась въ монастырь. Графъ сажаетъ за это цыганку въ тюрьму; Манрикъ, неизвъстно какъ, женится на Леоноръ, Фернандъ заключаетъ его въ темницу. Леонора, чтобъ снасти мужа, объщаетъ любить графа и отравляется; цыганка сходить съ ума въ тюрьмъ, не смотря на всъ романсы Манрика. Фернандъ съ горя отъ потери Леоноры велить казнить трубадура, и цыганка прійдя въ себя, объявляеть ему кто быль Манрикъ. Фернандъ и для компаніи съ нимъ цыганка падають на поль, и завъса падаеть..... Вотъ и все.

Подобное нелогическое либретто было бы невозможно для французской оперы, не смотря на музыку геніяльнаго композитора, но для итальянской оно превосходно, потому что въ немъ много эфектовъ, страстей, много ужасовъ и трогательныхъ сценъ, въ которыхъ музыкъ раздолье.

Опера имъла большой усиъхъ и выдержитъ много представленій, но кажется, что Парижская опера ждетъ успъха Сицилійской вечерии,

Смњсь. 77

которую Верди ставить на французской сцень, чтобъ вполнъ высказать свое мнъне о превосходномъ современномъ композиторъ. Впрочемъ и эта опера отличается тою же оригинальностью, смълостью мелодій и странностью ритма, какъ и всъ другія проязведенія маэстро. Нъкоторые нумера произвели сильное впечатлѣніе на публику. Въ первомъ актъ есть хоръ цыганъ до того живописный и фантастическій, съ такими оттънками и переливами гармоніи, что Мейерберъ не отказался бы подписать подъ нимъ свое имя. Арія графа въ третьемъ дъйствіи написана въ превосходномъ стилъ и хоръ «Ardire! andiamo!» произвель сильный эфектъ. Арія Манрика, его романсы, дуэты съ Леонорою придуманы совершенно въ новомъ родъ и вполить изображаютъ мечтательный характеръ и безотрадное положеніе бъднаго трубадура. Вообще композиторъ разсчиталь искусно эфекты, и хотя въ первыхъ актахъ много хорошихъ нумеровъ, по послъдніе песравненно выше, такъ что вниманіе публики къ концу возрастаетъ.

Словомъ Верди можно поздравить съ полною побъдой и пожелать ему еще больше успъха на сценъ Большой оперы.

Трубадуръ былъ исполненъ превосходно. Френцолини была самая трогательная Леонора. Борги-Мамо съ увлечениемъ и страстью исполнила роль цыганки. Гранціани и Гассье заслужили всеобщее одобреніе, но героемъ этого вечера былъ новый теноръ Бокарде. Всѣ боялись за первый дебютъ молодаго человъка, и такъ какъ множество надеждъ, подаваемыхъ другими дебютантами неосуществились, то публика приняла Бокарде довольно недовърчиво. Однако онъ вышелъ полнымъ побъдителемъ. Голосъ молодаго человъка пріятный и сильный, какого давно не было на сценѣ. Онъ не кричитъ, но и не шепчетъ, а поетъ смъло, върно, искусно и еще не выучился беречь свой голосъ. Игра его тоже довольно развязна для дебютанта, и вообще онъ понравился публикъ, которая ждетъ его съ нетериъніемъ въ другихъ роляхъ. Для дебютанта и то большое счастіе, что онъ вышелъ въ новой оперѣ, гдѣ не могло быть для него сравненія съ прежними артистами.

Говорять, что Бокарде служиль мальчикомь на кухив у одного знатнаго иностранца, и что баринь, услышавь нечаянно чудный голось мальчика, даль ему средства къ музыкальному образованию и сдёлаль изъ него артиста. Труды его не пропали; Бокарде уже доказаль своему покровителю благодарность тъмъ, что заняль первое мъсто въ итальянской трупив. Судьба его напоминаеть другую, извъстную артистку, которая въ молодости пасла овець и распъвала восхитительнымъ контральтомъ деревенскія пъсни. Если бъ прохожій не услышаль этого голоса и не взяль къ себъ дъвочку, которую надобно было еще учить

говорить и читать, а потомъ пѣть, то публика была бы лишена удовольствія восхищаться несравненнымъ голосомъ Альбони, которая неизвѣстно отчего не захотѣла пѣть въ Парижѣ въ пынѣшній сезонъ и
отправилась на родину съ своимъ мужемъ. Думала ли бѣдная дѣвочка, пася стада, что ее ожидаетъ такая блестящая будущность? Отчего
же и нѣтъ! Въ Италіи почти всѣ артисты вышли изъ самыхъ пизкихъ
классовъ, и каждый нищій можетъ мечтать о славѣ Рубини.

Лирическій театръ поставиль дві оперы, имівнія огромный уснікув. «Le roman de la rose», одноактная комическая опера, музыка Проспера Паскаля, должна была понравиться по одному душистому названію, объщающему очень много. Надобно признаться, что сюжеть самый простой и вылитый въ форму обыкновенныхъ комическихъ оперъ, пемного разочароваль зрителя, ожидавшаго чего нибудь фантастическаго, волшебнаго, шекспировскаго, но за то музыка заставила забыть сюжеть. такъ много въ ней свъжести, прелести, оригинальнаго, розоваго. Пьеса составлена двумя молодыми авторами Жюлемъ Барбье и Жюлемъ Делаге. Одинъ молодой человъкъ, еще слишкомъ молодой, влюбленъ страстно въ прекрасную Маргариту, по родители выдають ее замужь за стараго барона. Бъдный Вальтерь такъ пораженъ этимъ, что лишается разсудка и удаляется въ уединенный паркъ съ старымъ садовникомъ, гдъ занимается только цвътами. Безуміе этого Вальтера трогательно. Онъ начинаетъ любить цвъты какъ любилъ Маргариту, воображаетъ, что они одарены душею, разговариваетъ съ ними, ласкаетъ ихъ и предпочитаетъ всемъ чудную розу. Разумъется, что со времени своего несчастія опъ не можетъ видъть ни одну женщину, и садовникъ смотритъ только за тъмъ, чтобъ въ паркъ не пробралась ни одна добка. Однажды утромъ Вальтеръ идетъ навъстить свою любимую розу, какъ вдругъ вмъсто цвътка видитъ прекрасную молодую женщину и узнаетъ въ ней Маргариту. Баронъ умеръ черезъ итсколько мъсяцевъ послъ свадьбы, а Маргарита отправилась отыскивать своего прежняго возлюбленнаго. Разумъется, что разсудокъ Вальтера возвращается, и онъ женится на живомъ цвъткъ.

Этотъ маленькій актъ быль пропъть удовлетворительно, и нублика съ громкимъ одобреніемъ приняла имя молодаго автора, обязывая его не останавливаться и работать серіозно. Нъкоторые нумера въ романь Розы показываютъ, что композиторъ кромѣ таланта обладаетъ еще прочными познаніями въ музыкѣ. Даже ему можно сдълать маленькій упрекъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ музыка его слишкомъ ученая для такого простаго либрето, но въ этомъ виновата скорѣе пьеса, а не талантъ музыканта, которому было тѣсно въ такой маленькой рамѣ.

«Le Muletier de Tolède», комическая опера въ трехъ дъйствіяхъ, музыка Адольфа Адана, слова д'Эннери и Клервиля, обязана была имъть огромный успъхъ, потому что имена маэстро, либретистовъ и исполнителей привыкли къ однимъ тріумфамъ. И въ самомъ дълъ, тутъ все соединилось, чтобъ возбудить восторгъ публики: занимательность сюжета, игривость музыки, увлекательная игра артистовъ, красота пъвицъ, свъжесть костюмовъ и декорацій. Словомъ, это одна изъ удачныхъ оперъ, которая принесетъ много выгоды дирекціи и чести авторамъ, не смотря на то, что они уже привыкли къ успъхамъ.

Дъйствіе происходить въ Испапіи. Адапь давно уже любимець публики и музъ, и считается самымъ счастливымъ, самымъ плодовитымъ композиторомъ. Нечего удивляться, что опъ нашелъ множество новыхъ мелодій, оригипальныхъ мотивовъ, блистательные эфекты оркестровки. Притомъ маэстро придалъ этой оперъ паціональный колоритъ, такъ что музыка дышетъ Испанією.

Теперь перейдемъ къ не лирическимъ театрамъ.

Французскій театръ поставиль на сцену одноактную комедію въ стихахь, La dot de ma fille, соч. заслуженнаго артиста Сансона. Уже не въ первый разъ актеръ беретъ перо автора, и поддерживая всегда сочиненіе другихъ драматурговъ, самъ пногда является на судъ публики съ произведеніемъ, которое еще болѣе возвышаетъ къ нему уваженіе посѣтителей перваго французскаго театра. Маленькая комедія эта имѣла полный успѣхъ, хотя сюжетъ ея не замысловатъ. Старый ученый Варнеръ страстный библіоманъ. Онъ живетъ кажется только для однѣхъ книгъ. Свѣтъ, политика, дѣла, хозяйство все это такъ чуждо Варнеру, что еслибы вокругъ него сгорѣлъ городъ, и громъ разразился надъ его собственнымъ домомъ, то онъ бы ничего не примѣтилъ, разбирая свои книги. Онъ отдалъ бы всѣ сокровища земли за эльзевири и продалъ бы остатокъ дней, чтобъ только нѣсколько часовъ владѣть первымъ изданіемъ одной изъ старинныхъ книгъ.

Удивительно только какъ ученый этотъ нашелъ время влюбиться и жениться. Теперь у него есть дочь, ръзвый шестнадцатильтній ребенокъ, котораго отець любить почти такъ же горячо какъ свои книги. Только, такъ какъ онъ мало занимается ею, то и не замѣчаетъ, что Маргарита уже давно выросла, и что она краснѣетъ всякій разъ, когда приходитъ молодой Фредерикъ дѣлать выписки изъ книгъ Варнера. Она даже хорошо понимаетъ, что Фредерикъ ходитъ для нее, а совсѣмъ не для ученыхъ справокъ, но бѣдная дѣвушка не смѣетъ даже мечтать о счастіи, потому что отецъ Фредерика богатый негоціантъ, а у нее иѣтъ даже приданаго. Притомъ Варнеръ накупилъ уже столько

80

книгъ, что ему самому скоро придется пойти съ ними по міру. Старикъ наконецъ одумывается и видитъ пропасть, въ которую вовлекла его несчастная страсть къ книгамъ. Бъдная Маргарита! неужели дать ей въ приданое библіотеку старыхъ книгъ, когда отецъ жениха не тернитъ въ своемъ домъ ни какихъ другихъ книгъ, кромъ счетныхъ. Наконецъ библіоманъ ръшается на отчаянное ножертвованіе. Онъ продаетъ свою драгоцънную библіотеку, чтобъ дать приданое дочери, и когда жертва принесена, надобно видъть отчаяніе старика, его непритворныя слезы... онъ никакъ не перенесъ бы этой потери, еслибъ Фредерикъ не выкупилъ этихъ книгъ и для обезпеченія будущности Варнера не выхлопоталъ ему мъсто библіотекаря у великаго герцога. Какъ описать дътскую радость библіомана, когда онъ сиять видится съ своими пыльными томами!

Cance.

Пьеса написана хорошими легкими стихами, ведена прекрасно и разыграна. Сансонъ самъ создалъ роль ученаго, и былъ до такой степени наивенъ и трогателенъ, что роль эта останется однимъ изъ лучшихъ его созданій. Хороша также роль старой служанки, управляющей хозяйствомъ бобліомана. Это типъ воркуньи доброй и несносной, которая рада пожертвовать жизнью за своихъ господъ.

Les Ennemis de la Maison, трехъ-актная комедія въ стихахъ, соч. Камиля Дусе, имъла тоже значительный успъхъ на Французскомъ театръ, хотя пьеса эта совсъмъ не новая, и была играна четыре года тому назадъ на театръ Одеона, гдъ тоже понравилась публикъ. Остроумный авторъ этотъ, къ несчастію переставшій теперь писать, первоначально представилъ эту комедію въ комитетъ Французскаго театра; но, какъ Понсаръ и Ожье, получилъ отказъ, и Одеонъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ поставить пьесу, заслужившую всеобщее винманіе. Теперь французская комедія вздумала взять эту пьесу и представить ее какъ новость на своей сценъ, потому что авторъ передълалъ немного третій актъ и сократилъ нъсколько сценъ. И чтожъ! публика и черезъ четыре года подтвердила свое первое сужденіе, принявъ комедію съ громкими рукоплесканіями.

Сюжеть пьесы совершенно современный. Благоразумная мать, не слишкомь довъряющая любви, удаляеть отъ дочери человъка, котораго она любить, и выдзеть ее замужь за серьезнаго, богатаго, положительнаго нотаріуса. Г-жа Бопре вполив увърена, что составила счастіе дочери, хотя молодая женщина, не смотря на окружающую ее роскошь, блъдна и грустна, а мужь ея ревнивь и подозрителень. Между тъмъ Морисъ, удаленный женихъ, возвращается, и зритель уже думаетъ, что предъ нимъ будетъ разыгрываться драма въ современномъ французскомъ

вкусъ, но авторъ скоро успокопваетъ его. Антоніо теперь ситшонъ, и честная женщина ни какъ не пожертвуетъ семейнымъ счастіемъ и мужемъ, хотя и нотаріусомъ, самому поэтическому вздыхателю, который въ свою очередь утъщится, женясь на хорошенькой дъвушкъ съ богатымъ приданымъ. Вотъ вся пьеса Дусе, но она написана такъ мило, остроумно, съ такими върными подробностями и блистательными стихами, что Одеонъ будетъ въ отчании, потерявъ такую превосходную комедію, а Французскій театръ по прежнему будетъ отказываться отъ предлагаемыхъ пьесъ, потому что можетъ ихъ брать съ другихъ сценъ, если они имъли успъхъ.

Театръ Гимпазіи поставиль давно ожидаемую пьесу Г-жи Жирарденъ Le chapeau d'un Horloger, и успъхъ ея провзошелъ всъ ожиданія. Это образцовое произведение высокаго комизма; одержимые сплиномъ могутъ идти смотръть этотъ забавный водевиль, если хотятъ вылечиться отъ грусти или отъ бользни. Этотъ общій душевный сміхть тімъ пріятнъе, что онъ производится не пошлымъ фарсомъ или двусмысленными остротами, но забавнымъ недоумъніемъ, страннымъ положеніемъ дъйствующихъ лицъ. Дъло все въ шлянъ часовщика, котораго призвалъ неосторожный лакей, разбившій часы барина. Этотъ лакей Амедей, преуморительное лицо. Онъ отдаетъ часы мастеру, но въ эту минуту звонить баринь, и по звонку видно, что онъ сердить. Амедей въ тороияхъ запираетъ часовщика въ комнату молодой жены барина. Тотъ входить и видить шляну, оставленную часовщикомъ. Начинается забавная сцена, гдъ баринъ, подозръвая жену, допрашиваетъ лакея, а тотъ, боясь одного, чтобъ не узнали, что онъ разбилъ дорогіе часы, путается въ словахъ, вретъ чепуху... прибавьте къ этому, что мужъ слышить въ комнатъ жены мужскіе шаги, и что дверь заперта на ключь, и вы поймете отчанніе бъднаго Гонзалеса. Наконецъ Амедей говорить: «Стоить оть этого приходить въ отчание. Ваша драгоцънность не пропадетъ. Оно мит сказалъ, что черезъ три дня пришлетъ ее назадъ.» Бъдный мужъ въ совершенномъ отчаянии. Въ это время приходить какой-то кузень, самый несносный человікь въ мірі, который еще больше сердить на мужа, и уходя нечаянно береть шляпу часовщика. Опять уморительная сцена, наполненная остротами, забавными положеніями. Вдругъ входитъ Генріета, жена Гонзалеса, веселая какъ всегда, и мужъ принимаетъ ее какъ герой мелодрамы. Наконецъ все это объясняется, и мужъ такъ счастливъ своей ошибкой, что не только прощаетъ Амедея, но еще прибавляетъ ему жалованья.

. Никогда еще кажется не хохотали такъ отъ души въ театръ Гим-

82 - Смись.

назін и въ такой миленькой пьесъ. Уситхъ водевиля г-жи Жирарденъ будетъ самый продолжительный.

Другая пьеса, поставленная на этой же сценъ, тоже имъла значительный успъхъ, хотя написана совершенно въ другомъ родъ. Это l'Ecole des agneaux, комедія въ одномъ дъйствіи въ стихахъ, соч. Дюмануара. Авторъ этотъ нъсколько льтъ тому назадъ отдалъ на театръ Амбигю драму, написанную превосходно, но безжалостную, злую, и которая произвела самое пепріятное впечатльніе на публику, сожальвшую, что молодой авторъ употребляетъ свой талантъ на такіе сюжеты. Драма называлась Ріегге d'Arezzo и героемъ ее былъ Аретинъ.

Теперешняя комедія Гимназіи пе импеть ничего общаго съ драмой. Авторъ вывель молодаго человіка добраго, образованнаго, благороднаго, съ которымъ всё обходятся съ пренебреженіемъ, притісняють его, и другаго, здаго памфлетиста, издающаго журналь Змью, котораго боятся, ухаживають за нимъ, стараются угождать ему, потому что онъ дійствуеть шнагою еще лучше чёмъ перомъ. Злой отбиваетъ у добраго місто, невісту, квартиру, но наконець объясняется съ нимъ и признается, что носить только маску, что самъ онъ добродушенъ и благороденъ, но увиділь, что выпгрывають въ світі только тів, которые заставляють себя бояться, и сталь жалить всёхъ какъ змітя.

Театръ Водевиля поставилъ въ этотъ мъсяцъ столько пьесъ, что не знаешь, съ которой пачать разборъ.

Les maris me font toujours rire, опять сатира на бъдныхъ мужей, которыхъ не перестають выводить на всехъ театрахъ. Странно, что публика, состоящая большею частію изъ мужей, аплодируетъ подобнымъ пьесамъ и поддерживаетъ ихъ. Впрочемъ водевиль написанъ очень хорошо и веденъ искусно. Нъкто Оскаръ не перестаетъ мучить Шамульяра, у котораго хорошенькая жена. Опъ заставляетъ бъднаго мужа не досыпать, не дойдать, быть вйчно на сторожй, присматривать за женою, не знать нокоя, и самъ смеется надъ нимъ, а за нимъ и вся публика. Но Шамульяръ не такъ простъ, какъ кажется. Онъ заставляетъ франта жениться на молоденькой кокеткъ, и когда Оскаръ во второмъ дъйствии сдълзлен настоящимъ мужемъ, то есть сталъ носить бумажный калиакъ, фланелевый жилетъ, бросилъ дакированные сапоги. палевыя перчатки и сталь долго спать и много пить, то Шамульярь вводить въ его домъ отчаяннаго фата Полидора и заставляеть мужа прятаться, безноконться, словомъ разрушаеть его счастіе, точно также какъ онъ дълолъ это до женидьбы, и все повторяеть, что такіе мужья очень смишны. Публика опять хохочеть и надъ этимъ мужемъ, и находить, что это очень натурально. Къ счастію еще, что третій мужь,

Смњев. 83

не принадлежащій къ категорін первыхъ, устранваєть дѣла этихъ двухъ супруговъ и усноконваетъ мужей. Надъ этимъ публика не смѣстся, но аплодируетъ, радуясь невольно за бѣдныхъ мужей.

Не смотря однако на смъхъ и аплодисменты публики, пьеса все таки показалась многимъ (мужьямъ) не совсъмъ ловкою, и часто смъхъ былъ не чистосердеченъ и натянутъ, какъ смъхъ хора въ Фрейшюцъ.

Sous un parapluie, не пьеса, по разговоръ двухъ лицъ ночью подъ проливнымъ дождемъ и защищенныхъ только однимъ зонтикомъ. Надобно хохотать до унаду, слушая эту блистательную болтовию марсельскаго фарсера, который забавляется надъ добрымъ товарищемъ своего несчастія, стоящимъ у своей двери и терпфливо ожидающимъ, чтобъ привратникъ ее отворилъ. Безстыдный марселецъ понемногу овладъваетъ зонтикомъ смирнаго Бобура, потомъ снимаетъ съ него плащъ, шляну, фланелевый жилетъ, влъзаетъ ему на спину и добирается черезъ балконъ до его квартиры, гдъ засыпаетъ въ его постелъ, а бъдный Бобуръ, полуодътый и дрожащій отъ холода, остается подъ проливнымъ дождемъ, стуча въ дверь своего собственнаго дома. Наконецъ эта дверь отпирается и привратникъ отгоняетъ своего хозяина, принявъ его за бродягу или за вора. Онъ даже готовъ идти за полиціею, по къ счастію первые лучи солица освъщаютъ лицо страдальца, и онъ можетъ добраться до своей квартиры и выгнать оттуда пришельца.

La bonne sanglante, пародія въ двухъ дъйствіяхъ, возбудила такой оглушительный и безпрерывный смѣхъ, что артисты принуждены были останавливаться иссколько разъ, чтобъ дать пройти хохоту, нереходившему уже въ истерическій припадокъ. Въ самомъ дълъ, слабонервнымъ нельзя смотръть подобныя пьесы, гдъ спачала до конца надобно непремънно хохотать во все горло. Тутъ сюжеть ньесы дёло второстепенное, а главное состоить въ неподражаемой игръ комиковъ. Одинъ изъ нихъ, извъстный Коппъ, съ самою уморительною физіономією, какую только можно видъть на сценъ, игралъ Кровавую импьку Франсуззу, и только что его носъ показывался изъ-за кулисъ, публика не давала ему выговорить ни слова и хохотала до слезъ. Дело въ томъ, что хозяинъ Франсуазы, старый Турисоль, урониль какую-то монету въ колодезь и приказалъ служанив достать ее. Та не послушалась, и Турнсоль столкнулъ ее въ воду. Съ тъхъ поръ каждую ночь Франсуаза является въ кухит убійцы, съ окровавленною курицей, и не даетъ никому въ домт покоя. Сынъ Турнсоля, капралъ Додольфъ, назначаетъ своей возлюбленной Фландринъ свидание на заднемъ дворъ, но въ потьмахъ встръчаетъ окровавленную кухарку и увозить ее. Замътя ошибку, онъ хочеть бросить ее на дорогь, но никакъ не можетъ отвязаться отъ привиденія,

Посл'я этого Додольфъ приводитъ Фландрину къ отцу и проситъ его благословенія на бракъ, открывъ ему въ тоже время, что Франсуаза жива.

Эта пародія на оперу Гуно и Скриба, о которой мы говорили въ прошломъ письит, служитъ только подтвержденіемъ, что произведеніе ихъ имъло успъхъ; на незначительныя пьесы не пишутъ пародій и еще такихъ остроумныхъ.

Les Parisiens, пьеса въ пяти дъйствіяхъ, имъла серьезный, заслуженный успъхъ. Пьеса написана Барріеромъ, уже извъстнымъ публикъ своими сочиненіями. Только теперь авторъ выбралъ уже слишкомъ мрачный сюжеть, и очень строгь съ современному обществу, но все таки цъль его пьесы прекрасна. Она должна была называться Les Parisiens de la décadence, но Баррьеръ самъ догадался, что название это слишкомъ жестоко, потому что упадокъ современнаго общества еще не такъ великъ, чтобъ можно было придти въ отчаяние. Не все человъчество заражено эгонзмомъ, страстью къ наслажденіямъ, жадностью къ деньгамъ. Не вездъ встръчаются одни мошенники, глупцы и безчестные люди. Правда, что высокія добродітели рідки, но еслибъ они были обыкновенны, то никто и не замъчалъ бы ихъ. Нътъ, представителями девятнадцатаго въка все таки не можетъ быть эта толца парижскихъ интригантовъ, честолюбцевъ, аферистовъ, развратниковъ. Нашъ въкъ отличается лихорадочною дъятельностью и произвель уже много прекраснаго, полезнаго. Есть и теперь люди, совершившие достойныя дъла и недоступные пикакой низости; есть люди, стремящіеся къ славъ, но не покупающіе ее за деньги, но главное есть люди добрые, честные, трудолюбивые, есть таланты, умъ и геніяльность и въ нашу эпоху; стало быть, мы не можемъ еще равняться съ Римлянами четвертаго стольтія. Римляне въ періодъ упадка не смотрыли комедій Теренція и Плавта, и театры ихъ были наполнены танцовщицами. Теперь же все еще уважаютъ Мольера и бросають всь увеселенія, чтобъ идти смотрыть хорошую пьесу. Вотъ почему публика, зная направление таланта Баррьера, до-нельзя наполнила театръ въ первое представление его пьесы, и приняла ее съ такимъ восторгомъ, что обезпечила полный сборъ еще представленій на пятьдесять. Стало быть люди, требующіе полезныхъ уроковь и нравственныхъ пьесъ, еще не окончательно испорчены; потому пьеса названа просто les Parisiens.

Баррьеръ смѣло объявилъ войну всѣмъ современнымъ порокамъ, но ведетъ военныя дѣйствія такъ искусно, съ такимъ талантомъ сатирика, моралиста и драматурга, съ такимъ безжалостнымъ хладнокровіемъ и непоколебимою твердостью, что по неволѣ всѣ препятствія предъ нимъ упадаютъ, и онъ торжествуетъ.

Авторъ вывель опять Дежене, остроумнаго, честнаго моралиста въ Мраморныхъ женщинахъ. Разумъется, что Дежене похожъ на фантастическое лицо, а не на характеръ. Онъ можетъ быть также не натураленъ, какъ Фигаро Бомарше, но это олицетвореніе мысли писателя, типъ, созданный имъ, чтобъ посредствомъ этого лица выражать все, что хочеть высказать самъ Баррьеръ. Вотъ отчего Дежене кажется публикъ живымъ, вотъ отчего каждому иногда хочется дать ему реплику вмъсто актера. Еслибъ, вмъсто комедій, Баррьеръ писалъ журнальныя статьи въ этомъ же родъ, онъ произвелъ бы большое волненіе въ литературъ и превзошелъ бы оригинальностью, умомъ и блескомъ многихъ знаменитыхъ писателей.

И такъ Дежене главное лицо въ комедін. Онъ истомленъ трудами и лишеніями; журпаль его прекратился, а ему надобно еще содержать бѣдную Марію, которая послѣ смерти Рафаэля и матери его остается безъ пристанища. Правда, что покровительница оставила ей маленькую сумму, но и ту отняль у нея богачъ Мартинъ, родственникъ понойницы.

Дежене ищеть мѣста и обращается къ графу Пентре, скромно, какъ настоящій бѣднякъ. Но видя глупую гордость, догадавшись, что тотъ продаеть мѣста точно также какъ Мартинъ свое согласіе на возвращеніе сиротѣ Маріи ея состоянія, Дежене не можетъ удержать своихъ сарказмовъ и высказываетъ графу и его паразитамъ самую горькую правду. За это, разумѣется, его учтиво просятъ вонъ, и онъ теряетъ даже надежду получить когда нибудь мѣсто.

Но вдругъ одинъ банкиръ Преваль протягиваетъ руку честному человъку и предлагаетъ ему у себя мъсто секретаря. Дежене соглашается, давъ себъ слово удерживать свой безпокойный характеръ. Но это выше его силь. Преваль деловой человекь, заботящийся только объ увеличеній своего богатства и не слишкомъ разборчивый на средства, лишь бы только его спекуляцін удавались. Онъ не обращаєть никакого вниманія на жену, на которой женился по разсчету, и на дочь, которую тоже по разсчету кочеть выдать замужь за графа Пентре. А между тъмъ бъдныя женщины страдають въ скукъ, въ одиночествъ, не иснытавъ никакихъ удовольствій жизни. Анна, дочь банкира, полюбила бывшаго секретаря отца, Максима де Траноль, молодаго человъка добраго, честнаго, но бъднаго, и мать ея, боясь за ея будущность, настояла, чтобъ Максимъ удалился, тъмъ болье, что сама она оцънила качества молодаго человъка и знала, что никогда Преваль не отдастъ дочери за бъдняка. Дежене узнаетъ всъ эти обстоятельства и берется разрушить планы спекуляторовъ, соединивъ Анну и Максима.

86 Смпсь.

Преваль хлопочеть въ это время (1839 годъ) получить званіе пера, н оппраясь на свое богатство и заслуги, просить этого титла. Но ему отказывають. Тогда банкиръ думаетъ только о мщенін, и зная талантъ Лежене, приказываеть ему писать постыдныя статьи противъ его враговъ. Разумъется, что честный писатель съ презръніемъ отвергаетъ это предложение и опять должень искать себъ мъста. Но въ домъ банкира приготовляется новая драма. Сынъ банкира, Жюль, давно оставленный имъ безъ присмотра, и который велъ въ Парижъ разгульную жизнь, окруженный двусмысленными друзьями и мраморными женщинами, поссорился съ одинмъ изъ своихъ пріятелей и долженъ съ нимъ драться. Молодой человъкъ вспоминаетъ тогда о матери, сестръ, и ему совъстно, что онъ велъ такую безполезную жизнь, и что можеть быть долженъ будетъ умереть отъ руки пріятеля, и за что? Даже причины ссоры нельзя открыть матери. Дежене видить страданіе молодаго человъка и его неръшительность идти на дуэль, и чтобъ возбудить его храбрость, говорить ему, что онь смыло можеть драться съ своимъ пріятелемъ, потому что тотъ оскорбиль подозраніемъ г-жу Преваль, сказавъ, что она влюблена въ Максима. Этихъ словъ довольно для молодаго человъка. Онъ теперь смълъ и твердъ, потому что будетъ метить за истинное оскорбление.

Г-жа Преваль узнаеть объ опасности, угрожающей сыну и забываеть себя, чтобъ только заботиться о дътяхъ. Услыша о клеветъ, возведенной на нее, она берется устроить свадьбу Анны и Максима, въ первый разъ говорить съ мужемъ какъ мать и жена, и заставляетъ его согласиться на этотъ бракъ. Она пробуждаетъ въ немъ отеческую любовь, и когда сынъ возвращается съ дуэли раненый, но счастливый, что наказалъ клеветника, онъ встръчаетъ истиннаго отца и доброе семейство, которое ему ненадобно было бы и оставлять.

Мартинъ богачъ-эгоистъ, тоже догадывается, что окруженный наемниками, онъ можетъ ожидать отъ нихъ всего дурнаго, и въ случав бользни или горя не встрытитъ вокругъ себя ни одного друга. Вотъ почему онъ усыновляетъ Марію и объщаетъ сдълать ее счастливою и богатою.

Желаніе Преваля тоже исполняется — онъ назначенъ перомъ Франціп.

Вотъ анализъ пьесы, замъчательной какъ по содержанію, такъ и по цёли. Всё характеры созданы и выдержаны хорошо, словомъ комедія эта находка для театра, возрождающагося послів недавнихъ неудачъ, и директоръ Бойе поступаетъ очень похвально, что ставитъ большія правственныя комедін, и еще такого автора, талантъ котораго извістенъ

публикъ съ самой хорошей стороны. Баррьеръ сдълался моднымъ драматургомъ, какъ увъряютъ всъ журналы; только онъ умъетъ пользоваться этою модою по своему, и заставляетъ своего Дежене учить и
исправлять, а это главное назначеніе комедіи, обязанной не только забавлять или смѣшить, какъ полагаютъ другіе писатели. Впрочемъ и въ
Нарижанахъ довольно забавнаго, но еще болье занимательнаго. Талантъ автора такъ великъ, что онъ умъетъ одно и тоже лицо сдѣлатъ
то комическимъ, то серьознымъ и трогательнымъ, когда этого требуетъ
положеніе. У него комизмъ принадлежитъ не одному лицу, но всѣмъ
вообще, смотря по расположенію и ходу ньесы. Говоря объ этой пьесѣ,
мы забыли, что есть еще много новостей на другихъ театрахъ, но о
нихъ можетъ быть и публика уже забыла, тогда какъ ньеса Баррьера
произвела сильное внечатлѣніе, которое не скоро забудется.

Grégoire, водевиль въ одномъ дъйствіи, и Bonne nuit Monsieur le Vicomte, монологъ, — пестоятъ разбора, потому что въ первомъ все пьютъ, а второй скученъ до невъроятности; впрочемъ пьесы эти будутъ, можетъ быть, долго стоять на афишъ, для начала спектакля, когда ихъ некому будетъ смотръть.

На театръ Разпообразія тоже много замъчательныхъ новостей.

«Les Papillons et la chandelle», недурно паписанный и разыгранный водевиль, только вовсе неоправдывающій своего названія. Читатель подумаеть навърно, что свъчка должна быть жестокая красавида, а бабочки ея обожатели. Совсъмъ не то: тутъ со евъчкой не отыщешь ни одной бабочки. Люсета, служить въ гостиницъ въ Марсели, и однажды подняла путешественника, упавшаго съ лошади, и вылечила его. Зритель дожидается, что путешественникъ предложитъ свое сердце Люсеть, которая въроятно успъла въ него влюбиться, но и туть ожиданія его не сбудутся. Спасенный незнакомецъ, американецъ милліонеръ, и не думаеть предлагать ничего молодой дъвушкъ. Онъ ждетъ двухъ своихъ родственниковъ, которымъ объщалъ подарить большую сумму денегъ, по такъ какъ буря задерживаетъ ихъ и они не являются въ назначенный часъ, то американецъ не зная куда ему дъвать деньги, отдаетъ ихъ Люсеть, и та сзываеть сосъдей и родныхъ и задаеть имъ балъ. Вотъ и все. Въроятно, по окончании водевиля, когда всъ узнають, что Люсета богата, начнутъ летать вокругъ нея бабочки, привлекаемыя золотомъ, впрочемъ это совершенио напрасно, потому что выборъ ея уже сдъланъ въ началъ водевиля, и въроятно богатство не перемънитъ ея сердца.

Un oncle aux carottes, забавная пьеса поправилась публикъ своею оригинальностью. Въ самомъ дълъ, до сихъ поръ мы видъли на сценъ

дядей добряковъ, Жеронтовъ, которыхъ всё надуваютъ кто только хочетъ. Дядя же Моберъ, мајоръ африканскаго полка, видълъ въ жизни много хитростей, и потому наизустъ знаетъ всё комедіи, которыя играютъ молодые люди, чтобъ выпросить денегъ у своихъ родныхъ. Стало быть, такого онытнаго дядюшку трудно надуть Марселю, проживающему въ Парижъ. Однако мајоръ уже нъсколько разъ посылалъ племяннику порядочныя суммы денегъ, и думаетъ, что молодой человъкъ веселится въ Парижъ. Вдругъ Марсель пишетъ дядюшкъ странное письмо: опъ говоритъ, что влюбленъ въ кокетку, которая требуетъ отъ него кашемировой шали, и проситъ, чтобъ мајоръ прислалъ какъ можно скоръе шестьсотъ франковъ.

Дадя Моберъ не на шутку пугается, думая, что племянникъ совершенно загулялъ, и прівзжаеть самь въ Парижъ спасти несчастнаго. И чтожъ онъ узнаеть? Марсель живетъ скромно. Онъ не пграетъ, пе пьетъ, не ходитъ на балы. Когда же мајоръ распрашиваетъ его о кокеткъ, то молодой человъкъ мъшается и незнаетъ, что отвъчать. Ясно, что онъ никогда не зналъ подобныхъ дамъ, потому что остался робокъ какъ дъвочка. Куда же наконецъ дъваетъ онъ деньги, присылаемыя дядею, и что это за исторія про кашемировую шаль?

Наконецъ открывается, что у Марселя есть хорошенькая сосъдка, швея Нисета, честная дъвушка, работающая больше чъмъ ей позволяли силы. И Марсель, влюбившись въ сосъдку, помогалъ ей, увъряя ее, что матери ихъ были друзьями, и что его мать осталась должна Нисетиной, и онъ обязанъ заплатить этотъ долгъ. Маіора трогаетъ эта чувствительная исторія, которой онъ не ожидалъ, и онъ соглашается на свадьбу племянника съ хорошенькою сосъдкой.

Публикъ очень понравился этотъ новый типъ дяди, и она встрътила его и проводила съ громкими аплодисментами.

«Отеste et Pylade», сельская картина, написанная очень живо и занимательно. Два школьные друга, прозванные учителемъ Орестомъ и Пиладомъ, клянутся всегда быть върными другъ другу, и разумъется, влюбляются въ одну Герміону, хорошенькую вдовушку Сусанну, которая отказываетъ всёмъ женихамъ, дожидаясь, чтобъ жилецъ ея, скромный Урбенъ, изъяснился ей въ любви. Однако тотъ все сбирается, а между тъмъ подруги Сусанны смъются надъ нею и выходятъ замужъ. Съ досады Сусанна начинаетъ кокетничать съ однимъ старикомъ, который недавно клялся ей въ върности, но другая пожилая вдова успъваетъ прельстить старичка своими деньгами, и онъ отказывается отъ руки Сусанны. Тогда она предлагаетъ свою руку по очереди Оресту и Пиладу, но друзья остаются върны своей дружбъ, и ни одинъ не соглашается

на счастіе, чтобъ не опечалить другаго. Нечего дѣлать, вдова по дорогѣ обращается къ Урбену, и тотъ падаетъ къ ея погамъ, потому что давно ее любитъ, но никогда не рѣшился бы признаться. Стало быть, всѣ остаются довольны, и публика также.

Un roi malgré lui, премиленькій водевиль въ пудрѣ, очень понравившійся публикъ. Въ замкъ Лансакъ большая суматоха, потому что готовится свадьба молоденькой Берты, только что вышедшей изъ монастыря, которую выдають за богатаго старика, не спрося ее даже, правится ли ей женихъ. А между темъ Берта вздыхаетъ по молоденькомъ маркизъ Креки. Все готово уже къ вънчанію, какъ вдругь раздаются звуки охотничьихъ роговъ. Это молодой король Людовикъ XV забавляется охотою. Вдругъ дверь отворяется и входить молодой человъкъ смълый, прекрасный, величественный. Это король! шеннулъ кто-то. И все общество провинціяловъ, не бывавшее при дворъ, повърило этому. За то какъ они начали угождать молодому человъку, услуживать, исполнять его мальйшія желанія. Всь восхищаются имъ, а онъ занимается только прекрасною невъстой и шепчеть ей страстное признаніе, цілуя ея руку и даже шейку при жених і, который дълаетъ видъ, что вичего не замътилъ. Правда, что когда незнакомца вздумають назвать государемь, онь отказывается оть этого и увъряеть. что всв ошибаются, но никто не хочеть ему вврить, и онъ пользуется полною свободою, чтобъ объясниться съ Бертою. Наконецъ опять звуки роговъ приближаются къ замку, и всъ видять короля, который скачетъ мимо съ своею свитою. Туть ужъ нельзя больше обманываться, и предполагаемый король объявляеть, что онъ маркизъ Креки и женихъ Берты. Родные и прежній женихъ хотять противиться, по Берта сміло объявляеть, что она не пойдеть за старика, и всё поневолё должны согласиться съ нею.

Г-жа Скриваневъ была самымъ восхитительнымъ маркизомъ, какой только могъ быть при дворѣ Лудовика XV, и пьеса обязана ей своимъ успѣхомъ.

Monsieur mon fils, водевиль, написанный Декурселемь въ сотрудинчествъ съ Баррьеромъ, имъетъ тоже прекрасную цъль и представляетъ современную страсть родителей давать дътямъ образование не по состоянію.

Старикъ Северенъ честный поселянинъ трудится сколько можетъ со всъмъ семействомъ и переноситъ лишенія, чтобъ только посылать деньги Леандру, старшему сыну, который готовится въ адвокаты.

Наконецъ этотъ господинъ пишетъ роднымъ, что онъ зайдетъ къ нимъ погостить, и надобно видъть радость добрыхъ людей, ихъ хлопоты, чтобъ только лучше принять любимца и угостить его. И чтоже? въ благо-

1/16

дарность Леандръ осмъпваеть всъ приготовленія. Этого еще мало: опъ въ Парцжъ надълаль долговь и ихъ надобно заплатить. Старики не упрекають неблагодарнаго, но Северень продаеть свой виноградникъ и коровъ, сестра Леандра отдаетъ цебольшое свое приданое, безъ котораго не можетъ выдти замужъ, мать снимаетъ свое обручальное кольцо, чтобъ спасти сына.

Однако сердце Леандра не испорчено; когда онъ узнастъ всѣ пожертвованія родныхъ, то проклинастъ свою глупость, свое непужное образованіе, которое не приведетъ его ни къ чему, потому что скоро адвокатовъ будетъ больше, чъмъ имѣющихъ въ нихъ надобность, и чтобъ загладить свои проступки, объявляетъ, что хочетъ быть земледъльцемъ какъ отецъ, и берется самъ выдать сестру замужъ.

Сюжеть пьесы до того натуралень, подробности такъ справедливы, что каждый изъ насъ върно знаетъ такое семейство, которое отказываетъ себъ во всемь, чтобъ только дать блистательное и безполезное образование человъку, который не выходя изъ своего круга, былъ бы гораздо полезнъе. Старикъ Северенъ любитъ сына наивно и страстно, какъ отецъ Горіо; мать, безотвътное, доброе созданіе, напоминаетъ немного мать Евгеніи Гранде; старая Маргарита, служанка върная, которая умна и догадлива, хотя простая женщина, и судитъ обо всемъ безпристрастно и върно. Вообще это одна изъ лучшихъ пьесъ прошедшаго мъсяца.

Dans un Coucou, опять одна изъ тысячи исторій, гдѣ г. Антони дурачитъ бѣднаго мужа и заставляєтъ ревновать и присматривать за женою, но тутъ жена сама берется вылечить мужа отъ ревности, а франта отъ волокитства, и совершенио успѣваетъ въ этомъ. Хорошо разыгранная пьеса имѣла значительный успѣхъ.

Театръ Сепъ-Мартенскихъ воротъ поставилъ драму въ пяти дъйствіяхъ, подъ названіемъ Le comte de Lavernie. Успъхъ ея былъ блистательный, потому что авторъ ея Огюстъ Маке, всегдашній сотрудникъ Александра Дюма. Сюжетъ драмы взятъ изъ романа Огюста Маке, напечатаннаго въ Patrie. Спачала авторъ хотълъ назвать пьесу г-жа Ментенонъ, но потомъ, пензвъстно почему, перемънилъ это названіе. Дъло въ томъ, что у г-жи Ментенонъ есть сынъ, разумъется, пепризнанный ею, который подъ именемъ графа Лаверни похищаетъ одпу молодую дъвушку Антуанету, и за это осужденъ на смерть министромъ Лувуа, личнымъ врагомъ маркизы. Но не смотря на всъ препятствія, г-жа Ментенонъ спасаетъ сына, и открывъ политическія интриги министра, заставляеть его удалиться изъ Версали. Но Лувуа узнаетъ тайну г-жи Ментенонъ и хочетъ погубить ее. Онъ уже приходитъ во дворецъ, чтобъ открыть все, но вдругъ падаетъ и умираетъ. Его отравилъ одинъ гол-

Смпсь. 91

ландскій негоціанть, жену котораго онь увезь въ молодости. Открывается, что Антуанета дочь Лувуа и этой женщины, и г-жа Ментенонь благословляеть своихь дътей, объщая отказаться навсегда отъ высшихъ почестей, къ которымъ стремилась всю жизнь.

На театръ Палерояла очень смъшить публику La mort du pêcheur. Туть собралось изсколько страстныхь любителей рыбной ловли. Молодой человъкь, закидывая удочку, забываеть итти свататься. Невъста и слышать не хочеть о замужствъ и идеть топиться въ прудъ, гдъ женихъ ея и отецъ съ утра до вечера ловятъ карповъ. Однако женихъ, какъ ни занятъ былъ рыбою, удерживаетъ свою невъсту, и она соглашается выдти за него замужъ. Такъ какъ отецъ тутъ же недалеко закидываетъ удочку, то женихъ и кричитъ ему: Эй, папа Сапуа, я прошу руки вашей дочери Аделины.—Убирайтесь вы, куда хотите... у меня клюетъ карпъ.—Соглашайтесь, папа, или мы бросимся въ воду.—Можете, миъ какое дъло!—Но мы испугаемъ вашего карпа.—Такъ женитесь, только убирайтесь отсюда, а то карпъ уйдетъ. Вотъ и все.

Un vieux loup de mer, собраніе всёхъ морскихъ поговорокъ, только дъйствующее лицо не старый морякъ, а просто аптекарь, который даже не умѣетъ плавать, но выдаетъ себя за стараго корсара и все бредитъ абордажами да бурями. За то онъ непремѣнно хочетъ отдать свою дочь за моряка, и выписываетъ сына своего стараго друга, который служитъ на пароходѣ. Но тотъ проговаривается своему сосѣду Баландару о богатой невѣстѣ, и другъ этотъ предупреждаетъ жениха, входитъ въ домъ аптекаря, и зная его слабость, величаетъ его то лейтенантомъ, то капитаномъ, правится дочери, и когда является настоящій женихъ, то его отсылаютъ. Пьеса весела и хорошо разыграна.

Театръ Амбигю поставиль драму Поля Феваля La Bourgeoise. Одного имени автора довольно, чтобъ представить себъ цълый романъ со всевозможными эфектами, неожиданностями, переодъваньями, преступленіями, но порокъ остается все-таки наказаннымъ, а добродътель торжествуетъ; зритель понимаетъ, что передъ нимъ небывалыя лица, невозможное дъйствіе, натянутые и растянутые эфекты, но все-таки драма такъ занимательна, что съ удовольствіемъ смотрятъ ее до конца и даже плачутъ въ патетическихъ мъстахъ.

Otez votre fille s'il vous plait, забавный фарсъ, хорошо разыгранный превосходными комиками, которые смѣшатъ до упаду.

На театръ Веселости имъетъ большой успъхъ волшебная пьеса подъ названіемъ Les cinq cents diables. Тутъ нечего и спрашивать о сюжетъ, но декораціи превосходны; перемъны, машины, костюмы все великольпно, словомъ цълые четыре часа публика не успъваетъ слъдить за безпре-

станными превращеніями, не успаваеть аплодировать каждой изъ тридцати картинъ. Разумъется, что тутъ занята вся труппа, и блистательный этотъ спектакль принесетъ много пользы дирекціи, которая ничего не пожальла на постановку этой сказки.

На многихъ театрахъ кромъ того играли обзоры за прошедшій годъ, и въ нихъ много остроумія, но много и пошлости. Тутъ тоже главное дъло въ постановкъ и въ каламбурахъ, а такъ какъ Парижъ щедръ на то и на другое, то публика была въ восторгъ, что ее же осмъивали на сценъ за ея непостоянство, легкомысліе, страсть ко всему новому, блестящему. Каковы-то будуть отчеты за 1855 годь, и много ли будеть въ нихъ забавнаго? Впрочемъ французы готовы сменться, даже надъ своими собственными несчастиями.

a production of individual of the state of the season begins to the control of the production of the control of the season of th

and the control of the second control of the contro and some along the course made in the control of th

escriptivity of the english electric spins of the collections are made in an english electric

BOOKED STREET, THE LARVESTEE STREET STREET OF STREET STREET STREET, STREET STREET

atra serias elementarias a aretima, enera en la la atrava de la recursión

Control of the second s

AND TELEPHONE THE THE THE STATE OF THE STATE

А. Бонавинтура.

лондонская жизнь.

A STATE OF THE PROPERTY OF THE

Marchine Control of the San Control of the Control of the San Control of the Cont

Лондонское общество распространенія просвъщенія въ низшихъ классахъ Лондона.—Англійскіе дикари и миссіонеры.—Кварталь Клеркенвель.—Нравы и образъ
жизни лондонскихъ обдияковъ.—Трехдневный голодъ.—Исторія одной рубашки.—
Митингъ въ Шедвеллъ.—Недостатки частной филантропіи.—Главный порокъ англичанъ—неумъренность. — Сколько пьютъ въ Англіи и Лондонъ.—Печальные
праздники.—Потери англійскихъ аристократическихъ семействъ.—Некрологія.—
Смерть Локгардта.—Гонтъ, Форбесъ, Китто, миссъ Феріоръ.—Стихотворенія.—
Путешествіе капитана Ольдмиссона.—Собаки въ Константинополъ.—Миссъ Юнгъ
и европейскія женщины на Востокъ.—Новыя сочиненія Теккерея и Диккенса.—
Выставка картинъ и статуй.—Очеркъ исторіи живописи въ Англіи въ послъднее
время.

Прежде всего мы должны сообщить нашимъ читателямъ если не новость, то по крайней мъръ въ высшей степени любопытное извъстіе, о которомъ англійскіе журналы говорятъ очень мало и вскользъ, по-самой естественной причинъ: оно не приноситъ нисколько чести Англіи. Мы говоримъ объ отчетъ, изданномъ недавно однимъ лондонскимъ обществомъ, основайнымъ съ цълію просвъщать низшіе слои лондонскихъ жителей. Нъкто Вандеркистъ былъ миссіонеромъ въ Лондонъ. Сколько грустныхъ и пеутъщительныхъ мыслей приходитъ въ голову при этомъ скромномъ и вмъстъ съ тъмъ оригинальномъ названіи миссіонера въ столицъ соединенныхъ королевствъ! Неужели въ Лондонъ находятся невъдомыя страны, неизслъдованныя мъстности, куда еще не-

94 Смпсь.

проникало просвъщение? Но если название лондонский миссіонеръ не анахронизмъ, если оно совершенно върно и справедливо, стало быть, въ этомъ цвътущемъ, блестящемъ и многолюдномъ городъ живутъ дикіе, въ полномъ смыслъ слова, съ ихъ постыдными правами и образомъ жизни. Названіе: the devs of London (лондонскія берлоги) достаточно отвъчаютъ на нашъ вопросъ.

Миссіонеры отправляются обыкновенно въ отдаленныя страны, населенныя дикими, которые незнакомы, конечно, съ просвъщениемъ, но вмъстъ съ тъмъ незнаютъ нищеты и голода, которымъ недоступно правственное паденіе, потому что они не понимаютъ возможности житъ и чувствовать пначе. Ихъ кръпкое и здоровое тъло, конечно, ничъмъ не прикрыто, но эта нагота не внушаетъ отвращенія, напротивъ, обращаетъ на себя вниманіе странною изящностью татупровки. Ихъ роскошные объды висятъ на въткахъ дъвственныхъ лъсовъ, ихъ ръки доставляютъ имъ прохладныя ванны; эти дикіе откровенны и горды, ихъ ръчи блещутъ фигуральной красотой, полны силы, красокъ и рельефныхъ выраженій. А между тъмъ мы все-таки должны сожалъть объ этихъ людяхъ, погруженныхъ въ предразсудки и суевъріе.

Теперь обратимъ вниманіе на окружающее насъ, взглянемъ на Лондонъ, гдѣ обитаетъ столько народу, и мы увидимъ среди этого города дикихъ, еще менѣе знакомыхъ съ принципами нравственности, уже совершенино нензящныхъ, дикихъ безъ простоты и наивности, которые съ молокомъ матери всосали всѣ пороки просвѣщенія и какъ будто рождены для того, чтобъ быть его позорными представителями. Вмѣсто ръки у нихъ грязные и узкіе переулки; ихъ украшенія—смрадные лохмотья. Они говорятъ также иносказательно, какъ и дикіе Океаніи, но еще болѣе звѣрски-выразительно. Мы не называемъ ихъ дикими, но стыдимся назвать гражданами.

Италія, Испанія и южная Франція представляють намъ массы нищихъ, но тамъ, сравнительно, они незаключають въ себъ ничего отталкивающаго. Тамъ они могутъ ходить босыми: земля суха и тепла; могутъ проводить ночи подъ открытымъ небомъ—воздухъ чистъ и тепелъ. Ихъ пестран одежда, составленияя изъ разноцвътныхъ лоскутьевъ, придаетъ имъ живописный и веселый видъ. Въ сравненія съ пролетаріями другихъ стравъ, они даже приличны; это аристократы между нищими. Климатъ позволяетъ имъ обходиться безъ многаго, что составляло бы первую потребность въ холодномъ поясъ; а привычка сдълала ихъ рубища и раны явленіями обыкновенными для ихъ соотечественниковъ. Напротивъ того, глазъ англичанина никакъ неможетъ свыкнуть-

ея и примириться съ нищетой, и суровое обращение обитателей туманнаго острова съ этимъ жалкимъ классомъ народонаселения, осужденнымъ на въчную бъдность, поражаетъ всякаго иностранца, недавно
ступившаго на эту эгоистическую землю. Нездоровый климатъ заставляетъ заботиться о теплой одеждъ. Однимъ словомъ низшій и самый
бъдный классъ народонаселенія Великобританіи самый жалкій, самый
отвратительный.

Между тъмъ, на образование и просвъщение этого класса Вандеркистъ посвятилъ шесть лътъ. Достигь ли онъ своей цъли и были ли вознаграждены его труды и заботы благодътельными результатами, въ этомъ можно сомнъваться.

Лондонская миссія вь Сити, со времени основанія своего, въ 1835 году, насчитывала въ прошедшемъ году двъсти сорокъ пять миссіонеровъ, принадлежавшихъ къ числу ся членовъ, и располагала капиталомъ до 23,053 фунтовъ стерлинговъ (138,918 руб. сер.).

Вандеркистъ былъ однимъ изъ числа этихъ миссіонеровъ, и какъ мы уже сказали, шесть лёть посвятиль тяжелымь, но безплоднымь трудамъ. Записки его чрезвычайно интересны по содержащимся въ нихъ свъдъніямъ. Кварталь Клеркенвель, въ которомъ Вандеркистъ исполняль свою трудную обязанность, находится въ съверной части Лондона и принадлежить къ числу самыхъ мрачныхъ и неопрятныхъ закоулковъ. Этотъ кварталъ населенъ нищими и самыми отчаянными путешественниками по карманамъ, наполненъ содержателями мелкихъ трактировъ, ихъ пріятелями жидами и ихъ соучастниками. Народонаселеніе Клеркенвеля состояло въ 1853 году изъ 53,584 жителей. Изъ этого числа по крайней мъръ двъ трети находятся въ страшной нищетъ; если эпидемія появляется въ такихъ частяхъ города, то производить ужасное опустошение. Во время холеры 1849 года, изъ числа 50,000 жителей квартала Кленкервель, ежедневно умирало по 100 человъкъ, и въ такой степени эпидемія свиръпствовала въ теченіи цълаго года. Это пятидесятитысячное народонаселеніе, описываемое Вандеркистомъ, составляеть только самую ничтожную часть всего бъднаго народонаселенія столицы. Видъ этого квартала отвратителень: грязныя улицы, неопрятные жители, самыя жилища въ высшей степени нечистыя. Какъ-то разъ труба, назначенная для стока нечистоты въ этомъ кварталъ, лопнула и оставалась долгое время непочиненною; черезъ нъсколько дней по всему кварталу распространился страшный тифусъ. Отъ всевозможныхъ насъкомыхъ нътъ тамъ никакого спасенія.

Нравы жителей совершенно согласуются съ обстановкою ихъ жизни.

Каковы должны быть ощущения человька, который не вль три дня? Одинь gypsy (пыгань) довольно оригинально объясииль это положение Вандеркисту. «Первый день, говориль онь, не такъ трудно вынести, если найдется хоть сколько нибудь табаку положить за щеку; второй день ужасень—голодъ заставляеть скрежетать зубами; третій легче: всьмь тьломь овладъваеть слабость, голова кружится и ежеминутно лишаешься чувствь.»

Весьма интересенъ разсказъ, приводимый Вендеркистомъ объ одномъ бъднякъ, у котораго была всего только одна рубашка, а между тъмъ онъ находилъ средства имъть ее всегда чистою. «Я обыкновенно удалядся въ какой нибудь безлюдный закоулокъ, и тамъ сбрасывалъ съ себя рубашку, потомъ бъжаль въ состдній съ улицей Whitecross, глухой переулокъ, гдъ изъ одной стъны выходила труба, по которой стекала съ какой-то фабрики горячая вода. Въ ней я вымываль мою рубашку; оттуда я отправлялся къ находившейся по ту сторону Блакфрейрскаго моста печкъ, въ которой обжигаютъ известь, около нея высушиваль мою рубашку и потомъ ее надъваль. Какое наслаждение имъть на себъ чистую рубашку! Я терпъть не могу грязи». Эта выдумка нужды была напечатана въ иткоторыхъ англійскихъ журналахъ, и къ бъдному любителю чистоты и опрятности было отправлено въ подарокъ отъ филантроповъ и всколько рубашекъ, которыя в вроятно были приняты съ восторгомъ, потому что, какъ говоритъ Гёте, самые пріятные для насъ подарки состоять изъ такихъ предметовъ, къ которымъ мы имъемъ внутреннее инстинктивное влечение и которыми, къ сожалению, можемъ наслаждаться очень ръдко.

Буйные и безиравственные ремесленники, отчаянные контрабандисты составляють конечно главную часть этого народонаселенія дикаго, полнаго предразсудковъ и суевърія. Тамъ рядомъ съ нищимъ и оборваннымъ Ирландцемъ живетъ какой нибудь грязный комедіянтъ съ его изношеннымъ, засаленнымъ блестящимъ костюмомъ, съ его шелковыми лохмотьями, съ его полинялыми позументами; тамъ живутъ такъ называемые gypsies, (цыганы) занимающіеся изъ-за куска хлъба всевозможными и самыми оригинальными промыслами; они мастера перебивать соломенные стулья, стричь собакъ, они же уличные бродячіе пъвцы, наконецъ они же предлагаютъ вамъ предсказать будущее; тамъ грязныя, оборванныя и голодныя ворожеи обнадеживаютъ отчаяніе несчастныхъ обитателей этого жалкаго уголка соединенныхъ королевствъ, и конечно отъ платы зависятъ подробности и привлекательность далекаго будущаго; у этихъ гадателей на картахъ прежде всёхъ мастей появляются

Смись. 97

пики, означающія непріятности, огорченія и несчастія; за ними слъдують бубны, предсказывающіе далекую дорогу, напримъръ, въ Ботанибей или даже еще дальше.

Вандеркистъ разсказываетъ, что на одной изъ сходокъ, бывшихъ нъсколько лътъ тому назадъ въ Шедвелъ, на которой присутствовало болъе тысячи женщинъ-покрытыхъ, нельзя сказать даже рубищемъ, потому что это выражение еще не точно опредълить ихъ нарядъ, былъ предложенъ следующаго рода вопросъ: кто изъ присутствующихъ выработаль, въ течение прошедшей недъли, 8 шиллинговъ? Ни одна рука не нодиялась изъ толны, только одно лице объявило, что оно получило 7 шиллинговъ. Иятеро получили по шести, двадцать восемь человъкъ выработали по пяти, тринадцать по 4 шиллинга 6 неисовъ, сто сорокъ два по 3 шиллинга, полтораста по 2 шиллинга 6 пенсовъ; семьдесять одинь по 2 шиллинга, восемьдесять два по 1 шиллингу 6 пенсовъ, девяносто восемь по 1 шиллингу, девяносто двъ женщины получили менъе чъмъ по одному шиллингу и наконецъ двъсти тридцать три, въ теченіе всей недъли не получили никакой работы. Вотъ факты, набрасывающіе самыя мрачныя тіни на блескъ, роскошь и цивилазацію Англін, и которые заставляють ее быть скромнъе и осторожнъе хвастать своими усибхами.

Вст частныя, отдъльныя предпріятія, для облегченія участи бъднаго класса въ Англіп—недъйствительны, и простая, обыкновенная административная мъра скорте можетъ достигнуть результатовъ, чти самая щедрая благотворительность. — Въ Англіи филантропія ежегодно истреблюєтъ самымъ безилоднымъ образомъ огромныя суммы. Пожертвованій много, но вст они дълаются необдуманно, безъ всякаго основанія, а потому никогда и не достигаютъ желаемыхъ послъдствій. Многіе думаютъ, что исполнили свой долгъ, если во имя благотворительности пожертвовали извъстную сумму денегъ для облегченія участи несчастныхъ, но этого мало; нужно еще слъдить за употребленіемъ и распредъленіемъ этихъ приношеній. Вст возможным пожертвованія никогда не достигнутъ цъли, навсегда останутся безплодными, если не будутъ требовать отчета въ ея употреблена милостыня, если не будутъ требовать отчета въ ея употребленій и если не станутъ слъдить за ттим, кто воспользуется благотворительностью.

Только одинъ трудъ, только одно усиленное и постоянное занятіе, безъ разгульныхъ отдыховъ, безъ частыхъ перемѣнъ источниковъ пріобрѣтенія можетъ просвѣтить эту жалкую толиу бродягъ и нищихъ, сдѣлать ее болѣе или менѣе нравственною.

Общество умфренности и предупрежденія роскоши дъйствують не болъе успъшно, чъмъ общество миссіонеровъ, и достигаеть не болъе утъшительныхъ результатовъ. О томъ, предаются ли эти несчастные пьянству, конечно не можетъ быть и вопроса. Каждый народъ въ западной Европ'в имъетъ свой національный недостатокъ, который какъ будто существуеть для того, чтобъ заглушить слишкомъ ръзко выдающіяся достоинства или господствующія наклонности. Быть можеть, скажуть, что природа съ намъреніемъ соединила блестящія стороны съ тъневыми, чтобъ поддержать нравственное равновъсіе между этими народами и воспреиятствовать между-иими преобладанію одной націи надъ другою. Можетъ быть, Испанія достигла бы лучшей участи безъ ея ліности, и многое усвоиль бы себів воспріничивый, изобрітательный, гибкій духь французовь безь своего тщеславія. Кто знаеть, какими бы страшными бъдствіями угрожала міру Англія, еслибъ неумъренность неполагала предъловъ этому холодному и расчетливому стремленію. Но эти пороки, свойственные тому или другому народу въ образованномъ классъ, только уменьшають національное достоинство, между тьмь какъ бідный классъ гнетуть всею тягостію и становятся въ немъ пороками, преобладающими надъ всёми душевными способностями, пороками, заглушающими всв остальныя достоинства и всв недостатки. Англійскій нищій пьеть также какъ и благородный джентльмень; но только джентльмень имъетъ другія страсти, которыя освобождають его отъ элой постыдной слабости, между тъмъ какъ нищій не имъеть и не можеть имъть другой. Неумъренность-порокъ, пустившій глубокіе корни въ англичанахъ, это недугъ ничъмъ неизлечимый. Необразованность, грубость, неразвитость могуть со временемъ исчезнуть, а исчезнувъ однажды, они никогда уже не возраждаются. Всв эти европейскіе дикіе могуть со временемъ просвътиться; но неумъренность, какихъ бы средствъ не унотребляли для ея искорененія, никогда не перестанетъ владычествовать въ Англіи. Вандеркистъ приводитъ два, три примѣра правственнаго возрожденія, но за этимъ утішительнымъ преобразованіемъ слідовало впрочемъ еще болъе ужасное паденіе. Двое супруговъ, которые въ теченіе многихъ лѣтъ предавались пьянству, рѣшились наконецъ послѣдовать увъщаніямъ общества умъренности. Съ тъхъ поръ какъ они стали удерживаться отъ своей слабости, произошла рашительная перемена и значительное улучшение въ ихъ положении. Прошло ивсколько лътъ, и можно было предполагать, что они ръшительно исправились, какъ вдругъ одинъ удобный случай доставиль имъ искушение, противъ котораго неустояла ихъ решимость и твердость характера: они

99

снова начали пить, конечно, сначала понемногу, но скоро старая привычка вошла во всъ свои права. Бълье было продано, мебель заложена. бъдность и нищета возвратились. Но ихъ неумъренность и безпечность не были уже спокойны, упреки совъсти не давали имъ ни на минуту нокоя, и эти двое несчастныхъ безпрерывно обвиняли другъ друга въ своемъ новомъ несчастін-въ возвратившейся б'єдности. Одинъ молодой человъкъ, жившій надъ ними, приходиль въ отчаяніе отъ ночныхъ тревогъ и крика, не дававшихъ ему покоя; разъ какъ-то утромъ онъ, вдругъ былъ пораженъ глухимъ шумомъ, и полный тайнаго предчувствія совжаль съ лестницы и отвориль дверь въ ихъ комнату. Онъ имель еще время спасти жизнь несчастной женщины, которая отъ стыда и отчаянія хотіла новіситься надъ изголовьемь своей постели. Впрочемъ легко представить себъ всъ сцены и страшныя послъдствія этой пагубной страсти, если всномнимъ, что по вычисленіямъ лорда Шефтесбери, рабочій классъ Англіи издерживаеть ежегодно на пиво, горячіе напитки и табакъ 50,000,000 фунтовъ стердинговъ, и что въ одномъ только Лондонъ насчитывають до 11,000 питейныхъ домовъ, между тъмъ какъ булочниковъ тамъ не болъе 2,500, а число мясныхъ лавокъ не превышаетъ 1700.

Понятно послѣ всего этого, что ни благотворительность, ни убѣжденія не могутъ дѣйствовать на этотъ жалкій и несчастный классъ народа, и что всѣ старанія улучшить ихъ состояніе будутъ напрасны.

Перейдемъ теперь къ мелкимъ новостямъ последнихъ месяцовъ.

Праздники прошли чрезвычайно скучно въ Лондонт, какъ въ великоленныхъ замкахъ, такъ и въ скромныхъ хижинахъ. Вездъ было много пустыхъ мъстъ за семейнымъ столомъ. Аристократія не перестаетъ оплакивать своихъ погибшихъ членовъ и не утъщается никакими надеждами. Въ спискъ погибшихъ въ Крыму въ послъднее время находятся: лордъ Фредерикъ Льюзонъ Гоуеръ, вторый сынъ герцога Сотерланда, излечившійся отъ ранъ послъ сраженія при Альмъ, но умершій отъ лихорадки на Беллерофонтъ, стоявшемъ у Севастопольскаго рейда; лордъ Чьютонъ, старшій сынъ графа Вальдеграва; Чартерисъ, сынъ графа Вемиса, лордъ Фицджиббонъ, единственный сынъ графа Клара; полковникъ Доусонъ, братъ графа Креморна; капитанъ Корнвалисъ Элліотъ, сынъ графа Сенъ-Жермена; капитанъ Невиль, сынъ лорда Беброка; полковникъ Сеймуръ, внукъ маркиза Герфорта и множество другихъ офицеровъ всъхъ чиновъ, наслъдниковъ громкихъ именъ или огромныхъ состояній.

Печальныя семейства эти не развлекаются ни парламентскими спо-

рами, ни нападками журналистовъ на администрацію. Даже Чарльсъ Диккенсъ пустился въ политику.

Литература понесла тоже чувствительныя потери, хотя не на полъ сраженія. Давно ли Англія оплакивала Самуила Филипса; теперь къ некрологіи 1854 года надобно еще прибавить профессора Вильсона, сотрудника Blackwood Magazine, Джемса Монгомери, поэта и журналиста, Крофтонъ Крокера, археолога и разскащика легендъ, Каролину Боульсъ, вторую жену Сутея и многихъ другихъ.

Сиръ Вальтеръ Скоттъ часто говорилъ и писалъ, что никогда пе посовътуемъ своимъ сыновьямъ быть литераторами. Однако великій романистъ отдалъ дочь свою за Джона Джибсона Локгарта, который недавно оставилъ дирекцію Quarterly Rewiew, чтобъ поправить свое разстроенное здоровье. Локгартъ тоже умеръ отъ паралича въ поэтическомъ замкъ Абботсфордъ, наслъдіи дочери Вальтеръ-Скотта, которая тоже какъ отецъ, лишилась всъхъ своихъ дътей мужескаго пола и даже любимаго внука романиста, для котораго онъ писалъ письма объ исторіи Шотландіи.

Blackwood's Magazine, въ началъ своего основанія быль одинь изъ журналовъ, имфющихъ многочисленныхъ читателей и помъщалъ анонимныя статын, въ которыхъ заключались иногда очень разкія сужденія. Даже редакторы журнала были неизвъстны публикъ, но подобная тайна не можеть долго сохраниться, и скоро всь узнали, что главные редакторы и авторы анонимныхъ статей были Джонъ Вильсонъ, Гоггъ и Локгартъ. Кто же быль этотъ последній авторъ, писавшій такъ смело въ прозъ и стихахъ? Знали, что онъ родился въ Гласговъ, что семейство его хотъло сдълать изъ него адвобата, но что молодой человъкъ не могъ противиться своему влечению и, окончивъ образование въ Оксфордскомъ университетъ, отправился въ германские университеты, гдъ изучиль языки ифмецкій, испанскій, французскій, пталіянскій, чтобъ съ честью явиться на литературное поприще. Онъ былъ представленъ Вальтерь-Скотту, который взялся покровительствовать молодому человъку и началъ тъмъ, что отдалъ за него старшую свою дочь Софію. Миссъ Софія не думала противиться воль отца, потому что Локгартъ одаренъ быль прекрасною, оживленною физіономією, быль храбръ и всегда готовъ поддерживать свое митніе пистолетомъ или шпагою. Его въ этомъ отношении боялись даже больше Джефри, котораго послъ дуэли съ Муромъ обвиняли въ томъ, что онъ начиная свои критическія статьи, заряжаеть въ тоже время пистолеты. Однако эта репутація дуэлистаписателя могла повредить ему въ Эдимбургскомъ обществъ, и Локгартъ

воспользовался приглашениемъ Муррея, призывавшаго его въ Лондонъ, чтобъ быть директоромъ Quarterly Review. Мъсто это было выгодно для молодаго критика, явившагося самымъ смёлымъ защитникомъ партіи тори. Одного не прощаль онъ никому — нападковъ на великаго своего тестя, Вальтеръ-Скотта. Онъ какъ рыцарь далъ себъ объть защищать славу знаменитаго романиста. Послъ смерти Вальтеръ-Скотта онъ издалъ пространную его біографію, наполненную драгоцинными подробностями. Посли этого Локгардтъ издалъ еще подъ своимъ именемъ жизнь Роберта Борнса и собраніе балладъ, въ подражание Романсеро. Писатель этотъ такъ скроменъ, что воображалъ остаться извъстнымъ только какъ зять Вальтеръ-Скотта, а совстмъ не какъ литераторъ. Однако его труды уважаются публикою. Письма Питера, объ Эдимбургскомъ обществъ, доказываютъ его талантъ въ свътской болтовит: Валеріуст, картина Рима полухристіанскаго, полуязыческаго, можеть быть съ удовольствіемъ прочтена даже почитателями Мучениковъ Шатобріана; Реджинальдь Дальтонь, презанимательный романъ; Адамъ Блеръ написанъ превосходно; наконецъ всъ журнальныя его статьи доказывають, что онь быль другомъ и повереннымъ-Вальтеръ-Скотта, и имълъ даръ говорить съ такимъ увлечениемъ, остроуміемъ и живостью, что слушать его было настоящимъ наслажденіемъ. При конців жизни Локгартъ испыталъ много потерь. Ему самому небыло еще шестидесяти лёть, а онь уже потеряль всёхь своихъ близкихъ, и теперь единственною его наслъдницею, точно также какъ и наслъдницею Вальтеръ-Скотта, осталась вторая дочь Локгарта, мистрисъ Гонъ. Ей достанется и замокъ Абботсфордъ эта каменная поэма, любимая романистомъ больше Ивангое и Дњем озера. Зять Вальтеръ-Скотта, разстроенный не работами, развлекавшими его, но безпрестанными потерями, хотълъ вхать въ Италію точно также какъ и Вальтеръ Скотть, мечтавшій о томъ, чтобъ провести остатокъ дней въ Неаполь, но слабость здоровья заставила его онять вернуться въ Абботсфордъ, гдъ онъ успокоился навъки и гдъ гробъ его стойтъ возлъ гроба Вальтеръ-Скотта.

Другой журналистъ Гонтъ, тоже отправился за Локгартомъ. Онъ былъ основателемъ Daily-News, извъстнаго журнала, который умълъ возбудить даже зависть Times. Гонтъ былъ неутомимый работникъ и началъ тъмъ, что шестиздцати лътъ уже издавалъ журналъ: медицинскій Times, потомъ вздумалъ создать Лондонскую илюстрацію и илюстрованный Times. Чарльсъ Диккенсъ, отчаяваясь въ успъхъ Daily News, передалъ его Гонту, который никогда не сомитьвался въ успъхъ

102

и привель этоть журналь въ самое цвътущее состояние. Онъ умеръ на сороковомъ году. Можно смъло сказать, что его убила работа не по силамъ, потому что онъ былъ слабаго сложения.

Въ одинъ день съ Гонтомъ умеръ въ Эдимбургъ Эдвардсъ Форбесъ, профессоръ натуральной исторіи. Онъ былъ еще молодъ и подавалъ блистательныя надежды. Онъ съ дътскихъ лътъ имѣлъ страсть къ геологіи, зоологіи, ботаникъ и другимъ естественнымъ наукамъ, много путешествовалъ, заслужилъ своими учеными трудами всеобщее уваженіе и готовился издать большое сочиненіе о своихъ изслъдованіяхъ; смерть поразила его не давъ окончить трудъ, который сдълалъ бы имя его знаменитымъ.

Умеръ также докторъ Китто, извъстный сочинитель маленькой книги о потеръ зрънія и слуха. Самъ онъ въ дътскихъ лътахъ потерялъ слухъ и пристрастился къ книгамъ и къ картинамъ. Можно сказать, что онъ жилъ только зръніемъ. Прійдя въ восторгъ отъ Библіи, онъ захотълъ непремънно видъть Палестину, и окончивъ благополучно это путешествіе, по возвращеніи издалъ илюстрированные виды всъхъ мъстъ, упоминаемыхъ въ священномъ писаніи, съ историческими коментаріями.

Для увеличенія некрологическаго списка можно еще назвать миссъ Ферріаръ, автора *Насльдства* и других романовъ, которые хвалиль самъ Вальтеръ-Скоттъ; живописецъ Джонъ Мартинъ, пейзажистъ Шалонъ и много другихъ оставили незанятыми свои мъста—но довольно о мертвыхъ, пора заняться и живыми.

Въ послъднее время явилось въ Англіи много поэтовъ, и у нихъ есть свои читатели, существующіе только въ Англіи и въ Америкъ. Въ другихъ странахъ: во Франціи, Германіи, Испаніи и Италіи нътъ примъра, чтобъ нолитическіе журналы помъщали на своихъ столбцахъ стихи, не только рифмованные, но даже бълые.

Въ Англіи даже Тіте печатаеть стихи иногда, не говоря уже о другихъ журналахъ, которые испещрены одами, сатирами, эпиграмами, философическими разсужденіями, гимнами и пр. Не мудрено, что послъ этого поэты какъ мужскаго, такъ и женскаго пола находять иногда издателя. Но тутъ-то и начинается испытаніе. Англійская публика, точно также какъ и публика всей Европы, не любитъ покупать стихотвореній, и хорошенькія книжечки, изданныя великольпно, въ родь кипсековъ, остаются большею частію у книгопродавцевъ, не смотря на то, что поэтъ посвятилъ свой трудъ какому нибудь лорду или леди. Критики поступають съ этими стихами также безжалостно, какъ Альцестъ съ сонетомъ Оронта; потомъ всѣ забываютъ и поэта, и его стихи, и его книгу.

Однако изръдка, благодаря покровительству, объявленіямъ, критикамъ, или наконецъ истинному таланту, пъкоторыя имена спасаются отъ забвенія какъ Метью Арнольдъ, Александръ Смитъ, Іендисъ, Джеральдъ, Массей, которые выходятъ уже четвертымъ изданіемъ, и двъ или три писательницы, заступившія мъста Летиціп Ландонъ и Мистрисъ Гименсъ. Америка тоже можетъ гордиться цълою плеядою поэтовъ, окружающихъ блистательное имя Лонгфеллоу, заслужившаго и въ Англіи популярность.

О произведеніяхъ всёхъ этихъ поэтовъ невозможно говорить въ журнальной статьѣ, потому что падобно много мъста только перечислить всё ихъ сочиненія. Довольно того, что публика ожидаетъ отъ нихъ многаго въ будущемъ. Профессоръ Эйтонъ (Aytoun) братъ поэта Теннисона, написалъ на современныхъ поэтовъ удивительную пародію подъ названіемъ Фирмиліанъ, имъвшую огромный успѣхъ.

Замъчательно также путешествіе капитана Ольдмиксона въ Турцію. Авторъ принадлежить къ типамъ моряковъ воркуновъ, выводимыхъ на сцену драматическими писателями. Не успълъ капитанъ отъъхать немного отъ Англіи, какъ уже начинаетъ сердиться и объявляетъ, что всъ путешественники мистифируютъ публику, хваля все безъ исключенія. Въ Каннъ ему подаютъ фрикассе изъ кроликовъ, и морякъ, нелюлюбивній этого кушанья, объявляетъ, что всъ гостиницы Франціи никуда не годятся. Въ Неанолъ опъ сопрался встрътить Граціелу Ламартина, но нашелъ что всъ дочери рыбаковъ не красивы, а самая лучшая изъ нихъ занималась собираніемъ на сеобъ насъкомыхъ, до которыхъ такъ лакомы обезьяны. Капитанъ опять не на шутку разсердился, что не встрътилъ ни Венеръ, ни купидоновъ. Разсорившись со всъмъ человъчествомъ, путешественникъ отправился въ Константинополь, и тутъ чувствительность его возбуждается, чъмъ бы вы думали? Участью собакъ въ Турціи.

«Бъдныя животныя, восклицаеть капитанъ Ольдмиксонъ. Порода ихъ состоить изъ смъси волка и шакала. Эти собаки достойны сожальнія и не причиняють никакого вреда. Вообще днемь они спять на улицахъ и попадають подъ ноги людямь и лошадямь. Впрочемь турки не трогають ихъ съ намъреніемь, хотя тоже не вздумають и покормить бъдныхъ собакъ, умирающихъ съ голоду. Наши же солдаты такъ безчеловъчны, что убивають собакъ для забавы, и молодые офицеры показывають имъ въ этомъ примъръ. Потомъ за общимъ столомъ эти господа хвастають своими подвигами.—Я убилъ дюжину собакъ!—А я двъ, говорить другой. Третій прибавляеть, что онъ для разнообразія убилъ ог-

104 Carbeb.

ромное число голубей, что привело въ негодование туземцевъ. Вотъ каковы наши занятия, наши забавы!»

Капитанъ хвалитъ турокъ только за то, что они не обижаютъ собакъ, но судитъ объ нихъ также строго. По его мнънію, султанъ просто мистифируетъ всъхъ, а солдаты мусульманскіе, просто робкіе рекруты, которыхъ стыдно ставить передъ русскими и въ которыхъ не осталось ни капли старой крови Османа.

Очевидно, что такая откровенная книга не будеть имъть усиъха.

Лругой авторъ, и въ этотъ разъ уже не старый морякъ, а женшина, мистрисъ Юнгъ; разсказываетъ премило свое путешествіе (Our camp and the way to it). Она отправилась съ одною англійскою бригадою сперва въ Галлиполи, потомъ въ Варну, описывая все, что происходило въ ен глазахъ, но потомъ захворала и должна была возвратиться въ Мальту. Ея описанія живы, блестящи какъ картины Гораса Верне, и мистрисъ Юнгъ очень сожалбеть, что не могла дальше следовать за мужемъ. Впрочемъ не одна она ръшилась на всъ опасности и лишенія, и много англичановъ проводили своихъ мужей чуть не до Крыма. Француженокъ же не видать было въ лагеръ. Мистрисъ Юнгъ видъла только одну француженку, и та прівхала за войскомъ только для того, чтобъ открыть ресторанъ. «Эта дама, говоритъ писательница, одарена самымъ энергическимъ характеромъ. Она уже составила себъ состояние въ Алжирін и потомъ удалилась въ Бордо. Но восточная экспедиція возбудила ея тщеславіе, и она захотъла еще разъ попробовать счастія. Въ нустыняхъ Африки она нажила кромъ денегъ много опытности, и теперь точно волшебствомъ устроила превосходный ресторанъ, со всею посудою, серебромъ, бъльемъ и даже картою, на которой выставлено столько кушаньевъ, что самые избалованные гастрономы могуть быть довольны но-крайней-мара названіемь блюдь. Она облицаемь устроить буфеть въ родъ Провансальских братьевъ.

Къ праздникамъ Теккерей издалъ книгу подъ названіемъ. «Роза и Кольцо» или исторія принца Джиліо и принца Бульба, пантомима для большихъ и маленькихъ дѣтей. Разсказъ перемѣшанъ съ драматическими сценами, но все-таки это пастоящая волшебная сказка, въ которой видѣнъ весь талантъ остроумнаго юмориста. Она поправится всѣмъ, и тѣмъ кто вѣритъ въ сказки, и кто пересталъ давно мечтать о волшебницахъ. Притомъ же книга илюстрирована великолѣпно, что прибавляетъ еще болѣе достоинства сказкѣ.

Чарльсъ Диккенсъ тоже сдълаль публикъ подарокъ къ празднику. Онъ написаль семь маленькихъ повъстей, разсказанныхъ будто бы семью бъдными путешественниками, которые сошлись за однимъ столомъ. Всъ эти разсказы довольно однообразны и напоминаютъ Канторберійских странниковъ, Чосера, но каждый отличается особеннымъ характеромъ слога, смотря по тому какое лицо говоритъ, и превосходно описываетъ тины бъдныхъ классовъ.

Кинсекъ 1855 года былъ изданъ мистрисъ Поуеръ, сестрою леди Блессингтонъ. Явились въ свътъ тоже мемуары этой прекрасной леди... только на врядъ ли они писаны ею.

Знаменитый Барнумъ, подрядчикъ успѣховъ въ Америкѣ, пздаетъ въ свѣтъ свою автобіографію, заключающую «Искусство наживать богатство!» Узнавъ, что Рашель послала въ Америку своего брата, чтобъ устроить ея представленія, Барнумъ пришелъ въ отчаяніе. Онъ можетъ почесть себя мертвымъ, когда обходятся безъ его помощи, и автобіографія его имѣетъ форму духовнаго завѣщанія.

Упоминаемъ только для полноты нашихъ извъстій о переводъ «Мертвыхъ Душъ» на англійскій языкъ какимъ-то нецеремоннымъ спекуляторомъ, выдавшимъ изуродованный переводъ Гоголя за свое сочененіе. О подобныхъ продълкахъ не стоитъ распространяться.

Поговоримъ въ заключение о живописи. Въ июдъ 1854 года было въ Лондонъ не менъе девяти выставокъ живописи и скульптуры, не говоря уже о національной галерев (National gallery) и собраніи древнихъ скульптуръ британскаго музеума (British Museum).

Королевская коммиссія изящных художествъ, учрежденная лѣтъ десять тому назадъ для украшенія новыхъ залъ парламента, все еще продолжаєтъ производить вліяніе на художества, хотя и не вполив достигла предназначенной ей цѣли. Въ открытомъ ею конкурсѣ можно было пріобрѣсть деньги и славу, а потому и было много соискателей, но въ самомъ дѣлѣ не многіе приблизились къ условіямъ программы. И однакоже судьи роздали много премій, полагая, что надобно награждать и за доброе намѣреніе, а также боясь сознаться, что приготовленныхъ вѣнковъ некому раздать. Перспектива славы и денегъ побудила къ соискательству людей, которые всю жизнь свою занимались рисунками изъ Вакефильдскаго пастора и Сиротъ, найденныхъ въ льсу. Они заказали себѣ вдругъ картоны въ двадцать футовъ и принялись наполнять ихъ къ заданному сроку. Этотъ эпическій жаръ былъ забавенъ по невѣжеству многихъ рисовальщиковъ.

Въ продолжение періода картоннаго конкурса, всеобщее вниманіе обратилось на пастоящую живопись, и хотя къ извъстнымъ уже именамъ

106 Смпсь.

Дейса, Герберта, Копа и Маклейза никто не прибавился, но можно было видъть улучшение во всъхъ родахъ, кромъ историческаго.

Изъ выставокъ, открытыхъ для публики, пять составлены были изъ туземныхъ картинъ; прочія изъ небольшой коллекціи французскихъ картинъ, одной нѣмецкой залы и двухъ галерей древнихъ мастеровъ. Замѣтимъ однако, что изъ пяти англійскихъ выставокъ только три имѣли масляныя картины; остальныя двѣ были для акварелей и рисунковъ карандашемъ.

Королевская академія выставила болье картинь. По части скульптуры было оть нея только сто шестьдесять шесть нумеровь. Но число картинь, присланныхь живописцами, простиралось до 1365. Изь нихь болье всего понравилась одна дама съ дътыми г. Букнера.

Въ четырехъ прочихъ національныхъ выставкахъ изъ 355-ти масляныхъ картинъ было только четырнадцать портретовъ, а въ акварельной залѣ не было ни одного. На лондонскихъ выставкахъ существуетъ обычай привѣшивать записку продано на купленной уже картинъ, и надобно отдать справедливость публикъ, что почти всѣ картины были взяты.

На парижскихъ выставкахъ найдете вы всего менъе ландшафтовъ; но въ Лондонъ они преобладаютъ надъ прочими родами живописи. Этотъ родъ ближе всего англичанамъ. Чтобъ судить о пейзажъ, не нужно познаній въ живописи, а одинъ навыкъ, или вкусъ. Даже для самаго живописца работа эта выгоднъе. Отдълка лицъ требуетъ много времени и серьознаго изученія искусства, тогда какъ пейзажъ дълается скоро и легко. Уже въ одномъ этомъ отношеніи видна разность вкусовъ и склонностей французовъ и англичанъ. Чъмъ болье изучать ихъ, тъмъ ръзче оказывается разница.

Въ Лондонъ всего менъе больших картинъ. Во Франціи всякій школьникъ, вступающій въ мастерскую, задумываетъ уже программу своей большой картины. Религіозныхъ сюжетовъ въ Лондонъ чрезвычайно мало. Изъ 3442 картинъ было на выставкахъ всего 50, которыхъ сюжеты почерпнуты изъ библін.

Что сказать объ историческомъ родъ? Чтобъ быть историческимъ живописцемъ, мало того, чтобъ избрать одинъ изъ эпизодовъ, человъческія страсти и чувства превращаютъ прошедшее въ настоящее, изобразивъ потомъ все это красками со всевозможнымъ терпъніемъ и искусствомъ. Нужна еще возвышенность чувствъ, чтобъ отдълить эти картины отъ эпизодовъ вседневной жизни. Когда картина должна серь-

Смись. 107

озно изобразить важную сторону жизни, надобно, чтобъ эта важность отражалась на всемъ, чтобъ она возвышала и облагороживала самого зрителя, а иначе это будетъ игрушка, служащая для украшенія.

Въ послъднія двадцать пять льтъ составился новый родъ живописи, названный *драматическимъ*. Онъ быстро развился, и требуетъ большой опытности, точности и постоянства. Сравнивая этотъ родъ съ древними художниками, открывается, что мы ихъ далеко превзошли въ немъ. Они представляли предметы типами, не стараясь никогда обмануть глаза рельефными эфектами и истинною перспективою. Они не думали представлять фигуры изъ дъйствительной жизни, ни доказывать своей учености въ метафизикъ и психологіи. Новъйшее искусство доходитъ, правда, очень часто *до реализма* мелочей, такъ, напримъръ, вы видите атласъ и бархатъ, до которыхъ вамъ хочется дотронуться, вы видите кресла, которыя выдвигаются къ вамъ, но за то человъческое тъло мертво и жестко.

При недостаткъ серьознаго образованія въ Англіи по части художествъ, скульптура еще болье живописи отстала отъ другихъ народовъ. Изъ пяти выставокъ были скульптурныя произведенія только на двухъ, да и туть въ самомъ незначительномъ числъ.

Вст работы изъ мрамора, воска и гипса не превышаютъ 184, исключивъ же изъ нихъ бюсты, которыхъ 137, остается только 47 произведеній. Въ числъ ихъ есть нъсколько нимфъ, которыхъ изображенія болъе относятся къ чувственной поэзіи, нежели къ эстетикъ, хотя составляютъ лучшія работы.

Остается сказать два слова объ аквареляхъ. Англичане съ особенною страстію предаются этому роду живописи, можно даже сказать, что они довели его до совершенства. Въ двухъ открытыхъ галереяхъ множество отличныхъ акварелей. Въ нихъ, правда, много сухости и жесткости, но эти качества нераздъльны съ акварелью.

Близъ королевской академіи была въ скромной залѣ выставна двухъ сотъ картинъ французскихъ живописцевъ. Тутъ были произведенія Делароша, Шеффера, Декана, Гораса Верне, Делакруа и другихъ извѣстныхъ художниковъ; однакоже это была не настоящая французская школа, потому что изъ угожденія ко вкусу англичанъ, французскіе живописцы прислали все почти пейзажи.

Еще болъе разочаровываетъ выставка въ сосъдственномъ домъ нъмецкой живописной галереи. Тутъ въ каталогъ нътъ ни одного извъстнаго имени, и во всей коллекціи картинъ не видно настоящаго стиля германской школы. Замъчательна только Смерть Людовика IX, работы Бевера. Эта картина составляетъ сборникъ общихъ мъстъ, исполненныхъ отчетливо и искусно.

Что же касается до галерен древнихъ художниковъ, въ ней много картинъ старой фламандской и голландской школы, которыя впрочемъ извъстны всъмъ любителямъ искусства.

Charles and Morninggraphic abuses, in site their conservation is entally and community (i.e.

e de la primera de la composición de l A composición de la A composición de la composición de la

an established of the first order of a second of the second of the second of the second

10 supplies and the control of the property of the control of the

termente de la companya del companya del companya de la companya d

rent for the management of a state of a particles of a particles of the control of a state of the control of th

ensings are engelighed. This is a row plustering true of the second rought

uto enjupak i esperitirja i elikurosumin uri 100 ett. 1 antailainen 1,4 et 1,1 kentutu italen. Lateratoriak utomanga kin aluguita elikurija in latera (oli laterationen elektrionen kuntu.

propagation to the propagation of the second of the control of the second of the secon

the state of the s

HETEPSYPICKIN BACTHUK

• I. THOSE CONTENTS TO VENERAL

АНТЕРАТУРА.

1. ЖУРНАНИСТИКА.

the distribution of the second of the second

Двадцать-третья книга «Москвитянина». - Романы и повъсти изъ простонароднаго быта. — Арама г. Потвхина. — Какцить языкомъ должны говорить низсшія сословія. — Критика «Москвитянина». - Статья г. Строва о г. Ростиславъ. -- Какъ переводятся романы и въ особенности морскіе термины въ «Москвитянина». — Первыя книги русскихъ журналовъ. — Стихотворенія «Библіотеки для Чтенія». — Новый хлыщь г. Григоровича. - Неудавшійся юморъ. - Критика и журналистика. - «Отечественныя Записки». — Стихотворенія г. Щербины и ихъ направленіе. — Природа и человъкъ. — «Пашенька». — «Стрижовыя норы». — Ученыя и критическія статьи. — Смъсь. — «Современникъ». — Стихотворенія его. — Разсказъ Л. И. Т. и комедія И.

С. Тургенева. - Критика. - Серьозныя статьи. - Фельетонъ новаго поэта.

Прежде чъмъ начать нашъ обычный обзоръ произведеній русской журналистики въ нынъшнемъ году, мы должны обратиться къ прошлому году, по поводу двадцать-третьей книги «Москвитянина». Двадцатьчетвертая еще не показывалась, хотя со дня, въ который она должна была явиться, прошло больше полутора мъсяца. Мы, впрочемъ, помнимъ, что и последняя книга этого журнала за 1853 годъ явилась въ конце марта 1854 года. Къ чему измънять своимъ привычкамъ.

Многаго мы не можемъ сказать о предпоследней книге «Москвитянина». Она пачипается драмой г. Потехина: «Судъ людской-не Божій», игранной уже на московской и петербургской сценахъ и имъвшей на первой усибхъ не весьма значительный, а на второй-весьма незначитель-

ный. Эта драма изъ «народнаго быта», вмъстъ съ другими повъстями и романами подобнаго же содержанія, вошедшими въ моду въ послъднее время, возбудила много толковъ объ идеализаціи и о томъ, въ какой степени върны дъйствительности крестьяне и лица низшихъ сословій, выводимыя на сцену гг. Потбхинымь, Островскимь, Григоровичемь и ихъ подражателями. Если г. Григоровича упрекали, и отчасти справедливо, въ томъ, что его крестьяне и рыбаки похожи на пастушковъ XVIII столътія, на картинахъ Ватто и Буше, или на великолънныхъ работниковъ и геніяльныхъ ремесленниковъ въ романахъ Жоржъ Занда, то г. Потъхина можно, съ большею основательностью, упрекнуть въ совершенно противоположномъ направленіи, данномъ литератур'в этого рода г. Островскимъ, а именно-въ излишней дагеротипности портретовъ; мы сказали бы даже въ излишней натуральности, еслибъ этому слову не придавали совершенно ложнаго значенія нікоторые исписавшіеся фельетонисты ненатуральной школы. Содержание въ драмъ г. Потъхина весьма небогато: отецъ проклинаетъ свою дочь за то, что она, противъ его воли, полюбила одного бъдняка; дочь сходить съ ума, убъгаеть изъ дому; отецъ, отыскавъ ее, послѣ долгихъ розысковъ, прощаетъ и возлюбленные соединяются. Во всей этой исторіи нътъ ни жизни, ни дъйствія, ни интереса; характеры блідны, или, лучше сказать, здісь вовсе нътъ характеровъ; сцены растянуты утомительными и совершенно ненужными бестдами о совершенно незанимательныхъ предметахъ между лишними лицами, къ числу которыхъ принадлежитъ въ особенности откупшикъ Скрипуновъ. Что хотъль сказать авторъ своею пьесою, какая цель ея? — это осталось загадкою для читателя.

Еще болье упрековъ заслуживаетъ г. Потъхинъ за языкъ своей драмы. Желаніе поддълаться подъ говоръ простонародья, часто вовсе не привлекательный, доходитъ у него до крайнихъ предъловъ пензящества. Неужели наши писатели, даже весьма талантливые, къ числу которыхъ мы относимъ и г. Потъхина, до-сихъ поръ еще не убъдились, что низшія сословія не должны и не могутъ говорить въ печати тъмъ языкомъ, которымъ они изъясняются у себя дома. Что они не должны дълать этого, въ томъ, кажется, пора бы уже перестать и сомнъваться послъ всъхъ пеудачныхъ и песстетическихъ попытокъ выражаться «маленько мужицкимъ слогомъ», возбудившимъ въ недависе время такія справедливыя, хоть и жесткія, насмышки. Что крестьяне не могутъ даже говорить такъ, какъ ихъ заставляютъ писатели, это намъ кажется также весьма очевиднымъ, потому, что нинакая поддълка не передастъ вполнъ въ печати даже самаго обыкновеннаго разговора съ его недосказанными фразами, повтореніями, пеправильностями, переходами отъ

одного предмета къ другому, удержаніями, плеоназмами, и т. п. Что всякая подобная попытка вовсе не нужна, ровпо ничего не доказываетъ и ничего не прибавляетъ къ литературъ,—это очевидно. Не думаемъ, чтобъ кому-нибудь понравились и были почему-пибудь замъчательны слъдующія фразы, которыми начинается пьеса г. Потъхина:

Акулина Ивановна: Да что больно невесела?

Матрена: Больно тошно, баушка Акулина.

Акулина Ивановна: Да чтой-то это за тоска такая? откуда такая накачалася?

Матрена: Знаешь ты, баушенька, мою тоску, откуда она есть и къ чему клонится...

Такимъ языкомъ написана вся пьеса. Матрена (геропня ея) поминутно говоритъ: ой тошно! что, конечно, весьма естественно, но весьма не привлекательно. Правда, въ новой пьесъ г. Островскаго: «Не такъ живи какъ хочется», за этою фразою, произносимою тоже одною дамою, слъдуютъ и ея послъдствія, но г. Потъхинъ только ученикъ г. Островскаго и еще не можетъ возвыситься до эстетическаго павоса учителя.

За пьесою следуетъ ученая статья Амедея Тьери: «Сыновья и преемники Аттиллы». Эта статья была переведена раньше и лучше въ-«Отечественныхъ Запискахъ».

Критика этой кииги «Москвитанииа» отличается своей обыкновенной оригинальностью и пародоксальностью. Такъ, разбирая сочинене г. Медовикова: «Историческое значене царствованія Алексъя Михайловича», рецензенть дълаеть слъдующій вопрось: «Справедливо ли новую исторію нашу начинать со времени Петра I и на чемъ основано такое мижніе?» По словамъ г. Медовикова, передъ эпохою преобразованія, древняя русская жизнь исчерпала себя вполить. Коренныя начала ея развились въ той степени, что ихъ уже не могли измѣнить виѣшнія формы, заимствованныя въ-послъдствіи отъ запада. Въ разборъ «Современника» и повѣсти Л. И. Т. «Отрочество», рецензенть откровенно сознается, что не помнить начала этого разсказа: «Дътство» и не имъетъ той книги «Современника», гдъ было помѣщено это начало. Одиннадцать страницъ выписокъ изъ «Великосвътскаго хлыща» г. Панаева оканчиваютъ рещензію.

Въ смѣси продолжаются любопытныя статьи г. Любецкаго: «Московскія старинныя и новыя гулянья и увеселенія» и номѣщена въ высшей степени замѣчательная статья г. Сѣрова, знакомаго читателямъ «Пантеона» по многимъ статьямъ, и содержащая въ себѣ нѣсколько строкъ музыкальной критики о брошюрѣ г. Ростислава: «Подробный

разборъ оперы М. И. Глинки: «Жизнь за Царя». Приведемъ иссколько строкъ изъ этой статьи. Во введении идетъ речь о самомъ г. Ростиславъ, объ его музыкальномъ и критическомъ поприщъ, объ его планахъ, намъреніяхъ и покушеніяхъ. Далье г. Съровъ замьчаеть весьма основательно о безполезности въ разборахъ оперъ разныхъ музукальныхъ терминовъ, которыми «пустозвоны à la française очень любять щегольнуть при всякомъ удобномъ случав, чтобъ навести на свою болтовию лакъ чего-то ученаго, недоступнаго для профановъ... Что бы вы сказали, еслибъ кто въ наше время принялся такимъ образомъ разбирать любые стихи Лермонтова, напримъръ Волшебные звуки? Разміръ правильнійшій, двустопный, амфибрахій, строфы въ четыре строки, и, что замъчательно, каждая изъ четырехъ строкъ кончается риомой женской и такъ далъе. Таково же музыкальное значеніе разбора г. Ростислава.» Г. Стровъ идеть еще дальше: въ самыхъ этихъ музыкальныхъ терминахъ онъ находитъ множество ошибокъ и доказываетъ это примърами. Вотъ заключительныя слова опытнаго рецензента, съ которыми мы совершенно согласны: «Брошюрка носитъ названіе «Подробный разборъ оперы Жизнь за Царя. Опытный въ музыкальномъ дёлё читатель съ первыхъ страницъ увидитъ, что это не разборъ и вовсе не подробный; но музыканты отъ него отступятся, какъ отъ ръшительно для нихъ непонятнаго и незанимательнаго набора техническихъ словъ; для музыкантовъ онъ совершенно безполезенъ п не нужень: следовательно-лишній во всякомь случат, и знаменитая опера «Жизнь за Царя», по прежнему, ждетъ истинной критической разработки.» — Совершенно справедливо.

Заграничныя извъстія этой книги, по обыкновенію, весьма не полны; внутреннія интересны, хотя уже извъстны прежде читателямъ газеть Въ приложенія, въ концъ книги, помъщается продолженіе романа Марієтто «Питеръ Симиль». Мы считаемъ нужнымъ обратить вниманіе на то, съ какою нецеремонностью переводчикъ романа обращается съ русскимъ языкомъ вообще и морскими терминами въ особенности.

Переводчикъ заставляетъ дъйствующихъ лицъ романа, англійскихъ моряковъ, произносить какія-то дикія, непостижимыя слова, называть паруса мачтами, мачты парусами и дълать съ ними неслыханныя превращенія.

Доказательства этому представить не трудно: въ каждой главъ, на каждой страницъ знаменитаго перевода есть удивительные образчики какого-то непонятнаго языка, скоръе принадлежащаго курильцамъ, алеутамъ и другимъ дикимъ островитянамъ, чъмъ морякамъ. Приведемъ на выдержку описаніе какого-то чуднаго морскаго маневра. (Гл. XV, стр. 116-120):

«Здъсь съ нами случилось приключеніе, которое показываеть, какъ полезно для военнаго корабля, чтобы капитанъ его былъ хорошій морякъ и держалъ свой экипажъ въ дисциплинъ и строгомъ повиновеніи.»

А съ переводомъ описанія этого приключенія, замѣтимъ мы, случилось тоже приключеніе, которое показываеть, какъ полезно было бы, чтобъ переводчикъ имѣль хотя малѣйшее понятіе о томъ, что переводить и держаль свою охоту къ переводамъ въ дисциплинѣ и въ должномъ уваженіи къ русскому языку.

Иначе, какъ и случилось, маневры англійскихъ моряковъ, описанные извъстнымъ англійскимъ романистомъ, останутся неностижимыми для русскаго читателя.

«Мы загнали непріятельскіе конвойные корабли къ самому концу залива, и прижали ихъ къ берегу, куда въ это время съ такою силою приваливали волны, что они (волны?) непремънио должны были разбиться въ дребезги, прежде нежели успъли бы выйдти въ полую воду; сдълавъ это мы начали оттяливать (?) назадъ. Вътеръ дуль въ ту пору довольно свъжій и такъ какъ найъ приходилось плыть противъ него (т. е. какъ? лавировать или только идти въ бейдевиндъ?), то мы принуждены были удвоить рифы (взять два рифа) на марсастенгахъ (?!)...»

Взять рифъ, значитъ уменьшить объемъ паруса и, въроятно, авторъ говоритъ здёсь о рифахъ у парусовъ, называемыхъ марселями, а переводчикъ беретъ рифы у мачтъ, называемыхъ степьтами (а пе марсастенгами)!

«Еслибъ мы находились въ открытомъ морѣ, то употребили бы въ дѣдо одни лееры, по теперь мы рѣшились, во чтобы-то ни стало, плыть на всѣхъ парусахъ (подъ всѣми парусами)...»

Лееры?!. къ чему тутъ лееры?.. На нихъ можно развѣ только просущить мокрое бѣлье, а не плыть.

«Мы находились между двумя грядами волнь, когда море вдруго поднялось, заливь собою весь корабль отъ форкастля до нактоуха (?) Fore-castle, по-русски: бакъ, передняя часть судна; нактоузъ, а не нактоухъ, ящикъ, въ который ставится комнасъ и который помъщается или у задней мачты (бизань-мачты) или на ютъ, и потому слъдовало бы сказать опредълительнъе: отъ бака до юта. Наконецъ, еслибъморе, поднявшись, залило собою весь корабль, то онъ бы непремънно погибъ, чего однакожъ не случилось.

«Двойные зады (?!) были привинчены (?) къ пушкамъ; сверхъ

того прикръпили ихъ къ домкрату (?!) и прибили крюки къ вертлюгамъ (?), потому что во время качки мы такъ сильно опрокидывались на бокъ, что пушки удерживались совершенио одними задати и домкратомъ (?!)...»

Находясь въ такомъ истинно критическомъ и небываломъ положеиіи, капитанъ командуетъ:

- «....Поверните бухту на одну или на двъ спицы (въроятно: положите руль одинъ или два шлага; но куда? право или лъво?)!.. Но смотрите не упустите всей (?!)
  - Румпель вверхъ! (что такое?!)...
- Нужно поворотить корабль, мистеръ Фальконъ. Поворачивай корабль вст! живо, живо!..»

Ка́къ поворачивай корабль? Да вѣдь это не бревно. Слѣдовало сказать: поворотъ! пошель всѣ на верхъ! или: но мѣстамъ, къ повороту! живо!

- Стой на минуту! (продолжаетъ канитанъ, обращаясь къ рулевому: вмъсто: такъ держать!). Что показываето компасъ? (вмъсто: какъ на румбъ?)
- С.-С.-В. (вмъсто NNO) отвъчаетъ рулевой. Канитанъ продолжаетъ:
- Какой канать спущень прошедшей ночью,—второй якорь?» Не понимаемъ!..
- Сбъгите вилзъ и прикажите привазать и приштопорить его (канатъ) на тридцатой брассъ...»

Корабельныя снасти можно состронить, пристронить, остронить, а не штопорить. А брассъ, какъ извъстно и не моряку, означаетъ мъру длины, почти равную нашей сажени.

— Квартермистрь, (продолжаеть сумасшествовать капитань) распустить всть лееры (?). Смотрите, отрубите румпель (?!) по командь! »

Страшно! Неужели было это безумное приказапіе?

Отрубить румнель! (рычагь для дъйствія рулемъ). Но какъ же послъ этого будетъ управляться корабль?.. И чему можетъ помъшать румпель, безвинная жертва переводчика?

«Съ минуту капитанъ не давалъ пикакихъ приказаній. Корабль приблизился на четверть мили къ береговымъ рифамъ; волны крутились и вздымались вокругъ корабля, увлекая его къ берегу, который представлялъ непрерывную поверхность пъны, начинавшуюся въ разстояніи полканата (полукабельтова, 50 саженъ) отъ насъ. Огромные валы взлетали и падали, издавая звукъ, подобный грому. Канитанъ, молча, махнуль рукою квартеринстру, стоявшему у бухты (?) п румпель быль отсычень (!!)...»

- Брось якорь (отдать якорь)! скомандовалъ капитанъ, лишь только корабль перемънилъ путь (курсъ).
- Мы втянемъ вси реи за разъ, (?!) мистеръ Фальконъ...»

«Когда капитанъ приказаль втянуть вст реи за разъ, мив показалось, что вся фигура мистера Фалькона выразила сомивніе и несогласіе (еще бы! слушать такую гиль!) и я слышаль въ-носледствіи, что онъ дъйствительно не соглашался съ капитаномъ. Впрочемъ, успъхъ оправдалъ капитана (чего не бываетъ въ романахъ Марріета, да еще въ такомъ переводъ!). Корабль, поворотился наконецъ къ вътру и каинтанъ подалъ сигналъ. Реи слетъли съ такимъ оглушительнымъ трескомъ, что мнъ показалось, будто падають мачты (!?) Въ ту же минуту вътеръ надуль паруса (!), и корабль, до-сихъ-поръ сохранившій обыкновенную степень погруженія, быстро спустился въ воду до самыхъ пушечныхъ портовъ. Капитанъ съ коечныхъ перилъ (сътокъ), на которыхъ стояль, придерживаясь за снасти, скомандоваль: румпель на средину корабля (да въдь онъ отсъчень!); потомъ онъ заботливо взглянуль на паруса и на канать, проходившій черезь кятчеть (что это?.. въроятно крамболь, или, какъ говорилось у насъ въ старину, катиеть, cat-head) и удерживавшій корабль оть приближенія къ берегу. (?)

Чудеса!.. сперва отсъкають румпель, потомъ ставять его на средину корабля, т. е. прямо; рен (горизонтальныя брусья, къ которымъ привязаны паруса) слетають на низъ и, въ то же время, вътеръ надуваетъ паруса!! И когда же? когда корабль на якоръ!!.

Далье напитань приказываеть отсьчь канать и канать вылетаеть изъ клюзы (а); волна ударяеть въ гальсъ-клашть (?!) корабля и затопляеть его до кормы; мистеръ Фальконъ связываеть якорпыя лапы, посылаеть на корму кълавному шкоту (main-sheet, грота
шкотъ); канитанъ хватается за спицы бухты (ручки штурвала?);
райна ударяется о скалу; волна ударяеть въ корабль и нагибаеть его
на кнись (?!); канитанъ отправляется на борть корабля (вмъсто: на
корабль); французскіе корабли распускають марсь-стенги (!!) т. е.
распускають какія-то мачты вмъсто парусовъ!.. Англичане обмъниваются выстрълами съ противоположных шкотовъ (стрълять со снастей изъ пушекъ! хитро!) вмъсто галсовъ. Наконець: гротъ-марсовая мачта, просто марсовая мачта, марсъ-стенга, у которой берутся рифы, какъ у наруса; булинь гроть марсовой мачты, кятчеть, нактоухъ, борть, вмъсто судна, и множество другихъ, неслы-

ханныхъ и нигдъ не употребляемыхъ словъ и выраженій повторяются на каждой страницъ романа отъ начала до конца его.

Если г. переводчикъ уже рѣшился взяться не за свое дѣло, то ему слѣдовало бы пропустить описанія собственно морскихъ сценъ, для него педоступныхъ. Отъ этого читатели были бы только въ выигрышѣ. Въ противномъ случаѣ, онъ бы долженъ былъ прибѣгнуть къ морскому словарю, — тогда его поняли бы по-крайней-мѣрѣ моряки. Для прочихъ же читателей, кромѣ вѣрнаго перевода морскихъ выраженій, необходимо было бы и ихъ объясненіе. Къ тому же, романы Маріетта не отличатотся правдою и вообще ненаходка въ англійской литературѣ; но, при всѣхъ своихъ недостаткахъ и неправдоподобностяхъ, въ подлинникѣ имѣютъ свой кругъ читателей, подобно французскимъ романамъ Дюма съ компаніей.

Въ заключеніе, приведемъ слова самого «Москвитянина», сказанныя имъ объ одномъ переводъ въ «Библіотекъ повъстей и романовъ», издаваемой г. Улитинымъ (Ноябрь. Критика и библіографія, стр. 28). Не можемъ не замѣтить, что выпускать въ свѣтъ такіе переводы, въ которыхъ, не говоря уже о другихъ недостаткахъ, нѣтъ смысла, непонятная для насъ смѣлость.»

«Библіотека для Чтенія» въ нынѣшнемъ году измѣнилась но наружности (внутреннее достоинство ел все то же): оглавленіе книги перешло съ виѣшней стороны обертки на внутреннюю, а прежнее мѣсто оглавленія заняли болѣе важныя условія подписки. Исчезли и греческій эпиграфъ и краснорѣчивая цифра, свидѣтельствовавшая о выходѣ въ свѣтъ въ декабрѣ прошлаго года двѣсти-пятьдесятъ-шестой книги этого старѣйшаго петербургскаго журнала. За то, на первой страницѣ выставленъ римскими цифрами томъ 129, а на слѣдующей, для большей ясности, тотъ же томъ напечатанъ буквами; педостаетъ только напечатанія этого числа арабскими цифрами. На той же страницѣ сказано, что «Библіотека для Чтенія» издается подъ редакцією О. И. Сенковскаго и А. В. Старчевскаго. За этими улучшеніями слѣдуютъ стихи г. Крешева, такъ называемый переводъ изъ Горація, въ которомъ есть

И безотвязныя, тревожныя заботы, Летающія вкругъ карнизной позолоты,

и легкій сонь, не тревожимый

Ни «чуткимъ страхомъ, ни стяжаньемъ грязно-кожимъ» и «ткани на небъ» и «руно, вспоенное алой краской» и даже

Способности Каменъ, пріятныхъ песнопеньемъ.

Послѣ этого нельзя не убъдиться, что г. Крешевъ тоже одаренъ зерномъ способности Каменъ переводить Горація.

Следующая за темъ песня, г. Мея, принадлежить къ лучшимъ произведеніямъ этого поэта, и мы не можемъ отказать себе въ удовольствій привести ее вполит.

Какъ у всъхъ-то людей свътлый праздничекъ, День великій-поминъ по родителямъ; Только я, спротпика безродная, На погостъ поминокъ не правила. Я у мужа вечоръ отпросилася: «Я пойду, осударь, похристосуюсь На могилу ко свекру-батюшкъ. » Идучи, я съ дороженьки сбилася, Во темномъ во лѣсу заплуталася, У оврага въ бору опозналася. Въ томъ оврагъ могила безкрестная: Всю размыло ее частымъ дожжичкомъ, Размело, разнесло непогодушкой... Подошла я къ могилъ, шатнулася, Бълой грудью о землю ударилась; Ты скажи мив, сырая могилушка, Таково ли легко было молодцу Загубить свою душеньку гръшную, Каково-то легко было дъвицъ По тебъ на могилъ молитися?

Еслибъ не послъдніе четыре стиха, въ которыхъ отъ неправильныхъ оборотовъ: таково ми и каково-то легко, мысль дълается не ясною, это маленькое стихотвореніе можно было бы причислить къ образцовымъ. Насъ удивило также и то, что въ этихъ двадцати стихахъ по-крайней-мъръ столько же опечатокъ, знаки препинанія въ особенности разставлены такъ странно, что мы этого никакъ не можемъ отнести къ улучшеніямъ.

Очень граціозно также стихотвореніе г. Михайлова. Это ужъ не гораціанскій переводъ. Изъ трехъ стихотвореній г. Никитина первое и послъднее прекрасны по картинному стиху; въ первомъ, написанномъ гекзаметромъ, мы замътили только одинъ неправильный стихъ и высокопарное слово—свъточь, совершенно не гармонирующее съ березой, къ которой оно относится. Второе стихотвореніе «Болъсть»,

прекрасно задуманное, слабо по исполнению и по стиху, мъстами тяжелому и изысканному.

За стихами следуеть повесть г. Григоровича «Свистулькинъ», названная авторомъ, въроятно, изъ скромности «Физіологическимъ очеркомъ. » Въ дарованіи г. Григоровича странно было бы сомивваться; но, къ несчастію, въ этомъ наскоро-написанномъ разсказѣ нѣтъ и тѣни прежняго автора. Читается она, пожалуй, легко, но еще легче забывается: юморъ ея до того натянуть и не естествень, что возбуждаеть не улыбку, а какоето тяжелое ощущение, въ родъ того, которое испытываетъ человъкъ, слушающій вовсе неостроумный анекдоть оть разскащика, восхищающагося этимъ анекдотомъ: не разсмъяться вмъсть съ нимъ неучтиво, а смъяться ровно нечему. Герой разсказа опять хлыщь, все тоть же хлыщь, который намъ надоблъ и въ повбети г. Панаева, не только въ неудавшихся разсказахъ его подражателей. Г. Свистулькинъ (не правда ли, какъ самая фамилія его претендуеть на остроуміе, намекаеть на способность его просвистать все, что у него есть?) человъкъ безъ всякаго состоянія и образованія, зараженный страстью ходить по Невекому въ голландскихъ рубашкахъ, объдать у Дюсо, казаться богачемъ и свататься за дъвушками, у родителей которыхъ есть домъ въ Петербургь; такого хвастуна и фанфарона мы не разъ встръчали въ русскихъ повъстяхъ, когда еще его не называли моднымъ именемъ хлыша: не разъ читали описанія подобныхъ же неправдоподобныхъ похожденій, объдовъ въ рестораціяхъ, сценъ въ нассажъ, баловъ въ большомъ свъть, бъганья отъ кредиторовъ, голоданья и надуванья и проч., и проч. Но то, что заставляло насъ зъвать въ повъстяхъ второклассныхъ писателей, поражаеть самымъ непріятнымъ образомъ въ г. Григоровичъ. Свистулькинъ его нисколько не занимателенъ, не смъщонъ и не жалокъ; не жалокъ даже, когда авторъ заставляетъ его нарочно простудиться и умереть. Нъкоторыя черты его характера довольно върны; но всъ событія, случающіяся съ нимъ, до того неправдоподобны, что не могуть возбудить ни малъйшаго интереса. Гдъ, напримъръ, слышалъ г. Григоровичъ, что извъстныя лица, какими онъ вывелъ князя и княгиню, пришлють приглащение на баль какому-то господину Свистулькину, вовсе имъ незнакомому, только потому, что швейцаръ записалъ фамилію этого господина, явившагося съ визитомъ, нарочно во время отсутствія хозяевъ. Что подобныхъ случаевъ не бываеть въ Петербургъ, за это можно поручиться. Въроятно, это знаетъ и самъ авторъ и навязаль своему герою это происшествіе только сміха ради. Самый языкъ разсказа мъстами до того изысканъ, что становится неловко за автора, видя, какъ ему неудаются всв эти натянутыя остроты и сравненія. Не думаємъ, чтобъ кто-нибудь назвалъ удачными выраженія, въ родѣ слѣдующихъ: «глаза Свистулькина, при встрѣчѣ его съ дамами, дѣлались похожими на глаза умирающаго телепка; опъ нестерпимо вилялъ корпусомъ и семѣнилъ всѣмъ существомъ своимъ; принелевая ботинка, вкусная какъ пирожное; господниъ, имѣющій необычайное сходство съ куликомъ. у котораго только-что убили самку; горло такъ болитъ, какъ будто проглотилъ зубную щетку», и проч. Такихъ выраженій въ разсказѣ множество, и мы искренно сожалѣемъ, если авторъ считаєтъ юмористическими подобныя выходки; опѣ называются иначе.

Недурно начало переводнаго романа мистрисъ Горъ, «Эми Мидовзъ». «Библютека для Чтенія» хорошо дълаеть, что знакомить читателей съ замѣчательными романистами, которыхъ не мало, и не выѣзжаетъ только на Диккенсѣ и Теккереѣ.

Географическій словарь этого журнала превратился отчасти въ минералогическій. Статья объ алмаз'є занимаеть тридцать четыре страницы мелкой печати. Географія впрочемь идеть своимъ чередомъ, представляя читателямъ описаніе Алтая, которое можно встрітить въ боліє полномъ и обработанномъ вид'є въ каждомъ словар'є.

Критическая статья г. М. М. о сочиненияхъ Вонлярлярскаго не заключаеть въ себъ ничего замъчательнаго, говорить вскользъ обо всъхъ произведеніяхъ покойнаго беллетриста и разбираетъ подробно, съ длинными выписками, «Большую Барыню», о которой уже было сто лькоговорено во всъхъ русскихъ журналахъ. За то библіографическій разборъ сочиненій Гивдича составлень очень хорошо, съ большимъ знаніемъ дъла, и въ особенности замъчательны указанія на всю небрежность изданія, пропуски и искаженія. Изданіе русскихъ классиковъ, конечно, заслуга, но необходимо, чтобъ они издавались получше и не съ такимъ препебрежениемъ къ литературнымъ трудамъ покойныхъ авторовъ. Если издатель не знакомъ съ произведеніями этихъ нисателей, то его обязанность обратиться къ нашимъ библіографамъ и попросить указать на способы составленія, по возможности, полнаго собранія сочиненій, а не издавать кое-какъ, собирая что попадется подъ руку и повторяя даже опечатки старыхъ изданій. Побольше уваженія къ литературів не мішаетъ успъхамъ книжной торговли.

Съ удовольствіемъ замѣтили мы также, что въ литературной лѣтописи «Библіотеки для Чтенія» книги, по прежнему, разбираются каждая порознь, а не составляется изъ нихъ какой-то литературно-критическій винегретъ, совершенно неудобосваримый для читателя. Это самое важное и дѣйствительное улучшеніе «Библіотеки для Чтенія», въ сравненіи съ прошлымъ годомъ.

Къ сожальнію, мы не замътили ровно никакихъ улучшеній въ отдълъ журналистики этого журнала. Онъ начинается словами: «Забудемъ прошлое!» и мы сдълали бы это съ совершеннымъ удовольствіемъ, еслибъ настоящее не напоминало такъ сильно этого прошлаго. Чемъ же виноваты мы, если и въ настоящемъ нашли ту же опрометчивость сужденій, бездоказательныя обвиненія, фельетонный взглядь на литературу, різкость приговоровъ, ровно ни начемъ неоснованныхъ. Можно ли, напримъръ, о прекрасной стать в г. Пышина «О романахъ въ старинной русской литературъ» сказать, что она отличается чрезвычайно неинтереснымъ изложеніемь? Можно ли ув'трять, что пов'ть г-жи Ольги Н*: «Не такъ живи какъ хочется» наводить непроходимую скуку на читателей? Что репензенту скучно читать эту повъсть, мы не сомнъваемся въ этомъ: она не фельетонъ, но зачъмъ же возводить это обвинение на всъхъ читателей?.. Съ чего взяль также рецензенть, что «Пантеонъ» выражаль свое неудовольствіе за то, что «Библіотека» мало говорить о его статьяхъ? Напротивъ, чъмъ меньше будетъ говорить она о нашихъ статьяхъ, тъмъ больше рады будемъ мы, даже за самую «Библютеку», потомучто это избавить ее отъ пронаховъ въ приговорахъ и неосмотрительности въ сужденіяхъ. Перечислить статьи «Пантеона» и не сказать объ нихъ ровно ничего, работа, конечно, не трудная; но для чего предпринимаетъ ее господинъ фельетонисть? Оглавленіе книгъ нашего журнала можно прочесть и на его оберткъ. Не споримъ, такъ разбирать книги гораздо удобиве и пріятиве нежели читать, напримвръ, какую-нибудь повъсть въ родъ «Горькой доли» г. Моллера, для того, чтобы сказать объ ней, что читать ее не слъдуеть; но такая рецензія, по-крайнеймъръ, избавитъ отъ нъсколькихъ часовъ скуки неопытнаго читателя, а простой перечень статей ровно ничего не докажеть. Онъ занимаеть только въсколько строкъ въ статьв, но статьи «Журналистики въ Библіотекъ» и безъ того не велики; въ январской, напримъръ, менъе четырнадцати страницъ, и изъ нихъ не менъе шести заняты выпискою изъ статьи «Воспоминанія учителя» (Москвитяниъ № 21). Если мы исключимъ изъ этого еще иъсколько выписокъ изъ стихотвореній г. Огарева, изъ статьи г. Пынина, изъ повъсти Ольги Н*, --много ли останется собственно для рецензін?.. Мы находимъ однакоже, что еслибъ статья эта состояла только изъ однъхъ выписокъ, она бы чрезвычайно выиграла и была бы гораздо интереснъе.

Въ Смъси очень недуренъ очеркъ «Портнаго», и, по прежнему, хорошъ фельетонъ о заграничныхъ новостяхъ. Напрасно только фельетонистъ вводитъ вовсе ненужное слово: «хроникёры»; говоритъ, что романъ Сю «La famille Jouffroy» умъстился въ четырехъ томахъ разгони-

стаго шрифта. Въ немъ шесть томовъ самой мелкой, компактной печати брюссельскаго изданія. «Замѣтки Петербургскаго Жителя» довольно вялы и наполнены, безъ всякой нужды, исторією балета, выписаннаго изъ какого-нибудь словаря.

Вотъ все богатство первой книги «Библіотеки для Чтенія» въ нынъшнемъ году. Совсьмъ другое впечатльніе производять на насъ первыя книги «Отечественныхъ Записокъ» и «Современника».

«Отечественныя Записки» начинаются двумя неизданными стихотвореніями Жуковскаго; въ нихъ нѣтъ ничего особеннаго, но, написанные тридцать пять лѣтъ тому назадъ, они читаются легко и въ наше время, и за помѣщеніе ихъ во всякомъ случаѣ будутъ благодарны всѣ библіографы и почитатели нашего поэта. Кромѣ этихъ стихотвореній помѣщено еще одиннадцать «Пѣсень о природѣ» Н. Щербины, проникнутыхъ одною идеею восторженной любви къ природѣ. Особенно хороши первыя изъ этихъ стихотвореній. Въ «Просьбѣ Весны», весна, отлетая надолго, оставляетъ въ стихѣ поэта всѣ свои звуки и краски, и говоритъ ему:

Мой избранникъ! людей утъшая,
Возроди меня въ иъсняхъ своихъ,
Чтобъ предъ ними онять разцвъла я,
Благовонна, свъжа, молодая
Въ трепетанъи стиховъ золотыхъ.

Въ «Голосахъ Ночи» поэтъ слышитъ пъсню кузнечиковъ и соловья, славящихъ жизнь, и въ отвътъ имъ несется грустная пъсня людская:

Волосы наши кудрями развиты,

Время пошлетъ имъ съдины;

Этотъ румянецъ, зажегшій ланиты,

Скоро погасятъ морщины...

Ты только счастливъ своею безсмъпной И несходящей весною, Ты только въченъ, румянецъ вседенной, Въ небъ горящій зарею.

«Утрениее впечатлъніе» полно того же пантеистическаго уваженія ко всему живущему па земль. Поэть говорить:

И тихой стопою Я буду на горы взбираться: Боюсь раздавить я ногою .Червя, что ползетъ подъ травою Сіяньемъ тенла наслаждаться.

Исполненъ вниманьемъ
• Для всякой летающей крошки,
И груди сдержавъ колыханье,
Въ себя не втяну я дыханьемъ
Въ лучахъ затерявшейся мошки.

«Дъвушка у Харона»—новогреческая пъсня, заключаетъ въ себъ не новую идею, но очень поэтически выраженную,—ту, что живые скоро забываютъ объ умершихъ. Въ стихотвореніи «Мысль и дъло» поэтъ видитъ въ себъ «ограниченное дъло», а въ дътяхъ «мысль съ безбрежной широтой». Съ этой идеей не всякій согласится; врядъ ли въ болтовнъ и шуткъ ребенка «цвътетъ сокрытая мысль». Поэтъ, кажется, самъ не очень этому въритъ, иначе онъ не назвалъ бы «безсмысленною» игру дътей, эпитетъ противоръчащій высказываемому выше. Гораздо болъе нравится намъ стихотвореніе къ другому ребенку, развивающее слъдующую мысль:

Ты надеждами дътства прекрасенъ, Не развитый, но милый цвътокъ! Нътъ, твой полдень не будетъ такъ ясенъ, Какъ облитый лучами востокъ.

Жаль только, что это стихотвореніе какъ-то неоконченно. Слѣдующее за нимъ «Земля» немножко мадригально. Сравненіе леченія землею пальца, ужаленнаго пчелою, и сердца, ужаленнаго любовью, кажется намъ изысканнымъ. «Монологъ на высотъ» превосходная картина, начертанная широкою кистью и оканчивающаяся патетическою строфою:

Мы преходящіе духа явленья: Всюду предъ нами царить его въчность; Жизни всемірной мы только мгновенья И испугала намъ душу и зрънье Ждущая насъ поглотить безконечность.

Это же направленіе еще яснѣе въ слѣдующемъ художественномъ стихотвореніи «Уженье», гдѣ волна и осока говорятъ поэту о своихъ метаморфозахъ. Въ «Отрадѣ осени» поэтъ хвалитъ и осень, потому, что онъ «внимаетъ благосклонной бесѣдѣ своей милой, цѣлуя у нея лилейныя ручки». Наконецъ, послъднее стихотвореніе «Ночь и день», въ которомъ поэтъ описываетъ тяжелое вліяніе, производимое на него темнотою ночи, по фактурѣ стиха, напомиило намъ лучшія гармоническія произведенія Пушкина и Лермонтова. Вотъ его начало:

Все людей враждебной сплой Сторожить во тмѣ ночной: Ночь какою-то могилой Тяготѣетъ надо миой. Въ сердцѣ робость и сомпѣнья Непонятныя живутъ, И безумныя видѣнья, Сонной мысли порожденья, Въ немъ чудовищно растутъ.

Эти строфы приводять на память извъстное стихотвореніе Пушкина, въ которомь онъ такими же звучными стихами описываеть ночную безсонницу и «жизни мышью бъготню». Мысль г. Щербины, однако же, глубже, хотя и противоръчить вообще поэтамъ, восиъвающимъ мракъ ночи и особенно къ ней расположеннымъ. Сказавъ:

То, что мы любили зная,
Что намъ близко было днемъ,
Одъваетъ тънь ночная,
Душу слабую пугая
Въ немъ скрывающимся зломъ;—

поэтъ прибавляетъ:

Люди созданы для свъта, Людямъ созданъ только свътъ —

и заключаетъ свое стихотворение слъдующей строфой:

Здравствуй день! Среди сіянья Бодро насъ къ труду зови, Озаряя свътомъ знанья, Правдой мысли и любви.

Мы разобрали подробно всё одиннадцать стихотвореній г. Щербины и находя почти каждое изъ нихъ, взятое отдёльно, прекраснымъ, въ то же время не можемъ не зам'єтить, что всё вм'єтть они немножко однообразны. Поэтъ, конечно, им'єлъ полное право избрать одно направленіе въ своихъ стихахъ; но намъ кажется, что онъ напрасно самъ ограничилъ себя одной идеею, проводимою, во всёхъ его стихотворені-

ніяхъ. Воспъваніе природы, конечно, можетъ дать поэтическія краски, внушить прекрасный описанія, развить глубокія мысли; но, кромъ природы, выше природы, въ міръ—человъкъ; его радости, страданья, дъла, мысли, стремленья также стоятъ пъсни, и мы отвътимъ поэту природы словами другаго поэта, возразившаго на приглашеніе воспъвать природу, слъдующее:

Жила от въ тебъ моя душа, о, мать природа, Когда от не помнила, что часто даръ благой Приподнять отъ земли усталою рукой, И что усталый взоръ встръчаетъ лучъ отъ свода, Горящаго звъздами въ часъ ночной.

Когда бъ въ веселый гимнъ, взлетающій съ зарею, Не вмѣшивался вопль болѣзни и труда, А плиты, свѣжею поросшія травою, Не говорили мнѣ, что плачь тотъ надъ землею Не умолкаетъ никогда.

Но живо въ любящей душѣ моей сознанье. Ей ближе шумъ людей, чъмъ лътній шумъ льсовъ; Ей ближе ихъ дъла, чъмъ грезы и мечтанья; Ей ближе нужды ихъ, чъмъ странныя преданья О баснословныхъ дняхъ исчезнувшихъ въковъ.

Что намъ въ одной природъ! Какъ желанью Летъть къ такой далекой старинъ! Иль намъ такъ милъ туманъ восноминанья, Иль нъжиться хотимъ мы въ этомъ спъ! Не стыдно ли?... Полна тревогъ и шума, Своей тоски, своихъ трудовъ земля, Живыхъ въковъ книитъ живая дума, Градущему готовится семья, — А мы уйдемъ подъ мирты и оливы Къ изглаженнымъ могиламъ припадать!

Пускай надъ новою толною Раздастся новыхъ пъсень звонъ, . Пусть руководитъ онъ стремленья, Во дни побъдъ и пораженья

Пусть утъщаеть, учить онъ. О нашихъ битвахъ скажетъ слово, Чтобы въ въка оно дошло, Что нужды — зданье не готово — Пусть знають, какъ оно росло. Вожатый въ жизненной дорогъ Пусть пъсня возвъстить тревоги, Надежды, радости, страданья, Вев наши добрыя желанья, Чтобъ поздній в'якъ ее пріялъ, Чтобы онъ зналъ, что не напрасно И жили и отжили мы, Какъ славенъ былъ нашъ свътъ прекрасный Среди волненій, брани, тмы. Какъ тъ, чън древнія могилы Ласкаетъ теплая волна, Мы люди — живы наши силы, И также наша жизнь полна. Страдая, радуясь, и ею Гордясь, мы взглянемъ ей смълъе Въ лицо и пъснь ей посвятимъ, И пусть въ ней льется не забвенье, Но слово правды, обновленья И мира братіямъ своимъ.

Мы уже однажды цитировали отрывки изъ этого прекраснаго стихотворенія, принадлежащаго г-жъ Хвощинской, но хорошее повторять никогда не мѣшаетъ, и мы увѣрены, что самъ г. Щербина согласится съ мыслью, высказанною въ этомъ стихотвореніи; тѣмъ болѣе, что на него можетъ упасть только одинъ упрекъ въ нѣкоторомъ однообразін его произведеній. Не понравился намъ также эпиграфъ къ его пѣснямъ о природѣ: La nature est l'idee sous forme d'extériorité. Это опредѣленіе очень туманно и, перевернувъ его, мысль выйдетъ нисколько не темпѣе, хоть и не яснѣе: La nature est d'extériorité sous forme d'idée. Пора бросить намъ эти нѣмецко-философскія опредѣленія, "ничего не опредѣляющія.

Послъ прекрасныхъ стиховъ Щербины не станемъ говорить о *Нок-турно* г. Фета, весьма слабомъ и ничего не высказывающемъ стихотвореніи.

Въ отдълъ Изящной Словесности помъщены двъ повъсти: г. Дру-

жинина и г. Михайлова. «Пашенька», г. Дружинина, очень граціозный разсказъ, отъ котораго въетъ немного нъмецкой сентиментальностью и французской идиллією. Богатый и уже не молодой человъкъ, Самборскій, влюбляется въ бъдную дъвушку, дочь антекаря, Пашеньку, созданіе очень милое и прекрасно очерченное авторомъ., Борьба свътскаго человъка съ самимъ собою, съ условіями и понятіями его круга, постепенное развитие этой спокойной, но сильной любви, все это анализировано върно, разсказано занимательно. Картина полу-русскаго, полунъменкаго городка Нарвы, провинціальная жизнь, проекты влюбленнаго. обрисованы очень живо. Само собою разумъется, что бъдный Самборскій опаздываеть, и въ то время, какъ онъ до того привязался къ дѣвушкъ, что разлука съ нею будетъ уже страданіемъ для него, онъ узнаетъ, что она давно уже дала слово одному деритскому студенту быть его женою, когда онъ окончить курсь наукь. Самборскій хочеть покрайней-мъръ обезпечить ея будущность, отъ чего Пашенька съ гордостью отказывается. Не совствъ втроятно, что Самборскій обращается съ вопросомъ о томъ, свободно ли сердне дъвушки, къ ея матери, а не къ самой Пашенькъ, и дълаетъ всъ приготовленія къ будущей безбъдной жизни Пашеньки, даже покупаеть и устраиваеть для нея маленькое имънье. прежде и того, можеть ли она полюбить его. Эта маленькая невъроятность не мъщаетъ впрочемъ повъсти произволить на читателей самое пріятное впечатлівніе. «Пашенька» напоминаеть лучшія первыя произведенія г. Дружинина, и мы были очень рады, встрътя его имя въ первый разъ подъ повъстью, помъщенною въ «Отечественныхъ Запискахъ.»

«Стрижовыя норы», т. Михайлова, перенесли насъ соверненно на противоположный конецъ Россіи, въ Оренбургскую губернію, въ окрестности Уфы. Быть низшихь сословій, отставныхъ солдать и казаковь очерчень очень хорошо, и мы благодарны автору за картину этого края, въ которомь такъ много особенностей и различія отъ жизни центральной Россіи. Мъстныя подробности въ повъсти очень любопытны; но содержаніе совершенно ничтожно и развязка натянута и неправдоподобна. Въ дочь отставнаго солдата влюбленъ казакъ, но ея отецъ хочеть выдать ее за богатаго купца, который является къ станичному атаману и просить не выдавать позволенія казаку Калинину жениться на солдатской дочери Горюновой. Атаманъ соглашается на это, но потомь даеть позволеніе на томъ основаніи, что солдать по спискамъ называется не по фамиліи, а по отечеству, Игнатьевымъ. Этой весьма певъроятной и не весьма остроумной выдумкой развязывается повъсть, замьчательная единственно по своимъ подробностямъ. Она не велика и

занимаетъ меньше трехъ печатныхъ листовъ, но могла бы быть еще меньше, еслибъ изъ нея выбросить вст не нужныя подробности и повторенія. Мы уже замічали въ посліднихь произведеніяхь г. Михайлова наклонность къ растягиванію ихъ всеми силами. На каждомъ шагу, описывая какое-бы то ни было обстоятельство, онъ не упустить изъ вида ни мальйшей, даже вовсе ненужной подробности. Для примъра вотъ, на выдержку, самая короткая фраза, въ которой все-таки много лишняго. «Кирила Васильевичь взяль записку и отошель къ окну; туть развернулъ онъ записку, пробъжалъ ее глазами и вынулъ перо изъ жестяной чернилицы, стоявшей на окиъ.» Тутъ недостаетъ еще только прибавить, что перо было очиненное и въ чернилицъ налиты были чернила, чтобы предложение вышло самое полное. Удивляемся, какъ г. Михайловъ упустилъ изъ виду эти необходимыя обстоятельства. Не довольствуясь растягиваніемъ фразъ, и въ особенности разговоровъ, онъ прибъгаетъ даже къ частому и совершенно непужному дробленію разсказа на главы; ставить въ заголовкъ ихъ вовсе не идущія къ дълу эпиграфы, и послѣ двухъ страничекъ съ половиной начинаетъ новую главу съ новымъ эпиграфомъ. Все это кажется намъ весьма не литературно.

Серьозными статьями богата первая книга «Отечественныхъ Записокъ» и всъ онъ очень любопытны. Болъе другихъ суха по изложеню статья г. Березина: «О мусульманской религіи въ отношеніи къ образованности», богатая впрочемъ важными и для весьма многихъ новыми фактами. Зачьмъ только г. Березинъ пишетъ вездъ: Алкуранъ, вмъсто Алкоранъ, какъ это писалось до-сихъ-поръ на русскомъ языкъ всъми, кто когда-нибудь говорилъ о книгъ Магомета; даже на всъхъ иностранныхъ языкахъ сохраненъ звукъ о, и подобное нововведеніе совершенно излишне. Писать не такъ какъ всъ, ровно ничего не доказываетъ.

Очень замѣчательна также статья г. Карелкина объ «А. Х. Востоковѣ». Отдавая полную дань уваженія ученьмъ заслугамъ этого писателя, мы думаемъ однакоже, что рецензентъ немного увлекся, говоря чуть не съ восторгомъ объ его стихотвореніяхъ, принадлежащихъ къ первымъ годамъ нашего стольтія, и которыя, въроятно, самъ почтенный авторъ считаетъ не болье какъ попытками молодаго человъка, испытывавшаго свои силы во всъхъ отрасляхъ литературы. Двъ критическія статьи, въ которыхъ разбираются «Мелочи изъ запаса моей памяти,» М. Дмитріева, и «Путешествіе А. С. Норова» также очень хороши.

Въ Библіографіи замъчательны разборы послъднихъ изданій по части русской грамматики. Журналистикой мы, по прежнему, не очень довольны. Такъ мы очень мало поняли изъ толковъ рецензента объ обра-

зованности, по поводу романа В. Крестовскаго «Испытаніе». Что за дъленіе русскихъ писателей на образованныхъ и необразованныхъ? Что за достоинство романовъ Крестовскаго въ томъ, что онъ смотритъ на общество образованнымъ взглядомъ? Вее это сказано по новоду нашей рецензін о томъ же романь. Эту рецензію Журналистика «Отечественныхъ Записокъ» находить върною въ своихъ основаніяхъ, но замъчаетъ, что мы не сказали ничего новаго о талантъ Крестовскаго. Неужели мы должны были сочинить тоже новость. въ родъ образованнаго взгляда? Развъ новость говорить самъ рецензенть «Отечественныхъ Записокъ», признавая въ авторъ «Испытанія» умънье изображать женщинъ, которыхъ никто въ русской литературъ не изображаетъ такъ върно, какъ г. Крестовскій, или его симпатію къ каждому чувству и тонкость рисунка при описанін самыхъ щекотливыхъ отношеній между дійствующими лицами? Этими замъчаніями и оканчивается вся рецензія «Испытанія», упрекавшая " насъ въ неполнотъ и не новости нашихъ выводовъ. Много же сдълали и «Отечественныя Записки»!

Не соглашаясь во многомъ съ рецензентомъ " «Отечественныхъ Записокъ», мы нисколько не возстаемъ противъ его мижній. Всякій можеть судить по своему о произведенияхъ литературы; но къ чему ренеизенту увърять своихъ читателей въ томъ, чего вовсе не было. Онъ можетъ восхищаться сколько ему угодно натянутой Рашелью; но зачёмъ же говорить, что В. Зотовъ, въ стихахъ своихъ къ Рашели, видитъ въ ней сребролюбивую еврейку, когда объ этомъ не говорится ни слова въ этихъ стихахъ и обращается вниманіе преимущественно на то, что у нея поддъльный талантъ и искусственное вдохновение. Зачъмъ увърять также, что В. Зотовъ наинсаль похвальное слово стихамъ г. Григорьева къ той же Рашели, когда онъ, напротивъ, охуждалъ идею и направленіе этого стихотворенія и отдаваль справедливость только гладкости стиховъ, приводя всего четыре стиха, понравившіеся ему изъ всей оды г. Григорьева. Рашительно не понимаемъ, къ чему рецензентъ «Отечественныхъ Записокъ» хочеть ввести въ заблуждение читателей этого журнала?

Въ первой книгъ этого журнала, рубрика «Иностранной Литературы» замънилась «Обозръніемъ пностранныхъ журналовъ», что въ сущности одно и тоже, только статьи, помъщенныя въ этомъ отдълъ, сдълались значительно короче. Въ нъкоторыхъ статьяхъ сжатость не мъщаетъ, но въ другихъ она вредитъ ясности изложенія.

Отдълъ Изящной Словесности въ «Современникъ» богаче, чъмъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» числомъ, по не достоинствомъ произведеній. Изъ шести стихотвореній три принадлежатъ г. Фету, два г. Не-

красову и одно г. Майкову. Г. Фетъ въ послъднее время помъщалъ стихи весьма слабые, что ему уже неоднократно замъчали, а теперь въ его «Соснахъ» мысль, уже нъсколько разъ встръчавшаяся, выражена не весьма изящио; такъ поэту несносенъ трезвый видъ сосенъ. Въ другомъ его стихотворени «Осень» не дурная картина, но мысли никакой; третье «На озеръ», которымъ открывается первая книга «Современника», полно странныхъ образовъ и выраженій, переходящихъ границы изыскапности. Вотъ какъ опо начинается:

Надъ озеромъ лебедь въ тростникъ протянуль, (что?) Въ водъ опрокинулся лъсъ, Зубцами вершинь онь въ заръ потонуль, Межь двухъ изгибаясь небесъ.

Но слъдующая строфа—верхъ небрежности и нецеремонности выраженій:

> А мы, мы на лодкѣ сидѣли вдвоемъ, Я смѣло налегъ на весло, Ты молча покорнымъ владѣла рулемъ, Насъ въ лодкъ какъ въ люлькъ несло.

Изъ двухъ стихотвореній г. Некрасова лучшее «Несжатая полоса»; другое «Застънчивость» было бы очень хорошо, если бы его пе портили нъкоторыя изысканныя и ненравильныя выраженія, въ родь: невыносливыя плечи, душа ударится въ пятки и т. п. Лучше всего въ этомъ стихотвореніи послъднія строфы. Но непріятнъе всего поразило насъ стихотвореніе г. Майкова «Арлекинъ». Никто, можетъ быть, не уважаеть, такъ какъ мы, таланта этого поэта, и это самое уваженіе заставляеть насъ сказать, что его «Арлекинъ» едва ли не самое слабое изо встув слабъйшихъ произведеній, паписанныхъ имъ въ послъднее время. Это какое-то невыполненное, педосозданное, пеобдуманное произведеніе, въ которомъ поэтъ силится что-то высказать и не высказываетъ ровно пичего. Видно только, что ему самому очень пеловко говорить какія-то полу-оправданія и полу-обвишенія. Самый стихъ, всегда гибкій и звучный у г. Майкова, здъсь мъстами не удается поэту. Не думаемъ, чтобы кто-нибудь могъ найти изящными выраженія, въ родь:

Мы какъ нибудь найдемь лафу
И такъ поддънемъ на фу-фу!....
Перевернемъ все на изнанку,
Взболтаемъ цълый міръ, какъ склянку....

При томъ, у насъ литература
Быда не важная фигура....
Вотъ знаютъ гдъ и какъ ударить,
Вотъ мастера-то, чортъ возьми!
Насчетъ умовъ въ карманахъ шарить....
Сбирая дани съ музъ и грацій
Натурой, деньгой, тъмъ и тъмъ....
А подо всъ его возгласы,
Въ душъ витіи, арлекинъ
Толиъ коверкаетъ гримасы....

Такихъ стиховъ мы могли бы привести множество. Ясно, что г. Майковъ хотълъ своего «Арлекина» заставить говорить вздоръ, но для чего же онъ говоритъ его такимъ плохимъ, тривіальнымъ языкомъ. Видно, что арлекинъ нъсколько разъ мънялъ свои убъжденія, что теперь ему совъстно самому за свои поступки, и отъ этого онъ выражается сбивчиво, неловкимъ, тяжелымъ стихомъ и отсутствіе искренности хочеть замънить высоконарностью и, въ то же время, уничижительными фразами.

«Записки маркера», разсказъ Л. И. Т., замѣчательны по чрезвычайной простотъ языка и совершенной безъискуственности выраженій. Содержаніе разсказа незамысловато и кажется намъ даже не совсѣмъ въроятнымъ. Одинъ молодой человѣкъ, богатый, изъ хорошей фамиліи, повадится ходить въ трактиръ, собъется съ кругу, проиграется и потомъ застрѣлится. Намъ что-то не върится, чтобъ игра въ бильярдъ могла увлечь до такой степени порядочнаго человѣка, чтобы онъ проводилъ цѣлые вечера, играя съ маркеромъ и проигрывая ему сто восемьдесятъ рублей. Гдавное достоинство разсказа заключается только въ его языкъ.

«Мъсяцъ въ деревив», комедія И. С. Тургенева, не принадлежитъ къ числу лучшихъ произведеній этого автора, хотя въ ней много превосходныхъ сценъ и типически очерченныхъ характеровъ. Содержаніе ея очень просто. Молодая вдова влюбляется въ учителя своего сына, Бъляева, котораго въ то же время любитъ ея воспитанница, Върочка и, за одно ужъ, и служанка Катя, хоть въ этомъ молодомъ человъкъ нътъ ровно никакихъ достоинствъ, за которыя можно было полюбить. Эта лътняя исторія оканчивается тьмъ, что Бъляевъ уъзжаетъ навсегда изъ деревни, гдъ противъ воли возмутилъ спокойствіе столькихъ лицъ, а Върочка, очень мило обрисованное лице, сбирается выдти замужъ за одного удивительно пустаго, но, по счастью, смирнаго сосъда. Повторяемъ, что во всъхъ лицахъ комедія есть много прекрасно подмѣченныхъ и переданныхъ чертъ, но въ цѣломъ ни одинъ характеръ не выдержанъ

и не удовлетворяетъ читателя, точно также, какъ и вообще вся комедія. Вдова уже черезъ-чуръ восторженна, Бъляевъ черезъ-чуръ простъ, Върочка прибъгаетъ уже слишкомъ къ сильному средству, чтобы разстаться съ Бъляевымъ; старый другъ вдовы, Ракитинъ, уже слишкомъ териъливъ и услужливъ. Лучше всъхъ очерченъ типъ частнаго лекаря, но и тотъ, неизвъстно по какой причинъ, женится на сорокалътней гувернанткъ, вовсе не привлекательной и послъ объясненія съ нею, даже поетъ, подпрыгивая «съренькаго козлика». Послъдній фарсъ про-изводитъ даже не совсъмъ пріятное впечатлъніе и не достоинъ таланта г. Тургенева. Комедія, не смотря на порядочную длинноту ея, всетаки безъ конца, потому-что отъъздъ Бъляева не разъясняетъ окончательно отношеній дъйствующихъ лицъ. Мы увърены, однако же, что всъ прочтутъ ее не безъ удовольствія.

О «Тонкомъ человъкъ», г. Некрасова, поговоримъ впослъдствін; замътимъ тенерь только, что насъ искренно порадовало въ этой книгъ отсутствіе иностранныхъ романовъ, которыми пора бы перестать наполнять русскіе журналы. Въ этой книгъ «Современника» болъе 43-ти листовъ, то есть почти половина, занята русскою словесностью, за что, конечно, нельзя не быть благодарнымъ.

Изъ серьозныхъ статей любопытна «Жизнь Алкивіада». Въ жур, налѣ Хметевскаго о военныхъ дъйствіяхъ русскаго флота въ Архипелатъ, въ 1770 — 1774 годахъ, о мало-занимательныхъ подробностяхъ авторъ говоритъ слишкомъ подробно, а о важныхъ, какъ напримъръ, о битвъ при Чесмъ — полторы страницы.

Критическая статья «О мысли въ произведеніяхъ изящной словесности» П. В. А—ва, также какъ и прежняя статья того же автора,
«По поводу романовъ язъ простонароднаго быта», отличается весьма немногосложными мыслями, разведенными въ обильномъ потокъ весьма
многословныхъ фразъ, выраженныхъ кромъ того весьма темно и мъстами не совсъмъ по-русски. Вотъ образецъ слога и мысли автора:
«Правда, тутъ являются и неизоъжныя погръщности рода. Въ нъкоторыхъ, впрочемъ немногихъ мъстахъ, встръчается у него довольство,
такъ сказать, лицами своего воображенія, и при случать своимъ способомъ описанія ихъ. Отсюда, излишнее накопленіе яркихъ подробностей, наваленныхъ грудами на одно лице или на одинъ предметъ.»
Если бы насъ спросили, въ чемъ же именно состоятъ цъль и мысль
статьи г. П. В. А—ва, мы сознаемся, что не умъли бы отвъчать на
это, и предоставили бы сдълать это автору, если онъ только самъ можетъ объяснить.

Въ Библіографіи, при разборт Въстника Естественныхъ Наукъ, приложены довольно плохіе портреты Ньютона, ласточки, боабаба и выпи, съ оговоркой, что портреты эти въ «Современникъ» вышли не такъ удачны, по типографскимъ причинамъ. Думаемъ, что въ такомъ случат не следовало вовсе помещать ихъ, или напечатать именно въ томъ мъстт въ концт статьи, гдт говорится объ этихъ политипажахъ, а не размъщать ихъ въ началт и срединт рецензіи, читая которую сначала видишь рисунки между текстомъ, вовсе къ пимъ не относящимся, а потомъ уже находишь ихъ объясненія.

Смѣсь «Современника» интересна. Записки Жоржъ-Занда и Верона весьма любопытны. Передъ послъдними, на нѣсколькихъ страницахъ редакція очень хорошо очертила значеніе Верона и его записокъ. Не дуренъ также оригинальный разсказъ В. Окова «Воспоминаніе», объ одномъ неудачномъ бракѣ провинціяла съ образованной дѣвушкой.

Новый поэть въ своихъ замѣткахъ вооружается противъ полемики и объщаетъ быть снисходительнымъ въ своихъ сужденіяхъ, хотя въ тоже время и рѣзкимъ. Какъ онъ соглашаетъ два эти противоположные качества — любопытствующіе могутъ узнать изъ самихъ Замѣтокъ; мы сознаемся въ томъ, что не можемъ растолковать этого; цитировать прозу новаго поэта считаемъ излишнимъ. Онъ пишетъ впрочемъ и стихами въ этихъ замѣткахъ. Защищаясь риомами отъ упрековъ въ томъ, что повторяетъ все старое и всѣмъ давно извѣстное, онъ говоритъ:

Но всегда благородно и ново, Ни кому надожсть не усикло— Вдохновенное, свитлое слово И великое честное дило; Словъ такихъ, а особенно дилъ, Я нобольше бы видить хотилъ.

и мы хотъли бы, отъ всей души, видъть тоже самое отъ новаго поэта.

Иностранныя извъстія этой книги довольно плохи; внутреннія не очень; въ послъднихъ, между прочимъ, разбирается на пяти страницахъ опера Доницетти Поліевктъ, для того, чтобы сказать, что она очень плоха. Это совершенно справедливо; но зачъмъ же было въ такомъ случать посвящать ей такой длинный разборъ, почти пумеръ за нумеромъ. Литературнаго Ералаша, по счастію, нътъ въ первой книгъ.

2. БИБЛІОГРАФІЯ.

Правда объ Англіи и сказанія о разширеніи владъній вя во всъхъ частяхъ свъта. А. Ромчева. Санктиетербургъ. 1854. V тетрадей, стр. 394.

Сочинение какъ нельзя болъе кстати. Въ то время, какъ Англія, въ следствіе недобросов'єстных интригь, показала себя въ такомъ неблаговидномъ свътъ въ современномъ восточномъ вопросъ и заслужила всеобщее презрѣніе въ Россіи, печатная правда объ ея макіавелевской политикъ сдълалась необходимостью. Г. Ротчевъ, посвятившій много времени на далекія путешествія и изучившій образъ дъйствія британскаго правительства на мъстахъ захватовъ Англін, первый изъ русскихъ литераторовъ разоблачилъ неправые поступки Сенджемскаго кабинета въ отношеній управленія въ Индій, въ американскихъ владініяхъ англичанъ, и касательно вопіющей войны съ Китаемъ. Конечно, кто слъдиль за повременными изданіями, для того все это не ново, по-крайней-мъръ на русскомъ языкъ не было издано еще ничего подобнаго, и г. Ротчеву въ этомъ случат следуетъ пальма первенства. Заслуга автора темъ большую еще имъетъ цену, что, кроме данныхъ, извлеченныхъ изъ офиціальныхъ источниковъ, онъ приводитъ многіе факты, какъ человъкъ посътившій британскія владінія во встхъ концахъ земнаго шара и следовательно имевшій возможность лично поверпть на мъстъ — слъдствія приводимыхъ имъ доказательствъ.

Въ самомъ дълъ, чрезвычайно любопытно взглянуть ближе на просвъщенную богатую націю, которая, расширивъ свои владънія въ другихъ частяхъ свёта и постоянно стремясь по пути преусибляния, торжественно предъ цълымъ міромъ попираетъ первые основные законы человъчества, вопреки законамъ цивилизаціи, такъ громко ею проповъдуемой. Не только сама Англія считаеть себя въ главѣ просвѣщенія, но и многіе иностранцы не противоръчать ей въ этомъ; даже не мало лицъ можно насчитать во всёхъ земляхъ, которыя стараются подражать англичанамъ, и извъстныхъ подъ названіемъ англомановъ. А между тъмъ. можеть ли быть что ковариве и возмутительные этой націи, которая, утративъ средневъковое рыцарское благородство и принявъ торговое направленіе, дъйствуетъ однакоже не какъ прямой и честный первостатейный негоціанть, но какъ самый мелкій торгашь, для котораго будто бы позволительны вст средства къ достижению возможно большаго барыша. Неправедныя дъйствія англичанъ доказываются современными, близкими намъ дъйствіями. Еще книга г. Ротчева не являлась въ свътъ, а народъ произнесъ уже британцамъ свой приговоръ. Французы, такіе же

враги намъ, какъ и англичане, но стоило только прислушаться къ общему говору: о французахъ говорили вскользь; ихъ и побранятъ, бывадо, такъ, заурядъ; но все негодованіе и презръніе обращалось на англичанъ, на этихъ коварныхъ сыновъ Альбіона, которые бывъ деспотами въ Индін и Ирландін, которые, потворствуя сліпому деспотизму Турцін, корчать изь себя либераловь и, во имя какой-то нельной идеи. пропов'дуютъ противъ насъ чуть не Крестовые Походы. Намъ кажется, что теперь самые закореналые англоманы смотрять съ презраніемь на тъхъ, кого вздумали брать себъ за образцы, чей костюмъ, чьи ухватки, чье произношение усвоивали съ такимъ ожесточениемъ. И, наконецъ, если всеобщій потокъ моды до того стремителень, что противъ него устоять трудно, мы увърены и убъждены вполнъ, что англоманы хотя и сохраняють прическу, покрой платья, поддъльную флегму и мъшковатую щепетильность, принадлежность лондонскаго денди, тъмъ не менье однакоже они должны быть проникнуты негодованіемъ противъ націн, попирающей религію и международное право. Французы другое дъло! Въ нихъ нътъ ничего основательнаго: они сегодня сооружаютъ республику, а завтра избирають императора, который, изъложныхъ видовъ, вовлекаетъ ихъ въ войну; обольщенный англичанами, конечно, имъющими запасную мысль: съ одной стороны ослабить Францію, опасную сосъдку, съ другой, если можно, обезсилить Россію, страшную соперницу. Французъ легковъренъ и легкомысленъ: онъ готовъ поступить недобросовъстно, бывъ вовлеченъ въ обстоятельства, дълающія изъ него игрушку, орудіе чужой воли. Намъ кажется, и мы считаемъ свое митніе не безъосновательнымъ, что правительство Англіи, на пути политики далеко оставило за собою іезунтовъ, развивъ и усовершенствовавъ основныя начала этого въроломнъйшаго ордена. Какъ одни, такъ и другіе, не задумаются изменить слову, отпереться отъ подписи и изменить клятве. И где она, эта прославленная народная гордость британца? и существовала ли она полно когда-нибудь въ дъйствительности? иначе, какимъ образомъ такъ скоро замънилась бы она вопіющею недобросовъстностью.

И вотъ г. Ротчевъ принялъ на себя трудъ поднять покровы съ британской политики и показать въ настоящемъ свътъ Англію русскому читающему міру. Показавъ вкратцѣ, какъ государство это пользовалось каждою войною для своихъ стяжаній, авторъ говоритъ далѣе:

«Но не одними военными смутами пользуется Англія, стараясь проникнуть въ нѣдра владѣній союзниковъ своихъ: она равно пользуется удобствами мира и воздвигаетъ новыя владычества изъ-подтишка въ отдаленнѣйшихъ странахъ. Захватомъ Адена она упрочила за собою Чермное море; владѣя Буширомъ, Англія полная хозяйка Персидскаго Залива и уствевъ Тигра и Евората; Фалкадскіе острова упрочиваютъ за нею проливъ Магеллана; съ высотъ Гибралтара она наблюдаетъ за каждою волною пролива, соединяющаго Океанъ съ Средиземнымъ моремъ; Гельголандъ далъ ей устье Эльбы; Джерсей и Гернесей облегчаютъ доступъ къ берегамъ Франціи; въ морѣ Антильскомъ она окружила многочисленными владъніями своими пустынные острова Мартиники и Гваделуны; бомбардированіе Бейрута и Сенъ-Жакъ д'Акра бросило гарнизоны ен на берегъ Сиріи, а возмущеніе Кандіи, совершившееся нъсколько лътъ тому назадъ, и Англією же приготовленное, въроятно привлечетъ и этотъ островъ подъ ен великодушное защитничество». (Стр. 7—8).

Очень хорошо г. Ротчевъ говоритъ о дъйствіяхъ англійскаго правительства:

«И въ этомъ случав, какъ и всегда, стараясь скрыть непроницаемою завъсою свои распоряженія, Англія тотчась же стала всьхъ увърять, что эти расширенія она дълаеть съ цълію христолюбивой филантропіи, дабы краснорьчіємъ миссіонеровъ своихъ имъть возможность, бороться съ торговлею неграми, чего существенно корабли ея въ тъхъ странахъ сдълать не могли.

«И въ самомъ дълъ, едва какая-инбудь добрая, счастливая мысль возродится въ умахъ гражданъ Англіи—какъ разъ выступаетъ правительство, и счастливая мысль становится средствомъ новаго расширенія, и въ рукахъ его даже лучшіе помыслы народа становятся политическимъ орудіемъ, двигателемъ. Меркантильныя соображенія и выводы правительства Англіи наконецъ отняли въру въ прямоту побужденій и дъйствій людей, которые иногда наводятъ его на свътлую мысль; и основательно можно всегда сдълать себъ вопросъ: между миссіонерами Англіи и представителями ея политики не существуетъ ли лицемърнаго товарищества? этотъ вопросъ естественно раждается при видъ тъхъ способовъ, которые агенты Англіи принимаютъ для развитія дълъ, въ началъ дъйствительно нравственныхъ.

«Памятно еще время, когда въ парламентъ раздался единодушный голосъ, долженствовавшій положить конець постоянному торгу неграми; въ началь кто не увлекся благороднымъ порывомъ, готовымъ возвратить къ новой жизни цълыя племена, столь (на) долго отторгнутыя отъ семьи человъческой! Но что же вышло? Не объяснилось ли въ самое короткое время, что настоящею цълію этихъ громкихъ, великодушныхъ возгласовъ, было уничтоженіе колоній, принадлежавшихъ другимъ державамъ, кличъ неграмъ С.-Доминго, вызывавшій ихъ на грабежи и убійства, возможность держать всегда подъ пятою своею корабли другихъ націй! И тогда можно ли было довърять филантропін, представ-

лявшей столько торговыхъ ви́довъ и развивавшейся такъ блистательно? Отдавая полную справедливость достойнымъ проповъдникамъ высокаго христіанскаго дъла, нельзя смотръть безъ горькаго соболъзнованія на злоупотребленія пеблагонамъренныхъ исполнителей его.

«Само собою разумъется, что и въ этомъ случав не замедлило составиться въ Лондонъ общество, имъвшее двойственную цъль: «уничтоженіе торга неграми и развитіе цивилизаціи въ Африкъ». Это общество обратило взоръ къ странамъ, омываемымъ водами Нигра. Я не стану обвинять въ лицемъріи людей, взявшихся за приложеніе этой мысли; но это предпріятіе произвело столько шуму, что невольно возраждается недовъріе; и можетъ ли не возродиться оно, посмотръвъ на дъятельное участіе въ этомъ филантропическомъ подвитъ англійскихъ министровъ? При первомъ изъявленномъ желаніи общества, готова экспедиція въ нъсколько пароходовъ, имъющихъ приказаніе подняться по Нигру и поставить укръпленныя одиночки на берегахъ его, для учреждеиія постоянныхъ сношеній съ африканскими племенами. А кому же не извъстно, какого рода спошенія возраждаются между правительствомъ Англіи и племенами, среди которыхъ оно водружаетъ флагъ свой?» (Стр. 44—43).

Глубоко обдумана и прекрасно составлена по источникамъ статья объ англійскихъ владъніяхъ въ Индіи. Съ самаго начала англичане показали здѣсь всю кровожадность дикарей и употребляли всѣ непозволительныя и вопіющія средства для удовлетворенія своей алчности. Первые правители остъ-индскихъ владѣній дѣйствовали безчеловѣчно, опустошали край, и хотя въ парламентѣ и говорили противъ этого иѣкоторые ораторы, однако большинство было на стороиѣ безчеловѣчныхъ
Клейва, Уеренъ-Гастингса, и тому подобныхъ.

Все, что можно было сдълать инзкаго и безсовъстнаго въ отношеніи къ раджамъ, все было сдълано англійскими правителями; какъ только можно было притъснить народъ, губернаторы Индіи не задумывались надъ способами: и чудная, благодатная страна, подверженная самой безвыходной тиранніи, изнемогая морально и физически, наполияетъ золотомъ сундуки компаніи.

Конечно, случалось, что и среди лиць, игравшихъ важную роль въ управленіи, встрѣчались люди истинно благородные; но благія намѣренія ихъ не достигали цѣли, и неправда торжествовала во всемъ чудовищиомъ безобразіи. И между тѣмъ, какъ говоритъ нашъ путешественникъ, англичане рѣшительно ничего не сдѣлали для края. Просвѣщеніе, во имя котораго обогащалась она и порабощала прекраснѣйшую страну, не принесло тамъ плодовъ.

«Что же касается до англійскихъ школь, устроенныхъ въ Калькутть, Мадрась, Бомбеь, Акрь, Делли, Бенаресь, въ которыхъ только дъти бабу (богатыхъ Индусовъ) и серкаровъ (маклеровъ) получаютъ образованіе, то эти школы приносять болье вреда нежели пользы, и доставляють одинуь писарей въ конторы и присутственныя мъста компанін, пли образують полунев'єждь, которые становятся язвою для соотечественниковъ своихъ. Въ нихъ учатъ грамматикъ, датинскому языку и обрывкамъ географіи. Къ чему же послужили всв лютеранскія, католическія школы? Единственно для убъжденія въихъ ничтожности. Прежде всего обратите внимание на физическое состояніе человіка, а потомъ уже дійствуйте на улучшеніе его нравственнаго быта; человъку, изможденному холодомъ, голодомъ, разными страданіями, дайте прежде всего одежду, пищу, или средства добыть ихъ. Въ такой области, гдъ злополучие проявляется въ столь поразительныхъ многообразныхъ видахъ, напрасно станете искать для народа больницу, или другое подобное благотворительное заведение. Солдаты и компанейские чиновники, одни имфютъ права на благотворительность, на сострадание англо-индійскаго правительства. Вліяніе пресловутыхъ миссій совершенно ничтожно. Одни бездомныя спроты, покунаемыя миссіонерами въ дътствъ, становятся въ ряды этихъ проповъдниковъ; но и тъ въ послъдствии возвращаются къ своимъ прежнимъ повърьямъ. А къ тому же, надобно сказать правду, что и миссіонеры нисколько не благотворительнее, не человеколюбиве послушниковъ Брамы. Конфуція или Магомета. И къ чему говорить о воздержаніи людямъ. которые предаются добровольно всевозможнымъ истязаніямъ? Этимъ миссіонерамъ нужны дворцы, паланкины, экинажи, многочисленная прислуга-и такіе люди пришли говорить о смиреніи въ Индін? Я часто слыхаль миссіонеровъ въ Калькуттъ, въ Бенаресъ, Делли, и ни одно индустанское ухо не внимало ръчамъ ихъ, и только эхо вторило слова миссіонера въ пустыхъ сводахъ.»

«Следовало бы не давать столь важнаго значенія мноологическимъ новерьямь брамы, еслибы англо-индійское правительство хотело упрочить вліяніе миссіонеровъ. Конечно, было бы не расчетно не избегать столкновеній съ предразсудками этихъ племенъ, или входить съ ними въ борьбу подобно испанскимъ католикамъ въ индійскихъ и американскихъ владеніяхъ, принадлежавшихъ Испаніи; но можно оказывать тернимость, не разделян усердно всехъ суеверій, останавливающихъ развитіе туземца Индустана. Въ дни празднества Дурги и Кали, пушки Вильямъ-форта въ Калькуттъ не умолкаютъ въ честь этихъ двухъ языческихъ божествъ. Въ особенности во время праздниковъ, которыми

чествують богиню Кали, индустанскій фанатизмъ выражается въ самыхъ нельныхъ и неистовыхъ образахъ, процессіяхъ, отправляемыхъ при нестройномъ грохоть музыкальныхъ инструментовъ. Тутъ увидите людей въ окровавленныхъ одеждахъ, съ языками проткнутыми жельзными прутьмин; у иныхъ въ глазныхъ въкахъ продернуто по нъскольку рыболовныхъ крючковъ, или словно заволока, у иныхъ продъты въ тълъ бамбуковые хлысты. По моему, эти церемоніи отвратительные обряда сожженія вдовъ на кострѣ (сати). Какимъ же образомъ англо-индійское правительство, подобно брамамъ, извлекаетъ выгоды изъ легковърія Индусовъ, и живетъ поборами ягернатской пагоды? Какимъ образомъ оно собираетъ по рупію съ каждаго Индуса, купающагося въ извъстное время года въ водахъ Ганга?» (Стр. 126—129).

Вси четвертая глава необыковенно интересна, по фактамъ, приводимымъ г. Ротчевымъ, изъ которыхъ легко можно убъдиться, до какой степени недобросовъстно поступало англійское правительство въ отношеніи хана Кирпурскаго, Миръ-Рустама. Мы не можемъ воздержаться, чтобъ не сдълать выписокъ.

«Нѣсколько лѣть тому назадъ, замѣчательные факты были помѣщены въ журналахъ бомбейскихъ по поводу двухъ важныхъ происшествій, которыя кажется Провидѣнію угодно было соединить между собою для того именно, чтобы озарить яркимъ свѣтомъ политику Англіи и поведеніе агентовъ ен въ Индустанъ. Одно изъ этихъ происшествій — смерть хана кирпурскаго, Миръ-Рустама, самаго стараго и перваго изъ амировъ Синда, котораго англо-индійская компанія изгнала изъ областей его и перевезла въ бомбейское президентство. Онъ умеръ отъ холеры въ Пунѣ. Другое происшествіе: продажа съ аукціона предметовъ, выручка за которые должна была поступить, какъ раздѣлъ добычи, въ пользу войска, некорившаго Синдъ.

«Возвъщая о смерти Миръ-Рустама, журналы англо-индіи впервые проявили негодованіе на правительство того края и нѣкоторыхъ изъ его высокихъ администраторовъ. Факты эти чрезвычайно любопытны; но собирая эти разрывающія сердце сознанія, очень поиятно, что мнѣ предстоптъ выслушать множество возраженій, потому что, если англичане и сознають иногда заблужденія, то это съ условіемъ, что такихъ сознаній никто не услышитъ, потому что въ устахъ чужеземца или подъ перомъ его они не выносятъ никакихъ порицаній. И такъ, во избѣжаніе опроверженій, которыя могутъ быть сдѣланы на излагаемые факты, опроверженій, въ которыхъ не должно искать добросовѣстности, когда дѣло идетъ о событіяхъ въ Индіи, постараюсь какъ можно чаще ссылаться на самихъ Англичанъ. Послѣдую за ихъ собственными журна—

лами: Bombay-Times, Bombay-Courier, и др. уже предупредили меня въ показаніяхъ, и потому да простятъ мив частыя ссылки на эти журналы: ссылки въ этомъ случав весьма знаменательны.»

«Вотъ какъ отъ 3-го іюня 1846 года газета Вотвау-Тітев извѣщаетъ о смерти Миръ-Рустама: «Самый старый и върный другъ Англів, мудръйшій и достойнъйшій изъ властителей Темнура, жертва добродьтелей своихъ и преданности къ намъ, Миръ-Рустамъ, ханъ Кирпура, нохищенъ смертію». Вотвау-Соигіег 3-го же іюня выражается такъ: «Смерть положила наконецъ предълъ страданію и заточенію достойнаго Рустама; посльдней жертвы нашей неблагодарности—не стало. Безъ сомнънія, мы предпочитали бы видъть его въ живыхъ, если бъ ему суждено было умереть въ отечествъ, и если бы мы могли носить убъжденіе, что ему суждено возвратиться на престоль, котораго мы его незаконно лишили; но надежда наша на это позднее, справедливое воздаяніе день отъ дня слабъла». (Стр. 137—139).

Взявъ у Рустама все, что только было можно получить добровольно, англичане тъмъ не менъе не ограничивались въ своихъ требованияхъ.

«Съ этой минуты Англія получила отъ Рустама все: онъ уступаль. но останавливаясь, отказался отъ священнъйшихъ правъ своихъ и не только не ропталъ, но казалось гордился, упрочивая такимъ образомъсвязи свои съ компанією. «Ридко Англія предлагаеть или дарчеть дружеество свое безъ своекорыстныхъ видовъ». England seldom volunteers her friendschip without a selfish motive». Такъ выражается Вотвау-Courier. «Мы не замедлили объявить ему такія требованія, которыя очень затруднили его и дъйствительно было бы благоразумите, если бъ онъ ихъ не выполнилъ. Не смотря однакожъ на опасенія, имъвшія глубокое основаніе, не смотря на подозрѣнія приближенныхъ своихъ, почтенный ханъ согласился на всъ желанія наши. Вопреки перваго договора, нами съ нимъ заключеннаго, мы настапвали въ намфреніи провести чрезъ Синдъ армію, идущую на покореніе Афганистана. Должно вспомнить, что амиры нижняго Индуса намфрены были силою противиться вторженію въ ихъ области, и что этотъ же добрый и миролюбивый Рустамъ помъщаль имъ въ этомъ дълъ, и насъ примирилъ съ ними. Онъ не отказываль намъ ни въ одномъ требованіи и жертвоваль всёмъ. Мы просили его ссудить насъ на военное время для операцій во Афганистань, своею Баккарскою крыпостью. Ханъ быль оскорбленъ такимъ унижениемъ своихъ подданныхъ. Онъ говорилъ: это сердце моей области: могу ли я, не утративо чести, отдать его во руки чужеземцевъ?

«Все семейство его просило со слезами отказать въ этомъ требованіи; всъ осыпали хана упреками, видя готовность его согласиться на желаніе наше; но и здѣсь, дружба, которую онъ питалъ къ Англичанамъ, превозмогла все: онъ ссудилъ насъ своею кръпостью... Увы! въ помышленіи нашемъ никогда не было возвратить ему эту ссуду.

«При такихъ уступкахъ, говоря о Рустамъ, Берисъ повторялъ: «Я инкогда не сомивался въ преданности нашего Рустама, но не ожидалъ упорности, съ которою онъ доказываетъ намъ эту преданность». А какъ сознала Англія эти дъйствія, эти пожертвованія Рустама? На такой вопросъ есть пояснительное слово въ бомбейской газетъ: «Мы великая нація, и Рустамъ почиталъ честью быть съ нами въ союзъ. Онъ думаль, что мы вмъсть и великодушная нація; но имъль время убъдиться въ противномъ». Въ самомъ дълъ, разочарованіе придти не замедянло.» (Стр. 140—142).

Не смотря на это, у Рустама быль еще значительный годовой доходь, и знакомый намъ, по своимъ рыцарскимъ подвигамъ съ беззащитными городами и безоружными рыбаками, Нэпиръ, вознамърился воспользоваться послъднимъ достояніемъ злополучнаго хана. Рустамъ былъ оклеветанъ, выгнанъ изъ владъцій, и имъніе его секвестровано. Нэпиръ встрътилъ по этому случаю дъятельнаго противника въ полковникъ Утремъ, котораго правота ни къ чему однакоже не послужила, но тъмъ не менъе любонытно офиціальное письмо послъдняго къ Нэпиру отъ 26 января 1843 года:

«Съ глубокою горестью долженъ я сознаться, что сердце мое и здравый смыслъ, дарованный мнь отъ Бога, согласно осуждають дыйствія наши во имя правительства Англо-Индіи: всь наши поступки проявляють самов ненавистное угнетеніе, ноложительные захваты, и я вполны убъжденъ, что каждая капля крови, пролитая нами при такихъ распоряженіяхъ, падеть на главы наши, какъ на главы убійцъ, за тымъ, что возмущенія, нами здъсь вызываемыя, столь же мало нужны въ видахъ политическихъ, сколько неизвинительны въ видахъ правственности.» (Стр. 147).

. Любонытиће всего англійская справедливость Рустему послѣ его смерти.

«Миръ-Рустанъ, ханъ Кирпура, говоритъ другая газета, сошелъ въ могилу; оросимъ же ее слезами раскалнія. Достойный старецъ, какъ называлъ его Берисъ, отошелъ въ лучшій міръ, гдѣ не достигнутъ до него ни наши раскалнія, ни оскорбленія наши, но мы можемъ воздать праведливый долгъ его намяти, сознаніемъ неблагодарности нашей,

и собственным в оправданием, хотя, по возможности, передъ семействомъ и близкими злополучнаго». (Стр. 148).

Но не менъе любопытно и то, что прочтутъ читатели въ книгъ г. Ротчева:

«Въ течение июня мъсяца будеть продаваться на счеть армін синдской: № 1, пара ножных колець золотыхь, въ 23 звена; въ каждомъ звенъ 3 рубина, изумрудъ и жемчужина. N_2 2, пара браслетовъ золотыхъ, съ красною и бълою эмалью. № 3, пара ножных колець, золотых, въ семь звеньевь, съ изумрудами. № 4, золотое ожерелье съ драгоцънными камнями, изъ которыхъ 13 большихъ брилліантовъ, 30 рубиновъ, 18 жемчужинь и 12 изумрудовь. № 5, три пары серегь и колець носовыхь, сь двумя крупными жемчужинами и однимь рубиномъ въ каждой штукъ. № 6, женское грудное украшение, состоящее изъ 360 изумрудовъ, 38 жемчужинъ и 12 изумрудовь, обдъланных въ золоть, и пр. И такимъ образомъ отъ № 1 до 100 ценою на 2,500,000 руб. сер.! Въ первыя минуты никто не върилъ глазамъ своимъ! Скоро негодование заступило мъсто изумления, и вст другъ друга спрашивали, какимъ образомъ такая добыча могла достаться въ руки побъдителя?»

«Этотъ вопросъ естественно повель къ изысканіямъ и справкамъ обо всемъ томъ, что происходило послѣ битвы при Міани п Добой; и тогда было сознано, что вскорѣ послѣ этого втораго сраженія сэръ Чарльсъ Нэпиръ перешелъ съ армією своею къ стѣнамъ крѣпости Гайдерабадъ, въ которой амиры укрылись въ гаремахъ съ женами и дѣтьми своими. Сэръ Чарльсъ Нэпиръ надѣялся встрѣтить здѣсь отпоръ, который далъ бы ему право предоставить городъ грабежу; но къ большой досадѣ его, съ крѣпости не послѣдовало ни одного выстрѣла и она сдалась безъ разговоровъ.»

«Большая часть изъ амировъ не принимали никакого участія въ этой войнъ, а нъкоторые, и именно Рустамъ, всячески старались отвратить ее. Небыло ни мальйшей причины предать городъ грабежу; но тогда не было бы и никакой добычи. Въ этомъ затрудненіи Нэпиръ и сподвижники его придумали хотя не очень честный, но совершенно новый способъ для достиженія цъли своей. У одного изъ англійскихъ офицеровъ была наложница, сопровождавшая его въ походъ. Злополучныя жены и дочери амировъ были вынуждены оставить убъжища свои, которыя должны были превратиться въ казармы; а въ то же время, для убъжденія и воспрепятствованія, чтобы ими не были похищены какія-ийбудь казнъ принадлежащія сокровища, эта женщина имъла приказаніе осмо-

трѣть ихъ тщательно, по одиначкъ. Она неукоризненно выполнила обязанность свою. Жены амировъ отъ стыда и испуга при такой мѣрѣ, выбъгали изъ покоевъ своихъ, и чтобы только избавиться отъ поисковъ, которымъ ихъ подвергали, онъ сами срывали съ себя украшенія и бросали ихъ своимъ жаднымъ гоцителямъ. Такимъ образомъ всѣ онъ лишились почти всей собственности.»

«Въ мартъ мъсяцъ 1843 года, при первой аукціонной продажъ добычи гайдерабадской, явились постели, ковры, и даже одежды женскія: но люди честные, возвысивъ голосъ, положили конецъ этому постылному торгу. Обращение въ публикъ уномянутаго списка, привело на память это обстоятельство, и на сей разъ общественное митніе выразило полное негодование свое. Въ газетахъ появились статьи противъ постыдныхъ дъйствій. Честь перваго нападенія принадлежить газеть Bombay-Times, которая, подавая примъръ къ выражению своего справедливаго негодованія, въ стать в своей 30 мая 1846 года, высказала эти замъчательныя слова: «Мы полагаемъ, что всего этого довольно, чтобы кровь и стыдъ бросились въ лицо каждаго честнаго англичанина. Ло сего времени мы не грабили еще гаремовъ, не смягчали храбрости солдать нашихъ, одъляя ихъ женскими платьями и украшеніями. Такія дъла довершаютъ позоръ нашъ!.. Увы... завоевание Синда есть только грязная, печальная страница въ исторіи... Но мы не останемся безъ возмездія... Такія діла не остаются безъ наказанія даже и въ этой жизни. Даруй небо, чтобы не наступиль день, въ который мы въ Индіи, какъ въ Кабуль, должны будемъ до дна осушить чашу раскаянія».

«Здѣсь, въ свою очередь, должно отдать справедливость арміи англо-индійской. Крикъ негодованія, возбужденный журналами, почти вездѣ громко
отозвался въ рядахъ ея. Многіе изъ офицеровъ отказались заранѣе отъ
доли своей въ раздѣлѣ добычи, а во многихъ полкахъ открылись подински для выкупа нѣкоторыхъ драгоцѣиныхъ вещей, которыя видимо
принадлежали семействамъ амировъ *. Не менѣе того нельзя было отмѣнить продажу вещей, не смотря на постыдные пути, которыми опи
пришли въ руки пріобрѣтателей ихъ. Такой продажи требуетъ уставъ
службы: that the by regulations of the service they must by sold, какъ
выражается Вотрау-Соцгіет. Странность подобнаго постановленія въ англійскомъ войскѣ не можетъ не поразить насъ. Для полнаго объ немъ

^{*} Добыча въ англійской армін раздъляется слъдующимъ образомъ: долю солдата составляеть единица, капрала двъ единицы, сержанта четыре, сержанть-маіора — восемь, подпоручика — шестнадцать; т. е. она въ шестнадцать разъпревышаеть долю солдата, и т. д.

понятія необходимо разсмотрѣть основныя начала войска британскаго и элементы, изъ которыхъ оно составлено. Тогда окажется яснымъ, что при вербовкѣ, принятой англичанами, состоящей въ наборѣ негодяевъ всѣхъ странъ, система раздѣленія добычи необходима для поддержанія бодрости, рвенія солдатъ, а въ особенности для сохраненія дисциплины въ минуты побѣдъ. Для подобнаго солдата, взятаго изъ развратнѣйшихъ слоевъ народныхъ, не имѣющаго никакой надежды ни на славу, ни на повышеніе, приманка добычи становится необходима: для него пуженъ какой-нибудь двигатель, который замѣнилъ бы въ немъ чувство чести и порывовъ благородныхъ. Впрочемъ, не удивляясь такому явленію въ рядахъ солдатъ, нельзя не удивиться, когда такое зрѣлище проявляется въ рядахъ начальниковъ, между офицерами, исключительно составленныхъ изъ джентльменовъ: этому даже вѣрится съ трудомъ, и Вотрау-Соигіет выражается совершенно справедливо, говоря: оно не двлаетъ чести рыцарству девятнадцатаго стольтія.»

Этихъ выписокъ достаточно для того, чтобъ показать въ полномъ свътъ англійское правосудіе, въ которое играютъ они въ своихъ колонияхъ, потому, какъ же иначе назвать какъ не игрой эти возмутительные поступки правителей Индін, эту переписку съ метрополісй, послѣ наивныхъ статей, помъщенныхъ въ англійскихъ же газетахъ и журналахъ! Дъйствуя со всею грубостью, со всею певъжественностью допотопныхъ притъснителей въ краю, порабощенномъ ради корыстной пъли, къ чему же маскою закона прикрывать самое ужасное, самое воніющіе беззаконіе!

Но, въ одной ли Индіи британцы поступали и поступають, попирая законы божескіе и человъческіе? Разръшеніе на этоть вопрось мы снова найдемъ въ интересной кингъ г. Ротчева, который собраль всъ факты для нашего полнаго убъжденія. Заключивъ статью объ Индіи приведенными нами словами, авторъ приступаетъ къ войнъ Англіи съ Китаемъ, войнъ небывалой, за то, что китайцы не позволяли отравлять себя опіумомъ, за который англичане хотъли брать огромные доходы. Война эта законностью своею уступаетъ развъ настоящей нашей съ англичанами, въ которой достойные представители современной цивилизаціи, подобно разбойникамъ, вторглись въ наши предълы и въ этотъ хищническій набътъ вовлекли и Францію, столько разъ ими обманутую.

Процессъ войны Англіи съ Китаемъ болѣе или менѣе извѣстенъ каждому, кто хоть сколько-пибудь слѣдилъ за событіями того времени; слѣдовательно, г. Ротчевъ не сказалъ ничего новаго въ этомъ отношеніи. Но авторъ приводитъ много интересныхъ подробностей касательно англійской политики, касательно торговли опіумомъ. Въ Китаѣ былъ запрещенъ ввозъ опіума, и англичане производили имъ контробандный торгъ. Въ 1839 году китайское правительство, послъ многихъ безуспъщныхъ требованій, конфисковало въ Кантонъ 20,291 ящикъ опіума. Англичане самовольно схватили итсколько китайскихъ судовъ и конфисковали грузъ. Когда дъло дошло до Лондона, т. е. когда негоціанты, купившіе опіумъ въ Калькутть и потерявшіе его по случаю конфисканін въ Кантонъ, требовали вознагражденія, англійское правительство отвъчало, что: «торго опіумомо не состоить подъ покровительствомъ законовъ, что оно даже не признаетъ существованія этого торга, и что на основании сего оно не можеть признать справедливыми требованія контрабандистовъ». Возмутительна для человъчества эта неправедная война, происходившая безнаказанно; и хотя въ повременныхъ тогдашнихъ изданіяхъ и выставлены были вст неблагородныя действія англичань, однако темь не менее Англія выпграда въ этой войнъ. Нельзя также хладнокровно прочесть главу и о бомбардированіи Копенгагена. Но глава XII, о дъйствін англичанъ въ Съверной Америкъ, превосходитъ, какъ намъ кажется, всъ ихъ поступки во вежхъ частяхъ земнаго шара.

Лордъ Чатамъ прекрасно характеризуетъ британскую политику этими замъчательными словами:

«Такъ! мы представляемъ зрълище народа глубоко развращеннаго силами и богатствомъ. Что говорятъ наши журнальные поденщики, осужлан американцевъ и возбуждая ненависть нашу? Твердять, что они бъдны, подвержены бользнямь, мало вдять, тощи, что они трусы: эти страдальцы, эти тощіе люди насъ поколотить; эта дрянь обереть насъ, оча разживется добромъ нашимъ! Развъ вы не видите, что журнальные вради высказываютъ намъ роковую, горькую правду?! А правда эта въ томъ, что мы любимъ только деньги, любимъ только, чтобъ намъ было хорошо; да еще любимъ возможность и удобство дълать вредъ другимъ. Весь нашъ народъ дъйствуетъ, мыслитъ и говоритъ, будто обыватель, иного думающій о своемъ каниталь, о поков, объ удобствахъ своихъ и даже о своей дородности! Такъ, милорды! (и надо же согласиться, что ръчи, благосклонно принятыя, выказывають не только тахъ, кто ихъ произноситъ, но и тахъ, кто ихъ слушаетъ) такъ, мидорды! мит больно смотрать на цалый народь, проявляющій въ дала важномъ, національномъ, все безстытство, всв нахальства, всв мелкія продълки, ухищренія и чванство, которыя можно простить только частному человъку въ его мелочномъ быту: Остерегитесь, милорды! Честь націн въ опасности. Безпристрастныя увъренія, всюду обнародываемыя, и даже въ этомъ парламентъ высказываемыя, что американцы трусыставить нашу честь въ странное положение: какъ будто памъ нуж ны убъждения, что мы ничъмъ не рискуемъ, вступая съ ними въ составание? Какъ будто неизвъстно, что вся хула, которую мы стараемся разносить объ американцахъ—падаетъ на насъ, англичанъ? Дурно говорить объ Америкъ, значитъ дурно говорить объ Англии: жители Америки—англичане; они англичане по обычаямъ, по языку, по правительству, имъ общимъ, по неразрывнымъ связямъ родины и родства. Но останутся ли они англичанами въ дътяхъ своихъ?..» (Стр. 204—205).

Неугодно ли посмотръть на фактъ, который покажетъ, до какой степени англійскіе генералы были благородны въ войнъ съ съверо-американцами, и какого рода имъли сдълки съ дикарями. Вотъ письмо и фактура Джемса Кравфорда къ генералу Бургоэну:

«Согласно просьбъ тоёна Сенека, посылаю вашему превосходительству, подъ надзоромъ Джемса Блойда, восемь тюковъ съ кожами, снятыми съ череповъ: кожи эти натянуты на обручи, высушены и расписаны всъми знаками и украшеніями, какъ водится у дикихъ.

«Безъ сомивнія, вамъ угодно будеть поощрить и на будущее время этихъ добрыхъ людей.

«Подарки, имъ назначенные, будутъ, по заведенному порядку, мною самимъ розданы честно и благоразумно.

«При семъ препровождается фактура и объяснение статей, содержащихся въ восьми тюкахъ, которые тоёнъ Сенека почтительнъйше проситъ васъ принять и доставить по вашему благоусмотрънию.»

Подписано: «Джемсъ Кравфордъ».

- № 1. Сорокъ три кожи съ солдатскихъ череновъ, убитыхъ въ различныхъ ехваткахъ; кожи эти натянуты на черные обручи; спереди они выкрашены красною краской, а небольшое черное пятно означаетъ мъсто пули.
- № 2. Шестьдесять двъ кожи съ череновь арендаторовъ; эти люди убиты на ихъ собственныхъ фермахъ. Обручи красные; кожа выкрашена темно-сърою краской. Вокругъ обруча черный кругъ, показывающій, что дъло происходило ночью, а топоръ въ срединъ означаетъ, что они убиты этимъ оружіемъ.
- № 3. Еще девяносто восемь кожъ съ арендаторскихъ череновъ. Бълый кругъ и солице означаютъ, что дъло происходило днемъ; красное небольшое конье показываетъ, что люди эти отстаивали крѣпко свою жизнь и жизнь своихъ семействъ.
- № 4. Девяносто четыре кожи съ череновъ арендаторовъ. Зеленые обручи означаютъ, что люди эти убиты въ поляхъ; солице показываетъ время схватки.

- № 5. Сто двъ кожи съ череновъ арендаторовъ. Знаки тъ же, только восемнадцать отмъчены желтыми огоньками; они показываютъ, что эти люди сожжены живые. Одна кожа сията съ черена настора; она отличается тъмъ, что къ обручу привязаны длинные волосы. Въ этомъ количествъ находятся семьдесятъ семь головъ съдыхъ, а за такую услугу тоёнъ заслуживаетъ поощрения.
- № 6. Девяносто кожъ съ женскихъ череновъ. Длинные волосы, заплетенные по обычаю индъйцевъ, означаютъ, что у нихъ были дъти. Обручи голубые; кожа выкрашена желтою краской съ красными крапинками для торжествениаго обозначения слезъ, пролитыхъ родственииками. Изъ нихъ восемнадцать головъ съдыя.
- № 7. Сто девяносто три кожи съ череновъ мальчиковъ разныхъ лътъ. Небольшіе зеленые обручи, на нихъ красныя кранинки. Топоры, ножи и дубины показываютъ употребленное оружіе.
- № 8. Двъсти одиннадцать кожъ съ череновъ дъвочекъ разныхъ лътъ. Небольшіе желтые обручи, кранинки, топоры и ножи.
- № 9. Сто двадцать передметовъ разныхъ, въ берестовомъ ящикъ. Между ними двадцать дътскихъ череповъ. На нихъ черный небольшой ножъ показываетъ, что дъти были выръзаны изъ чрева матери».

Къ письму Джемса Кравфорда были приложены въ переводъ слъдующіе, скръпленные капитаномъ, документы пидъйскихъ тоёновъ, правительству англійскому.

«Отецъ! мы просимъ тебя переслать за море посылаемые подарки, къ твоему большому тоёну, чтобъ онъ видълъ, какъ мы усердно стоимъ за него и зналъ, что онъ педаромъ посылаетъ намъ подарки.

Подписано: «Синій и бъльй щить съ красною каймою.

«Отецъ! посылаемъ тебѣ кожи, снятыя съ череповъ, чтобъ ты видѣлъ, что мы стараться рады».

Подинсано: «Синій щить».

Слъдующее письмо доказываеть, что англичане старались воспользоваться этимъ товариществомъ въ отношеніи своихъ торговыхъ дълъ.

«Отецъ! надо сказать, что твои купцы насъ не берегутъ, и что они за товаръ берутъ съ насъ страшно дорого. Война уменьшила нашъ пушной промысель, и намъ мѣнять почти нечего. Подумай объ насъ и войди въ горе наше. Мы люди бѣдные, а у васъ всего вдовол. Знаемъ мы, что вы для послугъ нашихъ пришлете намъ пороху и ружей, ножей и топоровъ; однако намъ нельзя быть безъ рубахъ и безъ одъялъ: не забудь объ нихъ, какъ въ прошлый разъ.

Подписано: «Бълый щитокъ». (Стр. 206).

Но мы прекращаемъ выписки, потому что иначе пришлось бы перенести всю кпигу г. Ротчева на страницы нашего журнала.

Прекрасно описана продажа Перги Али-Пашъ егинетскому, и ярко обрисованы дъйствія англійской политики. Слабъе всего, по нашему митию, описаніе бъдствій Прландіи, потому что авторъ недовольно глубоко изслъдоваль предметь и недосказаль многаго. Впрочемь, вообще сочиненіе г. Ротчева читается съ большимь удовольствіемь и дълаеть честь автору, который съ такимъ знаніемъ дъла и такъ кстати высказаль правду объ Англіи, которая, пользуясь славою просвъщеннаго и богатаго государства, постоянно пятнаетъ себя самыми возмутительными беззаконіями.

Отдавая однакожъ должную справедливость добросовъстному труду автора, мы не можемъ сказать, чтобъ оно было непогръщительно въ отношеніи языка, который часто страдаетъ у г. Ротчева, изобилуя то неправильностями, то вычурными выраженіями. Върные своему убъжденію, не говоримъ бездоказательно, и вмъстъ, не желая утомлять читателя многочисленными указаніями, мы возьмемъ нъсколько ошибокъ на выдержку:

«Послъдній островъ есть самый малый, и т. д.» (Стр. 10). Къ чему здъсь есть?

«Я охотно назову *таковую* двятельность, и т. д. ». (Стр. 20). За-чемъ устарелыя выраженія?

«Раджи, вынужденные столь долго носить иго всесильного исламизма». (Стр. 39).

Кажется, что это прилагательное очень неумъстно.

«Раджи индускіе не могли проявляться ни съ такимъ единствомъ, ни съ такою дъятельностью». (Стр. 40).

Проявляться здъсь совершенно неумъста.

«Завсъмъ тъмъ людская молва заклеймила его строгою печатью». (Стр. 59).

Мы не понимаемъ выраженія, строгая печать, а выраженіе это очень часто попадается у автора.

«Насиліем» исхитиво доходы, бъдный земледълець ввергался въ тюрьму, а тамъ вынуждали его подписывать новыя обязательства, цъною которыхъ возвращалась ему свобода». Стр. 79).

Здѣсь авторъ выразилъ совершенио не то, что думалъ.

«Огромныя ръки тупи уграчивають воды свои». (Стр. 122).

Подобныя наръчія не существовали въ русскомъ языкъ. Копечно, почему же и не ввесть новаго слова, только надо стараться, чтобъ оно не было вычурно.

«Англійскія же работы въ Индін носять на себ'в нечать мелочничества». (Стр. 126).

Слово мелочность, право, гораздо лучше этого вновь созданнаго слова.

«Кергеленъ вышелъ въ морть 22 іюня 1780 года». (Стр. 195). Неправильности предложнаго падежа нельзя считать опечаткой, по-

тому что неправильность эта довольно часто повторяется.

«Многія племена ущемьвшія отъ этого тройственнаго смѣшенія». (Стр. 254).

«Кристять дитей». (Стр. 254).

А вотъ и подтверждение сказаннаго нами о неправильности употребления предложнаго падежа:

«Молчаніе было очень похоже на тотъ шопотъ, которымъ люди говорятъ на кладбище, при отпъваніи тъла ближняго». (Стр. 294).

«Чтобы передать идею о томъ зрилище». (id).

rest require " on these lightest but of careful equations and

«Откупщики постоянно находились подъзащитии чеством», й т. д.» (Стр. 372).

Словцо тоже очень вычурное.

Но мы считаемъ долгомъ повторить, что погръщности эти, указанныя нами по обязанности рецензента, нисколько не уменьшаютъ достоинства книги г. Ротчева, которая, въроятно, найдетъ мъсто въ библютекъ каждаго образованнаго человъка.

11.

искусства.

тузыкальная хроника.

Новыя оперы: Поліввких, соч. Донязеття.—Еще о Верди, по этому случаю и о сюжетахь птальянскихь оперь.—Волшебный стрылок, Вебера.—Итальянцы и измецкая музыка.—Постановка Волшебнаго стрълка.—Волчья долина.—Исполнители.—Разные диковинки въ нашихъ музыкальныхъ фельетонахъ.

Сколько бываеть случаевь, когда участь музыкальнаго фельетониста становится очень незавидною и даже довольно горькою! Воть, напримърь,

хоть бы моя, на этотъ разъ. Давать читателямъ «Пантеона» отчетъ о серьозной оперъ маэстро Донизетти, Полівскить, слышанной мною только однажды и не оставившей послъ себя никакого впечатлънія, кроит скуки, безцвътности, вялости!.. Сколько мит замътно было, да и по справкамъ оказывается, публика наша также не очень полюбила эту оперу, данную въ первый разъ, въ бенефисъ г-жи Маррай. Судъ публики-великое дело въ искусстве. Не смотря на все, что господа патентованные знатоки могутъ говорить въ защиту или въ укоръ произведенія, публика всегда слушается собственнаго вкуса, и стоить только безъ предубъжденія, безъ пристрастія и односторонности, поглубже вникнуть въ приговоръ массы, чтобъ убъдиться, что въ ея судъ всегда много правды. Я разумью здысь общій результать суда всыхь и каждаго, знатоковъ и незнатоковъ, приговоръ, который не формальнымъ порядкомъ вносится въ печатные протоколы (публика, правду сказать, о нихъ не очень-то много заботится), а высказывается въ успёхё или неуспъхъ самой вещи. Иные скажуть: «да помилуйте, для върнаго сужденія о музыкальныхъ произведеніяхъ надобно знаніе, образованность спеціальная, а нашу петербургскую публику, въ ея массъ, никакъ нельзя назвать «образованною» въ музыкальномъ отношеніи. Потомъ: «развіз мало случаевъ, что вещи, всёмъ свётомъ признанныя за первоклассныя, имъютъ у насъ только полууспъхъ, или и вовсе не нравятся?» Все это такъ, все это правда, и правда не въ отношеніи нашей только публики, а почти всъхъ публикъ въ свътъ (за исключениемъ иныхъ особенномузыкальныхъ городовъ Германіи), --но... не пускаясь въ разглагольствованіе, почему для однихъ и тъхъ же слушателей не можетъ одинаково нравиться хоръ цыганъ и девятая симфонія Бетховена, не пускаясь въ разграниченія публики въ отношеніи музыки на классы и разряды, а разряды опять на менъе или болъе образованные кружки, я здёсь хочу наменнуть только на тотъ художественный инстинкть, на то влечение къ истинной красотъ, которое присуще каждой публикъ, каждой массъ слушателей, и, быть можеть, вырные, прямые, ближе къ дълу, именно въ этой массъ, неотуманенной мудрствованіями и разными учеными ухищреніями, чёмъ въ сужденіяхъ такъ называемыхъ знатоковъ. Россиніевъ «Зора» всю массу публики приводить въ восторгь,и, кажется, что этотъ восторгъ очень на-місті. Увертюру Фрейшюца осыпають рукоплесканіями въ каждый спектакль и заставляють повторять, - и чтожъ? увертюра эта дъйствительно одна изъ лучшихъ увертюръ въ свътъ, а со стороны живаго драматизма едва ли и сопернинъ имъетъ. Секстетъ Донъ-Жуана, при исполнения роли Лепорелло Лаблашемъ, возбуждаетъ неистовые аплодисменты. Что можетъ быть ихъ спра-

ведливъе? Многіе изъ другихъ нумеровъ знаменитой этой оперы вовсе не производять сильнаго внечатленія, проходять какъ то холодновато, даже независимо отъ удачнаго или неудачнаго исполнения. Вглядитесь хорошенько, увидите, что публика и здъсь права. Резонъ холодноватости въ самой оперъ, въ несценичности ея многихъ мъстъ, въ нъкоторой несовременности музыкальныхъ формъ (также какъ и въ Свадьбъ Фигаро), и т. д. Здёсь, конечно, не мъсто развивать все это подробно; обратимся къ нынъшнему сезону. Изъ оперъ, съ которыми публика только что въ первый разъ познакомплась, «Сафо» имъла едва полууспъхъ, и то единственно за сцены въ храмъ Аполлона, дъйствительно лучшія въ оперъ. Напротивъ того, опера «Сивардъ Саксонецъ» сразу ръшительно понравилась. Многіе восхищаются то оригинальностью всей оперы, то тъми или другими красивыми подробностями, то фантастической и эффектной оркестровкою, и все это очень оправдывается самою вещью. Свъжести и оригинальности воображения никто у Верди не посмъетъ отнять, также какъ и большаго мастерства во владъніи всеми средствами сценической музыки. Въ операхъ Верди, не смотря на нъкоторую пошловатость музыки, особенно съ мелодической стороны, не смотря на неизбъжныя итальянскія формулы, не смотря па чрезмърный шумъ, оглушительный громъ оркестра во многихъ мъстахъ и на иъкоторое оригинальничанье капризными, не всегда красивыми выходками, слышится кое-гдв что-то такое, чего не слышишь въ другихъ итальянцахъ — что-то стремительное, энергическое, совстыв новое, свое; пробивается въ музыкальной поэзін какая-то новая жилка, и за это синьору Верди огромное спасибо, при нынтынемъ всеобщемъ измельченіи, обмельній искусства.

Чтобы возвратиться къ предмету моей хроники замѣчу, что опера, которая нигдов не имѣла настоящаго успѣха, не можеть не быть плохою, и повторю, что если «Поліевкть» нашей публикъ не понравился, то это опять дѣлаетъ честь върности ея вкуса.

Всякому сколько-нибудь знакомому съ итальянскими операми и содержаніемъ ихъ, давно извъстно, что итальянскіе композиторы никакъ не могутъ похвастаться разборчивостью въ выборахъ сюжетовъ для своихъ оперъ. Всякій знаетъ, что теперь не осталось почти ни одной сколько-нибудь знаменитой драмы или мелодрамы, изъ обильнаго тройнаго репертуара: англійскаго, нъмецкаго и французскаго, которая не была бы перекроена въ итальянскую оперу. Шекспиръ, Байронъ, Шиллеръ, Викторъ Гюго совсъмъ ограблены итальянскими либреттистами. И не смотратъ они, эти либреттисты, музыкальна ли самая основа ньесы; мирятся ли главныя лица ея и положенія съ условіями музыкальнаго языка, ивть имъ двла: выбранная ими пьеса, безсмертное ли созданіе глубочайшаго въ свъть знатока сердца человъческаго и величайшаго драматика, или незрълое произведеніе лирической фантазін германскаго поэта, или безобразно-чудовищимій вымысель неистоваго французскаго романтика 30-хъ годовь, или, наконець, ходульная драма старинной псевдо-классической школы... Есть на лицо драма, драма съ опредъленнымь дъйствіемь, эффектими сценами, опредъленными характерами, баста! давай ее сюда! Окарнаемь ее нашими цеховыми ножинцами по извъстной выкройкь, размъстимъ аріи, дуэты, финалы. Плодовитый маэстро недолго будеть ждать вдохновенія, воть и дъло въ шляпъ, воть опера уже и готова: поють ее въ Италіи, во Франціи, а потомъ и въ цъломъ просвъщенномъ свътъ.

Впрочемъ, въ основании тутъ нътъ ровно ничего дурнаго: уже со временъ Глуковой «Ифигеніи въ Авлидь», доказана возможность превращенія драмъ, задуманныхъ не для музыки-въ драмы музыкальныя. Идея искать сюжетовъ для оперъ въ пьесахъ больше или меньше знаменитыхъ и любимыхъ въ репертуарт драматическомъ, идея очень естественная, послъдовательная, такой порядокъ ведется съ давнихъ поръ и врядъ ли когда-нибудь выведется; но дёло въ томъ, что вездё надобенъ толко и уминье. А теперь похоже на то, что выборъ сюжета въ оперъ будто бы не составляетъ никакой важности. Итальянцы, покрайней-мъръ, совершенио къ нему равнодушны, а за ними и публика. Къ чему, напримъръ, было заставлять насъ тъшиться въ оперномъ театръ этою отвратительною выдумкою Виктора Гюго, этимъ несчастнымъ шутомъ «Риголетто» съ его бъдной дочерью! Иногда, право, невольно порадуенься, что большая часть зрителей и зрительниць не знаеть, не разслушиваетъ и не догадывается, въ чемъ тутъ дёло, а то всёмъ стало бы еще больше «совъстно», чъмъ въ неприличной сценъ Донъ-Жуана съ Церлиной на балу. И музыка-это искусство, столько возвышенное, столько чистое-должна служить таким драматическим положеніямъ! Модарту было гораздо простительнье провиниться противъ этой моральной чистоты музыки. Въ его время многія стороны искусствъ еще не дошли до сознательности. Въ наше время, время анализа и рефлекцін, мы вирав'ї требовать и отъ музыкантовъ несравненно больше ума и строгости въ выборъ оперныхъ сюжетовъ. А кто изъ нихъ заботится? Итальянскіе оперные авторы, какъ нарочно, бросаются безпрестанно изъ огня да въ полымя! То выберуть такой сюжеть, что противно станетъ вглядываться въ него попристальнъе, то уцъпятся вдругъ за такой возвышенный, такой серьозный, что ему опять слишкомъ неловко на театральныхъ доскахъ итальянской оперной сцены. Именно такой контрастъ, напримъръ, Риголетто и—Поліевкто!

Имя Polyeucte напоминаеть всемь намь тотчась зиму съ 1853 на 1854, Рашель и одинъ изъ ен главныхъ тріумфовъ — роль Паолины, съ ен знаменитымъ: «је сгоія!» Странно было бы, неправда ли, сравнивать какъ актрисъ Рашель и г-жу Моррай? Чуть ли не больше странно и неумъстно искать наооса и энергіи Корнелья въ музыкъ автора Лучіи и Анны Болейнъ. Но если прямо съ перваго раза видно, что эта трагедія вовсе не по характеру, вовсе не по плечу синьору Донизетти — вотъ новое доказательство, какъ мало вниманія обращено у итальянцевъ на сюжетъ, какъ плохо они понимаютъ отношенія музыки къ поэзіи! Иначе, какъ бы могла придти въ голову Дониветти заносчивая мысль помъряться съ Кориельемъ на такой драмъ, которая требуетъ обширнаго размаха поэтической силы, высшаго полета вдохновенія и, въ большинствъ сценъ, не можетъ быть выражена иначе, какъ формами музыки, весьма близкими къ духовной, ораторной.

Уже въ «Лучіи» какъ безконечно далеко онъ остался отъ всёхъ намъреній оригинальнаго вымысла, откуда такъ плохо позаимствовался литераторъ! Характеровъ романа Вальтера-Скотта и тъни нътъ въ оперъ. «Lucia di Lammermoor» вышла очень дюжинная мелодрама съ самыми истертыми эфектами. Музыкальныя достоинства (тоже не высокаго разряда) не всегда въ ладу съ сценическимъ положеніемъ. Донизетти, такъ и видно, по всей натурѣ своей, гораздо ближе къ истинно-итальянскомъ роду, т. е. комическому, къ ихъ національному буффонству. Оттого «Elisir d'amore» и «Don Pasquale» красуются какъ прелестные цвътки въ роскошномъ цвътникъ итальянскихъ комическихъ оперъ, а серьозныя оперы Донизети одпа другой слабъе. Но самую послъднюю ступень внизу (если наверху помъстить лучшія его оперы) занимаетъ, безспорно, «Поліевктъ», по-крайней-мърѣ изъ тъхъ оперъ, которыя давались въ Петербургъ.

Трагедію Корпелья передълаль въ оперу литераторь очень опытный— Скрибъ; передълаль сообразно требованіямь Парижской большой оперы, т. е., чтобъ были танцы, марши, жертвоприношенія, однимъ словомъ— великольшный спектакль. Все, что у Корпелья разсказывается «паперсниками» и «наперсницами», здъсь въ очью совершается передъ зрителями. Либретто вообще очень педурно; было гдъ разгуляться композитору, но онъ именно туть-то и не разгулялся.

Въ музыкъ оперы нътъ ни одного нумера замъчательнаго. Все, какъ я сказалъ уже, до крайности вяло и безцвътно. Даже когда понадобились легкіе игривые мотивы для танцевъ, и тутъ вдохновеніе измънцло Донизетти. Музыка торжественнаго марша и балета также плоха, какъ и въ серьозныхъ сценахъ оперы. А шуму, грому, стукотии, по-крайней-мъръ столькоже, какъ и въ Сафо. Ни одной живой, мелодической мысли, ни одной кантилены, которая запала бы въ душу! Все ровно, гладко, дежинно. Не только съ музыкой Верди, гдъ на каждомъ шагу видны огромный талантъ, но даже съ музыкой Пачини, эту Донизеттіевскую оперу нельзя ставить на одну доску. Хоры жрецовъ и вся сцена въ храмъ изъ «Сафо» просто геніальная музыка въ сравненіи съ этимъ жалкимъ искаженіемъ и посрамленіемъ Кориельева Поліевкта.

Даже отчетливое исполнене главныхъ партій (Поліевктъ—г. Тамберликъ, Паолина — г-жа Маррай, отецъ Паолины — г. Тальяфико,
Северъ — г. Ронкони) не могло придать достоинства неудчиой оперъ.
Не спасли ее и красоты постановки. А декорація при торжественномъ
въъздъ Севера въ столицу Арменіи и всъ подробности тріумфа очень
изящны и даже довольно върны исторіи. Превосходна также послъдняя
декорація: авансцена—преддверіе народнаго цирка, съ той стороны, гдъ
помъщаются преступники, обреченные въ жертву лютымъ звърямъ,—въ
глубинъ сцены за темною ръшеткою сама ужасная арена, блистательно
освъщенная южнымъ солицемъ и окруженная вдали несмътною толною
зрителей. Кажется, довольно о «Поліевктъ», и то миъ слъдовало бы
еще извиниться передъ читателями, что по случаю такой оперы—и гдъ
же? въ бъгломъ отчетъ о сцектаклъ!—затронуты мною серьозные вопросы о поэтическомъ достоинствъ музыкальныхъ драмъ.

Перейдемъ къ явленію гораздо болье занимательному. На сценъитальянской оперы поставленъ Фрейцюцъ! Прежде всего надо замътить, что это факть чрезвычайно любонытный, какъ небывалый еще въ льтописяхъ итальянскаго репертуара. Эта диковинка могла случиться только у насъ или въ Лондонъ. Въ нъмецкихъ столицахъ вездъ есть своя нъмецкая оперная труппа, и итальянцы въ Вънъ, напримъръ, или въ Берлинъ, или въ Мюнхенъ, никогда не взялись бы за нъмецкую музыку. Въ Италін ее не любять, потому, что не знають, и не знають потому, что не любять. Въ Нарижъ chef-d'oeuvre Вебера являлся сперва (въ двадцатыхъ годахъ) на театръ Комической оперы, подъ именемъ «Robin des Bois», въ жалкой передълкъ Кастиль-Блаза; потомъ, въ слъдствіе стараній Берліоза (около сороковыхъ годовъ), на сценъ Grand-Орега, и какъ условія этого театра требують въ оперв непремънно речитативовъ и танцевъ, то были придъланы речитативы самимъ Берліозомъ, вставлены и танцы (!) (кажется, въ 3-мъ дъйствін, послъ хора охотниковъ, не считая вальса крестьянъ въ 1-мъ). Французы не могутъ взять чужое произведение, чтобъ не исковеркать его по своему.

Они поправляли и Шекспира и Моцарта (Донъ-Жуанъ явился въ пяти дъйствіяхъ!) Волшебная флейта, подъ именемъ Mystères d'Isis и совершенно обезображенная нелъпъйшей передълкой, и Фрейщодъ, конечно, не могъ изобргнуть этой роковой участи, чтобъ позабавить парижскую публику. Но при строгомъ разграничении опервыхъ театровъ въ Парижъ (Grand Opera, Opera comique, les Italiens) итальянская труппа, постоянно им'вющая свой сезонь въ Парижъ, въ продолжение столькихъ лътъ, никогда не забъгала во владъние чужаго репертуара. Ни Робертъ, ни Гвельфы, ни Осада Гента, ни всъ прочія оперы, написанныя на французскій тексть и для театра Большой оперы, инкогда не исполнялись въ Парижъ «птальящами»: они тамъ ограничиваются своими родными операми, и, правду сказать, отлично дёлаютъ. Итальянское либретто вызываетъ итальянскую музыку, итальянская музыка требуетъ итальянскихъ итвиовъ: все въ согласіи, все другъ другу помогаетъ, всъ у себя дома, въ своей тарелкъ. Въ Вънъ и Берлинъ итальянцы также не измъняютъ своему репертуару, потому что и надобности въ томъ не предстоитъ. На театрахъ ивмецкой оперы рецертуаръ самый общирный. Нъмецкіе артисты поютъ все на свъть: поютъ и Донъ-Жуана въ нъмецкомъ нереводъ (и съ діалогомъ), и опера эта до такой степени популярна вездѣ въ Германіи въ этомъ видѣ, что есть много нѣмцевъ, которые вѣрить не хотятъ, чтобы ux zДонъ-Жуанъ былъ написанъ ихъ Моцартомъ «на слова птальянскія»; поють, кром'в своиль романическихъ и комическихъ оперъ, и Спонтини, и Глука, и Керубини, и Мегюля, и Боальдьё, и Обера, и Мейербера, и Галеви, и Россиии, и Беллини, и Верди, и Донизетти, e tutti quanti, и все это въ нъмецкомъ переводъ и, по возможности, безъ речитативовъ (т. е. recitatiw non stromentali, secchi замъняются у нихъ разговоромъ въ прозъ, а прочіе речитативы, оркестрованные, остаются, конечно, безъ измѣненія, хотя жестоко теряють отъ неловкихъ переводовъ). При такомъ порядкъ дълъ ясно, что только у насъ въ Петербургъ, за неимѣніемъ нѣмецкой оперы и при полу-существованіи русской оперной трушны, итальянские артисты обязаны итть репертуаръ самый разнообразный, обязаны пъть, кромъ музыки своихъ ительянскихъ композиторовъ, и оперы Мейербера вовсе не въ ихъ духъ, не въ ихъ школъ, по-просту не для нижь написанныя; покушались пъть и «Фенеллу» Обера, а теперь поютъ Вебера, котораго музыка, по своему чисто-ивмецкому характеру, ръшительный антиподъ итальянскимъ операмъ.

Ужъ если въ операхъ Моцарта, въ знаменитой партіи доны Анны, напримъръ, Джулія Гризи частенько жаловалась на неблагодарность этой итмецкой (?) музыки, если въ операхъ Мейербера (всего больше

въ Робертв) очень замѣтно, какъ неловко итальянскимъ пѣвцамъ въ этихъ непривычныхъ для нихъ, *чумсихъ* музыкальныхъ формахъ (Мейерберъ держится вездѣ, и очень строго, декламаціи французской), то уже папередъ ясно было для всѣхъ смыслящихъ толкъ, что нашей итальянской труппѣ, хотя отлично составленной и богатѣйшей въ свътѣ, едва ли совладѣть, какъ слѣдуетъ, съ музыкой Вебера. Такъ и вышло.

Всъ истинные любители музыки въ Петербургъ, безъ сомитнія, чрезвычайно обязаны благой мысли дирекціи увеличить репертуаръ сезона— «Волшебнымъ Стрълкомъ»; тъмъ не менъе, эти же самые любители, особенно тъ изъ нихъ, которые хорошо помнятъ итмецкую петербургскую труппу съ Брейтингомъ, Ферзингомъ, и т. д., или тъ, которымъ удалось слышать Фрейшюца за границей, напримъръ въ Дрезденъ, не могли не вздохнуть тяжело, сличая нынъшнія свои впечатлъпія съ прежними, однимъ словомъ: исполненіе Фрейшюца итальянцами очень неудовлетворительно, что и въ порядкъ вещей.

Правда, опера тщательно разучена, обставлена лучшими голосами, (такъ что, напримъръ, маленькую роль Киліана взялъ на себя г. Тальяфико, и такую же небольшую партію пустынника поетъ г. Лаблашъ),—при всемъ томъ, опера идетъ какъ-то холодно, безжизненно, и общее вречатлъніе чрезвычайно далеко отъ того, котораго желалъ Веберъ и которое ясно въ идеалъ для всъхъ, хорошо понимающихъ эту оперу, одну изъ лучшихъ въ свътъ, особенно по совершенному равновъсію музыки и сюжета.

Бъда съ этими операми, такъ близкими къ идеальному совершенству! Когда и гдъ удается имъ быть исполненными, осуществленными на сценъ такъ, чтобъ исполнене было въ полномъ согласія съ партитурою, съ мыслію автора? Операмъ Моцарта, напримъръ, такое счастіе не достается ръшительно никогда! Нъмецкіе артисты, по большей части, при всей добросовъстности своей и любви къ созданіямъ Моцарта, не отличные мастера въ самомъ пъніи, въ техникъ вокальной, то-есть, по-просту, не умъютъ хорошо распоряжаться средствами своего голоса, а пъвуны-итальянцы слишкомъ далеки отъ тонкихъ намъреній Моцартовой музыки, которые для нихъ вообще не симпатичны.

Веберъ, нъмецъ по рожденію, по воспитанію и по всей натуръ своего таланта, оперы свои писалъ для Германіи, для пъвцовъ нюмецькихъ. Значитъ, отличнаго исполненія оперъ этихъ можно требовать только на нъмецкихъ сценахъ. Въроятно, въ Дрезденъ, гдъ Фрейшюцъ былъ поставленъ на сцену въ первый разъ (въ 1821), когда самъ композиторъ дирижировалъ оркестромъ, еще до-сихъ-поръ, по преданію, сохранились всъ подробности постановки и исполненія (темпы, оттънка

и т. д.), Тамъ, въ сосъдствъ Богемін, эта опера, съ богемскимъ сюжетомъ, богемскими нравами, богемскою музыкальностью, созръда въ поэтической головъ Вебера, тамъ она должна была возбудить сочувствіе всъхъ и каждаго, сдълаться народною, популярною въ высшей степени, сдълаться любимицею всъхъ безъ исключенія пъвцовъ, любящихъ музыку; а какой же итмець не любить музыки?

Успъхъ Фрейниона скоро сдълался всесвътнымъ; при истинныхъ и огромныхъ достоинствахъ этой оперы иначе и быть не могло; но есть большая разница-на сколько эта опера нравилась на своей родинъ и, напримъръ, во Франціи, или у насъ въ Россіи. Основа оперы богемская народная сказка, для насъ чужая, и превращается въ болбе или менъе удачный фантастическій вымысель; эта лъсная жизнь, съ своею таинственною поэзією; эти л'єсистыя горы, непроходимыя дебри, эти темныя трущобы между высокихъ, суровыхъ скалъ, все житье-бытье цалаго народа охотниковъ, егерей, ихъ привычки, ихъ поварья, все это едва знакомо намъ по описаніямъ, а съ 20-хъ годовъ всего больше, именно по случаю оперы «Волшебный стралокъ или седьмая пуля». Сюжеть оперы правится намь, музыка пась восхищаеть; но не вызывается въ душт ни мальйшаго отклика чего-нибудь роднаго, не затрогиваетъ привычныхъ, близкихъ сердцу воспоминаній, - а воспоминаніе одинъ изъ сильнійшихъ рычаговъ музыки! тогда какъ для німцевъ, (особенно для богемцевъ, саксонцевъ) тутъ на каждомъ шагу свое, родное, и на сценъ, и въ музыкъ, столько же знакомое съ дътства, какъ намъ, напримъръ, напъвъ «Лучинушки» или «Камаринскаго». .

Вотъ почему и итальянскимъ исполнителямъ необыкновенно трудно, чтобъ не сказать невозможно, сколько – вибудь върно передать характеръ этой оперы, насквозь проникнутой мистинымъ, богемскимъ колоритомъ. Это все равно, что отъ труппы пъвцовъ не русскихъ требовать пдеально совершеннаго исполненія оперы «Жизнь за Царя».

Притомъ еще надобно замѣтить, что опера «Фрейщюцъ», въ цѣломъ своемъ поворотѣ, нисколько не подходитъ подъ привычки итальянцевъ, а птальянцы въ музыкѣ вообще совершенные рабы привычки, рутины. Имъ пзвѣстны и симпатичны только два рода оперъ: комическій (Opera buffa), граничащій съ фарсомъ, и серьезный (tragedia lirica, melodramma), съ ходульными трагическими эфектами, въ тѣхъ и другихъ операхъ непремѣнно речитативы. Опера Вебера, задуманная по привычкамъ нѣмецкимъ, рѣшительно виѣ этихъ итальянскихъ рубрикъ. Она нисколько не комическая, но столько же и не серьезная, въ смыслѣ птальянскомъ, то есть, нисколько не ходульная. Характеръ средній (mezzo carattere) съ примѣсью чисто - германскаго романтизма и чисто

германской сантиментальности для нихъ tema incognita. Итальянцамъ здісь негді друачиться, забавлять публику уморительными выходками буффонства, имъ однимъ свойственнаго, но негдъ и приходить въ своего рода «пафосъ», очень условный, очень мелодраматическій, безъ котораго они просто не знають, какъ сладить съ музыкальными фразами не комическими, не знають, гдв помъстить свою неизовжную, долгодолго протянутую нотку передъ окончательнымъ паденіемъ фразы, нотку, обыкновенно сопровождаемую дегонькимъ перекачиваньемъ головы п всего тёла изъ стороны въ сторону... Какая же для нихъ опера, когда въ ней всего этого и въ поминъ нътъ! Я сказалъ уже, что итальянскимъ исполнителямъ до крайности трудно уловить «средній» характеръ музыки (mezzo-carattere, какъ и въ Донъ-Жуанъ, напримъръ). Вся опера Вебера, требующая самой натуральной простоты, наивности выраженія, вся проникнутая задушевностью и тапиственностію простонародной легенды, выходить на итальянской сцень какъ-то некстати величавою, некстати чинною, важною и фешенебельною...

Холодности общаго впечатленія усердно помогають речитативы Берліоза. Они придъланы имъ, какъ я сказалъ, для Парижа, слъдовательно подъ французскіе стихи, подъ французскую просодію и въ просодін итальянской очень неловко приходятся, ужъ не говоря о томъ, что вообще крайне неудобны для голосовъ. Наконецъ, вся эта «придълка» значительно искажаеть, уродуеть создание Вебера, но делать было нечего: опера безъ сплошныхъ речитатировъ не можетъ быть дана на итальянской сценъ. Въ Лондонъ, изъ такой же необходимости, обезобразили речитативами «Фиделіо» и «Волшебную Флейту». Какой то канельмейстеръ, безъ дальнихъ околичностей, положилъ свою цеховую лапу на Бетховена и Моцарта! Надъ Фрейшюцомь трудился, по-крайней-мъръ, Берліозъ, человъкъ съ огромнымъ дарованіемъ (хотя не для оперъ) и трудился все-таки съ толкомъ, соп атоге, потому что влюбился въ музыку Вебера. Вь инструментовкъ Берліозовыхъ речитативовъ встръчаются намъренія очень умныя, иногда очень кстати подведены фразы, почеринутыя изъ самой музыки Фрейшюца, но все это далеко не Веберъ, и, еслибъ было и удачиве, уже потому нехорошо, что опера задумана безъ речитативовъ.

Держаться какъ можно точнъе мысли автора, конечно, первъйшее условіе и для всей ностановки оперы. На такомъ основаніи, хотя вопреки мижню очень многихъ, никакъ не могу восхищаться декораціей, которую вновь написалъ г. Роллеръ для «Волчьей долины.» Вся сцена «Волчьей долины» чуть ли не самая важная по ходу пьесы, и потому, да позволено будетъ миж остановиться на ней подольше.

Листь очень остроумно замѣтилъ (въ одной статьѣ нѣмецкаго музыкальнаго журнала), что по-крайней-мѣрѣ половиной своего громаднаго и всесвѣтнаго усиѣха Фрейшюцъ обязанъ—совъ. Это шутка, которую, конечно, никто не приметъ буквально; но правды тутъ много
въ томъ отношеніи, что «ужасы и страхи», при таинственномъ литьѣ
заколдованныхъ пуль, филивъ съ своими свѣтящимися глазами и вси
эта фантасмагорія и чертовщина составляла, да пожалуй и теперь составляетъ, главную приманку для очень многихъ, особенно нѣсколько
равнодушныхъ къ музыкальнымъ достопиствамъ оперы. Бывали же примѣры, что на маленькихъ провинціальныхъ театрахъ Германіи давали
Фрейшюца «безъ музыки», чтобъ только насладиться ужасами «Волчьей
долины»; но ужъ, конечно, нигдѣ на свѣтѣ не давали этой оперы
публично, съ пропускомъ фантастической сцены.

Этотъ финаль втораго акта — мастерское произведение со стороны оригинальныхъ подробностей музыки, и Веберъ является въ нихъ однимъ изъ величайшихъ «пейзажистовъ» между композиторами. (Другіе великіе музыкальные пейзажисты: Глукъ, Гайднъ и Бетховенъ).

Съ первыхъ звуковъ этого мрачнаго, таниственнаго tremolo скриновъ будто пахнетъ на васъ сыростью глубокаго, лъснаго ущелья. Суровая, дикая мъстность, полуозаренная луною, которая скоро и совсъмъ скрывается за грозными тяжелыми тучами; старые, полуобнаженные деревья громоздятся одно возл'в другаго у подошвы крутыхъ, поросшихъ мхомъ утесовъ, на сучьяхъ, протянутыхъ другъ къ другу какъ будто лапы исполинскихъ чудовищъ, и черными силуэтами рисующихся на тускломъ небъ, дремлють ночныя птицы, вдали чуть слышно шумитъ горный потокъ. Когда Каспаръ приступаетъ къ литью пуль, когда раздается его голосъ «одна, двф!» вся эта дремлющая трущоба какъ-будто оживаетъ — скалы преклоняются, повторяя слова Каспара, птицы стрепенулись, полетали, иныя подстли поближе къ огию и раздувають его размахомъ крыльевъ; при каждомъ дальнъйшемъ возгласъ Каспара изъ-за скаль, изъ расщелинь, между деревъ, появляются незваные свидътели ночнаго колдовства, потревоженные въ своемъ логовищъ; призраки эти принимаютъ болъе и болъе адекій характеръ, между тімь и тучи сдвинулись, загрохоталь громь, зашуміла буря. богемская горная буря! свиръный вихрь съ трескомъ ломаетъ вътви. вырываеть съ корнемъ столътнія деревья, скалы колеблются, все валится, рушится, и послъ седьмой пули, среди этого хаоса появляется торжествующимъ властелиномъ-Саміэль!

Всъ эти поэтическія намъренія, буквально обозначенныя въ текстъ оперы, обрисованы Веберомъ съ изумительною пластичностью и поэзіею не-

подражаемою, которая, при върной и живописной постановкъ, оставляетъ далеко за собою всъ ухищренія фантастическихъ ужасовъ въ Робертъ. Но надо замътить, что вся поэзія этой сцены въ чрезвычайной зависимости отъ внъшняго театральнаго эфекта, то есть, именно отъ подробностей постановки: если она сколько-инбудь въ разладъ съ музыкой, если мы въ оркестръ слышимъ одно, а на сценъ видимъ что-то совсъмъ другое, все очарованіе безвозвратно исчезаетъ и вмъсто поэтической, увлекательной картины, передъ нами какое-то равнодушное чередованіе разныхъ болье или менъе затъйливыхъ декораторскихъ штукъ, занимательныхъ развъ для дътей или для какого-нибудь провинціала, сроду невидавшаго чудесъ столичной оперы.

Новая декорація «Волчьей долины», безъ сомитнія, очень красива. живописна. Лунный свъть на отдаленныхъ горахъ, сосны, силуэтомъ рисующіяся на синемъ небъ, впереди, почти на аван-сценъ, безподобно сдъланный водопадъ (изъ настоящей воды), все это, конечно, прелестно, но въ этомъ-то, по моему мнению, и вина этой декораціи. Она слишкомъ прелестна, слишкомъ граціозна, мила, это романтическая долина, un vallon romantique, а никакъ не страшная лъсная трущоба, furcthbare Waldsschlucht, какъ у Кинда (либреттиста) и у Вебера. Такой бархатный лунный свъть, такой великолъпный, серебристый водопадъ годатся скоръе въ сады Армиды, нежели въ грозный притонъ «Чернаго охотника». Какъ хотите, а никакая прелесть для глазъ не должна подкупить нашего суда на счетъ «правдивости» впечатленія. Въ драматическомъ искусстве и во всемъ, что съ нимъ связано, одной красоты мало; надо, чтобъ она была кстати, чтобъ при красоть была и правда. Представимь себь, напримъръ, декорацію великольньыйшихь царскихь чертоговь, какую-нибудь длинную галлерею роскошныхъ покоевъ, также магически написанныхъ и освъщенныхъ, какъ декорація втораго акта въ Зора, — мы будемъ нёжить глаза этою высокою степенью перспективнаго искусства, но, вм'ясто очарованія, эта же самая декорація будеть колоть глаза, будеть невыносимо-непріятна, если ее намъ дадутъ наприм'єръ тамъ, гдв сцена требуетъ крестьянской избы. Такую напвность я прибавиль для поясненія моего митнін насчеть новой декораціи «Волчьей долины», потому что, какъ я замътилъ, очень многіе безусловно ею восхищаются. А по моему, лучше бы не такъ великолъпно, да поближе къ дълу. Въ этомъ отношенін, незатъйливая декорація «Волчьей долины» на сценъ Александринскаго театра (когда даетъ «Волшебнаго Стрълка» русская оперная труппа) несравненно удовлетворительные; тымь болые, что тамы можно безпрепятственно вслушиваться въ красоты Веберовскаго оркестра; а у итальянцевъ шумъ водопада совершенно заглушаетъ музыку, въ тъхъ мъстахъ, гдъ у Вебера «piano» или pianissimo». Въроятно, по этой же причинъ г. капельмейстеръ Бавери допустилъ нъкоторыя измъненія въ оркестръ фантастической сцены.

И такъ поступають съ Веберской музыкою, гдъ глубоко разсчитана малъйшая акустическая подробность!

Если, при нынъшней постановкъ Фрейшюца, общее внечатлъние отъ «Волчьей долины» въ разладъ съ намъреніями авторовъ, то не больше въ ладу съ ними и подробности сцелы, т. е. сами фантастическія явленія. Въ нихъ нътъ требуемаго смысломъ пьесы нарастанія занимательности, потому что «дикая охота» (die wilde Jagd), появляющаяся при шестой пуль, т. е. передъ самою развязкою сцены, какъ нарочно, вышла совершенно неудачно. Тутъ надобно, чтобъ въ воздухъ неслись страшные, фантасмагорические призраки охотниковъ, верхомъ на скелетахъ, стан адскихъ собакъ, которыхъ лай слышенъ въ музыкъ, скелеты разныхъ лъсныхъ звърей, и все это подъ такть, въ кадансъ ръзко-ритмованныхъ роговъ въ оркестръ, слитыхъ Веберомъ въ истинно-адскую гармонію. Вивсто всего этого, въ глубнив сцены мелькають черезъ-чуръ мелко нарисованныя фигурки въдьмъ верхомъ на метлахъ, и прочія принадлежности шабаша изъ Фауста (!); дробныя, нелізныя фигурки эти чуть-чуть ползуть по небу, и неровнымъ, медленнымъ движеніемъ нисколько не соотвътствують дикой, порывистой музыкъ.

Вотъ главнъйшіе промахи постановки этой сцены; чтобъ не упоминать о томъ, напримъръ, зачъмъ нътъ полета птицъ черезъ сцену, полета безподобно обрисованнаго музыкою (послъ первой пули), зачъмъ дикій кабанъ съ какимъ-то краснымъ фонарикомъ на носу, такъ не натурально галопируетъ, опать безъ малъйшаго отношенія къ ритму музыки, которая живо рисуетъ движеніе кабана; зачъмъ... да, вирочемъ, довольно, не все же объ одной «Волчьей долинъ» толковать.

Отъ неудовлетворительности новой декораціи (кромѣ «Волчьей долины» прочія не новыя и даже не подновлены), перейдемъ опять къ неудовлетворительности самаго исполненія. Фрейшюцъ поставленъ для бенефиса г-жи Лаблашъ де-Мерикъ. Бенефиціантка взяла на себя роль Анеты. Надо замѣтить, что кромѣ высказанныхъ мною общихъ причинъ, почему музыка Вебера не можетъ быть какъ слѣдуетъ исполнена итальянскими пѣвцами, здѣсь была и другая преграда сколько-нибудь хорошему исполненію. Партія Анеты (также какъ и Агаты) написана для высокаго звонкаго сопрано и, слѣдовательно, нисколько не по средствамъ голоса г-жи де-Мерикъ (низкій техго-зоргано, почти контральтъ). Пришлось транспонировать музыку (перекладывать ее то на полтора, то на два

тона ниже), а всякое транспонированіе непремінно искажаеть оригиналь, тімъ болье въ музыкт Вебера, такъ тісно, неразрывно связанной съ намітреніями оркестрными; оттого знаменитое соло альта, напримітрь (въ аріи Анеты, въ 3-мъ акті) при переложеніи терціей ниже (изъ Es въ C), потеряло почти весь характерь, весь эфекть. Такъ и въ другихъ містахъ.

Г-жа де-Лагранжъ исполнила роль Агаты очень отчетливо, не прибавила къ Веберовой музыкъ ни одной нотки, въ видъ украшения (не удивительно ли это?), пъла съ выражениемъ, даже съ простотою, но, конечно, все-таки далеко не была «настоящей» Агатой (не могу не замътить, что костюмы Агаты и Анеты черезъ-чуръ пышны въ сравненіи съ тъмъ, чего требовала пьеса), какой бывала, напримъръ, Зонтагъ! Впрочемъ, и за то спасибо.

Г. Тамберликъ также не исказилъ своей партін, кромѣ небольшаго грѣшка, маленькой каденцы, очень неудачно вставленной въ арію Макса (въ 1-мъ дѣйствіи). Но опять-таки, не говоря объ общемъ характерѣ этой роли, почти педоступномъ пѣвцу итальянскому, объ недостаткѣ игры, которая здѣсь такъ важна, постоянное дрожание голоса (vibrato, tremolo), которое такъ любитъ г. Тамберликъ, въ Веберовой музыкѣ было очень не на мѣстѣ, выходило непріятно, даже карикатурно.

Но вообще, всё эти три роли (изъ четырехъ главныхъ), были выполнены еще очень удовлетворительно. Роль Каспара была исполнена господиномъ Дидо. Каспаръ—негодяй, гуляка, отчаянный малый, истинный Teufelskerl, притомъ коварный и злой, — у г. Дидо обратился въ какого-то серьознаго, важнаго, величаваго жреца—въ родё Оровеза или Зора!

Еслибъ не отсутствие игры, самый голосъ г. Дидо не дуренъ, хотя принадлежитъ къ той породъ басовъ, которую нъмцы прозвали: «Strohbass» — соломенный басъ. Недостатокъ полноты звучности въ немъ очень ощутителенъ, хотя діаназонъ великъ и силы достаточно. Всего яснъе эти недостатки выступаютъ при сосъдствъ голоса г. Лаблаша.

Вотъ голосъ, такъ голосъ! Припомните, что роль пустынника въ Фрейшюцѣ очень мала, но и тутъ голосъ г. Лаблаша, какъ вездѣ, удивительно на мѣстѣ и дѣйствуетъ очаровательно! Какъ густой, но ясный, полно-звучный колоколъ разомъ покрываетъ, смиряетъ весь разнородный шумъ на улицахъ многолюднаго города; можетъ быть еще шумъ этотъ и продолжается, а кажется будто его ужъ никогда и не бывало, одинъ колоколъ раздается въ своемъ могуществѣ: таковъ эфектъ голоса этого маститаго старца въ финалѣ Фрейшюца. Эта послъдняя при-

мирительная сцена удивительно вънчаеть собою пьесу, точно заключительный ясный аккордь разръшаеть всъ диссонансы, сгустившеся въ предпослъдднихъ звукахъ. И голосъ г. Лаблаша какъ будто созданъ для этой всепримиряющей, всеуснокоивающей гармоніи...

Такова сила истиннаго таланта—быть вездю на мѣстѣ, вездю скрасить собою общее внечатлѣніе, придать особенную важность своей партін, какъ бы она ни казалась мала и малозначительна, однимъ словомъ, превратить въ золото все, къ чему ни прикоснется. Грустно, что такъ немного на свѣтѣ Лаблашей! Еслибъ появлялось побольше такихъ артистовъ, какъ г. Лаблашъ, какъ Віардо, какъ теноръ Роже́, какъ была Зонтагъ, исчезло бы предубъжденіе, что опера можетъ обходитьси безъ глубоко-обдуманной, оконченной, выработанной драматической игры. Мало того, исчезла бы бездна, которая, на горе наше, и до-сихъ-поръ зінетъ между итальянскими итвидами и нѣмецкой музыкой, между нѣмецкими или французскими исполнителями и итальянской музыкой; исчезла бы наконецъ эта разрозненность школь и стилей, ни къ чему не ведущая, и музыка стала бы вполнъ, чѣмъ должна сдѣлаться со временемъ—искусствомъ, независимымъ отъ мѣста и времени, искусствомъ космополитнымъ...

Не повърите, какъ досадно мит иногда становится на самого себи за мою серьозность! Ну, кстати ли въ Музыкальной Хроникъ, которая все-таки принадлежитъ къ породъ фельетоновъ, кстати ли затрогивать дъльные вопросы исторіи и философіи искусства?

Но, чтожъ дълать! не всъмъ данъ талантъ забавлять читателей мильми шуточками и прибауточками, по слъдамъ французовъ! Чувствую, что у меня никогда не будетъ этого «un certain je ne sais quoi», этого шику фельетониста, шику, которымъ такъ щедро надълены другіе наши музыкальные рецензенты; чувствую это живо и потому отказываюсь щеголять передъ вами качествами, въ которыхъ мнъ природа отказала. Особенно силенъ во мит — каюсь чистосердечно! — недостатокъ того качества, которое, по мнъню г. Улыбышева (и его послъдователей, конечно), составляетъ первышее условіе для музыкальнаго критика; качество это: эксивость воображенія, фантазіи. Что хотите дълайте со мной, никакъ не могу увидъть въ разбираемой музыкъ такихъ диковинокъ, которыя какъ день ясны для счастливцевъ, одаренныхъ недостающимъ мнъ качествомъ.

Какъ-то давно еще, при разборъ Моцартоза Донъ-Жуана и новъркъ его партитуры съ книгой г. Улыбышева, мнъ уже случилось признаваться читателямъ Пантеона, что я въ драматической музыкъ умъю видъть только тъ намърснія, подъ которыми самъ композиторъ «en toutes lettres» подписаль свое истолкованіе, т. е. умёю видёть въ образцовыхь операхь полное согласіе музыки съ текстомъ и—ни на шагь дальше. Всё поэтическія созерцанія, романтическіе вымыслы, тонкіе тапиственные намеки—все это миї, за отсутствіемъ «творческой» фантазіи, рёшительно недоступно.

Вотъ вамъ, чтобы недалеко ходить за доказательствами, новое, свъженькое подтверждение этой горькой для меня истины.

Писаль я для васъ отчеть о Фрейшюць, исполненномъ итальянцами. Музыки этой оперы я касался только мимоходомъ, предполагая, что между читателями музыкальныхъ статей нъть ии одного, который бы не быль достаточно знакомъ съ лучшимъ произведеніемъ Вебера. Особенно не трогалъ я увертюры. Въ простотъ души, я думалъ до-сихъкакъ эта увертюра почти отъ ноты до ноты составлена изъ музыкальных мыслей самой оперы, повторенныхъ буквально, только съ дивнымъ, неподражаемымъ талантомъ связанныхъ въ одно поэтическое цълое, то разбирать ее значитъ только виться съ самой партитурой или съ свой памятью (если кто не обиженъ оною) и указать, къ какому положенію, которому изъ дъйствующихъ въ оперъ характеровъ относится то и другое мѣсто увертюры: это-Саміэль, это-Максъ, это-Каспаръ, это-Агата: вотъ и истолковано все значение ея. И дело кончено. Я до-сихъ-поръ былъ увъренъ, что эта повърка уже сдълалась сама собою для каждаго, кто любить-эту безподобную оперу и ся стройную и безподобную увертюру. Жестокая ошибка съ моей стороны!.. Пока я писаль свою нынъшнюю хронику, вотъ уже дважды появился въ публику (сперва по-французски, въ Journal de St-Pétersbourg, потомъ по-русски, въ Сѣверной Пчелѣ) разборъ увертюры Фрейшюца, сдъланный г Ростиславомъ. Значеніе увертюры истолковано имъ въ видѣ связнаго разсказа, цѣлый маленькій романъ, не безъ занимательности, и, главное, съ совстмъ новымъ воззрвніемъ на Веберову музыку. Можете представить себв мою радость: я думаль, что дёло уже давно порешено, что увертюру Фрейшюца всъ насквозь знають, что объ ней уже все высказано и толковать объ ней больше нечего, а теперь выходить, что мы вст должны ею вновь заняться, чтобъ насладиться ею съ точки зрвнія г. Ростислава!

Признаюсь вамъ и въ этомъ, что наслаждение это для меня еще не вполнъ доступно; я все еще не могу отступиться отъ прежнихъ своихъ идей, гдъ я всегда слъдовалъ «буквъ» автора; но я все забываю, что организація моя, въ отношеніи музыкальной критики, до крайности несчастлива, уродлива, во миъ ни капли нътъ «творческой фантазіи», а тутъ-то ее и спрашиваютъ, къ ней-то и адресуются! Какъ

это обидно!.. Между тъмъ, миъ хотълось бы вамъ сообщить коекакіе мои сомнінія, мон колебанія на счеть нікоторыхь подробностей Ростиславова разбора увертюры, туть другая бъда: дъло пойдеть о музыкъ самой, о такомъ или другомъ тактъ, такомъ или другомъ аккордъ; при отсутствін нотных в прим'тровъ, надо будеть приб'тать къ словеснымъ техническимъ объясненіяхъ... а этого я боюсь смертельно, въ видахъ состраданія къ публикъ. Вотъ г. Ростиславъ не боится; какъ нельзя смълъе начинаетъ каждую свою рецензію цълымъ арсеналомъ самыхъ страшныхъ техническихъ терминовъ; но меня всѣ эти «модуляціи, каденцы, миттельзацы на 1/2 аккордъ», и проч., и проч., просто въ дрожъ бросаютъ, когда я подумаю — о бъдныхъ нашихъ читателяхъ! Притомъ же, въ рецензіяхъ русско-французскихъ и французско-русскихъ технически-сухія подробности выкупаются «живостью фантазіи», а тамъ, гдъ ея нътъ, не должно быть мъста и техникъ. И такъ, съ большимъ прискорбіемъ долженъ отказаться отъ сообщенія вамъ всехъ монхъ колебаній, это повело бы слишкомъ далеко, да и какое вамъ діло до всего этого? Но позвольте допустить хоть одинъ небольшой примъръ, до какой степени оригинально и ново Ростиславово истолкование увертюры Фрейщюца. Вы помните ен вступленіе: адажіо для четырехъ роговъ, съ легкимъ аккомпаниментомъ скрипокъ. Адажіо это весьма похоже-по звукамъ роговъ, по тону и по всему повороту музыки-на ту часть терцета въ 1-мъ актъ, гдъ охотники утъщаютъ горюющаго товарища, Макса. Значитъ, въ началъ увертюры охотничья жизнь въ своемъ спокойствін и простодушін. Г. Ростиславъ нашель туть, кром'в этого «восходъ солнца» и видить, какимъ образомъ «охотники съ утра собираются на промысель». Гдв же намъ, лишеннымъ фантазін, увидъть все это? Далье, помните tremolo скрипокъ и глухов pizzicato контрабасовъ? Этотъ самый аккордъ, съ тою же самою оркестровкою, нота въ ноту повторяется въ трехо мъстахъ самой оперы, а именно: въ 1-мъ дъйствін, въ аріи Макса; во 2-мъ дъйствін, вскоръ посль начала сцены въ «Волчьей долинь», и въ 3-мъ акть, въ финаль, передъ смертью Каспара. Во всёхъ этихъ трежь мёстахъ, на сценъ является Саміэль; я и полагаль, въ простотъ души, что Веберъ этимъ мрачнымъ аккордомъ прямо обрисовалъ появление «чернаго охотника». Не туть-то было; вогь что значать эти звуки, два раза повторенные и въ увертюръ: приближение охотниковъ къ страшной Волчьей Долинь». За этимъ аккордомъ (въ оба раза, въ увертюръ) слъдуетъ жалобный речитативъ віолончелей; я объясняль себѣ это звуками, родственными аріямъ Макса, стономъ души его; но воть настоящее толкованіе: «тремоло увеличивается, модуляціи ділаются разнообразніве, но

солице выше и выше восходить на горизонть, чась привидений миноваль, охотники ободряются, смыло проникають вы ущелье... Каково? Воть что значить «творческая фантазія критика!» Завидный дарь! Ростиславь такь ясно видить мысль Вебера, что не обращаеть ни мальйшаго вниманія на легонькія противорьчія, въ такомъ родь, напримърь, что гдь въ его толкованіи Агата, въ партитурь Максь. Всь намъренія композитора разсказаны г. Ростиславомъ съ такою увъренностью и такимъ à plomb, что невозможно не довърять истолкователю безь дальныйшихъ справокъ. Помните, какъ въ «Тяжбь» Гороля: «симъ тетушка желаеть изъяснить»... и баста, безъ апелляціи! Зачьть, право, на пользу всьхъ нась, не пишеть г. Ростиславъ побольше такихъ ясныхъ комментаріевъ на образцовыя произведенія! Пора, чтобъ онъ всьмъ намъ глаза открыль!

Восхищеніе отъ разбора увертюры Фрейшюца да не помѣшаетъ инѣ, однакожъ, замѣтить автору этого мастерскаго разбора, что въ отчетѣ о бенефисѣ г. Лаблаша (въ Journal de St. Pétersbourg) онъ не совсѣмъ справедливъ къ г-жѣ Лагранжъ. Зачѣмъ упрекать ее въ томъ, что она исполнила очень граціозно польку талантливаго О. И. Дютча.» Пѣтъ польку среди оперы «Севильскій цирюльникъ!» Но, вѣдъ поется тамъ же мазурка Шульгофа, поется же вальсъ самой г-жи Лагранжъ (въ финалѣ Elisir); по порядку слѣдовала полька, а для полнаго цикла одинъ мой знакомый приготовляетъ въ такомъ же вкусѣ премиленькій галопъ (изданъ будетъ у Габлера).

Немножко несправедливъ г. Ростиславъ и къ г. Аполлинарію Контскому (о музыкальномъ вечеръ котораго упоминается въ Съв. Пчелъ № 12). Онъ хвалитъ новыя сочиненія его, но какъ-то слишкомъ холодно. Въ одной газетъ недавно было же напечатано, именно, объ одномъ изъ этихъ сочиненій, что здъсь г. Контскій «шагнуль съ земли примо на солице». Ужъ хвалить такъ хвалить!

- an addenting the second of t

The state of the s

AND THE RESIDENCE AND ASSESSED REPORTS OF THE PARTY OF TH

Manuficence of the second will be a second to the

общественная жизнь.

Разгаръ зимнихъ удовольствій. — Катальщики съ горъ въ маскерадныхъ костюмахъ. - Троичные побзды во вновь открытую Арендаторскую гостинницу. - Театральныя представленія. —Бенефисы: г. Мартынова: «Не такъ живи какъ хочется», драма Островскаго; «Незнакомые знакомцы», шутка г. Оникса; «Я знаю насквозь женшинъ», комедія, передъланная г. Востоковымъ. — «Подвигь матери», эпизодъ изъ отечественной войны, въ стихахъ, г. Миллера. — Бенефисъ г-жи Мила. — «La Comtesse du Tonneau», La ligne droite; «Un meri qui ronfle»; «Un bal en robe de chembre». — Опять маленькая Тетаръ и пъсни ея отца. — Русская тандовщица въ испанскихъ танцахъ и поэтому случаю опять нѣчто о настоящихъ испанскихъ танцовщикахъ. - Бенефисъ г-жи Іелла. - Несчастный случай съ нею. -Успъхъ воспитанницъ петербургскаго театральнаго училища. — Бенефисъ г-жи Делагранжъ. — Новая еще неслыханная въ Петербургъ опера Россини. — Бенеонсъ Н. В. Самойловой: «Русскіе въ 1854 году», драматическое представленіе въ двухъ актахъ; «Проъзжій женихъ». — «Останъ Дуля», народная малороссійская шутка съ пъснями и плясками, сочиненіе паробка Барвиненка. — Новая драма Александра Дюма и его посягательство на чужую литературную собственность. — Подарокъ г-жъ Андреяновой отъ воронежской публики. — Музыкальные слухи о Шульгофъ. -- Концертъ Филармоническаго Общества. -- Музыкальный вечеръ г. Контскаго. — Натуральный флейтисть въ Петербургъ. — Русскіе артисты за границею. - Замъчательная перепечатка первыхъ русскихъ въдомостей. - Первые два тома сочиненій А. С. Пушкина, изданные г. Анненковымъ. -- Біографически Словарь преподавателей московскаго университета. - Исторія этого Университета, С. П. Шевырева. - Гостинодворскій поэть. - Патріотическое стихотвореніе крестьянина Кругликова. — Поздравленіе русскаго народа съ Новымъ годомъ, г. Вердеревскаго.-Подвиги въ Крыму Сестеръ Милосердія.-Петербургскія моды,

Зимнія удовольствія въ настоящее время въ самомъ разгаръ. На масляниць, въ театрахъ и маскерадахъ бываетъ всегда тъсно, по улицамъ разъъзжаютъ красивыя тройки, которыхъ ныньший годъ больше обыкновеннаго и веселое общество, наскучивъ бывать все на одной Адмиралтейской Площади, подъ балаганами, отправляется въ Екатерингофъ, на Петровскій, въ Марьциу рощу, въ Монплезиръ, гдѣ устроены также ледяныя горы и притомъ еще съ вечернимъ освъщеніемъ. Во время святокъ нъкоторые весельчаки изъ многочисленнаго, но неизбраннаго общества этихъ загородныхъ увеселительныхъ мъстъ, пріъзжали кататься съ горъ даже въ маскерадныхъ костюмахъ, впрочемъ, безъ масокъ и врядъ ли табачные лавочные антрепренеры, одъвающіе своихъ покупателей въ испанцевъ, турокъ, дебардеровъ и арлекиновъ, остались довольны такимъ нововведеніемъ. Загородныя поъздки на трой-кахъ и пикники въ нынѣшнемъ году въ большой модъ, и теперь, кромъ

Средней Рогатки, которая всегда была главнымъ пунктомъ събздовъ, прибавилось еще одно мъсто—Арендаторская гостинница, недавно открытая на Петергофской дорогъ, за Сергіевской пустынью. Въ гостинницъ этой есть просторная зала, фортеньяно, отдъльныя комнаты, раздъленныя коридоромъ и потому очень удобныя для прібзжающихъ небольшими семействами. Въ ней всегда можно найти недорогой готовый объдъ, хорошія вина отъ Елисеева, опрятность и расторонную прислугу, не только мужскую, но даже и женскую, для дамъ.

Городскія развлеченія, большею частію, ограничиваются частными танцовальными вечерами и спектаклями русскими, балетными и оперными. Театры, благодаря бенефисамъ любимыхъ публикою артистовъ и заманчивому выбору названій пьесъ, были также постоянно полны. Особенно стеченіе публики было велико въ бенефисъ г. Мартынова. Весьма многимъ хотьлось видьть ньесу, о которой было такъ много толковъ, сочиненную авторомъ, возбудившимъ въ первое время столько надеждъ, къ сожальнію, не исполнившихся. Родъ, которымъ прославился г. Островскій, есть изображение купеческаго и простаго быта: всякій родъ хорошъ и можеть возбудить въ зрителяхъ интересъ, если основа драмы имъстъ нравственную цёль и если изображенныя лица вынуждають къ себф невольное сочувствіе, а въ этихъ-то двухъ условіяхъ и оказывается недостатокъ во всёхъ пьесахъ г. Островскаго. Онъ вёренъ только въ одномъ, именно въ томъ, что ни въ одномъ своемъ произведении авторъ не можеть обойтись безь какого-нибудь пьянчуги, а въ этой послъдней его драм'в онъ дошель въ нихъ даже до расточительности. Безъ вакхическихъ возліяній не обходится ни одинъ актъ, ни одна картина, и передъ зрителями является уже не одно, а четыре лица и въ томъ числѣ довушка, въ весьма нетрезвомъ состояніи. Правда, всѣ эти лица очень вѣрны сами себѣ наружно: они говорять своимъ особеннымъ языкомъ, отпускають свои поговорки и выдерживають свои обычаи; но эти поверхностныя достоинства не составляють еще цель искусства. Какой-то молодой купецъ гуляка и пьяница (№ 1-іі), лицо, незаключающее въ себъ ничего рельефиаго, влюбился въ дочь мъщанина, Дашу, увезъ ее отъ отца и матери и женился на ней; но вскоръ она ему надобла и онъ полюбиль другую дівушку, дочь содержательницы ностоялаго двора. Грушу. Увъряя ее, что онъ холостой, нравственный Петръ Ильичъ начинаеть за ней ухаживать. Даша, узнавь о такомъ поведении мужа, хочеть уже убхать къ матери и отцу, когда они, соскучившись объ ней, вдругъ сталкиваются на пути на постояломъ дворъ, гдъ живетъ сопериица обманутой купчихи. Отецъ Даши, мъщанинъ Агафонъ, простодушный старикъ, убъждаеть ее возвратиться къ мужу, говоря, что

долгъ жены заключается именно въ томъ, чтобъ переносить въ домашнемъ быту все, что въ немъ ни случится. Даша соглашается. Въ это время прітажаеть на постоялый дворь и мужь Даши; но Груша; узнавъ уже, что онъ женатъ, напивается пьяна и запрещаетъ ему являться къ ней на глаза. Купецъ тоже предается съ отчаннія пьянству и идеть къ колдуну, чтобъ чрезъ него приворожить къ себъ снова оттолкнувшее его сердце; но всв попытки и чары оказываются напрасными, и Петръ Ильичъ возвращается домой въ совершенномъ изступленіи. Предъ распаленнымъ его воображеніемъ встають какія-то привиденія, которыя зовуть его, и онь, повинуясь этимь голосамь, уходить ночью изъ дому. Онъ уже достигаетъ привиденія жены и ужъ подымаетъ надъ нимъ ножъ, какъ вдругъ раздается благовъстъ къ заутрени и безумный приходить въ себя; онъ видить себя надъ прорубью Москвы-ръки, въ которой непремънно погибъ бы при первомъ новомъ шагъ. Все это разсказываетъ купецъ самъ, Въ такую минуту пробуждается въ немъ христіанское чувство и онъ, помолившись, возвращается домой, падаеть предъ женою и всей семьей на кольна и даеть клятву перемънить свою жизнь. Не смотря на прекрасную обстановку и замізчательную игру участвовавшихъ въ драмъ, гг. Самойлова, Мартынова, Григорьева, Степанова, г-жъ Читау, Левкъевой и Линской, неудовлетворительный сюжеть этой пьесы сдълаль то, что она была принята холодно и, можно сказать утвердительно, если спаслась отъ совершеннаго наденія, такъ только отличнымъ ея исполнениемъ. Г-жа Читау и г. Мартыновъ были вызваны.

Если разобрать строго сюжеть этой драмы, то останется едва ли одно лицо, которое выдержано художественно. Гуляка и пьяница, мужъ Даши, ни сколько не рельефень; отецъ его, исчезающій со сцены еще въ первомъ дъйствін, совершенно не нуженъ въ пьесъ. Дана и Груша-лица очень мало интересующія, особенно Груша, дівушка черезь чурь пустая. Не нуженъ также ни къ чему кузнецъ Ерема, пьяница № 2, въроятно вставленный лишь для наполненія сцены большимь числомъ людей, роль котораго впрочемъ прекрасно сыгралъ г. Мартыновъ. Изъ второстепенныхъ лицъ пьесы художественно очерченъ авторомъ только купеческій сынокъ Ваня, простой, добрый, но слабый дѣтина. Словомъ, новая эта драма г. Островскаго, какъ-будто сшита «на живую нитку»; такъ въ ней перепутаны и не вяжутся между собою сцены, и только одно первое дъйствие довольно оживлено и проникнуто проблесками чувства; остальные два акта вялы, какъ нельзя болье, и во всей драмъ прекрасна и естественна только та сцена, въ которой Даша упрашиваетъ купеческаго сынка Васю сказать ей, кто отбиваетъ у нея сердце мужа. Видя, что немного-подгулявшій на масляниць кунчикъ (пьяный № 3-іі) колеблется, она напанваеть его до того, что тоть называеть ей ея мужа. Г-жа Читау, не смотря на свои немного разкія талодвиженія, безъ которыхъ эта талантливая артистка очень легко могла обойтись, сыграла эту сцену превосходно и была вызвана. Не менъе г-жи Читау заслужиль одобрение публики г. Зубовъ, игравний роль Васи безъ всякой утрировки, върно и естественно. При своемъ трудолюбін и искренней любви къ своему искусству, молодой артисть этотъ очень много объщаетъ въ будущемъ. Неудачнъе и оригинальные всъхъ прочихъ сценъ была та, когда Груша (молодая дъвушка!!), узнавъ, что Петръ Ильичъ обманулъ ее, созываетъ своихъ подругъ, начинаетъ съ горя также пить (пьяная № 4-й) и потомъ восклицаетъ съ неистовствомъ и очень чистосердечно: «Я пьяна!» Неудивительно послѣ этого, что эту странную роль г-жа Левкъева выполнила неудачно. Желательно, чтобъ г. Островскій хотя своими будущими произведеніями заставиль нашу публику забыть то непріятное впечатлівніе, которое оставила въ ней его новая пьеса.

За пьесой г. Островскаго представлена была шутка г. Оникса: «Незнакомые знакомцы», довольно не важная въ полномъ составъ, но замъчательная однимъ новымъ типомъ оборваннаго пройдохи, Егора Ермолаевича Дерюгина, человъка неопредъленнаго званія, просящаго пособія фразами самыми запутанными и отборными. Кому изъ насъ не случалось встръчать подобныхъ людей, съ ихъ неотвязчивостію и наглостію и съ ихъ въчными ссылками на многочисленныя нужды. порожденныя непредвиденными обстоятельствами, и на больное, огромное семейство. Просителя этого, безпрестанно являющагося на сцену, съ приподнятымъ картузомъ, и единственно оживляющаго всю пьесу, превосходно представиль г. Мартыновъ. Спектакль, псключая неизбъжный дивертисменть, окончился комедіей: «Я знаю насквозь женщинь», передъланной съ французскаго г. Востоковымъ, въ которой на Французскомъ театръ главныя роли принадлежали г. и г-жъ Алланъ; у насъ эти же самыя роли исполнили г. Мартыновъ и ужъ разумъется г-жа Орлова. Г. Мартыновъ, не смотря на то, что уже участвовалъ въ трехъ пьесахъ, исполниль, между тъмъ съ такимъ же искусствомъ и тщательностию роль мужа, который ничего невидя, что передъ нимъ дълается, воображаетъ себя однако же очень проницательнымъ въ жейскихъ дълахъ. О передълкъ самой пьесы на русскіе правы хорошаго сказать очень много нельзя, но это большею частію зависить оть самихъ французскихъ пьесъ: изъ сотни, ихъ едва ли одна можетъ получить русскій колоритъ.

Въ водевилъ г. Максимова 3-го: «Приключеніе наканунъ обрученія», сильно растянутомъ и довольно бъдномъ сюжетомъ и изобрътеніемъ, главную роль играла жена бенефиціанта, М. П. Мартынова (урожденная Шелихова). Любители Александринскаго театра помнятъ ее еще на сценъ дъвушкою, когда она въ особенности отличалась своимъ пріятнымъ голосомъ; но должно замътить, что въ настоящее время, не смотря на прекрасно спътые ею куплеты, роль наивной дъвушки не совсъмъ шла къ лицу этой, очень умной и даровитой актрисы.

Изъ пьесъ, поставленныхъ отдёльно отъ бенефисовъ, надо назвать патріотическую пьесу, въ стихахъ, г. Миллера, имя котораго въ первый разъ еще является на театральныхъ афишахъ. Пьеса эта, подъ названіемъ: «Подвигъ матери», написана плавными стихами, и очень напоминаетъ другую, также патріотическую пьесу г. Писемскаго: «Ветеранъ и новобранецъ». У Елены Павловны, вдовы одного генерала (г-жа Орлова), изъ трехъ сыновей дома остался только одинъ, семнадцати-лътній Ваня. который, только изъ сожальнія оставить старушку мать, одну-одинешеньку, не следуеть въ походъ за старшими братьями. У старой генеральши живеть жена втораго ея сына, Марья Александровна (г-жа Читау), въ ожиданіи возвращенія мужа. Женщины постоянно читаютъ газеты и узнаютъ изъ нихъ, что готовится огромная битва. Сердна ихъ начинають томиться печальнымъ предчувствиемъ, которое скоро оправдывается. Въ одинъ день прівзжаеть въ деревню старый дядька сыновей генеральши, Савельичь, возвратившійся изъ арміи. Объ женщины и Ваня осыпають его распросами; но старикъ какъ-то заминается, печаленъ и долго не открываетъ роковой истины, что господа его пали въ Бородинскомъ сражении, и вручаетъ при этомъ Ванюш'в шпагу старшаго брата, зав'вщанную ему «не на памать только, а какъ знакъ наследія». Ваня покрываеть ее поцелуями; между темъ приходять крестьяне и просятся въ ополчение. Елена Петровна, видя чувства, наполняющія душу ея последняго сына, благословляеть его въ походъ, не желая, чтобы про нее говорили добрые люди, будто она удерживаетъ его у себя изъ себялюбія, въ такую священную минуту для встхъ русскихъ. Вотъ и весь сюжетъ пьесы молодаго автора, оба акта которой очень удобно можно соединить въ одинъ, потомучто первое дъйствие есть ни что иное, какъ растянутое изложение того эпизода отечественной войны, который г. Миллеръ изобразилъ. А между-тъмъ, не смотря на неонытность автора, на растянутость пьесы и несоразмърность ея частей, г. Миллеръ мастерски воспользовался нъкоторыми сценами и въ особенности тою, гдъ мать узнаетъ о смерти

сына, а Марья Александровна — о кончинъ нъжно-любимаго мужа. Глубокое горе матери и отчаяние молодой жены, которая лишается чувствъ и потомъ разражается угрозами противъ виновника ея несчастія, Наполеона, постигнуты г. Миллеромъ какъ нельзя лучше. Г-жа Читау, въ этой сценъ показала себя замъчательною артисткой: такъ естественны были въ ея устахъ вопли отчаянія, такъ была сильно оживлена ея физіономія, и такъ глубоко поражали зрителей ея грудной голосъ и благородная поза. Въ этой сценъ, г-жа Читау превзошла самыя сильныя надежды публики на ея замъчательный талантъ. Недурно также сыграла роль матери г-жа Орлова, но и съ своимъ единственнымъ недостаткомъ, съ холодностію, между тъмъ, какъ нъкоторое увлеченіе было бы совершенно не лишнее. Г. Малышевъ (Ваня), игралъ съ жаромъ и увлеченіемъ, и заслужилъ всеобщую похвалу. Очень недуренъ былъ г. Бурдинъ, въ роли дядьки Савельича. Авторъ былъ вызванъ, равно какъ и всѣ актеры.

Талантливая актриса нашей французской трупны, г-жа Мила, поставила для своего бенефиса комедію-водевиль Теолона: «La Comtesse du Tonneau», написанную въ Парижъ для актрисы Дежазе и игранную на театръ Palais-гоуаl, въ 1837 году. Дъйствіе происходить въ 1765 году, въ царствование Лудовика XV. Штопальщица Жанета (г-жа Мила), двоюродная сестра извъстной въ то время графини Дюбарри, съ которою она витетт прітхала въ Парижъ изъ Лоррены, общей ихъ родины, влюблена въ молодаго солдата Лесперанса, который любить ее взаимно. Чтобы выхлопотать ему отпускъ, - Жанета берется исполнить поручение двоюроднаго брата графини, Дюваля, котораго графиня прежде любила. Она была съ нимъ даже въ нѣжной перепискъ, но потомъ, когда Дюваль сдвлался помехой въ исполнении ся плановъ, подвергла его необходимости принять вызовъ на дуэль. Получивъ на этомъ поединкъ смертельную рану, Дюваль успъль однакожъ передать. Жанетъ ящикъ, съ завътными для него письмами. Съ этимъ предсмертнымъ залогомъ является Жанета къ графинъ съ своею просьбой, но та принимаетъ ее надменно и угрожаетъ тюремнымъ заключеніемъ, если молодая д'ввушка осмълится кому-нибудь открыть ихъ родственныя отношенія. Напуганная штопальщица уходить, не сказавъ ни слова о ввѣренныхъ ей письмахъ и рашается на крайность. Она по предложению врага Дюбарри, виконта Лозёна, ръшается сама пграть, нъкоторое время, съ согласія своего жениха, роль знатной женщины. Такъ какъ молодая дъвушка занималась своимъ ремесломъ на улицъ, сидя на бочкъ, то и ръшили ее назвать графиней du Tonnéau (графиней Бочки), въ сравнение съ соперницей, графиней Дюбарри (du Baril-боченокъ, не переводимая игра словъ).

Въ маскерадъ Жанета, замаскированная азіяткой, начинаеть публично дѣлать сильные намеки на происхождение и любовную исторію своей двоюродной сестры, показываеть потомъ ей самой письма Дюваля, и гордая Дюбарри, поневолъ смиряется передъ штопальщицей и исполняетъ ея желанія. Въ ньесь этой, въ которой довольно много панія, г-жа Мила была необыкновенно мила; ее вызывали ифсколько разъ и бросили на сцену также нъсколько букетовъ. Г. Бондуа былъ тоже очень хорошъ въ роли влюбленнаго солдата Лесперанса. Второю пьесою была остроумная комедія Марка Фурнье: «La ligne droite (Прямой путь), и хотя она очень напоминаетъ комедію Коцебу: «Der grade Weg ist der beste» (Прямой путь лучшій), основанную почти на той же самой идев, но только гораздо выше ея въ литературномъ отношеніи, и по мастерству, съ какимъ ведена вся интрига. Въ этой комедіи играла г-жа Плесси, и умъла прекрасно выставить на первый планъ множество премилыхъ подробностей. Такъ какъ о нелъпомъ и неправдоподобномъ водевилъ «Un mari qui ronfle» сказать ровно нечего, то и перейдемъ прямо къ другому водевилю: «Un bal en robe de chambre (Балъ въ халатъ), главную роль въ которомъ исполнала маленькая Фелиція Тетаръ, объщающая быть со временемъ новою Леонтиною Фе, если только надежды, которыя теперь на нее полагають, не разрушатся отъ чего - нибудь непредвидъннаго. Водевиль этотъ, котораго сюжетъ довольно оригиналенъ, очень понравился публикъ Михайловскаго театра. У виконта Вергазана есть маленькая дочь Сесили; танцовальный учитель ея, вывихнувъ себъ ногу, шился чрезъ это на нъкоторое время своихъ уроковъ, а съ ними и вежув средствъ къ существованию. Напрасно сострадательная дъвочка упрашиваеть виконта помочь больному, давъ ему въ займы восемьсотъ франковъ, Вергазонъ остается глухъ къ ея просъбамъ. Сесили рашается тогда обойтись безъ его помощи и собрать нужное пособіе своими собственными средствами. Не думая много, она составляеть решительный плань, и однажды, въ одиннадцать часовъ вечера, когда старый Вергазонъ, надъвъ халатъ, ночной колпакъ и взявъ книгу, собирается вышить на ночь какой-то настой изъ цълебныхъ травъ и лечь въ постель, слуга вдругъ докладываетъ ему о прівздв барона Фонено съ супругою. За этими первыми поздними посттителями начинають сътажаться другіе гости, приглашенные на вечерь именно въ тотъ самый день. Увида хозянна въ халатъ, баронъ и баронесса приходять въ крайнее смущение, полагая, что они ошиблись числомъ; но записка, въ которой ясно опредъленъ именно четвергь, не оставляетъ въ нихъ никакого сомнънія. Въ пригласительной запискъ, кромъ обычнаго содержанія, добавлено еще, что каждый гость дол-

женъ заплатить при входъ пять франковъ за себя и два франка за свою даму. Эту кутерьму заварила Сесили, собравшая такимъ образомъ для своего танцовальнаго учителя всю нужную ей сумму. При всей своей неестественности, водевиль этотъ очень забавенъ, и маленькая Тетаръ исполнила свою роль съ большимъ знаніемъ дёла и, въ заключеніе, протанцовала Mila-mazurka, которую сочиниль для бенефиціантки дирижерь оркестра Михайловскаго театра, г. Жоссъ. Въ бенефисъ этомъ, кромъ того, г-жа Делагранжъ, Лаблашъ, Кальцолари и Дебассини исполнили нъсколько любимъйшихъ публикою нумеровъ изъ оперы «Любовный напитокъ», а Тетаръ спълъ небольшую, но уморительную пъсню, въ которой деревенскій парень жалуется на затруднительный выборъ между тремя деревенскими красавицами: Анной, Аннушкой и Анютой. Спектакль окончился блистательнымъ дивертисементомъ, подъ названіемъ L'étoile de la Grenade (Звъзда Гренады), составленномъ единственно изъ національных в характеристических в испанских в танцевь, которые вошли у насъ недавно въ такую моду съ прибытіемъ въ Петербургъ танцовщицы королевского мадритского театра, г-жи Иепы Варгасъ. Въ этихъ испанскихъ танцахъ заняла только въ тотъ вечеръ мъсто настоящей испанки, русская артистка нашей балетной труппы г-жа Петипа (урожденная Суровщикова), точно также, какъ и на нъмецкомъ театръ въ одномъ изъ водевилей танцуетъ испанские танцы измецкая артистка Луиза Элерсъ. Нельзя при этомъ не вспомнить опять о Пепъ Варгасъ. Мизнія о ея танцахъ разділились у насъ на два совершенно противоположныя. Одни приходять отъ нея въ полный восторгъ, другіе, напротивъ, упрекаютъ ее за чрезмърную пламенность движеній, за слишкомъ ръзкую вольность позъ и за то, что она, танцуя народные испанскіе танцы такъ, какъ они именно исполняются народомъ на улидахъ Гренады, Севильи и Мадрита, не заботится придать имъ той французской граціозности и разчитанной плавности, которыя наша публика привыкла видъть въ балетахъ, исполняемыхъ прекрасными петербургскими балетными артистами и артистками. Кто правъ и кто впадаетъ въ ложное суждение изъ этихъ двухъ партій, рѣшить трудно, потому, что о вкусахъ спорить невозможно, -это уже давно доказанная и неопровержимая истина. При этомъ можно заметить разве только одно, что всв южные танцы имфють главнымъ своимъ элементомъ выразительную живость, страсть и движеніе, показывающія кипучую кровь, следовательно, еслибъ Пена Варгасъ вздумала передавать намъ испанскіе танцы, облагороживая ихъ движенія, скрадывая мимику, независимую отъ театральныхъ сглаженныхъ формъ, она не могла

звать себя представительницею настоящих испанских танцевъ. Не говоря ничего ни рго, ни contra, мы съ своей стороны опредълимъ такъ танцы Пепы Варгасъ, которой портретъ прилагаемъ при этомъ, для иногородныхъ нашихъ читателей, не имъвшихъ возможности видъть ее лично:

Обнаженны грудь и плечи, Поступь чувственна, дика... Рвутся пламенныя ръчи У испанка съ языка...

А сколько есть такихъ любителей, которые именно только желаютъ видъть натуру, въ чемъ бы она ни проявлялась, такою, какъ она есть и существуетъ, безъ францувской поговорки l'art embelit la nature.

18 января быль въ Большомъ театръ бенефисъ артистки нашей балетной труппы, г-жи Іеллы, очень разнообразный и интересно составленный, потому что въ немъ, кромъ балетныхъ артистовъ, участвовали многіе лучшіе артисты и артистки французской и итальянской Въ немъ пъли гг. Дебассини, Марай и забавляли публику г-жа Мила, въ уморительной пьесъ «Un scandale» и г. Невиль въ водевиль «Les pironettes d'un vieux danseur». Къ общему сожальнію, замычательный бенефись этоть сопровождался, неожиданною для встхъ, печальною случайностію. За нъсколько времени до своего бенефиса, г-жа Гелла, при нечаянномъ паденін, ушибла себъ такъ сильно ногу, что съ большимъ трудомъ танцовала на репетиціи своего бенефиса. Напрасно уговаривали ее отложить представление: г-жа Гелла, не желая обмануть ожиданій публики, не согласилась, въ надеждъ, что до назначеннаго дня боль эта пройдетъ. Къ сожальнію, надежда эта не исполнилась, и едва только усибла она начать роль свою въ «Жизели», какъ больная нога ея подкосилась, и г-жа Гелла упала. Зрители, не знавшіе объ ел ушибъ, полагали, что она просто поскользнулась, но танцовщица лежала неподвижно и была вынесена на рукахъ за кулисы. Тогда въ театръ раздался говоръ участія, говорили, что она переломила себъ ногу. Артистъ французскаго театра, г. Дешанъ, которому приходилось играть въ следующей пьесе, объясниль публике настоящую причину этого паденія, прося снисхожденія къ артисткъ. Это было совершенно лишнимъ, потому что наша публика никогда не имбетъ привычки острить и смвяться не только надъ чымъ-нибудь несчастіемъ, но даже и надъ невольною неудачею ближняго. Не смотря на сильную боль, г-жа Іелла

снова явилась мучить себя, чтобъ не оставаться въ долгу предъ посътителями, и снова больная нога измънила ей. Впрочемъ, не смотря на всъ, каждому понятныя страданія, бенефиціантка прекрасно исполнила въ дивертисементъ, слъдовавшемъ за оперой «Pas de seduction» изъ балета «Сатанилла» и комическую «Редову», и на другой же день отъ чрезвычайныхъ усилій слегла въ постель. Не нужно бы кажется и дополнять, что публика, понявъ такую добросовъстность, громкими рукоплесканіями проводили ее со сцены.

Въ бенефисъ этомъ были осыпаны также громкими рукоплесканіями воспитанницы Императорскаго театральнаго училища, танцовавшія «Pas des fleurs». Изъ этихъ маленькихъ артистокъ особенно обращали на себя вниманіе: Лядова, Кошева, Савренская и, преимущественно, Муравьева.

27 инваря данъ былъ бенефисъ любимицы петербургской публики, г-жи Делагранжъ. Онъ состоялъ изъ неслыханной еще въ нашей столицъ оперы Россиии «Matilde de Chabran ou Corradino-coeur de fer» (Матильда де-Шабранъ, или Коррадино—желъзное сердце), и изъ втораго акта оперы «Гвельфы и Гиббелины». Въ бенефисъ этомъ участвовала почти вся наша итальянская труппа. Новая опера Россиии привлекла въ театръ огромиую массу публики, и г-жа Делагранжъ опочила въ тотъ вечеръ на новыхъ лаврахъ.

Вслідь за этимь бенефисомъ, на другой же день, въ Александринскомъ театрів дано было представленіе въ пользу Н. В. Самойловой. Была поставлена пьеса «Русскіе въ 1854 году», драматическое представленіе въ двухъ дійствіяхъ и четырехъ картинахъ. Бенефиціантка пропіла въ первый разъ на польскомъ языкъ мазурку «Эхо бала», музыка на которую сочинена г. Кажинскимъ; посліт драмы шла комедія «Пробізжій женихъ», г. Рогаченко, и наконецъ малороссійская оперетка «Остапъ Дуля, або женихъ съ гарбузою», сочиненіе Барвиненко; въ этой ньест г-жа Самойлова пропіла въ первый разъ «Казацкую думку», соч. г. Кажинскаго. Объ этомъ спектакліт, въ которомъ участвовала г-жа Делагранжъ, а В. В. Самойловъ пітлъ новыя слова на свой «Плачъ Чухонца», при живой картинт «Чухонецъ на морть», мы поговоримъ съ требуемою подробностію въ будущемъ фельстопт.

46 января, на Французскомъ театръ шла новая драма Александра Дюма «La Conscience», очень эфектно разыгранная, въ которой этотъ знаменитый французскій авторъ совершенно ни въ чемъце повиненъ, хотя и посвятилъ ее имени Виктора Гюго и назвалъ въ посвящени однимъ изъ самыхъ удачнъйшихъ своихъ созданій. Привыкнувъ давно загребать «жаръ чужими руками» и брать «свое добро, гдѣ его найдетъ», по словамъ Мольера, Александръ Дюма простоза-просто выкралъ эту драму у Ифланда, передълавъ его пьесу: «Der Verbrecher aus Ehrsucht» и изъ другихъ пьесъ, служащихъ ей продолженіемъ. Онъ даже позабылъ перемънить много собственныхъ именъ и только кое-что сократилъ, передълалъ и далъ сочиненію новое названіе.

Въ заключение русскихъ театральныхъ извъстій скажемъ нъсколько словъ о серебряной вазъ, поднесенной воронежскою публикою нашей извъстной петербургской артисткъ Е. И. Андреяновой. Ваза эта, не смотря на свою величину, не отличается впрочемъ изяществомъ отдълки и дорога не искусствомъ, а признательностію и памятью жертвователей. Она наполнена искусственными цвътами, перевязанными двумя лентами, съ надписью на одной «Очаровательной Вакханкъ», а на другой «Неподражаемой Е. И. Андреяновой». На самой вазъ выръзаны слова: «Е. И. Андреяновой, 14 ноября 1854 года, отъ воронежскаго дворянства въ прощальный спектакль».

О будущих концертахъ и иностранныхъ артистахъ, которые постоянно прибываютъ къ намъ къ великому посту, покуда еще ничего не слышно, хотя и носятся слухи, что насъ непремѣнно въ скоромъ времени посѣтитъ извѣстный пьянистъ Шульгофъ. О другихъ артистахъ нѣтъ даже покуда и слуховъ.

Въ ожидании концертовъ иностранныхъ артистовъ, въ Петербургъ нътъ недостатка въ музыкальныхъ наслажденіяхъ, и еще въ концъ прошедшаго января былъ данъ С.-Петербургскимъ Филармоническимъ Обществомъ большо йвокальный и инструментальный концертъ, въ которомъ принимали участіе артисты птальянской оперы, изв'єстный кларнетисть Кавалини и віолончелистъ г. Шубертъ. Учрежденіе въ Петербургѣ въ 1802 году Филармоническаго Общества, составленнаго изъ членовъ Императорскихъ оркестровъ, имъло цълію распространеніе вкуса къ классической музыкъ и вспомоществование семействамъ артистовъ, принадлежащихъ къ этому обществу, выдачею единовременныхъ пособій или пенсіоновъ, или доставленіемъ средствъ къ воспитанію ихъ дѣтей. Съ этою благотворительною цёлью, въ теченіе пятидесяти двухъ лётъ, давались концерты, и на вырученныя деньги призрѣны были сотни семействъ. Нынфшній годъ весь сооръ пошелъ на подобное же доброе дъло; въроятно, благодътельствуемые не остались въ накладъ, потому-что публики было довольно.

Г. Аполлинарій Контскій даваль также у себя музыкальный вечерь

своимъ пріятелямь и любителямь, и исполниль на новомь инструменть, пентикороть (пятиструнной скрипкъ съ нотами альта), кромь извъстныхь уже давно пьесъ: Сонъ дъвицы, Водопадъ, Маккавеи, новыя свои пьесы: Пилигримъ, Отъъздъ рыцаря и Разсказъ молодой дъвицы, съ акомпаниментомъ пьянистки-любительницы, г-жи Витерски. Пятую пьесу «Пустынникъ» г. Контскій исполниль съ акомпаниментомъ арфы и мелодикона, заступившаго мъсто органа, на которомъ игралъ г. Кажинскій. Наконецъ, двъ послъднія пьесы: Споръ (La dispute) и Воспоминаніе Петербурга тоже были разыграны съ г-жею Витерской. О достоинствъ всъхъ этихъ новыхъ пьесъ г. Контскаго, собственно мы сказать ничего не можемъ, потому-что:

Слыхать мы не слыхали ихъ, А только говорятъ —

что во всъхъ ихъ болъе замътно желаніе поражать слушателей эфектностію, чъмъ истиннаго музыкальнаго вдохновенія. Въ этомъ, можеть быть, есть нъсколько и правды, потому-что истинные знатоки музыки единогласно отзываются объ игръ г. Контскаго точно также.

Такъ какъ талантъ г. Контскаго намъ уже не новость, то и не будемъ о немъ распространяться, а скажемъ нѣсколько словъ о новомъ, еще неслыханномъ нами, музыкальномъ талантѣ, недавно прибывшаго въ Петербургъ артиста г. Либермана, искусство котораго состоитъ въ свисты, превосходно подражающемъ игрѣ на флейтѣ. Онъ высвистываетъ съ акомпаниментомъ фортепьяно всѣ труднѣйшія итальянскія аріи, Венеціянскій карнавалъ Эрнста, арію «Grâce» изъ Роберта, и въ особенности варіаціи на русскія пѣсни. Г. Либерманъ намъренъ дать скоро у насъ публичный концертъ. Поживемъ такъ услышимъ. Покуда г. Либерманъ свиститъ только въ частныхъ обществахъ.

Мы уже говорили о пребываніи въ Германіи нашего молодаго композитора Рубинштейна и объ исполненіи въ Веймарѣ его одноактной оперы «Сибирскіе охотники». Усиѣхъ, который имѣла эта опера, тѣмъ замѣчательнѣе, что она шла тотчасъ за новымъ сочиненіемъ Листа, почитаемаго веймарцами за музыкальнаго фетиша, и потому торжество нашего петербургскаго композитора можно сказать было двойное. Изъ Веймара г. Рубинштейнъ поѣхалъ въ Лейпцигъ, гдѣ въ одномъ изъ концертовъ Gewandshaus была исполнена его симфонія, подъ названіемъ «Океанъ». Симфонія эта упрочила еще болѣе музыкальную репутацію нашего артиста и всѣ журналы отзываются о его произведеніяхъ съ

большими похвалами, и даже тъ, которые возстають противъ вліянія Листа, отзываются о его таланть съ глубокимъ уважениемъ. Въ другомъ концертъ, въ Gewandshaus, г. Рубинштейнъ исполнилъ большую фантазію для фортеньяно и оркестра и нъсколько фортеньянныхъ пьесъ, которыя произвели между многочисленными слушателями фуроръ. Наконецъ, на одномъ музыкальномъ вечерт онъ игралъ одно изъ своихъ большихъ тріо вибсть съ знаменитымъ скриначемъ Давидомъ и віолончелистомъ Груцмахеромъ. При видъ такихъ быстрыхъ успъховъ, многіе изъ музыкальныхъ издателей поспъшили войдти съ г. Рубништейномъ въ сношение и заключили съ нимъ условие на издание его сочинений. Многія изъ нихъ теперь уже печатаются и вскоръ безчисленныя соло, дуеты, тріо и даже одинъ оттето, познакомять еще болье германскую музыкальную публику съ талантомъ нашего нетербургскаго путешествен-Изъ Лейнцига Рубинштейнъ отправился въ Берлинъ, оттуда побдеть въ Въну, и если онъ усибеть заслужить такое же внимание въ этихъ двухъ столицахъ, какое заслужилъ въ Лейицигъ, то его репутація утвердится навсегда во всей Германіи. Вижстж съ Рубинштейномъ обратили на себя въ последнее время внимание въ Германии и две русскія артистки: ньянистка Марія Гардеръ, ученица Гензельта, Шопена и Карла Мейера, дававшая концерты въ Дрезденъ, Лейицигъ и наконецъ ръшившаяся ъхать въ Парижъ, и молодая пъвица Екатерина Коніаръ, которую петербургскіе любители музыки слушали на музыкальныхъ утрахъ С.-Петербургскаго Университета. Не смотря на то, что девица Коніаръ не выдаеть себя за артистку, а только за простую любительницу, она пріобръла въ Германіи такую извъстность, какой могла бы позавидовать и первоклассная артистка. Журналы отзываются о ней, какъ о геніальной півнців, обладающей превосходнымъ голосомъ и върною, исполненною страсти, поразительною дикцією. Въ Дрезденъ она пъла, въ концертъ дъвицы Гардеръ, большую арію Паччини и ивсколько романсовъ (Lieder). Нельзя не пожелать еще большихъ усивховъ нашимъ отечественнымъ талантамъ.

Библіографическія настоящія новости особенно интересны и касаются до изданій дорогихъ для каждаго истинно русскаго.

На дняхъ вышло въ свътъ новое тисненіе первыхъ русскихъ Въдомостей, посвященное Императорскому Московскому университету, въ день стольтняго его юбилея. Газеты въ Россіи начали печататься, какъ это недавно доказано, въ 1703 году. Въ 1701 году закончилось составленіе рукописныхъ курантовъ, и 16 декабря 1702 года Петръ Великій указалъ: «Къ въдомостямъ о воинъ

скихъ и о всякихъ дълахъ, которыя подлежатъ для объявленія Московскаго и окрестныхъ государствъ людямъ, печатать куранты и для печатныхъ курантовъ въдомости, въ которыхъ приказахъ о чемъ ныпъ какія есть и виредь будуть присылать изъ тёхъ приказовъ въ монастырскій приказъ, а изъ монастырскаго приказа тѣ вѣдомости отсылать на печатный дворъ». Вследствіе этого, 2 января 1703 года явилвъ Москвъ первый листъ, подъ заглавіемъ: «Въдомости о военных ви иных дылах, достойных знанія и памяти, случившихся въ Московскомъ государствъ и въ иныхъ окрестныхъ странахт». До какой степени изданіе этихъ в'єдомостей было близко Петру Великому, можно заключить изъ того, что опъ самъ назначалъ карандашемъ для перевода и помъщенія въ нихъ мъста изъ голландскихъ газеть и даже удъляль время на чтеніе корректуры. Въ московской Синодальной библютекъ хранятся и теперь нъсколько нумеровъ съ корректурными замътками царской руки. Первыя въдомости давались въ 8 долю листа и печатались въ числъ тысячи экземиляровъ.

По обилію сообщаемыхъ этими первыми русскими въдомостями разностороннихъ свъдъній о нашемъ отечествъ, въ эноху его преобразованія и новой его жизни, он'ї и нын'ї еще сохраняють полную свою занимательность и живъйшій интересъ. Кром'в того, они важны не только какъ цамятникъ нашей письменности, но и какъ средство для повърки другихъ историческихъ документовъ. Между тъмъ, въ цълой Россіи остались только два полныя экземиляра этихъ въдомостей, и оба принадлежитъ Императорской Публичной Библіотекъ. Въ торговлъ попадаются еще, хотя и очень рёдко, разрозненные нумера этой газеты, но по такой ціні, что еслибъ и была какая-либо возможность, въ продолженіе многихъ лътъ и съ большими усиліями, составить изъ нихъ полный экземиляръ, то онъ обощелся бы, по-крайней-мъръ въ четыреста рублей серебромъ. Потому, для пользы отечественной науки и вывств удовлетворяя неоднократно-изъявленному со многихъ сторонъ желанію, начальство Библіотеки решилось перепечатать вновь это библіографическое сокровище и сдёлать его чрезъ то доступнымъ всей публикъ. Приличнъйшимъ случаемъ для этого признанъ въковой юбилей Московскаго Университета, потому что первенецъ нашей періодической литературы родился въ той же древней столицъ, гдъ, нятьдесятью двумя годами позже, воспріяль бытіе и первенець между русскими университетами. Новое тисненіе Въдомостей представляеть всъ тридцать девять нумеровъ, вышедшихъ въ 1703 году и занимающихъ 262 страницы. Оно

произведено со всевозможною точностію, не только въ томъ же самомъ формать и страница въ страницу, но и строка въ строку, со всъми даже опечатками и особенностями въ правописаніи и знакахъ препинанія подлинника. Шрифтъ тоже церковно-славянскій, какъ и въ подлиникъ, нарочно заказанный и вылитый въ Москвъ для настоящаго изданія. Заглавный листокъ, который, за неимъніемъ общаго заглавія ни при одномъ изъ экземпляровъ 1703 года, сдъланъ въ подражание находящемуся при экземпляръ 1704 года, съ тъмъ же самымъ орломъ, и пр. Сверхъ того, прибавлены: предисловіе, въ которомъ излагается прокъ изланию исхожденіе и исторія первыхъ нашихъ в'єдомостей и библіографическій перечень всего, что въ разныя времена было о нихъ напечатано; точный снимокъ (fac-simile) двухъ шрифтовъ, которыми печатались въдомости 1703 года, съ подражаніемъ и цвъту бумаги, на которой онъ выходили: означение вариантовъ, которыя находятся въ двухъ сохранившихся экземилярахъ; наконецъ, подробный алфавитный указатель именамъ лицъ п географическихъ мъстностей подь истинными ихъ названіями, но съ указаніемъ и тъхъ, часто совершенно искаженныхъ, подъ которыми онв являются въ въдомостяхъ 1703 года.

Вотъ подробное посвящение этой книги, изданной съ необыкновенною библіографическою роскошью:

«Первоначальному въ Россіи высшему разсаднику наукъ въ сіе число, стольтіе тому назадъ, дщерію Петра Великаго основанному,

нынъ же

подъ державною сънію

Государя Императора Николая Павловича возведенному на верхъ преуспъянія,

Императорскому Московскому Университету, который принесъ столь обильную пользу Русскому слову и образовалъ столько достойныхъ дъятелей науки,

посвящаетъ,

въ память сего дня

ИМПЕРАТОРСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛЮТЕКА

совершенное ею новое тиснение одного изъ наиръдчайшихъ памятниковъ отечественнаго книгопечатания, первыя въ России въдомости 1703 года.

Въкъ проходитъ какъ единый день,

Но Богомъ вдохновенная высокая мысль свътитъ

Чрезъ мракъ временъ

Въчно сіяющею звъздою.

Хвала же и слава насаждающимъ столь плодоносныя съмена для будущаго

W

продолжающимъ неусыпно воздълывать жатвенную ниву въ настоящемъ.

XII января MDCGCLV года.

Замъчательная книга эта продается по 2 рубли серебромъ, въ самой Императорской Публичной Библіотекъ. Нътъ никакого сомнънія, что многіе пожелають имъть такую любопытную перепечатку.

Другую, не менъе важную и пріятную библіографическую новость, составляють два первые тома полнаго собранія сочиненій А. С. Пушкина, издаваемыхъ г. Анненковымъ. Въ первомъ томъ, на 487 страницахъ, въ большую восьмушку, помъщены: «Матеріалы для біографін А. С. Пушкина: Родословная таблица Пушкиныхъ; Сказки няни поэта, Арины Родіоновны, имъ записанныя; Французскія письма Пушкина, по поводу Борпса Годунова; Последнія минуты Пушкина, описанныя В. А. Жуковскимъ, въ 1837 году; Выписки изъ біографіи Пушкина, составленныя Бантышемъ-Каменскимъ; Переводъ XIII пъсни «Orlando furioso»: дополнительныя октавы къ повъсти «Домикъ въ Коломиъ»; Продолженіе повъсти «Рославлевъ». Къ этому тому приложенъ прежній портретъ Пушкина, гравированный профессоромъ Уткинымъ, и семь снимковъ съ почерка и съ рисунковъ, какими А. С. испещрялъ иногда поле своихъ рукописей. Изъ этихъ fac-simile болъе прочихъ любопытенъ листокъ изъ первой тетради поэмы «Полтава». Въ сравнение этого гіероглифическаго папируса приложенъ также, уже передъланный самимъ Пушкинымъ, тотъ же листокъ, но и съ этимъ трудно разобрать слова перваго. Очень хороши также fac-simile съ рисунковъ поэта, сдъланныхъ имъ на последней странице сказки «Купецъ Остолопъ», на повести «Домикъ въ Коломив» и на проектв заглавнаго листа для драмъ и драматическихъ отрывковъ. Второй томъ состоитъ изъ двухъ отдъловъ: изъ лицейскихъ стихотвореній отъ 1814 до 1817 года и мелкихъ стихотвореній отъ 1818 по 1830 годъ включительно. Каждый годъ пополненъ замъчаніями, а изданныя, неизданныя и не вошедшія въ первое полное издание стихотворения обозначены особыми примътами. Второй томъ этотъ изъ 554 страницъ, пополненъ предисловіемъ, въ которомъ издатель излагаетъ и объясняетъ планъ всего изданія. Всѣ сочиненія будуть подразділены на семь отділовь: три стихотворныя и четыре прозаическія. Нервый отділь стихотвореній лирическихъ будеть заключать въ себъ всъ, такъ-называемыя, мелкія сочиненія Пушкина съ 1814 по 1836 г. Второй отдълъ поэмы, новъсти, разсказы и проч. въ строгой хронологической последовательности, начиная съ «Руслана и Людмилы» (1820) до «Анджело» (1833). Третій отділь, драматическія произведенія, начиная отъ «Бориса Годунова» и цълаго ряда небольшихъ драмъ и сценъ до «Русалки» (1832 г.) Первый прозаическій отдёль витстить въ себъ такъ-называемыя «Записки Пушкина»; второй отделъ романы и повъсти, съ остатками неконченныхъ повъстей, въ хронологическомь порядкь; третій отдъль журнальныя статьи, какъ напечатапныя при жизни автора, такъ и найденныя по смерти въ его бумагахъ. Наконецъ последній, четвертый отдель; будеть заключать «Исторію Пугачевскаго бунта», съ приложеніемъ одной статьи, щенной въ последнемъ изданіи, а именно: «Возраженія Пушкина на критику Броневскаго.» Ко всемъ этимъ отделамъ будутъ приложены необходимыя примъчанія.

Полученъ также въ Петербурга Біографическій Словарь профессоровъ Московскаго университета въ продолжение столътняго его существованія, въ которомъ заключается 225 жизнеописаній. Съ этимъ вмъсть получено и другое сочинение, касающееся столътняго торжества Московскаго Университета, именно его Исторія, написанная профессоромъ С. П. Шевыревымъ, которая раздълена по періодамъ царствованія императрицы Елисаветы Петровны и Петра III Оедоровича, Императрицы Екатерины Великой, Императоровъ Александра. Благословеннаго и Николая Перваго. Въ этомъ сочинении представлено обозрѣніе всѣхъ государственныхъ постановленій и правительственныхъ распоряженій касательно университета, память Монаршихъ щедротъ и благія действія попечителей университета, воспоминанія о частныхъ приношеніяхъ благотворителей, исторія преподаванія наукъ, въ постепенномъ ихъ развитіи: ученую, педагогическую, литературную и общественную дъятельность членовъ университета, возрастание его учебныхъ пособій и, наконецъ, вліяніе Московскаго университета на образованіе Россін въ лиць извъстныхъ его питомцевъ. Любопытная книга эта продается въ пользу раненыхъ защитниковъ Севастополя. Нътъ что университеть напечатаеть также любопытныя свёдёнія о многочисленныхъ своихъ питомцахъ, ознаменовавшихъ себя въ наукахъ, въ литературь и въ государственномъ управлени. А сколько окажется такихъ питомцевъ? Начиная отъ «великольпнаго князя Тавриды» до послъдняго, самаго юнъйшаго, славнаго представителя Московскаго университета—Лермантова, сколько великихъ именъ найдется въ этомъ огромномъ перечиъ.

Вотъ перечень встхъ замтчательныхъ литературныхъ явленій нынтынняго мъсяца. Нельзя умолчать объ одномъ еще у насъ новомъ родъ поэзін, а именно о родъ описательно-зазывательномъ, возникшемъ въ первомъ блескъ, въ рядахъ нашего Гостинаго двора. Вотъ маленькій образчикъ этой поэзін, въ которомъ прикащикъ описываетъ красноръчиво вст прелести лавки своего хозяина, купца Рубкова.

> Ахъ скажи, ma chère Harama, Говоритъ брюнетка наша: Гдъ ты дълала камаль? -Что, не правдаль, c'est pas mal? Просто прелесть, но, конечно, И цъна безчеловъчна, Въдь навърно ты брала У Адель иль у Мера? Или прямо изъ Парижа? Не секретничай, скажи же? — О, тебъ-то я готова Все сказать, но чуръ ни слова Ни кому о томъ, гдв взятъ Этотъ миленькій нарядъ. Пусть парижскимъ всѣ считаютъ, Пусть отъ зависти вст тають, А его, душа моя, Знаешь, гдѣ купила я? Не повъришь ты на слово, Но поклясться я готова, Что камальку я взяла Изъ Гостинаго двора....

За симъ поэтическій пылъ увеличивается и картина, одна другой плънительнъе, представляетъ длинный рядъ тъхъ неотразимыхъ искушеній, отъ которыхъ «пусть всть тають от зависти», а вибств съ этимъ и подробное указаніе того замічательнаго источника, изъ котораго прямо поступили на Апраксинъ дворъ плоды новаго рода поэзіп описательно - зазывательной. Натъ сомнанія, что, благодаря развитію грамотности въ русскихъ людяхъ, скоро всъ гостинодворские прикащики, виъсто своихъ обветшалыхъ и раздирающихъ слухъ: пожалуйте, просимъ покорно, шпильки, булавки, шляпки, манишки, ведерласъ, канифасъ и проч., обратятся въ краснорфчивыхъ импровизаторовъ и будутъ, какъ новыя сирены, увлекать покупателей въ искусительную глубь своихъ лавокъ, подобными же плавными стихами, гдъ чистый русскій блещеть мишурною смѣсью французско - нижегородскаго наръчія. И въ самомъ дълъ, въ очень недавнее еще время, даже между низшимъ классомъ нашего народа, начала обнаруживаться страсть къ выраженію своихъ чувствъ и мыслей какъ-нибудь поизящней, и въ особенности чувствъ патріотическихъ, которыя такъ теперь сильно развиты въ сердце каждаго русскаго. Къ числу подобныхъ, отрадныхъ явленій развитія грамотности и теплоты русскаго чувства, принадлежить стихотвореніе крестьянина, Ивана Кругликова, прислуживающаго въ Ново-Палкинскомъ трактиръ, подъ заглавіемъ: «Духъ Русскаго народа, любовь къ Государю и преданность къ отечеству. » Незнакомый съ праилами стихосложенія, авторъ написаль между тімь свое стихотвореніе грамотно, плавно, съ замъчательною теплотою. Говори о патріотическихъ стихотвореніяхъ, нельзя не познакомить нашихъ читателей съ прекраснымъ произведеніемъ г. Вердеревскаго, поздравленіемъ Россіи въ 1855 новогодье. Вотъ искренній привътъ автора.

> Въ этотъ годъ новорожденный: Русской рати — громъ побъдъ! Вотъ единый, современный Русскій Русскому привътъ!

Вся, отъ грани и до грани Ополченная въ походъ Вся въ досивхахъ грозной брани Русь встрвчаетъ Новый годъ!

И встрѣчаетъ не бесѣдой У роднаго очага: Вся за славой и побъдой Снарядилась на врага!

Вся—пдетъ себя прославить,
Отразить и наказать.
Съ чъмъ же, Русь, тебя поздравить?
Что родимой пожелать?

Съ новымъ счастьемъ? Съ новымъ миромъ?

Нътъ, теперь пора не та:

Не для мира съ цълымъ міромъ,

Брань Россіей принята!

Съ тъмъ поздравимъ мы родную,
Что ея святая месть
Не за выгоду мірскую
А за Въру и за честь!

Что надъ всёмъ родимымъ краемъ
Власть единая сильна,
И заранъ всъ мы знаемъ:
Возвеличитъ насъ она!

Что крамольнымъ не уступитъ
Въ ихъ условьяхъ никогда!
Еслижъ миръ у нихъ и купитъ —
Такъ цъною ихъ стыда!

Такъ шуми жъ войны невзгодье, Даже съ яростью двойной— Мы поздравимъ въ новогодье, Русь съ святой ея войной!

При этомъ желаніи, которое повторяєть съ поэтомъ цёлая Россія, какъ не сообщить о человіколюбивыхъ подвигахъ Сестеръ Милосердія, такъ еще недавно напутствованныхъ петербургскими жителями въ далекій путь съ восторженными благословеніями. Чествуемыя и радушно угощаемыя на всемъ пространстві ихъ доблестнаго шествія, оні благополучно прибыли, 30 ноября прошлаго года, въ Севастополь и немед-

ленно приступили къ исполненію своихъ священныхъ обязанностей. Нельзя безъ умиленія читать писемъ, въ которыхъ разсказываютъ очевидцы примъры неутомимой ревности и христіанской заботливости этихъ женщинъ. Онъ одна передъ другою стараются ухаживать за больными и ранеными, оспариваютъ честь дежурить безъ очереди и не страшатся вида никакихъ страданій, только бъ быть чъмъ-нибудь полезными.

«Я была на двухъ операціяхъ г. Пирогова (пишетъ одна изъ нихъ) съ четырьмя сестрами; у одного раненаго отнимали руку, а у другаго ногу, и, по милости Божіей, не потеряла присутствія духа, такъ что даже одного операціоннаго, которому отръзали руку, я сама держала за спину и помогала перевязывать рану. О моей смълости я пишу для того, чтобы вы успокоились и върили, что я не боюсь ничего ръшительно. Еслибъ вы знали, какъ отрадно и сладко сердцу помогать такимъ страдальцамъ, каковы здѣсь.»

Сострадательныя сестры услуживають и облегчають страданіе не однихь только нашихь больныхь и раненыхь; онь также внимательны ко всьиь нуждамь и страданіямь самыхь нашихь враговь.

«Въ большомъ госинталъ (продолжаетъ та же сестра милосердія) лежать двое пленныхь: одинь раненый французь, а другой иленный молодой арабченокъ. Первый очень больнъ и такъ былъ угрюмъ, что всъ доктора жалуются на его молчаливость; когда я его увидъла и начала съ нимъ говорить, предложивъ ему, не хочетъ ли онъ писать на родину, то онъ удивился и сказаль, что полагаль, что нельзя писать. Сестра Ш... написала ему письмо, которое мы передали коменданту, и теперь нашъ французъ сталъ поправляться и уже говорить. А бъдный арабъ лежить, какъ звъренокъ, только глазами хлопаетъ и почти ничего не фстъ; доктора говорятъ, что онъ не больнъ, а отъ скуки лежить. Я ему привезла курительнаго табаку; онъ изъ деликатности взялъ немножко, а когда ему отдали все, то улыбнулся. Сегодня я сама кормила его супомъ съ офицерской порціп, и онъ съблъ целый стаканъ. потомъ кусокъ говядины дали и, въ заключение, подали ему трубку; онъ немного покурилъ, отдалъ мив назадъ и привътливо улыбнулся нъсколько разъ. Какъ больно видеть человека, похожаго на безсловесное животное! Все, что мы делали до-сихъ-поръ, есть только начало нашего труда, который, после недельнаго опыта, намъ кажется не труднымъ при видъ страждущихъ больныхъ. Повърьте, что мы забыли о себъ, живемъ для нашихъ больныхъ и надъемся на милость Всевышияго, что Онъ подкранить насъ въ исполнени нашей великой обязанности. Мы по возможности исполняемъ просьбы больныхъ на счетъ пищи, по

неиначе, какъ съ разръщения медиковъ, потому-что всъмъ сестрамъ отдано приказание, безъ позволения врачей ничего не предпринимать, и это строго исполняется».

При общинъ ісромонахъ Веньяминъ. Вообще избрано и принято въ Общину 58 сестеръ: въ С. Петербургъ 54, въ Москвъ 4, и всъ (за исключениемъ только восьми) отказались отъ постояпныхъ вспомоществованій.

Конецъ нашему ежемъсячному сказанію составять, какъ и всегда,

петербургскія моды.

Въ области модъ въ этотъ мъсяцъ не произошло почти никакихъ перемънъ, и до марта мъсяца едва ли будетъ какое-нибудь измъненіе въ дамскомъ туалетъ. Поэтому можно носить прежнія платья, не боясь казаться отсталою отъ моды. Теперь вся изобрътательность модистокъ устремлена на весенніе вымыслы, которые пока еще составляютъ ихъ величайшую тайну. Только два костюма, по своей изящной простотъ и нъкоторой оригинальности, могутъ быть нами представлены на судъ нашихъ прекрасныхъ читательницъ.

Костюмъ первый. Платье изъ свътлаго муаръ-антикъ, сдъланное съ кофточкою, илотно обхватывающей талію: разръзные рукава, которые отъ плеча до самаго локтя скръплены особаго рода пуговицами, въ видъ жулудей, и только отъ локтя разръзъ дълается открытымъ ѝ общивается двумя рядами черныхъ кружевъ, которыя, падая почти до кисти руки, едва обнаруживаютъ нижніе кружевные подрукавники; верхній рядъ кружевъ, какъ на рукавахъ такъ и вокругъ всей кофты, прикръпленъ буффою изъ лентъ. Закрытая совершенно до самой шен кофточка, убрана сверху до низу аграфами,—это необыкновенно мило и изящно. Шляпа, по прежнему, очень маленькая, отдъланная одними только бархатными лентами, безъ цвътовъ, что очень гармонируетъ со всъмъ костюмомъ.

Второй парядь. Крошечный чепчикъ изъ лентъ, общитый по краямъ неширокимъ кружевомъ гинюръ, едва прикрываетъ косу; длинныя лопасти его, тоже общитыя кружевомъ гипюръ, ниспадаютъ на плеча.

Платье съ кофточкою, изъ гладкаго пудесоа, юбка дълается очень широкая и безъ всякихъ украшеній, и только кофточка украшена тисненою бархатною лентою и обшита бахрамою. Аграфы, которыми схвачена кофточка на груди, идутъ только до таліи, постоянно съуживаясь, и у самой таліи уже темныя ленты, которыми обшивается кофта, илотно сходятся вмѣстѣ. Черные бархатные браслеты, по прежнему, украшаютъ ручки нашихъ прекрасныхъ дамъ,—само-собою разумѣется, въ нарядѣ за-просто, выѣздъ же въ свѣтъ требуетъ блеска, и потому золото на платьяхъ и въ волосахъ, золото и бриліянты на рукахъ и шейкахъ замѣняютъ уже простыя, хотя и очень изящныя, обыденныя украшенія дамъ.

AMERICAN PROPERTY OF THE PARTY OF THE PARTY

or a comparation of the profit is the contract of the contract

mission and anon many to the second street of the second s

Amarking Court Court is an College of Section 19 to the College of the Court of

arkentaman Para e Medigir parkat katen areas de al met de ancientament

and the second contract the constituted region in the constitute of the second constitute of the

topping the first of progress a representation to the visit of

московскій въстинкъ.

Торжество стольтія Московскаго Университета. — Священно-служитель, воспитанникъ Университета. Вечернее торжественное собраніе, Высочайшая грамота, пожалованная Университету. - Рескрипты Ихъ Императорскихъ Высочествъ, Государя Насладинка Цесаревича, Великаго Князя Константина Николаевича и Великой Княгини Марін Николаевны. — Адресы депутатовъ разныхъ ученыхъ русскихъ обществъ. - Рачь профессора Шевырева и строфы его, положенныя на музыку А. Н. Верстовскимъ. — Офиціальный университетскій объдъ. — Семейный объдъ студентовъ и новая ръчь профессора Шевырева и иъсколько словъ академика Погодина.—Вечеръ попечителя Московскаго учебнаго округа.—Объдъ данный графомъ А. А. Закревскимь. — Частные дружескіе вечера профессоровь: И. М. Леонтьева и подарокъ, розданный хозявномъ; профессора Т. И. Грановскаго. — Танцовальный вечеръ М. П.: Погодина и ръчь о Ломоносовъ; вечеръ профессора А _И. Драшусова. — Отбытіе министра. — Общественныя увеселенія Москвы. — Мода на домашніе спектакли. — Возникающая страсть къ спектаклямъ въ Замоскворъчьи. - Успъхъ пьесъ г. Островскаго въ этой мъстности, по случаю появленія иногда въ нихъ оригиналовъ вмісто копій. Нововведеніе въ маскерадахъ.—Новая цыганская итсня, производящая фуроръ.— Троечныя прогулки. — Эрмитажъ и его скучающій ледяной домь.—Пъвица Рофон.—Гитаристь Соколовскій. — Несбывшееся ожиданіе капельмейстера Гунгля. — Гулянье подъ Новинскимъ.

Начну пынашнее извастие о нашихъ московскихъ новостяхъ описаніемъ торжественнаго юбилея столатняго существованія Императорскаго Московскаго Университета, на который стеклось почти все образованное наше общество и прибыли нарочно многіе бывшіе его питомцы изъ разныхъ сторонъ Россіи. Еще наканунт настоящаго празднества, во время всенощной, освящены были два иконы, сооруженныя въ храмъ университета ревностію начальниковъ, профессоровъ и студентовъ, во имя св. Николая Чудотворца и св. Елисаветы Праведныя. Учащіеся въ Университеть въ настоящее время, а также и давнишніе его питомцы, не преминули многочисленною семьею присутствовать и при этомъ канунномъ богослужении. 12-го января, въ 10-ть часовъ утра, прибыли въ университетскую церковь св. Татіаны министръ Народнаго Просвъщенія А. С. Норовъ, попечитель Московскаго учебнаго округа В. М. Назимовъ, ректоръ Московскаго Университета А. А. Альфонскій, профессоры и студенты, графъ А. А. Закревскій, А. И. Ермоловъ, С. П. Шиповъ, Я. И. Ростовцовъ и другія почетныя лица и депутаты отъ ученыхъ и высшихъ учебныхъ заведеній, какъ Москвы, такъ и многихъ другихъ мъстъ Россіи. Высокопреосвященный Филаретъ. всегда съ любовію благословлявшій празднества университета, совершаль литургію, въ которой, въ числѣ прочихъ духовныхъ, участвовалъ архимандрить Можайскаго Лутцкаго монастыря Пачсій, бывшій студентомъ московского медицинского факультета въ 1824 году, подъ свътскимъ именемъ Петра Соколова. Высокопреосвященный произнесъ потомъ слово. въ которомъ красноръчиво раскрылъ необходимую человъку потребность истины и указаль возможность удовлетворенія этой великой потребности. По окончанія литургін провозглашено было-многольтіе Государю Императору и всему Августвишему Дому, наконецъ Московскому Университету и встмъ учащимъ и учащимся въ немъ. Этимъ заключилось религіозное торжество, при благолъпіи обновленнаго храма и богатетвъ священническихъ облаченій, нарочно приготовленных в этому празднеству. Въ семь часовъ вечера открылось торжественное собрание университета, окончившееся во второмъ часу ночи. Всв начальствующія и почетныя лица, Высокопреосвященный Филаретъ, депутаты и члены университета, многіе бывшіе восинтанники его, избранные представители и представительницы нашего московскаго общества, снова собрались въ великолъпно-украшенной и освъщенной залъ торжественныхъ засъданій, изъ которой можно было переходить въ примыкающія къ ней открытыя залы библіотеки, минералогическаго кабинета, археологическаго и нумизматическаго музея. Общее сочувствіе къ этому ученому торжеству было такъ велико, что еслибъ помѣщеніе нашего огромнаго университета было еще въ нѣсколько разъ обшириће, то и тогда не было бы простора для всехъ желавшихъ принять участіе въ торжествованіи университетскаго юбилея. Но между-тімъ, не смотря на всю многочисленность, въ залъ воцарилась мгновенно глубокая тишина, когда г. министръ Народнаго Просвъщенія, подпявшись съ мъста, открыль торжество и поздравивь университеть съ совершившимся столфтіемъ, объявиль о Высочайшей грамоть, прочитавъ ее во всеуслышаніе и передаль потомъ ректору университета, на въчное храненіе, какъ драгопънный залогъ царской милости. Вслъдъ за этимъ министръ прочиталъ данный на его ими рескринтъ Государя Наслъдника о принятіи Имъ званія почетнаго члена Московскаго Университета, а генераль-адъютантъ Ростовцовъ поздравилъ университетъ также отъ имени Его Императорскаго Высочества. За этимъ попечитель Московскаго учебнаго округа прочиталъ, данные на его имя, поздравительные рескрипты Великаго Князя Константина Николаевича и Великой Княгини Маріи Николаевны. Всъ эти рескрипты также были переданы на въчное хрансніе ректору университета. Наступила тогда очередь депутатовъ, ученыхъ русскихъ обществъ, и поздравленія ихъ начались привътственною ръчью депутатовъ Московской Духовной Академіи, ректора семинаріи архимандрита Леонида и профессора В. Н. Карнова. За ними въ слъдующемъ порядкъ приносили поздравленіе: отъ С.-Петербургской Духовной Академіи, инспекторъ ея, докторъ богословія архимандритъ Іоаннъ и профессоръ А. В. Горскій; отъ Императорской Академін Наукъ, отъ 4-го отдъленія, М. В. Остроградскій, отъ-3-го отдъленія Н. Г. Устряловъ и отъ 2-го отдъленія М. А. Коркуновъ; отъ Императорской Военной Академіи генералъ-маїоръ Д. А. Милютинъ и полковники А. П. Карцовъ и П. С. Лебедевъ; отъ Морскаго Кадетскаго Корпуса капитанъ 1-го ранга А. И. Зеленый и П. И. Кузнецовъ; отъ Императорской Медико-Хирургической Академіи, профессоры Заблоцкій-Десятовскій и Е. В. Пеликанъ; отъ Императорскаго Деритскаго Университета присланный адресъ прочтенъ быль профессоромъ С.-Петербургскаго Университета Н. М. Благовъщенскимъ; отъ Императорскаго Казанскаго университета профессоры А. Ө. Поновъ и И. К. Бабстъ; отъ Императорскаго Харьковскаго Университета профессоры А. О. Валицкій и В. И. Лапшинъ; отъ Императорскаго Александровскаго Лицея дъйствительный статскій совътникь И. П. Шульгинъ и профессоръ Я. К. Гротъ; отъ Императорской Публичной Библіотеки А. О. Бычковъ и К. А. Коссовичь; отъ Императорскаго Александровскаго Университета профессоры Сигнеусъ и Гейтлингъ; отъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета профессоры: историко-филологическаго факультета А. В. Никитенко, юридического факультета Я. И Баршевъ и физикоматематическаго П. Л. Чебышевъ; отъ Главнаго Педагогическаго Института А. А. Воскресенскій и Н. М. Благовъщенскій; отъ Императорскаго Университета Св. Владиміра профессоръ В. А. Короваевъ; отъ Императорскаго Училища Правовъдънія, директоръ, генераль-маіоръ А. П. Языковъ и профессоръ П. Д. Калмыковъ; отъ Демидовскаго Лицея магистръ А. Е. Львовъ и кандидать А. Ф. Головачовъ; отъ Ришельевскаго Лицен, кандидаты А. В. Лохвицкій и С. В. Емевскій; отъ Лазаревскаго Института Восточныхъ Языковъ, директоръ, дъйствительный статскій советникъ Н. О. Эминъ и А. З. Зиновьевъ; отъ С.-Петербургскаго Коммерческаго Училища, директоръ, дъйствительный

статскій совътникъ Война-Куринскій; отъ Императорскаго Географическаго Общества, директоръ департамента Сельскаго Хозяйства, ствительный статскій сов'єтникъ А. И. Левшинъ; отъ ученаго комитета министерства Государственныхъ Имуществъ, дъйствительный статскій сов'єтникъ А. П. Заблоцкій. Далье поднесены были адресы: отъ Вольнаго Экономическаго Общества, отъ Императорскаго Московскаго Общества Испытателей Природы, отъ Императорского Общества Исторін и Русскихъ Древностей, отъ Московскаго физико-медицинскаго обшества, отъ Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, отъ Казанскаго Экономическаго Общества и отъ Лебедянскаго Общества Сельского Хозяйства. За этими привътствіями, принесенными старъйшему русскому университету со всъхъ концовъ русскаго ученаго міра, деканъ, профессоръ С. П. Шевыревъ, произнесъ рѣчь, въ которой изложиль «Обозрѣніе столътняго существованія Императорскаго Московскаго Университета». Въ ръчи этой онъ охарактеризоваль великое значение нашего университета и заключиль ее глубокимъ отголоскомъ на Высочайшее привътствіе и благодарностію за принесенныя поздравленія отъ представителей русской науки. Слушатели привътствовали рѣчь эту громкими рукоплесканіями. Къ общему сожальнію, по недостатку времени, не могла быть произпесена рѣчь ординарнаго профессора С. М. Соловьева, но она была роздана посътителямъ, особенно отпечатанною, равно какъ и црекрасный гимнъ Мудрости, написанный на греческомъ языкъ ординарнымъ профессоромъ А. А. Меньшиковымъ. Бывшій профессоръ нашего университета, академикъ М. П. Погодинъ, приготовилъ также для акта речь о Ломоносове, но и она не могла быть въ этотъ день произнесена, по недостатку времени. Торжественный актъ этотъ заключился стихами, сочиненными С. И. Шевыревымъ и положенными на музыку А. Н. Верстовскимъ. Придагаю строфы эти, прочитанныя студентомъ Чернышевымъ съ замъчательнымъ выраженіемъ, прекрасно исполненныя хоромъ и возбудившія единодушный взрывъ рукоплесканій.

XOPЪ.

Отъ Бога всѣ силы и всѣ дарованья!
Онъ истины солнце и слава Ему,
Дающему разумъ и силу познанья,
Да люди разсѣютъ невѣдѣнья тму.

Строфа І-я,

Возвеселись обитель просвъщенья, Великій день восходить надъ тобой:

Отечество, по волѣ Провидѣнья, Срѣтаетъ днесь столѣтній праздникъ твой.

Хвала Тебъ, Елисавета!
Въ царицахъ мудрая жена!
Здъсь для наукъ ламиада свъта
Твоей рукою возжена;
Вамъ слава всъмъ, страны Владыки,
Хранившимъ свътъ ея великій —
И вамъ, что тамъ, на высотъ,
Стоя у царскаго совъта,
Блюли огонь ламиады свъта
Въ его прекрасной чистотъ.

Строфа П-я.

Почившимъ миръ, наставникамъ и братьямъ, Понесшимъ трудъ для истины святой: Блаженъ, кто здъсь, стремясь къ ея объятьямъ, Ее любилъ, ее искалъ душой!

Съ наукой мъръ и высшихъ чиселъ
Ходилъ ли въ землю, въ небеса;
Иль умъ дъятельно возвысилъ
Природы въ тайны, чудеса;
Вскрывалъ ли хартіи былова,
Вникалъ ли въ духъ роднаго слова,
Языкъ ли изучалъ когда,
Въ болъзняхъ ли сос дъ нашъ бренный,
Законы ль мысли и вселенной,

XOP'S.

Благослови, Всесильный, Начало новыхъ лътъ! Пролей на насъ обильный Премудростію свътъ!

Строфа III.

О, радость намъ! почтенныхъ дъдовъ внуки Мы дожили роднаго торжества: Гремите жъ здёсь, на празднике науки, Наставника заветные слова:

«Цвъти нашъ вертоградъ священный, Кръпися въ силахъ, зръй въ плодахъ. Какъ былъ, пребуди неизмѣнный, Общественныхъ источникъ благъ! Подъ Николаевымъ покровомъ Явись въ обилъи, въ блескъ новомъ!» Да будетъ праздникъ нашъ потомъ Блаженныхъ дней для насъ залогомъ, Да будетъ Русь хранима Богомъ! И слышитъ Царъ побъды громъ!

хоръ.

Благослови, Всесильный, Начало новыхъ лътъ! Пролей на насъ обильный Премудростію свътъ!

Зданія университета были въ тотъ вечеръ великольно иллюминованы съ фундаментовъ до карнизовъ.

На следующій день, университетскія залы вмещали въ себе многочисленныхъ гостей, приглашенныхъ на роскошный обедь, на пятьсотъ особь, и потому столы помещены были не только въ торжественной зале, но и въ залахъ библіотеки и минералогическомъ кабинете, уставленныхъ густо экзотическими растеніями, и зданіе было снова великольно освещено внутри и снаружи. Гости съехались къ четыремъ часамъ. На этомъ обеде, на которомъ въ главе хозяевъ находился министръ Народнаго Просвещенія, присутствовали: графъ А. А. Закревскій, генераль оть инфантеріи князь А. И. Горчаковъ, генеральадъютантъ С. И. Шиповъ, генераль-адъютантъ Я. И. Ростовцовъ, депутаты и прочіе почетные жители Москвы и Петербурга. При звукахъ постоянно гремевшей музыки, съ началомъ гимна: «Боже, Царя храни», провозглашены были тосты за здравіе: Государя Императора, Государыни Императрицы, Наследника Цесаревича, всей Августейшей Фамиліи, и потомъ—въ честь храбраго русскаго воинства, за благоден-

^{*} Стихи А. Ө. Мерзлякова, произнесенные на актъ семидесятилътняго юбилея Московскаго Университета 26 іюня 1830 года.

ствіе Москвы, за процвътаніе университета, за здоровье Высокопреосвященнаго Филарета, почетныхъ лицъ, присутствовавшихъ на объдъ, депутатовъ ученыхъ обществъ, воспитанниковъ университета, присутствующихъ и отсутствующихъ и, наконецъ, самимъ министромъ, А.С. Норовымъ—за здоровье московскаго попечителя, В.И. Назимова.

На третій день, 14 января, въ старомъ зданіи университета, желанію А. С. Норова, желавшаго отобъдать съ своими, данъ былъ семейный университетскій об'єдь. Встріченный студентами, министрь обошель всв столы, привътствоваль ихъ, и, въ-следствіе Высочайшей воли, уже имъ извъщенной, выразилъ имъ ту милостивую Монаршую къ нимъ увъренность, что Его Величество, въ случав надобности, всегда найдеть и въ мирныхъ питомцахъ наукъ, храбрыхъ офицеровъ, готовыхъ стать въ ряды его побъдоноснаго воинства. Съ этимъ виъстъ, министръ говорилъ о необходимости, въ ныижшнее время, военнаго преподаванія, чтобы по первому призыву, они могли быть достойными офицерами. Слова министра прерывались единогласнымъ восторгомъ При гремъвшей музыкъ, за столъ, вмъстъ съ начальствомъ университета, помъстились тысяча восемьдесять девять студентовь, и изъ тысячи восьмидесяти девяти молодыхъ грудей гремълъ одинъ голосъ любви и преданности, при царственныхъ тостахъ, такъ звучно и громко, что заглушаль звуки сильной полковой музыки. Когда были подняты бокалы за здоровье министра и его окружили профессоры и студенты, профессоръ С. П. Шевыревъ, обратился къ нему и сказалъ:

Ваше Высокопревосходительство,

Добрый нашъ начальникъ!

«Когда, въ священную брань двънадцатаго года, лежали вы съ оторванной ногой на полъ Бородинскомъ, думали ли вы, что Провидъніе съ поля брани приведетъ васъ на мирное поле науки и просвъщенія? Когда вы совершали ваши ученыя и духовныя странствія по Египту и Нубій, по священнымъ мъстамъ Палестины, къ семи церквамъ Апокалиптическимъ, думали ли вы, что собираете духовныя силы на святое служеніе просвъщенію вашего отечества? Богъ наградилъ васъ за Бородинскую рану, за ваше доброе сердце, за ваши искреннія, набожныя странствія, и привелъ васъ стать во главъ русскаго просвъщенія, въ такую важную минуту отечества, когда намъ угрожаетъ другая священная война, можетъ быть, еще болье ужасная и истребительная, чъмъ война двънадцатаго года! Въ настоящихъ событіяхъ есть много дивныхъ знаменій: думаю, что не даромъ, въ такое время и въ день сто-

лътняго торжества московскаго университета, въ министръ Народнаго Просвъщенія видится нашъ инвалидъ Бородинской битвы?

- А. С. Норовъ прервалъ тутъ снова профессора:
- Позвольте мив сказать вамъ нъсколько словъ, произнесъ онъ: въ жизни моей было только двъ полныхъ счастливыхъ минуты: первая когда подъ Бородинымъ я пролилъ кровь, за Царя и отечество, вторая эта.

Профессоръ продолжалъ:

«Вчера вы принесли намъ сюда грамоту любви и милости Царской; на этомъ самомъ мъстъ громко возвъстили вы ее всъмъ, благоговъйно внимавшимъ. Каждое слово ен коснулось нашего слуха; каждое слово ударило-въ сердце!

Общій возглась восторга опять прерваль річь.

«Увърьте Государя, продолжалъ снова профессоръ: мы стоимъ предъ Его священнымъ ликомъ (всъ присутствующіе обратились къ портрету), что когда Ему будетъ угодно, не только это юношество, цвътущее и прекрасное, котораго чистый, искрений восторгъ вы слышите и видите теперь, будетъ готово идти по Его зову, мы бросимъ перья и пойдемъ съ ними!

Всѣ студенты бросились къ министру, который, прослезясь, принималь ихъ къ себѣ на грудь. Когда общее волнение успокоилосъ и студенты сѣли за столъ, профессоръ Шевыревъ докончилъ слова слѣдующимъ:

«Да, увъръте Государя, что кромъ этой будущей молодой армін, въ насъ ему готова армія духовная, снаряженная Его же монаршими заботами объ университетъ, воинство мыслящее, которое съумъетъ постоять противъ Запада за святыя начала нашего Отечества».

Начальникъ университета и профессоры отказались отъ своихъ тостовъ, чтобы успокоить восторженность студентовъ, но они сами послъ объда привътствовали каждаго изъ нихъ.

Оставляя этотъ семейный пиръ, министръ сказалъ:

— Отъ души благодарю начальниковъ и профессоровъ университета за воспитаніе такихъ благородныхъ юношей! Третьею, счастливою минутою въ моей жизни будетъ та, когда я всеподданнъйше донесу Государю о томъ, что я здъсь видълъ и слышалъ!

Академикъ М. П. Погодинъ, бывшій также на этомъ объдъ, также сказалъ нъсколько словъ предъ отбытіемъ министра.

Въ тотъ же вечеръ, попечитель московскаго учебнаго округа далъ въ своемъ домъ вечеръ для прибывшихъ въ Москву гостей и членовъ универститета, между которыми находились и студенты. По желанію министра, студентъ Чернышевъ, прочелъ еще разъ стихи, говоренные имъ при открытіи столътняго празднества.

15 января, даваль у себя объдь, на двъсти-пятьдесять персонь, графъ А. А. Закревскій, на которомъ профессоръ Шевыревъ также произнесъ ръчь.

Многіе профессоры нашего университета воспользовались краткимъ временемъ прибывшихъ въ Москву, съ разныхъ сторонъ Россіи. гостей, чтобы, въ свою очередь, дать имъ у себя дружеское угощеніе. Такъ былъ, 13 января, вечеръ у профессора П. М. Леонтьева. на которомъ сошлись представители всъхъ высшихъ нашихъ учебныхъ заведеній. И. М. Леонтьевъ роздаль при прощаньи встмъ своимъ посътителямъ, на намять университетского празднества, по экземпляру. посвященнаго этому празднику сочиненія своего «Пропилеи». Нотомъ быль вечеръ у профессора Т. И. Грановскаго. М. П. Погодинъ далъ танцовальный вечерь для студентовъ, и дружескій для профессоровъ. Предъ ужиномъ, по общей просъбъ, прочитана была имъ его ръчь о Ломоносовъ, гдъ онъ живо передалъ всъ страданія этого ученаго за начку, въ его семьт, въ школт, за границей, въ свътской жизни, въ русской академін. Въ тотъ же вечеръ, за ужиномъ, С. П. Шевыревъ читалъ отрывки изъ похвальнаго слова Ломоносова Императрииъ Елисаветь, изъ его торжественныхъ анакреонтическихъ одъ. Въ тотъ же самый день было очень многолюдное общество у профессора А Н. Драшусова. Однимъ словомъ, не нужно, кажется, добавлять, что Москва очень оживилась во время празднованія юбилея университета п представляла рядъ самыхъ многолюдныхъ собраній, въ нашемъ ученомъ классъ общества, до самаго 16 января; тогда, въ десятомъ часу утра. начальство университета и студенты проводили министра обратно въ С.-Петербургъ.

Московскій Университеть, много обязанный М. В. Ломоносову и И. П. Пувалову, первому за планъ, а послъднему за представленіе этого плана на утвержденіе Императрицы, ечитаеть въ спискахь своихъ многихъ питомцевъ, увъковъчившихъ свое имя. Такъ въ гимназіи, учрежденной при Университетъ, воспитывались: знаменитый князь Потемкинъ-Таврическій и свътльйшій князь Лопухинъ, а въ самомъ Университетъ: извъстные ученые и сановники: М. М. Херасковъ, М. Н. Муравьевъ, И. П. Тургеневъ, П. И. Голенищевъ-Кутузовъ, князь А. П. Оболенскій, князь С. М. Голицынъ, графъ С. Г. Строгоновъ, графъ Д. И. Блудовъ, графъ О. И. Вроиченко, и многіе другіе; профессоры: Тимковскій, Мудровъ и Мухинъ (знаменитые врачи), Каченовскій, Мерзляковъ, И. М. Снегиревъ, И. П. Давычи), Каченовскій, Мерзляковъ, И. М. Снегиревъ, И. П. Давычи

довъ, Альфонскій, Фишеръ, А. Д. Боровковъ, М. Г. Павловъ, Л. М. Перевощиковъ, М. В. Погодинъ, Максимовичъ, С. П. Шевыревъ. Иноземпевъ, Оверъ (извъстные врачи), Морошкинъ, Кубаревъ, Бодянскій, Меновскій, Грановскій, Кавелинъ, Соловьевъ, Буслаевъ, Леонтьевъ, Кудрявцевъ, Калачовъ, Мильгаузенъ, и многіе другіе. Въ 1779 году учрежденъ былъ для русскихъ дворянъ попечителемъ Московскаго университета М. М. Херасковымъ благородный пансіонъ. Изъ него и изъ университета вышли извъстные люди на всъхъ поприщахъ. На военномъ поприщъ: А. П. Ермоловъ, князь Хованскій, Кайсаровъ, Головинъ, Вельяминовъ, Игнатьевъ, Полуектовъ, Тучковъ, Офросимовъ, Шульгинъ, Сипягинъ, Анненковъ, Исленьевъ, Кавелинъ, князь Аргутинскій-Долгорукій, Мансуровъ, Философовъ и многіе другіе; писатели и ученые: И. М. Карамзинъ, В. А. Жуковскій, П. С. Кайсаровъ, Костонаровъ, Хвостовъ; Магницкій, Офросимовъ, Д. В. Дашковъ (министръ юстицін, отличный знатокъ русскаго языка), Петинъ, Мещевскій, два брата Родзянко, Грамотинъ, Воейковъ (А. Ө.), Вельяшевъ-Волынцевъ, Свиньинъ (П. П.), Макаровъ, Милоновъ, Сахаровъ, Писаревъ, Титовъ, А. С. Норовъ, князь В. О. Одоевскій, А. С. Грибовдовъ, М. А. Линтріевъ. А. О. Вельтманъ, Н. В. Сушковъ, М. Ю. Лермонтовъ, Гурьевъ, Фишеръ, К. и И. О. Калайдовичи, А. А. Краевскій, О. А. Кони, Д. П. Ознобишинъ, Бороздна, Межевичъ, Строевы, Вердеревскій, Даргомыжскій (отецъ композитора), Курбатовъ, Поповъ и многіе другіе, которые обязаны своимъ воспитаніемъ или благородному пансіону или самому упиверситету. По гражданской службъ извъстны: статсъ-секретарь Молчановъ, посланникъ В. П. Титовъ, С. Г. Ломоносовъ, товарищъ министра Государственныхъ имуществъ Н. М. Гамалъя, членъ государственнаго совъта О. И. Прянишниковъ; сепаторы: Барановъ, Столыпинъ, Небольсинъ, С. П. Озеровъ, двое Кайсаровыхъ, Жихаревъ, князь Гагаринъ, Прокоповичъ-Антонскій, Бъгичевъ, Старынкевичъ и многіе другіе. Однимъ словомъ, всъхъ полезныхъ питомцевъ Московскаго университета трудно перечесть. Студенты настоящаго времени, желая сохранить память о своихъ профессорахъ, издали очень искусно литографированные и схожіе ихъ портреты, а бывшій студенть университета, Н. В. Шереметевскій, также принесъ следующую стихотворную лепту, напечатанную отдельно; ученые ученые подпатания и верения выправания общения выправания вы

II. Typement II. II Statement I Trygony.

Сто льть! О, сколько въ это время

Изъ этихъ мудрости садовъ

Россіи принесло плодовъ

Наукой брошенное съмя,

На благодатной почвъ грядъ,
Здъсь, мыслью отчаго завъта
Руководясь, Елисавета
Вънчала дълъ великихъ рядъ
Подъ скромной славой двухъ колоссовъ
Науки, пользы и труда,
И здъсь забудутся-ль когда

Инуваловъ меценатъ и геній Ломопосовъ!

«Мененая патура», комет. Кона и «Зам повация» видиния». Жельно польболиться этими представлениями 20-силь повъ у посы чась полько.

Желаньями мы всё встрёчаемъ Новый годъ,
Помолимся жъ, да сбудутся желанья:
Да благоденствуетъ надъ Русью Царскій родъ,
Да водитъ къ славё Русь, путемъ ея призванья,
Да укрёпляется въ молитвахъ пастырь душъ,
Да одолёетъ вождь врага и супостата,
Да правдой на судё миритъ всёхъ правды мужъ,
Да идетъ мимо ихъ счастливыхъ дней утрата,
Да обновляя намъ минувшіе сто льто,
Въ благословенный день державы Николая,
Въ вёкъ будетъ славою, душой роднаго края
Московскій Университетъ!

Въ общественной жизни Москвы, въ нынешнемъ году, заметно много разницы противъ прежнихъ зимъ; такъ напримъръ, въ нынъшній сезонь очень мало слышно о частных балахъ, которые бывало утомляли любителей этого рода увеселенія; публичный баль дань быль также только однажды въ дворянскомъ собраніи 6 декабря. Преимущественными развлеченіями всъхъ почти классовъ нашей публики сділались теперь маскерады и частные домашніе снектакли, составляемые любителими съ благотворительною целію вспомоществованія раненымъ. Давно уже, съ начала зимы, составилось у пасъ одно уже такое общество благородныхъ любителей, въ которомъ участвовали графы М. и Л. Марковы, гг. Лашкевичъ, Кислинскій, Чернышевъ, Мъщаниновъ, Бълявскій, Павловъ, Родиславскій, и г-жи Кислинская, Загряжская и Калашникова. Въ недавнее время составилось другое подобное общество. и въ немъ приняли участіе: князья Ухтомскій, Друцкой-Сокольницкій. графина А. А. Нессельроде, княгиня В. Н. Щербатова, гг. Пашковъ. Чертковъ, Лашкевичъ, Ушаковъ, Лонгиновъ и г-жи Роневская, Мартынова, Толмачова и Левшина. Не проходить недъли, чтобы не было

по-крайней-мірі двухъ такихъ благотворительныхъ домашнихъ театральныхъ представленій. Обществами дано уже пъсколько спектаклей, въ которыхъ сыграны: Драма «День изъ жизни художника»; комедін: «Странная ночь», «Какъ аукнется, такъ и откликиется» и «Двъ камелін»; водевили «Мужъ пляшеть, а шаферь чулокъ вяжеть», «Маленькое облачко» и «Мельничиха въ Марли». Кромъ этого, общество намърен: дать «Провинціалку»—Тургенева; а первое общество выбрало пьесы изъ прежняго своего репертуара: «Романъ на большой дорогъ», Загоскина, «Женская натура», комед. Кони и «Заколдованная яичница». Желаніе полюбоваться этими представленіями до-сихъ-поръ у насъ такъ велико, что постоянно почти недостаетъ билетовъ. Такое большое требование не покажется удивительнымъ, если я прибавлю, что въ числъ исполнителей есть много замъчательныхъ талантовъ, способныхъ удовлетворить условіямъ самой строгой сценической критики, а постоянные представленія, віроятно, еще боліве будуть способствовать къ дальнійшему развитію таланта и въ другихъ. Этими двумя обществами впрочемъ неограничивается у насъ общее стремленіе къ подобному препровожденію времени, и куда только ни появишься, вездъ услышишь извъстіе о какомънибудь новомъ домашнемъ спектаклъ, съ тою же благотворительною цълію. Много толкують у нась въ Москві, что даже въ самомъ тихомъ и постоянно сосредоточенномъ въ домашнемъ кругу, замоскворъцкомъ купеческомъ обществъ, которое съ исходомъ дня обыкновенно запиралось за своими высокими воротами, возникла такая же драматическая страсть и домашніе спектакли сделались не редки. Какъ исполняются пьесы въ этихъ спектакляхъ, мит неизвъстно, но только присутствовавшіе на нихъ говорять, что большею частію даются туть пьесы -г. Островскаго и разыгрываются съ особеннымъ успъхомъ, въ чемъ, впрочемъ, и не можетъ быть большаго сомнънія. Въроятно, неоднократно случается, что въ этихъ пьесахъ роли лицъ, созданныхъ авторомъ, сами того не въдая, представляють тъ оригиналы или люди очень близко къ нимъ подходящіе, съ которыхъ г. Островскому приходилось чертить конін своихъ героевъ, а всякому извъстно, что какъ бы ни быль блъденъ оригиналъ, онъ всегда бываетъ интереснъе копіи.

Общественные маскерады наши, и болье всего маскерады нашего дворянскаго собранія, также измінили нынішнюю зиму свои давнопринятыя условів и обычаи. Прежде, необходимыми условіеми для входа вимаскерады дворянскаго собранія почиталось, чтобы посітители, неизвістные конторіз представляли для выдачи ими маскераднаго билета записку оть какого-нибудь члена и потому, недільные, положенные маскерады бывали постоянно малолюдны. Слідя за такою странною пусто-

тою, старшины рёшились наконецъ послёдовать примеру С.-Петербургскаго дворянскаго собранія и назначили обыкновенные публичные маскерады для всёхъ прилично одётыхъ лицъ. Это нововведение сопровождалось огромнымъ успъхомъ, и теперь наша огромная зала постоянно наполнена многочисленными и разнообразными масками и оживлена группами характеристическихъ кадрилей. Любимымъ разнообразіемъ маскерадовъ остались, какъ и прежде, цыганскія пъсни, но увы, нынъшніе наши цыганскіе хоры-только бледныя тени прежнихъ живыхъ и одушевленныхъ цыганъ. Привлеченные успъхомъ своихъ петербургскихъ собратій и любовію петербургцевъ къ ихъ пъснямъ, лучшіе цыганскіе хоры переселились отъ насъ на берега Невы, въ Пассажъ, на Излеровскія минеральныя воды, и о прежнихъ знаменитыхъ запівалахъ и півнцахъ нътъ теперь у насъ и помину, хотя наши хоры, для приданія себі больше значенія, и называють себя на афишахъ петербургскими. Въроятно, цыганы совсемъ бы вышли изъ моды, еслибъ не были находчивы. Они сочинили вовую песню, которую поють хоромъ: «Ты Настасья, ты Настья, отворяй-ка ворота»; пъсня эта возбуждаетъ страшный фуроръ и вызываетъ восторженныя рукоплесканія. Маскерады н'ємецкаго московскаго клуба еще оживленнъе и многолюдиъе и въ нихъ можно видъть маски въ самыхъ фантастическихъ костюмахъ, особенно наканунъ новаго года и на нъмецкой масляниць, когда клубъ занимаетъ всь залы и всь помъщенія зданія дворянского собранія. Въ этихъ маскерадахъ вы встрѣтите французскаго маркиза, вальсирующаго съ камчадалкою; турецкаго дервиша, полькирующаго съ еврейкою, испанку съ дикимъ американцемъ и пр. Маскерады итмецкаго собранія еще замічательніе тімь, что, кромі приверженности посътителей къ національнымъ маскераднымъ платьямъ, на нихъ посттители, начавъ танцовать съ десяти часовъ, дотанцовываютъ послъдніе па уже при свъть мерцающей утренней зари.

Нынъшней зимою въ Москвъ вошли въ большое употребление троичныя катанья, и хотя тройки и не стоятъ у насъ на биржахъ и достать ихъ стоитъ порядочныхъ хлонотъ, однакоже на всъхъ почти улицахъ можно замътить катающихся. Сборными мъстами служатъ обыкновенно загородная ресторація Яра, за Тверской заставой, и Эрмитажъ. Эрмитажъ не жалълъ ни трудовъ, ни издержекъ, чтобъ доставить удовольствіе публикъ, украсилъ садъ, учредилъ горы, обзавелся хрустальною залой, стъны которой сдъланы изъ рамъ, въ родъ оранжерен; но все это не привлекаетъ столько публики, чтобъ хозяинъ и вполовину выручилъ сумму, которую пожертвовалъ на украшеніе своего заведенія. Ни цыганскіе хоры, ни порядочный оркестръ не могутъ привлечь на-

шихъ москвичей, привыкшихъ болъе къ домашней жизии. Концерты, бывшіе до-сихъ-поръ, также не отличались многочисленностію. Они открылись концертомъ Маріетты Роффи. Півнца эта, не смотря на свой голось, замічательный по полноті, свіжести и пріятности, какъ-то не поправилась нашимъ дилетантамъ; они обвиняли ее въ отсутствіи метолы, выраженія и чувства. Впрочемъ, г-жа Роффи еще очень молода и, можеть быть, со временемь образуется. Вследь за ея концертомъ даваль концерть на гитаръ г. Соколовскій, собирающійся дать также концерть и въ Петербургъ. Изъ петербургскихъ артистовъ у насъ покуда только любимецъ вашей публики Иванъ Гунгль; но и онъ, при всей своей известности, остается какъ-то въ тени, потому-что играетъ въ цирке, маскерады котораго также какъ-то не устранваются, не смотря на то, что циркъ очень радушно отворяетъ всімъ двери, объявляя за входъ по четвертаку съ дамы, а иногда и совершенно инчего не беретъ съ женскихъ масокъ. Больше всего выигрываетъ посътителями панорама, открытая на Тверской, въ дом'в Дубенскаго, представляющая цёлый рядъ картинъ замъчательныхъ современныхъ событій, какъ напримъръ: сраженіе при Ольтениць 23 октября, разрушеніе англійскаго парохода Тигръ, переправа русскихъ войскъ черезъ Дунай близъ Мачина, сражение при Альмъ 8 сентября, сражение подъ Карсомъ, бомбардирование Севастополя, и др. Всв виды рисованы въ Лейпцигв художникомъ Тиме, по заказу хозянна панорамы, съ рисунковъ Художественнаго Листка Тимма, а некоторые сняты съ натуры на самомъ месте.

Въ заключение скажу вамъ, что, не смотря на порядочные морозы, всъ классы московской публики очень усердно посъщаютъ балаганы подъ Новинскимъ. Балаганы наши съ каждымъ часомъ все болъе и болъе выигрываютъ въ паружности.

things sold drig out to the last the last the same to pour the content blood that is

este moses en auto esculos esculares da la comercia de la comercia del comercia de la comercia de la comercia del comercia de la comercia del la comercia del la comercia de la comercia del la comercia del la comercia de la comercia del la co

a capital form where the recording are it of the next that the first that

Корреспондентъ.

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

Nº 2.

мужъ въ отлучкъ.

комедія въ одномъ двйствін.

THOME THOME

ПЕРЕДВЛАННАЯ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

9. АНАТОЛИНЫМЪ.

PHERRYAP'S PYCCHON CHARL.

дъйствующія лица:

ЖЮЛЬ ДЮЛЕ. ЭМИЛИ. МАРИ, горничиая.

Дъйствіе въ Парижъ.

CE OPARHIVOCKAPO.

BUTTHAN THORES AT THE SHARE

O. AHATORMENICE.

RABHALLERATION

кака выше много — купра купла любить помить ...понокълшенто... Вкак Ахъ Мара канча есь мужчяны больо пла мецьо

Маке. А наше-то муженесь, можеть бать повядь изы посъ? Види Напричика! Это отличны, бългородиейска ислания.

Хорошенькая комнатка, убранная въ женскомъ вкусъ: много цвътовъ, картинъ, медальоновъ. Открытый рояль и этажерка съ нотами. Пяльцы. Изящный письменный столъ съ множествомъ бездълушекъ и вазою съ цвътами. Дверь въглубинъ, другая слъва: объ драппрованы. Направо окно.

Mars menopoley Acts superis environ in nominated Myres in most apply a upythe application of the superish and the superish and the superish applies that it is not the superish and the superish

жену, милоденнять присточник, принцепеция из ней .....

моракъ, пли по служба кули-инбуда командировина. По мужда Вими ее бостоо Да нама се! Ковериъ не чо! Розители

ЭМИЛИ, въ роскошномъ утреннемъ нарядъ, сидитъ за пяльцами. Немного погодя, она звонитъ. Входитъ МАРИ.

Эмили. Ну, что, Мари, писемъ не приносили?

Мари. Нътъ, сударыня.

Эмили. Странно!.. (Смотрить на часы). Впрочемъ, еще рано... върно почту разбираютъ.

Мари. Вы, кажется, ждете это письмо съ большимъ нетер-

a ser 3munit. Ma. sergin all stagement tagements mange automates

Мари. Върно отъ супруга вашего?

Эмили (со вздохомо). Нътъ.

Мари. А!.. Такъ значитъ вы вдова.

Види. Фабричайе съ ужасожъ и вопичкъ въздът Нисилий

Мари. Выходить: супругь вашь въ отлучкъ.

ло все здавје... Баруга прибагаеть жевиния, регла пилиме въ

-ох Мари. И скоро воротится? словобо отр. Атпопра в лінавича

четь броситься ва отопь, но ое не пускоголовие Не знаиссеми

Мари (всторону). Странно! Просто стыдъ сказать: вотъ ужъ я десять дней живу въ этомъ домъ, а еще ничего не разузнала... Ну, да пусть секретничаетъ, отъ меня иголки не утаишь... Всю подноготную провъдаю. (Вслухъ). Върно муженекъ-то вашъ...

какъ нынче многіе — жуиръ, кутила, любитъ пожить... поповъсничать...

Эмили. Ахъ, Мари! нынча всъ мужчины болъе или менъе повъсы!

Мари. А вашъ-то муженекъ, можетъ быть, повъса изъ повъсъ?

Змили. Напротивъ! Это отличный, благороднъйшій человъкъ. Мари. Благороднъйшій человъкъ! и вдругъ оставилъ такую жену, молоденькую, красавицу... равнодушенъ къ ней...

Эшини. Кто? онъ? Да онъ во мнъ души не слышалъ!

Мари. Такъ, значитъ, вы его не любили?

Эмили. Я отъ него съ ума сходила. Онъ первый, кого я полюбила и кромъ его никого любить не буду.

Мари (всторону). Хоть заръжь—ничего не понимаю! Мужъ и жена другъ дружку обожають, а живуть врознь! Здъсь что-пибудь да не такъ... (Вслухъ). А, понимаю! Супругъ вашъ върно морякъ... или по службъ куда-нибудь командированъ...

Эмини (съ досадой). Да нътъ же! Совсъмъ не то! Родители назначали насъ другъ для друга еще съ дътства... но мы ни-когда не видались. Я воснитывалась въ Парижъ, онъ жилъ въ Нью-Іоркъ... но въ день, когда намъ суждено было свидъться... О! я не могу вспомнить объ этомъ страниюмъ происшествии: оно причиною всъхъ нашихъ несчастій.

имать. Происшествіе... страшное....ну, теперь я начинаю по-

Эмили. Мнъ кажетоя, какъ будто это случилось вчера! Вечеромъ я сидъла съ батюшкой за чайнымъ столомъ; вдругъ слышимъ крики: «пожаръ! пожаръ!» Въ испугъ мы бросились изъ комнаты, и что же! Рядомъ съ нами горитъ бумагопрядильная фабрика.

Мям. Ахъ, Творецъ небесный!

Эмили. Фабричные съ ужасомъ и воплемъ выбирались изъ дому, вынося дътей и ножитки... пламя въ одинъ мигъ обхватило все зданіе... Вдругъ прибъгастъ женщина, растрепанная, въ отчаяніи... кричитъ, что ребенокъ ея остался въ колыбели, хочетъ броситься въ огонь, но ее не пускаютъ... Въ это время по улицъ мчится дорожная коляска, пожарные ее останавливаютъ... изъ нея выскакиваетъ молодой человъкъ, узнаетъ въ чемъ дъло, и, не говоря ни слова, бросается въ огонь... Всъ вскрикиваютъ отъ ужаса! Проходитъ пъсколько минутъ, странныхъ, убійственныхъ, проъзжій не показывается... всъ считають его погибшимъ, какъ вдругъ онъ высканиваетъ изъ пламени съ ребенкомъ на рукахъ. Восторженные крики раздаются со всъхъ сторонъ... Teor nicean non conserva turin come

Мари. Экой молодецъ!

Эмили. Онъ отдаетъ ребенка матери, а самъ, израненный, обезображенный, обгоралый, падаеть безъ чувствъ... И знаешь ли ты, кто быль этоть неустранимый, благородный чело-NA THOM TORON - A TEL MUNIC HE SHOWS въкъ?

Мари. Кто-жъ такой?

Эмили. Жюль Дюле, мой женихъ.

Мари. Ахъ, онъ мидашка! Да я бы его расцъловала.

Эмили. Я была отъ него безъ ума. Его неренесли къ намъ... Усилія доктора возвратили его къ жизни; но тоть же докторъ объявиль, что жить ему остается всего двадцать часовъ.

Мари. Скверный докторъ!

Эмили. Можешь представить мое положение. Я рыдала, какъ ребенокъ, я не хотъла съ нимъ разстаться и, почти въ помъщательствъ, объявила батюшкъ, что если мы уже назначены другъ для друга, то я непремънно хочу носить его имя и сдълаться его женою, прежде, чъмъ онъ сойдеть въ могилу... Слезы мон тронули всъхъ, больной самъ хотълъ исполнить мою волю... на утро насъ обвънчали, а къ вечеру...

Мари. Онъ умеръ? Эмили. Напротивъ; сдълался переломъ бользии и докторъ сказаль, что отвъчаеть за его жизнь.

Мари. А что вы думаете? Въдь это его свадьба вылечила. Эмили. Восемь дней онъ лежаль въ горячкъ; я не отходила отъ его постели... Когда онъ сталъ поправляться, я всячески старалась его утышить, разсвять... разсказывала разныя исторіи, пъла романсы. Одинъ изъ нихъ онъ особенно любилъ... и съ-тъхъ-поръ этотъ романсъ сдълался и моимъ любимымъ.

МАРИ. Ахъ, сударыня, спойте, пожалуйста, должно быть очень хорошо. Serger Our, dance understein. De apadiment vans tons ich leine

DETE. R VEHICLES OUT THE HOUSE R. STEE

Усии, мой другь, и тихо къ изголовью Присяду я, чтобъ сонъ твой охранять. Пускай мечты, навъянной любовью, нед вы пторбо выдеря. Печаль и грусть не смъють отогнать:

more Danit More some

Пусть осънить невидимая сила Твою главу, какъ ясный небосклонъ, И все, что здъсь я въ сердцъ затаила Тебъ пускай разскажеть тихій сонъ.

Какъ долго я все о тебъ мечтала, Какъ образъ твой мнъ сердце волноваль, Какъ я въ душъ молилась и страдала За твой покой, — а ты меня не зналъ! Какъ сердце вдругъ при встръчъ такъ забилось, Какъ-бы твердя: смотри, въдь это онъ! И все, что я пересказать стыдилась; Тебъ пускай разскажеть тихій сонь. Person, our crow on comment on ore akaraganon aperator, aine V

Мари. Прекрасно! Да отъ этого всякому легче станетъ.

Эмили. Онъ скоро выздоровъль... но...

Мари. Не поняль вашей пъсенки?

Эмили. Нътъ... но лицо его было страшно обезображено.

Маря. Какая жалость!

Эмрин. Докторъ объявиль, что ньть средствъ излечить его.

Мерн. Ахъ, вы, бъдная.

Эмин. Когда онъ оправился, спросиль зеркало, взглянуль, вскрикнуль и зеркало выпало у него изъ рукъ. при при

Мари. И разбилось?.. Это дурная примъта.

Эмили. На другой день-мужъ мой исчезъ.

Мари. Вотъ видите!

Эмили. Онъ оставилъ мнъ письмо, въ которомъ говоритъ: что не хочетъ сдълать меня жертвою моего минутнаго увлеченія: что предоставляеть мнъ полную свободу и что имъ приняты всъ мъры, чтобъ мы никогда болъе не встръчались въ жизни.

SHOURS OUT HE STREET OFFI COUNTY

Мари. А что, сударыня, онъ быль очень безобразень? E Marketo, and Troy's postores (postores exerting

Эмили. Ахъ, да.

Мари. Ну, а до несчастія?

Эмили. Онъ быль красавецъ. По-крайней-мъръ такъ всъ говорять. Я увидъла его уже послъ пожара.

Мари. Но все же это очень странно. Еслибъ всъ некрасивые мужья нокидали женъ подъ этимъ предлогомъ, такъ почти весь Парижъ обратился бы во вдовій домъ...

Эмили. О, мой мужъ оригиналь, человъкъ необыкновенный,

эксцентрикъ... это какая-то смъсь самыхъ высокихъ поступковъ и самыхъ смъшныхъ странностей.

Мари. Однако, знаете, положение ваше довольно затруднительно... вы молоды, хороши собою... и вдругъ безъ мужа.

Эмили. О, мужъ мой возвратится. Мы узнали, что онъ въ Италіи. Батюшка повхаль его отыскивать и пишеть, что ужъ напаль на его слъдъ. Онъ объщается привезти его непремънно. (Въ передней звоиять). Кто-то звонить. Отопри и если это почтальонъ, принеси мнъ поскоръе письмо.

Мари. Сію минуту. (Уходить).

Эмили. Батюшка теперь долженъ быть въ Неаполъ... скалъ ли онъ его?... Ахъ, какъ бы я желала поскоръе узнать, что онъ мнъ пишетъ.

Мари (возвращаясь). Важная новость! важная новость!

Эмили. Что такое?

Мари. Какой-то господинъ, такой хорошенькій, съ усиками, просить позволенія вась видьть.

Эмили. Что ему надобно?

Мари. Говоритъ, что привезъ письмо отъ вашего мужа.

Эмили. Отъ мужа! Ахъ, проси, проси скоръе... Но я не одъта... и прическа... Попроси его здъсь обождать и потомъ помоги мнъ одъться. (Уходить).

Мари (въ дверяхъ). Пожалуйте! Барыня сейчасъ выйдетъ. Онъ одъваются и просять васъ обождать немного.

the out approximate our conference out the recognition of the contraction areas. ток. Это давина, что вы уместь перраменто. О чорто выми.

ecua ratts, re and dre vent geneers? see Wiest! Cheecelevile. x.m maniposiek.c. lyanic ocasor parks on rectargy. March uporen, so-

мари и жюль дюле.

Жюль. Хорошо, милая, я подожду. (Мари уходить). Наконецъ я дома!.. У жены... у моей жены... Странно, однако... со мной что-то особенное, какое-то непонятное волненіе... впрочемъ, что же тутъ страннаго? Мое положение, хотя интересно, но довольно щекотливо. Какъ подумаю о разныхъ открытіяхъ, которыя могу сдълать, пользуясь моимъ инкогнито, такъ меня такъ морозъ по кожъ и подпраетъ... Ну, ну, не трусить! Я даль клятву, что буду спокоень, хладнокровень... и еслибь мое испытаніе привело къ невыгодному результату, я поступлю,

какъ мужъ-философъ: шляпу на голову, чемоданъ въ повозку и прощай жена! И на этотъ разъ, навсегда! Я увду и она даже не узнаеть, что я быль у нея. (Подходить къ зеркалу и охорашивается). Да и гдъ ей узнать, когда я самъ себя не узнаю: красавчикъ да и только!.. А право, я, кажется, мало далъ этому итальянцу-шарлатану, который вздумаль меня вылечить! Въдь какъ отдълаль: заново, просто загляденье, и все за тысячу франковъ! Человъкъ-человъкомъ сталъ, а въдь прежде бывало взглянешь, да такъ и хочется плюнуть. Теперь женщины посматривають на меня уже не съ отвращениемъ, а напротивъ, даже этакъ... тсъ! тише! жена, пожалуй, услышитъ... Фу, ты пропасть! я все забываю, что она меня незнаетъ... То-то ей будетъ сюрпризъ! Какъ она обрадуется... да, обрадуется... а какъ нътъ? Если сердце ея выбрало другаго? О, тогда я не знаю, что я сдълаю! Я осышлю ее упреками, насмъшками, я прокляну ее!.. Какъ глупо! За что-же? Самъ бросилъ, самъ предоставилъ ей полную свободу... и вдругъ претензія: какъ моль вы смъли полюбить другаго. А она, бъдное, несчастное твореніе, прелестная какъ картинка, пылкая какъ трутъ, вспыхнувшая, ужъ не отъ сердечнаго огня, а отъ одного моего обжога, осуждена мною на въчное одиночество, на страданіе... это просто безчеловъчно, безчестно... у меня сердце надрывается, какъ только я вспомню о ея положени... Ну, ну, расчувствовался! Спокойствіе, хладнокровіе!.. (Нетерпъливо похаживаеть по комнать). Однако, она что-то долго рядится, чтобъ принять незнакомаго человъка: это признакъ кокетства, это въдь того... это значить, что она хочеть понравиться... О, чорть возьми, если такъ, то я... Это что? ревность? Фи, Жюль! Спокойствіе, хладнокровіе!.. Лучше осмотримъ ея комнату. Мило, просто, хорошо! Букетъ фіалокъ, эмблема скрытой добродътели. Очень трогательно! -- Пяльцы... какая чудная работа! Что я вижу? какъбудто мой вензель... Да, Ж и Д, Жюль Дюле... (Цилуя узорь). Милая, прелесть, душечка!... Опять расчувствоватся! спокойствіе и хладнокровіе!.. Однако, скучно, какъ она долго... Это что? (Береть книгу). Александръ Дюма... Займемся хоть сказкой, въ ожиданіи истины. (Садится въ кресло и читаеть).

прави чись порода посу і джень, подворись пойка видогинго, чись поин чись порода не поможь и подпристь,... Иу, иу, не трубкът В. Доук, клическу туб буду споиот и макупонравент.... и селибь это пенежания пенежания пенежания...

III.

жюль и мари.

Мари (всторону). Смотрите, ножалуйста, какъ развалился, точно дома. (Подходя). Барыня извиняется, что заставила васъ долго ждать, она сейчась выйдеть.

Жиль (всторону). Не распросить ли горничную? (Ей.) Скажи, душенька, ты давно служишь у госпожи Дюле?

Мари. Ужъ больше недъли.

Жюль. Только-то!.. Значить, ты не знаешь...

Мари. Чего это?.. Извините, я все знаю... Я знаю, что барыня не замужемъ, то есть, и замужемъ и не замужемъ какъ хотите; даже хуже, чъмъ замужемъ; и мужъ есть — да зеленъ виноградъ — его не достанешь.

Жюль. Какъ! Неужели она еще не утъшилась послъ отътзда мужа?

МАРИ. Нътъ. Но, кажется, начинаетъ утъщаться...

Жюль (вспыхнувь). Что? (Про себя.) Спокойствіе, хладнокровіе.

Мари. А какъ по вашему? Не цълую-же жизнь его оплакивать. Жюль. Но... энимий она до от от от от

Мари. Да развъ можно любить человъка, который бросиль жену въ первыя двъ недъли?

Жиль. Но онъ увхаль изъ великодушія, потому, что онъ быль...

Мари. Ужасно нехорошъ собою.

Жюль. Ужъ и ужасно!

Мари. Просто безобразіе! Такъ говорить барыня... Но всетаки лучше имъть безобразнаго мужа, чъмъ вовсе никакого: это мое правило.

Жиль. Но въдь онъ предоставилъ ей полную свободу...

Мари. Хороша свобода! Покорно благодарю. О, еслибъ я была на мъстъ барыни...

Жюль. Что-жъ бы ты сдълала?

Мари. Прінскала бы себъ такого красавчика, такого душку, что просто....

жить (всторону). Какова! Нътъ, эту дъвчонку я сгоню со двора... то есть, если останусь здъсь... Это настоящая язва.

Мари. А вотъ и барыня.

IV.

ТЪ ЖЕ и ЭМИЛИ.

Жюль (всторону). Какъ хороша-то! Что за шейка! а ручки-то; а глаза... Я не вытерплю.... тсъ! Спокойствіе, хладнокровіе! (Подходя къ Эмили и раскланиваясь.) Простите, что я осмълился обезпоконть васъ.... но вотъ письмо, которое объяснить причину моего посъщенія.

Эмили. Это отъ моего мужа? отъ Жюля?

Жюль. Отъ него.

Эмили (распечатывая). Вы позволите? (Жюль выжливо клаимется.) «Податель этого письма, Эдуардъ Клервиль, лучшій другъ мой. Онъ никого не знаетъ въ Парижъ и просилъ отрекомендовать его вамъ. Я не могъ отказать его усильной просьбъ, тъмъ болъе, что самъ ему много обязанъ. Примите его, какъ друга, какъ брата, въ память нашего роковаго союза, составившаго вмъстъ счастіе и несчастіе всей моей жизни.» (Жюлю). Милости просимъ, дорогой гость! Я въ восхищеніи, что вижу вась у себя.

Жюль (всторону). Это что-то сильно сказано, но я...

Эмили. Это письмо даетъ вамъ полное право на мою дружбу и расположение.

Жюль (всторону). Ага! значить моя рекомендація дъйствуеть. Это лестно! (Ей.) Вы върно позволите мнъ представиться вашему батюшкъ? Другь мой Жюль такъ много говориль мнъ о немъ, что я за особенное счастіє сочту съ нимъ познакомиться.

Эмили. Отца моего нътъ въ Парижъ.

Жюль (всторону). Тъмъ лучше. (Громко.) Гдъ же онъ?

Эмили. Онъ убхалъ въ Италію, отыскивать моего мужа.

Жюль. Позвольте вамъ дать добрый совътъ...

Эмили. Сдълайте милость.

жить. Попросите батюшку возвратиться. Я могу васъ положительно увърить — Жюля Дюле теперь нътъ въ Италіи.

Эмили. Ужъ не во Франціи ли онъ?

жиль. (Пожимая плечами.) Это тайна... Я одинь ее знаю, но даль клятву, никому не открывать.

Эмили. Въ такомъ случаъ, вы нарушите вашу клятву.

жиль. Какимъ образомъ?

Эмили. Во-первыхъ, я васъ не выпущу, пока вы не скажете, гдъ мой мужъ...

жиль. (Улыбаясь.) Какъ! Значитъ, я здъсь не въ безопасности?

Эмили. Во-вторыхъ... Позвольте, вы гдъ остановились?

жиль. Въ Отель де Принсъ, у бульвара Капюсень. (Эмили звонить.) Неужели она серьозно оставить меня здъсь? Незнакомаго молодаго человъка! Нътъ, чортъ возьми.... Спокойствіе, хладнокровіе.

Мари (входить). Что прикажете?

Эмили: Вели Жаку сейчасъ идти въ Отель де Принсъ, пусть тамъ возьметъ вещи г. Клервиля и привезетъ ихъ сюда... Потрудитесь написать объ этомъ хозяину гостинницы.

Жюль. Но, сударыня...

Эмили. О, пожалуйста, не опасайтесь... я живу не одна; здъсь со мною братъ...

Жюль (всторону). То-то. (вслухъ.) Такъ вы хотите непремънно....

Эмили. Я этого требую. (Указываеть ему на письменный столь).

Жиль. Очень лестно! (Садясь писать, всторону). Но если она принимаеть всъхъ друзей въ такомъ-же родъ, то дъло выходить... (Отдавая Мари записку.) На!

Мари (всторону). Вотъ онъ и живетъ у насъ! Ну, чтожъ, въдь онъ отъ мужа, другъ его.

жели я обязанъ этимъ ласковымъ пріемомъ болъе моей личности, чъмъ моей рекомендаціи?

Эшили (садясь за пяльцы и указывая Жюлю на стуль возлю себя). Вы часто бывали съ монть мужеть?

Жюль. Какъ же! Я съ нимъ никогда не разставался.

Эшили. Скажите же мнъ, откровенно... неужели вы, какъ истинный другъ, никогда не совътовали ему возвратиться къ намъ?

Жиль. Напротивъ! Я ему тысячу разъ говорилъ: «Послущай душа моя, въдь ты ужасно глупъ! — Извините, ради Бога! знаете, когда говоришь съ самимъ собою... то есть, когда говоришь съ другомъ, хотълъ я сказать, то говоришь, какъ съ самимъ собою. — Такъ я ему и говорю: «Ну, помилуй, можно-ли оставлять такую жену, какъ твоя, молоденькую, свъженькую,

прелестную собою»... (веторону). Краснъеть, краснъеть... О!.. Спокойствіе, хладнокровіе! (вслухъ). «Воротись-ка лучше домой, любезный».—Не могу!—«Отчего?»—Ну, да оттого, что не могу!»—Что съ нимъ прикажете дълать?

Эмили. Для меня его поведеніе непонятно.

жиль. А для меня такъ очень, особенно съ-тъхъ-поръ, какъ я имълъ счастіе васъ увидъть.

Эмили (въ смущении). Г. Клервиль... (Всторону). Какъ онъ смотритъ на меня.

Жють (всторону). Потупляеть глазки, значить не привыкла къ комплиментамъ. (Вслужь). Впрочемъ, на немъ нельзя строго взыскивать: онъ чудакъ, оригиналъ, эксцентрикъ. Вообразите, что онъ сдвлалъ въ прошломъ году. Мы были въ Петербургъ во время вскрытія Невы. За объдомъ онъ побился объ закладъ, что перейдеть Неву по льдинамъ. Что-жъ вы думаете: пошелъ, получилъ воспаленіе въ легкихъ и чуть не умеръ.

Эмили: Какое неблагоразуміе!

Жюль. Можетъ быть, за то я сдержаль слово.

Эмиль. Какъ, вы сдержали слово?

жиль. То есть—я сдержаль слово, такъ говориль другь мой жиль.

3muns. A! 07 . The Grand of the fire fig. are not accommunity

Жиль (всторону). Чорть возьми! Потеряль спокойствіе и хладнокровіе! (Вслухъ). Что дълать! Ужь такой характерь! Еслибъ онъ даль слово взлъзть на луну...

Эмили. Такъ и влъзъ бы?

Жюль. По-крайней-мъръ, попробоваль бы.

Эмили. Все это юношескія фантазіи, увлеченіе молодости.

жють. Ошибаетесь, это скорье результать глубокихь убъжденій.

Эмили, И вы ихъ раздъляете?

- Мюль. Вполнъ. Стан видаче дани он оченскай жили

Эмили. И также оставили бы свою жену?

Жюль. Ну, въ этомъ я начинаю съ нимъ расходиться. Вмъсто того, чтобъ разсматривать себя въ зеркало, ему бы слъдовало побольше смотръть на свою жену... Тогда, ручаюсь, онъ ни за что не увхаль бы отсюда.

Эмили. Господинъ Клервиль...

жиль (всторону). Всныхнула... душка, прелесть, загляденье... тсъ! Спокойствіе, хладнокровіе. **Эмили** (всторону). Онъ, однако, ужъ черезъ-чуръ пользуется довъренностію моего мужа.

Жюль (всторону). А если это кокетство? О, тогда...

Эмили (всторону). Этакъ онъ, пожалуй, еще вздумаетъ объясниться мнв въ любви!

Жюль. Ну, а вы, сударыня, какъ проводили все это время?

Эмили. Ждала мужа.

Жюль. И долго еще намърены его ждать?

Эмили. Пока возвратится.

Жюль. А какъ этого не будеть?

Эмили. Будеть, непремънно будеть.

Жюль. Но отчего вы такъ увърены?

Энили. Оттого, что мнъ сердце говорить, что я его увижу. Жиль (всторону). Ей Богу, брошусь къ ней на шею... тсъ! хладнокровіе! (Вслужь). И въ ожиданіи все будете продолжать

свою уединенную, грустную жизнь.

Эмили. Конечно.

Жюль. Напрасно. Мужъ дурачится, а жена страдай! это ни съ чъмъ не сообразно. Вамъ надо веселиться, развлекать себя, выбъжать въ свътъ... Молодая, хорошенькая женщина принадлежитъ обществу; скрывшись отъ свъта, вы сдълали просто по-хищеніе, вы въдь себя украли у общества, а воровство, сами знаете, кромъ совъсти, наказывается и законами.

Зини (всторону). Хорошъ пріятель! (Вслухъ). Но такіе совъты...

жов. Вы можете ихъ слушать. Я говорю вамъ прямо, потому что я другъ вашего мужа...

Энили (всторону). Оно и видно. (Вслухъ). Но вы забываете, что молодая, неонытная женщина, бросившись въ вихрь свъта, очень легко можетъ увлечься...

Жиль. Что жъ за бъда! И увлекайтесь: увлечение свойственно человъку.

Эмили. Мнъ, право, странно слышать отъ васъ...

Жиль. Ничего нать страннаго! Кому жъ и дать вамь благой совать, какъ не человаку, который знаеть вашего мужа, какъ самого себя.. Повърьте мнв, не тратьте золотое время, не губите напрасно красоты и молодости, пользуйтесь всъмъ, что теперь еще вамъ улыбается... вокругъ васъ блескъ, роскошь, упоеніе... Для васъ заблещутъ всъ глаза, для васъ забыотся всъ сердца... Всномните стихи:

Пей, пока еще полна
Наслажденій чаша,
Такь какь быстрая волна
Мчится юность наша,
И пора любви гостить
Пташкой беззаботной:
Попоеть намь и польстить
И ужъ ньть залётной!

(Всторону). Фу, ты пропасть, какой я тонкій политикъ! (Вслухъ). Для начала, не хотите ли: сегодня баль и маскерадъ въ Оперъ. Если позволите, я буду вашимъ кавалеромъ.

Эмили (вставая). Господинъ Клервиль!

Жюль (всторопу). Она въ негодовании — превосходно!

Эмили (холодно). Вы върно забыли, что вы друга моего мужа?

Жюль. Нътъ; я помню и горжусь этимъ названіемъ.

Эмили. Ну, такъ я поздравляю Жюля съ его проницательностію! онъ отлично умъеть выбирать друзей и повъренныхъ.

Жюль. Но, кажется, я не употребиль во зло его довърія? Эмили. Вы такъ думаете?

Жиль (всторону). Ръшительная минута наступаеть... хватимъ ей признаніе! (Вслухъ). Но развъ вы не свободны? Бросивъ такую милую, очаровательную жену, вашъ мужъ разорваль съ вами всъ связи? О, еслибъ я, самой покорной, самой нъжной, самой безкорыстной любовью могъ снискать хоть сотую долю той привязанности, которую онъ пріобрълъ однимъ смълымъ поступкомъ, я считалъ бы себя счастливъйшимъ человъкомъ; я сталъ бы васъ любить всю жизнь... пламенно, страстно, какъ безумный... (Бросается передъ нею на кольна и схватываетъ ел руку; она ее вырываетъ).

Эмили. Что это? Вы забылись!

Жиль (всторону). Прелесть! Чудо! душка! (Ей). Простите! Но я не въ состояніи долье сдерживать моихъ чувствъ... Съ тъхъ поръ, какъ я васъ увидълъ, я себя не помню, свъта не вижу, въ васъ души не слышу... Не отвергайте самаго чистаго, самаго пылкаго чувства... Я... я не знаю, что я сдълаю... (Всторону). А что, какъ она меня не выгонитъ!

Эмили (съ достоинствомъ). Мужъ мой даль вамъ много правъ, но есть право, котораго мужъ передать не можетъ, это право—

внушить женъ уваженіе. Встаньте, милостивый государь! И чтобъ избавить васъ отъ труда продолжать безплодное изліяніе вашихъ нъжныхъ чувствъ, я прошу васъ сейчасъ же оставить мой домъ: отнынъ для угодливыхъ друзей онъ запертъ.

V.

ТЪ ЖЕ, МАРИ.

Мари (подавая письмо). Вотъ, принесли съ почты.

Эмили. Хорошо. Господинъ Клервиль! Какъ я не надъюсь больше васъ увидъть, то позвольте проститься. (Присядает»).

Мари. Какъ, сударь! вы не остаетесь у насъ?

Эмили. Нътъ! господинъ Клервиль вспомнилъ, что у него есть важное дъло въ Нантъ и потому уъзжаетъ... Имъю честь кланяться! (Уходитъ).

Жюль (раскланивается).

Мари (всторону). Они было такъ поладили, и теперь вдругъ... Непонимаю! Ну, да въдь я всего десять дней въ домъ. (Уходить).

He had a common to make a man a man

bearinger Read one manager

ЖЮЛЬ ДЮЛЕ одинъ.

Отлично! Безподобно! Отдълала и вытурила! Не хочетъ меня видъть... Вотъ жена такъ жена! Мужъ говоритъ ей: я люблю васъ страстно, а она отвъчаетъ: убирайтесь вонъ! О! эта женщина живетъ только для меня, любитъ только меня, да въдъ какъ любитъ... то-есть, напротивъ, она меня терпътъ не можетъ... Я передъ нею изливаюсь со всъмъ жаромъ, со всъмъ увлеченіемъ страсти, а она вскакиваетъ съ мъста и указываетъ мнъ дверь. Конечно, эту ненависть побъдить мнъ не трудно, стоитъ только произнести три магическія слова: «я—вашъ—мужъ!» Но я поклялся открыться ей только въ такомъ случаъ, если она меня полюбитъ собственно за мою особу... а мужу, разумъется, всякая жена твердитъ, что его любитъ: это не хи-

трость... Значить, мнъ теперь только остается-нальво кругомъ и маршъ... А не хочется: она такъ мила, хороша, такъ увлекательна! Я чувствую, что люблю ее страстно. Разъ двадцать меня такъ и порывало-броситься, обнять, расцъловать ее и крикнуть: я твой мужъ. Но я далъ клятву и надо сдержать ее: спокойствіе и хладнокровіе.

VII.

жюль, мари.

Мари. Какъ? Вы еще здъсь?

Жюль. Сейчась вду... Скажи, пожалуйста, ты любишь свою барыню?

Мари. Еще бы! Она такая добрая, ласковая.

Жюль (даеть ей денегь). Служи же ей хорошенько... дишь, это принесеть тебъ выгоду.

Мари (смотрить на деньги). Ужъ теперь вижу.

Жюль. Такъ помни же: береги ее, не огорчай... (Вздыхаеть). Прощай! (Идеть къ двери).

МАРИ. Прощайте! Желаю счастливаго пути... (Всторону). Бъдняжка! какъ онъ печаленъ.

Жюль (возвращаясь). Послушай, милая...

Мари. Что прикажете?

Жють (помолчавъ немного). Прощай!

МАРИ. Прощайте. (Жюль медленно уходить).

вильть... Ногь двей чинь жей! Мужь говореть ей! и повлю nach erpaerus, a cun dracun myylondinach nonth Ol sro menmand numbers comes, and need, moders reason ment, an exis-

Osmuno! Bonnagobad! Organian naturages al Heromers, mens

The on dramery many summer, DMIAM. . TOO OF ... TY NOW, AND востью во стионом стионе по дополнени от первый Польматам.

Эмили. Ушелъ?

volumentens expactus a ona negationers co Мари. Ушель... И такой грустный.

Эшили. Взгляни въ окно: что? увзжаетъ?

Мари. Нътъ. Стоитъ на дворъ, думаетъ...

Эмили. Неужли? (Подходить къ форменьяно и какъ будто машинально начинает пьть). Когда души твоей мечтанья
Вдругъ разлетълись въ пыль и прахъ,
И полонъ тайнаго страданья
Стоишь надъ ними ты въ слезахъ,
Иди впередъ, закрывши въжды,
Есть и отъ боли върный щитъ:
Люби и върь! и лучь надежды
Вйовь сердце счастьемъ озаритъ.

(Въ половинь романса Жюль появляется въ дверяхъ, останавливается, слушаетъ и тихо подходить къ Эмили).

Мари. Прошу покорно: онъ опять здъсь.

Эмили (оборачивается, смотрить на Жюля какь бы въ изумлении и кокетливо улыбается).

Жиль (съ замъшательствомъ). Простите, я уже садился въ экипажъ, но вдругъ услышалъ вашъ голосъ и, очарованный, не могъ устоять противъ искушенія... Я самъ не знаю, какая-то магнетическая сила привлекла меня сюда.

Эмили. А! значить вы любите музыку? Это немножко мирить меня съ вами. (Жестомъ даетъ знать Мари, чтобы она вышла).

маря (всторону). Опять она съ нимъ ласкова... Ничего не понимаю! Но я здъсь только десять дней. (Уходить).

Жиль. Я бы хотълъ вамъ сдълать одно замъчаніе: позволите? Эмили. Очень рада. Върно не такъ пою?

Жиль. Нътъ, не то. А меня удивляетъ, какъ изъ такой холодной души могутъ вылетать звуки, которые доходятъ до сердца.

Эмили. Воть что! Такъ вы меня считаете холодною, безчувственною... и върно потому, что я не отвъчала на заученныя свътскія фразы, на стереотипные комплименты, которые вы расточаете всъмъ и каждой? Вотъ, господа, какъ вы судите женщинъ! Когда мы скромны, вы говорите: «въ нихъ нътъ души!» когда слишкомъ любезны, вы говорите, что мы навязываемся вамъ на шею.

Жиль (всторону). Ба! это что за ръчи?... Неужели я ощибся? Эмили (кокетливо). Оттого мы иногда поневолъ должны скрывать свои чувства.

Жюль (всторону). Ай, ай! Какимъ она это говоритъ тономъ... и глазки дъластъ...

Эмили. Вы знатокъ музыки, г. Клервиль?

Жюль. На столько, какъ и всъ. Нынче и лакен разсуждаютъ о музыкъ, наслушавшись онеръ-изъ театральнаго корридора; а ть, которымъ удалось продавать билеты у странствующихъ виртуозовъ, даже въ музыкальную критику пускаются.

Эмили (подавая ему ноты). Вамъ знакомъ этотъ дуэть?

Жиль. «Звъзда пастушка». Какъ же, знаю.

Эмили. Прелестная пьеса. ного, и выраги и прим.

Живь. Да... и въ особенности очень трогательная.

Эмили. Я ее очень люблю. Еслибъ я не боялась употребить во зло вашей снисходительности...

Жюль. Сдалайте милость, приказывайте.

Эмили. Можеть быть желаніе мое покажется вамъ ребячествомъ... Но, что дълать! я такъ давно пою все одна и одна...

Жюль. Какъ, вы хотите, чтобъ я спълъ съ вами этотъ дуэтъ! Эмили (очень нижно). Я васъ прошу. (Идеть къ фортепьяно).

Жюль (всторону). Ой, что-то плохо. MAIN ARREST MONTH OF THE

Эмили. Я васъ жду.

Жюль. Готовъ. (всторону). Ай, да женушка! HO. THE ATTROPHET IA .. RETWE

BMURE (noems).

Смолкло все. Вдали избушка... День за рощиней потухъ. Съ нетеривніемъ пастушка Ждеть давно тебя пастухъ.

Жиль. Славный голось, только зачамъ она такъ нажно поеть! Въдь это съ намъреніемъ.

Trees. Port From Mann (noems). I fort anoth seems

Чтожъ ты медлишь, мой Жанино? Ужъ вошла звъзда любви! Ахъ, спъши и сердце Нины Нъжной лаской оживи! HOUSE CHURSON AND CHRIS BUT

Эмили. Ну-съ? Что же вы?

Жюль. Ахъ, виноватъ. (поетъ).

Здъсь я, здъсь, мой другъ прекрасный?!

CERTATAL PROPERTY BETTER

... Amonor, grance of the same of the same

Чтожъ такъ поздно, милый мой?! Я ревнивальность и пенан /м слотена най опина

Жюль.

О, напрасно! Я дущей всегда съ тобей, Не смотри же такъ сердито. Дай мнъ ручку...

Эшили.

вона од апи принада на Воть она! Ты со мной и все забыто, (Нъжно, обращая къ нему голову). Грудь восторгами полна!

Жюль (всторону). Гдв она научилась такой выразительной мимикъ? frence day more notice arrestant ask small

Эмили. Да вы поете прекрасно, съ больнимъ вкусомъ.

Жюль. А вы съ такимъ чувствомъ, съ экспрессіей...

Эмили. Ну, теперь дальше.

Жюль. Дальше?.. (всторону). Какъ бы она не заным ужъ слишкомъ далеко.

Такъ скажи же мнъ, Жанино, Что ты любишь, что ты мой...

Жиль (всторону). Это ужъ черезъ чуръ ясно... она требуетъ отъ меня любовнаго признанія въ минориомъ тонь.

Эмили. Что же вы?

Жиль. Виновать.

Твой навъкъ, мой ангелъ Нина, Твой и мыслыю и душой!

Эмили.

О, неть словь такому счастью! Но я знать хочу сама, Ты моей доволень страстью?

Жюль (всторону). Какова откровенность!.. Я начинаю терять спокойствіе и хладнокровіе.

Эмили. Отвъчайте же!

жиль. Ахъ, да! отвъчать... (Поеть съ бышенствомь). Отъ нея я безъ ума!..

О, восторгъ! о, восхищенье! О, терзанье! о, мученье! Какъ довольна я судьбой! Я съ досады самъ не свой! Въ душу льется упоенье — Онъ теперь навъки мой!

Я смъщонъ и, въ заключенье, Дуракомъ вернусь домой! (Онъ поспъшно береть шляпу).

Эмили (вставая). Благодарю! Вы доставили мнъ большое удовольствіе.

вольствіе. Жюль. Очень радъ... но я... конечно, это вамъ пріятно... Честь имъю кланяться. Эмили. Господинъ Клервиль!

Жють (останавливаясь). Что прикажете!

Эмили. Вы много побъдъ одержали въ жизни?

Жюль. Что за вопросъ?

Эмин. Очень простой. Я спросила это потому, что вы, кажется, плохо знаете женское сердце.

Жоль. Какь-съ?

Эмил. И слишкомъ скоро теряете надежду на успъхъ.

Жюль (всторону). Нътъ! ужъ это изъ рукъ вонъ.

Эмили. Послушайте. Ваше благородное лицо, ваша прямизна и откровенность, наконець, ваша дружба съ моимъ мужемъ внушають мнъ довъріе. Я хочу быть съ вами откровенна...

Жюль (всторону). Уйти или остаться: воть въ чемъ вопросъ?..

. О, гдъ мое спокойствіе и хладнокровіе.

Эмили. Знаете-ли: я скучаю, смертельно скучаю. Жюль. И вамъ хотълось бы развлечься?

Эмили. За нъсколько минутъ вы сказали мнъ то, что я сама повторяла себъ тысячу разъ... вы нарисовали мнъ картины, которыя часто являлись моему воображенію...

Жюль (всторону). О, я дуракъ! О, я дуракъ!

Эмили. Я казалась спокойной... но сознаюсь, эти мечтанія тревожили мою душу... и я начинала думать...

Жюль. О чемъ? о чемъ? - закономод произ в Т

Эмили. О томъ, что положение мое ужасно, невыносимо... Но до нынъшняго дня я пугалась этихъ мыслей... я отгоняла

ихъ отъ себя всей силой моей воли... Жюль. А сегодня, какъ видно, онъ ужъ не кажутся вамъ . такъ стращны?.. (всторону). Бъги! бъги, безумный мужъ! Ты самъ наложилъ на себя руку!

Эмили. Какъ сказать вамъ?.. Можетъ быть слова ваши были отголоскомъ моихъ собственныхъ чувствъ, а, можетъ быть, и сердце мое ужъ переполнилось грустью одиночества,.. но только вы меня совершенно переродили.

Жюль (всторону). Молодецъ! Стоило для этого скакать сюда, сломя голову.

Эмили. И я рышилась послъдовать вашему совъту. Съ нынышняго дня начинаю рядиться, танцовать, кокетничать; выъзжаю въ гости, въ театры, не пропускаю ни одного бала...

Жюль (всторону). Часъ отъ часу нелегче!

Эмили. Свътъ зоветъ меня, удовольствія манять волшебными звуками.... я лечу, увлекаюсь общимъ вихремъ... вы сами сказали: увлеченіе свойственно человъку!

Жюль (всторону). Неужли я сказаль такую глупость!

Эмили. Я блистаю, я нравлюсь, меня ищуть, за мной ухаживають, вокругь меня толпа поклонниковь.... изъ грустнаго усдиненія я попадаю въ міръ восторговъ и волненій и тысячу разъ благодарю мужа, который такъ великодушно разорваль всъ наши связи и предоставиль мнъ полную свободу...

жиль (всторону). Пожаръ, ръшительный пожаръ! и я, глупецъ, самъ поджегъ его!.. О, хладнокровіе! не оставь меня.

Эмили. И такъ, добрый г. Клервиль...

Жюль (всторону). Да, добрый! Еслибъ она знала: весь адъ злобы кинитъ въ моей душъ.

Эмили. Я къ вамъ съ просьбою: вы мнъ подали добрый совътъ, будьте-же моимъ руководителемъ...

Жоль. Какъ! я? Сотира ответ оп визм на от от в пред

У Эмили. Ну, да, вы! Кого же мнв и просить: вы лучній другь моего мужа.

Жюль (всторону). Самъ на бъду нарвался.

Эмили. И для начала... знаете ли что? Сегодня баль и маскерадъ въ Оперъ... Давича вы предлагали мнъ ъхать...

-др. Жюль. Да... я говориль... сэми на прим Т ченест Э чене

Эмили. Я принимаю ваше предложение: повдемте.

Жюль. То есть... на балъ, съ вами...

1 (оЭмили: о Согласны? ване у деления подтика по впожала R .

жиль. Но, сударыня... (всторону.) Воть я и у праздника!

Эмили. Тамъ върно очень весело?

жиль. Да, да... очень... даже черезъ чуръ — и потому...

Эмили. Мы вдемъ непремънно! — Мари!

There, Make reagate bown .XI beauty to the Cross mann-chan o reasonnes andres concreteness of reserve to the contre

-мот пр предоставления при же, мари, мотры дву пове придос

мари. Что прикажете? — за под доставление в под

Эмили. Повзжай поскоръй къ модисткъ, возьми для меня хорошенькое домино.

Мари (съ удивленівнъ). Какъ, сударыня! вы вдете въ маскерадъ?

Эмин. Да, вду.

Мари. Съ господиномъ Клервилемъ?

па Эмили. Да. Алекая выплания выплания полительной полительной

Мари (уходить). Ого-го-го! Воть оно куда пошло.

Эмили. Мари! от пот верхня в выпользя в полити.

Мари. Что прикажете?

Эмили. Ужинъ приготовить въ моемъ будоаръ...

Мари. Для васъ только, или и для г. Клервиля?

Эмили. Если ему будетъ угодно...

Жюль. Помилуйте, мнъ очень пріятно... (всторону). Весь аппетить пропаль!

Эмили. Иди же.

Мари. Иду. (Всторону). Опять ничего не понимаю... Ну, да я здъсь всего десять дней. (Уходить).

Эмили. Ну-съ, господинъ Клервиль... Будте же въжливы, любезны...

Жыль (всторону). Вотъ, приходится волочиться за женою.

Эмили. Что жъ вы меня не благодарите?

жиль. За что это?.. Ахъ, да, конечно... я намъ очень... очень благодаренъ.

Эмили. Съ какимъ видомъ вы мнъ это говорите.

жиль. Это неожиданность... радость, досада... то есть—счастіе... (Всторону). Вотъ положеніе!

Эмили. Странно! Глядя на васъ, нельзя подумать, что вы счастливы.

жиль. У каждаго счастіе выражается по-своему. (Всторону). Я должень ей казаться ужаснымь дуракомь... но все равно!

Эмини. Я хочу, чтобъ вы были веселы, довольны, потомучто я сама намърена веселиться до сумасшествія.

жить (всторону). Кончено! садись въ повозку и катай, куда глаза глядять.

Эмили. Теперь мнв надо все приготовить къ моему тоалету... я хочу быть очаровательна... До свиданія! Я сейчасъ распоряжусь... Вашу руку, мой милый кавалеръ...

Жоль (растерявшись, сперва подаеть ей стуль, потомь шляпу). Эмили. Ха, ха, ха! какой вы разсъянный! (Она береть его подъ руку, онъ провожаеть ее до дверей). До свиданія...

Жють (цилуеть ел руку). До пріятнаго свиданія...

Brieff, Sto go Menn of Enchoron: E byly down Mounds,

спосминость, при присте

Super Heyston and ground; see a de' nakey rome manacopal But the sport there seeks par Beauty He named the

амония р этинизант и ЖЮЛЬ одинь.

Безподобная женщина! А я обвиняль ее въ холодности, въ нечувствительности... помилуйте, да она хоть мертваго разогръетъ! Дъло ясно: она влюбилась въ меня по уши... Но въдь она моя жена! Вотъ что гадко! Это просто низость, преступленіе... Ужъ лучше бы она меня ненавидъла! А то, помилуйте: маскерадъ въ Оперъ, ужинъ вдвоемъ, въ будоаръ, веселитъся до сумасшествія... и такъ далье, и такъ далье... Тутъ есть отъ чего съ ума сойти! Нътъ! ни минуты не останусь! Вдаль, въ глушь, въ непроходимые льса, къ тиграмъ, медвъдямъ, къ дикарямъ... Тамъ меня съъдятъ живаго, но, по крайности, не растерзаютъ сердца! О, женщины, женщины! порождение крокодиловъ! Поцълуй на губы и кинжалъ въ сердце! Стоитъ васъ только оставить на два года и...

Muss. Read Shorker standards .. To cone come paner avects

Small, Mo mis reem man the galland Somerouse orangers are more accurrant

Mura. Oxpanaya naca

Sours Toras ... Tor

THE MENT AND THE

жюль, эмили. Sman Cangura sa succes?

Эмили (подходя). Готово.

Жиль. Готово? по виден и Полимота на пи окат.

Эмили. Да, все готово! Теперь я ваша.

жиль (всторону). Не выношу! Спокойствіе и хладнокровіевсе лопнуло! (Вслухъ). Прошу извинить меня-я долженъ васъ nonspanych... He cent one medaca apreces оставить.

Эмили. Какъ?

Жюль. Очень важное дъло, не терпящее отлагательства...

- во Эмили. Вы шутите. нападана и - движдувания по допод и

Жюль. Мив вовсе не до шутокъ... напротивъ...

Эмили. Жаль. А я надъялась провести время такъ весело, вмъстъ съ вами... Но дълать нечего... не хочу затруднять васъ. Я поъду одна.

Жюль. Одна! въ оперный маскерадъ... въ эту толпу, въ этотъ содомъ, въ этотъ шабашъ...

Эмили. Неужли вы думаете, что я не найду тамъ кавалера? Жиль (всторону). Вотъ тебъ на! (Вслухъ). Но, помилуйте, скромность, приличіе...

Эмини. Это до меня не касается: я буду подъ маской.

жиль (всторону). Заръзала! (Ей) Но, подумайте о вашемъ мужъ, о несчастномъ Жюлъ...

Эшили. О моемъ мужъ? У меня нътъ мужа! Я свободна... вдова, и хочу пользоваться всъми моими правами.

жить (всторону). Нътъ, это погибшая женщина! Но все равно! Она жена моя, носитъ мое имя, и я не могу допустить...

Эмили (переда зеркалома). Что вы мнъ посовътуете надъть на голову? испанскую наколочку, цвъты или хорошенькую уборку изъ лентъ?

Жиль (въ сильномъ волненіи). Ничего!

Эмели. Какъ! Простоволосой?

Жюль. Нътъ! Но вы не повдете въ этотъ маскерадъ.

Эмили. Это отчего?

Жюль. Оттого — что не поъдете... Вамъ неприлично тамъ быть.

Эмили. Но вы сами мнв предлагали.

Жюль. А если это было испытаніе?

Эмили. Испытаніе!

жиль. Если я хотъль увъриться, — то-есть, если вашъ мужъ послалъ меня...

Эмили. Слъдить за мною?

Жиль. Охранять васъ.

Эмили. Дъло не въ словахъ. И вы ръшились...

Жюль. Я только повиновался сердцу... несчастного моего друга... Повзжай, сказаль онъ мнъ, отыщи мою жену, удостовърься, любить ли она меня... тогда я измъню моей клятвъ и возвращусь... Но если она любить другаго...

Эмили. Тогда... что?

жиль. Онъ не договорилъ... рыданія заглушили его голосъ. Змили. Очень жаль вашего друга.

estimate in the contract of the contract of the contract of the contract of

XII. Waterm ommer, ordered speak

district its limit is in the limited of the alternation which

ТЪ ЖЕ, МАРИ.

TANKSTONE AND AND THE PARTY OF

Мари. Все готово. Домино въ вашей уборной. Ужинъ будетъ поданъ, когда прикажете.

Жюль. Позвольте мнъ откланяться.

Мари. Что это? Онъ опять вдеть.

Эмили. Отошли домино въ магазинъ, мы не вдемъ въ маскерадъ...

Жиль (хватаясь за грудь). Уфъ, отлегло!

Эмили. Мы останемся дома и отужинаемъ вдвоемъ съ г. Клервилемъ... вели приготовить шампанскаго.

Жиль (всторону). Опять!

Мари. Слушаю. Ну, а какъ неровно вашъ мужъ...

Эмили. Такъ что-же? Ему не за что сердиться.

Мари (всторону). Не понимаю! Ну, да я всего десять дней въ домв.

Жюль. Не за что сердиться?.. А оперный маскерадъ! а шампанское, а ужинъ tête-à-têtie съ...

Эмили. Съ лучшимъ другомъ моего мужа.

Нюль. А дуэтъ въ sol mineur... «Мой милый Жанино, тебя я люблю» и прочее... все это ничего?

Эмили. Извините! Я, право, до-сихъ-поръ не знала, что замужней женщинъ запрещено пъть дуэты съ... съ своимъ мужемъ.

Жюль. Какъ! Что?.. Позвольте, что вы сказали?

Эмили (подавая ему письмо). Прочтите... Это письмо отъ моего отца. Онъ увъдомляетъ о вашемъ исцълении и объ отъъздъ въ Парижъ.

Жюль. Спокойствіе и хладнокровіе! вы не помогли!

Эмили. Вы можете упрекнуть меня за одно: за мою непроницательность. Безъ этого письма я никогда бы васъ не узнала.

Жюль. О, какъ я счастливъ! (Цълуетъ ея руки).

Эмили. А, господинъ Жюль Дюле! Вамъ хотвлось плънить свою жену?

1/2

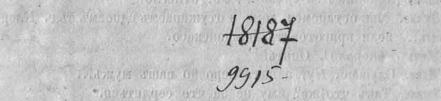
Жюль. Ради Бога, не говорите объ этомъ... вы жестоко мнъ отомстили.

Мари. Да, сударыня! Надо простить господина Дюле... въдь мужъ, который ухаживаетъ за женой, большая ръдкость.

Эмили. Пожалуй, но съ условіемъ: мосье Жюль, вы должны какъ можно дольше играть роль Клервиля.

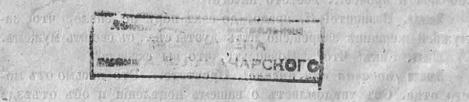
Жюль. О, всю мою жизнь, клянусь вамъ... (Всторону). Ужъ для того, чтобъ друзья не заняли этой роли.

Эмили. И такъ, комедія наша кончена! Раскланяемся и поскоръй за кулисы; тамъ ждетъ насъ ужинъ и доброе согласіе!

amines because amornion, madagers, all arrows

AND THE SECOND REPORT OF THE PARTY OF THE PA

some of the contraction and the contraction an

Coning as a heigen to tage to get in definit of a con-

tions, aredex, oracle a by Self tomberson at the baseline

and a late of the second of the contract of the second second of the sec

o north commonly. Thought after a second to be an article to seconds.

".naanuaneo ego